

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

НЕ ДАЙ,
ОТЧИЗНА,
УМОЛЧАТЬ...

КНИГА ПАМЯТИ

АФГАНИСТАН
1979-1989

**Из Закона Российской Федерации
«Об увековечении памяти
погибших при защите Отечества»**

Уважительное отношение к памяти погибших при защите Отечества или его интересов является священным долгом всех граждан.

Статья 2. Формы увековечения памяти погибших при защите Отечества.

Основными формами увековечения памяти погибших при защите Отечества являются:

сохранение и благоустройство воинских захоронений, установка надгробий, памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших;

сохранение и обустройство отдельных территорий, исторически связанных с подвигами погибших при защите Отечества;
занесение фамилий погибших при защите Отечества и других сведений о них в Книги Памяти.

• РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ •
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

**НЕ ДАЙ,
ОТЧИЗНА,
УМОЛЧАТЬ...**

КНИГА ПАМЯТИ

**АФГАНИСТАН
1979-1989**

Санкт-Петербург
ИПК «ВЕСТИ»
1997

**Книга подготовлена по просьбе родных и близких воинов,
павших в Афганистане**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. ГУСТОВ

(почетный председатель),

В. Н. КЛИМОВ

(председатель),

Ю. А. ПАВЛОВ

(сопредседатель),

В. С. ПОНОМАРЕВ, М. М. МИХАЙЛИЧЕНКО

(заместители председателя),

В. А. АНТОНОВ, В. С. БЕЛОУС, В. И. БРЕЗГУН,
В. Ф. ВИНОГРАДОВ, Г. М. ГАМЗИН, Н. М. КАЛАШНИКОВА,
Н. И. ПРОХОРОВА, Г. Г. САФРОНОВ, В. П. ЧЕРЕМНЫХ, М. Л. ЯКОВЛЕВ

НАД КНИГОЙ РАБОТАЛИ:

автор-составитель, руководитель рабочей группы

Н. М. КАЛАШНИКОВА,

члены рабочей группы

Н. И. ПРОХОРОВА, Т. Л. ОСИПОВА,

военный консультант

В. П. ЧЕРЕМНЫХ

В работе над книгой

также принимали участие:

С. В. ВАРЗИН, В. В. ИВАНОВ, Е. С. НУСТРАНД,

Г. П. СИМАКОВА, В. А. ЦЫГАНКОВ

Редактор

В. С. СИМАКОВ

Художник

А. В. МАЛАФЕЕВ

Карты-схемы подготовили:

Д. Л. ДОМАШЕВ, В. М. ИВАНОВ, З. Е. КЛУБОВА

На фронтисписе: военную присягу принимает В. Мокеев.

Память...

Только, может быть, за далью лет она становится более нужной всем нам, и тем, кто будет после нас.

Память о погибших — долг каждого живущего.

Как мне ответить на немые вопросы отцов, матерей, вдов, детей солдат афганской войны... Могу только низко склонить свою голову перед ними.

Невозможно жизнь повернуть вспять и изменить прошлое...

Сегодня все мы готовы нести Память о тех, кто отдал жизнь за честь Родины.

И скажем слова нашей искренней благодарности создателям этой необыкновенной Книги — мужества и святости, правдивости и лиричности, верности себе и Отечеству.

Книга добра, как сама Память, — даже помянутые павшие своей гибелью призывают к добру.

Будем читать, будем помнить, будем думать...

**Вадим ГУСТОВ,
губернатор
Ленинградской области**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Война в Афганистане не принесла нашей стране ни почестей, ни славы. Для родных и близких тех, кто погиб, афганская война не закончилась выводом войск 15 февраля 1989 года. Она остается кровоточащей раной, которую даже время исцелить не в состоянии. Мы все в долгу перед ними, вечном и неоплатном. И эта скорбная Книга, посвященная погибшим в Афганистане воинам из Ленинградской области, — лишь скромный вклад в нашу общую Память...

Правительство Ленинградской области не забывает о ветеранах афганской войны, воинах-инвалидах, а также престарелых родителях, потерявших своих сыновей. Все они взяты на учет районными администрациями с целью оказания разносторонней социальной помощи, увековечения памяти погибших воинов. В 1993 году создано общественное объединение семей воинов, погибших в Афганистане. В Ленинградской области руководителем-сопредседателем объединения является Н. И. Прохорова. Издание этой Книги также осуществлено на средства правительства Ленинградской области.

Впрочем, работа над ней началась задолго до появления общественного объединения семей воинов-«афганцев». Инициатива создания Книги принадлежит двум женщинам — матерям, потерявшим своих сыновей на афганской войне, — Н. И. Прохоровой из Подпорожья и Л. Н. Калининой из Лодейного Поля.

Они обратились к председателю Областного совета Ленинградской области В. А. Густову с соответствующим предложением. Их инициатива была встречена с пониманием.

Не сразу сложился рабочий коллектив Книги. На первом этапе с 1992 года большую помощь в сборе материала оказали Е. В. Алексеева, Н. В. Вехорев, В. Ф. Виноградов, А. К. Краснов, А. Б. Тайланова, Г. М. Фомичева, М. Л. Яковлев. 5 марта 1993 года Леноблсовет принял решение о создании Книги Памяти — в соответствии с Законом РФ от 14 января того же года «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества».

Трудно даже перечислить сегодня всех энтузиастов из Ленинградской области, которые откликнулись на призыв авторского коллектива по созданию Книги. Редакторы районных газет ознакомили жителей области со списками воинов-«афганцев», выразив надежду, что читатели откликнутся на просьбу помочь в сборе фактического материала, — и не ошиблись: рабочая группа, созданная при правительстве Ленинградской области, получила 3125 писем, 1329 фотографий из семейных альбомов, 880 личных документов. Члены рабочей группы во главе с Н. М. Калашниковой систематизировали материалы, уточняли информацию, порой противоречивую, о каждом из участников афганских событий.

Поначалу казалось, что письма солдат, их родственников, однополчан, телеграммы, любительские фотографии, странички из записных книжек, дневниковые и магнитофонные записи, газетные и журнальные публикации, стихи, песенный репертуар четырех фестивалей в Тихвине, личные воспоминания участников афганских событий трудно будет систематизировать, ввести в какие-то рамки. Тем более, что постоянно появлялись новые материалы из районных военных комиссариатов области, облвоенкомата, Минобороны и КГБ, штабные документы 40-й Армии. Менялись оценки событий, разными были мнения военных и журналистов. Между тем в Санкт-Петербурге, Выборге и Гатчине, во Всеволожском районе, в Кировске и Лодейном Поле, Тихвине и Тосно, многих других районах, городах и поселках области проходили встречи участников минувших событий.

С другой стороны, даже при таком обилии документальных материалов, противоречивости оценок афганской войны невозможно полно и подробно рассказать обо всем, что происходило в той или иной горячей точке «страны гор и легенд».

Создатели Книги стремились к тому, чтобы она получилась строго документальной, без вымышленных героев и событий, дат, цифр и фактов. Поэтому в ее основу легли письма, архивные документы, свидетельства очевидцев и участников событий. Некоторые исторические документы из архивных источников генерал-лейтенанта В. П. Черемных печатаются впервые.

- Это они — солдаты, офицеры, служащие ВС СССР, прошедшие суровые испытания афганской войны, родственники погибших, их друзья, однополчане, военные журналисты и переводчики — подлинные авторы этого коллективного труда, написанного поистине слезами и сердцем.

Создатели Книги стремились сделать ее доброй и человеческой, показать через судьбу каждого, погибшего в Афганистане, нечто общее, что объединяет поколение 80-х, которому на долю выпала «своя война». И сегодня еще много рассуждают у нас о том, была ли это «интернациональная помощь», трагическая ошибка, стратегическая необходимость, «преступление», «подвиг поколения»? Только время даст окончательные ответы на эти вопросы. Но ближе всего пояснят наше отношение к тем событиям слова из письма генерала армии В. И. Варенникова, присланного для этой Книги:

«Война в Афганистане, как и любая война — это трагедия человечества. А для нашего народа эта война вдвойне трагична, потому что велась на территории другого государства, в непривычных природно-климатических условиях, а также при слабом знании традиций этого народа, религиозного уклада, родоплеменных и этнических отношений. Кроме того, мировая общественность не была убеждена в правомерности нашего участия в этой войне, хотя у нас и был с Афганистаном договор о дружбе и взаимопомощи.

Однако, если говорить о выполнении нашими воинами своего служебного долга, то это было исполнено с честью и достоинством. Наши солдаты и офицеры предпринимали все меры по стабилизации военно-политической обстановки в Афганистане. Гибли, но выполняли поставленные задачи.

Афганская война уходит в историю, но память о наших воинах, павших в бою, в том числе и ленинградцах, должна быть вечно с нами».

Создатели Книги, рассказывая о судьбах 92 молодых людей, не вернувшихся домой, не могли обойти вниманием общую обстановку в Афганистане тех лет. Здесь были использованы оценки и выводы ряда военачальников, журналистов, историков. И все же Книга — не энциклопедия, она не претендует на полное и всестороннее освещение афганской войны и участия в ней ленинградских воинов. Военно-исторические «связки» между очерками лишь создают фон, на котором приходилось действовать нашим героям.

Книга состоит из 92 очерков о погибших на афганской войне воинах Ленинградской области. В их основе - письма самих ребят и документальные рассказы близких. Расположены они хронологически - по датам гибели. Каждый из десяти разделов - по годам - открывается документальным военно-публицистическим предисловием, дающим представление о том, в какой обстановке и где приходилось действовать воинам из Ленинградской области, в решении каких задач участвовать. И только в заключительных комментариях к итогам каждого года мы иногда позволяли себе давать собственные оценки.

Происходившие события иллюстрируют карты-схемы, подготовленные группой художников-картографов. И конечно, документальные фотографии из личных архивов, присланные в Книгу родными и близкими погибших воинов. Использованы также и репортажные снимки участников афганских событий А. С. Каратецкого, К. К. Мелякова, В. И. Сысоева.

Вчитайтесь в очерки. Всмотритесь в эти лица. Вы еще раз остро почувствуете боль утраты, горе родных и близких, потому что судьба каждого человека неповторима. Потому что любая война обрывает жизнь воина в пору расцвета...

Рабочая группа Книги Памяти БЛАГОДАРИТ

за оказание финансовой помощи Правительство и Законодательное собрание Ленинградской области; издательско-полиграфический комплекс «Вести»; Межпарламентскую ассамблею СНГ; Областной военный комиссариат; Объединение семей воинов, погибших в Афганистане, г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области; администрацию Лодейнопольского, Подпорожского районов и г. Сосновый Бор; АОЗТ «Лодейнопольский ДОК»; Мостоотряд № 11 (г. Санкт-Петербург); руководителей предприятий города Выборга - АО «Инфлот СПб», АО «Выборгский судостроительный завод», Выборгское предприятие по обеспечению нефтепродуктами, Выборгское пассажирское автопредприятие, Дом торговли и магазин «Фуракс», Комитет по управлению муниципальным имуществом, МП «Юниформ», АООТ УПП; РЦ-3 - Петродворцовый филиал; Волосовский совет ветеранов войны и труда; АООТ Пикалевское объединение «Глинозем»; Отдел социальной защиты населения; ТОО «Юбилей»; клуб семей воинов-интернационалистов «Память» г. Подпорожье; воинские части и музеи Ленинградской области.

Особую благодарность выражаем сотрудникам ИПК «Вести» за самое деятельное участие в решении возникавших у редакции проблем.

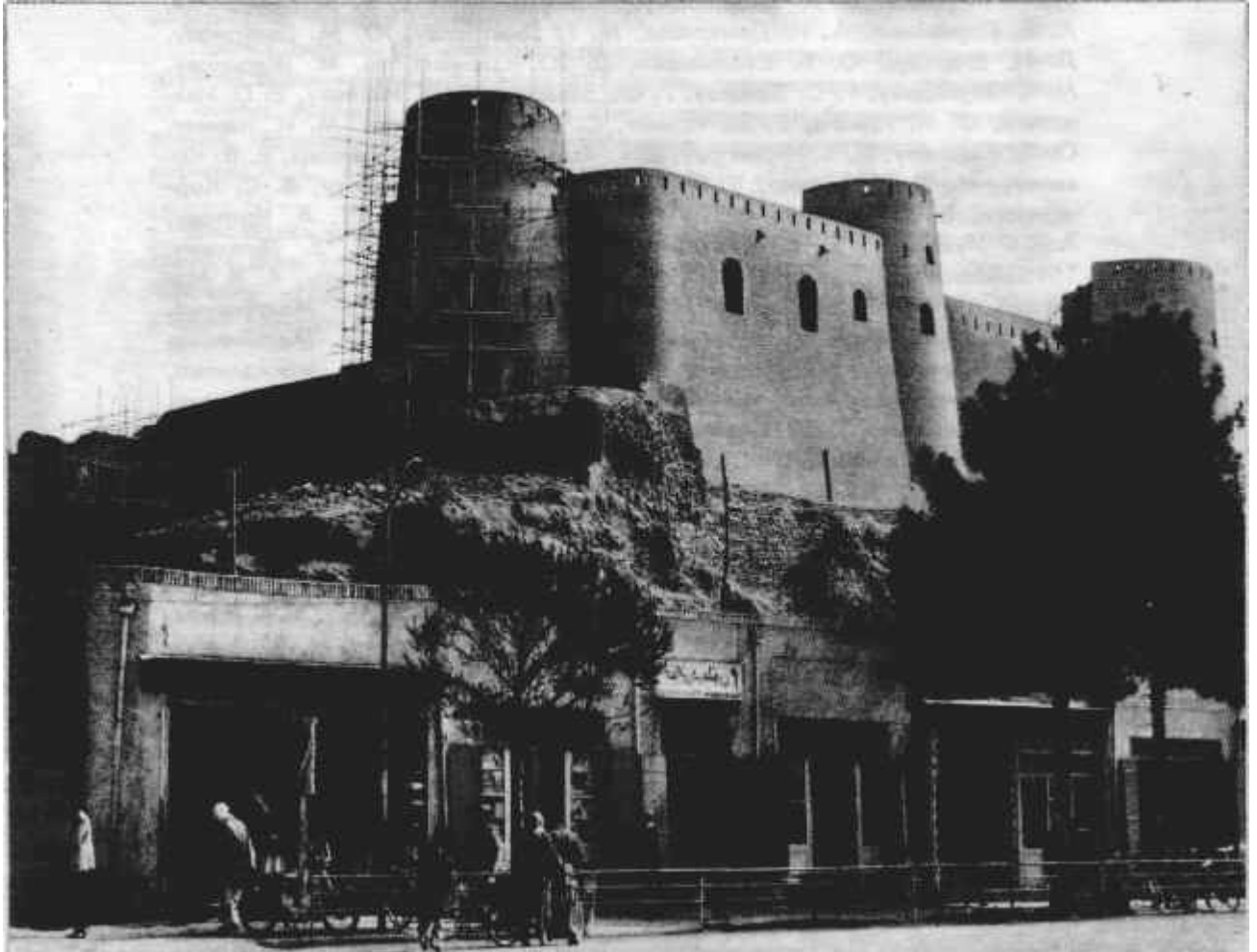
Выражаем благодарность зав. редакцией ИПК «Вести» В. А. Кандыбко, доктору исторических наук А. П. Крюковских, публицистам Б. Г. Белоголовому, В. В. Иванову, Г. Н. Ключину, А. Г. Тютенкову за помощь в работе над рукописью.

Благодарим Ю. А. Павлова за помощь и поддержку при создании Книги Памяти.

Благодарим всех, кто окружил нас заботой и вниманием во время сбора материалов для Книги Памяти, и в первую очередь родственников погибших, а также жителей Ленинградской области, Санкт-Петербурга и

других городов: В. В. Алесину, А. А. Амирбемян, С. П. Асавкина, Е. В. Бармук, В. Н. Бартенева, В. Ф. Батракова, Е. И. Безбородкина, К. Г. Безкоровайного, С. Н. Биринову, В. М. Бондарь, Г. П. Бондарь, Е. В. Булавкина, Б. Ф. Булгакова, А. А. Буйдову, П. А. Васильева, З. Д. Ветрову, Н. В. Вехорева, А. И. Виноградова, М. А. Виноградова, Л. В. Власову, А. А. Волкову, Р. А. Габриэлян, Т. В. Гамзину, Г. Ф. Горбунова, А. Ю. Гехт, А. Г. Глебову, Л. П. Гуляеву, С. И. Гусеву, Г. В. Дваса, С. Д. Дворникову, А. В. Дементьева, Е. В. Демидчика, А. Б. Деревянко, А. И. Дмитриева, М. Г. Дмитриеву, Ю. М. Дьяконову, Л. Н. Егорову, Ю. Б. Емельянова, Д. Ю. Еремина, М. И. Жаринову, М. С. Жулидову, Г. С. Зайцеву, Г. Ф. Захарову, Г. И. Иванову, Е. П. Иващенко, О. Н. Ильина, В. М. Ильину, С. М. Калашникова, М. И. Калину, О. П. Качалову, И. В. Кириллову, Е. Г. Клюенкову, В. В. Клявина, Е. В. Ковалеву, И. Ф. Коваленко, В. Н. Кононову, Г. В. Коровякову, В. С. Корчемного, Е. В. Костицыну, З. П. Косову, Г. А. Котову, Т. А. Кротову, А. И. Кузьмину, Т. Г. Кузнецову, Л. П. Лебедеву, Л. З. Липкович, Т. Н. Лисицыну, Л. М. Глушко, Э. Г. Лопанцева, Т. В. Майлину, А. В. Макарова, В. Ф. Максименко, С. А. Максимову, В. П. Мантуленко, Т. И. Медведеву, М. В. Мезенцева, К. К. Мелякова, Д. А. Мельникова, В. В. Меренова, А. В. Мордовина, В. Ф. Морозова, А. В. Москаленко, В. Б. Никифорова, Т. Н. Никифорову, В. И. Николаева, А. С. Николаеву, Г. А. Николаеву, С. В. Нечипоренко, О. Б. Омелину, Отца Михаила (Николаева), В. Г. Павлова, Л. М. Павлову, Ю. Г. Павлова, Г. А. Панибят, Т. В. Панову, С. Ф. Парфенова, Ю. В. Петрова, Л. И. Петушкову, Л. Д. Петухову, Р. Ф. Печорину, С. П. Пикта, Г. В. Платову, Г. В. Подберезкину, Е. П. Поддубную, М. Н. Поляницу, Л. С. Попову, А. Н. Поповского, Н. С. Пospelову, В. П. Прокопенко, П. В. Прохорова, Б. А. Пушкарева, Е. В. Репину, В. Г. Романенко, Н. В. Рыжих, А. С. Свицова, Т. И. Семенченко, С. М. Сидоренко, З. И. Солину, Н. Б. Старостину, В. И. Снигиреву, В. С. Стрепетова, Л. И. Стрепетова, В. И. Сысоева, В. А. Скоробогатова, Л. А. Смирнову, О. Н. Соколову, Л. К. Сомова, Н. И. Степанову, Г. В. Табуреткина, С. Е. Ткач, Г. И. Топорову, В. В. Трегуб, З. П. Трошину, А. Н. Туманова, О. А. Туманову, И. М. Тюшкевич, В. А. Федотову, Г. М. Фомичеву, Е. М. Хамдард, З. Е. Хлямову, Л. В. Худяк, Л. А. Цветкову, В. К. Чайковскую, Н. И. Черкасову, Ю. Б. Черникова, С. Г. Чубич, О. А. Шебалину, Л. П. Шаляпова, Т. Д. Шарову, А. И. Шелег, С. П. Щедловскую, В. И. Яковлеву, М. Л. Яковлева, Л. П. Якушеву, В. И. Яфанову.

Рабочая группа выражает признательность всем, кто содействовал выходу Книги Памяти.

Крепость в Герате, построенная в IV веке до н. э. Александром Македонским, сохранилась в первозданном виде до наших дней.

ПРОЛОГ ТРАГЕДИИ 1978—1979

Исторически с Афганистаном у нас складывались добрые отношения. Южный сосед первым в мире признал Советскую Россию, а наше руководство в мае 1919 года заявило о готовности обмениваться посольствами с Афганистаном. В последующем, особенно в 50-е годы, по просьбе афганских руководителей на территории дружественного нам государства силами советских специалистов сооружались электростанции, оросительные комплексы, хлебозавод, домостроительный комбинат и другие объекты. Совместными усилиями была проложена автомагистраль через перевал Саланг, связавшая северные провинции страны с Кабулом.

Однако по социальным, культурным, правовым проблемам население Афганистана оставалось «на задворках» цивилизации. В стране господствовали феодальные отношения, и большая часть населения оставалась бедной, забитой, неграмотной. В такой обстановке 1 января 1965 года состоялся первый съезд Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Эта партия и возглавила прогрессивно настроенные силы.

Осенью 1965 года НДПА приняла участие в парламентских выборах и провела в палату четырех депутатов, в том числе будущего лидера страны Бабрака Кармаля. В 1966 году партия начала издавать газету «Хальк» — в переводе «Народ», — но после выхода шестого номера власти ее закрыли. Между тем недовольство режимом росло.

В дальнейшем в годы подъема демократического движения внутри НДПА возникли разногласия. В повседневной жизни партии все отчетливее стали проявляться клановые, племенные, религиозные, националистические предрассудки. Образовались две фракции. Одну из них, фракцию халькистов, возглавил Н. М. Тараки, а другую — парчамистов — по названию газеты «Парчам» (в переводе — «Знамя») — Бабрак Кармаль. Лишь в марте 1977 года между враждующими фракциями было достигнуто соглашение, и в июле состоялась объединительная конференция.

Отсутствие единства в рядах партии усугубило стоящие перед ней проблемы. После так называемой «Апрельской революции» 1978 года разногласия в партии вспыхнули с новой силой. Как

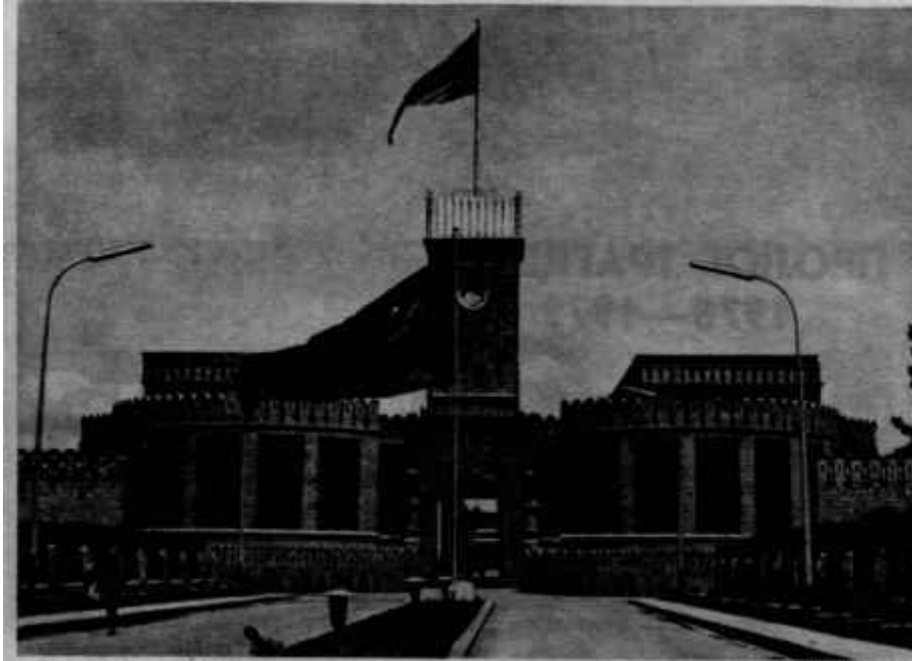
известно, лидеры НДПА за несколько дней до т. н. «Апрельской революции» были арестованы и содержались в одной из городских тюрем. Это произошло после массовой манифестации при похоронах одного из видных партийных активистов, который был убит 17 апреля. В такой обстановке Абдул Кадыр и Аслам Ватанджар возглавили военный переворот. Во дворец, в котором находился глава правительства М. Дауд, ворвалась группа военных во главе с Имамуддином. В перестрелке Дауд был убит, а Кадыр и Ватанджар вечером 27 апреля объявили по радио о «Саурской революции» (Саур — название месяца. 21 апреля соответствует 1 Саур. 27 апреля, соответственно, — 7 Саур). Руководители партии Н. Тараки, Б. Кармаль и другие были освобождены из тюрьмы.

Однако обстановка в некоторых провинциях страны сразу же обострилась. Уже 6 мая министр национальной обороны ДРА полковник Абдул Кадыр в беседе с главным военным консультантом генерал-лейтенантом Л. Н. Гореловым прямо сказал, что «враги революции поднимают голову и начинают действовать». Далее он сообщил: «Число арестованных лиц достигло десяти тысяч, все тюрьмы переполнены». Так началась гражданская война, которая продолжается и по сей день. Только с апреля 1992 года она идет уже между оппозиционными партиями в борьбе за власть в Кабуле.

В ту пору советское руководство трактовало события в Афганистане как победу национально-демократической революции, а вспыхнувшие боевые действия считало необъявленной войной, которая велась моджахедами при помощи ряда стран, и в первую очередь Пакистана, не без участия США.

К сожалению, пришедшая к власти НДПА, хотя и обещала дехканам землю и воду, удовлетворение социальных нужд, не смогла решить эти насущные проблемы. Феодалы действовали более напористо, они не собирались отдавать власть.

В рядах самой партии не удалось достигнуть единства. Разногласия вылились в акции преследования — сначала со стороны халькистов, а после ввода 40-й Армии — парчамистов. И все же при-

Въезд в бывший королевский дворец (с 1978 года - «Дом народа») в центре Кабула.

существование наших войск сдерживало их порывы. Таким образом, распри внутри партии в первое время приобрели форму репрессий против парчамистов, а заодно и строптивых халькистов. По обвинению в заговоре был арестован министр обороны А. Кадыр и заключен в тюрьму Пули-Чархи, где уже сидели будущие премьер-министр С. А. Кештманд и министр обороны М. Рафи. Многие парчамисты из руководства НДПА после назначения на дипломатическую работу объявили себя «невозвращенцами». Среди них и Бабрак Кармаль.

Х. Амин смог войти в доверие к Н. М. Тараки и был кооптирован в состав Политбюро ЦК НДПА. Постепенно он прибирал власть к своим рукам, лишая формального лидера страны реальных рычагов воздействия.

А напряженность в стране возрастала. Еще 1 июля 1978 года Абдул Кадыр отметил: «В Кандагаре сейчас напряженная обстановка, мы вынуждены везде посылать войска для наведения порядка».

После ареста А. Кадыра Хафизулла Амин в беседе с генерал-лейтенантом Л. Н. Гореловым 1 сентября 1978 года сказал, что «мы хотим иметь хорошо обученную и боеготовую армию» и просил «командировать в ДРА хоть 10 000 советских советников».

Глава государства Н. М. Тараки признал: «Обстановка в стране не очень спокойная: то в одном, то в другом районе реакция поднимает голову... Единственной опорой у нас является армия, на которую мы возложили все функции по управлению государством». Одновременно Тараки просил ускорить поставку вооружения

и военной техники, а также оказать помощь афганскому народу и направить в страну советские войска.

В марте 1979 года в провинции Герат началось открытое антиправительственное выступление. Мятеж удалось подавить. Сразу же, как только в Москве стало известно о гератских событиях, члены Политбюро ЦК КПСС обсудили создавшееся в Афганистане положение и поручили А. Н. Косыгину переговорить с Н. М. Тараки, руководствуясь состоявшимся на Политбюро обменом мнениями. В ходе этого разговора из уст Тараки прозвучала прямая просьба о вмешательстве Советского Союза: «Я предлагаю, чтобы вы на своих танках и самолетах поставили афганские знаки, и никто ничего не узнает. Ваши войска могли бы идти со стороны Кушки и со стороны Кабула». Однако Косыгин возразил: «Вы упрощаете вопрос. Это сложный политический, международный вопрос. Но независимо от этого, мы еще раз посоветуемся и дадим ответ».

20 марта Тараки прилетел в Москву, пытаясь именно здесь отыскать выход из критического положения. Его просьба о вводе советских войска в Афганистан была отвергнута.

Между тем вооруженные столкновения правительственных войска с отрядами оппозиции продолжались. В последующем афганские лидеры многократно обращались за военной помощью к советскому руководству: в течение лета 1979 года — девять, в октябре-декабре — шесть раз. Так однажды Х. Амин откровенно сказал: «Пребывание советских подразделений в Кабуле придаст нам уверенность в наших действиях и позволит высвободившиеся подразделения наших

войск использовать для борьбы против контрреволюционных элементов».

Дальнейшие события вышли из-под контроля Тараки. Возвращаясь из поездки в Кабул, он встречался в Москве с советскими руководителями, а когда 11 сентября прибыл в Кабул, то заявил: «Будем лечить в партии раковую опухоль». Надо полагать, Тараки получил какую-то настораживающую информацию в Москве. Но Х. Амин в борьбе за власть сделал упреждающий ход: 13 сентября снял с постов четырех руководителей: министров госбезопасности, МВД, связи и по делам границ. Это возмутило Тараки. По настоянию советских представителей Тараки пригласил 14 сентября Амина на встречу в присутствии посла СССР и советских военачальников.

Однако встреча не состоялась. Когда Амин и сопровождающие его лица прибыли к резиденции Тэраки, охранниками была спровоцирована перестрелка. Погиб главный адъютант Тарун.

На другой день, 15 сентября, на пленуме ЦК НДПА Н. М. Тараки был освобожден от своих обязанностей. Генеральным секретарем партии стал Хафизулла Амин. Что касается Тараки, его судьбе не позавидуешь: сначала — домашний арест, а 8 октября его задушили офицеры — разумеется, по указанию пришедшего к власти Амина.

В течение осени Х. Амин продолжал настаивать на оказании военной помощи. 3 октября 1979 года в беседе с главным военным советником генерал-полковником С. К. Магометовым он сказал следующее: «Мы готовы принять любые ваши предложения и планы. Мы предлагаем вам смелее принимать участие во всех наших делах... Я преданный советист и прекрасно понимаю, что если бы не было в МНР вашего

присутствия, то МНР не продержалась бы и одного дня. Китай бы проглотил ее. Так почему вы стесняетесь сотрудничать с нами так, как с Монголией? Вы же знаете, что ДРА идет по пути построения нового общества, без классов, у нас общая марксистско-ленинская идеология и наша цель — построение социализма в ДРА».

Однако, дни пребывания Х. Амина и его приближенных у руля руководства также были сочтены. В декабре 1979 года события развивались так:

8 декабря. Высшее советское руководство во главе с Л. И. Брежневым совещалось и оценивало сложившуюся в Афганистане ситуацию.

10 декабря. В Генштабе стали известны разногласия между Д. Ф. Устиновым и Н. В. Огарковым. Начальник Генштаба возражал против ввода войск в Афганистан и предлагал искать политическое решение. Однако Устинов устно распорядился формировать 40-ю Армию.

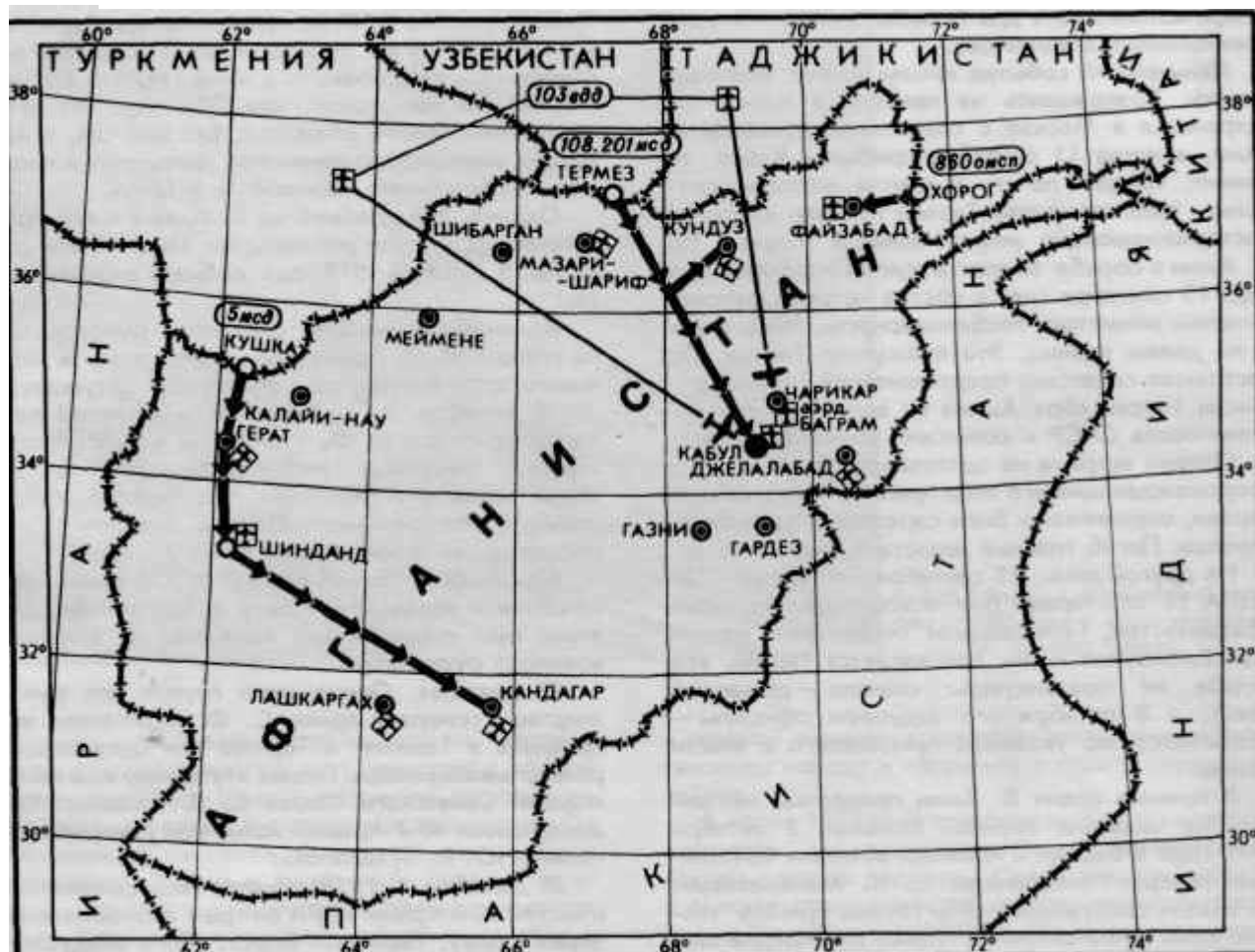
12 декабря. Политбюро ЦК КПСС принимает решение о вводе 40-й Армии в Афганистан. Об этом знал ограниченный круг лиц из высшего военного руководства.

13 декабря. Оперативная группа под руководством генерала армии С. Ф. Ахромеева направлена в Ташкент и Термез для организации развертывания войск. Позже эту группу возглавил маршал Советского Союза С. Л. Соколов. Командующим 40-й Армией назначили генерал-лейтенанта Ю. В. Тухаринова.

25 декабря. С 15.00 начался ввод соединений и частей 40-й Армии в ДРА по трем направлениям: через Кушку, Термез и Хорог. 103-я воздушно-десантная дивизия перебрасывалась Военно-транспортной авиацией на аэродромы Кабул, Баграм и частично Кандагар.

Одна из улиц в центре афганской столицы.

Маршруты ввода 40-й Армии в Афганистан.

Начало ввода войск — 15.00 25 декабря 1979 г. Две дивизии (108 и 201 мсд) следовали из района Термез своим ходом в Кабул и Кундуз соответственно. Одна дивизия из района Кушка — в Герат, Шинданд и Кандагар; один полк — в Файзабад (через Хорог). 103 ввд перебрасывалась военно-транспортной авиацией в Кабул и Баграм.

27 декабря. Спецподразделение «Зенит» штурмовало дворец «Топайи-Таджбек», глава государства Х. Амин убит. По радио передали обращение Бабрака Кармалы, в котором новый глава государства сказал, что власть принадлежит всему народу...

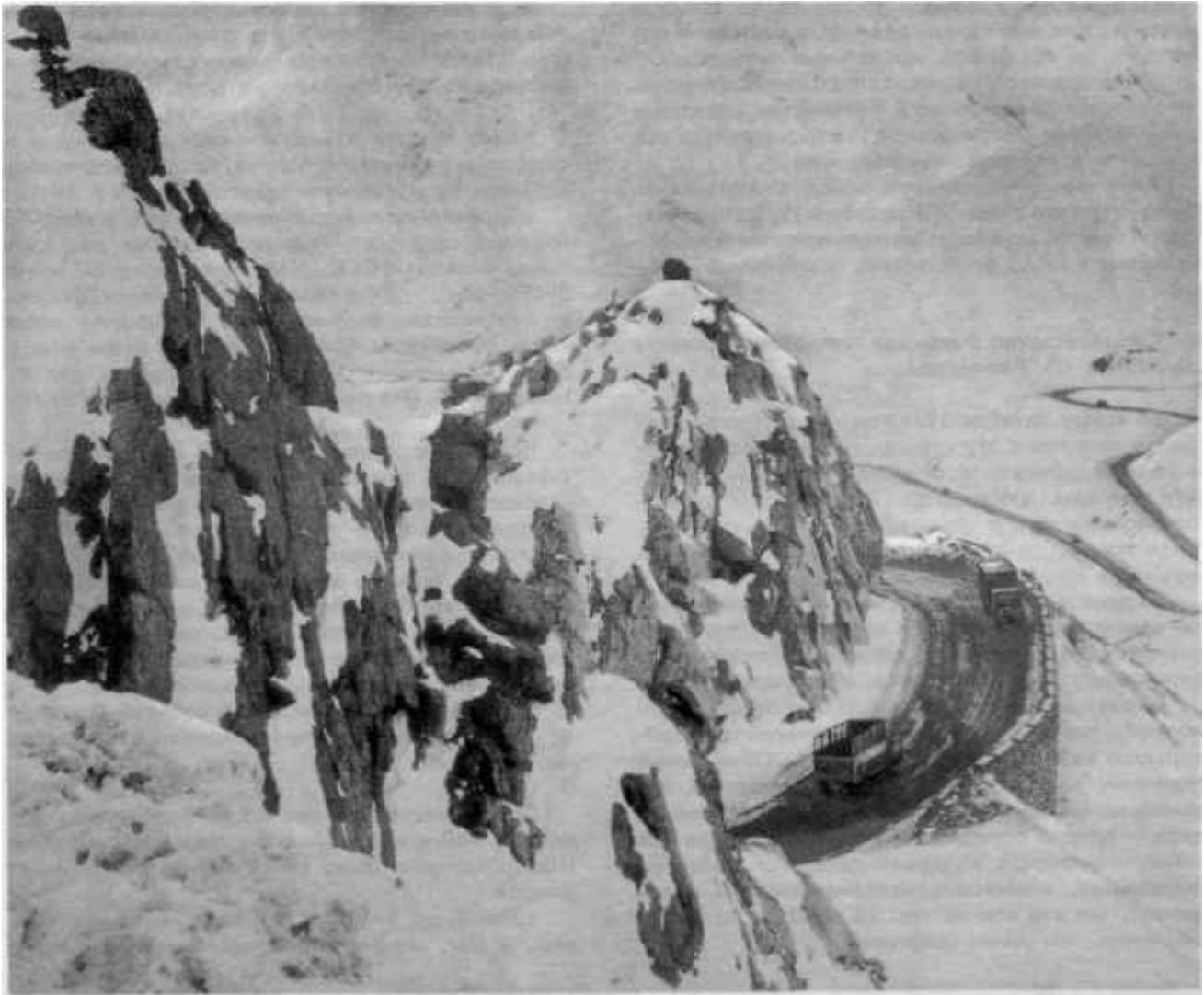
Но дальнейшие события лишь свидетельствовали о разгорании гражданской войны в Афганистане. К концу 1979 года отряды моджахедов действовали в большинстве провинций страны, действовали в открытую, проводили террористические и диверсионные операции и наносили этим огромный экономический ущерб и без того нищей стране...

Как объясняли личному составу 40-й Армии обстановку тех дней? Советникам вручали документ (без подписи) «О единой трактовке вопро-

сов, связанных с изменениями в афганском руководстве и вводом советских войск в Афганистан». В нем события 27 декабря 1979 года преподносятся в искаженном толковании. Достаточно привести только одну фразу: «В ночь с 27 на 28 декабря 1979 года произошло выступление подпольщиков — членов НДПА, поддержанное здоровыми патриотическими силами страны, в результате чего режим Амина был свергнут». На самом деле дворец «Топайи-Таджбек», резиденцию Амина, как уже сказано, штурмовал отряд КГБ СССР «Зенит».

Этот документ никем не подписан, но сохранился экземпляр с резолюцией С. Ф. Ахромеева: «Т. Афанасьеву А. П.* Это официально одоб-

* Генерал-майор А. П. Афанасьев — из состава группы МО СССР в ДРА.

ренный документ. Прошу переговорить. Ахромеев. 1.3.80 г.».

Было распространено мнение, что «Ограниченный контингент советских войск» должен войти в Афганистан, чтобы, с одной стороны, оказать помощь афганскому руководству в деле защиты завоеваний т. н. «Апрельской революции», а с другой — упредить реакционные силы и не позволить им установить свои порядки в этой многострадальной стране.

Действительно, афганское руководство во главе с Н. Тараки, а затем, с середины сентября 1979-го — с Х. Амином, — неоднократно обращалось с просьбой ввести ОКСВ для стабилизации обстановки в стране. Советское руководство наконец приняло такое решение, — а заодно и о смещении Амина, — но, направляя войска, не учло многие весьма важные, в том числе исторические особенности этого региона. В Афганистане испокон веков очень сильны племенные традиции. Огромная роль принадлежит религии. Ислам —

Перевал Саланг относится к горной системе Гиндукуша. Через него проходит наиболее высоко расположенный туннель в мире (на высоте 3363 метра).

Один из въездов в высокогорный туннель на перевале Саланг.

часть культуры и образа жизни народов Афганистана. Никакие пришельцы не в состоянии утвердить на афганской земле иные порядки. Об этом свидетельствует опыт трех англоафганских войн. Вводя 40-ю Армию в Афганистан, советские руководители рассчитывали быстро «навести порядок» — и сделали неверный шаг...

Хотя решение на ввод войск в Афганистан было принято лишь 12 декабря 1979 года, мероприятия по изучению военно-политической обстановки в ДРА, естественно, проводились раньше.

Свидетельство очевидца генерал-лейтенанта запаса И. Ф. Рябченко:

«В конце октября 1979 года я с группой офицеров вылетел в эту страну, где мы посмотрели основные объекты в столице, аэродромы — Кабул, Баграм и Кандагар. Задача была одна — ознакомиться, и в случае получения задачи мы были готовы пойти на прикрытие определенных объектов после высадки...

25 декабря, около 18.00, нам приказали решить те задачи, которые стояли перед нами. Началась переброска по воздуху десанта с посадкой на аэродромах Кабула, Баграма, Кандагара.

В течение вечера 27 декабря был осуществлен государственный или военный переворот. Правительство возглавил Бабрак Кармаль. Объяснение получили, что Х. Амин оказался предателем, английским шпионом, но так ли было на самом деле — трудно определить. Во всяком случае для меня, командира воздушно-десантной дивизии, полковника, абсолютно непознаваемое и непонятное, так это или не так. 28 декабря по радио объявили, что Амин свергнут».

А пока в нашей прессе царил молчание, в Афганистане шла война. Не знали родные советских воинов того, что их сыновья, мужья, братья брошены в огонь настоящих боев...

Какие чувства и мысли зарождались тогда в сердцах и умах наших воинов, когда они впервые вступили на афганскую землю?

«Здравствуйте, дорогие мои мама и папа! С горячим солдатским приветом к вам ваш сын Коля, — пишет Н. В. Кузнецов (полевая почта 39696—«Х»). — 14 февраля наш полк перебросили в Афганистан. Вы, наверное, слышали, какая здесь обстановка. Здесь действует очень много банд басмачей, и мы здесь находимся для их ликвидации». (Из письма от 26 февраля 1980 г.)

Война разгоралась, а домой шли письма из Афганистана родным и близким, пронизанные нежностью, любовью к далекой родной стране, к Родине. Светлые письма! В них — ни слова о жестокости реальных столкновений, увечьях, ранениях, ни слова о вынесенных из боя на плащпалатках погибших товарищах, ни рассказов о боях, взрывах, столах, криках, ненависти, с которой их порой встречали в кишлаках, ни слова — о физическом, моральном надломе духа.

Каждый воспринимал накал событий по-своему. Сопоставление различных мнений приближает нас к истине.

Спустя несколько лет после пребывания советских войск в Афганистане Каргар Мухаммед Шакер изложил свою точку зрения на происшедшее.

«Это было зимой 1979 года, — пишет Шакер. — Мы, мальчишки, вставали всегда рано —

Колонна из 80 машин. На переднем плане — майор В. И. Сысоев, проходивший службу в ДРА с 1984 по 1986 годы. Ныне проживает в г. Лодейное Поле Ленинградской области.

в 7.00. Я вышел на улицу (г. Андхой провинции Фарьяб - авт.). Вижу: у дома стоит офицер с двумя вооруженными солдатами. Говорили на чужом языке. Позже мне отец сказал, что это не американцы, а русские. Они подходили группами.

Я тогда учился в 9 классе. В детстве мечтал стать военным, но мама постоянно говорила, что мне этого делать не следует, что это опасно — воевать. В 1984 году я поступил учиться на курсы в Кабул по окончании 12 классов. Здесь я охотно изучал русский язык. Высшее образование получил в Ленинграде, сейчас магистр исторических наук. Не хочу, чтобы моя семья, моя дочь испытали все трудности войны. Пусть она, да и все люди на земле не знают, что такое война...

Как я отношусь к войне в моей стране? Конечно, отрицательно. В том, что советские солдаты там воевали, они не виноваты. Виноваты политики Советского Союза, руководители Коммунистической партии. В вашей стране не военные

играли в войне главную роль, а верхушка правительства — 5—7 человек. У нас, в Афганистане, президентская форма правления выражалась диктаторской формой управления, так же, как это было в СССР. Л. И. Брежнев сказал, чтобы вводить войска — и армия пошла. Советские же офицеры, которые воевали там, выполняли приказ высшего военно-политического руководства. Они были исполнителями. Боялись говорить правду. Может, военные и знали, что Брежнев и его свита были неправы, но молчали, хотя у нас, в Андхое, говорили «втихаря».

Я разговаривал с солдатами разных национальностей — узбеками, таджиками, — и они были против войны. Вот почему в первый год войны солдаты с юга разбежались и тогда на их место посылали советских 18-19-летних ребят, совершенно неподготовленных к ведению боевых действий у нас в горах. Они учились воевать на войне, а там не учиться надо было, а уметь сражаться.

Солдаты из среднеазиатских республик не хотели воевать, они говорили: как мы пойдем против своих таких же узбеков, таджиков, против своих братьев и отцов? Война — это чудовищное уничтожение людей. Я против войны».

Вот какое мнение сложилось у жителя Анджоя. Кое в чем с ним можно не согласиться, но оно заслуживает внимания.

Подполковник запаса Г. Н. Клюкин, военный переводчик, в Афганистане прослужил 11 лет.

Вот его мнение:

«...Так и просятся выдержки из разговоров и бесед, не раз и не два происходивших в Кабуле, между главными военачальниками и официальными лицами ДРА и СССР... Даст Бог, придет время и содержание этих разговоров станет известно подробнее всем: каким планировался ввод войск, как он осуществлялся, какие силы и средства были при этом задействованы. Вопросов больше, чем противоречивых ответов. Только время позволит прояснить все неясности, снивелировать все самые разногласные суждения. Здесь не место рассуждать об этом, ибо главное и самое неотвратимое было решено и было сделано: машина пришла в движение в апреле 1978 года, в декабре 1979 года она набрала бешеные обороты, ее было уже не остановить...».

В декабре 1979 года утверждали, что т. н. «Апрельская революция» вступила в качественно новую сферу развития. Ее цели и задачи формулировались на основе социально-политической и экономической обстановки. Ориентиры — преодоление последствий ошибок и преступлений прежнего режима, удовлетворение жизненно важных потребностей народа и страны, а это находило понимание в мыслях простых людей. Но, приходится констатировать, этому не суждено было сбыться.

Оппозиционные партии опирались на реальную силу. В отрядах моджахедов были пострадавшие от режима НДПА, безграмотные дехкане, обездоленные, политически незрелые люди, религиозные фанатики. Большинство населения в провинциях фактически признавали созданные оппозицией подпольные органы власти — «исламские комитеты», а руководство НДПА не смогло укрепить свои органы власти в уездах и волостях. На территории Пакистана были созданы базы для подготовки отрядов моджахедов к вооруженной борьбе с правительственными войсками. Возрастала финансовая помощь оппозиции из многих стран. Создавалась ситуация, когда на территории Афганистана полыхало пламя гражданской войны, и советские войска были вынуждены начать боевые действия с отрядами моджахедов.

Советские военачальники у входа во дворец «Топайи-Таджбек» (дворец Амина). Слева направо: генерал-лейтенанты П. Шкидченко, Ю. Тухаринов, В. Черемных и генерал-майор Б. Ткач. 1981 год.

Генерал армии В. И. Варенников так оценивал события:

«Генштаб выступал против ввода наших войск до тех пор, пока идея не приняла форму решения. Мы предлагали такой альтернативный вариант: советским частям встать гарнизонами и в боевые

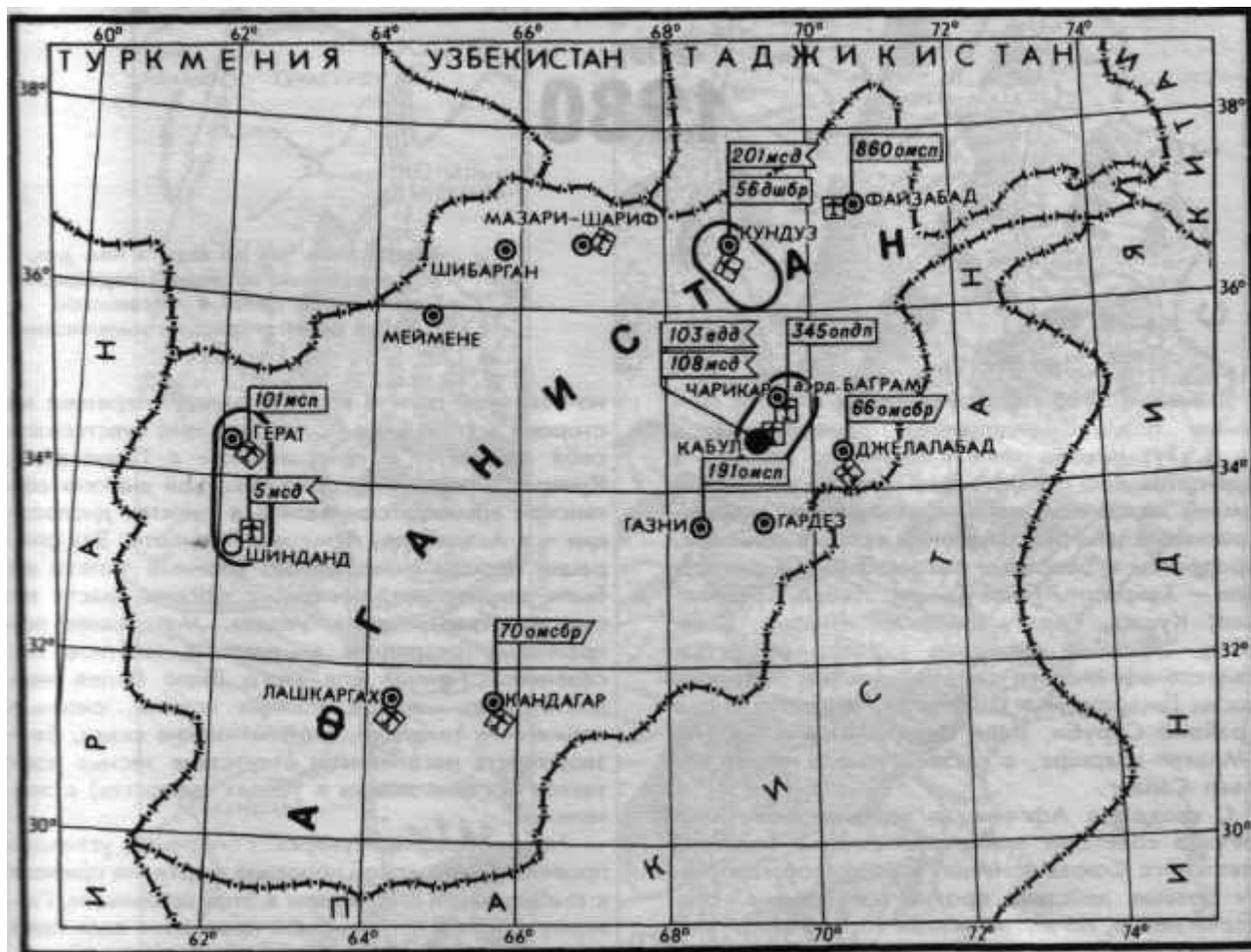

Не всех однопольчан-"афганцев" запомнил Ю. Растегаев из Лодейного Поля, приславший этот снимок. Слева направо: Валера ..., Гриша Сидоров из Калуги, Олег Петухов из Ташкента, Толик Шевчук с Украины, Володя Королев из Москвы, Файль Жалимов из Казани (сзади).

действия не ввязываться. Уже потом стало ясно: линия была в принципе правильной. И нам следовало отстаивать ее до конца, хотя это и таило в себе тяжелые последствия для защитников такой линии. К сожалению, мы поддались напору со

стороны Бабрака Кармалы и позволили втянуть себя в затянувшуюся войну».

А отсчет времени этой войны для солдат и офицеров нашей 40-й Армии начался с 27 декабря 1979 года...

Дислокация частей и соединений 40-й Армии.

После ввода войск по трем направлениям: Кушка—Кандагар, Термез—Кундуз—Кабул, Хорог—Файзабад были созданы следующие гарнизоны:

Кабул — 103-я воздушно-десантная дивизия (317, 350 и 357 парашютно-десантные полки); 108 мотострелковая дивизия (180 и 181 мотострелковые полки, 285 танковый полк, который несколько позже был выведен из Афганистана).

Джабаль-Уссарадж — 177 мотострелковый полк 108 МСД.

Баграм — 345 отдельный парашютно-десантный полк.

Шинданд — 5 мотострелковая дивизия (без 101 мотострелкового полка).

Герат — 101 мотострелковый полк 5 МСД.

Кундуз — 201 мотострелковая дивизия (без двух полков) и 56 десантно-штурмовая бригада.

Пули-Хумри — 395 мотострелковый полк 201 МСД.

Ханабад — 122 мотострелковый полк 201 МСД.

Кандагар — 70 отдельная мотострелковая бригада.

Джелалабад — 66 отдельная Мотострелковая бригада.

Газни — 191 отдельный мотострелковый полк.

Файзабад — 860 отдельный мотострелковый полк.

Авиационные части 40-й Армии базировались на аэродромах: Баграм, Кундуз, Шинданд, Кандагар, Джелалабад, а некоторые вертолетные эскадрильи, кроме того, — на аэродромах Файзабад, Газни и Гарdez.

1980

«Всего лишь час до вылета нам дан,
Всего лишь час последней передышки.
Сказали нам: летим в Афганистан.
В Кабул летят вчерашние мальчишки».

В январе 1980 года соединения и части 40-й Армии под командованием генерал-майора Ю. В. Тухаринова заняли ключевые позиции в ряде провинций страны и совместно с афганской армией взяли под охрану важнейшие административные центры, жизненно важные объекты, аэродромы и основные автомобильные магистрали — Хайратон, Пули-Хумри, Кабул, Джелалабад; Кушка, Герат, Кандагар; Кундуз, Файзабад. Особое внимание уделено объектам советско-афганского сотрудничества: газопромыслы Джаркудук и Шиберган, электростанция в районе Суруби, ряда предприятий в Кабуле и Мазари-Шарифе, а также туннель через перевал Саланг.

С вводом в Афганистан ограниченного контингента советских войск руководство бывшего Советского Союза поначалу не предполагало вести боевые действия против мятежников, оно рассчитывало, по-видимому, на то, что само присутствие наших войск позволит афганским руководителям стабилизировать обстановку. Однако ход событий, особенно антиправительственные выступления непосредственно в Кабуле в двадцатых числах февраля 1980 года, вынудили советское руководство согласиться на то, чтобы совместно с Вооруженными Силами ДРА начать активные боевые действия по разгрому отрядов оппозиции. К этому времени мятежники оказывали постоянное огневое воздействие на советские части и подразделения, которые находились в согласованных с правительством ДРА гарнизонах. В такой критической ситуации дальнейшее уклонение от оказания военной помощи правительству ДРА не имело смысла.

В феврале-марте советские батальоны совместно с двумя афганскими под руководством генерал-лейтенанта В. А. Меримского провели крупную операцию против мятежников в провинции Кунар. Еще летом 1979 года афганский гор-

но-пехотный полк в этой провинции перешел на сторону мятежников. С тех пор они чувствовали себя вольготно в приграничном с Пакистаном Кунаре, а полки 9-й горно-пехотной дивизии афганской армии отсиживались в пунктах дислокации — в Асадабаде, Асмаре и Барикоте. Эта операция прошла успешно, но военные успехи не были закреплены, поскольку органы власти не смогли утвердиться в уездах. Мятежники по-прежнему сохранили влияние на местное население. Причин для этого было более чем достаточно: мощное влияние ислама, сильные племенные традиции, экономические связи, беззащитность населения и отсутствие тесных контактов органов власти в уездах (волостях) с жителями.

Таким образом, Кунарская операция, успешно проведенная в первой половине марта, не привела к стабилизации обстановки в этой провинции. Поэтому в мае в Кунаре была проведена еще одна операция.

С весны 1980 года части 40-й Армии были втянуты в междоусобную войну в Афганистане, хотя это и не входило в планы советского руководства.

Кроме операций в провинции Кунар, боевые действия проводились и в других районах. Сначала отряды моджахедов пытались действовать в открытую, но вынуждены были быстро перестроиться и перейти к тактике действий «из-за угла», ибо открытые столкновения оказались им не под силу. Войска 40-й Армии, полностью перехватив инициативу, от непродолжительных по времени и ограниченных по площади операций перешли к крупномасштабным.

Весной проводились операции по обеспечению функционирования основных автомагистралей, а также боевые действия в провинциях Пактия и Газни, первая Панджшерская операция, летом — в Хазараджате и Логаре, осенью — вторая Пан-

Провинция Кунар.
 9 гд — в Асадабаде, два ее полка — в Асмаре и Барикоте. В Асадабаде постоянно находился батальон от 66 омсбр.

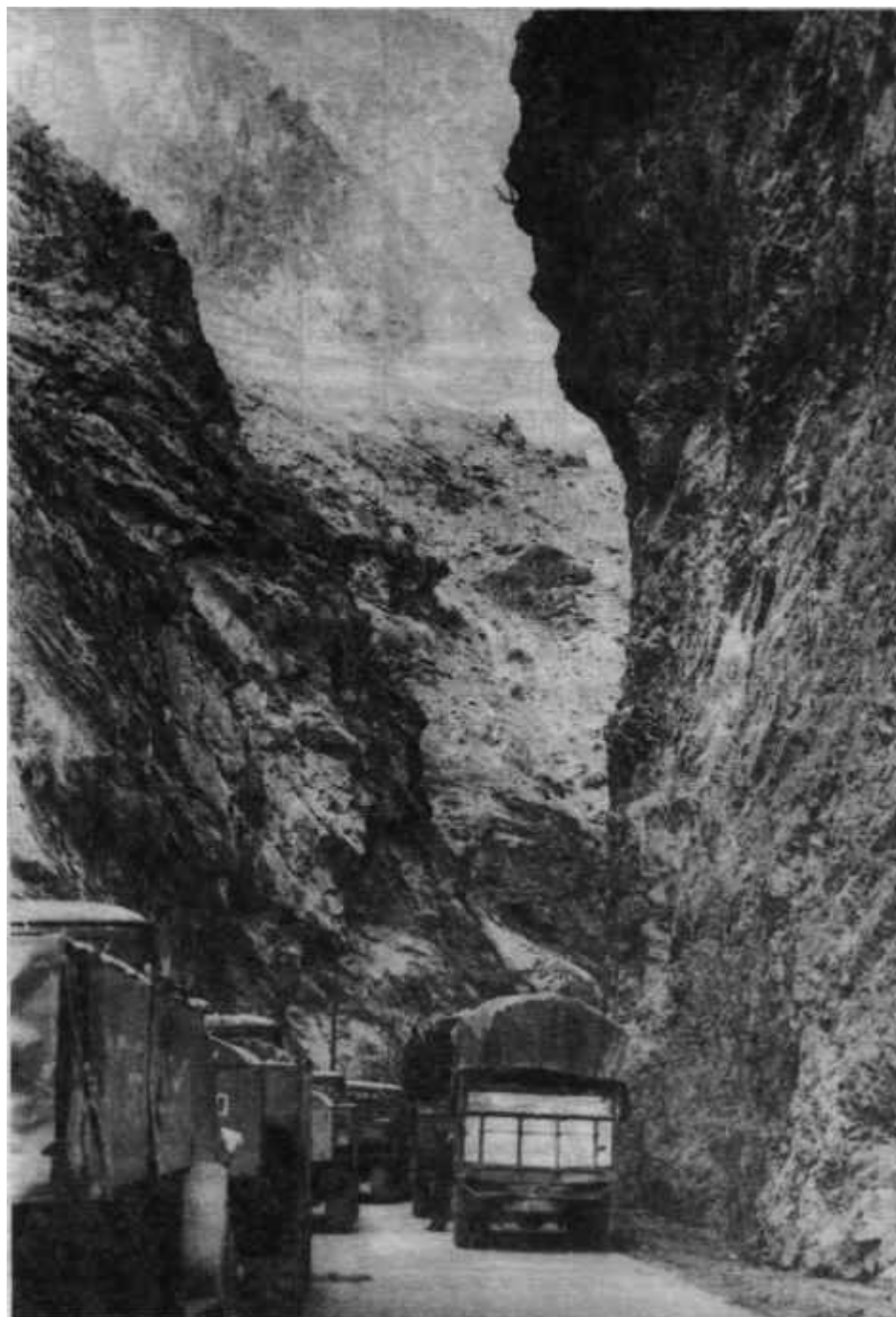
Маршрут Кушка—Герат—Шинданд.

джшерская операция, боевые действия в провинции Нангархар. Особого внимания заслуживает операция «Удар» (ноябрь-декабрь) в центральных провинциях, которые непосредственно примыкали к Кабулу. По сути, она была первой из числа крупных, при ее проведении были достигнуты существенные результаты.

В течение всего года проводились рейды, обеспечивающие движение по дороге Кабул—Канда-

гар. Но военные успехи не закреплялись по-прежнему укреплением органов власти в уездах и волостях. Бабрак Кармаль и другие руководители отсиживались в Кабуле, а если кто-то из них и отправлялся в тот или иной провинциальный центр, то вместе с советским представителем, полагаясь на соответствующую охрану.

Итак, возникли острые противоречия. С одной стороны, ввод 40-й Армии и изменения в руко-

Афганистан, Саланг.

водстве государством вселяли надежду на перемены к лучшему, а с другой — усиление сопротивления моджахедов, продолжающиеся распри внутри НДПА, инертность крестьянских масс и настороженность в племенах препятствовали стабилизации обстановки на местах. Большая часть территории страны оставалась под контролем моджахедов.

Некоторые военачальники 40-й Армии и аппарата Главного военного советника пришли к выводу, что боевые действия против моджахедов («борцов за веру») по своей сути есть гражданская война, и советские полки и батальоны были втянуты в боевые действия против своей воли. Вместе с тем наши офицеры, сержанты и солдаты поставленные перед ними задачи выполняли, как полагается, проявляя при этом изрядное мужество и отвагу.

Заслуживают внимания мнения непосредственных участников событий.

Так, рядовой Эдуард Оганов, водитель бензовоза, вспоминает:

«Мы переходили границу в 1979 году по понтонному мосту. Ехали на КАМАЗах, бензовозах. Каждая машина в длину около двадцати метров, 5 метров — расстояние между машинами. И вот 120 машин, умноженные на 25 — три километра — и есть длина колонны. Из них к концу службы (а прослужил я там год и восемь месяцев) осталось только две — моя и друга-таджика.

Сначала мы ехали по пустыне. Дорога была тяжелая, незнакомая, ехать трудно, не более 30—40 километров в час. По дороге кто-то отдал приказ выключить фары. Ехали на габаритах, а потом и вообще выключили свет... Да, забыл сказать, перед выходом за границу у нас документы отобрали, а на грудь повесили бирки — там группа крови, резус. Сначала бирки были деревянные, а позже выдали металлические. Ведь кто-то специально их разрабатывал, делал, деньги получал. Значит, это кому-то было нужно.

Моя работа? Я знал только одну дорогу — Саланг.* Эту трассу у нас называли позже «Дорогой жизни». Когда первый раз я туда поднимался, из носа и ушей шла кровь — сильный перепад давления. А потом привык. По этой дороге сделал около 90 «ходов».

На перевале есть туннель. Освещение было, но из-за высокой загазованности и отсутствия тяги не было видимости. Приспособились. Из ка-

* Перевал Саланг находится в провинции Баглан, объект первостепенной важности на основной магистрали Хайратон—Кабул. Если следовать к перевалу с севера, то четыре больших серпантина предшествуют непосредственно туннелю. На высоте около 3,5 км — туннель длиной почти 2,7 км, шириной 8 метров, высотой 4,7 метра. Над туннелем почти полукилометровая горная порода. После туннеля — спуск в кабульскую долину.

бины высовываешь палку, когда едешь на ощупь, она царапает стену — значит, все нормально. Перестала царапать — руль держи вправо. А рядом встречная колонна. Водители в туннеле не погибали, а вот 16 ракетчиков задохнулись».

Э. Оганов имеет в виду «ЧП» в туннеле.

О нем в рабочей тетради начальника штаба 40-й Армии генерал-майора В. М. Панкратова есть такая запись:*

«23 февраля 1980 года в 23.00 при совершении марша зенитно-ракетной бригадой и 186 мсп во время прохождения туннеля (перевал Саланг) водитель одной из машин ударил автомобилем в стену. Машины, идущие за ним, остановились. Образовалась пробка. В результате загазованности в туннеле началась паника. Отдельные военнослужащие стали стрелять. В результате 16 человек отравились выхлопными газами в туннеле, в том числе два офицера. Четыре человека получили огнестрельные ранения и у одного сломана нога. Причиной данного происшествия явилась плохая организация марша, пропуска колонны через туннель. Для проведения расследования направлена комиссия под руководством первого заместителя командующего армией генерал-майора Б. Ткача. Принятыми мерами пробка ликвидирована в 16.00. Движение в туннеле возобновилось».

Далее Э. Оганов говорит откровенно: «О службе в Афганистане многое можно рассказать, но не люблю я это. Служил — куда денешься. Афган есть Афган. Как-то в одной из совместных операций с афганским подразделением их командир подарил мне Коран. «Держи, — говорит, — при себе. В пути он тебя будет хранить». Пришло время, нас — на «дембель» по приказу в ноябре 1981 года.

Вернулся на родину с войны, и что меня особенно поразило — это враждебное отношение к «афганцам». В военном билете «афганцем» не значусь, там лишь одна печать войсковой части ПП 127717 — и ни слова о пребывании в ДРА и участии в боевых действиях. «Выходил» свидетельство о праве на льготы «афганца». У нас так бывает...

Но сегодня я лично благодарю тех людей, которые хоть как-то, хоть чем-то хотят напомнить живым о нас и о тех, кто остался по ту сторону войны. Вечная им память...».

Письмо из г. Волхова от Гришаковых Владимира Семеновича и Антонины Яковлевны: «Здравствуйте, дорогие друзья! Прочитали в газ. «Санкт-Петербургские ведомости» статью об «афганцах». Наш сын Г. В. Гришаков, 1959 года рождения, был призван в армию в 1979 году и почти 2 года отслужил в Афганистане п/п 50756, был водителем. Что только мы не пережили за

* В последующем В. М. Панкратову было присвоено звание «генерал-лейтенант» (авт.).

Дороги войны...

это время, пока он был там, что наслушались! — все ведь было тайно, а он у нас один. Бедные матери, которые не дождалась своих сыновей, в мирное-то время. Мы очень рады, что Вы решили написать Книгу Памяти, пусть дети их, внуки будут знать правду о той войне».

Другой участник событий в Афганистане, рангом значительно выше Э. Оганова, генерал-лейтенант И. Ф. Рябченко вспоминает:

«Сначала нас встречали как героев — народ радовался, ликовал. Но он радовался, с моей точки зрения, тому, что Амин был уничтожен. Ведь он жестоко расправлялся с теми, кто выступал против правительственных войск: посылал карательные отряды и с чисто восточной жестокостью наводилась порядок, там все сжигалось, уничтожалось...»

И самым правильным, целесообразным было бы уйти нам оттуда сразу на выполнение тех задач, о которых вели разговор в начале афганской эпопеи — выйти на основные коммуникации, которые шли из Пакистана, Ирана, перекрыть все дороги и тропки, не допустить провоза оружия, перехода моджахедов, душманов — тех противников, которые выступали против центральной власти. Тогда бы мы не ввязали в эту бойню, в их борьбу друг против друга».

Еще одно свидетельство — Каримулла Хамдард из Джелалабада:

«В декабре 1979 года я гостил у брата в Баграме. Между 18 и 19 часами 25 декабря на дейший аэродром стали приземляться грузовые самолеты, каких я ранее не видел. Их много.»

В 20.00 неожиданно прекратились телевизионные передачи. По радио звучала только музыка. Даже мой брат, военный летчик, не знал, чьи самолеты садятся на его аэродроме. Чужие — знали все. Через 5 минут самолеты поднимались в воздух. Началась стрельба. И только утром увидели: на аэродроме советские, а не американские самолеты, а по улицам шли советские танки.

Нам, мальчишкам, было интересно: подбегали к машинам, солдаты дарили значки, кокарды, меняли продукты на сигареты, жвачку. Первые наши друзья ушли через три дня. Их место занимали новые подразделения. А по ночам моджахеды ходили по домам и забирали мальчиков: «Воевать не можешь, патроны подавать будешь!».

Это подтверждается краткой записью в рабочей тетради генерал-лейтенанта В. М. Панкратова 6 сентября 1980 года: «Гульбеддин дал лозунг: Каждый мальчишка должен брать оружие и стрелять на дорогах — так угодно Аллаху. А что возьмет из подбитой машины, это Аллах даст ему в подарок».

Генерал-лейтенант В. П. Черемных:

«Я служил в ЛенВО первым заместителем начальника штаба округа. После 27 декабря 1979 года, через некоторое время, меня вызвали из Ленинграда в Москву. Там я узнал о своем новом назначении — советником начальника Генштаба афганских вооруженных сил. Когда в феврале 1980 года я прибыл в Кабул и окунулся в изучение обстановки, причем в довольно-таки сложных условиях (антиправительственные выступления в столице), то понял: мы столкнулись с острыми противоречиями. Наши батальоны и полки втягивались в боевые действия против своей воли...».

Едва ли не в каждой российской семье, как дорогие реликвии, бережно хранятся письма с «той», теперь уже далекой войны. Письма родных и близких, не вернувшихся домой. Теперь к ним прибавились свежие, еще не пожелтевшие от времени. Чем же они отличаются? Разве что формой: там — треугольники, здесь — конверты.

А содержание, глубинная суть на удивление схожи. И те, и другие словно пропитаны трогательной заботой о мамах и папах, сестренках и братишках, бабушках и дедушках, а также страстным желанием жить. «Ждите меня — и я вернусь!» — и сквозь неторопливую вязь мальчишеских почерков и беглую россыпь торопливых строк, брошенных на бумажный лист перед походом, боем, дежурством, подобно упругим побегам пробивается эта мысль, хотя авторы не всегда выставляли ее напоказ — напротив, чаще всего тщательно маскировали. Причем, совершенно не важно, кто их писал — новобранец или ветеран, рядовой или офицер: война нивелирует чувства, обостряя главные, стирая второстепенные, хотя, впрочем, не разложить их вот так по полочкам.

Они попадали в Афганистан, как на край земли, в диковинное, экзотическое место — ведь большинство не выезжало до того времени за пределы родной области. И всему удивлялись: надрывным крикам муэдзинов, по несколько раз в сутки сзывающих правоверных на молитву, женщинам в черном, как призраки: они ассоциировались с «духами» — чем-то бесплотным, неосязаемым. Они заворожено наблюдали, как горец разматывает с головы чалму: четырнадцатиметровая ткань служит ему и скатертью, и одеялом, и простыней. Им было больно смотреть на чумазых афганских мальчишек — искалеченных, с оторванной рукой или ногой. Им не было известно чувство страха и опасности: оно пришло гораздо позже, когда сами окунулись в круговорот событий.

Чуть не каждый день, а то по нескольку раз в сутки, к ним обращались афганские товарищи с просьбой разминировать дорогу или дом, подержать «огоньком» попавшую в засаду группу,

обезвредить крупную банду, терроризирующую население, захватить верблюжий караван с оружием, боеприпасами, направляющийся из Пакистана.

Наши воины мужественно и честно выполняли свой долг. Но те, кто не избежал смерти, похоронены, хотя и с почестями, но без огласки, где они погибли. Такой «несуразице», царившей в стране, нет оправдания!

Генерал-полковник Г. А. Стефановский, бывший член Военного совета Туркестанского округа, в своей книге «Пламя афганской войны» не скрывает: «Фамилии, имена и отчества обоих (погибших — авт.) уже замелькали в разного рода донесениях, документах и справках, а в радиоэфир две оборванные жизни пошли под мрачным кодом «ноль двадцать первый».

Через некоторое время обработают, обернут целлофаном, заварят в цинковый гроб, оставив маленькое окошечко, и обобьют досками. Пройдет прощальный траурный митинг. Боевые друзья проводят в последний путь товарища, каждый будет вспоминать, когда и при каких обстоятельствах виделся последний раз с живым старшим лейтенантом или сержантом.

Затем их погрузят в транспортный самолет. Бортмеханик осмотрит большие опечатанные де-

ревянные ящики, со вздохом пометит что-то в бумагах и отправится к командиру экипажа докладывать, что все готово к перевозке. С этого момента самолет превращается из небесного трудяги-грузовичка в «Черный тюльпан».* И в Союзе, на каком-либо провинциальном, как правило, аэродроме его отправят на самую дальнюю стоянку и подальше от глаз. Экипаж, измученные долгим перелетом сопровождающие отправятся искать столовую и ночлег, а горькая весть уже поднимает на ноги военкоматовское и гарнизонное начальство. Начнется обычная суета по похоронному обряду погибших воинов».

Военный комиссар Ленинградской области А. Т. Кольба** первые «Черные тюльпаны» принимал уже в 1980 году:

«Появление «Черных тюльпанов» с афганской войны я воспринимал как свое горе, сочувствовал

* «Черный тюльпан» — это радиопозывной. Этим позывным вызывали самолет. «Груз двести» — так по коду обозначали погибших. Гроб с телом погибшего сопровождал или тот, кто был с ним в последнем бою, или друг, или же офицер из той части, где он служил. В самолете, который отправляли на Родину, кроме экипажа, никого не было. Самолет летел по очереди в те города, поселки и села, откуда были погибшие.

** Полковник в отставке А. Т. Кольба умер в 1995 году.

родителям, но служба, работа — есть работа. И получалось, что мы, военные, оказались без вины виноватыми. Все было так сложно и непонятно в то время, да и сегодня тоже. Я — военный человек, исполнитель того, что мне приказывает мое руководство и которое, в свою очередь, обязано выполнить распоряжения правительства страны. Мы принимали присягу...».

«Да, мы пришли в Афганистан выполнять интернациональный долг и выполнили его, — скажет десятилетие спустя генерал-лейтенант запаса И. Ф. Рябченко на встрече с матерью погибшего в Афганистане сына Н. И. Прохоровой. — Это была война, где или ты, или — тебя! Тысячи погибших, изувеченных, пропавших без вести. Гибли из-за того, что не знали и не могли знать обстановки, гибли по доверчивости... Раздаются еще голоса, что война эта нужна была военным. Военным-то как раз она и не нужна! Это мы отчетливо сознавали уже в первые дни пребывания в Афганистане. Писали, требовали, но увы... Не слушали нас, не приняли там, «наверху», единственного решения даже тогда, когда в воздух поднялись и взяли курс на родину первые «Черные тюльпаны»...»

ХОРОНИТЬ «афганцев» с почестями на родине не полагалось. Хоронили тихо. Но как бы тихо родители ни прощались со своими сыновьями, о горе узнавали многие. Как бы строго ни запрещали надписи на могилах «Погиб в Афганистане», все знали — погиб именно там.

ПЕСНЯ О «ЧЕРНОМ ТЮЛЬПАНЕ»

В Афганистане
В «Черном Тюльпане»
С водкой в стакане
Мы молча плывем над землей.
Скорбная птица через границу
К русским зарницам
Несет ребятишек домой.

В «Черном Тюльпане»
Те, что с заданий
Едут на родину милую
В землю залечь.
В отпуск бессрочный,
Рваные в клочья
Им никогда, никогда не обнять теплых плеч.

...Опять везти на Родину героев,
Которым в двадцать лет могилы роют.
Но надо добраться.
Надо собраться,
Если сломаться, то можно нарваться и тут.
Горы стреляют.
«Стингер» взлетает.
Если нарваться,
То парни второй раз умрут.*

* Стих. А. Розенбаума из книги «Никто не создан для войны». Текст дан в сокращении.

И все же они возвращались домой не в цинковых гробах на крыльях «Черного тюльпана». Они возвращались в родные места орденосцами, обретали вторую жизнь в образе бюстов и стел, обелисков и гранитных плит с выбитыми на них именами героев. Они возвращались к нам, живым, незатухающим эхом вечной памяти. И это все, что остается от человека, прожившего на земле девятнадцать-двадцать лет — волнующий воображение след. По крайней мере, для мальчишек, примеряющих его подвиг «на себя»...

Мемориальный памятник воинам-интернационалистам в Пикалево.

...Каждый раз при упоминании об афганской войне, по любому поводу родители еще и еще раз вчитываются в до боли знакомые, успевшие пожелтеть письма, пытаясь отыскать между строк недосказанное, установить хотя бы примерно, где и при каких обстоятельствах пал смертью их сын, внук, муж. Чаще всего детали не удается воскресить, обозначить географически и хронологически. Ведь письма датировались днем жизни, а в течение его менялись и координаты расположения частей, и боевая ситуация.

Поэтому мы попытались, хотя бы приблизительно, схематично восполнить сведения, не содержащиеся в «похоронках», ответить на вопрос: что, где и когда произошло накануне или в момент

гибели воина. Параллельно со своеобразными некрологами попробуем воспроизвести свидетельства участников войны, справки, официальную статистику — все, что собрано по крупницам в разных источниках документального характера. Может, хоть это облегчит боль родных, не перестающих ждать возвращения «афганцев»: ведь до сих пор матери по ночам тревожно ждут стука в окно или внезапного скрипа двери...

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ВОЙНЕ

Она длилась девять лет, один месяц и девятнадцать дней. Через Афганистан прошло более полумиллиона воинов ОКСВ, из них — 2640 — из Ленинградской области. Общие потери нашей страны в этой войне составили 13 833 человека,* по Ленинградской области — 92. Пропали без вести и были захвачены в плен 330 человек, из Ленинградской области — 1.

Но и после войны ее «отголоски» уносят молодые жизни бывших солдат и офицеров, прошедших Афганистан. Вот лишь неполный список:

- 1985 год — А. С. Парфенов,
- 1986 год — А. Л. Ершов,
- 1988 год — Ю. Н. Сперанский,
- 1989 год — А. А. Сабадашев,
- 1990 год - В. П. Андреев, В. Н. Мигунов,
С. М. Репин,
- 1991 год — А. С. Завадский, С. Л. Куликов,
С. В. Дворников, В. В. Алексеев,
А. Г. Тритинник,
- 1992 год — Н. Н. Лаухин, Э. В. Костененко,
- 1993 год — А. Н. Евтюшкин, И. В. Голубцов,
- 1994 год - В. Г. Евсеев, В. Б. Рястас,
Э. Г. Быстрое, П. Г. Кучаев,
В. Н. Болезнев, В. Ф. Егоров,
Ю. А. Осипов, А. В. Юрчук,
- 1995 год - А. Н. Толстой.

Честно признаем: та война принесла неисчислимые беды, страдания и афганскому народу. В течение девяти лет погибло более миллиона афганцев. И солдат революции, и оппозиционеров, и мирных жителей, оказавшихся под перекрестным огнем «своих» и «шурави» (советских).

Еще и еще раз пробегаем глазами скорбный список. Он мало о чем расскажет непосвященному: каждый из павших вызывает острое чувство жалости и утраты. Им, двадцатилетним, жить бы да жить! А они с беззаботной улыбкой, с интересом оглядывая фантастические пейзажи, перешагнули границу, разделяющую не просто два государства, а нечто большее — жизнь и смерть...

Обратим внимание: из одиннадцати ушедших из жизни в первый год «необъявленной» войны, четверо — водители: Виктор Мокеев, Сергей Смирнов, Сергей Шмагнов, Николай Агеев, еще

* В численность этих потерь не входят умершие от ран и болезней в последующие годы (до 1995-го).

В 1979 году потери Советского Союза в Афганистане составили 86 человек. Потерь из Ленинградской области нет.

В 1980 году СССР потерял 1484 человека. Потери воинов из области составили 11 человек. Назовем поименно:

1. Альметов Ринат Фидаилович — лейтенант, погиб 30 марта.
2. Романов Николай Александрович — рядовой, погиб 13 мая.
3. Малахов Александр Николаевич — ст. лейтенант, погиб 15 мая.
4. Смирнов Сергей Викторович — рядовой, погиб 25 мая.
5. Шмагнов Сергей Викторович — рядовой, погиб 31 мая.
6. Заводин Владимир Юрьевич — рядовой, погиб 24 июня.
7. Корсунский Александр Викторович — рядовой, погиб 27 июня.
8. Агеев Николай Леонидович — рядовой, погиб 15 июня.
9. Мокеев Виктор Петрович — рядовой, погиб 24 июня.
10. Чететенко Александр Павлович — мл. сержант, погиб 22 августа.
11. Евсина Нина Ивановна — служащая СА, медицинская сестра, умерла 5 октября.

трое — Владимир Заводин, Александр Корсунский, Александр Чететенко — из одной воинской части, судя по всему, мотострелковой. И ушли они из жизни в первые месяцы войны.

В середине 50-х в Афганистан пришли первые группы специалистов из СССР. Строили предприятия, прокладывали дороги, линии электропередач, перекидывали через речки и ущелья мосты: мирные заботы мирных людей. Могли ли тогда предполагать отцы, что через четверть века по их стопам придется пойти сыновьям, но с иной целью. И те, и другие географию страны, ее традиции, обычаи, уклад жизни да и самих людей изучали и узнавали не по кинолентам и учебникам, а прямо в деле, заключалось ли оно в строительстве объекта или в яростном бою.

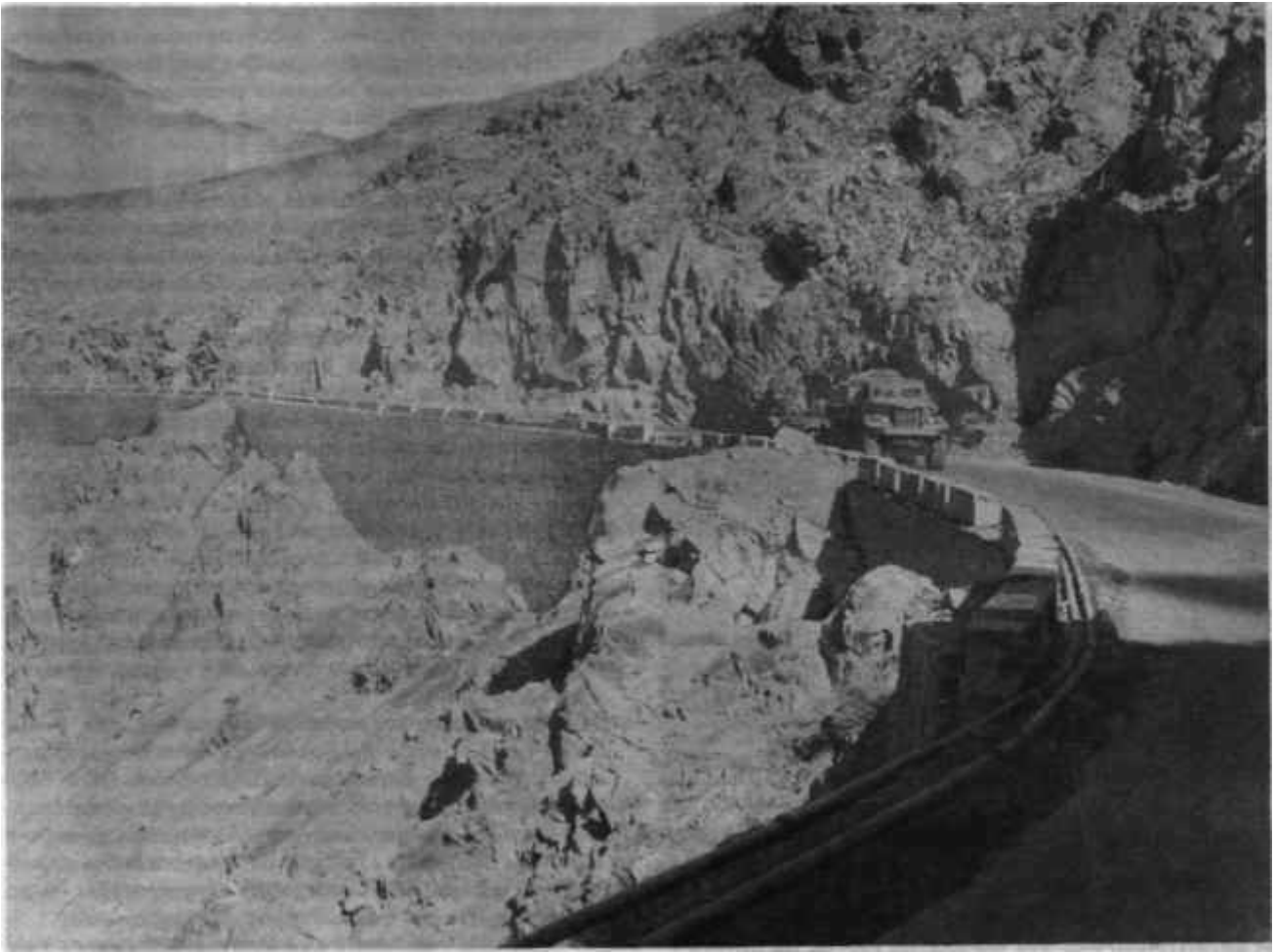
Им было, в среднем, по двадцать... Как это много в измерении исторических перемен последнего времени! И как ничтожно мало, если столько отведено тебе судьбой. Они уходили от нас в этом возрасте. Иные — моложе, иные — постарше. Ни один не гадал, что погибнет, совершив поступок, о котором скажут потом: подвиг. В лексиконе ребят отсутствовало это слово, заменялось на куда более прозаические: спасение, выручка, помощь, защита. И тем не менее, неосознанно каждый вложил в свой поступок не только всю свою энергию, силу и волю в последний момент, но и страсть будущей жизни — недожитой, недопетой, недолюбленной. Совершая подвиг в таком возрасте, да и в любом другом, человек вкладывает в него свое будущее. И смерть становится последней, ярчайшей вспышкой, освещающей и собственную жизнь, и жизнь поколения, ровесником которого он был.

Они навсегда остались в памяти родных и близких, земляков — всех, кто их знал лично. Их образы, имена обрели иной смысл и содержание:

мы, живые, должны ощущать кровное родство с их осиротевшими родителями, детьми, вдовами.

«О мертвых — или ничего, или только хорошее». Давайте не согласимся хотя бы ради справедливости. Они совершали ошибки. Не все заставляли собой от душманской пули командиров или вызывали огонь на себя. Гибли и по неопытности, безрассудству. Но хочется верить: если существует в загробной жизни рай — они обязательно там, прощенные и обласканные, возвешенные и по-прежнему трогательно скромные, вечно юные.

В Афганистане воины из ограниченного контингента с первых же дней знакомились со многими своеобразными обстоятельствами, познавали окружающую действительность. Будучи в северных провинциях, они убедились, что Мазари-Шариф действительно важнейший экономический центр страны: в результате совместных усилий советских и афганских специалистов невдалеке от города разведаны крупные запасы газа и нефти, что заложило основу для создания газовой и химической промышленности. Им достаточно было при патрулировании проехать на БМП (боевой машине пехоты) каких-нибудь 17 километров от города и опять найти подтверждение: да, их прислали сюда не напрасно. Разве не стоит уберечь для разоренной и съедаемой противоборством страны первый в ДРА завод азотных удобрений, сооруженный опять же с помощью их земляков! И сохранить заводской поселок «Сорок красавиц» с его великолепными коттеджами для рабочих, бассейном, клубом, спортивными площадками — тоже их долг. И эту теплоту электростанцию на природном газе, преобразившую быт населения, невозможно представить взорванной, как некогда Днепрогэс. Да и многое-много другое представлялось своим, вы-

По горным дорогам Афганистана.

«Это случилось в Герате. Рядовой Сергеев попал в душманский плен. Несмотря на пытки на допросах, не пошел на соглашательство с врагом. Изуверы ослепили бесстрашного воина».

Г. В. Гришаков, водитель в/ч 50756 19 мая 1980 года пишет домой: «Положение сейчас очень серьезное. Почти каждый день выступления против нас. Все недовольны советской властью. В Джелалабаде басмачи целую роту, примерно 80 человек зарезали. Там очень тяжело нашим ребятам...».

Письмо сержанта Н. А. Колпачкова (в/ч 51931) домой:

«Душманы очень любят поиздеваться над нашими солдатами. Недавно к нам в полк привезли двух изуродованных солдат. У них выколоты глаза, отрублены руки и ноги, обрезаны уши и нос, тела все истыканы штыками...».

Несколько эпизодов из бесконечной вереницы, чаще всего замалчиваемых даже в ограниченном

контингенте, не говоря о стране. Туда же шли трафаретные извещения военкоматов.

Первыми жертвами той войны были, бесспорно, водители, потому что они торили тропу к Гиндукушу...

Эх, водители-водители! Короли горных дорог! У каждого свой опыт, привычки.

На бортах иногда имена погибших друзей-водителей. Один рейс через перевал Саланг — событие, десяток — подвиг, отмечаемый обычно на дверце кабины красной звездочкой, двадцать рейсов — двумя. Точь-в-точь как в годы Отечественной рисовали звезды на фюзеляжах самолетов за сбитые вражеские машины. И здесь требовалось такое мужество, выдержка, терпение, каких человек и не подозревал в себе.

Саланг... Не ошибиться бы: существует ли где-либо в мире автомобильный перевал, лежащий выше этого, выше 3300 метров? Дорога — извилистый и крутой серпантин: левым бортом царапашь отвесные скалы, прижимаясь к ним, желая слиться с надежным камнем, потому что

правый борт чуть ли не висит над бездонной пропастью. Тысячи машин полируют бетонное полотно до блеска, а когда образуется гололед — лучше не выезжай на трассу. Но выезжать надо. И необходимость эту диктовала порой не столько военная обстановка, сколько долг водителя, точнее — понимание этого долга перед теми, кто ждет на том конце дороги продукты, горючее, а то и просто кирпич, цемент, сантехнические трубы. Двое суток — подъем на низкой скорости, под надрывный гул двигателя, готового вот-вот задохнуться из-за разреженного воздуха. Спуск еще опасней, хотя он и поровней: не дай Бог откажут тормоза или просто «понесет» — либо

врежешься в поворотную скалу, либо пнешь впереди идущий грузовик, либо слетишь в пропасть.

Это не нагнетание страхов. Это простое объяснение, почему на машинах рисовали звездочки за рейсы, трудные в мирных условиях, и невероятные — под обстрелом.

Хайратон—Саланг—Кабул... В чемоданах наших ребят бережно хранились вымпелы — «За сорок рейсов», еще один — «За шестьдесят рейсов». Последних было слишком мало, потому что редко кто из водителей накручивал шоферский стаж в два года.

Да, все они — солдаты Саланга, несмотря на то, что большинство было занято на перевозке мирных грузов. Солдаты, потому что душманы не оставляли дорогу в покое, стремились вывести ее из строя: минировали, обстреливали с гор машины, отбивали оставшиеся. Пулеметная очередь, засада ожидали за каждым поворотом, за каждым выступом. А простора для маневра нет — и шофер должен быть в постоянном напряжении, в неусыпной готовности дать отпор, сориентироваться, доставить по назначению груз, а главное — постоять за себя, выйти из переплета живым. Защитник и надежда — автомат в кабине и мотор под капотом.

Мамы-мамочки, если б вы знали, как часто ваши дети в часы смертельной опасности обращались к вам, просили вашего прощения и благословения, шептали спекшимися губами последние слова, адресованные вам. И эти человеческие молитвы нередко спасали от казалось бы неминуемой гибели, а бывало уже не доходили ни до адресата, ни до Бога...

«Русская земля!
Родимая земля!
Дай мне силы встать...
Обними меня листвою,
Исцели меня травой.
Дай мне жизнь одну.
Дай мне смерть одну.
Дай мне тишину...»

(А. Карпенко)

АЛЬМЕТОВ РИНАТ ФИДАИЛОВИЧ

17.VI.57-30.III.80

Родился в пос. Сосновка Вятско-Полянского района Кировской области, в семье военнослужащего. Татарин. Образование высшее. Офицер. Член КПСС. Холост. В Афганистане — лейтенант, командир мотострелкового взвода (в/ч 39676).

Родители: Альметовы Фидаил Гумарович, Фагиля Миннахметовна.

С 1964 по 1971 г. Ринат — ученик Лебяженской школы Ломоносовского района Ленинградской области. С 1971 по 1974 г. — учащийся средней школы в Венгрии.

С 1 августа 1974 года призван в Вооруженные Силы СССР. С 1974 по 1978 г. — курсант Ленинградского высшего общевойскового командного училища имени С. М. Кирова. Специальность — инженер по эксплуатации гусеничных и колесных машин. С 1978 по январь 1980 г. — служба в Венгрии.

С 25 января 1980 года — Афганистан, Пули-Хумри.

30 марта 1980 года погиб в бою.

Награжден орденом Красной Звезды посмертно, медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен 7 апреля 1980 года на кладбище поселка Лебяжье Ломоносовского района Ленинградской области.

«Последнее письмо из Афганистана», — эти четыре слова Фагиля Миннахметовна напишет на конверте значительно позже, а пока перечитывала письмо сына несколько раз в день и не знала, что 30 марта 1980 года в рабочей тетради начальник штаба 40-й Армии генерал-лейтенант В. М. Панкратов сделал запись:

«В районе Пули-Хумри на повороте на Кундуз обстреляны мятежниками. Завязался бой, лейтенант Альметов убит, командир третьего взвода пятой мотострелковой роты и два сержанта ранены. Выслана разведрота и три танка. Боем руководит командир разведроты...».

Фагиля Миннахметовна говорила, что в тот день и в последующие на душе было беспокойно, места себе не находила. Перечитывала все письма сына, перебирала фотографии. Вспомнила свой день рождения — 20 июля 1978 года, когда он, ее Ринат, получил диплом с отличием и прямо с порога:

«Мамуля, вот я и офицер!». И она, любясь своим единственным, не могла скрыть слез радости.

Воспоминания нахлынули волной. 1969 год. Ринат за отличную учебу и большую общественную работу награжден путевкой в пионерский лагерь «Артек». Отдыхал два месяца. Крым оставил неизгладимые впечатления. А через несколько лет сын как-то сказал: «Мамуля! Давай съездим в Крым. Так захотелось вернуться в город детства. Может, больше такой возможности и не представится»...

Мечту Ринат осуществил. Они, действительно, вместе провели две недели в Крыму. Были в Гурзуфе, Ялте, Алуште, Севастополе, посетили Никитский ботанический сад, Воронцовский дворец, Поляну сказок.

Из школьной характеристики:

«...Веселый, правдивый и честный, обладающий чувством долга и ответственности,

одержимый бурной жадой деятельности, Ринат был всегда занят. Посещал музыкальную школу, принимал участие в художественной самодеятельности, занимался спортом».

В октябре 1996 г. капитан I ранга Д. А. Мельников случайно узнал о подготовке Книги Памяти и сообщил, что жил по соседству с семьей Альметовых. Он сказал: «...Подкупала в Ринате бесхитрость и скромность, чуткость, внимательное и очень заботливое отношение к товарищам, учителям, знакомым и к маме...»

Он действительно был прекрасным сыном...»

Письмо из Ленинградского высшего общевойскового командного училища:

«Уважаемая Фагиля Миннахметовна! Ваш сын Ринат за прошедший 1974—1975 учебный год стал отличником учебы, являлся примером в дисциплине и труде. Исполняя обязанности командира отделения, он своей работой оказывает большую помощь командованию роты в воспитании курсантов в духе беззаветной любви и преданности нашей Родине. От всего сердца благодарим за воспитание сына. Выражаем уверенность в том, что он успешно закончит наше училище и займет достойное место в офицерском корпусе Вооруженных Сил...»

И вот сегодня он стоял перед нею с дипломом в руках, такой радостный, красивый и в форме.

Не прошло и месяца, как сын уехал служить в Венгрию, несмотря на предложение командования остаться в училище. Домой писал часто.

Вот одно из писем:

«Мамуля, здравствуй!

Получил твое письмо, большое спасибо. Дела у меня сейчас нормально, настроение предновогоднее. Участвую в художественной самодеятельности, очень нравится. На Новогоднем вечере я — ведущий, да еще в сцене (пародии на жизнь в городке) играю Петуха. Сцена на основе «Бременских музыкантов». В коллективе — все офицеры и жены. Сценарий пишет начальник клуба, очень одаренный человек. Ну, в общем, хорошая организация... До свидания. *Ринат*. Декабрь, 1979 год».

Друзья по службе были свидетелями успешного выступления Рината на новогоднем вечере 1980-го. С гитарой в руках он буквально заворожил публику — абсолютный слух, удивительный голос, чистота. Пел легко, изящно, без надрыва. Несколько раз выходил на сцену. Он готов был петь еще и еще, глаза радостно блестели, он счастлив, как никогда, от души благодарен слушателям, которым дарил свою радость, нежность, любовь и песню, идущую из глубины сердца...

«Но наши парни были уже в Афганистане, — говорила Фагиля Миннахметовна, — и я знала: мой сын, человек чести и долга, будет в числе тех, первых. Мои предчувствия, к сожалению, подтвердились».

«Мамуля, здравствуй! Ты, наверное, удивишься, если узнаешь, что я служу в Туркестанском военном округе. Мы тут опять-таки вместе: Саня, я и Вадик. Адреса у меня пока нет, так что письма не пиши. Жизнь пойдет на колесах, так что, если от меня подолгу не будет вестей, не расстраивайся. До свидания. *Ринат*. 25.01.80 г.»

Позже мама узнала: Ринат в числе первых, а он был секретарем партийной организации роты, решил ехать в Афганистан.

И вот это письмо ОТТУДА — с войны:

«Мамуля, здравствуй!

Получил от тебя первое письмо. Ответу сначала на твои вопросы. Вадик Джумасултанов здесь и Серега Карнаух тоже. Так что из поселка Лебяжье — 3 человека. У Саши Шорохова адрес чуть другой... Получила ли ты деньги, которые я тебе отправил. Да, еще посмотри, пожалуйста, мой диплом: я, по-моему, его тебе отправил или может он в парадной шинели?

Живу нормально, особенного ничего написать не могу. Сашу Шорохова встречаю, а Вадика давно не видел. Кстати, Саша собирается в отпуск. У меня отпуск запланирован на июнь—июль, но не знаю, как получится. Да, подходит срок забирать мои сапоги из ателье. Пожалуйста, не забудь. Погода здесь хорошая, пока еще не жарко, днем градусов 20, бывают и дожди. Дорог почти нет, одни горы и пустыня. На этом писать закончу. До свидания. *Ринат*. 26.03.80 г.»

Фагиля Миннахметовна рассказывает:

«Я читала это письмо и не знала, что 30 марта сына у меня не стало. Говорят, в это время в Афганистане где-то цвели тюльпаны и маки, только для меня тогда в солнце было черным».

«Уважаемая Фагиля Миннахметовна! Свой последний бой Ваш сын, Ринат Фидаилович, принял мужественно и стойко, с ненавистью отбивая атаки врага... Смерть преждевременно вырвала из наших рядов боевого товарища. Светлая память о нашем друге навсегда сохранится в нашей памяти, в в наших сердцах. Группа товарищей по оружию».

РОМАНОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

28.II.60—13.V.80

Родился в деревне Вольково Волховского района Ленинградской области. Русский. Образование среднее. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, разведчию-пулеметчик (в/ч 53336).

Родители: Романовы Александр Александрович, Анастасия Ивановна.

С 1967 по 1970 г. — учеба в начальной школе д. Вольково. С 1970 по 1973 г. — в Волховской школе-интернате.

С 1973 по 1978 г. — в Староладожской средней школе.

2 марта 1979 года окончил Волховскую авто-школу ДОСААФ. Занимался спортом, имел 2 разряд по лыжам и тяжелой атлетике. До призыва в армию работал трактористом в совхозе «Светлана». В апреле 1979-го призван в Вооруженные Силы СССР Волховским ОГВК Ленинградской области. Служил в группе советских войск в ГДР.

22 февраля 1980 года через Термез Николай Романов пересек границу Афганистана. Службу проходил в районе г. Кундуз.

13 мая Н. А. Романов погиб.

Награжден орденом Красного Знамени (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен 22 мая 1980 года в деревне Вольково.

В Гостинопольской школе открыта экспозиция, посвященная Н. Романову. Дома хранятся письма сына, награды, доармейские фотографии (других нет), школьная

В рабочей тетради-генерал-лейтенанта В. М. Панкратова находим еще одну запись:

«31 марта 1980 г. Глушаков доложил — 3 взвод 5 роты несет службу по охране от Пули-Хумри до... (неразборчиво — авт.). Были обстреляны в районе Кохна—Маушид. Два БТР стали преследовать и завязали бой. Один БТР застрял. Лейтенант Альметов оказывал помощь и был убит...».

Через год 16 июня 1981 года афганская война забрала и двоюродного брата Ф. М. Альметовой — Байнутдинова Тахира Зинуровича.

Поклонимся погибшим до земли.

характеристика, личная карточка водителя, значок «Гатчинец», Грамоты Комитета по физической культуре и спорту, вырезки из газеты «Волховские огни» под заголовками

«Не для войны восходит солнце», «Цветов он не дарит девчатам».

Долго всматривается мама в родные черты сына и не верит тому, что случилось. Не верит даже тогда, когда стоит перед памятником на его могиле.

Извещение о гибели Коли родителям вручили 21 мая 1980 года. И только спустя четыре года появилась запись под номером 1 в военкомате, в журнале учета погибших.

Когда рядовой Романов служил в Ташкенте, родителям пришло письмо:

«Здравствуйте, родные папа, мама и Галя! С горячим приветом к вам Николай. Я раньше вам писал из Германии, а теперь — из Средней Азии, около реки Аму-Дарьи...

Из Германии в Ташкент летели 6 часов. Час в аэропорту, а потом прилетел на другой аэродром. Через 2 часа поехали на машине к месту службы. Приехали ночью и сразу заступили в «наряд». Поселили нас в палатке. Сначала было непривычно, а теперь привык. На днях опять на новое место будем перебираться. Оттуда письма будут идти долго.

Вот я хотел посмотреть горы, на самолете полетать и озера посмотреть. И я это все видал! Осталось посмотреть море, на пароходе покататься. Что еще написать? Погода стоит теплая, ведь степь, ночью небольшие морозы, а днем солнце.

Пишите, как дела у вас? Чем занимаетесь? Как там родная деревня, какая погода? Какие новости? Пишите обо всем. Ведь теперь остался до демобилизации год. **Служба у меня, по-моему, труднее, чем у братьев...** До свидания. *Николай*. Напишите бабе Дуне. 11.02.80 г.».

Не прошло и трех недель, как родители получили второе письмо от сына, но теперь уже из Афганистана:

«Здравствуйте, родные: папа, мама, Галя и все остальные. Привет из Афганистана от Николая...

Мы переехали на новое место службы. Вот и границу повидал. Правда, смотрел в бинокль. Ехали на БМП по пустыне полдня. После показались горы. И красивые же они! Озера видел, на самолете летал, степь тоже посмотрел. Ехали в горах двое

суток. Днем едешь, на горы смотришь, а ночью ехали не знаю на какой высоте — в облаках. Утром тоже в облаках, красиво же. Ехали еще полдня по горам и равнинам, а к вечеру прибыли на место. Переночевали в БМП, с утра — копать яму под палатку глубиной метр. Пока ехали, у нас машина сломалась, клемма у аккумулятора отлетела. Нам надоело ее подсоединять. Под конец она совсем сгорела. Но доехали. После, когда поставили палатку, переночевали и на следующую ночь, которая была бессонной, проспали всего 40 минут, а остальное время — гусеницу надевали.

Ходили в наряды и в караул. Работали по устройству палатки. Доски и бревна брать неоткуда, ведь степь — что привезли, то и брали. Вчера колонна машин ездила в Союз за продуктами и материалами.

Сегодня выпал снег, стало в палатке холодно. Наша рота — не рота, а два взвода были в наряде. Один взвод уехал на охрану перевала. Так что приехали мы сюда бить басмачей. Как в песне поется: «Здесь не стреляют, но как на фронте идет война». 27.02.80 г.».

Прочитала Анастасия Ивановна письмо сына, присела на уголок стула и застыла в горестном раздумье. Она-то знает, что такое война. Знает и Александр Александрович не понаслышке: в том сорок первом, когда немцы подкатились к Волхову, на себе испытали зверства, видели смерть. 43 дня хозяйничали фашисты в Волькове, Хотове. И вот через десятилетия полевая почта сына вновь напомнила о войне:

«...Вот уже 6 ночей не спим, ведем наблюдения за местностью. Сегодня нас сменила пехота, она ездила на задание, а мы были их подменными. Здесь уже зеленая трава, цветут деревья, скоро расцветут тюльпаны — их тут очень много, может, домой привезу. Служить осталось еще один год. Вот у меня и все. 21.03.80. *Николай*».

Только пять писем из Афганистана прислал Николай, но как меняется в них взгляд солдата на происходящее вокруг! Главное в них — понимание того, что идет настоящая война.

Невозможно без волнения, сострадания читать четвертое письмо.

«Я жив, здоров и вам того желаю. Служба идет нормально — вроде лучше, чем в Германии. Неделю назад стояли на охране наших позиций. Стояли неделю. Ночью не спишь, а днем часов б поспишь — и все. Да я там чуть одного не шлепнул пастуха. За овцами бегал, ночью ничего не разберешь, он маленький ростом и овцы, метрах в 20 от меня. Я кричу, а он не отвечает, по-русски не понимает.

На другую ночь кота поймал, собаки бегали. Бегают они, а кажется, кто-то крадется. Сначала две ночи — так себе побаивался, потом привык. Завтра наша рота выезжает опять. Я остаюсь, так как машина сломалась, и я топлю в офицерской палатке. Как-то привык уже ночью не спать...

У Вас на Родине, наверное, весна?

Книжку по машине мою не трогайте, еще пригодится мне и тетрадь. *Николай*. В Волхов напишите или расскажите о моих делах, какая у меня служба. 28.03.80 г.».

За строками казалось бы такого безмятежного письма — и вылазки «душманских банд», и хитрость, коварство противника, и боевые операции, о чем Николай не мог прямо написать.

И вот последняя, пятая, весточка от сына. Николай откровенно пишет (несмотря на запрет), что он видит смерть во всех ее красках, рассказывает о страданиях, что выпали на долю наших солдат на чужой стороне. Он теперь знает цену жизни. За три дня до гибели отправит свое последнее письмо. На конверте штемпель навечно отпечатает точную дату — 10 мая 1980 года.

«Здравствуйте, родные папа, мама, Галя!

Долго не писал, потому что уезжали на задание на 15 суток, а через день я летал с начальником штаба дивизии, так как я пулеметчик — пулемет здесь надежная штука. И я, наверное, с ним останусь до дембеля. Во время боевого задания нам надо было найти 5 десантников. Из 5 человек, которые были захвачены басмачами во время боя, нашли два трупа, пльвших по реке: их мучали. У меня над головой пролетели две пули, было немного страшновато, но я уничтожил трех басмачей.

Ездили день назад насчет девичьей команды и одного шофера, которых захватили басмачи. Четырех девушек нашли изуродованных, а остальных — нет и шофера тоже.

Погода + 30°. Чем вы занимаетесь? Как дела в деревне? Передавайте привет Принцевым, Киршиным и остальным ребятам... Времени свободного почти нет. Говорят, опять на задание. **А братья мои, знай, служат себе, лучше им тут и не быть, и другим солдатам тоже... 29.04.80».**

О воине-интернационалисте рядовом Романове Николае Александровиче:

«...Отделение разведчиков, находясь в поиске, попало в душманскую засаду. Завязался неравный бой. Бандиты, имея большой численный перевес, окружили разведчиков. Когда кончились боеприпасы, советские воины взорвали себя, чтобы не попасть в плен на растерзания бандитов... Волховский Горвоенком. Подполковник *Ловчиков*».

О последнем бое Н. А. Романова рассказал его сослуживец Евгений Наумов, проживающий ныне в Кисельне. Они вместе учились, служили в Германии, а затем в ДРА, в одном батальоне, но в разных ротах. В перерывах между операциями встречались, вспоминали родные края, гражданку, играли в шахматы.

В тот день разведывательная группа Наумова вылетела на помощь товарищам.

«Не часто нам приходилось встречаться в Афганистане — вспоминает Е. Наумов — все время на заданиях. Так и тогда. Мы только вернулись с задания, проводилась большая операция. Николай в этот день с группой из пяти человек был в разведке. Наступил вечер, а их нет. По радиации только успели сообщить: напоролась на засаду, отбиваются. Пока бежишь в горы, а это не близко, не успеешь. Темень — ни зги не видно. Взлететь из-за этого тоже не можем. Еле дождалось рассвета, рванулись в горы, на спасение. Прилетели на место — тишина. Только видны следы боя, трупы душманов, наших нет. Опоздали. Расспросили старика в ауле. Тот рассказал: ночью был большой бой, в плен сдаваться русские не стали, хотя их хотели захватить живыми.

Долго стреляли. Замолкли автоматы, последним еще долго отстреливался пулемет, а он был только у Николая. Потом взрыв гранаты. Николай держался до последнего, а потом подорвал себя гранатой. Мы осмотрели все вокруг, из земли вырыли ребят...».

Анастасия Ивановна вспоминает:

«Тревожно было на душе... 13 мая я получила пенсию. В этот день и погиб мой Колечка. Не верю. В гробу-то я его не видела, закрытый был. В конце мая хоронили, так и хожу на кладбище. Поговорю с сыночком — легче станет».

В руках у Анастасии Ивановны слегка пожелтевшая на сгибах протертая газетная вырезка. В ней очерк журналиста Б. Томилова о ее сыне.

МАЛАХОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

27.V.56 — 15.V.80

Родился на хуторе Колмыково Клятского района Волгоградской области. Русский. Образование высшее. Член ВЛКСМ. Женат. В Афганистане — старший лейтенант, начальник радиолокационной системы посадки самолетов (в/ч 98254).

Родители: Малаховы Николай Алексеевич, Ольга Ивановна.

После окончания средней школы Александр Николаевич с 1973 по 1976 год — курсант Харьковского высшего военно-авиационного командного училища связи. Специальность — радиотехник технической эксплуатации наземных средств самолетодвижения и посадки.

3 августа 1979 года в семье старшего лейтенанта А. Н. Малахова родился сын. Года не исполнилось Коленьке, когда его отец 13 января 1980-го пересек границу ДРА. Служил в Кундузе, Файзабаде, Гардесе. 15 мая А. Н. Малахов погиб.

Похоронен на станции Чир Волгоградской области Суровиковского района, в центре села, рядом с братской могилой.

В. Н. Малахова, вдова, проживает в Ленинградской области — в г. Сосновый Бор.

«У нас была хорошая семья, — пишет Валентина Николаевна — и пяти месяцев не исполнилось сыну, как отец улетел в Афганистан. А через полгода мы осиротели.

Сообщение из Министерства обороны СССР:

«Уважаемый Александр Александрович! Сообщаю, что Ваш сын рядовой Романов Николай Александрович за проявленное мужество и отвагу при выполнении боевого задания командования Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Красного Знамени (посмертно). Подвиг Вашего сына всегда будет ярким примером беззаветного служения нашей любимой Родине, Коммунистической партии, советскому народу. Память о Вашем сыне навсегда сохранится в сердцах его боевых товарищей».

Тишина в деревне Вольково. Тихо в семье Романовых. В простенке увеличенный портрет сына.

Ни первых шагов сына не видел Саша, ни первых слов не слышал. Все отнял Афганистан — все. А теперь я боюсь за нашего сына, когда читаю прессу, слушаю и смот-

рю передачи о Ближнем Зарубежье. Кругом война. А у меня СЫН. Думаю лишь об одном: неужели уроки афганской войны не пошли нашему российскому руководству впрок — зачем эти жертвы? Неужели сын растет для того, чтобы с высокой трибуны наши правители заявили: «Мы пошлем наших российских солдат в Боснию, Чечню, чтобы разрешить гражданский конфликт...».

Какие еще испытания готовит судьба моему сыну, его сверстникам, его поколению — спокойному, привыкшему к мирной жизни.

Возможно, я не отдала бы письма мужа в Книгу, если бы не видела: Чечня — повторение Афганистана. Читайте, люди, и помните — война не щадит никого и ничто».

А. И. Малахов. Письма с войны:

«Дорогие мои Валя, Колечка, здравствуйте!

Не сердитесь за долгое молчание. Я сейчас очень далеко от вас. Вот сегодня выпала возможность отправить письмо. Не волнуйтесь за меня. Я жив и здоров. Очень скучаю по вам. Слов таких нет, чтобы выразить все мои чувства, да и времени немножко. Сейчас должен борт лететь в СО-ЮЗ, т. е. к вам, туда. Сидим, все письма пишем. «Папа» — даже покраснел от натуги. Валь, милая. У меня все хорошо. Не волнуйся за меня. Ладно? Береги себя и Коляна. Я обязательно скоро приеду. Мне очень хочется увидеть вас. Но так нужно, Валь. Ты не падай духом. Совсем недолго длиться нашей разлуке. Мне трудно без вас. Очень трудно. Но я мужаюсь. Смотрю на фотографии. Стараюсь представить, как вы изменились. Как воюешь с Коляной? У него, наверное, уже зубки есть, кусает мамку...»

«...Я все время думаю о вас — дороже у меня нет никого на свете, на всей планете. Я люблю тебя, Валь, и мне очень дорог мой сын. Но кроме вас у меня есть моя профессия, и она меня ко многому обязывает. Ты, Валечка, умная жена, и я знаю, что ты все это понимаешь. Я знаю: тебе трудно. Это жизнь, Валь. У нас в нашей жизни много было и будет трудностей. Мы все равно счастливы, правда? У нас есть сын. Разве мы можем быть несчастливы, Валя, милая моя?»

С работой все нормально. Вот и все, что я могу написать... До свиданья. Целую и обнимаю вас крепко-крепко. *Саня*. Поцелуй за меня Кольку сильно-сильно. Ладно?».

Последнее письмо 14 мая 1980 года:

«Валя и Коляна, здравствуйте!

Как вы живы там без меня? У меня уже наступила полнейшая апатия к стремлению попасть домой. Меня не отпускают. А вот Шаповал опять летит. У меня 14-го облет должен быть. Ну, а после буду каждый день надоедать, чтобы отпустили. У меня все нормально. Жив и здоров. Очень по вас скучаю. Но скоро отпуск, и мы будем вместе. Трудно тебе, Валь, со мной. Видишь, какая у меня необычная работа. Но это все временно. В жизни всякое случается и мы должны с этим мириться. Если бы у человека не существовало проблем, он никогда бы не был счастлив. Жизнь тем и прекрасна, что в ней много неожиданностей. Ты не сердись на меня за такую философию. Это не самоуспокоение, это мои скромные взгляды на жизнь. Валь, прости. Шаповал улетает. До свидания. Не скучай. Целую, *Саня*. Большой привет Всем...».

Опередив это письмо, 15 мая в Джамбул пришла телеграмма:

«Термез № 13001 ЯГ ВВПИ Джамбул 36 Солнечный 55 кв. 41 Гребневой. Подготовьте Валу Саша погиб выезжайте в Ташкент на военный аэродром, решим, где хоронить Ждите возле диспетчера Мы должны прилететь 16 числа под вечер Сергей».

**ОБЛАСТНОМУ
ВОЕННОМУ КОМИССАРУ**

«15 мая 1980 года, неся боевое дежурство, при оказании интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан погиб старший лейтенант Малахов Александр Николаевич, налаживая бесперебойную связь с вертолетами, обеспечивая боевые вылеты части.

А. Н. Малахов был специалистом 1 класса, начальником радиолокационной системы посадки самолетов, пользовался большим авторитетом в коллективе, являясь заместителем секретаря комсомольской организации роты.

Семья погибшего Малахова А. Н. имеет право на единовременное пособие и льготы, предусмотренные приказами Министра обороны СССР и постановлением Совета Министров СССР от 9 и 26 февраля 1980 года...

Командир войсковой части 70419
подполковник — *Рушинский*.

Вот так и стала Валентина Николаевна вдовой, а сын — полусиротой. И сегодня уже никто не может ответить Николаю, сыну Александра Николаевича, на вопрос кому нужна была та война?

«Наши отцы-руководители направляли в огненный Афганистан совсем юных, почти мальчишек, которые гибли, умирали от ран, болезней и все это — напрасно. Самые лучшие ребята! Среди них — мой двоюродный брат Александр Малахов», — пишет сестра Галина.

Из письма Ольги Ивановны:

«Мы с мужем растили и воспитывали троих сыновей, всю жизнь работали сами, старались и детей приучить к физическому и умственному труду, привить любовь к людям, к своей Родине. Это нам удалось. Леша и Володя окончили школу с золотой медалью. У всех троих сыновей — высшее образование, все трое были всегда вместе, любили спорт, много читали, не боялись любой работы по дому. К тому же, в отличие от двух братьев, Саша играл в духовом оркестре, освоил игру на баяне, мечтал стать кадровым офицером.

Короткой была жизнь сына, короткой была и совместная жизнь Саши и Вали. Сейчас наш внук — ученик школы № 68 имени А. Н. Малахова на станции Чир. Валюша живет и работает в г. Сосновый Бор Ленинградской области. К нам дети относятся с любовью и уважением, и мы за это им благодарны. Нам они дороги, как и наши сыновья. А все упреки в адрес тех, кто повинен в гибели сына, не помогут нам. Кончилась наша жизнь. Слезы высушили глаза...»:

Из письма старшего брата А. Н. Малахова:

«Время многое стирает из памяти, когда жизнь течет плавно, размеренно, без пере-

живаний. Но боль утраты не утихает никогда и не дает забыть ничего из той нашей жизни, когда мы были вместе, разлучались. Я и сейчас отчетливо помню, как мы расстались в последний раз в аэропорту Волгограда, в последнем году нашей спокойной и счастливой жизни. В 1979 году это был последний совместный отпуск в кругу семьи, когда у Саши и Вали появился наследник, а у брата Володи была свадьба. Сколько было радостных и приятных волнений! А как мы, два старших лейтенанта, одетых по форме, с трудом отыскивали букет цветов в районном центре для нашей Вали, когда ее забирали из роддома, а Саше нужно было улетать на службу... Не терялся он в любых ситуациях, а тут какой-то беспомощный, растерянный, такого я его не видел никогда.

Все мог стерпеть, когда дело касалось только его. Таким он был с того самого нашего счастливого детства. Трудностей тогда не замечали стараниями наших родителей. У нас было деревенское детство. Это определяло все, и нас хватало на все — на игры, на работу и дома, и на совхозном поле. Полтора рубля, заработанные на прополке арбузов за день, были для нас целым состоянием! Килограмм конфет и пистоны для пистолетов — как мало надо для счастья мальчишек! Например, два мешка пшеницы, заработанные на разгрузке зерна, на току, а в глазах матери и отца гордость: сыны растут!

В том нашем детстве подлость, трусость, физическая слабость презирались.

Служба забросила нас далеко от дома и друг от друга: меня — в Сибирь, его — в Казахстан. И бывали прекрасные дни наших отпусков: рыбалка и уха летней ночью на берегу Цимлянского водохранилища под звездным куполом неба. Гудки теплоходов в русле Дона, пенье цикад и задушевные разговоры. А как пели отец и дядя казачьи песни! Родная земля, родной край, родительский дом. Мы любили и любим эту землю.

Мы с Сашей гордились за свою профессию — Родину защищать. Он свой воинский долг выполнил до конца, и он — лучший сын России. В этом уверен я, подполковник *Малахов Алексей Николаевич*. Май. 1993 год».

СМИРНОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

2.VI.61 — 25.V.80

Родился в г. Пикалево Ленинградской области. Русский. Образование среднее специальное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, водитель.

Родители: Смирновы Виктор Степанович, Анна Семеновна.

Учился в Пикалевской школе № 4, в СГПТУ № 212. Работал столяром-плотником в тресте «Пикалевстрой». Весной 1979 года — три месяца учебных сборов в школе ДОСААФ, а через полгода, в ноябре 1979 года — служба под Ашхабадом.

25 марта 1980 года пересек границу ДРА.

25 мая 1980 года погиб.

Награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа» и Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен в г. Пикалево.

Сергей родился и вырос в городке отдаленного района. Жизнь Пикалево связана с объединением «Глинозем». И не удивительно, что многие из окружения Смирнова, его родители тоже работали здесь: отец — кристаллизаторщиком, мать — фасовщицей. Да и старшая сестра Катя, швея и мать пятерых детей, все равно пришла на комбинат, тоже рабочей.

Вот такая русская работающая семья — поддержка и опора страны. Здесь он приобрел основательность, с которой брался за любое дело. Возможно, и в тресте «Пикалевстрой» портрет молодого столяра-плотника Сергея Викторовича Смирнова мог бы быть на Доске почета, как портрет отца — на «Глиноземе». Но долго потрудиться Сереже не пришлось — надо служить. В армию провожали друзья, любимая девушка Таня, вся семья.

На пороге дома остановился, обнял Анну Семеновну и сказал: «Не плачь, мама, не на войну же ты меня провожаешь».

Тогда, весной, откуда ему было знать о войне, начавшейся в конце декабря 1979-го. Когда пересекал границу, вошедших в Афганистан называли просто —

Ограниченный контингент советских войск. О боевых действиях писать солдатам не разрешали: дескать, никакой войны нет. Порою родители и не догадывались, что сыновья воюют и их могут убить — на войне как на войне.

Чтобы не тревожить, успокоить родных, отправил домой нехитрое письмецо:

«Мама, здравствуй! С приветом Сергей. Мамочка, ты уж прости, что так давно не писал, знаешь, все времени не было. Ну, как у меня жизнь? Хорошо. Жив-здоров, домой хочу. Ну это, ладно. Погода у нас хорошая. Я сейчас такой загорелый, каким я дома за все лето не бывал. Но парни говорят, да я и сам знаю, что он быстро сходит, а жаль... Заходит ли Танечка?»

Ну, что еще писать. До 29 апреля должен получить фотографии, как получу — сразу вышлю и тебе, и Танечке. Ну, вот и все. Отсюда буду писать по возможности, сразу говорю, не часто, не будет получаться. Но как появится свободная минута, сразу напишу. Ну, а так, что больше писать? Передавай всем нашим парням привет и

Сергей Смирнов перед уходом в армию. Справа — Анна Семеновна, Таня, Сережа (г. Пикалево).

как они там живут. Напиши, твой сын *Сергей*».

На афганской земле Сережа увидел войну сам, да поначалу она и не казалась ему войной — просто временные столкновения. Но что-то новое, настораживающее ворвалось в его жизнь — и эти дороги, и этот тяжелый труд водителя и солдата, и ни конца ни края этим дорогам, этим горам...

25 мая 1980 года, ровно через два месяца службы в Афганистане, Сережины военные дороги закончились.

Беда пришла неожиданно. Это случилось на аэродроме, куда солдаты завозили плиты. Здесь работал и С. Смирнов. Он был убит неожиданным выстрелом.

Крик, кровь и глухое, как эхо: «Таня, Танечка, Танюша, ах, какой я загорелый, говорят, загар здесь быстро сходит, а жаль...»

«На кабинах машин нарисованы
звездочки краской.
Каждый час, каждый миг этой трассы
нелегкой весом.
Измеряют ее нашей кровью солдатской
красной,
Да количеством мин, разорвавшихся
под колесом...
Под рукой — теплый руль, а педали
и ствол — под ногами
И под боком страна, мне плюющая пульей
в лицо.

Затопить бы ее, эту землю сухую слезами
Тех, кто здесь потерял своих братьев,
мужей и отцов...»

Затопила слезами нашу русскую землю Сережина мать Анна Семеновна, когда вместо первой весточки от сына (об Афганистане и не подозревала, кому-то было нужно держать матерей в неведении) привезли сразу его письмо, похоронку и тут же — самого Сереженьку.

Тщетная попытка родных узнать что-либо о жизни родного человека ТАМ, на войне — безрезультатна. Два месяца, одно письмо — и все...

И сегодня уже ни горы, ни дороги, ни аэродромы не расскажут о рядовом Смирнове С. В., а военкоматы не восстановят последних минут жизни и смерти солдата.

Трагична судьба Анны Семеновны Смирновой. Пять лет назад умер муж, в 1980 году — ее сын Сергей. А в 1992 году трагически погиб зять. Вот горе — горе горькое.

Одна? Нет, дочь Катя да пятеро внучат, а младший внук — тоже Сереженька.

Памятник воину-интернационалисту установили 9 лет спустя после смерти. И сегодня внимательные глаза ладного молодого солдата, рядового Смирнова С. В., смотрят на всех живых со стены музея города Пикалево.

ШМАГНОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

7.XI.60—31.V.80

Родился в Гатчине Ленинградской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, водитель, стрелок (в/ч 27717).

Родители: Шмагновы Виктор Дмитриевич, Любовь Николаевна.

По окончании 8 классов школы № 10 Сергей поступил в СГПТУ, одновременно учился в вечерней школе. Работал на Гатчинском домостроительном комбинате формовщиком и занимался на курсах водителей при ДОСААФ.

В ноябре 1978 года призван в Вооруженные Силы СССР Гатчинским ОГВК Ленинградской области. Служил в Каунасе водителем. С февраля 1980-го он в Афганистане.

В апреле 1980 года ранен, из госпиталя вернулся снова в часть.

31 мая 1980 года погиб во время очередного рейса на бензовозе.

Награжден орденом «Красной Звезды» (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Знаком «Воин-интернационалист» и Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту», именными часами.

Похоронен на кладбище в городе Гатчина.

На здании Гатчинской школы № 10 установлена мемориальная доска. Дома хранятся документы, письма, фотографии. И эта открытка на его имя от Десятских Андрея:

«Сергея! Поздравляю с Новым, 1981-м! Желаю всего наилучшего и не забывай своих однополчан! Каунас. Андрюха».

— Эх, Андрей-Андрей, нет твоего друга. Ты же знаешь, «афганцев» хоронили тихо. Данные о них передавались тайно в военкоматы.

Что знает Любовь Николаевна о жизни сына в Афганистане? Ничего. Почему погиб Сережа, мама тоже толком не знает. Военкомат запрашивал Москву и Ташкент. Говорят, что его машина упала в пропасть...

Трудно Любви Николаевне начать свой рассказ о сыне, может поэтому пошел разговор о Великой Отечественной, когда Любаше не было двух лет. Немцы перегнали маму Любви Николаевны с двумя детишками в один из четырех лагерей для перемещенных лиц в Гатчине. Вскоре арестовали их отца за связь с партизанами, а маму с двумя детишками посадили в гат-

чинскую тюрьму. Приходили немки, маме рекомендовали отдать Любу в Германию: дескать, здесь «в одиночке» все равно девочка умрет. Но мама их не согласилась.

О прошлой войне говорить трудно, а об этой, что сына отняла, невыносимо. Но Любовь Николаевна пересилила себя и не спеша повела свой невеселый рассказ:

«Знаю одно: мой сын, находясь там, верил в то, что борется за правое дело. И тем обиднее узнавать теперь, что это никому не нужно было. И еще говорят: «Извините, афганская война была напрасной». — и смотрят нам, матерям, в глаза, нам, у которых отняли единственное, что было на целом свете! И наших-то детей представляют еще какими-то варварами. Я уверена: Сергей никого не мог бы убить, даже зверюшку. Что же с ним сделали? Я знаю, что своего сына вырастила честным, справедливым, любящим. Мы, матери, растили наших детей на радость себе и людям, а не для того, чтобы их убивали из-за чьих-то ошибок. Я всю жизнь работаю медицинской сестрой, и мой принцип — милосердие.

Что я могу сказать о Сереже? Родился крепким, здоровым. Решили: назовем Сережей. Пришли в ЗАГС, нам вручили свидетельство о рождении сына. Тогда в зале было очень тихо, и в этой тишине прозвучало имя нашего мальчика: «Шмагнов Сергей Викторович...».

Сережа посещал музыкальную школу по классу скрипки, играл на гитаре, пел. Увлекался конькобежным спортом. Посещал клуб юных моряков. До ухода в армию участвовал в народном театре. Неоднократно награждался грамотами за выступления в цирке.

...Служить Сережа пошел с большой охотой, без всяких отсрочек.

«Я никогда не забуду, — говорит мама — как на проводах в армию сынок каждому в отдельности за столом дарил песню. В Афганистане он пробыл три месяца... После армии мечтал учиться, у него для этого были все данные».

А теперь о письмах С. Шмагнова. В них он был откровенен с мамой и с младшей сестренкой Наташей.

«Здравствуйте, мама и Наталья!!! Я уже в части. Сейчас нахожусь в карантине. Го-

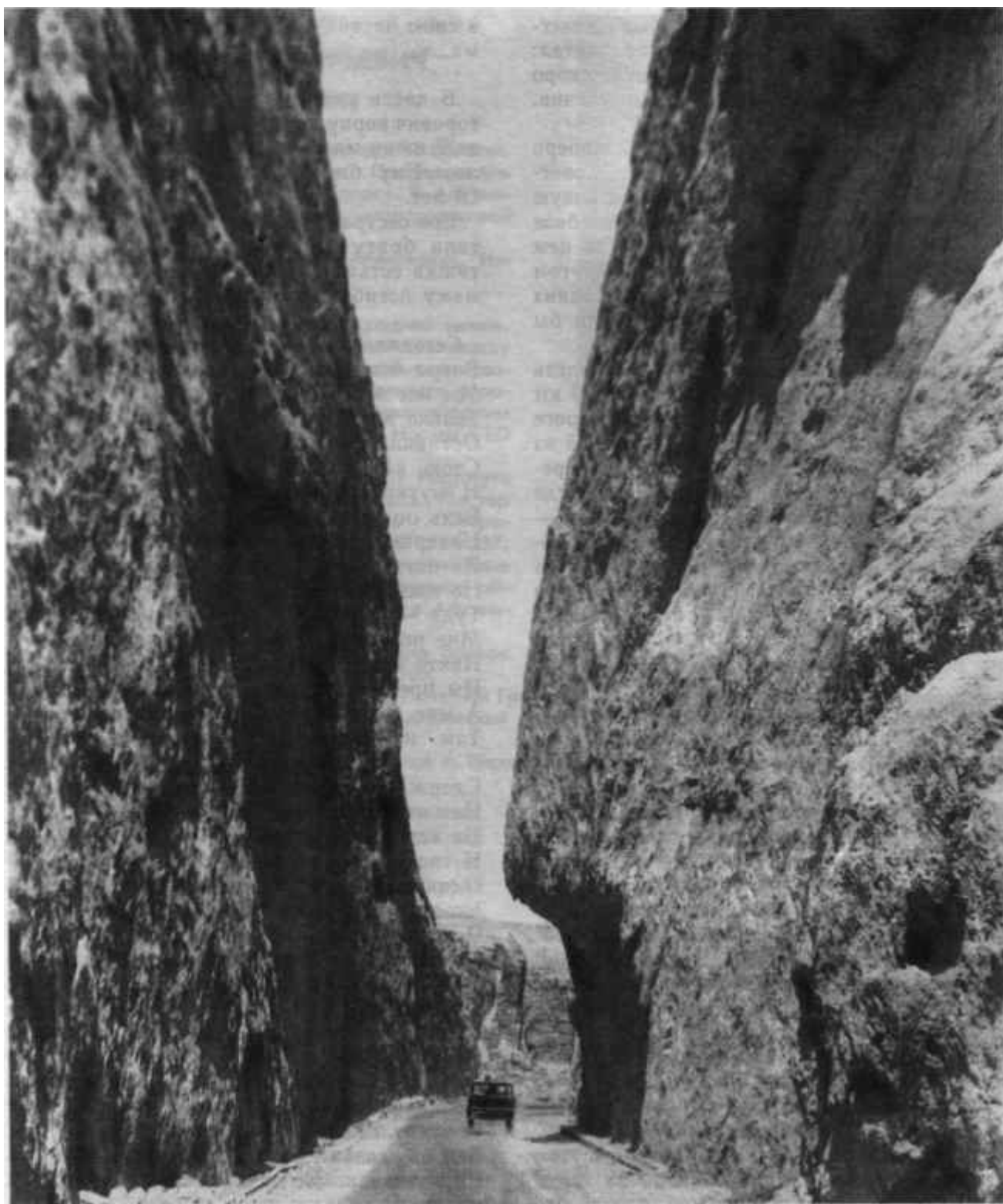
ворят, это самое тяжелое время, потом будет легче. Дорога была, хуже не придумаешь. Ну, да ладно, это уже позади. Кормят очень даже неплохо, почти хорошо. Подумываю о том, чтобы бросить курить, а то на пробежках почти выдыхаюсь. И, вообще, гоняют здорово, а особенно на строевой подготовке. Мозолей пока не натер, слава Богу... 10 декабря будем принимать присягу. У меня все нормально, как в песне поется: «Руки целы, ноги целы, что еще»... Сейчас всей ротой ремонтируем мою машину...».

«...Извините, что долго не писал. Просто мне один человек подпортил настроение своим письмом.

Ну, а как вы поживаете? Наталья, я смотрю, ты уже совсем большая стала: сборы, танцы. А лыжные вылазки у нас бывают по воскресеньям по 15 км. Наталья, ты еще спрашиваешь, хожу ли я на танцы. Так тебе я скажу, что о них я только вспоминаю. Ну, что еще о себе написать? С Ириной у меня все кончено. Да я не очень удивился этому, здесь это встречается на каждом шагу. И, честно говоря, и я давно ждал от нее этого письма. Хорошо, что она сама написала мне...».

Школьные годы Сережи Шмагнова. Встреча с Юрием Никулиным, 1976 год.

«Ах, если бы Вы видели эти горы!..» — писал Сергей Шмагнов.

Служба у Сергея Шмагнова была нелегкой, но он на судьбу не жаловался, считал: все так и должно быть. Надеялся, скоро все останется позади. Писал: «Мамулечка, все хорошо, очень скучаю.

Я покинул территорию Союза и теперь несу службу в «ГСВА» — Группа Советских войск в Афганистане. Получил новую машину — «бензозаправщик» на базе «Урал-375» и уже два раза ездил на нем в Кабул. Места здесь красивые, кругом горы, у нас таких не увидишь. А о таких дорогах я даже и не мечтал. Ах, если бы Вы видели эти дороги!..

Вот по дороге в Кабул нужно преодолеть подъем на перевал протяженностью 50 км и спуск 40 км и все — по горной дороге плюс сколько тоннелей, самый длинный из которых — 3 км и наивысшая точка перевала 3 км 800 м. Так что здесь есть где постажироваться, но «лихачить» нельзя — много ребят из-за этого оказались в пропасти или поразбивали машины. Да, чуть не забыл! Я пока лежал в госпитале, много думал. Хочу после армии пойти учиться в «мореходку». Не знаю, как ты, мама, на это посмотришь. Напиши».

Любовь Николаевну насторожило сообщение о том, что он лежал в госпитале. «Господи, — подумала она — что-то случилось страшное, а узнать не у кого». От нее сын скрывал правду, но правду он мог поведать друзьям. Так и получилось. Сережа прислал письмо своему двоюродному брату — Беседскому Валерию Николаевичу, в котором сообщил, что временно не ездит на машине, что так сложились обстоятельства, но если Валерий захочет узнать подробности, пусть непременно ходит к Ольге Лужковой, она все расскажет.

К Ольге Любовь Николаевна побежала сама, раньше Валерия. Вот что Сергей написал: «...Случилось так, что я был ранен в плечо. Лежу в госпитале (Пули-Хумри). Машина моя врезалась в скалу. Трое суток я был без сознания. (И теперь за меня пишет сосед по госпитальной койке, поскольку я сам писать не могу.) Никогда не думал, что буду слышать свист пули над головой и видеть смерть своих товарищей. Но ничего, мы еще поправимся, вернемся

в свою часть. Очень хочется побывать дома...».

В часть рядовой Шмагнов Сергей Викторович вернулся. Но 31 мая погиб. И только 7 июня маме сообщили: Сережи не стало... Ему было суждено прожить только 19 лет.

Его сестра Наталья Викторовна* посвятила брату стихотворение: «У меня братишка есть». Друзья Сережи не забывают маму погибшего товарища.

...Сегодня нашу роту не тревожат.
Вчера был бой, еще стучит в висках.
Мы все вернулись,
Только вот Сережа
Оставил свою жизнь у них в горах...
Стою, как вкопанный,
И жутко оттого,
Ведь он земляк мой, как ты не крути,
Наверняка пошлют сопровождать его.
Но нет, уж лучше снова в бой пойти.
Но вызвал капитан: «Давай, сынок,
Туда — обратно, 10 суток — срок».
Мне помогали молча собираться,
Никто советов на дорогу не давал,
Им предстояло за Серёгу рассчитаться,
А мне такое — никому б не пожелал:
Там не пригнешься, только в полный
рост —
Сдержать придется натиск женских слез...
Нас от земли афганской лайнер оторвал.
На сердце мрак и в голове шумит.
И только он один сейчас спокойно спал,
Один лишь он не знал, что к матери летит.
Но так уж вышло, так уж получилось,
Что время, для него остановилось.
Миг встречи той неумолимо приближался.
Встречает в трауре его Союз родной.
Я лбом к стеклу иллюминатора прижался,
Мне стало тошно от того, что я живой.
Но все теперь, обратно нет пути:
Ведь кто-то должен с ним сейчас пойти.
Что было дальше — невозможно передать:
Столкнулись двое — встреча и прощанье.
Там на глазах у всех вдруг постарела мать,
Ему шептала: «Не сдержал ты обещанья...»**

* Наталья Викторовна замужем. Сына назвала Сережа в честь брата.

** Песня, которую исполнил И. Косарев из г. Челябинска на втором Межрегиональном фестивале афганской песни в г. Тихвине 25 ноября 1993 года.

ЗАВОДИН ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ

12.XI.56—24.VI.80

Родился в Кировске Ленинградской области. Русский. Образование высшее. Преподаватель физкультуры. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, пулеметчик мотострелковой роты (в/ч 71176).

Родители: Заводины Юрий Алексеевич, Надежда Андреевна.

Учился Володя в Кировской средней школе. Посещал занятия в музыкальной школе по классу аккордеона. Хорошо пел, был участником художественной самодеятельности. Увлекался спортом. Имел юношеские разряды по велосипедным гонкам, легкой атлетике, лыжам. Нормы ГТО сдал на Золотой Значок.

С 1974 по 1979 годы — студент Института физической культуры имени Лесгафта. Мастер спорта. По распределению попал в г. Петрокрепость. Работал преподавателем СГПТУ № 237.

23 октября 1979 года призван в Вооруженные Силы СССР Кировским ОГВК Ленинградской области. С 27 января 1980 года служил в Афганистане, в провинции Кандагар.

24 июня 1980 года погиб, выполняя боевое задание, проявив героизм и мужество.

Награжден медалью «За отвагу», Почетной Грамотой «За активное участие в комсомольской жизни подразделения, в боевой и политической подготовке при оказании помощи народу Афганистана».

Похоронен на Марьинском кладбище г. Кировска.

Фотографий из ДРА нет. Чудом уцелели две записные книжки-дневники. Одна из них миниатюрная, самодельная — три на два с половиной сантиметра. Мелким уборым почерком отмечался каждый день на войне. Записи скупы, но в них вместились вся жизнь солдата, труд рядового Заводина В. Ю. в Афганистане.

Что побудило Владимира Юрьевича вести дневник? На вопрос частично отвечает он сам, когда записи посвящает любимой девушке из далекого Красноярска. Но как учитель — оставил для потомков хронику войны.

«Я, Заводин Владимир Юрьевич, направляясь в Афганистан, даю слово каждый день вести «дневник» не только для себя и своей любимой. Если погибну, пусть и другие знают, как мы здесь служили, как воевали, что чувствовали. Постараюсь описать все события подробно, каждый прожитый день.

На первых страницах воспроизведу стихи Есенина, Симонова, песни начинающих, которые записываю по памяти:

«Ты пришли мне надежду и живое тепло,
Даже ночью холодной мне от писем тепло.
Я прочту их в разлуке на чужой стороне,
Словно добрые руки прикоснулись ко мне».

14 января. Собрали все свои пожитки и отправились маршем до станции. Теперь предстоит дальняя, изнурительная дорога.

15—20 января. Долгая и вместе с тем быстро пролетевшая дорога. Каждый день одно и то же: подъем, прием пищи, вернее будет сказать, борьба за еду — и опять отбой. Стук колес, стук, стук. Приехали в Кушку в ночь с 20—21 января 1980 года. Очень много раненых со стороны границы. Один из них — лейтенант Захаров, замполит роты, ранение в легкие и трахею. Убай-

рула ранен в голову, руку и в левую половину живота.

Воскресенье 27. Пересек границу СССР—Афганистан.

Утром выехали. Замерз, как суслик, особенно — пальцы ног. Колонна двигалась медленно. Вечером встали у Герата, там был пункт — крики, выстрелы, полыхание огня. Заночевали в полку.

28 января. Спал очень неудобно, так как места в БТРе очень мало. Утром тронулись, к обеду прибыли в часть. Расположились в палатках.

31 января. Целый день занимались приготовлением к отъезду, дождался ночи, а ночевать негде, холодно. Сами ушли в БТРы, утром — снег, метель.

/—2 февраля. Тронулись в путь, опять дорога, дорога, дорога.

3 февраля. Вечером прибыли на место. Мы в Кандагаре.

17 февраля. Сегодня ожидалось нападение. Были вдвойне бдительны. Выдался теплый солнечный день +22. Очень соскучился по моей родимой Оленьке, быстрее бы с ней встретиться и встретиться навсегда...

19 февраля. Приехали, а все затоплено. По-новому ставили палатку. Сегодня перед обедом нас сменили с заставы. Очень жаль, на заставе жизнь намного лучше, чем в полку.

С 21 на 22 — патруль. Написал моей любимой Оленьке. Если б она знала, как сильно, ужасно, просто невыносимо я соскучился. Но ничего, я успокаиваю себя лишь одной мыслью о том, что все мечты, все думы о ней, все планы совместной жизни обязательно сбудутся.

23 февраля. Сегодня праздник. Подъем в 7.00. До обеда загорали, отдыхали, после обеда был опять смотр имущества. Температура +25—+30.

С 23 на 24 — в патруле.

24 февраля. Так как плохой порядок в палатке, ротный устроил в воскресенье марш-бросок с имуществом при температуре +25. Вспотели, даже взмокли. А еще только февраль, что же будет дальше? Написал письмо домой...».

Если проявить интерес к дневниковым записям военачальников, — какие мысли они брали на карандаш в эти же дни?

Из дневниковых записей генерал-лейтенанта В. П. Черемных:

«22 февраля. Беспорядки в столице с 20.00 21 февраля до 18.00 22 февраля. Эти сутки были очень напряженные. Маршал Соколов С. Л. и другие товарищи из Опергруппы находились в Генштабе... В Кабуле убито 90 жителей. Но войска огонь не открывали. Только один танк сделал предупредительный выстрел на улице Джеда-е-Майванд. А убийства жителей совершены зачинщиками беспорядков холодным оружием в толпе».

Из рабочей тетради начальника штаба 40-й Армии генерал-лейтенанта В. М. Панкратова:

«25 февраля. Идут боевые действия 2 км сев.-восточнее Джелалабада силами афганских частей. Наши находятся на аэродроме... Помощник коменданта Кабула доложил, что в городе все нормально... В 1 батальоне 191 мсп подорвался на гранате и погиб рядовой Мирзоев (в районе Нахрин), этим же взрывом ранен рядовой Соловей...»

И снова из дневника В. Ю. Заводина:

«1 марта, суббота. Встретил весну на посту, как и все предыдущие ночи.

2 марта. Соревнования на первенство роты. Канат — 3 взвод — 1 место. Подтянулся 15 раз — 1 место. Граната — 55 м: 1 место. Всю ночь шел тропический ливень. Вымок, как никогда. Опять потонули. Целый день ставили палатку.

5 марта. Началось с зарядки. Прибежали рано, поэтому ротный заставил бежать еще раз. После развода — усиленная строевая. А вечером получил письмо, даже два за 16 и 20/1 от моей любимой. Это счастье, когда тебя не забывают, ждут и верят.

16 марта. Патруль. Соревнования на первенство батальона. 1 рота выиграла все 3 эстафеты. Я — 1 этап выиграл бег на 50 м. 2 этап — тройной прыжок — выиграл. 3 этап — переноска камней — выиграл...

3 апреля. Я обязательно, непременно вернусь к ней, и всю свою жизнь посвящу тому, чтобы она была самой счастливой на

свете. Написал домой. Была тактика, тяжело, но я все вынесу ради того, чтобы быстрее вернуться к Оленьке.

8 апреля. Подъем в 5.00. В 6-10 выехали. Ехали на БТРе с минометчиками. Прибыли в район. Подорвался танк, его обстреляли. Но тут все и началось. Бомбили с вертолетов, самолетов, минометов. Стреляли с пулеметов. Сам так ни разу и не стрельнул. А никаких трупов не нашли. Вечером получил 8 писем из дома с конвертами, бумагой, лезвиями.

9 апреля. Сегодня была тактика. Марш-бросок 14 км на стрельбище пешим ходом. Жара. Люди падают, как мухи, даже пена изо рта. Перенес нормально, правда, можно бы и побольше воды. Вечером баня...

11 апреля. Опять тревога, готовится нападение на аэродром, банда — 400 человек. Все посты усилены. Вечером в караул».

Об этом же есть запись в рабочей тетради генерал-лейтенанта В. М. Панкратова:

11 апреля. «В ближайшее время будет заброшен отряд мятежников в составе 450 человек в провинцию Кандагар с территории Пакистана с задачей напасть на аэродром в Кандагаре с горного хребта Хада, куда он (отряд мятежников — авт.) должен проникнуть по долине реки Аргастан...»

Вернемся к дневнику В. Ю. Заводина:

«**12 апреля.** Очень трудно стоять с часу до трех. Ночь прошла благополучно, нападения не было. Вечером ротный опять чокнулся. Погонял, отбой — подъем, заставил роту рыть яму 2х2х2 метра.

13 апреля. Утром опять поиздевался. Работы много, выходных нет. Покой только снился. Вечером написал в Новгород. Получил письмо от Аленушки и из дома.

С 23 на 24 апреля выехали. Двигается колонна очень медленно, стояли в охране. Небольшая стрельба. Ночь как в 1941 — стрельба, ракеты. Вот так я встретил твой день рождения, Оленька.

25 апреля. Совершили рейд в село, обстреляли нас, но постреляли и мы два автобуса. Затем двинулись на перевал, где

застряли. Опять одни, стрельба каждые 5 минут.

26 апреля. Двинулись дальше, вечером, наконец-то, прибыли в лагерь совсем. Несколько раз нас обстреливали, но и мы дали... Знаешь, как свистят пули рядом. Сегодня потери — 2 раненых, 1 убит — офицер.

27 апреля. Сегодня прочесывали селение. Предварительно поработала техника, авиация. Затем уже мы. Наш 3 взвод наткнулся на врага хорошо замаскированного. Вели огонь, но враг еще был жив. Наши потери сегодня — 5 раненых, 2 убитых...»

В рабочей тетради генерал-лейтенанта В. М. Панкратова такая запись:

27 апреля. В 6.00 начали боевые действия... Бой за крепости... Сопротивление сильное, ямы, ловушки, рвы 2—3 м, все мосты взорваны, со всех арыков пущена вода».

Из дневника В. Ю. Заводина:

«**28 апреля.** С самого утра с 4.00 поехали на задание. Но ничего особенного не сделали. Были в городе, где нас хорошо встретили. Простояли там 8 часов, потом немного постреляли на противоположный берег реки и вернулись в лагерь. Получил 6 писем с конвертами, бумагой и лезвиями из дома...»

29 апреля. Подъем в 4.00. Уезжаем на 6 суток на задание. При переходе через перевал получили 5 выбоин в броне и 1 дыру в тенте. Аленка, как хочется быстрее к тебе, как много дум о тебе.

/ **мая.** Опять готовимся к переходу через перевал. Умер в госпитале Убайрула.*

30 мая. К вечеру прибыли в свой лагерь. Будем спать на кроватях, есть горячую пищу, даже не верится, температура 40—50 жары, ветер с песком. Баня. Стирка. Хорошо...

31 мая. В роту прибыл новый замполит, ему 23 года. Хороший паренек.

3 июня. День и ночь в готовности на БТРах. После обеда в Кандагаре. Проехали через весь город. Вернулись в 21.00. Стоял в карауле и снова в Кандагар.

* См. дневниковую запись 15—20 января 1980 г. — авт.

6 июня. Кандагар — город мужчин. Что-то снова сердце ноет. Неужели моя любовь не догадывается, где я нахожусь?

8 июня. Ночью не сомкнул глаза. Все едем и едем. За Кандагар. Задача — в 4 часа прибыть в район и занять его, но уже в районе многочисленные банды басмачей подожгли бутылками с зажигательной смесью три впереди идущие машины. Целый день жарились в БТРе, нельзя было не только выходить, но даже открывать люки. Сошло сто потов, температура +50 градусов. Ветра нет. Духота.

11 июня. Подъем в 3.00. Пошли на задание — освободить одну деревеньку от басмачей. Целый день пролежал под БТРом. Один из наших БТРов подожгли гранатометом, одного парня убило, одного ранило. Прошли 180 км, температура +55—60».

В тот же день генерал-лейтенант В. М. Панкратов делает следующую запись:

«11 июня 1980 года.

1. Вылетел в 3.00 на Мусакала и Нау-Зад.

2. Летал над районом действий с 5.30 до 7.30.

5 км юго-восточнее Нау-Зад были обстреляны с машины. Двумя вертолетами НУРС машину разбили, около 10 человек убили. Вернулись нормально.

3. Выход идет нормально, на дороге в 25 км сев. Гиришк стоит неисправная машина ГАЗ-66 (афганская) и 5—6 солдат.

4. 7.50. Вертолетчики со второго вертолета (на первый я сел) обнаружили в 500 метрах от нашей палатки 3 душманов с оружием. Обстреляли их, они упали и притворились убитыми. Майор Береговой на БТР поехал забрать оружие. При подходе БТР они обстреляли его и залезли в трубу на дороге. Душманов убили, оружие привезли...»

В. Ю. Заводин:

«14 июня. Далее двигались по пескам на запад. Дорога — это мучение. Сплошной песок. Как он надоел. Сухой паек — черные сухари, от них уже даже десны болят. Идем по пустыне, кругом барханы, песчаные холмы, буксуем, двигаемся. Очень трудно двигаться, прошли всего 45 км».

Генерал-лейтенант В. М. Панкратов:

«14 июня. 1. Батальоны начали выдвижение в 4.30. Все идет нормально...»

3. В 12.15 прилетел маршал Соколов С. Л. Доложил обстановку и решение по ней...»

4. В 15.25 начали перемещение, я улетел на вертолете. Сел в пустыне за 2 км от 2 мсб... Шли пешком, ощущение неприятное, дюны дышат жаром, бегают ящерицы и очень редко змеи...»

5. Около 16.00 начал движение со 2 мсб... 18.00 принял решение становиться лагерем».

В. Ю. Заводин:

«16 июня. Лег спать (подъем в 3.30). Перед глазами пески, барханы, дикие арбузы, они так интересно растут, такие маленькие шарики, спелые. Лагерь — в старинной крепости, осталось что-то от средневековых боев. Когда выходили из деревни, взятой нами, я сидел на броне. Вдруг раздался грохот, сначала я подумал, что взорвались гранаты в БТРе, но смот-

рю — жив, руки, ноги целы. БТР подбросило и меня тоже, в ушах звенит, все в дыму. Но, видимо, я родился в сорочке...»

Из рабочей тетради генерал-лейтенанта В. М. Панкратова:

«16 июня.

1. Выступили по обеим сторонам в 4.30. Шатин (полковник, командир 70 ОМСбр — авт.) идет быстрее, у нас дорог нет.

3. В Али-Бала захватили склад в доме главаря банды (горючее, автозапчасти, немного оружия — 4 винтовки и 4 пистолета, сахар) — и все сожгли.

4. Захватили машину с отлитыми пулями. Сожгли.

5. Вертолетами уничтожили до 15 автомашин.

6. Уничтожили до 60 бандитов.

7. К реке близко подойти не удалось — барханы. Барханы, берега обрывистые. Уже идем по пустыне шесть дней. Есть неисправные машины. 4 человека отправили с желтухой».

В. Ю. Заводин:

«17 июня. Сегодня у нас три басмача, 2 машины и 2 мотоцикла. Скоро вся бригада будет обеспечена личным транспортом. Да, посмотреть здесь есть на что! Своеобразная природа, люди, их жилища и обряды, их захоронения и кладбища. Очень интересный афганский солдат и его психология. Они больше воюют не за власть, против басмачей, а за то, чтобы в деревнях побольше награть, добыть вещи и продукты, такие барахольщики...»

Из рабочей тетради генерал-лейтенанта В. М. Панкратова:

«17 июня.

1. В 6.00 вылетел на разведку. Нашел дорогу (тропу между барханами) до реки. У реки ударили НУРСами по семи замаскированным машинам.

2. Глушков (полковник, представитель 40-й армии — авт.) с отрядом пошел на разведку дороги и брода, дороги дальше нет. Надо продвигаться через барханы. У афганцев много неисправных машин.

3. Ночью разведчики захватили машину с пуленепробиваемыми стеклами, одного взяли в плен.

4. Поставил задачи Шатину выслать навстречу Глушкову, с юга, отряд в 8—10 машин.

5. В 9.00 доложили, что БРДМ из реки вытащили на берег. Приказал буксировать к нам. Поставил задачу вертолетчикам: искать труп Кузнецова, возможно всплывет. Глушков и Шатин захватили склад ГСМ, продовольствия. Убито — 10 человек, уничтожено 18 машин, две машины взяли себе. Захватили документы и 200 тыс. реалов, у нас потерь нет».

В. Ю. Заводин:

«18 июня. Стоим на заставе среди барханов. 2 рота ушла на задание. Наша рота с помощью проводника нашла отправной пункт басмачей. Нашли оружие, пулемет, пистолеты, патроны афганского и нашего производства, гранаты ЧССР, всякой всячины...»

Из рабочей тетради генерал-лейтенанта В. М. Панкратова:

«18 июня.

1. В 6.00 захватили в пустыне машину с боеприпасами и продовольствием.

3. До 15.00 обнаружили склад с боеприпасами, взяли две радиостанции, две автомашины, одну я расстрелял с вертолета.

5. Взяли в плен человека из Ирана, одного афганца — обоих отправили в Кабул, документы отправил в Кабул.

6. Нашли труп старшего лейтенанта Кузнецова (в 22 км ниже по течению от места, где он утонул)...»

8. Результат дня нормальный. Обнаружили и уничтожили боеприпасы и склад продовольствия, 8 автомашин, 3 мотоцикла. Взяли до 30 единиц оружия, четыре исправные автомашины.

9. В 22.00 колонны с горючим все нет. Поиски тоже не дали результатов.

19 июня.

1. В 4.30 первая колонна (Шатина) ушла, в 5.00 ушла левая колонна.

2. В 7.00 сам полетел искать двумя вертолетами. Колонну нашел... и направил в Девешан (уездный центр провинции Гельменд — авт.).

3. Прилетел в Кандагар, умылся и лег спать в 11.00. Сегодня ночью не спал. Думал, что это только у меня такое состояние из-за сердца. А не спали все. Жара была +36, воздух стоял недвижим, это было первый раз. Такое явление можно связать с тем, что по небу прошли тучки, а вернее, перистые облака и было состояние изотермии.

Можно и в пустыне создавать элементарные удобства. Емкость прорезиненная в пять кубометров наливается водой — бассейн готов. Только нужна вода. Когда она близко, это надо делать.

Приезжал в 15.00 полковник Кабир, командир второго армейского корпуса. Об-

судили с ним вопросы, касающиеся задач в районах Нау-Зад, Мусакала и Киджали. Завтра будем планировать более детально. Сошлись во мнении по тактике действий в пустыне: стоять лагерем, выход по наводке — отдельными отрядами на удаление 40—60 км с утра. Возвращение в лагерь, а на ночь засады и секреты на возможных путях подхода или выхода. Это тропы к воде, дорогам, населенным пунктам. Не менее 3—4 дней на одном месте. В это же время — работа с населением, партийными активистами и установление власти.

Что характерно для южной части пустыни Дешти-Марго — барханы, подход их по сев.-западному берегу прямо к реке Гельменд. Она очень коварная, глубина от 22 до 15 м, скорость течения 7—9 м/сек. Преодолевать ее можно только в августе месяце, в остальное время — только при специальной подготовке, с использованием инж.-опорных средств.

Этот (правый — авт.) берег очень крутой и обрывистый. Высота от 25 до 70 м. Идти через барханы очень тяжело. Во-первых, если идти между ними, расстояние увеличивается в 2,5—3 раза, преодолеть их почти невозможно, поскольку высота до 4 метров.

Вывод. Воздушной разведкой искать наиболее целесообразные направления движения, не привязываясь к реке. Идти через центр пустыни, хотя это требует создания больших запасов воды. В среднем можно брать на одного человека на путь 4—6 литров воды. Что получится: 2000 чел. на 5—8 суток = от 40 до 100 тонн воды. При расчетной единице 4 тонны — одна машина — это будет — 10—25 единиц. По штату их в полку 6 машин. Заполнять все емкости и канистры, бочки. Водовозки — только на приготовление пищи».

В. Ю. Заводин:

21 июня.

«Милая, все и всю свою жизнь я посвящаю только тебе, слышишь, только тебе одной, моей Аленушке, живущей так далеко отсюда в своем Красноярске. Любовь моя, ты только дождись меня...»

Из рабочей тетради начальника штаба 40-й Армии:

21 июня.

1. В 6.00 ёлетел на Кандагар. Переоделся. Через 20 минут встретил Ахромеева.

2. Совещание проводил генерал армии Ахромеев. Решили в ночь с 24 на 25.6 город

окружить и изолировать нашими частями, одновременно подразделениями 2 ак взять под охрану объекты внутри города и организовать патрулирование.

Все это провести в течение 6 суток. Дальнейшие действия — в зависимости от обстановки...»

22 июня, 23 июня. Записей в дневниках рядового В. Ю. Заводина нет.

В часть, где служил он, пришло письмо от Надежды Андреевны, в конце которого была сделана такая приписка: «Сынушка, отправляю тебе кряду шесть писем. Не молчи. Умоляю... Береги себя. Целую. Мама».

24 июня 1980 года Володи не стало.

Во время боя в провинции Кандагар 24 июня 1980 года засевшие в одном из домов мятежники оказали ожесточенное сопротивление и остановили продвижение советских солдат. Огнем из пулемета рядовой Заводин подавил несколько огневых точек противника. Под прикрытием пулеметного огня воины подразделения, поднявшись в атаку, овладели домом. Во время атаки Владимир Юрьевич был тяжело ранен и от полученных ран скончался в госпитале.

Кировский Горвоенкомат 30 июля 1980 года прислал «Извещение» Надежде

Вдоль дороги строения из глины, почти крепости. Нередко из такого окна может простучать пулемет, автомат или ударить гранатомет. Вот почему многие строения вдоль дороги развалены.

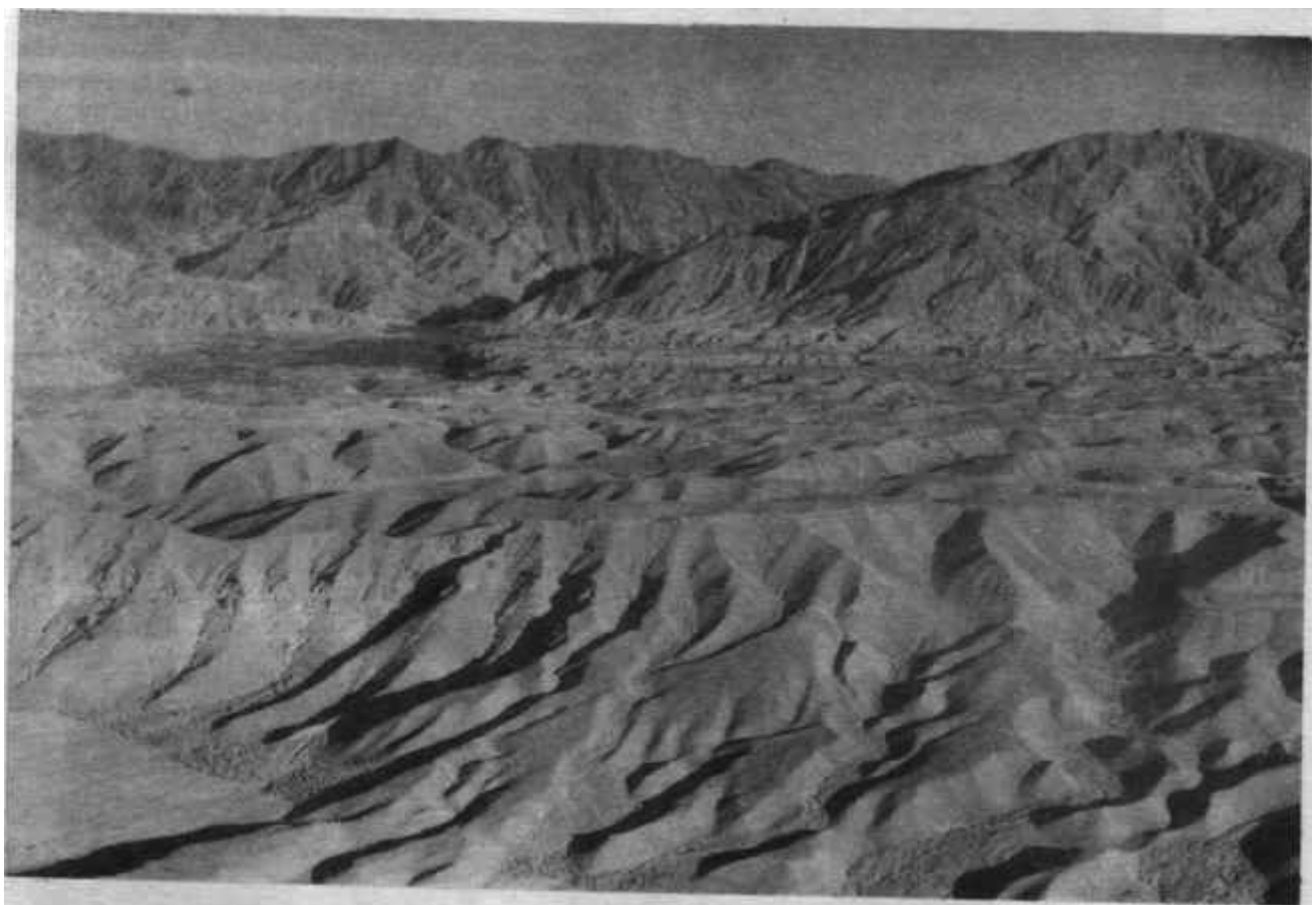

1980 год. В. Заводин (слева) и Н. Михайлов.

Андреевне: «Рядовой Заводин Владимир Юрьевич, выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 24 июня 1980 года. Примите искреннее соболезнование и сочувствие по поводу постигшего Вас горя...»

Вот что рассказала Надежда Андреевна в ноябре 1994 года: «После демобилизации приезжал ко мне из Великих Лук друг сына — Коля Нестеров. Говорил, что они тогда ходили брать аул. Володю ранило в левое подреберье. Коля нес Володеньку, а он все просил: «Колька, не тащи меня, осторожно, мне очень больно...». Сынишку посадили в вертолет. Говорят, он был лучшим стрелком в их роте...»

А Коля Михайлов, живет в Кировске, сказал: «Тогда этот аул ребятки-то наши так и не взяли...»

Пустыня Регистан, провинция Кандагар. Вид с вертолета.

КОРСУНСКИЙ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ

4.VII.61 – 27.VI.80

Родился в городе Щучино Гродненской области БССР в семье служащих. Русский. Образование среднее. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, радиотелефонист (в/ч 71176).

Родители: Корсунские Виктор Леонидович, Лидия Александровна.

С 1967 по 1977 годы учился в школе. Хорошо рисовал. Его работы были представлены на страницах детского журнала «Веселые картинки». По окончании средней школы в Кингисеппе поступил в Нарвский политехникум по специальности механика ткацких станков. Работал учеником слесаря на Кингисеппском пассажирском авторемонтном предприятии.

23 октября 1979 года призван в Вооруженные Силы СССР Кингисеппским ОГВК Ленинградской области. Учился на курсах в Выборге, получил специальность радиотелефониста.

С 10 января 1980 года — в Афганистане, в роте связи мотострелковой части в г. Кандагаре. Тяжело ранен в бою. 27 июня 1980 года умер от ран в полевом госпитале.

Награжден медалью «За отвагу» (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа» и Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту», Знаком «Воин-интернационалист».

Похоронен на воинском кладбище в г. Кингисеппе.

«Мама, милая, как мне надоело это вечное лето!» — из последнего письма Саши.

20 июля 1980 года родители Саши получили письмо от боевых друзей сына:

«Дорогие Лидия Александровна и Виктор Леонидович, Сергей и Таня! Пишут Вам друзья сына и брата. Нас всех призывали из Кингисеппа, и мы были друзьями до последней минуты... Почти год мы с Сашей прослужили вместе. Когда прибыли в Афганистан, специфика нашей работы изменилась. Работать приходилось в опасных и трудных условиях, когда нужно было идти в ненастную погоду или в ночное время исправлять линию или систему сигнализации. Саша всегда был готов: он спокойно брал оружие и инструмент, никогда не пугался трудностей, с полной отдачей выполнял поставленную перед ним задачу и со словами: «Все будет хорошо», — уходил на новое задание.

Когда Саша работал с аппаратом и его голос звучал в эфире, все знали, что связь будет устойчивой.

Рейдовые операции требовали от всех большого морального и физического напряжения. Неоднократно после них командир объявлял благодарность рядовому Корсунскому. Так было и в этот раз. Выполнив задание, мы направлялись на свою базу уставшие, но довольные. Неожиданно (на полпути) получили боевое задание: помочь афганским друзьям, которые вели бой с бандитами.

При подходе к заданному району 27 июня 1980 года наши машины, идущие впереди, попали под шквал огня, под сильный обстрел. В это время Саша находился у рации и поддерживал связь. Было прямое попадание в БТР, в котором он находился, из гранатомета — внутри машины все загорелось. Экипаж во главе с начальником штаба покинул горящую машину, все рас-

средоточились и залегли рядом с БТР, отстреливаясь. Была попытка солдат сбить огонь в машине, но противник не дал этого сделать. Здесь был смертельно ранен водитель Александр Орлов. Тяжело был ранен в бою и Саша. Но даже в этой обстановке он вел себя спокойно и мужественно.

После оказания первой помощи он попросил оружие. Хотя и держался бодро, но было видно, что состояние резко ухудшается. Товарищи перенесли его в более безопасное место. Скоро на выручку пришли наши боевые товарищи.

Экипаж, обожженный и оглушенный, был доставлен в полевой медпункт. Позади пылала машина, еще шел бой, там продолжали сражаться наши друзья. В тот же день (27 июня) Саше сделали операцию. До позднего вечера врачи военного госпиталя боролись за жизнь солдата. Но утром 28 июня мы узнали: с нами уже нет нашего доброго и веселого Саши...»

Душевное спокойствие бойцов в роте часто зависело от Александра. Невероятные метаморфозы происходили с ними, когда он, их Саша, широко улыбнувшись, брал в руки гитару. И тогда все, что было пережито за день, уходило прочь, все забывалось.

Он был преисполнен спокойствия и мужества, обладал способностью успокоить, поднять настроение окружающим, быть доброжелательным. И это в свои 18 лет.

О нем друзья говорили: «У нашего Саши доброе сердце, полное любви, нежности и всепрощения. Он умел творить добро...»

Конечно, родители научили его быть добрым. И то, что к ним через столько лет после смерти сына приезжают его боевые товарищи, говорит о многом — они выражают свою благодарность родителям за Сашу.

Письмо из воинской части, в которой служил рядовой А. Корсунский:

«Уважаемые Виктор Леонидович и Лидия Александровна!

Пишут Вам комсомольцы, боевые товарищи Александра. Нам тяжело писать

Сгоревший БТР..

это письмо, зная, что оно с острой силой напомнит вам о величайшем горе. Тяжело, потому что мы потеряли отличного, смелого, боевого товарища, преданного друга. Александр навсегда останется в нашем сердце и враги жестоко поплатятся за его гибель.

Чтобы никогда не померкла память о нем, чтобы все бойцы, которые придут на наше место, помнили о нем, о его подвиге, учились у него, мы решили создать в подразделении «Летопись боевой славы». И поэтому просим выслать фотографию Александра.

С уважением, боевые товарищи Александра, члены комитета ВЛКСМ и командование 1-го мотострелкового батальона в/ч 71176».

К Виктору Леонидовичу и Лидии Александровне приезжал друг Саши — П. П. Федоренко. До утра рассказывал о жизни в Афганистане, войне, о солдатском быте, службе. Жили в палатках, спали на двухъярусных койках. В палатке — печурка: топили ее всю ночь по очереди, дежурили, менялись каждые два часа.

Южные ночи холодны и очень темны. В одну из таких ночей они с Сашей должны были выполнять задание — наладить связь (душманы вырезали 30 метров кабеля связи). Не видно ни зги, шупом отыскивали конец кабеля в грязи, в жиже. Два часа проводились, но задание выполнили.

«С таким другом, как Саша, легко и просто было. Как жаль, что наша страна теряет таких парней», — скажет П. П. Федоренко, прощаясь с родителями Корсунского.

АГЕЕВ НИКОЛАЙ ЛЕОНИДОВИЧ

22.XII.59—15.VII.80

Родился в поселке Толмачево Ленинградской области. Русский. Образование среднее. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, водитель (в/ч 27717).

Родители: Агеевы Леонид Александрович, Надежда Георгиевна.

Учился в Толмачевской средней школе и на курсах шоферов в Луге. Работал на заводе железобетонных изделий водителем. 11 ноября 1979 года призван в Вооруженные Силы СССР Лужским ОГВК Ленинградской области, в декабре 1979-го направлен в Афганистан.

15 июля 1980 года погиб.

Награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен в родном поселке Толмачево.

Появление на свет Коленьки было большой радостью для Надежды Георгиевны и Леонида Александровича. Каждый год в день его рождения они с волнением вспоминали, какое первое слово произнес, каким был, каким стал. И от материнской и отцовской мудрости в вопросах воспитания

Из воспоминаний Лидии Александровны о сыне:

«В квартире не было вещей, которые выходили из строя и которые Саша не смог бы отремонтировать. Еще он очень любил музыку, любимым ансамблем была группа «Битлз» и из любви к ним он выучил самостоятельно английский (в школе учил немецкий).

Саша играл на гитаре, неплохо пел. Дома хранятся кассеты с живым голосом сына. У нас был замечательный сын: веселый, жизнерадостный, с чувством юмора. Где он, там всегда смех. Таким Сашенька остался в памяти всех, кто знал его.

23 февраля 1981 года получили телеграмму из Кингисеппской средней школы № 2: «Ваш сын Корсунский Александр Викторович навсегда остался солдатом. Помним и не забудем. *Его одноклассники*».

сына зависело его отношение к жизни в детстве, отрочестве, юности и даже в зрелости. С задачей умных и добрых наставников Агеевы справились прекрасно.

Их мечта, чтобы сын стал добрым, не забывал дома, сбылась. «Мужчина у нас подрастает, — скажет, бывало, Надежда

Георгиевна мужу, соседям. — Все дела по хозяйству на его плечах. Трудолюбивый!». И заплачет — вроде жалко его, маленький еще по годам, а куда денешься: Леонид Александрович, отец, часто болеет, а ей, бабушке да двум его тетушкам, что в деревне живут, не справиться со всеми делами, мужских рук требующими. А тут, глядишь, и Николай рядом — дровами на зиму обеспечит, сена накосит, огород по весне вспашет, осенью поможет картошку собрать да в подвалы ссыпать. Не боялся взрослого труда и житейских трудностей. Сам себе деньги заработал на мотоцикл «Восход». Так на нем и к бабушке, и на покос, и в лес, и на рыбалку. О любви Коли к рыбалке надо особо сказать.

В Лужском районе много озер с причудливыми названиями — Врево, Стречно, Сяберо, Самро, Черемнецкое. Здесь с удочками не одну ночь провел Николай с друзьями, когда приезжал рыбачить. Домой привезет улов — щуку, леща, окуней, плотвы — счастливый. Родителям гордость — кормилец растет, опора в старости. Про лес и говорить нечего. Как только ягода пойдет, то успевай мама ее перебирать — тут тебе и малина да земляника, морошка и черника. Брусники и клюквы надо впрок заготовить. Зимняя клюковка — то же самое, что лимон, за границей и более того ценится. А когда грибы пойдут, Коля уже в лесу. Запах грибной по всему поселку.

Очень любил, когда в доме ремонт начинался. Задумает Надежда Георгиевна побелку провести, Николай тут как тут, вот тебе, мамочка, и глина, и песок, и известь. Пройдет ремонт — в комнатах светло, на душе радостно.

И жить бы Агеевым в радости, да повестка пришла, сына в армию отправлять надо. Понимают родители: святое дело. Как ведется на Руси, проводы устраивают. Все жарится, парится. Собрались гости, друзья, любимая девушка рядом с Коленькой. Песни под баян, смех, слезы, шутки, пляски. Все, как положено. И тут Николай встал и сказал: «В армию хочу пойти, не боюсь служить, но почему-то страшусь конца службы». А потом повернулся к маме и заговорил стихами вдруг, хотя и трезвый был:

«Мама, не ругай меня — я пьяный,
я сегодня пил и буду пить,
потому что завтра утром рано
я поеду юность хоронить».

«Вот и похоронил сыночек юность 15 июля 1980 года в чужом краю, на чужой стороне», — сказала Надежда Георгиевна.

А потом, не спеша, повела невеселый рассказ: «Живу совсем одна, без сына, без мужа, подчас даже некому подать стакан воды. Вы — мать и поймете, как тяжело так жить на белом свете.

О сыночке моем: службу Коленька начал в Риге, а в декабре 1979 года он писал: «Сформированный эшелон отправился на границу Афганистан—СССР. В нем находился рядовой Н. Л. Агеев, водитель, Ваш сын...».

Никогда не писал, что ему там тяжело. Писал, что ездил по Кабулу, что там плохо живется народу: у нас в Союзе животным живется лучше. А друзья ему сообщали, что я все время плачу по нему, а он в ответ: «Мамочка, когда ты прекратишь плакать — наверное, река Луга вышла из берегов от твоих слез. Ничего со мной не случится. Скоро приедет молодое поколение, я с ними пару раз проеду по перевалу Саланг и тогда в Союз...». Но этого сыночек не дождался. Вот что мне сообщили: «Выполняя задание по уничтожению бандформирований, в бою, прикрывая товарищей, верный воинской присяге, проявив мужество и стойкость, рядовой Н. Л. Агеев погиб».

Ко мне приезжали его друзья из Тосно, Перми. Говорили, что таких друзей, как Колечка, очень мало. Встречались и разговаривали с девушкой, которую он очень любил. Ларисой зовут. Когда узнала, сердечная, что Колечка погиб, сразу же прибежала и очень плакала и все говорила, что это какая-то ошибка, не может такого быть.

Приезжал и полковник, которого сынок закрыл своим телом, но я была в таком состоянии, что не могла ничего слышать, и он пообещал еще приехать, но больше не приезжал. Он был у меня в 1990 году, оставил номер воинской части, где в то время находился (в ГДР). Имя его В. В. Васильев.

Каким был мой сын, я-то знаю. Добрый, веселый. Все его любили на своей улице и до сих пор он «Колечка». Наверное, в поселке нет человека, который бы не знал его могилу. Иной раз приду к нему, а там уже цветы и оставлена записочка: «Тетя Надя, это были мы».

Видимо, юноша так и не успел осознать, что совершает подвиг, жертвуя собой во имя старшего товарища, у которого есть семья, дети, престарелые родители. Его поступок на общем фоне войны выглядел эпизодом, сухой строкой, вписанной в рапорт командира, потому что они исчислялись тысячами.

Это стихотворение, написанное учеником Толмачевской школы Э. Абдюшевым, мама Николая передала в нашу Книгу.

НАШ ЗЕМЛЯК НИКОЛАЙ АГЕЕВ

Как мало лет он прожил. Только двадцать!
Но миг победы — больше, чем года.
Как трудно умереть, чтобы остаться,
Остаться в наших душах навсегда.

Нет, мужество случайным не бывает,
Оно в душе солдата родилось,
Когда он о друзьях не забывает
И с Родиной себя не мыслит врозь.

Смотрю, смотрю в его лицо простое.
Печальное тире между двух лет,
И верю я, что только так и стоит
Жить на земле, как жил на ней солдат.

Надежда Георгиевна Агеева, мама Николая, пос. Толмачево.

**МОКЕЕВ
ВИКТОР ПЕТРОВИЧ**

13.XI.60~24.VII.80

Родился в деревне Немжа Подпорожского района Ленинградской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, водитель (в/ч 79942).

Родители: Мокеевы Петр Иванович, мать шестерых детей — Татьяна Игнатьевна.

С 1968 по 1976 годы Витя учился в Немжинской и в Винницкой школах Подпорожского района. С 1976 года — учащийся СГПТУ № 14 г. Мурманска. Получил специальность слесаря строительно-дорожных машин.

11 ноября 1979 года был призван в армию. Служил в Заполярье. В начале 1980 года в числе первых пересек границу Афганистана.

20 июля с тяжелыми ожогами был доставлен в госпиталь города Ташкента.

24 июля умер от термических ожогов.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на кладбище деревни Кармановская Подпорожского района.

От деревни Немжа до Санкт-Петербурга почти 400 километров. Райский уголок Ленинградской области. Леса сосновые, густые, ягод, грибов — бери — не хочю.

Российская глубинка — даже на карте Ленинградской области не отмечено это село, такое оно маленькое. Здесь родился Витя Мокеев. Здесь вместе с братьями и сестрами бегал по лесу, по немженским (кармановским) окопам, рвам, что служили оборонительной линией в далекие 1941—1944 годы.

В этом сказочном краю проходило детство Вити.

Обязанностей по дому, работы на огороде, по хозяйству в семье было более чем достаточно. В страдную пору, когда взрослые уходили в лес, в поле, на покос, дети оставались дома одни. У каждого были свои обязанности. Шестилетний Витенька не был в многодетной семье исключением.

Петр Иванович и Татьяна Игнатьевна к детишкам относились с пониманием и до-

верием, но не забывали и о контроле. В семье сохранялся дружеский тон общения, доброжелательное отношение друг к другу, понимание нужд каждого.

И не удивительно, когда Виктор решил продолжить свое обучение на «стороне», чтобы ремесло нужное приобрести в жизни, сестра Зинаида забрала его к себе в Мурманск. В ее семье он жил, учился, получил хорошую специальность, но, к сожалению, поработать так и не довелось, надо было идти служить.

Профессия водителя не из легких, требует большой физической закалки, знаний, опыта, который рядовой Мокеев приобретает в армии.

А пока после двух недель службы Виктор напишет письмо, сообщит родным, что «жив-здоров», занимается строевой и политической подготовкой, готовится к принятию присяги, которая будет где-то в середине декабря... Служба Виктора проходила в авиадесантных войсках. О нем просил не беспокоиться.

То, что сын попал на войну, ни Татьяна Игнатьевна, ни Петр Иванович не знали: служит сын и служит. Все служат. Вот и фотографию прислал, пишет, снимался, когда был дневальным по парку. Откуда было знать родителям Вити, какая беда их поджидает.

Домой шли письма из Афганистана совсем «не тревожные»:

«Здравствуйте, мои дорогие папочка, мамочка, Валя, Женечка и бабуля! С горячим приветом к Вам ваш сын Витя! Прибыл из командировки. Все нормально. Здоровье хорошее, все отлично. За командировку получил ценный подарок — фотоаппарат. 1980 г. ДРА...»

Так спокойно пишет о командировке, за которую получил фотоаппарат. Так ли это? Афганские дороги требуют практических навыков вождения машин, умения работать и воевать. Правда, он, Виктор, здоров, молод. Во время «ходок» по «Дороге жизни» чувствовал себя хорошо, помнил о «Клятве воинов-автомобилистов».

«Отправляясь в рейс, клянемся светлой памятью погибших товарищей, что приказ Родины, своего народа по надежной защите рубежей нашей страны и оказания интернациональной помощи афганскому народу — выполним! Клянемся действовать на маршруте мужественно и умело, с достоинством и честью, до последнего вздоха быть преданным нашей Родине и своему народу», — текст клятвы взят из записной книжки рядового Агеева Н. Л.

На память невольно приходят слова В. П. Куценко, который об Афганистане знает не понаслышке, служил там тоже:

«Каково механику-водителю? Он не сможет покинуть в минуту опасности машину, и сам знает об этом. Когда кто-либо из участников этой войны скажет скромно, что был там водителем, посмотрите внимательно в его глаза. Даже если его грудь не украшена орденами и медалями, все равно это — герой...»

В письмах друзьям Виктор писал:

«...22 июня 1980 год. Этот день мы отметили тоже. С ребятами помянули тех, кто погиб в Великую Отечественную войну, помянули и своих ребят, погибших в Афга-

«Вот и фотографию сын из армии прислал», — радовался отец Виктора П. И. Мокеев...

нистане (здесь идет война, а не учения), и тех, кого мы потеряли на «Дороге жизни» и смерти, а также в горах. Здесь кругом горы и душманы, их еще называют «духами»... Настроение боевое.

Саша, отвечаю тебе на вопрос. Ты знаешь, что до армии я жил почти на севере. И вдруг меня бросают на «юг». Представляешь, из морозильника в жаровню. Так и служил. А тут начались сборы. И где-то за час до отправки официально объявили, что направляемся в ДРА для выполнения интернационального долга. Так я и попал сюда, а здесь война. Хотя ее так и не называют, но здесь стреляют в людей».

А потом пришло извещение из Афганистана из войсковой части:

«Прошу известить гражданина Мокеева П. И., проживающего п/о Карманов-

ская Подпорожского района Ленинградской области о том, что его сын рядовой Мокеев Виктор Петрович, рождения 13 ноября 1960 года, выполняя боевое задание, верный воинской присяге, проявив стойкость, геройство и мужество, был тяжело ранен и умер...».

В тот июльский день 1980 года по трассе «Ленинград—Подпорожье» его привезли тайком. И как! Два КАМАЗа везли песок. В одной из машин находился гроб, прикрытый песком.

Так в то время хоронили героев. А ведь по сути рядовой В. П. Мокеев совершил подвиг. Сопровождающий гроб с телом Мокеева В. П. сказал, что Виктор отогнал горящий бензозаправщик от вертолета и получил при этом сильные ожоги, врачам его не удалось спасти. Нам никогда не узнать, о чем думал он, когда без приказа командиров, без малейшего внутреннего колебания, не задумываясь, бросился спасать вертолет от огня ценой своего здоровья, ценой жизни.

Уже много лет нет Виктора Мокеева. Бегают мальчишки и девчонки на берег маленькой речушки Немжа, ходят влюбленные по дорогам близлежащих деревень, каждую осень одноклассники Вити провожают своих детей в школу.

Только нет среди них детей Виктора. Радости семейной, отцовства ему так и не удалось познать. Он ушел в вечность в свои 19 лет.

Из письма Н. И. Прохоровой:

«Семью Мокеевых я узнала после гибели своего сына Сергея Прохорова в 1984 г. и с того времени наши пути-дороги сошлись. Мы каждый год встречаемся в День памяти наших ребят. Первая встреча проходила в 1987 году в Доме Культуры, где нам войны-интернационалисты из г. Подпорожья вручили портреты наших сыновей. Мы сидели в зале, мама Вити спросила: «Почему я плачу?». Я ей ответила: «Плачем мы с Вами по одной причине — по потере наших сыновей». После гибели Сережи я старалась как-то найти себя, мне в этом помогли

Татьяна Игнатьевна Мокеева с Ниной Ивановной Прохоровой в годовщину вывода советских войск из Афганистана. Матерям погибших воинов-интернационалистов вручили награды сыновей. 15 февраля 1990 года.

ребята-афганцы, которые служили в 1979—1989 гг. Они приходили ко мне, были всегда рядом, помогали во всем, а потом стали называть меня второй мамой. После этой встречи я старалась сблизить Татьяну Игнатьевну с ребятами. И сейчас в Дни памяти Сережи и Вити стараемся ездить с ребятами на могилки.

Награды нашим сынам (посмертно) вручали одновременно. Орден Красной Звезды на могилке у Сережи, моего сыночка».

ЧЕЧЕТЕНКО АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

22.X.56—22.VIII.80

Родился в Ленинграде. Русский. Образование высшее. Преподаватель. Холост. В Афганистане — младший сержант (в/ч 71176).

Родители: Чечетенко Павел Герасимович, Надежда Фроловна.

После окончания школы Саша учился в институте физкультуры им. П. Ф. Лесгафта. Вместе с В. Ю. Заводиным больше года работал в областной детской спортивной школе.

22 октября 1979 года призван в армию. Служил под Выборгом. С 26 марта 1980 года — Афганистан.

26 июня 1980 года сопровождал цинковый гроб с телом друга Владимира Юрьевича Заводина.

22 августа 1980 года Александр Павлович погиб в бою.

Награжден орденом «Красной Звезды» (посмертно).

Похоронен в деревне Рюмки Ломоносовского района. На могиле установлен памятник, на нем надпись: «Пускай погиб ты, но в песне смелых всегда ты будешь живым примером». Павел Герасимович посадил дубок, совсем маленький. Сейчас он вырос, большой. Комсомольцы на центральной усадьбе хозяйства высадили аллею деревьев и назвали «Сашины деревья».

В школьном музее хранятся фотографии воина-афганца, дома — награды, полученные на «гражданке» и в Афганистане, письма и голубой засушенный цветок, присланный сестренкам из ДРА, слайды (их привезли друзья из ДРА), записная книжка, что хранит след войны, начала войны в Афганистане — 1980 год, пробитые пулей военный билет и фотография невесты Ларисы.

М. Г. Чечетенко (из г. Чернигова) прислала стихи, посвященные «дорогому племяннику Саше Чечетенко и всем воинам-интернационалистам».

«...Афганец дул, песок бросая,
Туман в ущелье оседал, —
Так жаркий день в горах родился...
Вдруг выстрел тишину прервал.
Летели камни в дикой пляске,
От взрывов — на траве обвал.
Шел бой с рассвета до заката —
Враг не прошел за перевал...»

Из разговора журналистки Г. Леонтьевой с Павлом Герасимовичем:

— Каким был ваш Саша?

— Поверьте, он был... Самым лучшим. Конечно, я его отец. Но посудите сами, почему я так считаю. В его характере было заложено столько здорового и прекрасного, чтобы быть настоящим человеком, педагогом. Все ребята из родной деревни и окрестных ходили за ним по пятам. Он в поход, и они за ним, он на велосипед и они — следом.

Бывало, стучатся в окошко: «Александр Павлович дома?» А мы с матерью и не пойдем сразу, о ком речь: нет, мол, у нас такого. Их Сашка — и вдруг «Александр Павлович». Да только не «вдруг» им стал. Сколько же он для этих малышей спортивных секций напридумывал, бегать всех приучил, да и себе спуска не давал. Дождь ли, ветер, садится за руль велосипеда и — сто обязательных километров в день. Так

и к институту готовился, к большому спорту, к будущей тренерской работе. Те, кто его знал, говорят, что Саша был прирожденным педагогом еще до того, как стал учиться в институте.

Девчонки и мальчишки утверждали, что с ним каждый хотел бы дружить. И гордились они тем, что лучшая задушевная песня под гитару у костра — Сашина; самый вкусный шашлык, пахнувший чистым русским дымком и еще какой-то загадочной восточной пряностью — тоже его, самые невероятные неслыханные истории — тоже Сашины. Они слушали их, затаив дыхание. Сочиняет, не сочиняет свои истории этот ясноглазый паренек — неважно; главное — интересно, заслушаешься.

Какое это великое счастье, когда старшего друга дети понимают, и настоящую признательность к нему не скрывают. А он работал так с детьми, чтобы не вызывать у них чувство обиды, не оскорбить, не подавлять, а вовремя похвалить пусть даже за малейший успех в каком-либо деле.

С кем ни поговоришь, каждый о нем только доброе скажет, он словно энергией особой напитан, честной, доброй силой.

Любовь Павловна (сестра Саши):

«Вам, все это, может мелочами покажется. Но он нам с Мариной каждый день после занятий в институте мороженое привозил. Бывало, в жару, в переполненных автобусах или электричках мается, а эскимо для младших сестреноч-близняшек обязательно привезет.

От домашних дел не убегал, всегда какую-нибудь работу для себя находил: семья-то большая, вот и крутился как белка в колесе. Со мной и Мариной занимался. И на танцы надо бы успеть, в новых джинсах пофорсить. С ним было светло жить...»

Бежал Саша по жизни, спешил, сердце уверенно стучало. Весело, сил много — на долгую жизнь. Да только в 23 года, в день рождения, в армию призвали. Ушел не просто в армию, а на войну — в ДРА. Как коротко звучит это слово и как стучит в сердце прибывшего сюда сержанта А. П. Чечетенко! Он будет служить честно, искренне веря, что не уйдет, пока эта земля не станет свободной.

Из записной книжки С. Чечетенко:

28 апреля 1980 года:

«В бою не струшу, знаю точно, но если что случится, то знайте, погиб героем. Но верю, что вернусь...»

Сегодня весь рейд просидели в БТР, так и не высунулись ни разу — противник не обнаружен.

29 апреля. С аэродрома батальон заходил в пуштунские племена. В городе — флаги, власть признали. Встречают нас радостно. За прошедший день обстреливали на перевале, пробило колесо. На перевале сломался 139-й БТР. Козлов вызвался цеплять тросс в секторе обстрела. Все обошлось нормально.

30 апреля. С утра поехали за водой на БТР-138. Весь день сопровождали колонну, с обеда — транспортируемый танк. Пришли в лагерь затемно, помылся, постирался.

1 мая. С утра — митинг. Небольшой инструктаж. С утра заварили верблюжью колочку, а сахар уже кончился. Сопровождаем колонну в замыкании. С 13.00 до 15.00 стоим на горе — в охране, все время пьем чай с верблюжьей колочкой и еще какой-то зеленью. Гуреев и Караев ведут наблюдение на вершине горы. Гаринов несет им обед.

Подходит отставшая часть колонны. Увидев их, открывают по ним огонь. Пули ложатся несколькими метрами ниже. Оператор не рассчитал дистанцию, благодаря чему все обошлось.

2 мая. С утра идем на перевал Пядж. Подъем в 2-30. Встал в 1-30, разогрел завтрак, поели. Отчего-то праздничное настроение, но ведь 1 Мая было вчера.

Ах, да, вчера на Дворцовой площади было праздничное шествие. Обязательно подошью белый воротничок. Такое расстояние, а чувствуется.

Перевал преодолели успешно. К вечеру вернулись в полк. Ходил мыться на речку (с автоматом). Рейд закончен».

Любовь Павловна продолжает рассказ:

«Из Афганистана в конверте Саша прислал засушенный голубой цветок. Он так засох, хотя, по правде сказать, какой-то особый запах сохранился. Друзья-однопол-

чане рассказывали, что Саша большим выдумщиком был даже на войне. Когда солдаты остались без хлеба, он из чего-то соорудил сковороду, муку замесил, пирогами всю роту накормил. Потом ребята сами тесто замешивали, а печево свое называли «Сашиными пирожками».

Знаете, о чем я жалею? Не успела насладиться дружбой со старшим братом, любимым братом. Как я гордилась им! Как упивалась его обществом! Подружки завидовали. Он так тонко понимал, чувствовал других. Он был простым парнем. Только очень хорошим. Лучшим. Он как-то особенно жил...».

В Афганистане Саша отслужил несколько месяцев и за образцовые выполнения заданий командования получил отпуск. Приезд солдата из армии для всех всегда радость необычная. Для семьи Чечетенко — не исключение. Редкая это награда бойцу. Редкое счастье всей семьи. Дома находился с 16 мая по 18 июня. А потом вдруг снова приезд домой, совсем уж неожиданный. Забеспокоился отец: «Что-то больно часто дома бываешь, сынок?». Маму Саша тревожить не стал, а вот с отцом поделился своим горем. Не в отпуск на этот раз приехал. Гроб с телом друга (Заводина В. Ю. из Кировска) сопровождал. Похоронил — и тут же обратно в свою часть. Служить оставалось меньше года. Прошло чуть больше месяца, и вот из части... похоронка. И официальное письмо.

Из письма лейтенанта С. В. Лашкул отцу и матери воина-интернационалиста:

«Уважаемый Павел Герасимович! Пишет Вам замполит роты, в которой служил Ваш сын, сержант ЧЕЧЕТЕНКО Александр Павлович. Поверьте, мне тяжело писать письма родителям ребят, погибших на этой земле. Но всегда живет чувство гордости за них и благодарности Вам, воспитавшим таких мужчин.

Саша с самого начала службы показал себя с лучшей стороны. Он понимал по-настоящему свой долг и свою роль в подразделении. В той операции я оставался единственным офицером в роте и лично руководил боем, в котором погиб Ваш сын. Я не имею права писать о подробностях —

поймите меня правильно, но с полной ответственностью, как коммунист, говорю Вам, что Александр до конца исполнил свой долг и его поступок во многом решил успешный исход боя. Посмертно Чечетенко Александр Павлович представлен к награждению орденом «Красного Знамени». (Но этого ордена в семье нет — *авт.*).

Мне всего 22 года, но я офицер и Саша был моим **первым помощником во всех делах, помощником и другом**. Горько и больно было видеть, как рядом со мной падает тот, кого больше всех ценишь среди подчиненных.

Павел Герасимович и Надежда Фроловна!

Примите глубокие соболезнования и поверьте, мы отомстим за Сашу, отомстим так, чтобы спокойно ему было лежать в нашей земле.

Еще раз спасибо вам большое за то, что вы воспитали такого сына, Человека».

Сергей Васильевич написал о «поступке» Саши просто и по-военному сухо. Но это был солдатский подвиг. Попали они под перекрестный огонь. Замкомвзвода Александр Чечетенко поднял свое подразделение в атаку. По первым бьют злее, бьют в самое сердце...

Хоронили Сашу всем миром — с воинскими почестями, с ревом малышни, с причитаниями соседок.

Последнее письмо Саши пришло домой спустя несколько дней после похорон, задержалось в пути:

«Здравствуйте, мои родные.

Вот и пошел уже месяц, как я уехал из дома. Кажется, для меня он пролетел быстро — но это, по-видимому, дорога, переезды, служба на заставе — в основном из-за них. До моего приказа уже осталось 220 — считаю каждый день в календаре, отмечаю крестиком.

Служба идет нормально. Недавно поставили временно секретарем комсомольской организации роты — теперь вот уже несколько дней после утреннего развода сижу в палатке, пишу документацию, а ее — тьма. В этом, правда, нет ничего страшного, ведь писать, вроде, не тяжелее, чем бегать и работать по жаре и пыли.

Вчера было воскресенье. Весь день посвятили спорту. Утром бегал на яму плавать, вечером в футбол играл, а перед завтраком заставили бежать кросс 3 км. Пробежал хорошо, за 12.05. Бежал изо всех сил, результат, кажется, лучше всех в батальоне. На этом до свидания. Целую. Саша. 18.08.80».

Жизненный кросс Александра Чечетенко оказался коротким. От рождения Саша бежал его весело, с доброй, открытой улыбкой, отдавая все свои силы, подбадривая отстающих. Бежать бы еще и бежать. Кто мог подумать, что последнюю финишную ленточку он сорвет грудью раньше многих своих сверстников. Но иначе он, наверное, и не умел — хоть на полсекунды, на полкорпуса, но впереди...

На вопрос о коричневых пятнах на военном билете Саши и на фотографии красивой девушки, Павел Герасимович сказал:

— Пятна? Это Сашина кровь. Снайпер, видно, метким был. В самое сердце...*

В деревне Рюмки есть деревянный дом, построенный до Великой Отечественной войны. В нем жила семья Чечетенко — отец, мать, четверо детей: Сережа, Саша, Люба, Марина. В совхозе «Победа» Павел Герасимович проработал более 25 лет, Надежда Фроловна почти 20.

Нет уже в живых Павла Герасимовича, Саши тоже нет. Да и в доме этом уже жить невозможно, глядишь, рухнет скоро. А вот Надежда Фроловна живет. Сейчас ей 70.

* В очерке частично использованы материалы журналистов Г. Леонтьевой и М. Яковлева.

22 августа 1980 года. След войны. Пулей пробитая фотография любимой девушки.

Правда, дочь и зять (он тоже прошел Афганистан) выкупили для Надежды Фроловны однокомнатную квартиру. Да разве пойдет мать в благоустроенную, а детей оставит здесь, в старом доме? Так и живет одна-одинешенька. Дети не забывают маму. Подруга Ирина Дмитриевна Попова время от времени приезжает навестить ее из Санкт-Петербурга. Да только материнская боль не притупляется. И спешит Надежда Фроловна каждую свободную минутку в конец деревни на бывшее футбольное поле — на кладбище, которое каждый год обрастает новыми могилами и обелисками.

**ЕВСИНА
НИНА ИВАНОВНА**

23.1.59—5.X.80

Родилась в г. Губачево Весьегонского района Калининской области. Русская. Образование среднее медицинское. Член ВЛКСМ. Не замужем. В Афганистане — служащая СА.

Родители: Евсины Иван Григорьевич, Валентина Степановна.

Нина обучалась в железнодорожной школе № 27 г. Тосно с 1966 по 1974 годы.

1974—1977 гг. — учащаяся 6-го Ленинградского медицинского училища.

С июля 1977-го по 22 января 1980 года — медицинская сестра в больнице № 30 им. С. П. Боткина г. Ленинграда.

С 25 января была направлена для работы по найму в советские войска, находящиеся в Афганистане. Работала медсестрой инфекционного отделения при в/ч 94777. Во время выполнения служебных обязанностей в военном госпитале тяжело заболела и 25 августа была отправлена в Ташкентский госпиталь.

5 октября 1980 года Нина умерла.

Наград не имеет.

Похоронена на гражданском кладбище г. Тосно.

Дома хранятся личные вещи, диплом, трудовая книжка, фотографии, 15 писем с войны, школьные сочинения, дневник афганского периода.

Так уж случилось, что Тосненский ОГВК до 1995 года не располагал документами на умершую медицинскую сестру, которая по линии МО СССР была отправлена в длительную командировку в Афганистан. Доказательством ее пребывания в ДРА служат трудовая книжка, письма, афганский дневник, письма подруг по службе с войны, воспоминания сестры Ольги Ивановны Антошиной. Память о Нине Ивановне была предана забвению 15 лет.

Нет ничего страшнее равнодушия, одного из самых опасных пороков.

Из письма Ольги Ивановны Антошиной:

«О моей милой сестренке остались детские воспоминания. Но помню, словно это было недавно, наши прогулки по Ленинграду, который она очень любила, восхищалась им, поездки в музей, театры, цирк. Дома хранятся буклеты о любимом городе, заявление о командировке за границу в 1979 г.: сестра его написала, когда работала в «Боткинской» больнице. В конце

января 1980 года Нине вручили повестку о явке в Тосненский ОГВК.

Помню ее рассказ! Просьбу о командировке решили удовлетворить. «И поедете вы, — сказал начальник — туда!». Показал на карте маленькую страну, обозначенную сиреневым цветом с надписью «Афганистан». Шока у нее это не вызвало. Ведь в то время наши войска в ДРА только что ввели. Люди знали одно: наши солдаты там выращивают сады, ремонтируют школы, строят плотины, восстанавливают дороги, мирно беседуют с местным населением. Поэтому у Нины сомнений не возникло, хотя отговоров со стороны родителей и друзей было немало.

Утром 24 января к подъезду дома подошел автобус из областного военкомата и увез нас с Ниночкой на призывной пункт. Народу там собралось много. Все провожали родных в Афганистан. Сестренка пообещала мне привезти оттуда портфель и носки из верблюжьей шерсти. (Носки привезли, но уже с ее вещами.)

Письма крестной Нина писала часто — простые, проникнутые добротой, искренностью и заботой о тех, кто остался дома. Сообщала о себе, работе, друзьях. Рассказывала подробнейшим образом все, что знала и что хотела бы знать, видеть, понимать. И хотя письма искрились солнечными лучиками, мы все знаем: война есть война, а на войне случается всякое.

Из письма Евсиной Н. И.:

«Со вчерашнего дня началась военная служба. 28 января нас, 173 человека, отправят эшелонами в Афганистан, в Кабул. Там мы будем находиться 2 года. Будем лечить наших солдат. Через 11 месяцев нам дадут отпуск на 30 дней, не считая дороги. Дорога в оба конца — бесплатная. А сейчас находимся под Ленинградом в воинской части.

Подъем в 8-00. Живем в казарме. Кровати в два яруса. Кормят солдатской пищей. Со многими девчонками уже познакомилась, двое из нашей больницы. Утром ходили на переключку. Потом — разные укомплектования, собрания. Такого беспорядка, как в армии, я еще не видела. Недавно к нам приехали солдаты — их со времени призыва (за полгода) помыли только

один раз! Нам пришлось их обрабатывать, вшей было как в блокаду... 26.01.80 г.»

Четыре месяца спустя Нина напишет крестной Евсиной Анне Григорьевне:

«Больных уже за 250. Лечим наших солдат, иногда — и местное население. В основном, афганских детишек. Население к нам относится по-разному. Те, кто жил до нашего прихода бедно, — хорошо и дружески. А так называемые «басмачи» — с ними приходится воевать. Но за нас беспокоиться не надо. Береги, пожалуйста, себя.

Местное население ездит, в основном, на велосипедах и ишаках. Каждое утро в 4 часа кричит мулла (это вроде нашего попа в церкви). Женщины ходят в парандже, лицо никому не показывают. Разрешается здесь иметь 4 жены. Люди неграмотные, не умеют ни писать, ни читать. И еще много могла бы написать об этой стране, но приеду — расскажу. До свидания. Целую. *Нина*. 19.05.80 г.»

«Узнала, сколько будет стоить билет на самолет домой — 700 рублей в одну сторону. Но мы полетим не на пассажирском, бесплатно в оба конца.

Здесь железных дорог нет. Многие даже не знают, что это такое? Живем здесь в

«Местное население ездит в основном, на велосипедах и ишаках...» — из письма Нины Евсиной.

14 веке—1358 году. Много можно написать, но нельзя... 26.06.80 г. Кабул».

«Сейчас многие болеют гепатитом, болеют и сотрудники госпиталя. Я, видимо, тоже им заболела и, возможно, скоро меня отправят в Союз на лечение... 28.06.80 г. Кабул».

Нина действительно заболела. И не только она. Ташкентский госпиталь пополнялся больными из инфекционного отделения Кабульского госпиталя. Гепатит косил всех подряд. Подруги из Кабула напишут Нине: «Работы хватает. Ряды наши редеют. Нины Силкиной нет. Наташа Егорова заболела гепатитом, тоже не вернется сюда. Правда, прислали одну девушку — колобочек (маленькая, толстененькая) из Гатчины. Пока работаем. В помощь дели санинструкторов из госпиталя».

Шлейкова Таня уже в госпитале. Все нормально, только очень худенькая. Поправляйтесь там, приезжайте к нам за отпуском и домой — отдыхать. От всех больные приветы. Все вас целуют. Держаться дружно и носики выше, не унывайте!».

Из письма Нины из Ташкента от 21.09.80 года:

«Из госпиталя все время поступают сюда. Теперь я не одна. Скоро всех сюда привезут и работать там будет некому. Недавно взвешивалась: похудела на 9 кг, сейчас мой вес 45. Но вы не беспокойтесь. Скоро начну бегать. Недавно к нам на отделение поступил наш ведущий хирург полковник, и тоже с гепатитом. Вот так мы и живем. Наши ряды пополняются и еще никого не выписали. Скоро месяц, как нахожусь в госпитале».

3 сентября родители получили телеграмму: «Ваша дочь в госпитале. Приезжайте».

Валентина Степановна бросила все и в тот же день вылетела в Ташкент. В палате подошла к постели дочери: «Ниночка, это я — твоя мама». Нина молча смотрела на родное лицо, слезы текли по ее щекам. Материнские руки сделали чудо: через 2 недели Нина стала есть без чьей-либо помощи, пыталась вставать, хотя ей предписали строгий постельный режим. В надежде, что самое худшее позади, Валентина Степановна вернулась домой.

«5 октября случилось непоправимое — моей дорогой сестренки не стало, — пишет

Ольга Ивановна. — Верить в это не хотелось. 11 октября к нашему дому подъехала крытая военная машина и оттуда солдаты вынесли большой ящик. Доски тут же были отбиты, там находился цинковый гроб с фамилией сестры и маленьким окошечком. Сопровождающими были ее друзья: Нина Кокорина и солдаты, а также **Сереза**. Ему, как самому близкому для Нины человеку, поручили сопровождать любимую, с которой он хотел связать судьбу. Не было ни золотых колец, ни марша Мендельсона, ни машины с лентами. Сереза купил для своей невесты «свадебный» наряд. Хоронили ее в белом...

Месяц после похорон мама не говорила: на нервной почве потеряла голос. Жить дальше не хотела, но ее всячески поддерживали подруги на работе. Особенно остро я ощутила потерю моей сестренки в свои 15 лет — сама «заболела» Афганистаном. Сохраняя память о сестре, собирала материалы об афганской войне».

Трудно работать медицинской сестрой в госпиталях, больницах в мирной жизни, а на войне! Журналисты много писали о мужестве, чести, долге солдата. Но редко рассказывали о женщинах на войне. О тех, кто работал на афганской земле, кто возвращал солдат к жизни. И одна из них — медицинская сестра инфекционного отделения Евсина Нина Ивановна.

В Союзе вряд ли встречались они с малярией, брюшным тифом, амебиазом, другими инфекционными заболеваниями. О них сестрички знали из книг, лекций. А здесь, в Афганистане, они столкнулись не только с ними.

На войне на одну медицинскую сестру приходилось от 200 до 300 больных. И они справлялись. А работы хватало с лихвой: сбор анализов, инъекции, капельные вливания. Параллельно шли занятия по военно-медицинской подготовке, ездили в кишлаки для оказания медицинской помощи афганцам, беседовали с больными. Медработники наравне с солдатами делили лишения и трудности войны.

*Нина Ивановна вела афганский дневник:
10 февраля.*

С сегодняшнего дня решила начать дневник, в котором постараюсь описать медра-

боту в госпитале и дни пребывания в Афганистане.

Моя военная служба началась с 25 января 80 года. Правда, не так, как бы мне хотелось, но все же неплохо и даже интересно. Познакомилась с хорошими людьми.

Романтика началась с первого дня:

— из комиссариата нас повезли на формирование в г. Углово. Жили в казарме. Кровати в два яруса — 173 человека. По вечерам показывали художественные фильмы...

30 марта.

Накануне рано утром нас отвезли на аэродром, но из-за плохой погоды вылет задержался на сутки. Ночь провели в самолете. Удивительно большой самолет этот — «АНТЕЙ». А какой прекрасный вид был виден с борта! Грохот неимоверный...

Устроились хорошо, даже полы в палатках есть. Только что распределились по отделениям — опять в нашей палатке 5 человек.

14 апреля.

Работаем днями без выходных, а сегодня еще заставляют дежурить ночью и охранять имущество. Снова разбирали щиты из столовой, которые недавно укладывали больные ребята и мы. Получается: сегодня делаем — завтра разбираем, и потом снова делаем.

22 апреля.

Вот уже 4-й день наше отделение начало функционировать. Больных поступает много.

28 апреля.

Вчера была 2-я годовщина Апрельской революции. В городе парад... Накануне нашу машину закидали камнями...

3 мая.

Ездили на концерт Иосифа Кобзона и артистов московской эстрады. Так понравился концерт, что я чуть не плакала! Сразу вспомнился дом и так захотелось там побывать.

9 мая.

День Победы!

Как дорог он каждому из нас. И как хочется, чтобы всегда было чистое небо над нашими головами. А тут сейчас проливается кровь. Сколько гибнет детей!!

13 мая.

Целый день работала. Поступило 23 больных. Вечером долго разговаривала с больным...

4 июня.

Сегодня втроем ходили в морг. Видели 8 трупов. За 1,5 месяца поступило 94 трупа.

30 июля.

Сегодня в соседней палатке свадьба Наташи и Саши. Это для нас такой день! Он бывает раз в жизни и каждый человек мечтает о нем. А когда он у меня будет и будет ли? Как бы я хотела связать свою жизнь с любимым человеком...

12 августа.

Сегодня с Зоей дежурили, приняли 45 больных. Немного зашились. Пришла на дежурство к 8-30 зондировать больных, а ушла в 22-00. Вот уже три дня лежит на нашем отделении капитан без сознания, с печеночной комой плюс двусторонняя пневмония. Шансов на выздоровление нет. Сколько он еще протянет?

15 августа.

...С нами ехал ст. лейтенант Шариков Саша. Ехали быстро. И где-то в 14-30 произошло что-то ужасное. Помню только летящую на нас машину. Подумала: «Все, наша жизнь прожита. Как жалко родителей и что так глупо погибаем. Вся жизнь моя пролетела перед глазами».

Не допелось. Не домечталось. Не дожилось...

Из письма Г. Я. Хозяиновой (г. Лодейное Поле):

«В Афганистане шла война, но мы работали наравне со всеми специалистами. До трех тысяч человек в день приходило (или привозили) на прием к врачу. 3 тысячи!.. И это изо дня в день. Мы же жили под охраной, ходили под охраной. Но Кабула и остальных 40 крупных городов ДРА не видела. Были ракетные обстрелы города, уничтожение караванов с грузами и оружием, зараженность местности. Были зараженные продукты, детские игрушки, даже простые ручки, оказывавшиеся минами. Это и есть война. Но работали на совесть.

Час перелета из Кабула домой стоит нескольких лет жизни. Все мы до «Афгана» были другими».

Галина Яковлевна из Лодейного Поля выжила. Но до сих пор ноют раны, до сих пор дорога награда «За доблестный труд

в РА и в связи с 10-летием Саурской революции», которая, возможно, отнюдь не является мерилom ее подвига.

Итак, 1980-й, первый год необъявленной войны, как и следовало ожидать, закончился с тяжелыми последствиями и для той, и для другой стороны.

Похоронки, за редким исключением, получали все регионы громадной страны: одни — чуть меньше, другие — побольше. Потери несли не «патрулирующие подразделения», как предполагалось вначале, а воинские части в боевых операциях.

Информационный вакуум не давал возможности обобщить, осознать размах и жестокость происходящего. Напротив, людей трогательно ублаживали легендами о героизме патриотов-афганцев, молодых бойцах республики, поднявшихся на защиту «революционных завоеваний». Факт бесспорный: они действительно дрались самоотверженно.

Еще полно сообщений даже в середине года о советской помощи Афганистану — кредитами, техникой, продовольствием, о строительстве предприятий, дорог, ирригационных систем. О боевых действиях с нашим участием — по-преж-

нему ни слова. А уже гибли солдаты-интернационалисты, гибли командированные в республику строители. Лишь изредка мимо взгляда военного цензора проскальзывали намеки на правду. Тотальный запрет на истину действовал безукоризненно.

О подвигах пишут много, обстоятельно. Все-таки, что мы вкладываем в понятие «подвиг в бою»?

Прежде всего, подвиг — это не деяние одиночки, ибо никто из нас не формируется, как личность, вне действительности.

Да, в бою можно оказаться один на один с опасностью, но все равно действия одиночки подготовлены всем ходом предшествующих событий, и стало быть, воздействием товарищей.

Подвиг — это стоическое поведение многих и многих. Воины своими усилиями создали на поле боя обстановку, в которой избранники судьбы смогли в опасных ситуациях совершить то, что принято называть подвигом.

Словом, год 1980-й для наших солдат и офицеров стал начальным классом суровой школы.

1981

В январе 1981 года вступил в силу закон о всеобщей воинской обязанности в ДРА. Он предусматривал призыв в Вооруженные Силы республики граждан по достижении двадцатилетнего возраста. Защита родины, служение народу, согласно этому документу, являлись высшей, священной обязанностью каждого гражданина страны.

Наша 40-я Армия, совместно с афганскими вооруженными силами, осуществляла как крупные операции против моджахедов, так и экстренные действия по разведывательным данным. Бои практически шли повсеместно — то в одной, то в другой провинциях, в зависимости от обстановки.

Настойчивые и продуманные действия советских и афганских частей и подразделений ошеломляли противника. Отряды моджахедов в зимнюю пору были сильно измотаны, поэтому с наступлением весны они снизили свою активность. Кроме того, оппозиционные партии не смогли достичь компромисса и поделить между собой зоны влияния в стране. Это приводило к вооруженным столкновениям в ряде провинций: Вардак, Фарьяб, Парван, Кундуз, Каписа. Столкновения в основном происходили между сторонниками Гульбуддина («Исламская партия Афганистана») и Раббани («Исламское общество Афганистана»), а также и между другими оппозиционными партиями. Отряды моджахедов вступали в борьбу между собой за утверждение своего влияния в стране.

Мятежники бесчинствовали в уездах, но в то же время очень внимательно следили за передвижениями советских и афганских частей и подразделений и принимали своевременные меры к сохранению своих сил. Так, в провинции Газни лидер оппозиционеров Джагран, определив начало операции со стороны советских частей, отдал распоряжение моджахедам спрятать оружие и выдавать себя за местных жителей.

В северных провинциях мятежники наиболее активно действовали в провинции Баглан, создавая постоянное напряжение на главной коммуникации из Хайратона в Кабул. Удары мятежников по колоннам, как правило, предотвращались усилиями советских подразделений. За 1981 год в провинции Баглан они совершили 77 нападений

на автоколонны, но не смогли нанести существенных потерь. Снабжение страны по этой магистрали продолжалось.

В ходе боевых действий в горах ощутимую поддержку нашим воинам оказывали боевые вертолеты. Они обеспечивали высадку десантов, их прикрытие в ходе боевых действий, вели разведку по обнаружению отрядов моджахедов, особенно их опорных пунктов, наносили по ним огневые удары, прикрывали движение колонн по автомагистралям, доставляли самые различные грузы.

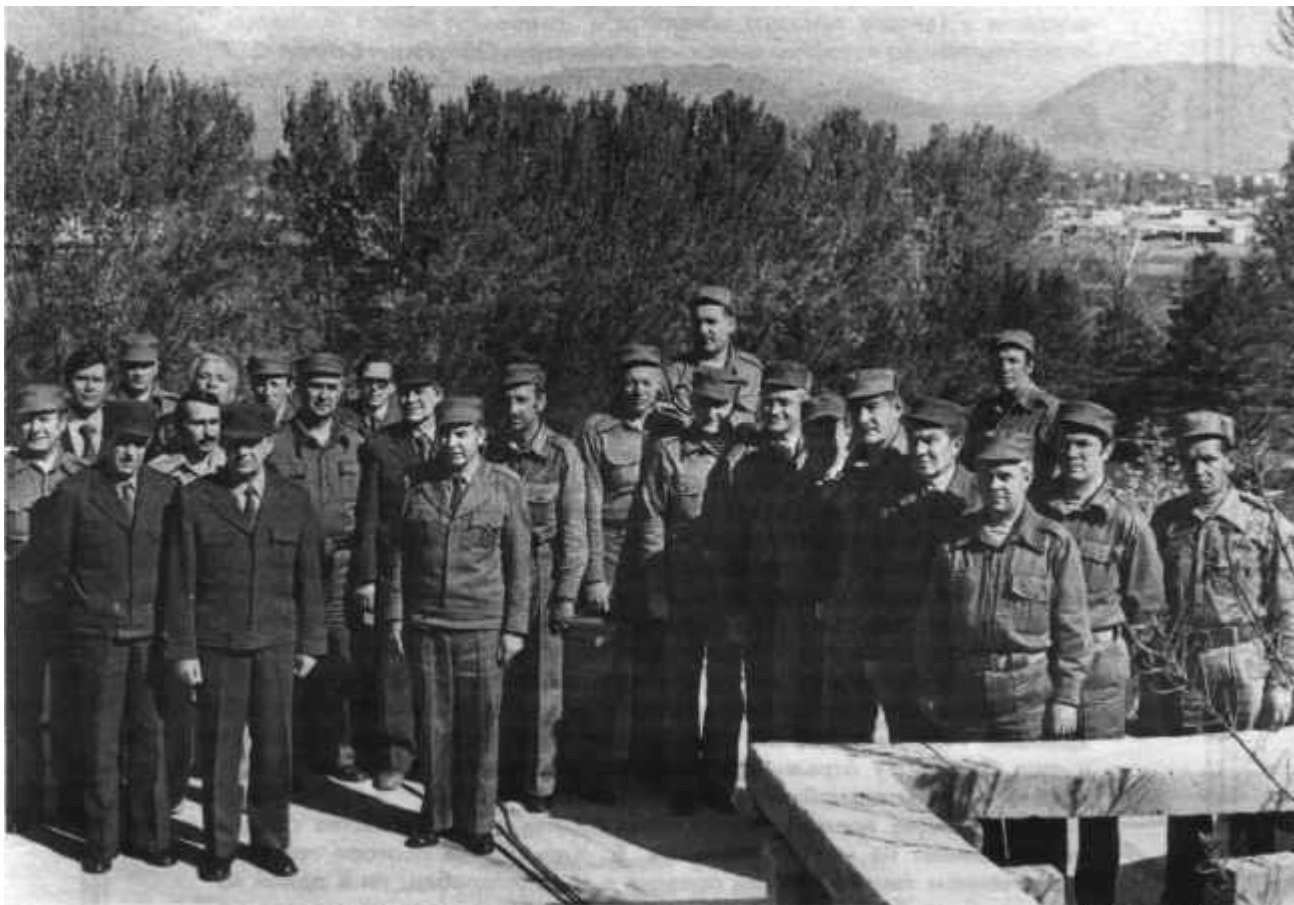
В числе участников этих событий — житель города Лодейное Поле Г. П. Дымов. В течение двух лет (1979—1981) Геннадий Петрович, командир звена вертолетов МИ-8, выполнял разнообразные боевые задачи в северных провинциях Афганистана и даже в горном районе Памира. На счету майора Дымова — 230 боевых вылетов.

В марте 1981 года в Мазари-Шарифе проходило совещание, на котором был выработан план действий в северных провинциях страны. В Генштабе считали, что в восьми провинциях действовало свыше 200 отрядов мятежников общей численностью 8,5 тысяч человек без учета пополнения по необходимости из местного населения.

В апреле успешно прошла тщательно подготовленная 3-я Панджшерская операция, а уже в мае вокруг Кабула обстановка обостряется действиями отрядов Ахмад Шах Масуда.

В ущелье Тура-Бура (провинция Нангархар) была обнаружена крупная база мятежников. 18 июня начался ее штурм подразделениями советской 66 мотострелковой бригады и частями 11-й джелалабадской дивизии. На другой день база была сокрушена. Противник понес потери, были захвачены 3 зенитно-пулеметные установки, 11 РПГ, столько же ДШК,* 129 единиц стрелкового оружия, 1600 противотанковых мин и около 250 000 боеприпасов. Но кое-что мятежники успели эвакуировать.

* РПГ — ручной противотанковый гранатомет; ДШК — крупнокалиберный пулемет (Дегтярев-Шпитальный крупнокалиберный).

Резиденция Чихильсутун на южной окраине Кабула, 1981 год. Среди генералов и офицеров Оперативной группы МО СССР в ДРА — маршал Советского Союза С. Л. Соколов, генерал армии, в будущем маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев и генерал-лейтенант В. П. Черемных.

За полугодие дежурные подразделения выходили на выполнение внезапных задач в 267 случаях, нанося поражение противнику, полное или частичное, говоря военным языком — 72 процента от числа выходов на задание. Удары по точечным целям наносились 176 раз с полным или частичным поражением — 81 процент.

И все же итоги боевых действий советских и афганских подразделений в первом полугодии могли бы быть и результативнее.

Итак, в первом полугодии измотанные отряды моджахедов резко снизили свою активность. Но военные успехи не были закреплены, т. к. в НДПА существовали непримиримые фракции. Это серьезно сказывалось на руководстве политической и экономической жизни страны. В свою очередь, моджахеды создавали так называемые

«исламские комитеты», которые оказывали более сильное влияние на население, чем правительственные органы власти на местах.

Осенью 1981 года противостояние сторон носило затяжной характер. За сентябрь—декабрь против моджахедов было проведено 46 операций, предпринято свыше 250 действий дежурных подразделений по реализации разведанных.

В этой обстановке ряд военачальников под руководством генерала армии А. М. Майорова письменным рапортом доложили в мае 1981 года министру обороны Д. Ф. Устинову о том, что нынешнее руководство ДРА во главе с Бабраком Кармалем не в силах стабилизировать обстановку в стране. (См. документ на стр. 74—75 — авт.). К сожалению, этот документ был оставлен без внимания.

**ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ
ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ Д. Ф. УСТИНОВУ**

*Министру Оборона Союза ССР
Маршалу Советского Союза
товарищу Устинову Д. Ф.*

Докладываем.

Военно-политическая обстановка в ДРА диктует необходимость решительного поднятия роли и авторитета НДПА, которая должна взять на себя всю ответственность за защиту и развитие Апрельской революции. Это возможно только при условии единства партии, связи ее с народом, что на практике не подтверждается. Более того, за последние месяцы деятельность руководства ЦК НДПА из быв. крыла «парчам» характеризуется явно выраженным стремлением любыми средствами увеличить численность своих сторонников, в том числе и в парторганизациях ВС ДРА. Это проводится в руководящих партийных и государственных органах. Стремление изменить соотношение сил в партии в пользу «парчам» приводит к неразборчивому приему в партию в провинциальных и уездных парторганизациях, что в условиях отсутствия партбилетов и других учетных партийных документов связано с грубым нарушением устава НДПА, позволяет зачислять в члены и кандидаты партии в массовом порядке политически незрелых, либо авантюристов, но лично преданных отдельным парчамистам....

Поэтому как состав ЦК НДПА, так и Политбюро и секретариата ЦК партии следует расширить равномерно, за счет обоих бывших крыльев. Предпочтение же только крылу «парчам» может привести к еще большему отрыву ЦК партии от трудящихся слоев населения страны и значительной части рядовых членов НДПА.

В настоящее время руководители партии и правительства страны редко бывают на местах. Так, тов. Б. Кармаль за полтора года, за исключением лишь недавней поездки в г. Джелалабад, ни в одной из провинций не был, с представителями народных масс на местах не встречался.

Крайне редко выезжают на места товарищи Кештманд, Нур, Зерай и другие.

Правительство республики пока осуществляет руководство страной пассивно-бюрократическим, кабинетным методом, а поэтому истинного положения дел в экономике и других происходящих процессах социальной и политической жизни ДРА глубоко не знает,..

Невыполнение законов руководством ДРА следует рассматривать как преднамеренную линию на сокращение своих Вооруженных Сил с тем, чтобы переложить усилия в вооруженной борьбе на 40 А. Об этом в частных беседах высказывались некоторые ответственные партийные и государственные руководители (т. т. Нур, Тахзиб, Сарболанд).

Нами глубоко и всесторонне изучены военно-политическая обстановка и процессы, связанные с развитием революции и жизни в стране. В ходе нашей работы мы неоднократно высказывали все эти важнейшие проблемы политическому, государственному и военному руководству страны. Свои соображения по этим проблемам в разное время рассматривали и обсуждали с Совпослом, представителями групп партсоветников и руководителями других представительств.

Прошло полтора года второго этапа Апрельской революции. Безусловно, в ДРА проведены определенные социальные преобразования,

1981 год. Слева — генерал-лейтенант П. Сафронов, советник командующего ВВС и ПВО ВС ДРА, справа - генерал-майор Т. Онищенко.

восходство и не скрывали отсутствия должной согласованности в действиях своих отрядов и группировок.

Операция готовилась тщательно. Учитывались следующие моменты: при разгроме отрядов Ахмад Шах Масуда не должны возникать очаги напряженности в долине, когда советские и афганские полки пойдут в ущелье, чтобы тыл не оказался под огнем.

Это была по счету уже четвертая Панджшерская операция. Первый ее этап проходил в провинциях Парван и Каписа. Утром 6 сентября, согласно плану, авиация нанесла удары по разведанным целям в ущелье Панджшер. Войска ждали сигнала для наступления. 7 сентября мятежники атаковали правый фланг нашей группировки, готовой для наступления. Но их атака оказалась бессмысленной — в советских подразделениях был убит 1 и ранено 5 человек, в афганских — убит 1 и ранено 10. Противник же потерял несколько десятков человек убитыми. Тем временем авиация продолжала наносить удары по объектам в Панджшере.

Утром 8 сентября началось наступление. Оперативной группой руководил генерал-лейтенант П. И. Шкидченко. 10 сентября советские и афганские передовые подразделения медленно продвигались в район кишлака Руха. Однако отрядам Ахмад Шаха, несмотря на большие потери, удалось выйти из-под удара.

«В середине октября 1981 года проходила Ургунская операция, — рассказывает генерал-лейтенант В. П. Черемных. — В Ургуне дислоцировался афганский полк. Под руководством заместителя министра обороны Кабира в Ургун дальним маршрутом была направлена колонна с грузами для гарнизона. Мятежники сориентиро-

вались и нанесли по ней мощный удар. В подразделениях 14-й афганской пехотной дивизии, сопровождавших колонну, погибло 16 человек, 68 ранено. Было уничтожено 60 автомашин. Кроме того, противник нанес и психологический удар — страх сковал солдат и офицеров, они боялись возвращаться обратно. Предстояло вывести батальоны 14-й пехотной дивизии из Ургуна без помощи советских войск. Группа наших советников под моим руководством решила: вывести батальоны не через ущелье, а по «сухому ручью», который образовался после таяния снегов. Во время движения колонну охраняли боевые вертолеты. Мятежники не смогли перегруппировать свои силы к неожиданному для них маршруту выхода из Ургуна. Без единого выстрела колонна благополучно вернулась».

С уходом советских и афганских частей и подразделений в пункты дислокации «исламские комитеты» восстанавливали свою власть на местах.

Так было и в результате крупной операции в ущелье Панджшер. Хотя отряды Ахмад Шах Масуда потерпели поражение, но не были разгромлены, а отошли в другие ущелья, и вскоре восстановили свое влияние в Панджшере, хотя и были вынуждены до весны 1982 года не проявлять особой активности.

В течение всего 1981 года боевые действия проходили особенно активно в провинциях Логар, Пактия, Кандагар, Нангархар, а также вблизи столицы.

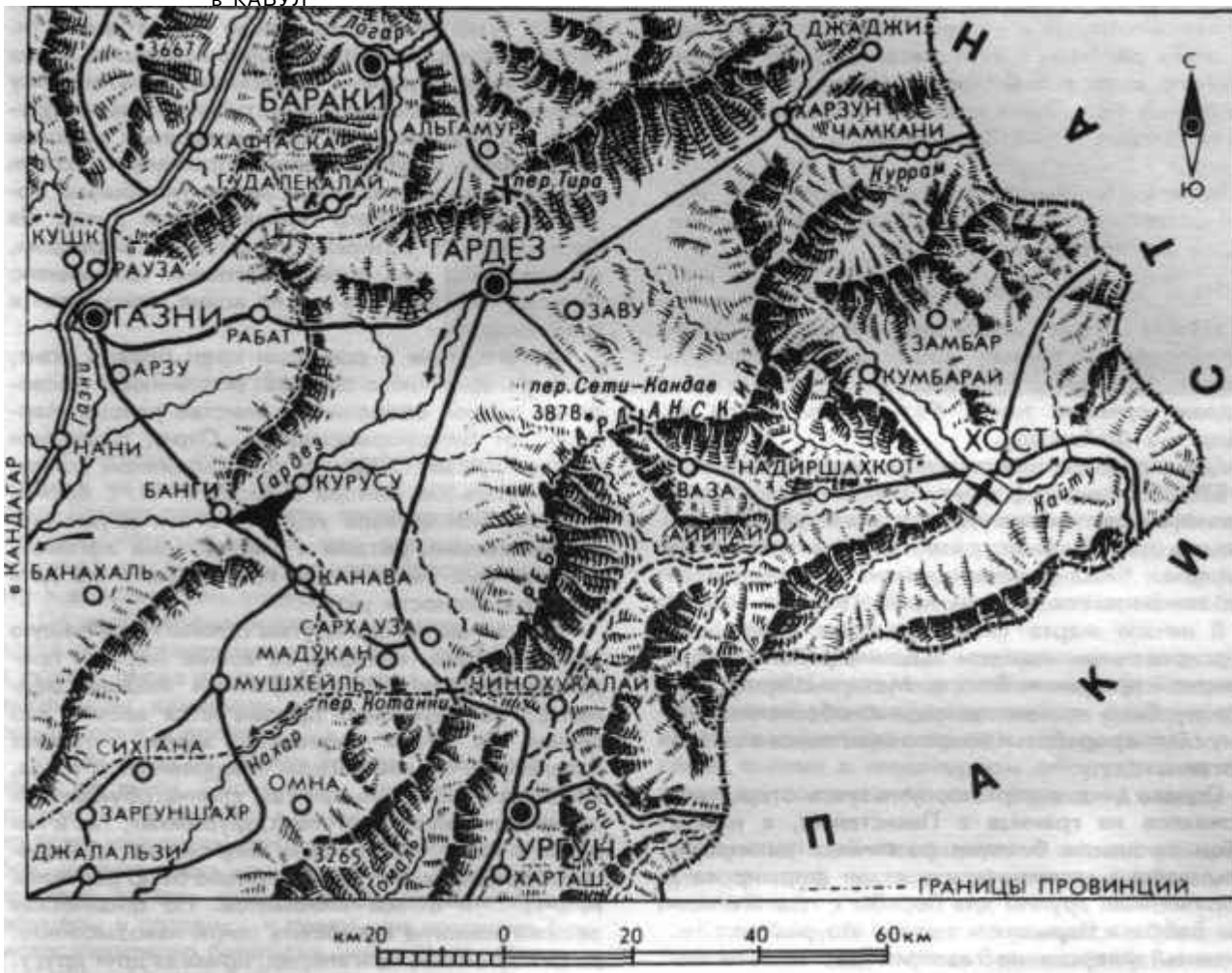
Тем временем исламские оппозиционные партии получали большую поддержку со стороны других государств. Уже через несколько дней после т. н. Апрельской революции началась заброска в Афганистан отрядов оппозиции, подго-

товленных и вооруженных за счет ряда стран. Ввод ограниченного контингента советских войск послужил катализатором их действий.

Таким образом, 1981-й не принес каких-либо

существенных изменений. Обстановка обострялась и в отдаленных провинциях, в частности, на границе с Пакистаном, и в прилегающих к Кабулу, как и вокруг самой столицы.

в КАБУЛ

В провинции Пактия дислоцировались от афганских вооруженных сил:

Гардез — штаб 3 армейского корпуса, 12 пд; Газни — 14 пд; Джаджи — 36 пп 12 пд; Чамкани — 18 пп 12 пд; Ургун — 22 пп (впоследствии — погранполк). Из состава 40 Армии в эту провинцию была передислоцирована 56 дшбр (из г. Кундуз).

Об ожесточенных схватках ничего не расскажут мертвые: за них повествуют живые...

Первые бои — зазубрина на сердце, она не зарубцовывается с годами. Таково мнение воина-афганца Юрия Растегаева, жителя Лодейного Поля.

О войне он старается не говорить — не хочется вновь и вновь тревожить боль. Миг из той жизни вместил все емкое представление Юрия Валентиновича о войне:

— Боевая операция в провинции Лагман, наверное, была множественной копией ей последующих. Там разведка зафиксировала особое

движение душманских караванов к Джелалабаду. Наш батальон (с афганскими солдатами) отправился на перехват. Шли по тропе вдоль обрыва. Место открытое. Афганцы пропустили наших вперед, а сами не спеша тащились сзади. Ничто вроде бы не предвещало беды, но вдруг напоролась на засаду. Обстреливали батальон из кишлака, который обходили стороной. Откуда душманы там появились? По данным разведки они находились в другом месте.

Все расплозлись мгновенно, заняв оборону, кто за камнем, кто за кустом. Стали отстреливаться.

«Нам становилось туго, вызвали на подмогу вертолеты. Вертолетов «духи» боялись, как огня. По радию мы передавали летчикам координаты и смотрели, как они работают — «гвоздиками» и «каплями» (ракетные снаряды и бомбы). Пока вертолеты работали, мы выбирали площадку для погрузки раненых и убитых. Одни помогали добираться раненым к вертолетам, другие их прикрывали. Было очень тяжело, когда своих ребят в «Черные тюльпаны» грузили, — рассказывает в своем письме Юрий Валентинович».

Капитан Владимир Иванович Вербицкий, ныне — полковник, входил в Афганистан в составе 122-го мотострелкового полка.

Из его воспоминаний:

«После города Талукан впервые увидели следы боев, подбитую технику, вооруженных всадников и были обстреляны ружейно-пулеметным огнем. Подавив огневые точки, без потерь пошли на север — к Файзабаду.

Однако протиснуться по узким горным дорогам на БТР-70 с танками, артиллерией и транспортом тылового обеспечения удалось только до Кишима. Дальше дорога была разрушена, а два моста взорваны. Командование дивизии приняло решение заменить нас полком на БМП-2.

В начале марта 1980 года, сдав район, мы форсированным маршем вышли в район Центра северной провинции Балх г. Мазари-Шариф. Батальону была поставлена задача: обеспечить охрану газоперерабатывающего комплекса в г. Шибарган...

Однако уже к апрелю, пользуясь открытием перевалов на границе с Пакистаном, к нам в район проникли боевики различных антиправительственных группировок и стали формировать вооруженные группы для борьбы с правительством Бабрака Кармаля и против «шурави», т. е. начались диверсии на газопроводе, захваты заложников из числа советских специалистов, обстрелы постов.

Нам, в числе первых прибывших в Афганистан, было, с одной стороны, легче, а с другой, труднее, чем тем, кто пришел после нас. Легче — потому, что вооруженная оппозиция еще не сложилась, не знала, на что мы способны.

Тяжелее — потому, что мы были в незнакомой стране, в других климатических условиях, не на кого было по-настоящему опереться, мы были не готовы к той партизанской войне, которую нам навязали.

И хотя мы уже имели некоторый боевой опыт, никогда не забуду первый бой. Рейдовый отряд, костяк которого составлял мой батальон, совместно с организационными подразделениями блокировал одну из банд. Засевших в крепости душманов громила авиация, артиллерия, танки и крупнокалиберные пулеметы, но они все также

яростно грызались. Оказалось, что снаряды и пули просто вязли в глинобитных стенах крепости. Опыт приходил с боями.

В этом бою мы потеряли первого товарища. Пуля, выпущенная из английского «бура», поразила старшего водителя рядового Н. Бураншина. Но все ту же сжималось кольцо вокруг крепости. И вдруг приказ: отойти и срочно совершить марш на выручку другому гарнизону, окруженному в крепости. С болью мы уступили позиции другому подразделению и форсированным маршем устремились вглубь мятежной провинции. Успели вовремя, но чувство вины перед погибшими товарищами еще долго щемило наши души. На башне БТР-70, которым управлял Н. Бураншин, написали его имя и оно постоянно напоминало личному составу, что мы на войне, призывало к бдительности.

От операции к операции креп боевой опыт, мастерство личного состава. Вспоминаем проведение первой операции по очистке района Мармоль* от бандформирований. Отряд разделили на две группы. Одна под командованием командира батальона майора Шарова В. Н. с бронегруппой блокировала ущелье, а я с двумя мотострелковыми ротами и разведбатом афганцев должен был зайти в тыл противника и не дать ему возможности уйти.

Как сейчас помню крутые склоны гор и пешую колонну войск, которая со всеми мерами предосторожности, под прикрытием авиации медленно, но неуклонно продвигается вверх. Это сейчас мы носим «афганку», знаем о горных батальонах, об альпийском снаряжении. А тогда, как были в хромовых сапогах, хлопчатобумажном обмундировании, портупелях, фуражках, так и полезли в горы. На каждом снаряжение, боеприпасы, продпак. Особенно тяжело было расчетам АГС-17** и 81-мм минометов. Но физическая закалка помогла совершить почти невозможное: люди настойчиво шли вперед, помогая друг другу. Испытывали не столько силу тела, сколько силу **духа**.

На одном из привалов ко мне подошел командир разведбата афганцев и сообщил: его люди падают, не могут идти. Оказалось, они просто голодны — им давали деньги на пропитание, а в горах на территории противника они ничего не могли купить. Наши солдаты поделились с разведчиками банками рисовой каши с бараниной, сухарями и сахаром. Поев и попив воды из колодца, афганцы повеселели, а их командир сказал: «Шурави, вы первые, кто идет по этой дороге, я вас выведу в Мармоль, но больше здесь никто не пройдет». Его слова, к сожалению, оказались пророческими.

* Населенный пункт к юго-востоку от г. Мазари-Шариф.
* АГС-17 — автоматический гранатомет станковый.

Пробитый трубопровод.

По горным кручам, по едва заметным тропинкам, на высоте, непривычной для нас, когда орлы летают далеко внизу, захватив заставу противника, которая ждала нас совсем с другой стороны, мы вышли к Мармолю, расположенному в красивейшем ущелье.

До этого времени помню холодок на спине, когда по многовековым ступеням, вырубленным в скалах, через каждые 50 метров, натываясь на амбразуры каменных дотов, мы спустились с плоскогорья в долину.

Банды ушли по тайным тропам, о которых мы тогда не знали. Перед нами раскинулся райский уголок. Нигде не видел я более красивого. И именно здесь шли потом наиболее упорные и жестокие бои, именно здесь наш полк понес потом самые крупные потери, именно здесь погибли лучшие офицеры и солдаты, и среди них командир 1-го мотострелкового батальона майор В. И. Мазин.

Почти год наш батальон в составе рейдового отряда мотался по горам и пустыням. Рос боевой опыт, но росли и потери.

Ни днем, ни ночью не было покоя. Не только «духи», но и просто крестьяне пробивали тру-

бопроводы, чтобы набрать авиационного керосина или солярки. При этом они поджигали место слива, а когда пожарные машины трубопроводчиков под нашей охраной прибывали для тушения пожара и устранения диверсии, они на фоне пожара обстреливали нас из темноты. Счет боевым потерям продолжался.

Но, к сожалению, были потери и из-за потери бдительности, нарушения мер безопасности, низкой воинской дисциплины и правопорядка, серьезных недостатков в саперном обеспечении колонн и инженерном оборудовании на заставах, постах и пунктах отдыха на маршрутах...

Да, операций на нашу долю выпало немало, а награждали не всех, в основном убитых и раненых.

В декабре 1981 года я попрощался с боевыми товарищами и уехал в Закавказский Военный округ».

В 1981 году СССР потерял в Афганистане 1298 человек.

Потери личного состава из Ленинградской области — 4 человека.

АФГАНСКАЯ БОЛЬ

1. **Романов Юрий Александрович** — рядовой, погиб 13 августа.
2. **Мокрецов Виктор Анатольевич** — капитан, погиб 10 октября.
3. **Денисов Юрий Александрович** — майор, советник, погиб 7 декабря.
4. **Иванов Николай Викторович** - майор, погиб 21 декабря.

**РОМАНОВ
ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**

21.VIII.61—13.VIII.81

Родился в поселке Шугозеро Тихвинского района Ленинградской области. Русский. Рабочий. Образование среднее профессиональное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, наводчик-оператор БМП (в/ч 51884).

Родители: Романовы Александр Осипович, Мария Ивановна.

По окончании 8 классов Юра поступил в ССПТУ № 10 родного поселка. Получил специальность водителя.

С 15 ноября 1979 года призван в Вооруженные Силы СССР Тихвинским ОГВК Ленобласти. Полгода учебы в Ашхабаде. Год службы в г. Кушка. 5 мая 1981-го направлен в Афганистан.

13 августа 1981 года погиб в Чарикаре.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на кладбище в поселке Шугозеро.

Две записные книжки Юры хранятся в доме Романовых. В них краткие записи,

солдатские шутки, афоризмы, песни, рисунки, адреса друзей и однополчан.

**Из записных книжек рядового
РОМАНОВА ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА**

Если спросят, кто дороже — Мать или Жизнь, я отвечу: Мать. Она дала мне жизнь. Единственный человек, который ждет солдата — это Мама.

Кто службы солдатской не знает,
солдатских сапог не таскал,
пусть сразу блокнот закрывает,
я тут для солдата писал.

«2 года — там, где плавают пески,
Два года — 24 месяца — 104 недели —
730 дней тебе, **Родина!**»

У нас в песках один закон
И нет его верней.
Вода нужна всегда в песках,
Но друг еще нужней.

* * *

Первый год службы — как закалялась
сталь.

Дембель — жизнь начинается снова.

* * *

Солдат в столовой — лев готовится к прыжку.

Дневальный — спящая красавица.

Строевая — хождение по мукам.

* * *

Дежурный по кухне — багдадский вор.

Губа — человек с ордером на квартиру.

* * *

Утренняя зарядка — изгнанный из рая.

* * *

Вызов к старшине — иду на грозу.

Во второй записной книжке Юрия Романова адреса его земляков.

На встречу с авторским коллективом Книги Памяти приехали его родные — сестра Нина и отец Александр Осипович, который и повел рассказ о сыне:

«Юрочка получил повестку из военкомата. От радости, что пойдет служить, даже «четечку» отбивал. На вечер — «мальчишечник» — пришли друзья: пели, смеялись, настроение у всех было прекрасное. Только я да мать уйдем в другую комнату, поговорим, слезу смахнем и снова к гостям. Провожали Юру до Тихвина — 60 км от поселка».

Ночью из Ленинграда Юрий Романов улетел в Ашхабад. Письма приходили часто. Сообщал, что в Кушке встретил зем-

ляка Афанасьева Анатолия. Просил не волноваться, прислал вырезку из газеты: дескать, вот как мы служим в Краснознаменном Туркестанском военном округе! «Этим воинам-разведчикам во главе с лейтенантом А. Кузьминым пришлось действовать в нелегких условиях, преодолевать сложные естественные преграды. Они успешно выполнили учебно-боевую задачу».

И рядовой Романов тоже отмечен.

В Афганистане он прослужил только три месяца. Последнее письмо было короткое: «Наших бьют. И очень. Нам же стрелять не разрешают. Афганистан — это не шутка, не так просто отсюда выбраться, не так просто вернуться домой живым, невредимым. Приеду домой, все расскажу подробно. Писать о многом нам нельзя...».

16 августа 1981 года в Тихвинский ОГВК пришло извещение из воинской части: «Прошу известить гражданина Романова Александра Осиповича в том, что его сын наводчик-оператор БМП рядовой Юрий Александрович погиб. Смерть связана с исполнением обязанностей службы».

Подробностей гибели Юрия Романова близкие не знали долго. Ни друзья, ни командиры Юрия не прислали подробного письма, в котором бы рассказали о случившемся. А как нужно было такое внимание к родным погибшего рядового Романова, понимание чужого горя! Как нужны им подробные письма, а не казенные слова!

Из записной книжки
Ю. А. Романова: адреса
друзей.

Да, это были бы грустные письма, горестные, присланные из далекого Афганистана 1981 года боевыми друзьями и командирами, рассказывающие о последних часах, минутах жизни их товарища. Как трепетно берегли бы в доме погибшего солдата такие письма, передавая из рук в руки, как самую дорогую семейную реликвию.

Только этого не случилось. И не одни родители Юры Романова оказались в таком положении, многие родные погибших на афганской войне и сейчас не знают точно, где и при каких обстоятельствах погибали их дети...

В августе Юрия Александровича похоронили. Привезли памятник из нержавеющей стали, а через 10 лет ему поставили памятник из гранита, помог горисполком.

«Вспоминаю сына все время, — говорит отец, — тихий, застенчивый, скромный. Малыши бегали за ним по пятам, а если мопед стоял у дома, очередь устраивалась, кому первому сесть рядом с Юрой. Когда купили мотоцикл, праздник был не только для сына — для ребятшек поселка. «Хозяев» на эту технику оказалось много. Перед уходом в армию за год «накатал» 16200 километров...».

Несколько лет назад к Романовым приехал друг Юры из Ташкента Абдувалиев

Гафур. Он хранил 8 лет две записные книжки их сына.

13 августа 1981-го помнит. Рассказал, что Юра с другими бойцами попал в засаду. Душманы из гранатомета... Все погибли. Когда везли убитых, в воздухе их бомбили. Им даже мертвым досталось.

Та война не походила на предыдущие хотя бы потому, что велась в горной стране.

Бой в горах — искусство особого рода. Здесь обыкновенный камень примешь за притаившегося врага. И, наоборот, человек сойдет за камень, не знаешь, откуда грозит опасность. За скальным выступом видится каска, за сухой веткой — ствол автомата, за торчащей из расщелины скалы корягой — гранатомет или спаренный пулемет.

Тот же, кто в засаде, кто караулит, терпеливо поджидает появление противника, располагает несравненными преимуществами. Он знает, кого ждет, первым открывает огонь: выбрав выгодную позицию, один пулеметчик может сдерживать наступление роты. А тот, кто знает потайные тропы, знает горы — легко уйдет от преследования...

Об Афганистане говорить тяжело, а о таких вещах и того труднее. Гафур уехал, отец был признателен ему за тот подарок, что привез в его дом. Хоть такая память о сыне останется.

Снайпер на позиции.

**Рассказ Нины Александровны Тришиной,
сестры Юры:**

«Погиб мой брат, умерла мама, не вынесла вечной разлуки с сыном.

Порой мне кажется, что сегодня люди становятся злее, ожесточеннее, издерганные жизнью. Они все реже и меньше будут вспоминать родных и близких моему сердцу людей. Не хочу верить в то, что однополчане Юрия забыли законы воинского братства, традиций в армии. Верю в человеческую доброту, порядочность.

Но сейчас война идет в Чечне. Снова скорбные списки на страницах газет, на телеэкранах. Возможно, кто-то из однополчан моего брата воюет там. И не приведи Господи, чтобы такая беда, как наша, завтра вошла в дом, в котором когда-то не исполнили своего долга перед погибшим другом.

Как мы жили после гибели Юры? — Плохо. Родители стали болеть, получили инвалидность. Правда, государство позаботилось о нашей семье через 12 лет: 16 апреля 1993 года маме выдали 25000 рублей за сына. Через 4 дня в наш дом пришла беда — умерла мама. Денег лишних не было ни у отца, ни у меня. Вот и выходит, что Юрий, погибший в 1981 году, сегодня хоронил маму: эти деньги ушли на похороны. Папу, он инвалид II группы, мы взяли к себе в Санкт-Петербург, живем сейчас вместе: я, мой муж, дети и папа. Только стала я замечать, что нет-нет, да и уйдет в свои невеселые мысли Александр Осипович. И тогда даже внуки его не могут расшевелить. Трудно без жены, без сына, без родного угла, где каждая половица была своя...

Как-то папа сказал: «Россия велика, а позвонить некому». Что он имел в виду, не знаю...».

**МОКРЕЦОВ
ВИКТОР АНАТОЛЬЕВИЧ**

20.VII.53—10.X.81

Родился в деревне Мыза-Ивановка Гатчинского района в семье рабочих. Русский. Образование высшее. Летчик-инженер. Женат. В семье 2 детей. В Афганистане — капитан, командир экипажа (в/ч 19888).

Родители: Мокрецовы Анатолий Прокопьевич, Софья Тимофеевна. (Оба умерли спустя два года после гибели сына.)

Учился в средней школе ст. Пудость. С 1970 года работал на заводе фрезеровщиком. 12 сентября 1971 года призван в Вооруженные Силы СССР.

1971—1975 гг. курсант Сызранского высшего военного авиационного училища. Служил в Амурской области, учебную подготовку проходил в г. Кургане Бухарской области. С 7 сентября 1981 года — Афганистан. Служил в Баграме.

10 октября, выполняя боевое задание, погиб. Награжден орденом Красного Знамени (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на городском кладбище в Гатчине.

«ПРИКРОЙ МЕНЯ, ВЕДОМЫЙ»

Нас в небо вновь зовет беды сигнал.
Прорвемся по лошине, между скал,
Пробьемся! Нам с тобою не впервой.
В атаку я иду, а ты прикрой.
А там, внизу, — и школы, и посевы,
И вдоль колонны бой ведет конвой.
Прикрой, ведомый. Видишь «духи слева»?
Прикрой, ведомый. Видишь «духи слева»?
Иду, а ты меня прикрой.
Иду, а ты прикрой!..
...Ведомый, ты в бою всегда хорош,
Немало нам ребят спасти пришлось.
Снижаюсь, надо выручить конвой.
Как понял? Я пошел, а ты прикрой.*

Кто-то из бывалых афганцев точно подметил: вертолет на войне так же необходим, как ишачок, который исправно служит на протяжении многих веков. А может даже больше. Работы ему хватает. Боеприпасы, продукты, горючее, удобрения, почта — все, что нужно для жизни и борьбы в труднодоступные горные районы Афганистана доставлялось на вертолетах. Само собой, приходилось и в боях участвовать. Отрежет снежная лавина высоко в горах на марше автоколонну, взорвут душманы дорогу, на помощь летят они, вертолетчики. И раненых в боях с душманами эвакуировать, нередко под огнем, приходилось тоже вертолетчикам.

Да, трудна и опасна их работа в горах. Чтобы понять меру мужества и риска, надо видеть эту величественную горную готику, где, ударяясь об отвесные склоны, порывистый «афганец» своенравно меняет направление, закручивая вихри, нисходящими потоками затекая во впадины, каньоны. Резкую смену температур, перепады давления надо мгновенно анализировать, принимать единственно верное решение.

Из писем Виктора Анатольевича родным:

«Здравствуйте, мои любимые солнышки! Первый привет из далекого края! Приехали на место только 8 сентября вечером. Но до этого нам пришлось попутешествовать

по местным городкам. Остались на ночь в Кундузе. Встретил много сокурсников. Одни ждали замены, другие только приехали. Утром посетили Кабул, в письме все не опишешь. Как Валера говорил, так и есть. К вечеру на вертолетах нас перебросили в Баграм. А здесь нас ждут — не дождутся! Ребята отбыли по 19–20 месяцев.

Здесь придется переучиваться на новую технику, более современную. Дали нам на это 3 дня, а затем — вперед. Попали в самое пекло. Сейчас идет операция, и мы в нее встречаем. Изо всех мест, где были, это, вроде, лучше, чем другие. Аэродром расположен в котловине на 1,5 км высоте, а вокруг — горы высотой от 4 до 7 км. На вершинах снег. Пейзаж скучный. Горы голые, как в Крыму. Ночью уже прохладно, а днем жара.

Рядом с аэродромом расположен кишлак, прямо за проволокой. И хотя там развеваются красные флаги, лучше никуда не ходить. Ночью же из своих домиков вообще не выйдешь. Разместили нас в так называемых модулях — типа финских домиков, по 8 человек в комнате. Ничего, перезимует! На отпуск, по первым впечатлениям надеяться нечего. Здесь никто не ходил. Быстрова написала письмо своему, он сейчас лежит и читает его, а мы спрашиваем, ну как там дела?

Ну, вот, теперь все. Крепко целую и обнимаю, больше всех, конечно, Натуличку,

я очень по ней соскучился, как и она по мне, вероятно... Ваш папа *Витя*. 9.09.81. Баграм».

«Здравствуйте, мои милые хорошие девочки, мои ненаглядные солнышки! Огромнейший привет из Баграма! Два дня назад отправил вам письмо, сегодня пришел с вылета, получил от вас. Прочитал, хотел поругать тебя, Людмила, за паническое настроение, да ладно. Тебе несладко там приходится, как и мне здесь без вас. Распорядок у нас стандартный. Подъем в 4 часа утра и приходим к 6 часам вечера. В 7.00 уже темно. Летаем каждый день по 3 часа.

В письме всего не опишешь. Заменщики наши уже уехали, остались мы здесь одни и сразу втянулись в работу. Я обещал написать тебе после вылета про мои впечатления, скажу только одно: ничего хорошего нет. Летал несколько раз в командировку в Кабул, занимался перевозкой людей. Грудинкин * тоже в Кабуле. Думаю, встретимся.

В основном у меня все нормально. Акклиматизация прошла успешно. Моя милая, хорошая Людмила, не надо плакать, больше улыбайся, скоро приеду в гости, месяца через 3—4, как будет обстановка. Здесь ходят слухи, что есть приказ, больше года никого не держат. Так что осталось совсем немного — начать и кончить... 17.09.81 г.».

«Здравствуйте, мои дорогие ласточки! Получил от вас письмо, очень обрадовался... Получил еще два на следующий день и оба от родителей! В Сызрань написал, а вот в Пудость — нет. Да и тебе пишу не сразу. Тут была небольшая работа, пять дней не вылезал из вертолета. Открыл, так называемый, лицевой счет, наша пара с Васькой Степановым уничтожила самое страшное оружие против вертолетов (плюс ко всему еще два ДШК)... За этот месяц выполнил семь наводок на цель истребителей и одну — в составе группы — поработали на славу.

Сейчас небольшое затишье. Летаем через день по 3—4 часа. Сегодня просидел в

дежурстве, а завтра опять на целый день. За половину сентября (с 13) налетал 68 часов. Вот и все наши новости. У нас уже есть потери...» (это письмо без указания даты — *авт.*).

«Здравствуйте, мои милые, хорошие, ненаглядные ласточки! Получил сегодня от вас письмо и очень обрадовался, хотя и получил по носу. Сегодня несколько писем пришло, и вот все сидят, читают и светятся. Даже в комнате светлее стало. За меня можете не беспокоиться, у меня все нормально. На этой неделе образовался небольшой перерыв, уже три дня, как я «безработный». Летает Леха, он перед этим отдыхал. За сентябрь наш отряд МИ-8 «выдал» 3/4 всего налета эскадрильи. Это очень много, в пределах 320—360 часов. Летали, как говорится, на износ с утра до вечера. С 7 по 10 октября у местного населения какой-то праздник религиозный, когда они все приносят в жертву. Душманы по всему Кабулу развесили листовки, призывы на борьбу. Но у нас все нормально! Чистый горный воздух, безоблачное небо. Сейчас стало уже прохладнее, днем до +30° подсакивает, а ночью и под утро всего +5°. Ходим в куртках. Сейчас свирепствует куча болезней. Пока успеваю увертываться, но уже, кажется, все же подхватил. Лечусь, Людмила, твоими таблетками. Да и не только я — половина комнаты. Лежать нельзя, летать некому будет. Кормят, как я уже и говорил, более менее сносно. Правда, фруктов нет. Недавно мы обнаглели, и я сел на бахчу. Касым и Петро Боровков накидали арбузов в кабину, а Васька Степанов меня с воздуха прикрывал. Попробовали душманских арбузов. Ну вот, вроде, и все. Посылаю фотографию, узнаете меня или нет? Как я по вас соскучился, мои родные, ни минуты не живу без вас! Фото Натусика повесил над кроватью и, как ухажу на вылет, щелкаю ее по носу, все нормально, мой котенок. Целую и крепко обнимаю. *Папулька*. 7.10.81 г.».

О последнем боевом вылете Виктора Анатольевича его родным рассказал капитан А. П. Малышев,* который сопровождал погибшего однополчанина на родину, а вскоре

* Ю. В. Грудинкин погиб в ДРА 17.V.82 г.

* А. П. Малышев погиб в ДРА в 1983 году.

Провинция Бамиан — в центре Афганистана. В этой провинции сотни пещер и величественная фигура Будды. В небе Бамиана проходил последний бой капитана Мокрецова.

журнал «Юность» (№ 4 — 1982) напечатал очерк В. Верстакова «Без отметки на календаре» — автор очерка лично участвовал в том вылете звена В. А. Мокрецова. Сам уцелевший по счастливой случайности, на старте он был пересажен с ведущего вертолета на ведомый. В. Верстаков обращался к памяти того тяжелого осеннего дня еще дважды: в газете «Правда» от 22 марта 1984 г. и в журнале «Юность» № 2 — 1986 г. В этом третьем очерке приведены выдержки из письма Петра Боровкова, борттехника «МИ-8» капитана В. Мокрецова:

«Весь этот экипаж, с которым я летал, жил вместе. Как сейчас помню, Касым Давлеталин сидел и писал письмо домой, а потом заполнял летную книжку. Мы с Виктором Мокрецовым сыграли в нарды. И я вдруг захотел последовать примеру Касыма, написать письмо родным, но ничего из этого не вышло. Какая-то тяжесть на душе, а что — понять не могу. С этой тяжестью и уснул.

В 3-00 10 октября мы оделись и умылись, позавтракали. Думал, что вчерашняя тяжесть спадет, но она так и осталась на душе. Когда взлетели, видели восход солнца. Он в ДРА совсем необычен. Много радужных красок, просто не такой, как в Союзе...».

Два МИ-8 — ведущий капитана Виктора Мокрецова и ведомый капитана Василия Степанова — перелетели в лагерь десантного батальона: предстояло перебрасывать десантную группу. Вскоре после вылета из лагеря в узком месте высокогорной долины звено обстрелял из засады крупнокалиберный пулемет. Связь с ведущей машиной прервалась, она падала.

В вертолете был такой гул, будто совсем рядом движется железнодорожный состав, а затем такой скрежет, будто тот же состав останавливается очень экстренно, — вспоминал позднее борттехник П. Боровков. — Мы врезались в валуны. От пилотской кабины осталась только пол, все остальное снесло. Последними словами В. Мокрецова были: «Вот здесь нам будет каюк». Федор Гладков ничего не сказал. Чтобы вертолет не взорвался, я, пока падали, выключил двигатель...».

Ведомый капитан Степанов атаковал в лоб и уничтожил зенитную позицию. Машину Виктора Мокрецова обнаружили лежащей на боку среди валунов на дне кривого и узкого ущелья. Приземлиться рядом или хотя бы приблизиться было невозможно.

Больше часа, пока не замигала тревожная лампочка на показателе топлива, а

главное, пока не пристроились в хвост паре свежих, вызванных с базы вертолетов, во-дил над ущельем свою машину капитан Степанов, затем повернул в лагерь. В салон с разбегу загрузились десантники, десять человек» (В. Верстаков).

Рация десанта из упавшего вертолета вышла было на связь и снова умолкла... Помощь подоспела через четыре часа, пострадавших начали выносить из ущелья. Вспоминает Петр Боровков:

«Я нес Касыма вместе с одним десантником, звать вроде Сашей, целых полтора часа. Мы вытащили Касыма, уложили за валун. После своих ног не чувствовал. Саша говорит, что в нас стреляли, а я говорю: «Не слышал». Затем вытащили В. Мокрецова и

Ф. Гладкова. Склон был очень крутой. Когда всех вытащили и уложили за валуны, я поставил одного солдатика, чтобы он показывал нашим вертолетам: в нас не стрелять. Мы стали пробираться еще выше, на вершину горы. Там встретила оставшаяся группа и нас всех эвакуировали».

Прошло два года, умерли родители Виктора Анатольевича. Осталась вдовой с двумя дочерьми на руках Людмила Петровна. Лет через пять после гибели мужа в детской комнате она случайно увидела недописанный листок из школьной тетради: «Папа, если бы у нас была волшебная палочка, я попросила бы ее оживить тебя. Мне плохо, па. Меня иногда обижают, а защитить некому...».

ДЕНИСОВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

23.X.47–7.XII.81

Родился в городе Мары Туркменской ССР. Русский. Образование высшее. Военнослужащий. Член КПСС. Женат. В Афганистане — майор, военный советник в 71 пехотном полку 11 афганской дивизии (г. Джелалабад) (в/ч 44708).

Мать: Денисова Наталья Павловна.

В 1949 году семья Денисовых переехала в Гатчину. В 1950 году у Юры появился брат Анатолий, через два года — сестра Лариса. Дети росли без отца. Он ушел в другую семью.

Учился Юрий в 10-й Гатчинской школе, по окончании которой устроился учеником слесаря на завод «Буревестник», где работала и Наталья Павловна. Начальник отдела кадров завода Калядин выхлопотал в военкомате для Юры направление в Калининское суворовское училище. Успешно сдав вступительные экзамены, Юра стал его воспитанником.

1 сентября 1966 года призван в Вооруженные Силы СССР.

В 1968-м Юрий Александрович окончил Киевское ВОКУ. Служил в Прикарпатском военном округе.

В Афганистан убыл в начале мая 1980 года.

Погиб 7 декабря 1981 года.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на гражданском кладбище г. Хмельницкий по месту жительства его семьи.

Мама Юрия Александровича Денисова, 77 лет, ветеран труда, проживает в г. Гатчина.

Не верит Наталья Павловна, что сына ее нет. Не может согласиться. Кому и куда только не писала — ответ один: «Денисов Ю. А. погиб».

Свидетельства очевидцев. Из письма В. В. Гончаренко (советника).

«Уважаемая Наталья Павловна, здравствуйте! Извините за небольшую задержку с ответом на Ваше письмо. Дело в том, что оно пришло к родителям моей жены, а они уже потом переслали его нам в Вильнюс.

Вы просите меня рассказать, как все случилось с Юрой. Ну что же, хоть это и не очень приятно, постараюсь. 7 декабря 1981 года я находился в Джелалабаде, а Юра с переводчиком Вагидом Зильфугаровым были с полком, от Джелалабада около 40 километров. В этот день я с Юрой разговаривал по радио в 10 утра. Никуда на операцию он идти не планировал. Поговорили с ним, решили все вопросы, он меня попросил решить насчет его документов для поступления в академию и документов на присвоение очередного воинского звания «подполковник». И на этом разговор закончился. Было это уже где-то в 10.30. В час дня — обед. Вернулись с обеда и дежурный сообщил, что Юра погиб. Никаких подробностей он не знал. Я сразу поехал на аэродром и на вертолете полетел туда, но Юру уже не застал. Раньше меня прилетели туда санитарные вертолеты и забрали тело Юры и командира полка (афганца) в Кабул. С ними улетел сопровождающим наш переводчик Вагид Зильфугаров.

Он мне потом через несколько дней и рассказал, как все было. Юра с переводчиком и командиром полка поехали на машине ГАЗ-69 на совещание в провинциальный комитет. С этого совещания Юра переводчика отправил назад. Когда началось совещание — туда принесли самодельную мину. Командир полка (афганец) забрал эту мину и приказал солдату положить ее в машину, чтобы отвезти в полк и изучить ее там: саперы ее устройства тоже не знали. После окончания совещания они сами сели в эту же машину, проехали с полкилометра, остановились, сходили в шашлычную, по-

обедали. Вернулись в машину. Только тронулись с места — и мина взорвалась. Юрий сидел на переднем сидении справа, а командир полка за рулем, два солдата сзади. Все четверо погибли.

Вот, собственно, и все, что я знаю об этом несчастье. В этот же день я вернулся назад в Джелалабад. Соседи помогли мне собрать и уложить в чемоданы Юрины вещи, потом Иван Мамчур и доставил их с телом Юры. До свидания. 11.12.83 год».

Письмо для Натальи Павловны от Денисовой Э. Н.

«Бабуля! * Извини за то, что не сразу исполнила твою просьбу написать о Юре. Поверь, очень тяжело было заставить себя сделать это, тяжело ворошить память. Только немного привыкли к своей участи и осознала, что все потеряно безвозвратно. Я считаю всю эту затею бессмысленной. Есть ведь живой свидетель, который находился в этот момент на аэродроме в Кабуле, когда из Джелалабада прилетели вертолеты, привезли Юрика и командира-афганца. Он (свидетель — авт.) своими глазами видел двое носилок, которые вынесли из вертолета, покрытые белыми простынями. Когда он спросил, кого привезли, ему ответили: «Майора из Хмельницкого» и назвали Юрика фамилию. Я перед тем, как он улетел в Афганистан, с ним познакомилась, он учился и в школе, и в Хмельницком артучилище с нашим соседом в старом доме Володей Марюха. Может быть, и я сомневалась бы, т. к. трудно поверить, особенно, когда не видишь. Так что, бабуля, я тебя даже очень хорошо понимаю. Нам бы тоже очень хотелось, чтобы это была неправда и чтобы увидеть Юрика целого и невредимого. Но, поверь мне, бабуля, для него такой исход (смерть была мгновенной, он не успел даже ничего сообразить) лучше, чем то, чего ты ему желаешь. Плен — это унижение человеческого достоинства, издевательства. Юра сам бы не выдержал всего этого и скорей всего сам бы покончил с собой, он был слишком самолюбив для того, чтобы терпеть унижение. И потом к рядовым у них отношение вовсе не такое — что возьмешь с мальчишек. А Юрик был все-

* Денисова Эльвира Николаевна свекровь Натальи Павловны называла «бабулей».

таки советником, считался их врагом № 1. Они бы не упустили случая, чтобы поиздеваться над ним. Поэтому я считаю, пусть все остается так, как есть. Приметы я тебе уже говорила какие: родинка довольно большая на виске. Вот, пожалуй и все. До свидания. Эля. Март 1994 год».

Письмо от И. Ф. Мамчур:

«Здравствуйте, уважаемая Наталья Павловна! Большое спасибо за поздравление и добрые пожелания, за приглашение в гости.

Конечно, письмо я очень внимательно изучил и разделяю Ваше горе — за сына, за внуков.

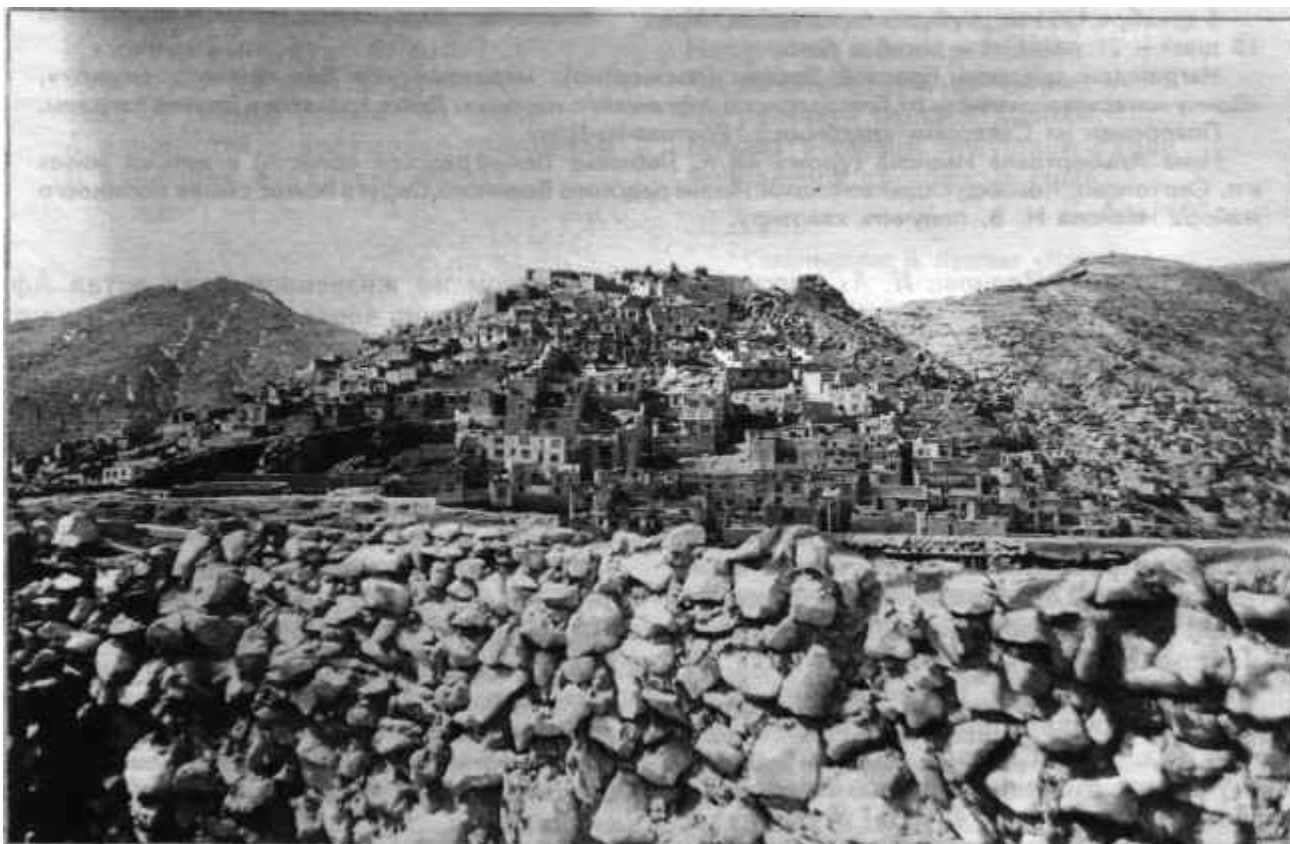
Наталья Павловна, Юру мы помыли, переодели во все чистое: носки, тапочки, трусы, майку, рубашку, галстук, костюм (коричневый) и все остальное, что должно быть по ритуалу. Я не имел и не имею права врать. Говорил, говорю и буду говорить только правду... Юра был настоящим боевым другом для всех нас, он навеки оста-

нется в памяти каждого, кто его знал. Я в этом уверен полностью.

До свидания, обнимаю Вас по-сыновьи, желаю всяческих благ. С уважением и любовью, Иван. 28.02.85 г. Артемовск Донецкой области».

Минуло 15 лет со дня гибели майора Денисова. Выросли его дети. Кристина выучилась на медсестру, Владимир пошел по стопам отца — окончил Суворовское училище и теперь учится в Пушкинском высшем военно-морском училище радиоэлектроники и связи. Иногда по выходным его навещает бабушка. Любуясь своим возмужавшим внуком, Наталья Павловна вспоминает сына и все еще надеется на встречу с ним. И, наверное, никому не поколебать этой веры, да и кто отважится, ведь ее вера святая, материнская.

* По материалам «Гатчинской правды» журналиста В. И. Николаева.

Афганистан. Горы, камни и камни.

ИВАНОВ НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ

1.IX.49—21.XII.81

Родился в Ростове-на-Дону. Русский. Военно-служащий. Образование высшее. Член КПСС. Женат. В Афганистане — майор, командир мотострелкового батальона (в/ч 51884).

Мать: Иванова Надежда Ивановна.

Детство Николая Викторовича прошло на Дону. После окончания школы работал на «Россельмаше».

В Вооруженных силах СССР с 3 августа 1968 года.

С 1968 по 1972 гг. — курсант Высшего общевойскового командного училища имени маршала А. И. Еременко в городе Орджоникидзе.

С 1972 по 1976 годы служил в Группе Советских войск в Чехословакии.

С 1976 по 1981 годы — служба в г. Архангельске.

В 29 лет Николай Викторович командовал мотострелковым батальоном «Славы» в 216 мотострелковом полку.

6 декабря 1981 года убит в Афганистан, через 15 дней — 21 декабря — погиб в бою.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалями «За безупречную службу», «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа». Дома хранятся и другие награды.

Похоронен на Северном кладбище г. Ростова-на-Дону.

Нина Альбертовна Иванова (уроженка п. Лебяжье Ленинградской области) с детьми живет в п. Сертолово. Командующий войсками Ленинградского Военного Округа помог семье погибшего майора Иванова Н. В. получить квартиру.

Вдова майора, Иванова Н. А., рассказывает в своем письме:

«Рапорт подписан, комиссии пройдены, десятки бумаг и подписей готовы. И вот наступило 27 ноября 1981 года. С детьми поехала на вокзал проводить мужа в ДРА. Так быстро летело время. До отхода поезда оставалось две минутки, и тогда Николай Викторович расцеловал детей, обнял меня и тихо сказал: «Жди меня, и я вернусь...».

Поезд медленно пошел вдоль платформы, и, набирая скорость, скрылся из вида. И сразу перед глазами промелькнули годы совместной жизни. Первая встреча на вечере в училище. Свадьба. Служба у нас уже у двоих. Менялись города и села. Родилась дочь, а через 4 года и сынишка, как две капельки похожий на отца. Счастью нашему, казалось, не будет конца.

А потом на жизненном пути встал Афганистан. Ровно через месяц — весточка от Николая Викторовича.

28 декабря я читала письмо, а дети искали на карте далекую страну и незнакомый Кабул, где служил их папа. Только не знали мы, что уже семь дней и ночей отсчитали часы, как не стало Николая Викторовича.

О гибели узнала накануне Нового 1982 года. Погиб 21 декабря, прослужив в ДРА только 15 дней. Он, командир батальона, успешно провел операцию по обезвреживанию бандитского формирования. Но по возвращении с рейда, вблизи дороги Кабул—Баграм, была обнаружена группа противника. Управление было обстреляно снайперами.

Для захвата высоты и обеспечения прохода основных сил батальона майор Ива-

нов Н. В. лично вывел взвод во фланг противника и атаковал его.

Несмотря на полученное ранение продолжал управлять боем. Благодаря его смелым и решительным действиям было захвачено 70 единиц оружия. Николай Викторович был повторно ранен в этом бою. Рана оказалась смертельной.

...На страницах газет пыталась найти хоть какое-нибудь сообщение о событиях в Афганистане, но тщетно. Из рассказов знакомых знала, что одной из «горячих» точек считался Кандагар. Но часть, в которой был Николай Викторович, находилась в Кабуле. Знакомая со служебными бумагами погибшего мужа, я по наивности полагала, что найду материалы с подробными сообщениями о службе Николая Викторовича

в ДРА. Увы, только один стандартный вариант:

«Выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, ... погиб. Примите искреннее соболезнование и сочувствие по поводу постигшего Вас горя... Печать. *Подпись*».

Так я и осталась одна с двумя детишками на руках. Казалось, не хватит сил, чтобы пережить эту беду. Но мои дети, его дети, помогли мне. Ради них и живу. Сейчас они взрослые. Так и живем: я, дети и наша любовь к Николаю Викторовичу. Прошло 12 лет с того дня, как мы расстались, а боль лишь спряталась куда-то вглубь.

С уважением *Иванова Нина Альбертовна*. Август 1993 г.».

* * *

«На высокой горе, на Нарае,
Перевал на пути в Чемкани.
Там, в обжитом душманами крае,
Загораются ночью огни.
Среди них огонек на вершине
Из окошка мерцает во мгле,
Там горит фитилек в керосине,
Тень от гильзы дрожит на столе.
А вдоль стен в полумраке тревожном
В униформе афганских солдат

Спят советники сном осторожным,
Обнимая во сне автомат.
Их лишь пятеро. Пять офицеров,
Пять советских парней в том краю,
Их афганцы зовут мушаверы,
Никого нет надежней в бою...
На высокой горе, на Нарае,
До рассвета окошки красны,
Бродят в тесном и душном сарае
Мушаверов тревожные сны».

В. Куценко.

* Стихотворение В. Куценко «Мушаверы».

Еще один год позади! Чем только не оправдывались наши потери! Засады, набеги на гарнизоны, минирование коммуникаций — причины типичные, самые распространенные. Громкая молва ходила о душманских снайперах: утверждали, будто они поражали любую цель, которую видел глаз и куда долетала пуля из длинноствольного английского «бура» — иной стрелок мог сбить яблоко с головы ребенка на расстоянии полукилометра.

Все это так. Только нельзя не признать главного: уже в 1981 году «духи» воевали профессионально, западные советники и инструкторы тщательно обучали их. Как и у наших войск, у мятежников четко определялись «зоны ответственности» с глубоким эшелонированием сил, бое-

припасов, материальных средств. Как правило, базовые склады располагались в труднодоступных районах, тщательно маскировались и хорошо охранялись. Там же обычно располагался и штаб формирования с аппаратом советников, инструкторов, системами связи, даже стадом выючных животных: в случае необходимости быстро по горной тропе подбрасывался боезапас к месту боя или, напротив, в случае опасности склад легко перебазировался в надежное место.

Впрочем, единой тактики у формирований не прослеживалось, несмотря на объединенные штабы руководства. У каждого свои приемы, взгляды на ведение боевых действий, излюбленные места засад, способы ухода от преследования.

1982

Прошло два года. Высшее партийно-государственное руководство ДРА, занятое внутривнутрипартийными распрями, почти не занималось организацией борьбы с моджахедами и укреплением органов власти в уездах и волостях.

Моджахеды, которые были скованы в своих действиях советскими частями, предпринимали усилия по проведению кратковременных операций, сочетали террористические и диверсионные действия со злобной пропагандой, особенно против «оккупантов». В труднодоступных районах они продолжали укреплять свои базы, а также создавали склады вблизи крупных городов. Основные усилия моджахедов были направлены на ликвидацию органов власти в уездах и волостях и укрепление влияния своих «исламских комитетов».

К сожалению, государственные органы власти, как уже неоднократно подчеркивалось, не функционировали как надо, и эту проблему одними военными усилиями не решить. При этом надо было учитывать, что Вооруженные силы ДРА не способны были вести боевые действия с моджахедами, и основная тяжесть борьбы с противни-

ком легла на плечи воинов 40-й Армии. Афганские части решали лишь ограниченные задачи, а в основном они действовали совместно с советскими частями и подразделениями.

В течение года боевые действия проводились во многих провинциях, в том числе:

— январь—февраль — в провинциях Кандагар, Парван и Каписа, особенно напряженные бои были в зеленой зоне Джабаль-Уссарадж (этот город расположен недалеко от входа в ущелье Панджшер), а также в непосредственной близости от провинциальных центров Чарикар (провинция Парван), Махмудраки (провинция Каписа);

— апрель — операция в провинции Нимруз;

— май—июнь — 5-я Панджшерская операция.

В ходе этой операции была впервые осуществлена массовая высадка десантов (в течение только первых трех дней десантировались около четырех тысяч наших воинов). В боевых действиях в Панджшере принимало участие около 12 тысяч советских солдат. Однако военные успехи не были закреплены становлением органов власти на местах. В июне предпринимались масштабные боевые действия в провинции Логар;

Военные советники в афганской армии были в каждом полку. Они пользовались большим авторитетом среди офицеров, сержантов и солдат ВС ДРА. Афганские военнослужащие по-дружески относились к «шурави», которые сражались вместе с ними против моджахедов. В училище «Пухантун» (г. Кабул) В. Черемных и К. Цаголов (третий и четвертый справа) с советниками и афганскими офицерами. 1982 год.

— август—сентябрь — проводилась 6-я Панджшерская операция, но и на этот раз не удалось укрепить власть Центра в этом ущелье;

— декабрь — в связи с тем, что афганское руководство так и не смогло установить органы власти в ущелье Панджшер, войска были выведены из него.

В целом в 1982 году отмечалось расширение районов боевых действий, при этом участились удары с воздуха по разведанным объектам в стане моджахедов. В свою очередь моджахеды создали наиболее сильные группировки в провинциях Логар, Парван, Лагман, Вардак, Каписа, то есть в непосредственной близости от столицы Афганистана. Поэтому обстановка вокруг Кабула была сложной.

Большое напряжение сохранялось на дороге Кабул—Гардез, особенно в пределах провинции Логар (южнее Кабула). В этой провинции моджахеды в страхе держали местное население. В провинции Кунар обосновались значительные силы мятежников, в основном в тех уездах, где не дислоцировались правительственные войска, как например, в уезде Камдеш.

На 1 марта в вооруженных силах ДРА было 113 тысяч человек. В стане мятежников возросло количество отрядов с 600 до 900, в их составе насчитывалось до 50 тысяч человек. Исламских комитетов насчитывалось до 300. Основная группировка противника по-прежнему отмечалась в зоне «Центр» — до 12 тысяч. Однако эти данные не полностью отражали состав противостоящих сил. В них не учитывались отряды и группы, находившиеся в Пакистане, и местные жители, которые привлекались для действий по выполнению конкретных задач.

Таким образом, в 1982 году вырисовывалась бесперспективная картина достижения мира и согласия на афганской земле. Обстановка усложнялась.

Естественно, две Панджшерские операции, хотя и были успешно проведены с военной точки зрения, удручали тем, что не позволили стабилизировать обстановку в этом ущелье. Это ущелье сужается на отдельных участках до двух—трех сотен метров. Узкий и длинный — более чем стокилометровый — коридор в обрамлении высоченных гор, тянется от границы с Пакистаном до Саланга, с запада на восток.

Именно в «Логове пяти львов» (Панджшер), как и на придорожных территориях дороги через Саланг, разворачивались кровавые события. До весны 1982-го против укрепившихся здесь «духов» были проведены, по крайней мере, четыре операции. 18 мая началась пятая по счету. Полной

Ущелье Панджшер.
По горным тропам выход в долину р. Читрал
(на территории Пакистана).

победы добиться не удалось, что объясняется главным образом характером местности. Ведь это ущелье врезалось в пятикилометровые отроги Гиндукуша с нависшими над коридором отвесными скалами. Отряды Ахмад Шах Масуда имели возможность перебазироваться на территорию Пакистана, и они ею воспользовались, чтобы избежать полного поражения.

Перед началом пятой Панджшерской операции отряды Ахмад Шах Масуда активизировали свои действия, поскольку в мае открылись перевалы, а следовательно, облегчилось снабжение всем необходимым из Пакистана. Хотя подготовка к операции проводилась скрытно, сведения о подготовке к ней просочились «на ту сторону». Когда советские и афганские части начали наступать, они встретились с глубоко эшелонированной обороной в горах.

Несколько слов о самом Ахмад Шах Масуде. Он родился в 1953 году в кишлаке Джангалак (провинция Парван) в семье феодала, по национальности — таджик. Окончил 12 классов лицея «Надирия» в Кабуле (1972) и два курса инженер-

ного факультета Кабульского университета (1974). В том же 1974 году вступил в организацию «Братья-мусульмане», приобретал боевой опыт в других странах. В 1978 году вернулся в Афганистан и приступил к созданию вооруженных отрядов в ущелье Панджшер.

Таким образом, Ахмад Шах Масуд, встав во главе профессиональных отрядов, сумел организовать своеобразный фронт.

В ходе проводимых операций группировка Ахмад Шах Масуда понесла значительный урон, сдала важные позиции, рассредоточилась в горах, частично в Пакистане. Но приходится снова повторить, успехи не удалось закрепить становлением власти на местах. Поэтому моджахеды возвращали утраченное, и в августе—сентябре пришлось проводить 6-ю Панджшерскую операцию, которая также не привела к желаемым результатам.

И вот перед нами скорбный список. Из 1948 солдат и офицеров СССР, погибших в 1982 году, 13 — наши земляки из Ленинградской области.

АФГАНСКАЯ БОЛЬ

1. Угаров Николай Александрович — рядовой, умер 8 января.
2. Шустов Михаил Иванович — ст. лейтенант, умер 3 февраля.
3. Алексеев Василий Александрович — ст. лейтенант, погиб 5 февраля.
4. Юропов Олег Николаевич — рядовой, погиб 7 мая.
5. Грудинкин Юрий Васильевич — майор, погиб 17 мая.
6. Трусов Александр Евгеньевич — сержант, умер 9 июня.
7. Понин Виктор Михайлович — лейтенант, погиб 21 июня.
8. Иванов Анатолий Михайлович — рядовой, погиб 28 июня.
9. Налимов Петр Петрович — рядовой, погиб 23 июля.
10. Л ушников Геннадий Анатольевич — сержант, погиб 27 августа.
11. Евсеев Юрий Викторович — капитан, погиб 11 октября.
12. Муратов Василий Егорович — прапорщик, погиб 20 октября.
13. Макаров Сергей Владиленович — мл. сержант, умер 14 декабря.

* * *

Снятся, мама, мне блины, молоко парное,
Двор, короткие штаны, детство озорное.
Витька Хмель, Сережка Зуб, школа, двойки,
кляксы,

В три обхвата старый дуб и девчонки-плаксы.
Снятся вербы под окном, ветер-забияка,
Батя хмурый за столом, знаки Зодиака,
Слезы, первые стихи, поцелуй, свиданья.
Утро, розы, петухи, угол в наказанье.

Вот вернусь домой с войны, не волнуйтесь, мама.
Надышусь тишины — сладкого дурмана,
Захмелею, во хмелю обниму березу.

Как же я тебя люблю — как мальчишка грезы.
На отшибе постою, поболтаю с дубом,
Радость тихо разделю с самым лучшим другом.
А приду домой, усну, мама, не будите.
Я в последний бой иду — Вы меня простите!

Ю. Пахомов

**УГАРОВ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**

21.V.62—8.1.82

Родился в деревне Суханово Ярославской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, водитель автомобиля (в/ч 19888).

Родители: Угаровы Александр Петрович, Александра Михайловна.

По окончании Дружногорской средней школы Гатчинского района Ленинградской области Николай поступил в Сиверское СПТУ № 3. Работал водителем в совхозе «Орлинский». 12 апреля 1981 года призван в Вооруженные Силы СССР. Служил полгода в школе младших авиаспециалистов в Ташкенте.

С 1 ноября 1981 года продолжил службу в Афганистане, г. Баграм.

8 января 1982 года умер от ран.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на кладбище пос. Орлино Гатчинского района.

Пожалуй, у Александра Петровича и Александры Михайловны не было «трудного периода» в воспитании сына. Их Коля не убегал из дома, был далек от дурных компаний, не лгал, не упрямился. Ни вспышек раздражительности, ни истерик не только дома, но и среди окружающих, в обществе сверстников. Рос нравственно здоровый, хороший паренек. Отсюда и среди родных царило спокойствие, взаимопонимание и уважение друг к другу.

Вот что пишет Н. А. Григорьева (классный руководитель Николая):

«Родители дали хорошее воспитание сыну, хотя и работали в совхозе с утра до ночи... Доверяя сыну во всем, Угаровы позволяли ему принимать решения в отношении самого себя и осуществлять их, тем самым избежали конфликтных ситуаций в семье.

Это был самостоятельный юноша. У него были свои планы, его беспокоили такие проблемы, как сдать выпускные экзамены,

куда пойти учиться, где работать, как правильно организовать жизнь на ближайшее будущее...»

На вопрос Нины Антоновны Григорьевой, что Николай думает о планах на будущее, ответил, что хочет стать водителем, как его отец. И своего добился.

Из письма Н. В. Матвеевой, главного инженера совхоза «Орлинский»:

«В моей памяти Коля остался исполнительным, добросовестным, трудолюбивым работником. Отличался от своих сверстников застенчивостью, спокойствием, уверенностью в себе. Постоянно повышал уровень профессиональных знаний, досконально изучал вверенную ему технику, берег ее.

Николай был замечательным парнем! Всегда был готов помочь товарищам словом и делом, советом и поддержкой. А ему тогда не было еще и 18-ти».

Родители, вырастив сына и отправляя его служить, понимали: Николай справится

с трудностями армейского быта. И не ошиблись.

Отрывки из писем Н. А. Угарова родителям и сестре Зое:

«Здравствуйте, мои родные! Пишет Вам сын и брат рядовой Угаров.

Зоя, ты упрекаешь, что о трудностях ничего не пишу. Все правильно. А чего жаловаться? Какой же ты солдат, если в каждом письме будешь маменьке жаловаться? Есть, конечно, трудности, но я как-то стараюсь их преодолевать сам. В этом, наверное, и состоит воспитание в Армии...»

«...Город, где я сейчас служу, называется Баграм. Из Ташкента вылетели на Кабул (столица) **1 ноября 1981 года (эту дату надо запомнить)** в 10 часов утра. Через 1,5 часа были в Кабуле. Летели на самолете ИЛ-76. Из Кабула — на АН-12 в Баграм, где мне и предстоит отслужить свои полтора года. Машины пока не дают. Я попал в отдельную вертолетную эскадрилью. Сейчас я вроде слесаря. Помогаю ребятам, в наряды пока не ходим, обвыкаемся. Машину получу скорее всего весной, так как много ребят уйдет на дембель. Поздравляю с праздником! 1981 г.»

В своих письмах из Афганистана рядовой Николай Угаров старался избавить родных от мучительных переживаний, лишних тревог, от душевной боли.

Писал о солдатской жизни просто, мудро, по-житейски:

«...Службу несую нормально, но тяжело-вата она, черт подери. Дело в том, что получил машину УАЗ-452 — «санитарку», как ее здесь называют. Машина еще ничего, дышит. Взял ее я без тормозов и вот сейчас занимаюсь понемногу. Приходится ходить и в караул, и делать машину. Для этого меня ставят на ночные посты, то есть ночью охраняю его, а днем свободен. И вот это свободное время использую для ремонта. В караул приходится ходить через день,

но, в общем, служба идет нормально. Недавно, кажется, сюда приехали, а вот уже полтора месяца как здесь. 16 декабря останется 100 дней до года службы, а там служба пойдет легче.

Вы тут пишете про отпуск, но это вопрос сложный. Тут отпуска дают за заслуги, а я пока еще ничем не отличился, так что, Зоя, придется тебя разочаровать, но будем надеяться. Зоя, ты пишешь, что сфотографировалась, обязательно вышли фотографию. Еще лучше было бы, если бы вы сфотографировались все вместе и прислали фотографию сюда. Это было бы здорово! Насчет своей фотографии ничего не обещаю, так как фотографии тут нет и сфотографироваться негде! Зоя, если тебе удалось попасть на «Машину времени», то поделитесь впечатлениями. Я думаю, тебе понравилось. Мне ребята рассказывали про концерт «Машины». Говорят, просто чудо! Все так ярко, красочно!

Пишите, как папа с мамой съездили в Пошехонье. Какие там новости? Суханово, наверное, камышом заросло... Пишите! Жду! 14.12.81 г. Баграм — 81».

Письмами Николай вселял в родных надежду и ощущение того, что срок службы быстро пройдет. И он, их сын и брат, скоро вернется домой. В этой вере была заключена великая сила, которая поддерживала родителей в ожидании его с афганской войны. И эта его вера в добрый конец службы казалась непоколебимой.

Только случилось непоправимое...

На запрос, как и при каких обстоятельствах получил ранение рядовой Угаров Н. А. ни Облвоенкомат, ни районный военный комиссариат, ни родители данным не располагают.

Вот что сообщил Гатчинский Горвоенком А. Стула: «Угаров Николай Александрович, рядовой, водитель автомобиля с ноября 1981 года в Афганистане. Умер от ран 8.01.1982 года».

ШУСТОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

14.II.52—3.II.82

Родился в Выборге Ленинградской области. Русский. Военнослужащий. Образование высшее. Кандидат в члены КПСС. Женат. В Афганистане — старший лейтенант, командир огневого взвода мотострелкового полка (в/ч 51854).

Родители: Шустовы Иван Акимович, Александра Ивановна.

С 1959 по 1969 гг. Михаил — ученик средней школы.

С 1969 по 1970 г. — слесарь-сборщик Выборгского завода «Электроинструмент».

29 августа 1970 года призван в Вооруженные Силы СССР.

С 1970 по 1974 гг. — курсант Ленинградского высшего артиллерийского командного училища им. Красного Октября. Диплом с отличием.

С 1974 по 1978 гг. — служба в Группе Советских войск в Германии. Лейтенант, командир огневого взвода/командир взвода управления, затем старший лейтенант, командир огневого взвода, старший офицер на батарее в Забайкальском ВО с 1978 по 1980 годы, а с 1980 года начальник разведки дивизиона в Закавказье.

25 мая 1981 года старший лейтенант Шустов М. И. убит в Афганистан.

3 февраля 1982 года умер от ожоговых ран.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на Северном кладбище г. Выборга.

В семье растут Антон и Алексей — сыновья Михаила Ивановича.

Жизнь в разных семьях складывается по-разному. В силу сложившихся обстоятельств из-за плохого здоровья Иван Акимович, участник Великой Отечественной войны, инвалид, не мог работать вообще. Вот почему заботы о муже, детях легли на плечи Александры Ивановны. Она стала опорой семьи. Работала на заводе. Дел по дому тоже было предостаточно. «Мне нельзя было не работать, — напишет в своем письме от 25 декабря 1993 года А. И. Шустова, — потому что единственной кормилицей была я. С работы, бывало, придешь усталой, а тут тебя дети встречают. А их у меня трое, мал-мала. Соскучатся за день, рассказов у каждого обо всем — всех надо выслушать, как день прошел, как вел себя Мишенька — младшенький. В садик он не ходил — мест не было, так воспитанием его занимались брат и сестра. Времени для себя не оставалось вовсе».

С первых дней занятий в школе Миша быстро подружился с ребятами. С годами дружба крепла, переросла в так называемое «мальчишеское братство», которое помогало в учебе, в работе над собой, дисциплинировало.

Учился Михаил на совесть, понимал: учеба — это работа. И с нею справлялся легко и просто.

А еще он был «самостоятельным». Успехов в школе добивался упорством, трудом. Скромный в поведении, воспитанный, добросовестный во всех делах, приветливый, он, словно магнит, притягивал к себе людей.

Друзей было много. С ними он делился мыслями, мечтами. А мечтал он стать военным. Правда, в жизни так много всего интересного, увлекательного, но мечта есть мечта.

И вот уже на руках приписное свидетельство, а на душе — твердая уверенность

в том, что он непременно станет курсантом военного училища и в жизни добьется многого...

И он шел к цели. Получил аттестат о среднем образовании, поступил в военное училище. И начались курсантские будни. Первые уроки армейской дисциплины давались ему не с таким трудом, как некоторым сокурсникам. Он к дисциплине привык еще с детства. «Мы детей не растили для легкой жизни. Мы их учили трудиться, добиваться в жизни многого», — скажет потом мама.

Училище Михаил закончил с «красным» дипломом. И вот с 25 мая 1981 года старший лейтенант Шустов М. И. на службе в составе советских войск в ДРА. Связь с домом, семьей — только письма.

Письмо, адресованное жене Елене Ивановне Шустовой:

«Леночка, здравствуй!

Сегодня отправил тебе два письма, а сейчас пишу новое. Вчера было ровно три месяца, как я в Афганистане. До чего же время медленно идет. Кажется, будто я здесь уже год. Вчера занялся стиркой. Все постирал что было. А потом даже пол в землянке помыл. Что-то вчера меня потянуло на хозяйственные работы. Я бы и обед сварил, но это без меня делают. Видишь, по какой работе человек заскучал. Но ничего, когда приеду, ты постараешься меня загрузить, чтобы не скучал. Уже третий день не привозят хлеба. Хорошо, что вчера у афганцев взял, теперь хлеб жуем...

Позавчера был концерт из Союза. Итальянка какая-то спела песню «Антошка, пойдем копать картошку»... с детским ансамблем...

Что-то сегодня у меня опять некрасиво пишется. Хоть письмо не отправляй...

Последние два письма твои я читаю каждый день по несколько раз. Хорошо читать хорошие письма. Да, Леночка, ты моим ничего не говори, что я тебе написал. Они ничего не знают и знать им не надо. Ну вот вроде и все, моя хорошая. До свидания. *Миша*. 18.08.81 г.».

Елена Ивановна прислала в Книгу листок из блокнота мужа, в нем были эти строки:

«Откажись я тогда, не пришлось бы
скучать,
Расставаться с тобою и письма писать.
Откажись я тогда, и мне Родина-мать
Не простила бы слабости даже ради тебя».

Из послужного списка старшего лейтенанта Шустова М. И.:

«8 декабря 1981 года при выполнении боевого задания старший лейтенант Шустов М. И. получил сильные ожоги и направлен для лечения в военный госпиталь города Ташкента».

Из рассказа Александры Ивановны:

«В декабре мы получили письмо, написанное не рукой Миши. Нам сообщили, что сын находится в госпитале в Ташкенте. Около него была его жена, а потом я. По словам заведующего ожоговым отделением сын перенес несколько операций. Никогда не жаловался на изнуряющие боли, таких мужественных и сдержанных людей очень редко встретишь. Ему ампутировали обе ноги, еще у него были сильные ожоги на теле. Я давала ему свою кожу для пересадки... Врачи делали все возможное, но ни им, ни мне, ни его жене Лене спасти Мишу не удалось. 3 февраля его не стало.

Никто и ничто нам не сможет вернуть такой потери...».

Из сообщения начальника штаба мотострелкового полка майора Крамаренко: «Выполняя боевое задание, верный военной присяге, умер от ожогов 3 февраля 1982 года. Смерть связана с исполнением обязанностей военной службы...».

Советские офицеры, дослужившиеся до высоких званий в невоюющих армиях, теоретически, а потом и на учениях проигрывали десятки вариантов сражений, десятки различных комбинаций, в том числе самых неблагоприятных. И не испытывали чрезмерных волнений: в этих «боях» были побежденные, но не могло быть мертвых, не могло быть крови. В прицелах их орудий не вспыхивала багровым пламенем реально пораженная цель, в бронежилет не впились настоящие пули.

И вот те самые командиры с ранней сединой на висках впервые попали под об-

стрел. Впервые увидели раненых — своих подчиненных. Впервые посылали их не в учебные атаки, а на огневые точки отнюдь не условного противника. И плакали, провожая в путь «Черные тюльпаны». Они, командиры, даже с академическим образованием, впервые в Афганистане получили боевой опыт.

И солдаты в горах Гиндукуша, внуки поколения, воевавшего в сороковых, не потеряли лучших качеств, унаследованных от дедов, — смекалки, выносливости, готовности на жертву ради товарища, понимания того, за что борются. Вместе с тем они

оставались мечтателями в бронежилетах, строителями романтического будущего с автоматами в руках, астрономами, смотрящими в будущее через оптический прицел бронетранспортера.

В их письмах, набросанных спешными, косыми и прерывающимися каракулями, ощущаешь и неудобство быта, и вибрацию двигателей, и толчки содрогающейся от взрывов земли. Их надо читать повторно, в пятый и десятый раз, не глядя на строчки, только удерживая листки в руках. Только тогда поймешь истинный смысл сказанного и глубину недомолвок.

АЛЕКСЕЕВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

28.11.56—5.11.82

Родился в городе Инта Коми АССР. Русский. Военнослужащий. Образование высшее. Член КПСС. Женат. В Афганистане — старший лейтенант, командир мотострелкового взвода (в/ч 51932).

Родители: Алексеевы Александр Васильевич, Екатерина Ивановна.

Учился в Любанской средней школе Тосненского района Ленинградской области. 1 августа 1973 года поступил в Ленинградское высшее общевойсковое командное училище им. С. М. Кирова, которое окончил в июле 1977 года. Специальность — командная тактическая мотострелковых войск.

1977—1980 гг. — служба в Житомирской области, командир мотострелкового взвода.

С 3 января 1981 года — Афганистан.

5 февраля 1982 года погиб в бою.

За мужество и доблесть награжден орденом Красного Знамени (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа». Грамотой и юбилейной медалью «70 лет Вооруженных Сил СССР».

Похоронен в г. Любань Тосненского района.

На здании школы, где учился Алексеев В. А., открыта мемориальная доска.

«Неужели такой текст телеграммы можно отправить шестидесятитрехлетней матери? Какое нужно иметь сердце, чтобы

вот так, сразу, наотмашь?», — с горечью сказала Н. И. Прохорова, мать погибшего афганца.

Телеграмма, которую получили
Алексеевы.

Екатерина Ивановна положила дрожащими руками телеграмму на колени и тихо вздохнула: «Я об этой бумаге не могу говорить и сегодня.

«Дождалась» сыночка, а до замены оставалось-то всего три месяца, в мае должен был вернуться домой. И вот...

Вася — мой единственный, моя надежда, моя любовь, а теперь его нет — и я одна. Не верю в гибель сыночка и все время его жду, жду и жду... И каким только он ко мне не приходит в воспоминаниях. Вот Васенька был еще совсем небольшой, как-то отпустила его погулять, а он ушел на речку. Я бегаю, плачу, ищу, найти его не могу. Вдруг вижу — бежит, в белой рубашечке, брюки черненькие, шапочка белая. «Ты где был?» — спрашиваю. А он отвечает: «К пионерам ходил, они отдыхают, с ними мне хорошо, книжки читаем, играем...»

Василий всегда был среди людей: посещал хор в клубе, участвовал в соревнованиях, с малышами играл. В школе, училище учился прекрасно.

А потом женился...».

Семья Василия Александровича жила в Овруче. В гостях у детей побывала Екатерина Ивановна, а когда вернулась домой, получила письмо. Оно пришло из Афганистана, хотя обратный адрес на конверте почему-то московский.

Письмо из Афганистана от Василия Александровича:

«Добрый день!

Здравствуй, мама. С приветом твой сын Василий. Извини, что долго не писал, вскоре после того, как ты уехала, меня отправили в спецкомандировку. Это далеко за пределами нашей страны. Пока доехал, пока адрес свой получил. Я жив-здоров, чего и тебе желаю. Здесь тепло, как у нас летом. Уже купался. Работа такая же, как в Союзе. Немного скучно, потому что выйти некуда, а так жить можно. У меня родилась вторая дочка. Вес — 4.200. Назвали Ольгой. Родилась 19 декабря. Пиши, как твое здоровье. *Вася*».

Не знала Екатерина Ивановна и о служебной характеристике на старшего лейтенанта В. А. Алексеева, командира мотострелкового взвода. «По своим деловым, моральным, политическим качествам достоин направления для прохождения дальнейшей службы в ДРА. Командир мотострелкового взвода воинской части 35687 — старший лейтенант *Карнухин*.

С характеристикой согласен, достоин направления для прохождения дальнейшей службы в ДРА. Командир мотострелкового батальона, майор — *Азарян*».

Сын писал маме теплые, хорошие, простые письма, и сдержанные.

«Добрый день!

Здравствуй, мамочка. С приветом Вася. Наконец-то получил твой ответ. Я тебе уже написал два письма, но ответ получил пока только на первое... Письма отсюда идут очень долго, а бывает и не доходят. Я жив-здоров, дышу горным воздухом. Ну и, конечно, продолжаю служить. Служба здесь нелегкая, но было и труднее. Так что жить можно вполне.

Я здесь ненадолго — всего лишь года на два. Правда, уже соскучился по Родине. Очень уж здесь непривычно. Кругом одни горы, камень. И ничего не растет, только в долинах. Правда, там, где в долинах что-нибудь выращивают, снимают два-три урожая в год. И растет здесь все, от картошки до бананов и апельсинов. Да что говорить, если в январе кончают снимать апельсины, то начинают собирать морковь. Погода теплая, в феврале уже купались. Когда поеду в отпуск — напишу. Желаю тебе крепкого здоровья. Пиши. Целую. *Вася. 23.03.81 год*».

Свои душевные порывы, сердечную близость с мамой Василий Александрович стремился передать через письма. Добрая половина всех его писем была направлена на то, чтобы скрыть от Екатерины Ивановны ту боль и страдания, что выпали на долю его поколения. Хотел лишь одного, чтобы мама не мучилась, не горевала, обеспокоенная его судьбой, жизнью, наполненной трудностями, волнениями, опасностями на войне.

«Строчит пулемет, поднимается взвод,
Жаль, многие больше не встанут.
И к Родине сын, может быть не придет
Из пламени Афганистана.
Здесь горы в снегах и селенья в бегах,
Горят кишлаки и дуканы.
И выпустит вряд ли «неверных» Аллах
Из пламени Афганистана.

И такое умение дорожить покоем матери, ее здоровьем, любить и в то же время способность умалчивать о горьком повседневном на войне — говорит о высокой духовной нравственности сына Екатерины Ивановны Алексеевой.

Вот и листок из альбома со словами «Мой родной край» говорит о многом. Это чувство долга перед Присягой, любовь к родной земле, признание в любви милому сердцу уголку Родины и надежда на лучшее...

Но, к сожалению, надежды не всегда оправдываются.

В ноябре 1981 года Екатерина Ивановна получила письмо от сына из госпиталя г. Самарканда. Он пишет, что заболел желтухой, но «чувствует себя почти нормально, температура тоже нормальная», правда, кормят «не очень вкусно, одно пресное». Обещал приехать домой на Новый год после госпиталя, если будет время. И действительно, он поправился, до середины января находился в Союзе.

В своем последнем в жизни письме из Кабула он сообщает маме, что 15 января 1982 года «пересек границу и без приключений добрался до части. Правда, в дороге немного простудился, но спасибо твоему малиновому варенью, уже вылезился».

5 февраля 1982 года старший лейтенант Алексеев В. А. погиб в ДРА в бою с мятежниками. Смерть его была связана с исполнением служебных обязанностей...

Люда и Оля, дочери Василия Александровича, остались без отца, а мама — без сына.

Придет письмецо, ты закроешь лицо,
Но нет никакого обмана...
Надень же на левую руку кольцо
Из пламени Афганистана.
Но год или два, и вспомнишь едва
Любви несмертельные раны.
Я сделаю все, чтоб ты вышла жива
Из пламени Афганистана.

В. Верстаков

ЮРОПОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ

7.X.61—7.V.82

Родился в поселке Ленинское Выборгского района. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой в разведподразделениях (в/ч 71240).

Родители: Юроповы Николай Константинович, Зинаида Ивановна.

По окончании 8 классов поступил в СПТУ № 76 г. Ленинграда, приобрел специальность электромеханика. Поработать пришлось один год.

10 октября 1979 года призван в Вооруженные Силы СССР Дзержинским РВК Ленинграда. Служил в городе Тахи-Аташ четыре месяца. С 30 июня 1981 года направлен в провинцию Парван (60 км севернее Кабула) в разведбатальон.

В одном из боев Олег был ранен. Лечился в госпитале недалеко от Ташкента. Через несколько недель вернулся в часть.

7 мая 1982 года погиб. В этот день он нес службу в охране.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на гражданском кладбище в поселке Репино Сестрорецкого района г. Ленинграда в 8 км от дома.

«В Репинской школе № 442 оформлен уголок «Памяти Олега» с фотографиями. Ученики всем классом посещали могилу в день его рождения и в день смерти вместе с учительницей Любовью Евгеньевной Александровой, дети читали стихи. Тогда пионерский отряд был назван именем Олега Юропова, но так как сейчас пионеров нет, то последние года два не ходят школьники к сыну», — пишет Зинаида Ивановна Юропова.

По ее словам, к армии Олег готовился, занимался спортом, играл в футбол.

«Перед тем как его отправить в армию, меня вызвали в Дзержинский военкомат; ни я, ни Олег не знали, что он будет служить в Афганистане. Я только просила: не отправляйте его далеко, он ведь у меня единственный сын. Мне ответили, дескать не беспокойтесь, ваш сын будет служить рядом с вами. **Обманули.**

В то время Афганистан уже был в огне. Через несколько месяцев мой Олежек был ТАМ...».

Олег Николаевич прослужил в ДРА больше года. Письма присылал утешительные, хорошие, надеялся, что скоро вернется:

«Мама, служба идет нормально. Ребята попались надежные. Не переживай, скоро приеду, лучше почитай-ка обо мне в газете:»*

«...На задание брали только самое необходимое: оружие, боеприпасы, радиостанцию и питание к ней, продукты, питьевую воду. Но и этот груз оказался довольно внушительным. Переправить его

* Газета «Фрунзенец» Туркестанского военного округа. Статья капитана Н. Кирженко. 1981 год.

Была напечатана почти целая полоса, посвященная воинам-интернационалистам в Афганистане. Статья дана в сокращении (авт.).

на противоположный берег было бы проблемой, не прояви прапорщик Андрей Баналиев смекалки. Заранее приготовили крепкий капроновый шнур, пустой ящик из-под боеприпасов, автомобильную камеру. К накачанной камере крепко приладили ящик, равномерно уложили в него оружие, боеприпасы, обмундирование группы.

Первым в воду шагнул рядовой Олег Юропов. Отличный спортсмен, закаленный солдат, он должен был показать пример сослуживцам.

Вокруг торса солдата — капроновый шнур, конец которого он должен доставить на противоположный берег. Солдат медленно, борясь с течением, заходит в воду. Солнце припекает и от этого вода кажется еще холоднее. В таких случаях стараются сразу нырнуть, но Олегу этого делать нельзя — ведь он должен еще обследовать дно у берега.

Но вот он поплыл. И волны, будто обрадовавшись, подхватили его, стремительно понесли вниз. В первые секунды показалось, что солдат не совладеет с течением.

Но нет! Мускулистое тело уверенно режет волну, берег все ближе и ближе. И Юропов уже у цели.

— Травите потихоньку шнур, — дает команду прапорщик Н. Rogozin рядовым А. Сипкову и П. Манакову.

Камера привязана к двум шнурам. Конец одного сейчас у рядового Юропова О., второго — у солдата на нашем берегу.

Импровизированный плот медленно отрывается от берега. Ящик покачивается на волнах, а шнуры удерживают его, чтобы не сносило течением. Вскоре «плот» причаливает к Олегу Юропову.

А параллельно идет переправа солдат. Вслед за Юроповым противоположного берега достигают сержант М. Мокан, младший сержант Ю. Воробьев, рядовые А. Асабин, М. Тимошин, Б. Видный и другие воины...»

«Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый...
Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа»...

Олегу Юропову и всем нашим «афганцам» та страна стала смертельной «переправой». Им, нашим сыновьям, предстояло одно — выжить и вернуться домой, на родину, живыми и невредимыми.

Олегу предстояло вернуться в родное Ленинское — к маме, к друзьям. Не прошло и полгода...

Родители получили это письмо:

«Уважаемая Зинаида Ивановна, уважаемый Николай Константинович! С глубоким прискорбием сообщаем о том, что Ваш сын, рядовой ЮРОПОВ Олег Николаевич, выполняя боевое задание, верный воинской присяге, погиб 7 мая 1982 года...

За время службы в нашей части Олег исключительно добросовестно выполнял интернациональный долг. За этот период показал образцы преданности КПСС, социалистической Родине, верности военной присяге, высоких морально-политических качеств, мужество и отвагу, проявленные в боевой обстановке.

По своему характеру Олег был общительным, веселым и грамотным воином. Товарищи по службе, его друзья и командиры уважали Вашего сына, так как он для всех был примером в выполнении своего воинского и служебного долга.

Светлый образ Вашего сына навсегда сохранится в наших сердцах, мы всегда будем помнить о его славных делах и подвиге.

За проявленное мужество и отвагу при выполнении боевого задания Ваш сын представлен к награждению орденом «Красная Звезда».

Глубоко скорбим и выражаем искреннее соболезнование и сочувствие по поводу постигшей Вас тяжелой утраты.

Командир войсковой части полевая почта 71240. *Николаев.*
Заместитель командира по политчасти *Слепенков».*

Из письма З. И. Юроповой:

«Вот так и «дождалась» я своего сыночка. А как уверяли меня! Не могу и сегодня поверить в то, что сына нет в живых. Может, он передал свои документы кому-нибудь, когда уходил в разведку. Только

Олег среди боевых друзей.
3-й ряд, 1-й справа.

БУМАГА, что в доме, возвращает в действительность... Сколько же матерей по всей стране получили такие «копии свидетельств, о чем в книге регистрации актов о смерти произведена запись за № — ПРОЧЕРК, причина смерти — ПРОЧЕРК, место смерти — ПРОЧЕРК. Тысячи таких копий. Целый мир страданий. Как подумаешь, невыносимо становится. За что же их так?

Рос он хорошим мальчиком, никогда не доставлял мне неприятностей. Не заметила, как вырос. И вот вдруг его не стало... Любил лес, часто ходил за грибами и, конечно, любил рыбалку. Не пил, не курил. Я всегда гордилась сыном. Он был высоким, рост 1 м 90 см. Никогда не болел, ни на что никогда не жаловался. Любил книги, читал украдкой по ночам, играл с другом в шахматы.

Была у него девушка, местная девочка, хорошо училась. Сейчас она очень хорошая мать, вышла замуж, двое детей. Но продолжает ходить к моему сыночку на могилу вместе с детьми и мужем.

Есть теперь у нас и его друзья по Афганистану, трое хороших парней: Миша, Володя, Сергей. Живут в Ленинграде, а на могилу ездят в день его рождения и смерти.

Они мне стали как сыновья. Я очень жду встречи с ними...

Олег очень любил свою бабушку. И ребятам в Афганистане, что с ним служили, говорил: вот скоро вернемся домой, поедем ко мне, и бабушка напечет полный стол пирогов. Так вот уже много лет бабушка печет пироги ребятам, когда они приходят на его могилу. Сейчас бабушке 79 лет, пешком ходить трудно. Но друзья внука привозят ее на машине...».

У Зинаиды Ивановны хорошие родственники: мама, сестра, племянница. Ради этих людей она и живет, хотя, когда хоронили Олега, очень хотелось лечь рядом с сыном: ей тогда было 46 лет.

Сейчас Зинаида Ивановна на пенсии, но продолжает работать в сельском Совете, которому отдала два десятилетия: 13 лет секретарем и 7 — председателем.

«Живу прошлым, — пишет она, — настоящего не замечаю, в будущее не заглядываю.

Смерть сына — большое горе...

С уважением *Зинаида Ивановна Юрлова.*

Март, 1993 г.».

ГРУДИНКИН ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

21.1.48—17.V.82

Родился в городе Барановичи Брестской области БССР в семье военнослужащего. Русский. Образование высшее. Военнослужащий. Член КПСС. Женат. В семье двое детей. В Афганистане — майор, командир вертолетной эскадрильи МИ-8 (в/ч 97978).

Родители: Грудинкины Василий Васильевич, Ядвига Казимировна.

По окончании средней школы поступил в Сызранское высшее вертолетное училище.

20 августа 1966 года призван в Вооруженные Силы СССР. Служил в Ленинградской области, в Группе Советских войск в Германии, в дальневосточном поселке городского типа — Могоча.

15 сентября 1981 года Юрий Васильевич прибыл в Афганистан в авиационный полк. Большое внимание уделял боевому обучению подчиненных.

17 мая 1982 года погиб, выполняя боевое задание, обеспечивал с воздуха действия наземных войск в районе Панджшерского ущелья, огнем из бортового оружия вертолета подавил зенитные средства противника и успешно высадил десант. При возвращении с боевого задания его вертолет в 80 км северо-восточнее Кабула был сбит.

За мужество и отвагу награжден орденом Красной Звезды (посмертно). Ранее имел награды за безупречную службу.

Похоронен 26 мая 1982 года на городском кладбище г. Луга Ленинградской области.

На могилу сына из белорусских Барановичей приезжают родители Юрия Васильевича Грудинкина.

Ох, эта беспокойная судьба офицерских семей. Одна из таких — семья капитана инженерных войск Грудинкина Василия Васильевича.

Юрий учился хорошо, уверенно. Он вообще крепкий. После уроков — волейбол, легкая атлетика, а еще фотография, резьба по дереву — редкое увлечение для мальчишек той поры.

Сколько их осталось дома в семье этих милых вещиц, удачных и не очень, но хранящих память умелых Юриных рук...

Четыре года учебы в училище и новые военные городки, теперь уже Юрия Васильевича.

В Прибылово (под Выборгом) молодой лейтенант-вертолетчик повстречал свою бу-

душую жену Галину Степановну, студентку Ленинградского медицинского училища.

В Германии, в семье уже капитана, командира звена Ю. В. Грудинкина, прибавление — в 1975 году в Лейпциге родился сын Андрей,* а в 1979 году в Потсдаме — дочь Ольга.

С октября 1981 года в летной книжке комэскадрильи Грудинкина Ю. В. строки об учебных и тренировочных полетах сменялись на записи о боевых операциях в небе Афганистана.

* Как дедушка и отец, Андрей выбрал судьбу военного. После окончания Ленинградского суворовского училища, он — курсант Высшего военного училища радиоэлектроники им. Савицкого Е. Я.

Его первое письмо из ДРА:

«Здравствуйте, мои родные!

Пишу письмо уже из ДРА. Прибыли мы сюда 15 сентября. Кончилась наша вольготная жизнь. Сейчас будем работать. Первое впечатление о месте, где мы находимся, неплохое. Нужно сказать — «фирма солидная». Сейчас целыми днями занимаемся теорией, ну а там скоро и летать будем. Так что все нормально, на здоровье не жалуясь. Единственное неудобство — это жара днем, еще пока не привык к ней. Живем мы в деревянных домиках, так называемых модулях. В комнате у нас стоит кондиционер. В общем условия жизни неплохие. Знаешь, Галина, оказывается здесь Коля Чечулин был совсем недавно, уехал. Да и вообще с ребятами из Среднебелой я, наверное, буду часто встречаться. Как у вас там дела. Я уже соскучился по вам, а вроде времени совсем немного прошло. Недавно меня вызвал командир и сказал, что в отпуск пойду, может быть, в декабре. Как вы добрались домой, помог вам Титов, как обещал? Как дети перенесли дорогу? Галина, телеграмму сюда мне посылай по адресу: Москва 776 п.п. 97978 «К». А адрес

Юрий у своей боевой машины.

Между вылетами можно и пошутить... Снимок на память. 1982 год...

у меня Полевая почта 97978 К индекс 097978. Фамилию, имя, отчество обязательно полностью пиши! Ну, а пока буду кончать, начну летать снова — напишу. Большой привет родителям. До свидания, крепко всех вас целую. Пришли фотографию. 16.09.1981 г. *Юра*».

Галина Степановна передала в Книгу 3 письма мужа в разное время пребывания Юрия Васильевича в Афганистане.

«Здравствуйте, мои родные!

Прошло совсем немного времени, как я уехал из Луги, а я уже соскучился по Вам. Вчера вернулся из командировки, был на другом аэродроме, работали отсюда. Сейчас я в Кабуле. Скоро большая половина эскадрильи разлетится, а я остаюсь здесь и еще несколько экипажей, будем летать на перевозках. В общем, у меня все нормально. Недавно я видел Вакина, он приезжал на какое-то совещание и ночевал у меня. Говорил, что Среднебельский полк будут переводить в Гаровку... Вот такие дела.

ЗДРАВСТВУЙ, АНДРЮША!

КАК ТВОИ ДЕЛА? МАМУ СЛУШАЕШЬСЯ? ВЕДИ СЕБЯ ХОРОШО И ОЛЕНЬКУ НЕ ОБИЖАЙ. ХОРОШО? ПОЦЕЛУЙ ЗА МЕНЯ МАМУ И ОЛЕНЬКУ. ДО СВИДАНИЯ, АНДРЮША.

Ну, вот, пожалуй, и все. До свидания, крепко всех целую. *Юра*. 4.02.82. Кабул».

В письме из Кабула от 17 февраля Юрий Васильевич сообщает родным о своем здоровье, о погоде, о том, что занят на перевозке «разных генералов». Написал, что участвовал в операции, а пока у них сейчас тихо. Огорчает его, командира, что подчиненные выпивают, «прикладываются к рюмке» и ему «приходится закручивать гайки».

О его равнодушии к работе, к судьбам подчиненных говорят и эти строки из письма: «Иногда из-за своих подчиненных ночью плохо сплю... Двух командиров звеньев, видимо, снимут с должности...»

«Как Юра мечтал о замене, — говорила Галина Степановна, — а замена должна быть где-то в ноябре месяце 1982 года. И то, что ему еще надо быть там, нас, родных и близких, это так угнетало, семья была в постоянном напряжении, в ожидании весточки с войны, самого Юрия Васильевича».

Юрия Васильевича волновали и домашние дела, неустроенность быта семьи, маленькая дочь, которая «скоро пойдет в ясельки», будет ли работать Галина Степановна, а если будет, то где. Много житейских проблем, да разве на расстоянии их все разрешишь?

«Эх, Галинка, домой хочется, надоело мне здесь все, — пишет в своем письме Юрий Васильевич. — Еще и погода — не поймешь стоит какая. Ночью мороз, днем тает. Перелетишь на другой аэродром, а там жара стоит, только удивляемся...»

Летели группой три вертолета. Задание — выброска десанта. Их встретили ракетным огнем, прямое попадание в кабину вертолета майора Ю. В. Грудинкина. Машина упала в ущелье.

Выписка из приказа командующего 40-й Армии от 21 мая 1982 года (№ 074): «Грудинкин Ю. В., командир вертолетной эскадрильи, 17 мая 1982 года погиб при выполнении боевого задания в ДРА.

Смерть связана с исполнением обязанностей военной службы.

Тело для захоронения отправлено в город Луга Ленинградской области.

Семья погибшего подлежит пенсионному обеспечению.

Командующий 40-й Армии — генерал-лейтенант *В. Ермаков*».

**ТРУСОВ
АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ**

13.V.61—9.VI.82

Родился в деревне Городище-1 Брасовского района Брянской области. Русский. Рабочий. Образование среднее профессиональное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — сержант, командир самоходного орудия (в/ч 82869).

Родители: Трусовы Евгений Михайлович, Валентина Ефимовна.

8 1968 году Саша пошел в школу. Через шесть лет семья поменяла место жительства и он продолжил обучение в деревне Торосово Волосовского района Ленинградской области.

Получив свидетельство об окончании восьми классов, Александр поступил в Ленинградское СГПТУ № 76. Учился три года и приобрел специальность электромеханика по лифтам. Проработал недолго.

24 октября 1980 года призван в Вооруженные Силы СССР Дзержинским РВК г. Ленинграда. Шесть месяцев проходил военную подготовку в школе сержантов в пос. Поромино Камышловского района Свердловской области.

22 мая 1981 года направлен в Афганистан. Служил в Кундузе, где были сосредоточены главные силы мотострелковой дивизии.

7 июня 1982 года Александр был тяжело ранен.

9 июня умер.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).*

Похоронен на кладбище в деревне Губаницы Волосовского района Ленинградской области.

Полтора часа перелета разделили две жизни сержанта А. Е. Трусова — мирную, с ее увлечениями, мечтами, службой на родной земле, и эту — с кровью, потерей боевых друзей на чужой стороне. О тяготах родным не писал. Умолчал и о том, что лежал в госпитале 2 месяца с желтухой — не хотел их расстраивать.

Каким радостным было первое письмо Саши из ДРА:

«Вот я и солдат, мама! Первый раз вдали от дома. Служу и защищаю родную землю.

За меня не беспокойтесь, я жив-здоров, служба проходит нормально. Правда, здесь очень жарко, уже сейчас днем доходит до сорока градусов. Всего только четыре дня нахожусь здесь, а уже успел загореть. А в принципе здесь только и загорать. Ночью

отстоял два часа — и спи. Потом хоть целый день загорай. Днем ходим раздетые до трусов. В общем, служба проходит отлично. Попал служить в гвардейский полк, в арtdивизион. И в настоящее время являюсь командиром самоходного орудия. Наша батарея находится на охране. Живем в палатке, спим как белые люди, на кроватях с белыми простынями.

От Свердловска до Афганистана добирались 13 суток, сначала воинским эшелонном до Ашхабада. В Ашхабаде отметили с ребятами мой день рождения. Потом оттуда пассажирским до Термеза. А из Термеза вертолетом до места.

Ну вот пока и все, на этом заканчиваю. Передавайте всем огромный афганский привет. До свидания. Пишите. 1981 год. Это по-афгански — 1360 г.»

* В мае 1993 года родителям были вручены еще две Сашины награды.

Письма из ДРА шли бодрые, интересные, успокаивающие:

«У меня по-прежнему все хорошо. Вы только, пожалуйста, за меня не беспокойтесь. Берегите лучше себя, не болейте, не волнуйтесь и все будет хорошо. Хотя я понимаю: каждая мать волнуется и переживает за своего ребенка больше, чем за кого-либо.

Трудностей в службе не испытываю. Ребята здесь, в основном, хорошие, все равны между собой. Днем загораем, ночью несем службу. Здесь уже поспели абрикосы, персики, сливы, так что каждый день едим свежие фрукты, а также варим из них компот. Скоро созреют дыни и арбузы, сейчас они пока еще зеленые.

Афганистан — страна солнца и песка. Здесь даже дома из песка и глины. Механизации сельскохозяйственной почти нет, приходится им жать и молотить пшеницу, да и не Только пшеницу, а вообще сельскохозяйственные работы производятся в основном вручную. У нас совхоз лучше и красивее здешнего города «Кундуза». Разговаривают афганцы на таджикском языке.

Деньги нам здесь платят чеками, а так же выдают сигареты. А тем, кто не курит, выдают сахар.

Ну что вам еще написать, даже не знаю. Погода здесь постоянная, точнее — каждый день жара. Еще ни разу, пока я здесь, не было дождя. Песок до того накаляется днем, что на него нельзя ступить босой ногой. На этом заканчиваю. Пишите, что нового, как живете и как ваше здоровье. Передавайте огромный привет ребятам. До свидания. *Саша*».

О войне в своем письме — ни слова.

«Привет из ДРА!

У меня все по-прежнему, служу не тужу. Построили землянку, отштукатурили и побелили — красота, как будто отдельная квартира. Живем вчетвером, вся батарея, каждый боевой расчет или экипаж живет в своей землянке. Вот такие-то дела. А недавно приезжал командующий — гене-

рал-майор посмотреть, как мы живем. Я с ним за руку здоровался, он такой простой, веселый, даже немножко интересный. К зиме мы подготовились почти полностью. Помещение для жилья есть, дрова есть, осталось получить зимнее обмундирование: х/б, сапоги, бушлаты.

Недавно из нашей батареи три человека уехали в Союз, в Брянск, получать новые «самоходки», повезло ребятам. Да и мне недолго осталось служить, всего одну зиму, а там можно и домой готовиться или как у нас говорят — на дембель. Так что может к новому 1983-му прибуду...

Да, чуть не забыл, здесь плохие дела с лезвиями, бриться нечем, обрастаем до тех пор, пока кому-нибудь в письме не придет лезвие. Ну, вы, наверное, мою мысль поняли. Так вот просьба: высылайте в каждом письме хоть по лезвию, но только не «Неву», его на один раз хватает. Еще раз до свидания. Пишите. *Саня. 21.09.81*».

Писем много, но тему войны Александр обходил стороной: «У меня все хорошо, чего и вам желаю. Как уже писал, я сейчас замкомвзвода. Хлопот хватает. В последнее время часто выезжаем на операции. Поддерживаем мотострелков, то есть пехоту. Это последнее мое лето и осень в Афганистане. Осталось полгода до моего увольнения. Совсем немного осталось — всего лишь полгода. Полтора года уже позади, а ведь это срок немалый».

7 июня 1982 года зам. командира взвода Трусов А. Е. сопровождал колонну бензовозов на головной машине, которая из гранатомета противника была подбита. Машина загорелась. Александр получил сильный ожог тела (почти 98%). Три дня страшных мучений и страданий.

Жизнь его оборвалась на взлете. Немного успел он сделать в свои лета. А так мечтал о детях, о радиотехническом...

«На часах замирает маятник,
Стрелки рвутся бежать обратно...»

(*А. Галич*)

ПОНИН
ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ

15.VIII.60—21.VI.82

Родился в поселке Импилахти Сортавальского района Карелии. Русский. Образование высшее. Военнослужащий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — лейтенант, командир десантно-штурмового взвода (в/ч 83260).

Родители: Понины Михаил Семенович, Мария Вильгельмовна.

Виктор обучался в Кузнеченской средней школе Приозерского района. Затем Суворовское училище.

2 августа 1977 года призван в Вооруженные Силы СССР Калининским ГВК г. Калинин.

С 1977 по 1981 гг. — Бакинское высшее общевойсковое командное училище им. Верховного Совета Азербайджанской ССР.

С 30 августа 1981 года — Афганистан.

21 июня 1982 года погиб в бою.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на гражданском кладбище Приозерска.

В краеведческом музее этого районного центра Ленинградской области экспозиция, посвященная Виктору Понину.

В Кузнеченской школе именем лейтенанта Понина В. М. назван класс. Имя его занесено на стенд погибших в Афганистане в Приозерском ОГВК.

Каждый год к родителям Виктора Михайловича приезжают его друзья, пишут письма, которые Мария Вильгельмовна и Михаил Семенович бережно хранят. Документы, фотографии, диплом об окончании училища — тоже память.

«Он не успел дожить до того возраста, — говорят друзья, — когда человека начинают звать по имени-отчеству, навсегда остался Витей Пониным для нас». Майор М. М. Зеленцов служит в Приозерском горвоенкомате с 1990 года. Он рассказал, что с Виктором встретился в ДРА в сентябре 1981 года, когда приехал в батальон вместе со своими товарищами, тоже выпускниками Бакинского училища. Виктор как-то сразу ему понравился. Михаил Михайлович подумал: хорошо, если бы В. М. Понин попал в их роту. Так оно и вышло. Его назначили командиром второго десантно-штурмового взвода. Солдаты сразу

приняли нового лейтенанта в свои коллектив.

Первое письмо домой из Афганистана Виктор написал в сентябре:

«Здравствуйте!

Извиняюсь, что долго не писал, не было возможности. В Афганистан приехали 30 августа. Попал служить в разведбатальон командиром десантно-штурмового взвода. Скоро может быть поедом в Союз в командировку. Писем до ноября не пишете, у меня не будет возможности их получать. Жизнь тут нормальная, кормят хорошо. Здоровье тоже в порядке. Все. Целую, *Витя*».

Это письмо из Ташкента:

«Здравствуйте!

До 1 ноября нас послали прыгать с парашютом. Служу под городом Шиндандом,

это около Ирана. Сейчас весь батальон выведен из боевых действий, потому что были большие потери и люди устали. В общей сложности пробыл в Афгане около двух недель. Рейды начнутся, когда рота приедет из Союза. Служить два года. Теперь самое главное. Пришлите мне шинель повседневную и шапку зимнюю. Шинель серая такая, а не голубая. Пишите после 1 ноября, когда я буду ТАМ. Вот и все. Целую. *Витя*».

«После сборов рота в течение месяца регулярно выезжала на боевые задания. Было все: и засады, и встречи с большими силами противника. Виктор Понин проявил себя только с положительной стороны, — рассказывает Зеленцов М. М. — Мне довелось послужить вместе с Виктором всего четыре месяца. Но и за этот срок я понял, что он очень надежный и верный товарищ. Хотя он был очень молод, но про него можно смело сказать: был как отец для солдат. Его подчиненные всегда чувствовали его заботу и внимание. Он никогда не шел обедать, не убедившись, что солдаты сыты».

О службе и гибели лейтенанта Понина вспоминает его однополчанин, ныне преподаватель высшего военного училища в Нижнем Новгороде подполковник Сергей Бакунов:

«Прошел почти год нашей службы в ДРА. Мы — это молодые, можно сказать, «зеленые летехи», командиры взводов, выпускники 1981 года Бакинского общевойскового и Ташкентского танкового училищ, попавшие в это пекло сразу после выпуска. Да, тогда проводились такие экспериментальные выпуски. Тем более, что все мы еще в стенах родного училища по велению сердца, как тогда говорили, просились добровольцами в ДРА для оказания помощи братскому афганскому народу: прошу направить и т. д.

Так вот, нас было восемь добровольцев, начавших военную карьеру в 5-м гвардейском прославленном орденосном батальоне: Мамедов Талиб, Карюгин Валера, Понин Витя, Войтко Саша, Горшков Саша, Байрамов Байрам, Марченко Федя и я. Все лейтенанты, все командиры взводов, всем по 20 с небольшим.

Виктор как-то по-особенному выделялся из нашей компании молодых офицеров. Это мое личное суждение, но он отличался добротой, мягкостью какой-то, незлобивым, веселым характером, с ним было просто и легко, как с родным.

Шел июнь 1982-го. Готовилась крупная, хотя и обычная плановая операция по разгрому хорошо укрепленной базы душманов в районе горного массива Хаки-Сафед. Виктор должен был ехать в отпуск. Но в батальоне в это время катастрофически не хватало офицеров ротного звена: желтуха и паратиф косили всех без разбору. Да и сменщик его что-то задерживался из отпуска. Поэтому, несмотря на собранные чемоданы, было принято решение отложить отпуск на «после операции»...

Батальон пробивался к базе двое суток. Жара стояла днем невероятная, кругом одни камни, раскаленные солнцем, шершавые как наждак, на котором кеды с красной резиновой подошвой, выданные специально перед операцией, оставляли хорошо заметные красные дорожки. Запасы воды на исходе и взять ее неоткуда. Поэтому ее жестко экономили, обходились тем, что жевали какую-то горную траву, иногда попадающуюся среди камней. Пару раз, пока забирались на две с половиной тысячи, нас обстреляли. А это говорило о том, что «духи» нас уже вели, как говорится, на мушке...

До базы оставалось «рукой подать», уже ясно слышались звуки боя где-то внизу. Мы остановились на ночной привал, а с рассветом — последний рывок. Самая важная и опасная задача — идти во главе ГПЗ (головная походная застава — *ред.*) со своим взводом была доверена лейтенанту Понину.

Незадолго до рассвета его взвод бесшумно растворился в сумерках, продвигаясь по чуть заметной среди камней тропе — левее была пропасть, справа стеной возвышались скалы. Через несколько минут начали двигаться основные силы батальона.

Очевидно, «духи» приняли растянувшийся взвод Виктора за главные силы и, пользуясь тем, что в замаскированных пещерах на склоне их обнаружить практически невозможно, подпустили его на близкое расстояние и открыли внезапный кинжальный огонь.

Вместе в военном училище, вместе в ДРА: Виктор Понин (первый слева), Валерий Карюгин, Амир Ибрагимов, Толиб Мамедов. Ноябрь 1981-го.

Как потом рассказывали ребята из его отряда, пятеро наших рухнули сразу — кто ранен, кто наповал. Остальные успели перемахнуть за гребень, хоть немного прикрывавший от пуль. Головы не поднять, насколько плотен огонь. Но Виктор не растерялся в критической обстановке. Доложив обстановку комбату, занял оборону

взводом и, продолжая вести бой, дал команду применить дымовые шашки, чтобы вынести раненых из-под огня. Несколько человек под дымовой завесой и огневым прикрытием удалось вытащить. Но осталось еще двое на склоне. Как потом рассказывал его замкомвзвода, в ту минуту находившийся рядом, не раз и не два бро-

В. Понин среди афганских ребятишек. 1981 год.

сались они с Виктором за гребень. А обратно тащили на себе истекавших кровью товарищей. Два шага не добежал он, Виктор, только два шага и все...

Солнце было уже в зените и нестерпимо жгло землю, на календаре 21 июня 1982 года... Базу ту мы все же взяли».

Запись из послужного списка гвардии лейтенанта Понина Виктора Михайловича:

«21 июня 1982 года в ходе боевой операции по уничтожению банды мятежников в районе горного массива Хаки-Сафед взвод под командованием лейтенанта Понина в составе роты занял выгодную огневую позицию. Мятежники предприняли отчаянную попытку прорваться из окружения. В ходе боя, оценив сложную обстановку и грамотно заняв позицию, взвод метким огнем остановил противника до подхода главных сил. Лично уничтожив пять мятежников, лейтенант Понин героически погиб. Состав роты поклялся служить так, как служил лейтенант Понин».

Мелким убористым почерком заполнила тонкую школьную тетрадку воспоминаниями о Викторе его старшая сестра Ольга Михайловна Колосова:

«Из Карелии мы уехали, когда мне было 5 лет, а Вите — 2 года. Однажды зимой он

Перед последним боем в районе горного массива Хаки-Сафед. В. Понин. (второй слева).

21 июня 1982 года. Последний бой В. Понина (первый справа).

Отряд лейтенанта В. Понина ведет огонь по противнику. Отмечено место гибели Виктора Михайловича.

взял и сбежал. Помню как я шла вдоль какого-то забора и плакала от страха, что он никогда не найдется. А мама бегала, искала его по поселку. Беглец нашелся, оказывается, он в штаб к папе собрался...

Летом Витя совершил второй «побег». Дом расположен вблизи железной дороги. Вдруг все спохватились, что его нет, а с железной дороги слышны непрерывные гудки тепловоза. Когда мама выловила его там, он пояснил, что «отошел в сторонку».

Мы становились взрослее, проявлялись разные интересы. В младших классах пристрастился Витя к чтению. Но читал исключительно одну книгу — «Похождение Ходжи Насреддина», старую, зачитанную «до дыр». Но, закончив ее, он принимался снова, пока мама, рассердившись, не выбросила вконец ободранного «Ходжу». Тогда Витя переключился на книгу о животных «Золотой сайгак», с которой повторилась та же история, пока мне в школе за хорошую учебу — бывают же совпадения — подарили еще одного «Ходжу». Но «новенький» уже не завоевал прежней привязанности брата.

Читал он много и быстро. Уже в средних классах учительница литературы привела в нашем старшем классе в пример моего брата: за одну ночь он прочел «Молодую гвардию».

Появились школьные друзья, с которыми зимой играл в хоккей, сами заливали площадку, устраивали даже соревнования. Летом ходили за раками. А вот за грибами он ходил один или со мной. В лес ходил, как в свой грибной огород. Шел за мной по пятам и указывал на пропущенные грибы...

В поселке был «Клуб юных техников». Витя попробовал ходить почти во все кружки. Но больше всего увлекали занятия в духовом оркестре, где он играл на трубе. Очень ему нравились эти занятия. Второй страстью стали картинги, соревнования на них. А вот в школе к общественным поручениям не очень рвался, насмотревшись на мою работу секретаря комсомольской организации школы. Возможно, это было вызвано еще и его стеснительностью. В учебе он не пытался быть отличником. Когда по-

сле 8 классов собрался поступать в Суворовское, некоторые учителя сомневались, что он туда попадет.

В Баку это был уже сформировавшийся молодой человек, трезво и тонко разбирающийся в людях.

В декабре 1979 года мы услышали сообщение о вводе советских войск в Афганистан. Внутри все оборвалось и такая тоска в ожидании надвигающейся опасности. На IV курсе написал в письме, что их направляют на горную подготовку. Надвигалось неминуемое, но сделать было ничего невозможно.

Я со страхом ждала, когда Витя закончит учебу. Каждый день прислушивалась — должен вот-вот приехать.

И он приехал поздним вечером, почти ночью — родители уже легли спать. А я, заслышав шаги по лестнице, распахнула дверь. Он засмеялся: «Ты что, под дверью караулишь?». Вскочили мама с папой, у всех единственный вопрос. «Ну, что же, — сказал он, — распределили в Афган. Если не я, то кто-то другой, все равно туда ехать должен». И он уехал. Что можно сделать — хоть упади и растворишься — ничего не изменишь.

...Случилось так, что отпуск он собирался провести вместе с другом Сашей Горшковым, с которым учился в Бакинском училище и с которым вместе были в одной роте в Афганистане. Впервые решил с ним приехать домой. Договорились о встрече в Союзе. Но Витю задержали, хотя уже числился в отпуске. Его попросили еще раз сходить на операцию, в которой он и погиб. Вместо запланированного отдыха Саня приезжал на похороны друга.

Странное стечение обстоятельств. Сергей Бакунин, который служил с ними вместе в Афганистане также взводным, после Афганистана попал в соседний поселок. Единственный живой лейтенант, встречавший их по прибытии в Афганистан, М. М. Зеленцов, теперь в Приозерском военкомате.

В год гибели Вити родителям исполнилось по 50, но за один день они постарели на много лет.

Думаю, там нелегко служилось, если уже в 82-м пели: «В Афганистане странная война — от нас победы требуют, а руки нам связали...»

Домой из Афганистана Виктор отправлял короткие и редкие письма-записочки, порою даже без даты.

«Здравствуйте! Извиняюсь, что долго не пишу: то в батальоне не бываю, то просто очень устаю. Жизнь однообразная: то рейд, то дела в батальоне. Я сейчас за командира роты, так что забот хватает. Сейчас иногда ходим на операции в составе группы и действуем с вертолетов. Здоровье у меня нормальное. Погода хорошая. Иногда бывают дожди, а так в основном солнышко светит. В отпуск приеду, может быть, в начале лета, точно не знаю. Вот и все мои новости. Всех целую. *Витя*. 30.01».

«Здравствуйте! Извините, что долго не писал. Вчера пришли с рейда. Да и вообще сейчас много работы, так что не всегда и письмо напишешь. Недавно убили парня, со мной вместе учился.*

У меня пока все в порядке, здоровье хорошее. Приезжал сюда ансамбль из Москвы, концерт Показывали. Заменяюсь где-то в 83-м или весной, или осенью. В отпуск попробую приехать где-то в начале лета, еще точно не знаю. Спрашивайте, что вас интересует, отвечу. Вот и все мои новости. Пишите. Всех целую. *Витя*».

«Здравствуйте!

Извиняюсь, что так давно не писал писем. Все ваши письма я получаю, просто не на все отвечаю. У меня все нормально. Сейчас мы никуда не ходим, занимаемся хозяйственными работами. Живем в модуле, привезли из Союза телевизор, еще должны стиральную машину привезти. В комнате сделали ремонт, понемногу обживаемся. Погода жаркая, можно вовсю загорать. Здоровье нормальное. Как там у нас дома дела? Как мама отдохнула в санатории? В отпуск я постараюсь приехать в конце мая-начале июня, еще точно не знаю, как получится. Вот и все мои новости. Пишите. Целую. *Витя*. 1.04.82».

«Здравствуйте! Извините, что долго не писал, все как-то время не было. У меня все нормально, здоровье в порядке. В по-

* Это был Байрамов Байрам Сахиб-оглы, командир разведывательного взвода, 1960 г. р. Погиб 10 февраля 1982 года.

недельник пойдем на операцию, где-то дней на 10—12. Когда отпуск, точно не знаю. Сейчас очень много работы. Не волнуйтесь очень сильно. С питанием хорошо. Пишите. Всех целую. *Витя*. 4.06.82 г.».

Это было последнее письмо Виктора Понины...

Друг Виктора, Александр Сергеевич Горшков, стал вторым сыном для Пониных Марии Вильгельмовны и Михаила Семеновича.

1 февраля 1995 года на вечере-встрече родных, чьи сыновья не вернулись с войны, Мария Вильгельмовна передала авторскому коллективу фотографию Александра Сергеевича Горшкова со словами: «Вот и еще одного сына Родина-Отчизна забрала у нас...»

Из письма Ольги Михайловны Колосовой:

«Был у меня еще один брат (это страшное слово было). Если Витю (Понина) он называл «брачела», если маме с папой в день его похорон он сказал: «Я буду вам сыном вместо него» и сдержал свое слово, то он и мой брат — Саша Горшков, успевший стать Александром Сергеевичем, «товарищем комбатом», подполковником, заместителем командира полка по миротворческим вопросам, но все равно для нашей семьи оставшийся Саней Горшковым.

Они учились с Витей в Бакинском общеобразовательном училище и вместе были направлены в Афганистан — два командира взводов одной разведроты, два суворовца, два «кадета», братья по духу, друзья по увлечениям.

Случилось так, что в Афганистане Саша заболел гепатитом и ему раньше, чем Вите, дали отпуск. Раньше нас он узнал о гибели Вити и сразу же прилетел на похороны из Минска. Вот при таких обстоятельствах мы и познакомились с первым из Витиных друзей. Тогда-то Саша, еще лейтенант, стал членом нашей семьи и мы его всегда ждали. Он врывался в дом, шумный, веселый, ценящий тепло. Прослужив после похорон Виктора еще больше года в Афганистане, он приехал к нам, чтобы познакомить нас со своей будущей женой Валей. После Афганистана он служил в Монголии.

Глядя на него, я воочию видела судьбу русского офицера. Честного, благородного. Он мне рассказывал о брате, и я видела и слышала Витю — это его слова, его выражения. Шло время.

В 1991 году Саша поступил в Военную академию им. М. В. Фрунзе. Теперь мы были совсем близко друг от друга. Он мог чаще приезжать к нам. Саша очень любил Ленинград, Санкт-Петербург. Мы обходили почти все музеи города, встречали белые ночи, платили штраф, перебегая в неустановленном месте по стрелке Васильевского острова.

По окончании Академии его направили в Тоцкое на должность заместителя командира полка. Опять мы были далеко.

Подполковник А. С. Горшков, Саня Горшков, позвонил нам 26 декабря 1994 года,

поздравил с наступающим 1995 годом. Но голос его веселым уже не был, обещал позвонить 5 января. Мы оба без слов поняли друг друга. Теперь была Чечня. Я просила его быть поаккуратней. Всегда надеешься на лучшее: подполковник — не лейтенант, опыта больше.

5 января звонка от Саши не было. Позвонила его жена Валя и сказала что в 5 часов утра 3 февраля Саша возвращался с боевого задания и очередью из засады был сражен насмерть. Ему досталось 7 пуль в упор...

Больше не приедет Саша Горшков, не засмеется, не выпьет с нами рюмку водки, чтобы вспомнить Витю. Теперь в нашей семье два траурных портрета...

Февраль. 1996 г.
О. М. Колосова (Понина)»

ИВАНОВ АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

19.IV.62—28.VI.82

Родился в деревне Лубяница Калининской области. Русский. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, радиомеханик отдельного батальона связи и радиотехнического обеспечения ВВС (в/ч 96207).

Родители: Ивановы Михаил Васильевич, Таисия Егоровна.

С 1969 по 1977 годы учился в школе, затем в СГПТУ. Закончил радиотехническую школу ДОСААФ в Выборге. С 1979 по 1981 годы работал в строительном-монтажном поезде слесарем-сантехником.

4 октября 1981 года призван в Вооруженные Силы СССР Тосненским ОГВК Ленинградской области. Шесть месяцев проходил службу в учебном подразделении.

С 1982 года Анатолий — в Афганистане.

28 июня 1982 года погиб в бою.

За мужество и отвагу награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на гражданском кладбище в деревне Ославье Волосовского района Ленинградской области.

И опять почти протокольная информация: полухарактеристика, полуизвещение...

«За время службы в Афганистане в составе экипажа приводной радиостанции

А. М. Иванов не раз непосредственно обеспечивал боевые действия авиации. Принимал активное участие в отражении нападения банд мятежников. Умело и инициа-

тивно выполнял боевую задачу по обеспечению надежной и бесперебойной связи в боевой обстановке.

Так, 28 июня 1982 года в районе аэродрома Кабул приводная радиостанция была атакована противником. В этом бою Иванов был тяжело ранен. До подхода подкрепления продолжал отражать атаки моджахедов. От полученных ран Анатолий скончался.

«...И зовут в эфире: — Где ты, «ноль двадцатый»?
Пулей грудь пробита, песня не допета.
— Где ты, «ноль двадцатый»? — смерть не даст ответа.
— Где ты, «ноль двадцатый»? — тишина в эфире,
Словно все убито в этом странном мире,
Словно все оглохли в пламени и дыме.
Вечно молодыми... в бронзе обелисков
Встали над планетой русские мальчишки
Юностью бессмертной, памятью священной
Встали над планетой вечной
и нетленной...» *

К сожалению, у родителей не сохранились письма сына, по которым можно было определить маршрут передвижений рядового А. М. Иванова по военным дорогам Афганистана. Нет в семейном архиве и ни одной фотографии сына в военной форме.

Михаил Васильевич, отец Анатолия, живет в поселке Волосово, работает на комбикормовом заводе. От него пришло письмо в Книгу:

«...Когда пришла призывная повестка, наш сын ее прочитал и так серьезно сказал: «Ну вот, я первый раз в жизни получил приказ, который должен выполнять, — мне нужно явиться в военкомат в срок».

Всплакнули мы с женой: для нас Толик, вроде, и маленький еще, но ничего не сделаешь. Засуетились: надо и одежду подобрать, и еду в дорогу приготовить, да и

провода организовать. Уж какая замечательная хозяйка была Таисия Егоровна, а тут у нее все из рук валится, одно начнет делать, за другое берется — ничего не получается ладно.

Ну, собрали сына в дорогу, в рюкзак сложили нитки, белую ткань под воротнички, иголку, носовые платки, носки, ручку, конверты, бумагу для писем, ложку, кружку, лезвие. Одним словом, все необходимые вещи. Присели «на дорожку». Так и отправили сына на призывной пункт. И сами — туда...

Раздалась команда: «Призывники! Стр-р-ойся! Смир-р-но!»

Мать заливается слезами, я еле сдерживаю себя.

Еще совсем недавно он был у нас просто Толя, а вот сегодня — солдат. И ушел от нас, выходит, навсегда... Значит, такова его судьба.

Высылаю Вам фотографию сына. Другой у нас нет. Командование пишет, что сын жизнь за Родину отдал, защищая ее.

Правду сказать, он мечтал о простом: побыстрее вернуться домой, жить в родном поселке, работать, погулять на своей свадьбе. Но ни работы, ни свадьбы, ни сына. Дом без хозяина — пустой дом, да еще осенью 1992 года я и жену свою, Таисию Егоровну, похоронил. Она перед смертью говорила: «Не верю, что Толика нет в живых. И пока глаза мои не засыплют песком, все равно буду ждать его».

А теперь и ее нет. Один я остался на земле. Только бы хватило сил не ожесточиться. Мне дали удостоверение от военкомата. На транспорте езжу бесплатно, за квартиру, свет и телефон плачу по льготной справке. Живу, работаю. Только очень плохо без сына, без жены. Никогда не утихнет боль в сердце.

Тяжело ворошить в памяти прошлое, но то, что случилось с нашими детьми, не должно быть забыто. И я благодарен Вам за все, что делаете для увековечивания их памяти. 28 июня 1993 года. *Иванов М. В.*».

* Песня «Память», слова Игоря Кичака, музыка Андрея Беседина (г. Подпорожье, Ленинградской области).

НАЛИМОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ

28.IX.59—23.VII.82

Родился в городе Колпино. Русский. Образование среднее специальное. Техник-механик. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, водитель-механик (в/ч 91860).

Родители: На л и мо вы Петр Иванович, Варвара Афанасьевна.

Учился в школе № 1 г. Всеволожска Ленинградской области.

С 1975 по 1979 годы — студент Всеволожского сельскохозяйственного техникума. Окончил с отличием, получив квалификацию техника-механика и специальность слесаря 3 разряда, тракториста-машиниста 3 класса. До призыва в армию получил удостоверение и водительские права, являлся внештатным сотрудником милиции.

В 1979 году поступил в Ленинградский сельскохозяйственный институт в Пушкине.

9 октября 1980 года был призван в Вооруженные Силы СССР. Проходил учебную подготовку в г. Термезе.

С 12 января 1981 года — Афганистан. Служил недалеко от г. Кундуза заведующим клубом, библиотекарем, киномехаником. 20 июня воинскую часть, в которой служил Налимов, перевели в г. Баграм. А в конце октября Петр заболел гепатитом и попал на лечение в Самарканд. Варвара Афанасьевна и Петр Иванович приезжали к сыну, поддерживали его. Через три месяца после госпиталя Петр вернулся в часть, в ДРА.

23 июля 1982 года при выполнении боевой задачи отделение попало в засаду. Душманы многократно превосходили его численностью. В ожесточенном бою солдаты погибли. В том числе и рядовой Петр Петрович Налимов.

Награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен 6 августа 1982 года на Красногорском кладбище Всеволожского района.

Ни в «Личном деле», ни в послужном списке рядового П. П. Налимова не оказалось дополнительных сведений о его жизни на афганской войне.

И только письмо боевых друзей П. П. Налимова приоткрывает завесу «тайного».

«Уважаемые Петр Иванович и Варвара Афанасьевна. Мы вместе с вами переживаем гибель вашего сына и разделяем наше совместное горе. Петр был трудолюбив, честен и доброжелателен. Он никогда не перекладывал трудностей на чужие плечи, отдавая воинскому труду всю энергию, всегда приходил на помощь товарищам, если им было тяжело. За все

эти качества его любили друзья и старшие командиры.

В этот день он был радостен и бодр. Мы взяли оружие, боеприпасы и пошли на построение, прослушали инструктаж. Он первым открыл ответный огонь, прикрыл ребят, оказавшихся в неудачном положении. Только благодаря действиям Петра мы сумели выскользнуть из засады. Но ваш сын остался на поле боя.

Гордимся, что он до последней минуты добросовестно и честно, как истинный патриот, выполнял солдатский и интернациональный долг. Вы должны гордиться сыном. Командование части начало ходатайствовать о награждении его высокой

правительственной наградой. Мы обещаем не посрамить памяти нашего друга, будем достойны его. С искренним солдатским уважением *боевые друзья Петра*».

Воинская часть, где служил Петр, и госпиталь размещались в палатках. Ребята своими силами добывали строительный материал — камни — и строили казармы. За камнем ездили в пересохшее русло реки за 40 км от воинской части. Всегда под охраной бронетранспортера. 23 июля их послали без охраны, только с автоматами. Когда заехали в ущелье и стали загружать машину, по ним басмачи из засады открыли стрельбу. Силы были неравные. Семь человек погибло. Помощь от соседей пришла поздно. И все же благодаря отваге Петра, его реакции и выгодной позиции удалось затянуть сопротивление до подхода сил из соседней части. Погибли не все...

Родители Петра прислали одиннадцать фотографий сына. На одной надпись: «Служи по уставу, завоюешь честь и славу». Одиннадцать выхваченных мгновений, рассказывающих о жизни Петра в Афганистане. И среди них будничная «Поездка за камнями».

П. Налимов (слева) с Г. Виноходовых... Баграм, 16 апреля 1982-го.

«За камнями». П. Налимов среди боевых друзей. Июль 1982-го.

ЛУШНИКОВ ГЕННАДИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

7.XII.60—27.VIII.82

Родился в деревне Петровское Ленинградской области. Русский. Рабочий. Член ВЛКСМ. Образование среднее. Холост. В Афганистане — сержант, командир десантного отделения (в/ч 43151).

Родители: Лушниковы Анатолий Иванович, Валентина Демидовна.

В 1976 году по окончании 8 классов Геннадий поступил в СГПТУ № 25 г. Ленинграда.

В 1979 году направлен в Ленинградское Адмиралтейское объединение судовым сварщиком-достройщиком.

20 октября 1980 года был призван в Вооруженные Силы СССР Приозерским ОГВК. Военную подготовку проходил в учебном подразделении по программе подготовки радиотелеграфиста радиостанции малой мощности в должности мотострелка.

С апреля 1981 года служил в Афганистане. Принимал участие в 35 боевых операциях.

27 августа 1982 года погиб в бою.

За мужество и отвагу награжден орденом Красной Звезды (посмертно), Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалсту».

Похоронен на гражданском кладбище пос. Сосново Приозерского района.

Имя Лушников Г. А. занесено на стенд погибших на афганской войне Приозерского ОГВК Ленинградской области.

Дома хранятся фотографии, письма, записная книжка с эмблемой «ВДВ» (воздушно-десантных войск) и с надписью: «Эти два года уйдут из нашей жизни, но навсегда останутся в нашей памяти». Здесь же слова из песен. И «крылатые» фразы, запавшие в душу:

«Воздушно-десантные войска — это мужество высшего класса, храбрость — первой категории, готовность — номер один» (В. Ф. Маргелов).

«Девиз ВДВ: сбили с ног — сражайся на коленях, встать не можешь — лежа наступай».

«Человеку для жизни нужно многое, десантнику — лишь вытяжное кольцо».

«Тот, кто ни разу не покидал самолет на большой высоте, откуда города кажутся игрушками, кто не имел возможности ис-

пытать страх и радость свободного падения, свист ветра в ушах, струю упругого ветра, тот никогда не поймет чести и гордости десантника» (В. Ф. Маргелов).

«Служи, салага, будь прилежен и помни — дембель неизбежен».

«Лишь одно, дорогая, пойми: у десантника трудная служба и нужна, как кольцо на груди, ему крепкая девичья дружба».

В записной книжке Г. А. Лушников много песен тех лет: «Снегурочка», «Мейменэ», «Сиреневый туман», «Голубое такси», «Все равно», «Затихли звуки за окном», «Солдатское письмо», «Березовые слезы», «Мама», «Тополиный пух», «Баллада о красных розах», «Бывает иногда», «Сибирячка», «Иволга», «Караван», «Десант», «Свечи», «По волнам моей памяти», «Тревога». Мно-

го высказываний о службе в ДРА. Но кроме песен — о войне не сказано ни слова. И никогда нам не узнать его душевного состояния на чужой стороне, где и цена жизни, и цена смерти другая. Что он думал об афганской войне, которой трудно дать точное определение? Не писал Геннадий и о той тяжести, что внезапно свалилась на него и его товарищей, застигнутых врасплох — им не хватало ни боевого опыта, ни внутренней психологической подготовки для такой службы. Обо всем этом молчали странички записной книжки.

Есть лишь два документа, рассказывающих о последнем дне жизни сержанта Г. А. Лушников, — сообщение командования в/ч 43151 и сведения Приозерского военкомата о воине-интернационалисте:

«27 августа 1982 года под Кабулом завязался внезапный бой. В группе с сержантом Лушниковым были еще два бойца из отделения. Геннадий Анатольевич был дважды ранен, в этом бою он героически погиб».

«27 августа 1982 года во время боя под Кабулом ранен в бою с мятежниками и второй раз при эвакуации раненого товарища...

Бой был внезапный, в группе с сержантом Лушниковым были еще двое бойцов с отделения...

Г. А. Лушников погиб героически...»

Более подробного описания этого боя в документах солдата нет, свидетелей, причастных к этому событию, отыскать не удалось, ничего не оставалось другого, как сослаться на эти два официальных документа.

Из письма классного руководителя Геннадия Лушникова — Э. Т. Ланевой. Май. 1993 г.:

«Солнечный морозный день. Около школьного крыльца много собралось народа — односельчане, школьные товарищи, друзья Гены, учителя. В стенах школы прошло его детство, сюда он прибежал и после ее окончания...

Тихо шуршит покрывало и перед нами — мемориальная доска из полированного гранита и надпись: «Здесь учился Геннадий Лушников, погиб в Афганистане в 1982 году». С портрета на нас смотрят спокойные глаза безусого паренька...

Когда в школе на комсомольском собрании спросили Гену, смог бы он в трудную минуту пожертвовать своей жизнью ради светлого будущего людей, он подумал и тихо ответил: «Не знаю, время покажет».

Траурная церемония. Прощание с боевыми товарищами.

ЕВСЕЕВ
ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ

17.IX.55–11.X.82

Родился в Ломоносове Ленинградской области. Русский. Образование высшее. Женат. В Афганистане — капитан, командир экипажа боевого вертолета МИ-24 (в/ч 70419).

Родители: Евсеевы Виктор Борисович, Людмила Михайловна.

После окончания Кронштадтской средней школы №427 в 1972 году поступил в Сызранское высшее вертолетное училище летчиков.

1 августа 1972 года призван в Вооруженные Силы СССР.

В 1976 году вместе с женой Надеждой Николаевной уезжает в Забайкальский военный округ.

24 июля 1979 года в семье родился сын, названный в честь дедушки — Бориса Николаевича Евсеева, военного врача.

В июле 1982 года капитан Ю. В. Евсеев направлен в спецкомандировку в Афганистан. Принимал участие в 14 боевых операциях, осуществлял огневую поддержку наземных войск с воздуха.

11 октября 1982 года погиб в бою.

Награжден орденами «За службу Родине в ВС СССР» 3 степени и Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа».

Похоронен в поселке Большая Ижора Ленинградской области.

В 1991 году награды были переданы сыну капитана Евсеева — Борису, курсанту Нахимовского училища, будущему офицеру в четвертом поколении Евсеевых.

Как в школе, так и в училище, Юрий учился довольно легко, чему способствовали острый ум, хорошая память, смекалка. От отца и деда унаследовал любовь к военному делу.

Об этом говорят и его письма:

«Здравствуйте, мои дорогие!

Я давно вам не писал. Исполнял чужие обязанности, организовывал самодеятельность, соцсоревнование и прочую ерунду. Справился успешно, подразделение заняло первое место в смотре. Меня наградили почетной грамотой, расхваливали. Самое главное, что я понял: душа у меня к этой работе не лежит. Сейчас все это кончилось, и я дышу свободно.

Сегодня большое количество экипажей с техникой, на которой я летаю, уехали в 30-дневный отпуск, чтобы затем убыть на

год в спецкомандировку в ДРА. Я был дублером, на случай, если кто-то не пройдет комиссию. Сегодня она закончилась, прошли все, в том числе и я — очень успешно. Годен на всех типах без ограничений. Основной состав уехал в отпуск, а дублеры остались. Теперь, если кто-то не придет вовремя из отпуска или придет больным, поеду я. Тогда в течение 2—3 дней придется рассчитывать, отправить к вам Надежду с Бориской, закрыть квартиру и убыть. Все станет известно 6 апреля, в день рождения Надежды. Если не поеду в этот раз, то говорят, вскоре будет новый набор. И тогда уеду наверняка. Хотелось бы за это время пройти побольше упражнений, еще лучше освоить технику.

Дома у нас все в порядке. Бориска здоров, стал очень интересным. Надежда завтра собирается начать устраиваться на работу...

Занимаюсь английским, но дела идут медленно, так как очень мало времени. Бориска овладевает английским даже лучше, чем русским, но серьезно заниматься с ним трудно. Вот пока и все. Пишите. До свидания. Крепко целую всех. *Юра*. 1.3.82 г.».

Вскоре Юрий Викторович сообщил родным о спецкомандировке в Афганистан:

«Восьмого числа прибыли в Кундуз, седьмого самолет отменили. Первые впечатления очень яркие, я напишу об общих. Почва представляет из себя трехсантиметровую пудру из пыли, вся земля безжалостно выжжена солнцем, температура в тени до +50 градусов, а железные предметы можно обжечься. Вокруг огромные горы-скалы, на вершинах снег. Живем в модулях. Основное впечатление, которое меня просто поразило — это разность жизненных условий, летающих на МИ-6 и на МИ-24.

Те, кто летает на транспортных машинах, перевозят самые необходимые грузы, не имеют кондиционеров в модулях, а они ведь предназначены для летного состава и в первую очередь для них самих. Вот и полу-

чается: у них кондиционеры и холодильники в каждой комнате, а у «боевиков» — голые стены. Кондиционерами и холодильниками обеспечены все службы, служащие СА, но не командир звена, летающий каждый день на удары... От жары люди тупеют, им лень даже ругаться.

Написать еще можно очень много, но времени мало. Я уже сдал все зачеты и послезавтра приступаю к полетам.

Настроение отличное, плевал я на эту жару. Переносу ее отлично, весь этот беспорядок со снабжением пусть останется на совести тех, кто за это отвечает. Правда, совести у них нет. Я выполняю свой долг честно и через год вернусь с чистой совестью. Мой адрес: ... Вот пока и все. До свидания. Крепко вас целую. *Юра*».

Больно читать это письмо. Обидно за солдат, которым приходилось служить в тяжелых климатических условиях в чужой стране. Да и не только с климатом связывались трудности, о чем поведал в письме от 11 июля 1982 года капитан Ю. В. Евсеев.

Ю. Евсеев в своей боевой машине.

Ю. Евсеев (справа), 1982 год.

Письмо Юрия Викторовича родителям спустя месяц:

«У меня все хорошо. Переехали в новый модуль. Условия жизни стали намного лучше, жара спала, жарко только днем. За ночь можно отлично выспаться. Служба идет очень спокойно. Каждый вечер показывают художественные фильмы. Наше телевидение транслирует сюда передачи. Недавно летали в Мазари-Шариф (местная святыня). Очень красивый городишко. В город ходить нельзя, но мы заходили на посадку прямо через него. Он утопает в зелени. Очень красивая мечеть.

Пока нас заправляли, с приятелем сходили в местную летную школу. Здание в восточном стиле, в саду поют птицы, только павлинов не хватает. Местный советник угостил нас вкусным чаем, дал с собой воды со льдом. Советники, не участвующие в боевых действиях, служат здесь по два года.

Обратно на аэродром нас с приятелем отвезли на машине. Ко многому я здесь уже привык, отслужу год и обязательно вернусь живым и здоровым.

Главное, чтобы у вас все было хорошо, только не болейте. Скоро приедет Надежда с Бориской, вам прибавится забот. Зато станет веселей. Когда вернусь, Бориске уже будет пятый год, он, наверное, меня не узнает.

Будет возможность, пишите чаще. Для того, чтобы дать сюда телеграмму, перед адресом ставится Москва 776а, дальше адрес: ... Вот пока и все новости. До свидания.

Не болейте. Крепко вас целую. *Юра*. 24.08.82 г.

Высылаю вам справку, одну отослал Надежде в Сызрань. С этой справкой Бориску должны принять в садик безоговорочно, а Надежду — на работу. Согласно справке, Надежде должны выдать даже жилплощадь, но это не обязательно. Вернее, совсем не нужно, а работы и садика, где это удобно, нужно добиться...».

Погиб капитан Евсеев Ю. В. со своим экипажем и вертолетом 11 октября 1982 года во время боевых действий в районе ущелья Панджшер.

Погиб сын, муж, отец...

Из рассказа товарищей, провожавших капитана Ю. В. Евсеева в последний путь:

«Их звено вызвали на прикрытие колонны пехотинцев, которой нужно было пройти к месту назначения для охраны залежей полудрагоценного камня лазурита: его душманы меняли на оружие. Там шли тяжелейшие бои. Звено состояло из четырех вертолетов. Пулеметной очередью прошило машину Ю. В. Евсеева. На какие-то доли секунды вертолет замер в небе, и вдруг, после неожиданных резких неровных кругов, отвалилась хвостовая часть загоревшейся машины. Управление потеряно. МИ-24 камнем падал вниз. По радиации слышали: «Юра, прыгай!». Но он молчал, возможно, ждал, когда штурман и стрелок покинут вертолет. Не знал капитан, что его штурман погиб, попав под лопасть винта, а стрелка настигла душманская пуля.

Примерно в десяти метрах от земли вертолет взорвался, все это произошло за какие-то секунды. Когда все стихло, солдаты собрали останки погибших в парашют и передали в вертолетный полк».

Друзья Юрия передали родным кусочек камня, красивого камня, славящегося на весь мир знаменитого афганского лазурита, со словами: «Вот, мать, из-за этого камня и погиб ваш сын».

В Большую Ижору пришло письмо из Афганистана. Когда его читали, Юрия Викторовича уже не было.

«Здравствуйте, мои дорогие!

Думаю, когда вы получите это письмо, Надежда с Бориской уже приедут. У меня

все хорошо. Мы уже два дня должны вылететь в район Чарикара, но пока нет погоды. Сначала перевал «Саланг» был закрыт облаками, сегодня дул «афганец», видимость 200 м, пылища жуткая. В районе Чарикара мы пробудем недели 2—3 и я не знаю, смогу ли оттуда писать, поэтому если писем не будет долго, не волнуйтесь.

Не волнуйтесь за меня. Ничего не может со мной случиться. Здесь все предельно продумывается и учитывается, даже самые непредвиденные неожиданности.

Получил письмо, где вы сообщаете о смерти бабушки. Хоть я и предполагал, что скоро это может случиться, но все-таки смерть всегда неожиданна, даже естественная. Пишите мне по возможности чаще, письма идут очень плохо. Не болейте, берегите себя. Напишите, удалось ли устроить Бориску в садик. Мне кажется, что это было бы хорошо, если бы Бориску удалось устроить в Ижорский садик. До свидания. Крепко всех целую. Юра.

С ног до головы мы так зашиты в броню, а летаем и работаем на таких высотах, что мы просто недосыгаемы для вооружения, которым располагают басмачи. Ко многому здесь уже привык, отслужу год — и обяза-

тельно вернусь живым и здоровым. Бориске будет пятый год, он меня не узнает. Вот пока и все. До свидания. Крепко всех целую. Юра. 4.10.82 г.».

В 9.05 минут 11 октября «они достали» его. А для Бориски отец так и остался ушедшим в афганское небо в свои вечные двадцать семь лет.

Из письма Людмилы Михайловны:

«Я потеряла сына, а через восемь месяцев после гибели Юрочки ушел из жизни мой муж — Виктор Борисович. Афганистан забрал у меня двух самых близких на свете людей. 7 июля. 1993 год».

По традиции ломоносовские ветераны-афганцы в годовщину вывода войск из ДРА приходят на могилу боевого товарища в Большой Ижоре. Торжественно звучит медь оркестра у памятника из темного гранита...

«И кому судьба какая выпадет,
Предсказать пока что не берись.
Нам не всем ракетой алой высветят
Право на посадку и на жизнь».

(И. Морозов)

Обожженный технический паспорт Ю. Евсеева.

МУРАТОВ ВАСИЛИЙ ЕГОРОВИЧ

6.I.54—20.X.82

Родился в селе Казьминка Орловской области. Русский. Образование среднее специальное. Военнослужащий. Женат. В Афганистане — прапорщик.

Родители: Муратовы Егор Петрович, Екатерина Николаевна.

После окончания Успенской средней школы с 1972 года — учащийся профучилища в г. Новая Ладога Ленинградской области по специальности слесарь-моторист судоремонта. Моторист грузоплохода ремонтно-эксплуатационной базы. С 1973 по 1975 гг. — служба в армии. Командир танка. С 1975 года — курсант школы прапорщиков. Служил в поселке Свободное Выборгского района Ленинградской области.

20 января 1982 года направлен в ДРА. Службу проходил под Талуканом и в г. Кундузе. Ранен. Лечился в одном из госпиталей Афганистана. В июне приехал домой в отпуск и на долечивание. В августе — снова госпитализация в Выборге, 20 октября сын Василия Егоровича остался без отца. Осиротели родители. Похоронен в Выборге.

Из письма вдовы О. И. Муратовой:

«Подробностей о службе в Афганистане, к сожалению, не знаю, так как Василий приехал домой долечиться и снова вернуться в Афганистан. Сказал только, что работа связана с риском, жизнь полна тревог. Никто не думал, что так все закончится, а рассказывать об этом не любил.

О нашей семье могу сообщить следующее. Поженились в 1975 году. 2 мая 1977 года родилось у нас два сына-близнеца: Алеша и Володя. Алешенька умер совсем маленьким. С Володей вдвоем мы остались после смерти мужа. Сейчас ему 17 лет, заканчивает Шумиловскую среднюю школу, мечтает поступить в Ленинградское высшее зенитно-ракетное училище.

Пока на сына обижаться не приходится. Послушен, трудолюбив, увлекается резьбой по дереву. К сожалению, дома нет фотографий сына с отцом. Афганских фотографий мужа тоже нет.

Высылаю фото Василия, какие есть, может и выберете что-нибудь.

*С уважением О. И. Муратова.
18 марта 1994 г.»*

Дома в отпуске... 1982 год.

ее. Все-таки еще одно напоминание о месте моей службы».

Хранится дома и карта Ленинградской области, привезенная друзьями Сережи из ДРА.

С детских лет Сережа поражал окружающих исключительными способностями. Учился легко, читал много. Когда получал книги по школьной программе на новый учебный год, прочитывал их задолго до 1 сентября. Для своего возраста он много знал. И не случайно друзья называли его «ходячей энциклопедией». Читая много, он мог окунуться и в исторические события, в удивительную информацию по географии, увлечься рассказами по литературе, увлекаемая ими и других.

Всегда находил время для изучения нового, наслаждаясь и восхищаясь прекрасным, всем тем, что создавалось и было создано руками человека. Об этом говорят и его школьные сочинения. Вот отрывок одного из них:

«Человек, находясь на своем месте, занятый любимым делом, начинает творить шедевры, он становится мастером. Он не просто своим трудом обеспечивает материальные потребности общества, своим трудом он несет радость людям. Таковы, например, палеховские мастера. Они в каждое из своих творений вкладывают частичку души».

Сережа хотел стать историком, хорошо разбирался в политике, любил музыку, принимал участие в игре «Зарница», за что получил эту «Благодарность».

В старших классах Сергей всерьез увлекся спортивной статистикой. Страстный поклонник футбола, хоккея он знал почти все о любом знаменитом игроке, составлял турнирные таблицы, покупал справочники, спортивную периодику.

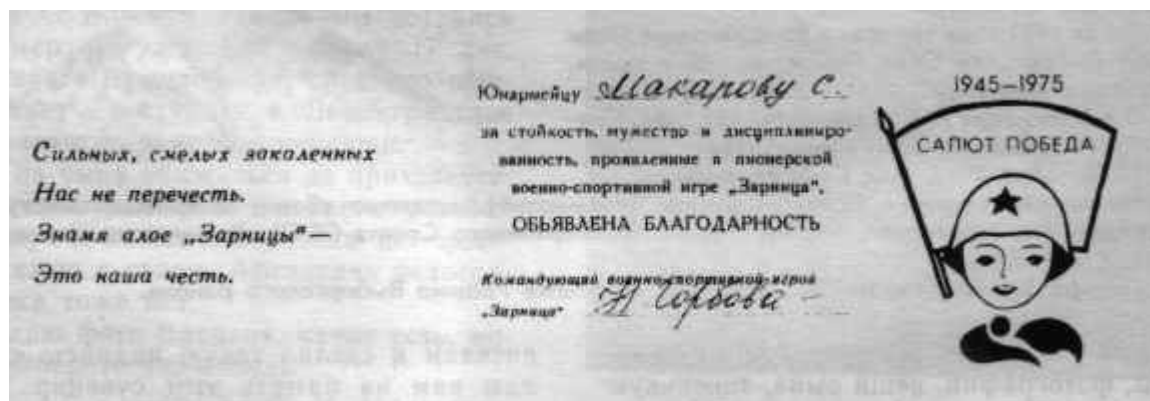
После Сережи осталась пачка школьных тетрадей и толстые «амбарные» книги, заполненные до последней страницы аккуратными таблицами, вырезками из газет, открытками, статьями о десятках футбольных команд. В этих тетрадях — сотни имен игроков, которые для него становились легендами, бесконечное множество результатов, строчки математической обработки, итоги, обобщения. Удивительно, что вся исчерпывающая спортивная информация собрана Сергеем по крупинкам, в одиночку, из периодической печати, передач радио и телевидения.

Вкус, способность к накоплению знаний, систематизации и обобщению фактов Сережи были очевидны.

Работал на судостроительном. Быстро защитил свое право на звание «рабочего». И никого не удивило, когда ему в его неполные двадцать лет вручили удостоверение на рационализаторское предложение по замене ламп индикации в электронно-вычислительной технике.

Завод дважды ходатайствовал о зачислении С. Макарова на подготовительное отделение ЛИАПа. Отказали: стаж два месяца вместо положенных трех лет отработки.

Вскоре Сережа получил повестку из военкомата. Служить!

С афганской войны он отправил домой 60 спокойных, обстоятельных писем. Нескольким из них Нелли Сергеевна передала для Книги.

«Здравствуйте, дорогие мама и папа!

Получил я от вас два письма, но ответить решил только сегодня, так как в судьбе моей произошли большие перемены. Команда в 155 человек, включая и нас, 27 ашхабадских сержантов, получила назначение в Афганистан. В Ташкенте на аэродроме провели ночь, получили сухие пайки, кожаные ремни, теплое белье, потратили все наличные деньги (накануне у нас была полчка, а в Афганистане наши деньги ни к чему). Днем сели в самолет ТУ-154 и через полтора часа были в Кабуле. Там провели ночь на пересыльном пункте около аэропорта и на следующий день за нами приехали, разбили на группы. Около 50 человек, в том числе я, Вася Барманов, Толя Журавлев, Володя Якушев (два последних точно из Ленинградской области, первый из Гатчины, второй из Киришей) попали по распределению под Баграм. Туда нас доставили на военно-транспортном самолете, и там мы разлучились. Вася попал в разведбат, Володя — в дивизион ПТУРС, а мы с Толей в 177 мотострелковый полк. Добирались туда на машинах полтора часа в составе колонны (или лучше, конвоя) под охраной двух БТРов. По пути проехали город, названия не запомнил, поразивший тем, что прямо на его главной улице расположен самый настоящий восточный базар, такой богатый и красочный, как в романах Леонида Соловьева («Возмутитель спокойствия» и «Очарованный принц» о Ходже Насреддине). Конечно, за то время, что я ехал, многого не разглядишь, особенно с борта машины, но я успел понять, что в Афганистане все еще 1360 год (по лунному календарю). Люди ходят исключительно в национальной одежде, женщины в паранджах. Много верблюдов и ишаков. Дома глинобитные и напоминают крепости — высокий забор и крохотные оконца-бойницы. Вдоль дороги часто встречаются форты, рядом с ними БТРы, поддерживают порядок на шоссе, душманы сюда не суются. Так спокойно мы добрались до места службы.

Стоит наш полк в долине среди живописнейших гор, но красота эта обманчива, в них засели душманы, и наш полк ведет против них боевые действия. По рассказам ветеранов афганской кампании сейчас здесь спокойно, душманы не беспокоят нас и опасности нет никакой. Я и Толя будем служить в роте связи. У меня в перспективе есть возможность получить под командование БТР «Чайка», ее начальник уходит в запас, а БТР почти ничем не отличается от машины, которую я изучал. Так что за меня можете не беспокоиться — связь самый безопасный и охраняемый род войск. В рейдах нас будет охранять десантура и БТР с мотострелками, так что не пропаду. Сейчас для меня главное — хорошо освоить технику, до самых тонкостей. Ведь от меня, от связи будет зависеть жизнь сотен людей.

Поздравляю вас с Новым годом. Желаю самого лучшего. Не скучайте без меня, главное переждать наступающий год, а там до моего возвращения совсем близко. До свидания. Целую. *Сергей*. 20.XII.81 г.»

«Здравствуйте, дорогие мои мама и папа! Вот уже три недели я живу без писем из дома, что, конечно, грустно, но ничего, терпеть можно. Письма отсюда уходят регулярно, каждый день, а вот привозят их сюда примерно раз в три дня. Но были бы письма, а ждать их можно бесконечно. Кстати, с почтой здесь дела обстоят неплохо. Газеты получаем в срок, с небольшим опозданием (1—2 дня), причем газеты и журналы самые разнообразные, что душа желает.

Хоть я и не получаю писем, но стараюсь писать вам почаще, чтобы вы знали: со мной все в порядке, жив-здоров. Кстати, так оно и есть на самом деле.

Немного о своем быте... Начну со столовой, так как великий М. И. Кутузов говорил: «Войну надо начинать с брюха». Едим мы из котелков по-походному. Пищу готовят в полевой кухне, однако на качество это не влияет. Ассортимент здесь, конечно, не очень богат, но ведь здесь армия и жаловаться не приходится. На завтрак обычно картошка с мясом, белый хлеб, 50 граммов масла и кофе с молоком. На обед суп, каша — рисовая, гречневая или пшенная с рыбой. На третье — компот или кисель, хлеб белый и черный. На ужин —

«Эту фотографию Сережа прислал из Афганистана, — пишет мама Н. С. Макарова. — Возможно те, кто рядом с моим сыном, откликнутся и напишут мне...»

гречневая или пшенная каша с рыбой и чай. Порциями нас не обделяют, лично мне хватает, не жалуясь.

Теперь о нашей палатке-казарме. Она у нас утепленная, с двумя печками, которые мы топим углем. Так что у нас по ночам даже жарко, а днем и без того тепло. Койки стоят в два яруса, всем хватает места. Полы деревянные. Воду носим с ближнего родника. Моемся или на роднике, или, если хочется хорошо помыться, греем воду в палатке на печках. Я в свободное от дежурства время отдыхаю, готовлюсь к следующему дежурству, читаю газеты и книги (здесь есть библиотека, нужно будет в нее записаться).

Коллектив у нас небольшой (40 человек, из них почти половина в командировках и госпиталях), но достаточно дружный. Я здесь, несмотря на небольшой срок службы, особенно в Афганистане, полноправный член коллектива. Сейчас рота готовится к рейду, я в него не пойду, но буду держать связь, так что сейчас мне надо осваивать станцию как можно лучше, тем более, что время и возможность для этого есть.

Ребята в роте с самых разных мест. Правда, из Ленинградской области нет никого. Но земляки есть в других подразделениях. А у нас представлен почти весь Европейский Союз. Есть краснодарские, ростовские,

тульские, чувашские, молдавские, дагестанские и осетинские парни. Есть даже один из Удмуртии, с Ижевска, так что я могу его считать своим земляком. Живем мы, как я уже говорил, дружно и ЧП в роте нет. Обстановка сейчас спокойная, хотя, конечно, душманы иногда постреливают. Но это не страшно, до нас обычно эта стрельба не доходит, противника встречают на «секретах».

Вот такие у меня дела. Выдали мне военный билет, где указана моя новая должность и записано новое оружие. У меня в отделении три человека. Два молодых — осеннего призыва и один «дед», который сейчас в командировке. Так что никаких сложностей с подчиненными у меня нет.

Погода стоит хорошая, ровная, дождей давно не было, днем тепло, сухо. Вот если бы такая погода стояла всегда!

Пишите, как ваши дела, чем занимаетесь. Наверное, у вас много новостей, ведь я уже чуть ли не месяц не имею от вас вестей. Интересно, получили ли вы мое первое письмо или нет, по моим расчетам пора бы уж. Все письма на мой адрес пересылайте мне. Если есть возможность, высылайте «Спортнеделю», очень ее жду, и самое главное, высылайте конверты, чистые, без подписей. Ну, конечно. До свидания, целую. *Сергей*. 9.1.82 г.»

«Здравствуйте, дорогие мама и папа! Вчера получил от вас два письма — одно написала мама, другое папа. Сегодня отвечаю на эти письма.

Ты, мама, пишешь, что у вас первый день весны, а здесь уже почти середина марта. Погода последние дни стоит теплая, градусов до 10 тепла, дни тоже удлинились и стало, конечно, веселее.

По-моему, то, что у нас есть раненые, не так ужасно, ведь после каждого рейда бывают убитые, а их уже ничем не воротишь к жизни, и родители тут не помогут...

Рад, что пишет бабаня и что ее обрадовало мое письмо, ей сразу же ответил на ее поздравление к 23 февраля. Она у нас молодец, сколько ей лет, а она крепкая, не падает духом! По-моему, она еще долго проживет, и я ее смогу еще повидать.

Очень интересно было прочитать о снегосъемнике. Мама у нас теперь как настоящий метеоролог, ей теперь можно работать где-нибудь на полярной станции. С нетерпением жду фотографий об этом снегосъемнике, хочу увидеть маму за работой.

Любопытно было прочитать о киножизни Рошина. Рад, что вы, наконец-то, стали выбираться из дома в кино, не то, что в Вещево, где вас силой нельзя было заставить сходить на фильм. Насчет фильма «34 скорый» я слышал, но до нас он дойдет не скоро, может быть летом. Фильмы нам показывают 3—4 раза в неделю и, когда я свободен от дежурства, хожу на них. Кинотеатр у нас летний, открытый, вечером довольно холодно, но зрителей всегда много. Фильмы идут в основном старые, многие из которых я уже видел. Насчет телевизора хуже. У нас в роте его нет и последний раз я смотрел телевизор аж на Новый год.

Жаль, что не едет Ирина и не пишет ничего, интересно было бы узнать, как идет у нее замужняя жизнь. Хорошо бы получить ее фотокарточку, а то я даже не знаю, как она сейчас выглядит, сохранились одни детские воспоминания.

Очень хорошо, что ты, папа, здоров и годен к управлению автомобилем. Особенно меня порадовало, что у тебя отличное зрение, не то что мое. Ну, а спина и поясница — это может уже и возрастное, к тому же ведь у тебя еще и радикулит. Да, дей-

ствительно, все дорожает, наверное, к моему возвращению бензин еще подорожает.

Да, жаль, что я пропустил такой спортивный день по телевизору, хотя репортаж о матче «Динамо» (Киев) — «Астон Вилла» я слышал по радио (радиостанции Р-130 М — отличный КВ приемник).

Хорошо, что вы уезжаете на праздник в Ленинград, обязательно купите что-нибудь к празднику, например, торт. А ты, папа, купи маме обязательно цветы!

У меня все в порядке, несую боевое дежурство. Наши вернулись из рейда, делятся впечатлениями, на днях снова в рейд и снова мне придется напряженно дежурить на смене. Ждем зарплату, хочу обязательно купить себе новый блокнот, а то старый, который мне прислали еще в учебке, здорово истрепался.

Ну вот, вроде и все, что у меня нового. Передавайте привет всем. Спасибо за кроссворды. Если будет возможность, пришлите «Футбол—Хоккей». К печати сданы справочники «Футбол-82», так что готовьтесь их покупать (как ленинградские, так и московские). Пишите, как провели праздник 8 Марта, что было по телевизору в этот день, идут ли еще дискотеки по Ленпрограмме». До свидания. *Серж*. 12.3.82 г.».

А это строки из писем от 21 июля и 30 августа 1982 года.

«Мама!!! ...не считай дни до моего возвращения, так быстрее пройдет время. *Серж*...

За последние дни получил письма от Андрея Коробейникова и от Люды Черной. Пишут, что гордятся тем, что я служу в Афганистане, это, конечно, приятно, но налагает некоторую ответственность...»

«Здравствуйте, дорогие мама и папа!

Извините, что так долго не писал, хотя получил уже от вас 5 писем. Получил в них и «Футбол—Хоккей», и «Спортнеделю», и кроссворды, за что большое спасибо.

Да, как-то не могу себе представить, что теперь родственники будут жить совсем рядом с нами. Раньше они жили где-то далеко и добраться до них было большой проблемой. Виделись мы не чаще, чем раз в пять лет, а то и реже. Теперь же до них рукой подать. Хорошо это или плохо — даже не знаю. Скорее всего, хорошо, ведь

«Стоит наш полк... среди живописнейших гор, но красота эта обманчива...» (из письма С. Макарова).

хороших знакомых, друзей у нас нет, а так будет с кем провести какой-нибудь праздник или отметить какое-нибудь торжество. Жаль, что пока не удастся вам набрать ни грибов, ни ягод. Но все-таки постарайтесь набрать их побольше, ведь не за горами мое возвращение. Позавчера в газетах был опубликован Приказ № 242 Министра обороны СССР об увольнении в запас и приказ о призыве на действительную службу. Согласно этого приказа я перешел в следующую фазу армейской иерархии — стал «дедом». Служить до следующего приказа мне осталось менее полугода. Теперь по сроку службы я становлюсь самым старшим в роте. Даже не верится в это, хоть, как ни крути, а за плечами почти полтора года (если считать с момента моего призыва на службу).

Представляю, как сейчас красиво в Рошино, мне тоже всегда нравились оранжевые клены осенью. У нас же тут никакими листопадами не пахнет, хотя тоже стало прохладно, особенно ночью. У меня на дежурстве приходится сидеть в бушлате или в шинели.

Насчет отпуска, по-моему, лучше будет, если ты закажешь его на июнь, так как я не уверен в том, что приду домой в апреле или мае, хоть я и специалист (а их отпускают в первую очередь), да отдыхать летом гораздо лучше, ведь у нас май — довольно холодный месяц.

Очень огорчило меня известие о смерти бабани. Как жаль ее, так и не дождалась она меня. А какие бодрые письма мне писала. Правда, под конец она, видимо, чувствовала близкую смерть, потому что пи-

сала, что мы с ней увидятся больше не сможем. Я думал, что это просто от возраста. И вот теперь ее нет.

У меня же все в порядке, несу боевое дежурство, со здоровьем тоже порядок, жаловаться не на что. Получил еще раз деньги, их я пока ни на что не потратил.

Ну, вроде, пока все. Привет всем нашим родственникам, особенно Славе. До свидания, целую. *Серж. 29.2.82 г.*».

Из письма Нелли Сергеевны:

«Мой сын, как сообщало командование, при выполнении боевого задания заболел и умер. Но я даже не знаю, какое последнее задание командиров выполнял Сережа.

Эту фотографию Сережа прислал из Афганистана. Фамилии его боевых друзей на фото — не знаю. Но если этот снимок поместить в нашу Книгу, возможно, те, кто был с моим сыном, откликнутся и напишут мне о моем Серезеньке.

Из войсковой части от 11 марта 1983 года мы получили и эту бумагу:

«МАКАРОВУ ВЛАДИЛЕНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ. В целях сохранности высылается в секретной упаковке.

Высылаю Вам личные вещи МАКАРОВА Сергея Владиленовича, умершего 14 декабря 1982 года:

Приложение:

1. Фотографии 16 (шестнадцать) штук
2. Открытки 4 (четыре) штуки
3. Письма 1 штука
4. Карта Ленинградской области (вырезка).

Командир войсковой части

Ю. Кошкин».

Сообщение из Выборгского военкомата:

«Младший сержант Макаров Сергей Владиленович 14.12.1982 г., выполняя боевое задание, верный военной присяге, тяжело заболел и умер. Награжден орденом Красной Звезды».

Каждый год в день рождения Серезеньки приезжают ко мне сотрудники из отдела АСУП (с работы сына). Спасибо вам, добрые люди, за Вашу память о моем сыночке».

Третий год афганской войны поубавил оптимизма, но не ожесточил сердец. И ветеран, и новобранец одинаково искренне, фанатично верили: это ненадолго, уж завтра-то скинем пропыленные, выцветшие на солнце и потом пропитанные «робы», расправим плечи, вздохнем полной грудью: все на свете имеет конец!

Между тем до конца войны как будто оставалась вечность. Каждый день ее следовало приравнять к десятилетиям мира, если такое сопоставление вообще возможно.

«Черные тюльпаны» увозили павших. А на их место прибывали безусые, юные, знавшие о войне по фильмам, книгам, рассказам ветеранов.

Трижды Герой Советского Союза маршал авиации И. Н. Кожедуб сказал свое слово о павших: «Да, их жизни оборвались в пламени Афганистана, но память о них будет жива и на афганской, и на отчей земле. Улицы, школы, пионерские дружины носят их имена; некоторые из погибших навечно зачислены в списки воинских частей и военных училищ, и все они живы в сердцах и делах вернувшихся домой однополчан».

1983

Если по скудным отрывочным сведениям попробовать воссоздать расстановку сил, она будет явно не в пользу моджахедов. На стороне революционного правительства все силовые структуры: армия, «царандой» (милиция), ХАД (органы государственной безопасности), сочувствующее властям население. И плюс ограниченный контингент, насчитывающий десятки тысяч солдат.

Добавим к тому прекрасное вооружение, превосходящее то, чем располагали душманы. Например, танки, боевые машины пехоты, бронетранспортеры, вертолеты и т. д. В итоге объемно и зрительно вырисовывается огромный перевес, способный сокрушить все на своем пути.

Ему же противостояли некие «разрозненные» отряды. И противостояли успешно, о чем, видимо, военные историки еще скажут свое слово.

В 1983 году отмечена активизация ряда племен. В ряды моджахедов вливаются еще тысячи «неучтенных» солдат.

Не секрет, и в афганских частях было дезертирство, измены, сдача в плен душманам и переход на их сторону целыми подразделениями. Как и всякая гражданская война, эта, необъявленная, характеризовалась хаосом, неразберихой, отступничеством.

Советские же солдаты в таких условиях обрели опыт боевых действий, меньше допускали ошибок. Однако и год 1983-й ни на шаг не приблизил их к победе, хотя в таких войнах победителей вообще не бывает. Смысл этой войны не стал для них понятней...

Операции, как и раньше, продолжались повсеместно. Несмотря ни на что, солдаты сообщали родным о предстоящей встрече Нового года, о надеждах встретить радостный праздник по-домашнему, пусть и в чужой стране, а моджахеды готовились к нему по-своему: рвались на дорогах фугасы, строчили с круч пулеметы, дымили на обочинах боевые машины и грузовики. Боевые действия продолжались повсеместно, особенно на коммуникациях и вблизи них.

Начало года было омрачено тем, что в Мазари-Шарифе 2 января душманы некоего Забиулло похитили группу наших гражданских специалистов (16 человек). Освободить заложников

удалось лишь через месяц после высадки десанта в горах, при этом шесть советских специалистов погибли.

Банда Забиулло бесчинствовала на севере Афганистана. Она базировалась в труднодоступном ущелье Мармоль, недалеко от Мазари-Шарифа, где и была проведена операция по освобождению советских специалистов.

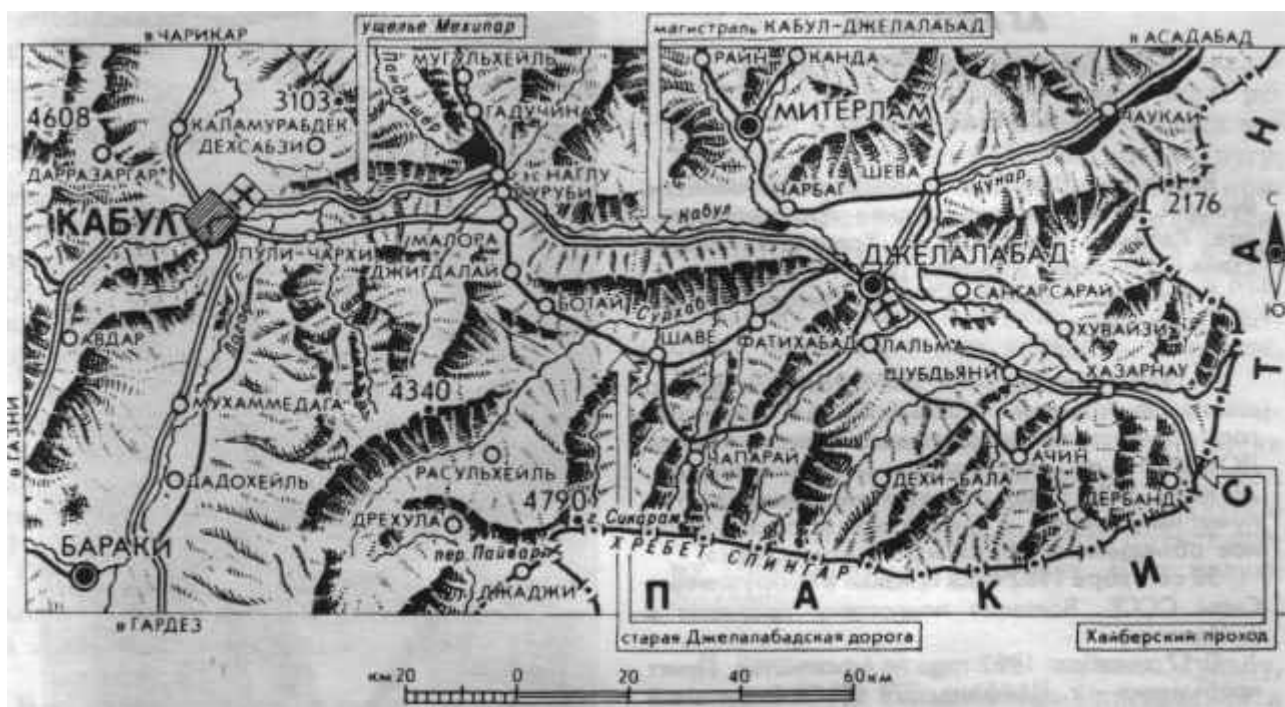
Моджахеды не в силах были противостоять советским и афганским войскам в открытых сражениях, они уступали нашей военной силе, но одерживали верх в борьбе за власть на местах. Многие военачальники почувствовали, что ситуация заходит в тупик.

По-прежнему отмечалась сложная обстановка в зоне «Центр» (провинции Кабул, Логар, Парван, Каписа и Вардак) и в тех провинциях, которые были расположены непосредственно в приграничных с Пакистаном районах.

В конце июля моджахедами была предпринята блокада Хоста. Провинция Пактия, где расположен этот город, как бы врывается в территорию Пакистана, а сам Хост находится буквально в нескольких километрах от границы. Не случайно в конце июля 1983 года мятежники предприняли отчаянные попытки блокировать Хост, прорубить запасное «окно» взамен потерянного ущелья Панджшер для бесперебойного прохода караванов с оружием, боеприпасами из сопредельных территорий Пакистана. Заключение временного перемирия с отрядами Ахмад Шах Масуда вынуждало побыстрее пробить этот коридор.

Итак, еще раз взглянем на карту, прикинем, где гибли наши ребята. В январе эпицентром боевых действий стала провинция Логар, к югу от Кабула. Весной и в начале лета они переместились чуть южнее, в Газни. И вновь вспыхнули на западе — в районе Герата. Сложная обстановка складывалась, как отмечалось, вокруг Кабула и в Пактии.

В сентябре в донесениях, сводках замелькала провинция Лагман. А к зиме боевые действия переместились в район Суруби, восточнее столицы и совсем близко от нее, и в Нангархарскую долину (уезд Сурхуд).

Магистраль Кабул—Джелалабад.

В провинции Нангархар находились: от 40 Армии — 66 мотострелковая бригада, от афганских вооруженных сил — 11 пехотная дивизия.

Лидеры оппозиционных партий упорно рвались к власти со всех сторон, а наш ограниченный контингент, собственно говоря, поддерживал власть НДПА штыками.

В «похоронках» этого года чаще всего называются географические точки: Кундуз, Пули-Хумри, Кабул, Герат, Шинданд, Кандагар и другие.

Обратите внимание: почти все они расположены на двух магистралях, пересекающих страну с севера на юг.

СССР потерял в 1983 году 1446 солдат и офицеров, из Ленинградской области погибло 14 человек.

АФГАНСКАЯ БОЛЬ

1. Агафонов Валерий Викторович — рядовой, погиб 23 февраля.
2. Гальвас Петр Гугович — лейтенант, умер 14 апреля.
3. Петелин Владимир Анатольевич — мл. сержант, погиб 8 июня.
4. Крылов Виктор Николаевич — мл. сержант, погиб 30 июня.
5. Васильев Андрей Дмитриевич — мл. сержант, погиб 14 июля.
6. Колпаков Валерий Прокопьевич — капитан, умер 19 июля.
7. Никитин Владимир Борисович — рядовой, умер 26 июля.
8. Ероменок Николай Иванович — полковник, умер 9 сентября.
9. Землянский Павел Максимович — капитан, погиб 16 сентября.
10. Лотиев Владимир Георгиевич — майор, погиб 2 октября.
11. Александров Леонид Леонидович — капитан, погиб 11 октября.
12. Горяев Андрей Валентинович — мл. сержант, умер 7 ноября.
13. Баландин Александр Иванович — прапорщик, погиб 15 ноября.
14. Зуевский Сергей Иванович — мл. сержант, погиб 14 декабря.

АГАФОНОВ ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ

22.VIII.63—23.II.83

Родился в Выборге Ленинградской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, водитель (в/ч 94131).

Родители: Агафоновы Виктор Николаевич, Нина Григорьевна.

В 1979 году закончил Выборгскую среднюю школу № 1, затем — СГПТУ № 214, совмещающая годы обучения в училище с занятиями в автошколе ДОСААФ по программе электромеханика. 27 июня 1982 года, по окончании училища, получил направление в Выборгское производственное объединение грузового автотранспорта.

30 сентября 1982 года призван в Вооруженные Силы СССР. Военную подготовку проходил в г. Иолотань.

С 17 декабря 1982 года — Афганистан. Пункт пребывания — г. Шинданд, 278 ОАСВ (отдельный автосанитарный взвод).

Погиб 23 февраля 1983 года при выполнении боевого задания.

За мужество и отвагу награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на Верхне-Черкасовском кладбище г. Выборга.

ХАРАКТЕРИСТИКА

«После окончания школы и училища было видно: Валерий выбор сделал осознанно. К учебе, особенно к овладению специальными предметами и производственному обучению, относился добросовестно. Мечта овладеть профессией слесаря по ремонту автомобилей и впоследствии получить права водителя — сбылась. Но не сбылась другая мечта, о которой он писал в каждом письме из Афганистана. Его направили для прохождения службы в Афганистан, где Валерий охранял советский военный госпиталь. Он очень хотел сесть за руль автомобиля и постоянно писал об этом. В последнем письме были такие слова: «Через неделю получу автомобиль». Однако пуля бандитского снайпера смертельно ранила Агафонову Валерия на посту, во время охраны госпиталя».

Директор ПТУ—214
Февраль 1993 г.

В. Н. Кузьминцев

Когда родители узнали, что сына забирают в армию — растерялись. Казалось, в семье военнослужащего этого не должно быть. Заверения военкома, что их сын не попадет на афганскую войну, слегка успокоили их, настраивая на то, что все служат. Но сомнения все-таки терзали. И не без-

основательно: заверения оказались «липовыми».

Короткая, но полная событий жизнь девятнадцатилетнего рядового Агафопова на афганской войне представлена в его письмах, начинавшихся со слов: «мама-папа», «папа-мама».

Это письмо родители получили в декабре 1982 года:

«Привет из Афганистана.
Мама-Папа!

Выбрал свободное время и решил написать письмо, которое вы, наверное, с нетерпением ждете. Попал в Афганистан, в город Шинданд, в госпиталь. Городок обширный, но машин хороших мало... Поселили нас троих в палатку. Соседи — ребята хорошие, дружные, веселые.

На завтрак, обед и ужин ходим строем. Кормят отлично, на завтрак дают кофе. Папа, мама, Слава, если бы вы только увидели, как тут красиво, кругом горы, тепло. Нас привезли сюда, то есть на место, 19 декабря самолетом ТУ-154.

Мама, спасибо огромное за твой денежный перевод, который я получил 17 декабря за 3 часа до отправки...»

В Афганистане Валерий испытывал трудности. Как написать родителям прямо и открыто о своей жизни, как рассказать правду, четко представляя потрясенность родителей из-за того, что их сын находится на войне? Отсюда острое нежелание и боязнь расстроить, огорчить их. Вот почему в первом письме из ДРА говорилось обо всем и ни слова о главном, КАК он там? Когда Валерий понял, что его здесь ждет, такая тревога закралась в сердце!

Он пишет:

«Мама и папа, если вы увидите моего мастера Фадеева Юрия Александровича, то передавайте огромный афганский привет, и пусть Юрий Александрович передаст горячий привет военруку. И скажите ему, пусть он учит ребят и военному делу, а самое главное — дисциплине. И если кто-нибудь попадет служить в Афганистан — это очень пригодится: здесь без военной подготовки и дисциплины очень трудно. Это я только понял здесь, хотя неделю служу...»

Ему, глубоко страдающему человеку, каких трудов стоило ТАК писать, чтобы хоть на какое-то время успокоить сердца любящих людей, постоянно находившихся в мучительном ожидании вестей от сына.

И он пишет:

«Чуть не позабыл: пусть Юрий Александрович передаст большой привет всем ребятам из моей группы, с кем я учился все три года, а Казанцеву Игорю, моему другу, двойной огромный горячий афганский привет, если только он не ушел в армию. Мама-Папа! Как живут Слава, Ирина и Машуленька? Им всем горячий привет, а Машуленьку поцелуйте за меня, она, наверное, стала большая, к вам ночевать, наверное, одна еще не ходит.

Ну вот и все, писать больше нечего, пишите чаще, каждое письмо из дома меня радует и поднимает настроение.

Папа-Мама, вы за меня не волнуйтесь, все будет хорошо. Передавайте привет всему Димитрову. До свидания. Всех целую. *Валерий*».

В письме — ни ропота на свою судьбу, ни горечи. Да только Нина Григорьевна и Виктор Николаевич читали между строк о суровых солдатских буднях, чувствовали его боль за судьбу боевых друзей. Родители мучительно пытались постичь внутреннее состояние Валерия, гамму всех его чувств, чтобы помочь сыну. Но КАК и ЧЕМ?

И снова письмо:

«Привет из Шинданда. 2.02.83 г. Здравствуйте, Мама-Папа, Машулинька, Ирина и Слава. С большим приветом и массой наилучших пожеланий Валерий. Письмо я ваше получил 30 января, за которое вам огромное спасибо. Немного о себе. Служба у меня идет так, как надо. Служится хорошо, через 2 месяца будет полгода моей службы, время идет незаметно. Мама и Папа, кормят нас, как я вам и писал, отлично. Немного поправился, взвешаюсь — и вам напишу. С утра до вечера пропадем в парке, ремонтируем технику. Собрали двигатель на УАЗ-452, сейчас он работает как часики. Парень, который на ней ездит, говорит: «Я уйду домой (в октябре), а машину передам тебе». Машина УАЗ-452 — «Скорая помощь».

Папа, я немного стал разбираться, что к чему и что зачем. В наряды ходим через день. И вот я в наряд попал на КПП (контрольно-пропускной пункт — *авт.*), где можно отдохнуть от всего. И решил напи-

сать домой. Погода теплая, 29 января шел сильный дождь, была гроза. Ночью с 26 на 27 был мороз, температура — 5°, еще такого мороза здесь не было. Ну, а как у вас дела? Мама, как твоё здоровье после отпуска?

Папа, как у тебя идет служба? Мама и Папа, мне очень жаль нашу Машульку, что она сломала ручку. Но как в песне поется:

«Все пройдет — и печаль, и радость,
Все пройдет, так устроен свет...»

Мама и Папа, я очень рад, что наш дом пойдет на капремонт и вам сделают трехкомнатную квартиру. Спасибо, что вы передали привет тем, кому я просил. Выберу свободное время и напишу в училище, Ромке, всем напишу.

Папуля и Слава, поздравляю вас с Днем Советской Армии и Военно-Морского флота. Желаю крепкого здоровья, больших успехов в труде и в службе. До свидания. Передавайте всем привет. Целую. *Валерий*».

Читая письмо сына, родители не теряли надежды: скоро все останется позади, наступит время, когда они будут вместе, и уже никто и ничто не ворвется в их жизнь. Только надо дождаться...

Связь с сыном обрывается неожиданно этим последним письмом Валерия от 23 февраля 1983 года:

«Привет из Шинданда. Здравствуйте!

Мама-Папа, Машуля, Слава и Ирина. С большим приветом и массой наилучших пожеланий Валерий. Папа, Поздравительную открытку я получил 20.1.83, а письмо от мамы 21.2.83, за что большое спасибо.

Немного о себе. Служу хорошо. Кормят отлично. Моемся в бане, а там же и стираемся два раза в неделю, так что ходим чистыми. Папа-Мама, ходим сейчас в наряды каждый день, потому что из моего призыва осталось (из десяти) всего 6 человек. Конечно, тяжело, не высыпаемся. Но ничего — скоро придут новички, как здесь их у нас называют «чижики», и будет служба идти полегче. Я сейчас с 22 на 23 февраля стою в наряде на КПП, сво-

бодного времени хватает и решил написать, а то вы волнуетесь, беспокоитесь.

Мама-Папа, я буду вам чаще писать, но вы не расстраивайтесь, что так долго не получаете, письма долго (по 30—40 дней) идут до Ленинграда через Ташкент. Сюда в часть пришло письмо из автошколы Выборга: просят, чтобы замполит наш написал о моей службе и еще фотографии. Это письмо написал Раюшкин. Если будут фотографировать, то я вам вышлю свою фотографию. Скоро, 20 марта, нам выдадут летнюю форму — панаму, куртку с брюками, две пары носков и ботинки.

Погода стоит теплая — +15°, а у вас, наверно, мороз — 20°. Даже не верится. Папа, в парке я пока работаю слесарем и многому научили меня военнослужащие. Написал письмо в Димитрово, Ромке, скоро должен придти ответ, жду.

Папа-Мама, Машулинька, Слава и Ирина! Берегите себя от желтухи — это очень плохая болезнь. Я это знаю. Писать заканчиваю, передавайте всем большой привет, и Васе с Ласуном передайте большой привет от меня, передайте им, что я служу хорошо, как мне наказывали...

Мамуля, Машуля и Ирина!

Поздравляю вас с Международным женским днем, желаю хорошего здоровья, успехов в труде и в работе, большого веселья и счастья в этот день. А Машулиньке — слушаться Маму, Папу, Бабушку и Дедушку. Ну вот и все. Пишите чаще. До свидания. Всех целую. *Валерий*. 23.2.83 года».

Рядовой Агафонов В. В. неоднократно участвовал в обеспечении боевых операций, подвозя продовольствие, боеприпасы, материальные средства.

Когда вся страна отмечала День Советской Армии и Военно-Морского флота, а отец Валерия, получив поздравительную открытку от сына, надел военную форму, в этот день Валерия Викторовича не стало. Находясь на посту по охране госпиталя, рядовой В. В. Агафонов был смертельно ранен.

Из письма командования войсковой части:

«Уважаемые Виктор Николаевич и Нина Григорьевна! Командование, партийная,

профсоюзная и комсомольская организации, весь личный состав части выражает глубочайшую скорбь по поводу постигшей Вас утраты, преждевременной смерти сына Агафонова Валерия Викторовича, выполнявшего интернациональный долг по оказанию помощи народу Демократической Республики Афганистан, в защите завоеваний Апрельской революции. 23 февраля 1983 г. он погиб при выполнении своего долга. Примите наши искренние соболезнования и сочувствие по поводу постигшего Вас горя. С уважением подполковник *Елизаров*.

Документ:

АКТ

«23 февраля 1983 г. комиссия в составе: председателя ст. лейтенанта Зыкова Сергея Михайловича и членов комиссии: рядового Гуйда Вячеслава Анатольевича, рядо-

вого Колчанова Сергея Васильевича произвели опись собственных вещей, ценностей и личных документов погибшего Агафонова Валерия Викторовича.

Личных вещей нет.

Подписи...»

Через два года после гибели Валерия на его имя пришло письмо из Ленинграда:

«Здравствуй, Валера! Пишет тебе В. Уточкин, с которым ты учился в Иолотани на полигоне во 2-й танковой роте. Отслужил я нормально полтора года, комиссовали по болезни, перенес желтуху с тифом, лежал в старом госпитале Ташкента, а так служил в Баграме в роте связи на 452-м УАЗике. Ребята попались замечательные, нас пришло в роту 16 человек, в основном — с Украины. После прихода домой два месяца отдохнул и пошел рабо-

9 марта 1983 года.

тать в 4 автобусный парк водителем. Работаю в 6-й колонне, а 4-я — загородная, ходят автобусы к вам в Выборг. Валера, напиши, как у тебя идут дела, что нового? Высылаю свое фото на память. Писать заканчиваю. Жду ответа. Если захочешь встретиться, напиши, сообщи свой номер телефона. До свидания, *Валерий Владиславович Уточкин*. 8 апреля 1985 года».

«Сколько еще боевых товарищей сына считают его живым, — говорит мама Валерия, — сколько? Как тяжело, больно терять родного человека, особенно, когда такая неожиданная, внезапная смерть. Это невыносимо! Сын у меня был здоровеньким, не

болел, был полон сил и энергии, он не думал умирать. И вот...

Минуло 11 лет. Рубцуются раны, но это все так — поверхностно. Боль все глубже уходит внутрь. Афганская война отняла сына, здоровье. Она все время напоминает о себе и не отпускает от себя. Очень болею сама, болеет и Виктор Николаевич. Господи, да как дальше жить нам, осиротевшим родителям?

Дома в семейном архиве хранятся письма, комсомольский билет, совершенно новенькое водительское удостоверение, свидетельство автошколы ДОСААФ, военная форма Валерия, записная книжка, сохранившая дату демобилизации нашего сына: 30 сентября 1984 г.».

«Он возвращается домой
Из прошлой жизни, из разлуки.
Но край родной окутан тьмой,
И красок нет, и смолкли звуки.
Вслед за молчанием его
Пылит печальная дорога.
Но Он не видит ничего
Из оцинкованного гроба.
И мать, ослепшая от слез,
Идет навстречу сыну, горбясь,
И возле медленных колес
Несут сельчане страшну горечь.
Прости, солдат, что отчий дом
Тебя согреть не может в холод,
Прости за то, что мы живем,
Тебе бы жить! Ты был так молод.

...Прости, что все изведаль сам,
Не ожил, возвратись оттуда.
Что мать, припав к твоим ногам,
Еще надеется на чудо.
Блеснет закатный луч в окне,
Зашелестят в саду ракиты...
О, сколько ныне по стране
Таких вот холмиков нарыто.
Не дай, Отчизна, умолчать...
И этим матерей обидеть.
Они идут сынов встречать,
Чтоб никогда их не увидеть...
Мы всем им воздадим сполна
За боль, за мужество и доблесть,
Но не стихает в нас вина
И все большее наша совесть».*

А. Дементьев
(главный редактор журнала «Юность»)

* Из газеты «Правда», 18 июля 1988 г. Стихотворение «Прости, солдат...».

**ГАЛЬВАС
ПЕТР ГУГОВИЧ**

22.V.60 — 14.IV.83

Родился в с. Есиль Казахской ССР. Русский. Образование высшее. Военнослужащий. Член КПСС. Женат. В Афганистане — лейтенант, командир радиолокационного взвода, начальник станции зенитно-ракетного полка мотострелковой дивизии (в/ч 47064).

Родители: Митрофановы Геннадий Егорович, Валентина Петровна.

В 1977 году закончил Большеврудскую среднюю школу Волосовского района.

С 1981 года — Ленинградское высшее Зенитно-ракетное командное училище имени 60-летия Октября. Специальность — командная тактическая радиолокационная разведка автоматизированных систем управления, инженер. Служил в Оренбургской области.

С 22 ноября 1981 года — Афганистан. Дважды ранен, находился на лечении в госпитале в Ташкенте.

16 ноября 1982 года уволен в запас по состоянию здоровья.

Умер 14 апреля 1983 года.

Награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

Похоронен в деревне Большая Вруда Волосовского района.

Петенька родился в пути, когда Валентина Петровна возвращалась из Ленинграда в Казахскую ССР. Через год семья распалась.

Валентина Петровна, ее мама и сынишка Петенька переехали жить в Ленинградскую область, Волосовский район, п. Большая Вруда.

Петенька знал нужду, горе, знал, что деньги достаются с трудом, знал, как плохо без родного отца.

«Материально трудно было жить, — рассказывает Валентина Петровна, — мама получала пенсию 28 рублей, а я зарплату — 100. Приходилось брать дополнительную работу. Вот так и жили. Ему, как и другим мальчикам, хотелось хорошо одеваться, иметь что-либо из техники. Мечтал о велосипеде. Мальчишки есть мальчишки. Когда я сыну давала деньги на сладости, кино, во всем себе он отказывал, копил деньги на велосипед. Ему в то время было 11 лет. И велосипед появился в доме. Сколь-

ко было радости, вы бы только видели! Ласково гладил руль, колеса, словно это было живое существо.

Петя рос послушным, добрым мальчиком. Возможно, на формирование его характера влияло то, что в нашей семье жила больная бабушка. С нею он делился радостями, сомнениями, бедами, ценил ее мудрость, жизненный опыт, стремился приносить ей больше радости. Заботы по уходу за ней он взял на себя. Петя действительно был хорошим заботливым внуком, умело прикасаясь к старости.

Ни зазнайства, ни себялюбия не было в нем, ни наглости, ни развязности, ни лени».

Валентина Петровна работала медицинской сестрой, сутками дежурила, поэтому заботы по дому Петя тоже брал на себя. Отношения мамы, бабушки, внука-сына складывались так, что порою они не могли прожить и дня без того, чтобы не рассказать друг другу, что произошло в течение дня, что на душе. Когда Петеньке испол-

нилось 12, Валентина Петровна вышла замуж. В 1974 году родился Саша, в 1977 — Сережа. Со своими младшими братьями Петя был терпеливым. На себя он возложил ответственность за братьев, хотя ему приходилось и нелегко с ними.

Время шло. И вот Петр — курсант военного училища.

Документ:

«За время обучения зарекомендовал себя дисциплинированным курсантом. Командирские и методические навыки развиты хорошо. Занятия по боевой и политической подготовке проводит методически грамотно. В тактической обстановке ориентируется уверенно. Большое старание проявил при изучении боевого применения радиотехнических подразделений. Умело управляет расчетом на боевой работе.

По специальности подготовлен хорошо. С технической литературой работать умеет. Знает правила хранения, эксплуатации и ремонта радиолокационного вооружения.

Уставы ВС СССР знает хорошо и правильно руководствуется ими в повседневной деятельности...

Имеет 1 спортивный разряд по гирям и кроссу. Является членом сборной команды училища по лыжам.

Здоров. Стойко переносит все тяготы и лишения военной службы. Исполнителен и инициативен. Спокоен, общителен, честен, правдив. В быту скромнен. С товарищами вежлив. Морально устойчив. Военную и государственную тайну хранить умеет...

Вывод по аттестации: достоин присвоения первого офицерского звания «лейтенант». 8 июля 1981 год».

П. Г. Гальвас отслужил четыре месяца на Родине. В ноябре 1981 года на имя его жены Гальвас Н. В. выдана справка о том, что ее муж, Петр Гугович, действительно проходит военную службу на территории ДРА и его семья пользуется льготами, предусмотренными Приказом Министерства Обороны СССР № 0025—1980 года.

Петр Гугович писал домой добрые, нежные письма. «Господи, как мы любили и понимали друг друга, — вспоминает мама Валентина Петровна. — В трудные минуты

жизнь ему казалась неполной без родного и близкого человека, без меня».

«Здравствуйте, мои дорогие мамуля, папа, братишки. С горячим приветом ваш сын, брат Петя. В начале хочу сообщить, что у меня все нормально, на здоровье и настроение жаловаться грешно. Погода хорошая, днем светит солнышко, а ночью появляется и встает в зените красавица-Луна. И тогда становится светло, как у нас в морозные январские дни. Хотя и днем горы кажутся красивыми, то ночью, особенно когда подмораживает и на небе светит ярко Луна, они становятся просто великолепными. И столько в них красоты и величия, что не всякий художник смог бы, наверное, передать это на холсте. Вот бы нам с тобой, родная, полюбоваться этой красотой и подышать горным воздухом. Воздух здесь чист.

Помнишь, как мы в лес ходили на лыжах, как упивались свежестью лесного воздуха. Вот и здесь почти то же самое. Ведь ты же, мамуля, никогда не была в горах, но попробуй представить нас вместе и сразу на сердце станет легче, думай, что любящий тебя сын стоит рядом с тобой. Прости, родная, что разбередил тебе твою душу. Но только, ради Бога, не волнуйся, береги себя. Крепко целую. *Петя*. 19.12.81 год».

«Мамочка, недавно у нас стала работать своя баня. В период затишья, если есть время, вымоешься — и на душе становится как-то по-домашнему, тепло и хорошо. Что и говорить, для солдата главное — быть накормленным, обутым, одетым, чистым, тогда и служить можно. Ребята у меня подобрались очень хорошие, душевные, смелые, умные и, главное, с открытой душой. Обо мне не беспокойся, все хорошо. Целую. *Петя*».

Служить бы да служить ему, молодому, здоровому, да только 18 декабря 1981 года получил он тяжелую травму на боевом дежурстве, как сообщал командир части подполковник Тимин и начальник медслужбы капитан Аношкин.

Это письмо П. Г. Гальвас послал домой 14.2.82 года из госпиталя:

«Вот я и в Союзе! Доехал хорошо. В 15.20 был у себя «дома». У нас лежит снег, вчера

снова выпал. Кругом тут ходят. Лежу и смотрю в окно, вижу небо, такое родное. А какие снежинки, кажется, что я могу их обнять руками. Такие пушистые, близкие, в них можно утонуть. До чего ж красиво! Не волнуйся, родная, у меня все хорошо. Здоровье отличное. Целую. Ваш сын *Петр*».

Письма родные получали из Ташкентского госпиталя и в каждом: «Мамочка, не волнуйся, я поправлюсь, все будет хорошо, я молодой, сильный, должен жить. А ты береги себя».

Военно-врачебная комиссия 340 окружного госпиталя от 1 июня 1982 года сделает заключение:

«...Заболевание получено в период прохождения военной службы в ДРА...

Лейтенант Петр Гугович Гальвас находился на лечении в 12 отделении с 11 января 1983 года по настоящее время. По характеру заболевания уволен из рядов Советской Армии. И нуждается в срочной транспортировке к месту жительства — город Ленинград. Для сопровождения больного вызван отец — Митрофанов Геннадий Егорович, справка дана для предъявления в кассу аэрофлота. Начальник медчасти 340 ОВП *Ломакин*».

1 февраля Петр Гугович написал письмо на имя Митрофанова Геннадия Егоровича (отчима):

«Папа, хочу чтобы ты приехал ко мне в госпиталь в Ташкент. Я буду тебя ждать к последнему дню февраля. Хочу быть дома в мамин любимый праздник 8 Марта, как всегда, с духами «Визит» и «Летний сад». Только, пожалуйста, не волнуйтесь, ничего не случилось. Ты приедешь, побеседуешь с

моим лечащим врачом, и мы вместе полетим домой. Ради Бога, ничего не думайте плохого, а то я знаю маму, у нее богатая фантазия, вообразит Бог знает чего.

Желательно, чтобы ты приехал один, без мамы. Ее надо беречь и не заставлять волноваться за нас. Она у нас одна — единственная неповторимая, а у нее нас четверо. Вот так, папуля. В общем, мой приезд зависит от тебя. 17 февраля 1983 года».

А потом его привезли домой. Через восемь дней Петра Гуговича не стало. Последние его слова были: «Я не знал, что судьба роковая сведет меня в могилу. Только ты не плачь, не страдай, дорогая, что не будет в живых меня. Мамочка, я не хочу умирать! Я молод, должен жить...».

«Умер сын в 18.45 14 апреля 1983 года у меня на руках, — говорит Валентина Петровна. — Как все больно, душа изболелась, пока пишу. Пока растила, учила, никто не обращал внимания. А вырастила, выучила — и потеряла. А теперь вечная боль, горе мое. Это невыносимо: кто это испытал, поймет. Так тяжело ворошить прошлое. Недавно я получила награды сына: Грамоту, а это — не пойму, то ли орден, то ли медаль. Через одиннадцать лет после смерти Петеньки вручили. Я где-то читала, что в нашей стране наградные документы не оформляются вовремя. Только через одиннадцать лет награду вручили не сыну, когда он лежал в госпитале среди боевых друзей, а нам.

Боль от потери сына вечно со мной. Простите, больше не могу. *Мама Петра Гуговича Гальвас. 27 февраля 1994 года*».

**ПЕТЕЛИН
ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ**

18.III.63 — 8.06.83

Родился в поселке Чорух-Дайрон Таджикской ССР. Русский. Рабочий. Образование среднее профессиональное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — младший сержант, командир БМП-1 (в/ч 51884).

Родители: Петелины Анатолий Владимирович, Альбина Максимовна.

До 1974 года родители Володи работали на руднике. Потом выехали на новое место жительства — в поселок Суходолье Ленинградской области. Здесь Володя окончил 8 классов и поступил в Ленинградское СГПТУ № 49. Специальность — монтажник-высотник.

10 мая 1982 года Владимира призвали в Вооруженные Силы СССР. Учебную подготовку проходил в г. Ашхабаде. Получив свидетельство об окончании учебного подразделения, был направлен в Афганистан. Служил в Баграме.

8 июня 1983 года Петелин Владимир Анатольевич героически погиб, спасая своих товарищей, попавших в засаду.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на гражданском кладбище в поселке Чорух-Дайрон.

Альбина Максимовна и Анатолий Владимирович проживают в поселке Суходолье Приозерского района.

Только вот беда: в памятные дни родители не могут навестить могилу сына. Преграда — заграница, «ближнее зарубежье». Конечно, Петелины получают визы, съезжают, навестят могилку сына, да как-то не по-человечески, неестественно как-то...

Это стихотворение написал Петр Глебов, друг семьи Петелиных. Его он посвятил младшему сержанту Владимиру Анатольевичу Петелину:

«Погиб солдат в Афганистане
и был с почетом погребен.
Осталось фото, где на камень
присел в армейской форме он.
Во взгляде боль и укоризна,
как будто хочет он спросить:
«За что в краю чужом, Отчизна,
я должен голову сложить?
Не мне, тогда бы хоть портрету
скажи, кому у нас нужна
не объявлявшаяся эта,
осточертевшая война?»

Из-за чего мы в ней, как в глине,
завязли так, что просто жуть?
Не потому ль на скрытой мине,
А не на камне я сажу?..»

«Знаете, — вытирая слезы, говорила Альбина Максимовна, — какой сын был? Он ласковый был, как котенок, безотказный. О поведении и говорить не приходится, прекрасным оно было...».

Учился Володя хорошо, неудач в школе, училище, в армии у него не было. С детских лет он как-то интуитивно отличал достойное от недостойного. В любой ситуации мог держать себя в руках, не позволял себе унижаться перед мерзостью, непристойностью. Себя не давал в обиду и других не обижал. Это был нравственно порядочный молодой человек.

Он получал удовольствие, радость, слушая игру на баяне отца, пение мамы. В письме он так и писал: «Эх, мама, так хочется послушать песни в твоём исполнении и игру отца. Так хорошо дома! А тут...

Уезжаем 21-го на 5—6 дней, я оператором-наводчиком в башне БМП (боевая ма-

шина пехоты), после учений — полевой выход на три дня, потом еще одни учения, это уже здесь поблизости. Времени нет, вот только сегодня после выборов есть немного, я вам и пишу. Я просил вас прислать фото, где вы все вместе, вы так и не прислали. Обязательно вышлите, мне тоже охота постоянно видеть родные лица. Или вы думаете, что я привык без вас? Я тоже скучаю... Когда мама прислала второе письмо, у меня даже комок к горлу подкатился. Все-таки я привык к дождям. Ну, как там братишка поживает? Хорошо ли учится? Учись только на «5», как я.

Был уже в карауле, короче, везде, некоторые уже побывали на «губе» за то, что заснули. Высылаю фото вам, одно уже отослал. Написал письмо своему бывшему мастеру. Ну, вот и все. Целую вас, мои родненькие. Володя, извините, письмо писал на поверке. Одно отошлите Кольке...».

Это письмо Володя прислал домой из Ленинабада. Написал его как раз перед отъездом на учения. Второе пришло уже из Афганистана. Сколько в юном сердце нежности к родным:

«Бывает, внезапно нападает такая тоска по дому, короче — по вам, что не знаешь, как ее отогнать, — пишет Володя. — Вот и Новый год, как бы я хотел на полчаса попасть к вам, я бы успел поесть много вкусного. Вы не расстраивайтесь, миленькие, я здесь не похудел, наоборот, ребер не видно».

И хотел бы Владимир сдерживать свои чувства с помощью шуток, отступлений, да не получается, когда так болит душа: «Пишу, а у самого комок к горлу подкатывается и плакать охота, но ничего, мои родненькие, — успокаивает он своих близких, — мне не 10 лет и тем более я сержант доблестной пехоты. Папа ушел со срочной службы ефрейтором, а я уйду, может быть, старшим сержантом. Ничего, мои родненькие, может скоро свидимся — или в январе, или же в феврале...».

Тоскливо солдату вдали от дома, но он держится, не расслабляется — в этом особенно ярко выражается уровень его подлинного отношения к родителям. У него

была большая потребность признания в любви отцу и матери:

«...Опишите, как отремонтировали квартиру, что за мебель хотите купить. И где этот дом, далеко от школы или нет. Как Саша? Балуется, наверное. Пап, вот приду из армии, может себе собственный дом построим. Да, ну ладно, там видно будет. Вы хоть невесту мне подыщите, я шучу. Хотелось бы сейчас пельменей поесть, да и на мопеде покататься. Как он таскает хорошо, что ни говори, а наша боевая машина лучше гоняет. Да, родненькие мои, я ни разу еще не ощущал, что такое разлука с вами, с родителями, но и вам же нелегко, тоже, мама, папа. Так ведь?».

Владимир не пытался скрыть, какой процесс познания самого себя проходит в нем, когда он возвращается в прошлое. Именно в 20 лет человек обладает особенной чувствительностью и очень быстро взрослеет:

«Я раньше думал, какое у папы сердце каменное, когда он за что-нибудь наказывал меня, а теперь я понял, что это не так. А все-таки, каким грубым становишься здесь в обращении даже с населением, потому что «здесь в нас стреляют, здесь, как и прежде, идет война».

Ну вот и все в моем маленьком письмеце, желаю вам всего хорошего, а, самое главное, здоровья. Целую, ваш сын *Владимир*».

В апреле 1983 года Владимир в одной из боевых операций получил ранение в голову и в ногу. Лечился в госпитале Ташкента. В 100 км от родного поселка. Праздники 1 и 9 Мая провел в семье. Володя многое о войне рассказал родным, но о многом и умолчал.

Когда Анатолий Владимирович проводил сына до афганской границы, Владимир сказал отцу: «Мы здесь, чтобы быть убитыми или убивать самим». И как бы желая прекратить разговор на эту тему, перешел на другую: «А помнишь, папа, как мы с тобой играли в одной футбольной команде? А помнишь, как в Ленинграде приглашали тренироваться в Манеж? Я не пошел туда без тебя».

Сын уехал, долго еще эхом звучали слова: «Мы здесь, чтобы быть убитыми...».

Родители получили и это последнее письмо от любящего сына:

«Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, братишка Саня и бабушки! С большим пламенным приветом к вам ваш Владимир. Папа, как тебя я проводил, на следующий день еще не улетел, а улетел потом утром. Ну, долетел хорошо, еще 2 дня был в Кабуле на пересылке. Наш батальон сняли с дороги, и теперь мы стоим в полку. Будем ходить в рейды. Ну, ничего, как-нибудь. А вот вы, если здесь останетесь, а не уедете в Питер, то мне напишите. Я здесь с командиром насчет квартиры поговорю. Папа, мама, надеюсь вы меня простите за все. На этом кончаю писать. Передайте привет Мухаббатке, Венерке и Фаридушке. Привет тете Клаве с дядей Колей. Целую крепко-крепко. Ваш *Владимир*. Пишите чаще. Я тоже буду стараться...».

Из рассказа Альбины Максимовны:

«В день гибели сына прилетела ласточка ко мне, кружит над головой, а мне подумалось: весточка будет от сына...».

Через несколько дней пришла черная весть... Майор, сопровождавший гроб с телом Владимира, рассказал:

«8 июня 1983 года одну роту душманы уничтожили полностью, а другую сдавший-ся в плен душман завел в засаду. Разведка доложила: душманов нет. Володя шел с третьей машиной, в ней было 11 человек, шли на выручку товарищам. В этом бою он был смертельно ранен в спину».

Через месяц не станет и майора: он погиб в бою в июле.

Чужого горя не бывает.

«Здравствуйте, мои дорогие женщины! К вам обращается Альбина Максимовна Петелина, мама Володеньки, двадцатилетнего сына, воина-интернационалиста, которого война отняла у меня, у Анатолия Владимировича, отца Володи. Не стало нашего сына. Погиб, как настоящий солдат, защищая, как нам писали, Апрельскую революцию.

Велико мое горе, сильно. Со слезами, с болью прошу всех вас — объединяйтесь, боритесь за мир, остановите войну на юге, в Чечне, не губите детей. Остановите зло, безумие, помогайте друг другу. Мы нужны детям, дети — Отечеству. У меня нет сына, а он мог бы жить, радовать нас, работать, создавать семью.

Не для войны я его растила. Объединяйтесь, женщины-матери. 9 мая 1994 г.».

«Чужого горя не бывает».

КРЫЛОВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

20.XII.63 — 30.VI.83

Родился в деревне Кузнецово Вытегорского района Вологодской области. Русский. Рабочий. Образование среднее профессиональное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — младший сержант, командир БМП — командир разведывательного отделения (в/ч 86997).

Данных о родителях Виктора Николаевича нет. Родственники: Александр Павлович Крылов и Зоя Петровна Соловьева.

По окончании восьмилетней школы Виктор учился в СГПТУ № 45 Бокситогорского района Ленинградской области по специальности: тракторист-машинист широкого профиля с квалификацией водителя автомобиля. Несколькими годами раньше в этом училище обучался брат Виктора — Геннадий.

Работал трактористом в совхозе «Бокситогорский».

29 октября 1982 года призван в Вооруженные Силы СССР.

С мая 1983 — Афганистан. Неоднократно участвовал в боевых операциях.

30 июня 1983 года погиб в бою.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на гражданском кладбище в г. Бокситогорске

Все педагоги отзывались о нем по-доброму. Мастер группы Мухин Вячеслав Иванович говорил: «Крылов учился с особым желанием, стремился скорее получить профессию и работать».

С детства Виктор уважительно относился к простому труду, неодобрительно — к лени, нерадивости. Бездельничать не любил.

В письме родным сообщает:

«...Генка тоже работает в Череповце, неплохо устроился. Если будет работать, так деньги будут водиться. Не будет, так всю жизнь и проработает без гроша».

А вообще, ничего особенного в мирной жизни Вити и не было. Правда, среди ребят пользовался заслуженным авторитетом и особой любовью. И не удивительно: он был хорошим парнем, настоящим другом — с открытым сердцем и ясной душой. Жил без фальши, подлости.

Характер у него был замечательный. Душевная мягкость, чуткость, такт в обращении с людьми, как магнит притягивали к нему окружающих. А еще он был терпим к некоторым человеческим слабостям. Он по-своему чувствовал и мудро понимал старых людей.

Из письма домой:

«Лида пишет, что очень болеет бабушка, опять, наверное, положат в больницу. Конечно, старость — не радость, ей сейчас нужен отдых — самое главное».

Такое удивительное умение молодого человека прикоснуться к старости, сочувствие в беде, трогательное отношение к слабому, больному человеку!

А еще, говорят, Витя хорошо играл на баяне, любил петь под гитару, был жизнерадостным, не поддавался отчаянию, никогда не унывал.

Из афганского письма Виктора:

«Попал служить не в плохое место. Короче говоря, скучать не придется...».

Щупленький на вид, маленького роста, он не чувствовал себя слабым, беззащитным, так как физически был хорошо подготовлен. Это помогло ему в армейской службе и на Родине, и на афганской войне. Этот сильной души человек был способен защитить себя и других.

«Здесь на войне кончилась моя юность, — пишет Виктор другу. — Здесь мы стреляем, в нас стреляют также. Теряем боевых друзей. Мы еще такие молодые, как же так? Если буду жив, расскажу людям, как жили, воевали. Нужна правда об Афганистане. Клянусь... *Виктор*».

30 июня 1983 года экипаж БМП под командованием мл. сержанта Крылова В. Н., действуя в дозоре, обнаружил противника и вступил с ним в бой. В этом бою Виктор Николаевич был смертельно ранен.

Из документа Бокситогорского военкомата:

«Младший сержант Крылов В. Н. неоднократно участвовал в операциях против мятежников, при этом проявлял мужество и смелость».

Чуть больше месяца прослужил Виктор Николаевич в Афганистане.

30 июня 1983 года, выполняя боевое задание в составе разведроты, участвуя в бою, Виктор действовал смело и решительно. Уничтожил несколько мятежников, но получил тяжелое ранение в живот. Ему оказали необходимую медицинскую помощь, но очень тяжелыми оказались раны. Спасти Виктора не удалось.

«Попал под пули взвод
У жаркой переправы
И, раненный в живот,
Упал солдат на травы...
— Воды поток, воды —
Сестра над ним склонилась,
И солнце с высоты
Осколком засветилось.
И чувствовал солдат:

Другой зари не будет,
И солнца первый луч
Его уж не разбудит.
А он не рвал цветы
И не был в дальних странах,
Вовек не целовал
Девичьих губ румяных.
— Сестрица, не бинтуй,
Пришел конец мне видно,
Ты лучше поцелуй,
Чтоб не было обидно.
— Сейчас, солдат, сейчас, —
Сестра ему сказала.
И первый в жизни раз
Мальчишку целовала.
А первый поцелуй
Высоких слов достоин,
И что ни говори
он целой жизни стоит».*

1 сентября 1990 года состоялось торжественное открытие памятника воинам-интернационалистам в г. Пикалево.

«Многое в жизни забывается. Но афганские годы никогда не сотрутся из памяти нашего народа. И мы всегда будем помнить наших земляков, погибших в Афганистане, будем знать и тех, кто остался жив», — из выступления военкома Б. В. Тарасова.

Потеря сына — горе для матери, и оно еще горше, когда сын погиб вдали от Родины, от родного дома. Этот памятник будет вечно напоминать осиротевшим матерям и всем нам о тех, кого уже никогда не будет среди нас: о Сергее Смирнове, Викторе Крылове, Владимире Никитине, Олеге Богатыревиче, Олеге Матакове, Игоре Мотынге, Юрии Гусарове...».

Взору собравшихся предстает весь памятник: скульптурная группа — мать, в скорбном молчании склонившаяся над погибшим сыном, мемориальная плита с надписью: «Воинам-интернационалистам — павшим и живым».

Этот памятник создавался на Ленинградском заводе «Монументскульптура» из розового гранита. Автор — А. Черницкий, рубщик — А. Лямин».**

* «Попал под пули взвод». Стихотворение Игоря Кобзева.

** Газета «Новый путь», 06.09.90; в Пикалево открыт памятник воинам-интернационалистам. См. стр. 28.

**ВАСИЛЬЕВ
АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ**

18.IX.64—14.VII.83

Родился в деревне Вольгово Кингисеппского района Ленинградской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — младший сержант, начальник радиостанции (в/ч 25564).

Родители: Васильевы Дмитрий Николаевич, Антонина Семеновна.

В 1981 году получил аттестат зрелости в Войсковой средней школе № 2 Гатчинского района. Год учился в техническом училище, получил специальность монтажника радиоаппаратуры и приборов III разряда. Три месяца трудился в научно-производственном объединении «Ленинец» в г. Гатчина.

29 октября 1982 года призван в Вооруженные Силы СССР Гатчинским ОГВК Ленинградской области.

С 11 ноября находился в учебном подразделении в Ашхабаде.

1 апреля 1982 года убыл в Афганистан. Проявил себя хорошо подготовленным специалистом.

14 июля умер от ран.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «За выполнение интернационального долга в Афганистане».

Похоронен на гражданском кладбище недалеко от поселка Сяськелево Гатчинского района.

18 сентября 1964 года в селе Вольгово говорили об одном: «У Васильевых родились мальчишки-близнецы». Односельчане поздравляли счастливых Дмитрия Николаевича и Антонину Семеновну. Еще бы, в этой семье уже три сына — Сергей, Игорь и Андрей!

Игорь с Андрюшей были неразлучными. Вместе спали, вместе в садик, школу, училище. Два диплома сыновей — радость отцу и матери. Дети росли добрыми, отзывчивыми. Никто никогда плохого слова о них не сказал.

А в апреле 1983-го ушли юноши добровольцами в Афганистан. У Андрея пункты пребывания — Хайратон и Пули-Хумри, у Игоря — Доши. Не повезло им — сорок километров разделяли братьев. А они и здесь хотели быть вместе.

Андрей — командир Р-142, штабной машины, а Игорь тоже командир такой же машины. Они встречались, звонили друг

другу. И родителям, хоть и беспокойно жилось, да хоть маленькая отдушина есть: сыновья служат рядышком. По письмам судили, как им там живется.

Андрей всегда писал подробно обо всем:

«Привет из Афганистана!

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и Сергей, пишет любящий вас Андрей. Служба идет своим чередом, дни бегут незаметно. Здоровье можно, прямо сказать, отличное. Мама, мне папа писал, что у тебя глаза не просятся, а зря, мама. Здесь у нас все спокойно, попал я в Афганистан по специальности, на которую учился в «учебке». Так что целыми днями я ничего не делаю, разговариваю в трубку и все. Ребята у меня в подчинении бывалые, повидали разного в Афгане. Так что, мама, ты зря плачешь, у нас все в порядке и придем мы через полтора года живые и здоровые. И будем встречать новый

1985 год в кругу семьи. Как всегда, подарю на день рождения цветы.

Папа, ты спрашиваешь, добровольно ли мы пошли в Афганистан? Отвечаю: да, добровольно, я об этом мечтал и не пожалел. Мама, пиши как там у вас дома, как идут дела в работе, как друзья, пусть тоже пишут. Ну ладно, что еще писать? До свидания. До встречи. *Андрей Васильев*. 20.05.83 г.».

Так и жили родители — от восточки до восточки от сыновей. С нетерпением ожидали почту. По выходным писем не приносили. Вечностью казались эти два дня в неделю. И когда хоть от одного из них приходило письмо, снова радость в доме.

«Привет из Афганистана!

Здравствуйте, мои дорогие, мама, папа и Сергей. Пишет вам любящий Андрей. У меня все в порядке, служба идет нормально, здоровье, прямо сказать, отличное. Погода у нас нудная, жарыща невозможная, норма +40°, а иногда под +50°. Природа здесь хорошая, кругом горы — красотища. Иногда утром сядешь возле машины, посмотришь на горы и видишь, как облака делят вершины гор пополам. Так и думаешь: встанешь — и дотянешься до облаков. Вокруг машины множество маков, аромат от них чудесный. Вот в каком месте я стою.

Мама, ты я думаю, волнуешься, беспокоишься о нас. Еще раз тебе говорю: не плачь, не беспокойся, через полтора года придем вместе живые и здоровые. Да и подарки привезем, а товар здесь классный, импортный. Также наше огромное тебе спасибо за письмо. Передавайте привет Сергею, как он учится, какие планы? Пишите, как у вас дома, чего новенького. Короче, пишите больше обо всем. Горячо целую вас всех. *Андрей Васильев*».

Письма Андрея были простые, радостные, но родители знали, что это не так. Он их просто успокаивал: «Мама, зря плачешь, у нас все в порядке и еще мы встретим 1985 год в кругу семьи».

Но встречать ни этот новый год, ни другие праздники вместе не пришлось. За три дня

до своей гибели Андрей приезжал к Игорю в Доши. И такое вот несчастье...

После смерти Андрюши его брата Игоря перевели дослуживать в Россию.

Из письма Антонины Семеновны:

«Когда вспоминаешь то черное время, когда ко мне пришло большое горе, то та мать, которая это пережила, знает, как все ворошить. Вот уже столько лет как нет моего сына, а камень на сердце так и висит. Игорь мой тоже очень много горя перенес. Он же с офицером развозил гробы самолетом. Последним привез своего братишку Андрюшеньку. Пишу, а мысли путаются... Да, письма Андрюши я вложила в «заказное» письмо, там я написала все, что знала.

Да, у Сережи растет сын Андрей, у Игорька — доченьки. Я Вам шлю фотографию Игоря со своей дочерью. Здесь ей 8 месяцев. Ими я и живу.

А вот Андрюшеньки, сыночка моего, нет. Храню его письма, рисунки, любимые песни.

Вот одна из них:

«Не твоя, не моя, пусть чужая страна,
Но сейчас ты в огне, защищаем тебя,
Много наших парней в тех горах полегло,
Много наших друзей, нам без них нелегко.
Мы с тобою лежим меж камней у реки,
Впереди — перевал, и на нем басмачи,
И чужой пулемет прижимает к земле,
Крушат пули гранит, бьет в броню БМП.
А в родной стороне: там, где розы цветут,
Там тепло и светло, там нас девушки ждут.
Ждите, милые, нас, мамы, слезы долой!
Мы живые еще, мы вернемся домой».

Листок со словами песни неизвестного автора был в одном из писем Андрея. Антонина Семеновна попросила их напечатать: «Пусть люди знают, как нашим мальчикам было там», — писала она.

Около 140 парней из Гатчины и района, начиная с 1980 года, принимали участие в боевых действиях на территории Афганистана. Семь человек погибли. Среди них и младший сержант **ВАСИЛЬЕВ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ**, 18 лет.

КОЛПАКОВ ВАЛЕРИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ

31.VIII.44 — 19.VII.83

Родился в селе Гольтявино Красноярского края. Русский. Образование среднее специальное. Военнослужащий. Беспартийный. Женат. В Афганистане — капитан, начальник ТЭЧ вертолетов МИ-8 (в/ч 97978).

Родители: Кол па ковы Прокопий Иванович, Варвара Ивановна.

В 1962 году по окончании средней школы Валерий Прокопьевич поступил в Выборгское авиационно-техническое училище гражданской авиации им. С. Ф. Жаворонкова. Приобрел специальность техника вертолета.

Два года проработал в Ханты-Мансийске.

23 января 1969 года призван в Вооруженные Силы СССР Выборгским ОГВК. Служил в летной части в Сиверской. Пять лет прослужил в пос. Лебяжье Ломоносовского района командиром взвода.

С 1981 года — в вертолетном полку поселка Глебычево Выборгского района.

С августа 1982 года техник звена В. П. Колпаков получил направление в Афганистан. Выполняя боевое задание, Валерий Прокопьевич был тяжело ранен.

19 июля 1983 года умер.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), имел много благодарностей, наград за безупречную воинскую службу.

Похоронен в 13 км от Выборга на гражданском Верхне-Черкасовском кладбище.

Галина Федоровна Колпакова работает медицинской сестрой при детской больнице. Дочь Елена окончила институт с отличием, вышла замуж. Внук Валерия Прокопьевича живет со своими родителями.

*«Он не хотел,
Но умирал же
Среди таких же, как и в России,
Ромашек горьких,
И кто-то из ребят рану бинтом
зажимал...»*

*Бредил в БТРе,
А уже в медсанбате у сестры
Он пить просил устало.
И ее за воду поблагодарив,
Ей сказал: «Ты, вот что, слезы-то утри».
Сказал и легче стало,
Подумалось, что можно жить...
Еще... Слипались веки.
Потом прошептал: «Хочу курить»
И вновь заснул.
Но уже навеки...».**

А. Городничий.

* Журнал «К совести», № 1, 1993 г., с. 19.

Огромным уважением среди воинов пользовались вертолетчики. Чем только они не занимались! Вывозили раненых, поставляли боеприпасы, топливо, пищу, воду, долгожданную почту, перевозили личный состав афганской и советской армии, население ДРА. Да мало ли какую работу приходилось им выполнять. Обычный самолет не может зависнуть над землей, чтобы опустить или поднять груз в точно заданном районе, не говоря уже о неровных участках, горах, ущельях. Вертолету это под силу.

Вертолеты — современная кавалерия войны. Они садились на крохотные площадки между отвесных круч, высаживая десант, забирая раненых.

Его маневренность — спасение в тяжелых условиях перелета. Ему, МИ-6,

обязаны жизнью тысячи солдат в Афганистане. И не только ему, а и тому, кто готовит в полет, к работе эту машину. А именно — техникам звена. Один из них — Колпаков Валерий Прокопьевич. Он раньше всех приходил на работу для подготовки машины к вылету, а уходил с аэродрома последним. Пока не убедится, что машина заправлена, неисправности выявлены и устранены.

Он, капитан В. П. Колпаков, понимал: от его работы зависит жизнь экипажа, боевых товарищей, которые в отдаленных точках, в горах, ущельях ждали помощи.

В подразделении к нему относились с уважением. А он сам, имея богатый опыт эксплуатации авиационной техники, отличные знания, мог в любую погоду, в любое время суток прийти товарищам на помощь. Свою работу любил до самозабвения. Любил и свою семью.

Строки из письма капитана Колпакова:

«...Главное в моей работе — точность, честность, добросовестное отношение к порученному тебе делу. У нас есть такие места, где солдаты отсчитывают время по вертолетам. Как это? Объясняю: они находятся далеко в горах, в ущельях и к ним добраться можно только с помощью нашей машины (везем им продукты, топливо, почту, боеприпасы). Вот они и говорят: «Два или три вертолета тому назад». Что означает — две-три недели назад. Вот так и служим, воюем...

Война заставляет убивать, разрушать, жечь. Короче, делаем вещи, прямо противоположные тому, чему учила нас мирная жизнь...».

Экипаж вертолета 19 июля 1983 года выполнял боевое разведывательное задание по поиску и уничтожению караванов противника, перевозивших оружие и боеприпасы. Во время взлета с промежуточной площадки вертолет был обстрелян и потерпел катастрофу. Валерий Прокопьевич получил ранение и тяжелые травмы, от которых умер в госпитале.

Галина Федоровна прислала письмо в Книгу:

«Мой муж служил в ДРА почти два года. Но этот год зачтется нам за все оставшиеся! Письма ждала каждый день, не зная, что и думать. В них Валерий Прокопьевич рассказывал об Афганистане, о горах, о дорогах, которых нет, о друзьях, «духах» — их еще называют «душманами», «бандитами», «мятежниками» — о своей работе, которую любил, о наших ребятах, воюющих там, об убитых и раненых, о боях, о кладбищах разбитых машин. Из газет, радио, телепередач ничего не узнаешь, там сплошная дезинформация. Делали вид, что в Афганистане нет войны, что ограниченный контингент советских войск только несет службу там. Но шла необъявленная война! Там был мой муж. И я его потеряла.

В моей памяти афганская война останется навсегда, слишком дорого заплатил за нее Валерий — своей кровью, нашими слезами и уже навечно останется в душе моей дочери, которая росла, училась и жила все эти годы без отца.

«Если ураган сломит дерево, останутся корни, от них поднимутся молодые побеги. Так и с человеком. Погибшие оставили о себе добрую память и будут жить с нами, пока будет жива память о них», — так писал Михаил Шахмат, отец погибшего «афганца», с ним согласна и я, потерявшая самого близкого человека на земле. Память о Валерии Прокопьевиче не умрет никогда у любящих его.

А познакомилась я с ним, когда он был курсантом училища. Сейчас его нет. Невыносимо. *Г. Ф. Колпакова. Май, 1993 г.*».

Из воспоминаний Марины Ивановны Землянской:

«У нас в больнице работала Г. Ф. Колпакова. Ей пришло извещение о гибели мужа, он тоже служил в Прибылово. В Афганистан уехал позже моего. И каждый день после похорон В. П. Колпакова я жила в тревоге и страхе за жизнь Павла Максимовича. И вдруг так отчетливо поняла, что там могут убить и его...».

**НИКИТИН
ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ**

19.I.65 — 26.VII.83

Родился в Пикалево Ленинградской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, наводчик БМ-21 (в/ч 85615).

Родители: Никитины Борис Васильевич, Светлана Федоровна.

В 1982 году закончил Пикалевскую среднюю школу № 1 и поступил в СГПТУ № 212 г. Пикалево, по окончании которого получил специальность арматурщика-сварщика.

31 марта 1983 года В. Б. Никитин призван в Вооруженные Силы СССР Бокситогорским ОГВК Ленинградской области.

С 15 июня 1983 года В. Б. Никитин — в ДРА. 26 июля умер.

Похоронен на гражданском кладбище в городе Пикалево.

В его записной книжке не заполнено и десятка страниц. Две странички адресов, пара афганских песен.

Две странички солдатского юмора.

«Армия — хорошая школа, но лучше ее проходить заочно».

«Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда».

Записаны имена отцов-командиров:

«замполит дивизиона к-н Стахов,
начальник штаба к-н Янковский;
командир батареи ст. л-т Пырцак,
замполит батареи ст. л-т Чучалов».

Все, кто знал Володю, рассказывали, что он по характеру был добрым, спокойным, даже тихим. Такие ребята, как правило, особенно не выделяются. Физически здоров. Занимался спортом, в основном, тяжелой атлетикой, был призером в соревнованиях по гиревому спорту. Военную подготовку прошел и был аттестован с оценкой «отлично».

А еще он очень любил животных. Дома остались кот Барсик и собака Жук — бездомный пес, которого Володя подобрал на улице, упросил родителей приютить: он и сейчас живет, поджидая своего хозяина. А вот Барсика нет. Он исчез в день похорон Володи и больше его никто не видел.

Письма Володи напечатаны без каких-либо поправок. Пусть читатель сам разберется в причине смерти на войне еще одного восемнадцатилетнего.

«Здравствуйте, папа, мама и Юрдос. Сейчас я нахожусь на карантине под Ленинградом. Сегодня на нас надели военную форму, выдали настоящие кирзовые сапоги 44 размера. На этом карантине будем находиться месяц, а затем нас расформируют — кого в часть, кого в учебку. Живется пока терпимо, в казарме холодно. Сегодня на завтрак дали кирзовую кашу, после которой у всех ребят изжога. Да вроде бы все, пока писать нечего. До свидания! *Владимир*».

«Здравствуйте, пап, мама и Юрдос. Пишу вам уже второе письмо. Сейчас нахожусь на карантине, живем в казарме, в

которой очень холодно, потому что отопление не работает. Выдали нам ХБ, то есть форму, шинель, кирзовые сапоги. В ХБ очень холодно. Спать ложимся, не раздеваясь. Кормят нас плохо, поэтому хожу эти три дня голодный, чайная даже не работает. Привет соседям. Ну ладно, кажется все. Да и работы много. Сегодня убирали территорию, еще надо к шинели пришить погоны и петлицы. Адреса сообщить пока не могу, потому что не разрешают. До свидания. *Владимир*. 3 апреля».

«Здравствуйте, пап, мама и Юрдос.

Долго от Вас нет письма. Сегодня 1 Мая, мы ходили на демонстрацию, сейчас свободное время. Как там у вас дела, как там Жук с Барсиком? Пришлите мне хотя бы посылку с куревом. А то здесь с табаком большой кризис, есть, правда, сигареты, но они очень плохие. Холодной воды из-под крана нам пить нельзя! Вчера, 30 апреля, ходили в кино, сейчас, кто хочет, тот смотрит по телевизору демонстрацию, а кто не хочет — гуляет или спит около казармы. Служба пока идет нормально. 9 мая буду принимать присягу. Как там баба Галя с бабой Катей? Бабушке Гале написал письмо, бабы Катиного адреса не знаю. Привет всем соседям. Привет всем родным. Да, чуть не забыл! Нам сказали, чтобы родители выслали нам теплые шерстяные носки, потому что скоро будем ходить в караул, а ночи здесь холодные, в карауле стоят в шинелях. Пишите быстрее обратное письмо, а то возможно нас скоро отсюда увезут.

Как там дела у Юрдоса в училище? Скоро у нас начнется спецподготовка. Служу в арт. дивизионе. Первое время, да и сейчас немного вспоминал гражданку. На гражданке мы делали все, что хотели, ходили, куда хотели, а здесь даже в туалет строем водят. Скоро будет марш-бросок и мы к нему понемногу готовимся. Но все же некоторые ребята, я думаю, не выдержат, потому что марш-бросок будет днем, а днем очень жарко, возможно, что в их числе могу оказаться и я. Сейчас мы уже все почернели, а в часть приезжали белыми, еще месяц — и будем как негры. Вроде бы все. С праздником 9 Мая. До свидания. *Владимир*. 1 мая 1983 года, г. Иолотань».

«Здравствуйте, папа, мама и Юрка.

Пишу вам еще одно письмо. Служба идет нормально. Недавно ездили на стрельбы. Стреляли из автомата и метали боевые гранаты. Я отстрелялся плохо, но зато гранату кинул на «отлично». Сейчас у нас идет ускоренная спецподготовка, были ночные занятия. Сегодня, с субботы на воскресенье, иду в наряд по столовой. Живу нормально, здоров как бык. Всем ребятам шлют переводы, вышлите рублей 15 и небольшую посылку. Необходим пластырь, бинты, бритвенный станок. Как там твое и мамино здоровье? Как поживает Юрдос? А главное, пишите чаще.

Здесь, в Туркмении, уже картошка давно цветет, идет обработка хлопка. Сейчас у нас стоит самая жара, начиная часов с 10 утра и до 8 вечера. Сырую воду пить пока не разрешают, пьем кипяток с колючкой. Должно было быть занятие по изучению рукопашного боя, отработка ударов рукой и ногой, но этого занятия не было. Утром, как всегда, физзарядка. В воскресенье выходной день, иногда смотрим телевизор, вечерами показывают фильмы в летнем клубе.

Бабе Гале написал письмо, только не знаю, правильно ли запомнил адрес. Привет всем родным и соседям. Как там Жук с Барсиком? Если есть, то пришлите фотографию Жука. С 15 июня начинается отправка. Так что пишите скорее.

До свидания. *Владимир*. 21 мая 1983 г.»

«Здравствуйте, папа, мама и Юрка. Служба идет нормально. Недавно опять ходил в наряд, только в этот раз по кухне. Наряд оказался относительно спокойным, после него сразу же пошли спать. Сегодня были полевые занятия, бегали в противогазах по жаре, пот катился градом. У нас несколько ребят отправили в учебку в Белоруссию, одного человека — в Москву. Из нашего взвода трое ходили в увольнение в город, а я в это время был в наряде: за наряд объявили благодарность.

Одного человека из нашего взвода положили в госпиталь.

Это мое последнее письмо из Иолотани. Сегодня нам делали прививку под лопатку. Свое фото выслать не могу, денег нет. Пока все. Потом сообщу новый адрес. Отвечайте скорее. До следующего письма. 24 мая».

«Здравствуйте, дорогие папа и мама, а также Юрка! Огромный привет из Афганистана. Вот ты, папка, пишешь, что по телеку показывают, как идет борьба в Афганистане. Но на самом деле здесь все спокойно. Служба идет нормально, сейчас наша батарея занимается строительством, строим забор вокруг полка, новый летний клуб. После обеда и до развода отдых, все отдыхают...

Ты спрашиваешь, какая у меня специальность. У меня их две: наводчик БМ-21 (самоходная реактивная установка на шасси автомобиля «Урал-375») и вычислитель батареи, самое главное лицо в ней. От моих

расчетов зависит точность стрельбы всех орудий. Специальность вычислителя мною пока еще только начата осваиваться, но постараюсь добиться высоких результатов — обещаю тебе и матери. Привет всем соседям и родным. До следующего письма. *Владимир*. 15 июля 1983 г.»

Через 11 дней после этого письма Консульский отдел Посольства СССР в ДРА сообщил: «Гражданин Никитин Владимир Борисович в возрасте 18 лет умер. Причина смерти: острая сливная двухсторонняя пневмония, отек легких...».

ЕРОМЕНОК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

5.I.48—9.IX.83

Родился в деревне Красново Витебской области. Белорус. Образование высшее. Военнослужащий. Член КПСС. Женат. В Афганистане — подполковник, военный советник * начальника артиллерии пехотной дивизии афганской армии.

Данных о рано умерших родителях нет.

В 1966 году Николай Иванович окончил полный курс средней школы с производственным обучением в п. Освея.

29 августа 1966 призван в Вооруженные Силы СССР.

С 1966 по 1969 годы обучался в Ленинградском высшем артиллерийском командном ордена Ленина Краснознаменном училище по специальности: «Приборы управления».

4 сентября 1969 года Николай Иванович и Пугина Людмила Леонидовна вступили в брак. Место регистрации — Загс Выборгского района г. Ленинграда.

С 1973 года семья жила в Кемеровской области.

С 1978 года Николай Иванович учился в Военной артиллерийской ордена Ленина Краснознаменной академии имени М. И. Калинина по специальности: «Командно-штабная оперативно-тактическая».

С 1981 по 1983 годы — служба в п. Саперное Приозерского района Ленинградской области.

С 5 июля 1983 года — Афганистан, г. Гардез.

9 сентября 1983 года тяжело заболел и умер.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР — «Воину-интернационалисту».

Похоронен на гражданском кладбище в поселке Саперное.

Ероменок Людмила Леонидовна, дочь Таня и сын Сергей проживают в г. Ломоносове.

* Военный советник (военный специалист), военнослужащий, обычно из числа офицерского состава, одного государства, направленный в соответствии с двусторонним соглашением в другое государство для оказания помощи в создании ВС, подготовке военных кадров, обучении войск, освоении вооружения и военной техники, а иногда и для помощи в организации и ведении боевых действий.

Как видно из биографической справки, Николай Иванович до Афганистана служил и дома, и за границей. И когда предложили командировку в ДРА, он согласился. В эту страну он поедет пока один, без семьи. Жену, Людмилу Леонидовну, надеялся забрать чуть позже. В Афганистане его будут называть «мушавером», т. е. советником. И здесь он должен прослужить два года.

До отхода поезда оставалось пять минут. Дочь Таня сбегала за мороженым — очень хотелось папе: «Папочка мой уезжает». С мороженым в руках поцеловал детей, обнял жену и только одно слово, словно молоточек стучало в висках: «Жди-и».

«Привет из Москвы!

Здравствуйтесь, Людочка, Танюша и Сережа. Сообщаю, что жив и здоров. Сегодня ночью улетаю в Кабул. Высылаю справки. Из Кабула напишу сразу обо всем. Школы там есть только в двух местах и на них очередь, так как очень много детей. Людочка, если вы решите с матерью, что ты поедешь одна, оформление документов будет длиться 2—3 месяца. Я, конечно, очень хочу, чтобы ты ко мне приехала. Одному там очень тяжело жить. Прививок делать никаких не надо. Вот и все новости. Шоколада фигурного в Москве не нашел. Ну, до свидания.

Крепко, крепко обнимаю и целую всех — *Николай и папка*.

Большой привет Борису Ивановичу и матери. Еду я на два года. 5.07.83 г.».

Сколько теплоты, нежности, грусти было в голосе Людмилы Леонидовны, когда она говорила о Николае Ивановиче — удивительный отец, замечательный человек, отзывчивый, добрый муж.

«Привет из Гардеза!

Здравствуйтесь, мои дорогие мамуля, Татьяна и Сережа. С сердечным приветом и массой наилучших пожеланий ваш папа. Сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Пишу вот уже пятое письмо, а от вас ни ответа, ни привета.

Людочка, пойми меня правильно, ты мне очень и очень нужна для того, чтобы я остался жив и здоров. Работа для тебя есть. Людочка, я очень тебя прошу, чтобы ты приехала, так как одному здесь

очень тяжело. Место освободится в сентябре. Вот такие дела. Жить здесь вполне можно.

Большой привет Борису Ивановичу и матери. Целуй за меня детей. Пиши чаще и пусть дети тоже пишут. До свидания. Крепко вас всех целую и обнимаю. Скучаю. Люблю. С нетерпением жду ответа. *Папа*. Мой адрес...

Да, забыл: деньги тебе будут нужны. Сходи к Мише, начфину, пусть он делает приказ о выплате мне наградных за полгода, и ты получишь 150 рублей. Людочка, умоляю и прошу: меньше ходи одна за ягодами и не гуляй по вечерам одна».

«До конца дней своих Николай Иванович сохранил естественность, а здравого смысла ему не занимать, — говорила при встрече Людмила Леонидовна, — обладал чувством такта, красоты и вкуса, был вежлив, приятен в обращении с людьми. У него были хорошие манеры, уважительное и искренне доброжелательное отношение к тем, кто его окружал, а самоконтроль, самообладание помогали ему во всем».

«Привет из Гардеза!

Здравствуйтесь, моя дорогая и любимая мамуля, а также Татьяна и Сережа. Я отсутствовал более десяти дней и поэтому не писал. Когда приехал, меня ждут три письма, и одно из них от Тани. Сообщаю, что я жив и здоров. Я, Людочка, написал тебе, как ехать и добираться в Москве и что с собой брать. Но не знаю, получила ли ты письмо. Поэтому повторяю: для себя — белье и одежду, теплые сапоги и куртку. Из продуктов ничего не надо. Позвонишь, расспроси у Терехина, как к ним добраться. Желательно привезти нам маленький телевизор, еще теплых носков, перчатки теплые, два пододеяльника и две простыни с наволочками. Вызов в Москву ушел, но желательно, чтобы ты прилетела в Кабул числа 17 или позже сентября, а то раньше я не смогу тебя встретить. Танюша, большое спасибо за письмо. Ты правильно представляешь, как я живу. Только забор каменный и собаку зовут Рафик.

Таня и Сережа, хорошо учитесь и слушайте бабушку с дедушкой. Да, Людочка,

привези батареек круглых штук 20. Захвати также мою ЭВМ. Позвони Терехину и попроси, чтобы дал телеграмму на имя комдива на бронь квартиры. Тебе разрешается привезти 100 кг. Когда дадут билет на самолет, обязательно чтобы был талон на груз.

Боря, поздравляю тебя с днем рождения, от всей души желаю крепкого здоровья и долгих лет жизни. Большое тебе и матери спасибо, что взяли детей. Передавайте привет всем родным и знакомым. Людок, в Москву возьми рублей 100. Ты в Москве будешь жить пять дней до отлета. Везде используй такси. Денег не жалея. До свидания. Крепко вас целую и обнимаю. *Николай*. 4.8.83».

В каждом письме Николай Иванович общал, что жив и здоров, просил приехать Людмилу Леонидовну, привезти что-либо из нужных вещей и ни слова о войне. Простые, мирные письма сына, мужа, отца.

Как раз 9 сентября 1983 года был заказан билет на самолет, гостиница. Людмила Леонидовна собиралась взять Сережу. И вдруг это сообщение: «В возрасте 35 лет... заболел и умер...».

Какая нелепость! Мужчина в расцвете лет, подчеркивающий постоянно, что он здоров, в течение двух месяцев приходит к печальному концу. И не на поле брани. Может быть скопил гепатит? Причем он не обходил стороной и гражданских командированных. И тех, и других отправляли на родину — никакой статистики о судьбе их практически нет. Особенно в тех случаях, если после возвращения домой утекло немалое время. Какая трагическая судьба постигла полковника Николая Ивановича Ероменок? Родственники, близкие военного советника хотели бы знать истинную причину его смерти. Можно лишь однозначно утверждать: он тоже пал героем...

ЗЕМЛЯНСКИЙ ПАВЕЛ МАКСИМОВИЧ

8.VIII.39—16.IX.83

Родился в селе Нижняя Павловка Оренбургской области. Образование среднее специальное. Член КПСС. Женат. В Афганистане — капитан, начальник слесарно-механической группы отдельной вертолетной эскадрильи (в/ч 65235).

Родители: Землянские Максим Михайлович, Марина Яковлевна.

С 1947 по 1957 гг. — учился в средней школе родного села. Работал сварщиком на железобетонном заводе* 15 октября 1958 года призван в Вооруженные Силы СССР. В 1968 году направлен на службу на Дальний Восток (30 км от г. Имана, ныне Дальнереченск, Приморский край).

В 1972 году экстерном окончил Иркутское авиационное техническое училище. С 1973-го служил в группе советских войск в Германии начальником аэродромной роты.

В 1978 году семья переехала в Прибылово Ленинградской области. Павла Максимовича назначили на должность начальника по ремонту двигателей вертолетов.

С 21 декабря 1982-го — служба в Афганистане, г. Шинданд.

16 сентября 1983 года Павел Максимович погиб.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на гражданском кладбище в Выборге.

Из послужного списка:

«Капитан Землянский Павел Максимович проходил службу начальником группы отдельной вертолетной эскадрильи ТуркВО с 21 декабря 1982 года по 16 сентября 1983 года. В боевых операциях участие принимал... Начальник штаба *Фурсов*».

209 писем написала мужу Марина Ивановна Землянская в Афганистан, 210-е осталось неотправленным.

«Это было 21 сентября 1983 года, — пишет в письме Марина Ивановна, — встречает меня сын Юра с работы на вокзале в Прибылово и подает телеграмму... В ней сообщалось, что к нам приезжает Марина Яковлевна, моя свекровь из Оренбурга и старшая сестра Павлика — Зоя Максимовна из Ташкента. И тут я сразу поняла: что-то случилось! Не помню, как довел меня Юра домой. И потом ничего не помню. Так я стала вдовой. Померк белый свет без него. Не верила, что его уже нет и никогда не будет со мной. И до сих пор не верю: все жду и жду его возвращения. И так буду ждать, пока живу на земле.

Юра тоже не верит, что папы нет. Он как-то мне сказал: «Мама, мне кажется, что вот совсем скоро будет так: я иду с работы, а папа сидит на лавочке возле нашего подъезда!».

Познакомилась я с Павликом в 1965 году 25 мая на студенческом вечере в Оренбургском медицинском училище. Он пригласил меня на вальс.

— Вы любите вальс?

— Да. По-моему, вальс любят все.

Не скажу, что я Павлика очень любила. Он мне просто нравился: его внимание ко мне, угадывание всех моих желаний, цветы. В общем, он был настоящим джентльменом. Любовь моя к нему пришла через годы — большая и настоящая. Когда уходил на работу, я все время думала о нем, слышала его голос, ощущала тепло его рук. А когда возвращался домой, ждала у окна, а потом птицей летела навстречу. Мне было хорошо с ним!».

Они жили на китайской границе, в Германии, в Ленинградской области. О бытовых условиях и не думали. Во дворе колодец

с водой, огород, дрова. Мебель сделана золотыми руками мужа.

Было все хорошо. Подрастал сынишка, менялись гарнизоны, лишь любовь их крепла с каждым годом. Они просто не могли жить друг без друга.

Как-то Павел Максимович сказал жене: «Маленькая моя, у меня такое предчувствие: что-то помешает нам жить с тобой в радости и счастье долго, что-то случится». И оно случилось...

«Перед поездкой в отпуск к матери и в Афганистан, — говорит Марина Ивановна, — Павлик предложил мне проехать по тем местам, где часто бывали вместе. В шесть утра 19 декабря 1982 года к дому подкатил автобус: мы и еще двое ребят из нашего гарнизона поехали в Выборг. Трещал мороз. Мы сидели с Павликом рядом, тесно прижавшись, и молчали, а слезы у меня текли ручьем по щекам. Он молча вытирал их».

Марина Ивановна провожала мужа. При расставании на вокзале, уже у вагона, он сказал: «Я обязательно вернусь, моя маленькая, ты только жди меня и береги сына».

Первое письмо из Афганистана пришло 9 января 1983-го. Рассказывал, как доехал, какая погода, что скоро уже Новый год, это первый Новый год, когда они не вместе, Марина Ивановна отвечала каждый день. Писала, как живет, работает, о себе и сыне, обо всем. И всегда одно непременно: «Я жду тебя, милый, наша любовь остается жить». До приезда мужа домой Марина Ивановна написала ему 123 письма.

13 июня 1983 года Павел Максимович прибыл в отпуск и как раз попал на выпускной школьный вечер к сыну. Это было так неожиданно. «Две недели не расставались ни на минуточку, — вспоминает Марина Ивановна. — Мне бы хотелось еще рассказать о нашей жизни, но я понимаю, всего не опишешь».

Отрывки из собственных писем и писем Павла Максимовича разрешаю напечатать на страницах нашей Книги, чтобы люди знали, что есть на свете большая, неповторимая, одна на всю жизнь любовь».

Письма из Афганистана:

«3.03.83 г. Здравствуйте, мои курносейки! С большим приветом к вам я. Получил от вас кучу писем. Очень рад. Был перерыв из-за погоды. Сутки лил сильнейший дождь. Сейчас погода солнечная, днем тепло, мелкая трава зеленеет. Колючка тоже ветки распускает. У афганцев начинает цвести урюк, но только в кишлаках. У нас недавно только посадили саженцы, посмотрим, как будут расти.

Сегодня пришел из бани и сел за письмо. У меня, мальчиш, пока все хорошо. Со стиркой справляюсь, сейчас постелил все чистое, как напишу письмо, так пойду за стиральным порошком. Магазин работает до 9-30 вечера. Видишь, чем я занимаюсь? Даже порошок сам покупаю.

Марина, ты мне задала вопрос и говоришь, что будешь ждать ответа. Маленькая моя! Если мы прожили почти 18 лет, то, думаю, его и задавать не надо. Я же тебя люблю и не думаю представлять себя без тебя. Ты же мне самая родная! Я жду и жду писем от тебя. Отвечаю на все, правда, они приходят сразу по нескольку штук или их нет и нет. Нам хорошо виден почтовый вертолет, когда он садится...».

«15.05.83 г. Здравствуйте, мои дорогие Марина и Юра! С большим приветом к вам я. Получил сразу много писем, пишу ответ. Правда, Марина, у меня пока все хорошо. Только очень жарко. Сейчас начались ветры. Здесь это обычно. Начинает дуть с обеда и до позднего вечера. Ветер сухой, с пылью.

Соскучился, моя маленькая девочка. Выходишь из комнаты, кругом все серо, как на луне, пыль и камни, колючки. А прошло только пять месяцев. Говорят, что раньше декабря не заменят. Такие установки. Я тебя видел много раз во сне. Иногда проснусь ночью и лежу думаю о тебе, о Юре, о доме. Как успехи у Юры? Посматривай за ним. Поздравь его за меня с первым экзаменом и пожелай удачи. Вот кажется и все. До свидания, моя миленькая. Крепко тебя целую. Привет всем закомым».

Письма жены:

«12 августа 1983 года. Любимый мой! Пишу сегодня тебе второе письмо. Порой

не знаю, что со мной творится. Порой мне хочется кричать на весь мир, что я люблю тебя очень, что я просто гибну без тебя. Не знаю, чем бы я могла тебе помочь. Я отдала бы все, что у нас есть, безвозвратно, только бы тебя вернуть сейчас навсегда...

Я прошу, дорогой мой, только береги себя, не забывай об этом ни на одну минуту. Помни обо мне и сыне и знай: мы тебя ждем. И как сон пролетел твой такой короткий отпуск, ты появился и исчез. И я опять одна с твоими письмами, фотографиями и воспоминаниями, сокол ты мой ясный. Скоро праздник — День авиации! От всей души поздравляю тебя и желаю скорого возвращения домой, к нам с сыном!

Мы так ждем тебя, наш любимый и родной, и о тебе не забываем ни на одну минуточку, ни на один миг».

10 сентября 1983 года. «Еще одна суббота без тебя, родной. Письма пишу каждый день, не могу не писать, ты уж прости меня за это. Береги себя, очень береги. Ты ведь знаешь, как я жду тебя, осталось только 3 месяца. Я все считаю, пересчитываю дни, как мне хочется приблизить день твоего приезда, сокол мой.

Я так беспокоюсь о тебе, взяла б половину твоей работы на себя, помогла бы тебе. Ты так далеко от меня.

О нас не беспокойся, мы с Юрой здоровы, ждем, очень ждем тебя. До встречи, дорогой. Всегда твой *Марина, сын Юра*».

Письмо из Афганистана.

«11.09.83. Здравствуйте, мои дорогие Марина и Юра! С большим приветом к вам я. Получил, Марина, от тебя письма, из которых узнал, что у вас не все хорошо. Что-то вы, мои милые, закурносились. Это меня очень беспокоит. Почему вы себя не бережете? А мне в каждом письме об этом пишете. Марина, во-первых, береги себя, не пей холодную воду, разогревшись, и за Юрой посматривай. Кто-то из вас должен быть старшим! Новостей нет никаких, да и откуда им быть? Все новости приходят от тебя. Завтра убываю в командировку».

Семья Землянских в г. Иман (ныне Дальнереченск).
Июль 1969-го.

Письмо из Выборга:

«Ты обязательно вернешься домой, любимый. А дома отдохнешь от жары, от духоты, от всего — я создам идеальные условия для твоего отдыха. Ты должен вернуться, дорогой мой человек. Ведь ты моя мечта, моя надежда, моя любовь. Ты мой отец и мать — ты понимаешь, как много для меня значишь. И как хорошо, что ты у меня есть, такой хороший, такой замечательный человек.

Помни о нас с сыном всегда. Знай, что мы очень любим и ждем домой. До встречи, любимый мой. Всегда твоя *Марина*».

Выписка из приказа командующего общевойсковой 40-й Армии от 27 сентября 1983 года:

«Исключить из списков личного состава ВС СССР в связи со смертью капитана технической службы Землянского Павла Максимовича, начальника слесарно-механической группы отдельной вертолетной эскадрильи...

В Вооруженных Силах СССР с 15 октября 1958 года.

Выполнял боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 16 сентября 1983 года в Демократической Республике Афганистан.

Смерть связана с исполнением обязанностей военной службы. Тело для захоронения передано в Выборгский РВК Ленинградской области».

А ЛЮБОВЬ ОСТАЕТСЯ ЖИТЬ

Океаны ломают сушу,
Ураганы сгибают небо.
Исчезают земные царства.

А любовь
остаётся
жить.

Погибают седые звезды.
Серый мамонт вмерзает в скалы.
Острова умирают в море.

А любовь
остаётся
жить.

Топчут войны живую зелень.
Пушки бьют по живому солнцу.
Днем и ночью горят дороги.

А любовь
остаётся
жить.

А к тому это все, что, если
Ты увидишь, как плачут звезды,
Пушки бьют по живому солнцу,
Ураганы ломают твердь, —

Есть на свете сильное чудо:
Рафаэль написал Мадонну,
Незапятнанный свет зачатья
На прекрасном ее лице.

Значит, день не боится ночи.
Значит, сад не боится ветра.
Горы рушатся. Небо меркнет

А любовь
остаётся
жить.

С. Островой

ЛОТИЕВ ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ

30.X.47—2.X.83

Родился в Ново-Осетинской станице Моздокского района Северо-Осетинской АССР. Русский. Образование высшее. Член КПСС. Женат. В Афганистане — майор, командир мотострелкового батальона (в/ч 39676).

Родители: Лотиевы Георгий Петрович, Нина Григорьевна.

По окончании средней школы Владимир приехал в Ленинград.

1 августа 1966 года был призван в Вооруженные Силы СССР.

В 1966 году поступил в Высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище им. С. М. Кирова, которое и окончил в 1970 году. Владимиру Георгиевичу предложили остаться здесь же преподавателем.

Затем работал в Школе прапорщиков Военного округа в качестве командира-преподавателя, служил в Выборге командиром роты, командиром батальона.

29 мая 1983-го Владимир Георгиевич убит в Афганистан.

2 октября погиб, выполняя задание, выручая подразделение, попавшее в засаду.

Награжден орденом Красного Знамени.

Похоронен в Выборге на гражданском Северном кладбище рядом с умершим в 1979 году сыном.

«После Афганистана он мечтал посвятить себя охране окружающей среды, его всегда волновали проблемы экологии, — пишет вдова Светлана Петровна Лотиева. Была замечательная семья, был сынишка, был муж у меня, у родителей — внук, сын, у брата — племянник и брат, а сейчас: ... стоят два камня, холодом дыша... Так тяжело...».

Его батальон охранял дороги, по которым шли грузы для Афганистана и советских войск. Выручая подразделение, попавшее в засаду, Владимир Георгиевич погиб от пули снайпера.

«Нет сил рассказать, как я узнала о гибели мужа, о том, как мы хоронили его. Теперь отец и сын рядом. До сих пор не понимаю, как я выжила. Как часто не понимаю: живу я сейчас или это не жизнь, а что-то другое.

Был у меня хороший муж, верный друг, светлый человек. С его уходом на земле осталось намного меньше радости и доброты. Пока жива буду помнить.

Как на посту забытые солдаты, стоят два
камня, холодом дыша.
И пусть я в том совсем не виновата,
Безмерным ядом бессмысленной утраты
до пепла выжжена душа.
Часам и дням здесь не подвластно время...
Из года в год стою здесь сотни раз,
неся в душе отчаяния бремя,
От ваших лиц не отрывая глаз...

Познакомилась с ним, курсантом Высшего общевойскового командного училища, в Петродворце, у родственников. И он взял с меня слово, что через год приеду тоже поступать в институт. Когда приехала, меня встречал уже курсант-второкурсник — веселый, жизнерадостный, счастливый. Я волновалась,

а Володя был абсолютно уверен в успехе: «Поступишь, я везучий!».

И действительно, Светлана успешно сдавала вступительные, стала студенткой. И следующие три года были самыми счастливыми в их жизни.

Учился Володя легко, с интересом, в увольнение приезжал почти каждое воскресенье. Они ходили в музеи, театры, кино, ездили к родным в Зеленогорск, где их встречали всегда с теплом, а для Владимира и Светланы — радость общения в кругу друзей, родных. Жизнь казалась такой интересной и такой долгой, будущее — прекрасным.

«За 13 лет, до Афганистана, было много всего: успехи, неудачи и трудности, — вспоминает Светлана Петровна. — На моих глазах мой любимый муж и друг превратился в зрелого, вдумчивого, ответственного за себя и за других, уверенного в своих силах комбата. И офицеры это чувствовали, почти всегда называли не по званию, а «товарищ комбат».

С ним нигде не было страшно, можно было отправиться в любую неизвестность и никогда нам вместе не было скучно.

Ландыши в лесу расцветали для него на две недели раньше, чем для всех, грибы он находил даже тогда, когда их еще не должно быть и там, где и казалось не могло быть. Название многих птиц, растений я впервые узнала от него. Птиц он узнавал по голосам. Отдыхать он любил с удочкой и летом, и зимой. Обследовал, наверное, все берега залива и всех озер вокруг Выборга.

Он был романтиком и лириком, поэтому особенный отклик в его душе находили поэзия и песни Высоцкого и Окуджавы.

У Володи прекрасные родители, сейчас они на заслуженном отдыхе, проживают в Ново-Осетинской станице. Когда у нас появился сын, то Нина Григорьевна и Георгий Петрович оказывали нам огромную поддержку и помощь как материальную, так и моральную. Мы чувствовали себя защищенными этой любовью во всех сложностях устройства нашего семейного быта.

Если возникали конфликты, моя мама всегда защищала сторону Володи, а его

мама всегда поддерживала меня. Небо казалось таким безоблачным. Не подозревали, какая страшная беда нас ждала впереди, оттуда мы не ждали ее совсем.

Летом 78-го заболел наш мальчик, такой всегда здоровый. Долго врачи не могли установить диагноз — лимфогранулематоз. Полгода провела с ним в больницах Ленинграда, а потом сына не стало.

Свет померк, и если бы не Володя, не его воля, поддержка и забота, мне с моим горем не справиться. И тогда я поняла, что значит для меня муж — муж-опора, муж-защитник».

В первый год Афганской войны майор В. Г. Лотиев подал рапорт о назначении в ДРА. События в этой стране тогда не считали войной. Когда же пришел приказ о его назначении, много уже об этой войне за так называемую «Апрельскую революцию» было известно. Никаких не питал иллюзий, никакого энтузиазма не испытывал Владимир Георгиевич. Им руководило только чувство долга, присяга, честь офицера, не позволявшие искать повод для уверток и отговорок.

Они (Светлана Петровна и Владимир Георгиевич) много говорили о том, что его, их ждет. Он думал о своей личной ответственности за жизнь молодых солдат, неопытных и в жизни, и на войне.

Вспоминали споры и размышления маршала Г. К. Жукова, осуществлявшего координацию действий фронтов под Сталинградом, по прорыву блокады Ленинграда, в битвах под Курском и за Днепр. Сколько гибло людей на войне от неверных действий командиров, по неграмотности.

«Муж очень переживал, что при обучении практически не получил знаний о ведении боевых действий в горах, а ведь Афганистан — страна гор».

От Владимира Георгиевича Светлана Петровна получила более 20 писем за 4,5 месяца, полных переживаний. В них — боль, страдание за судьбу солдат, его заботило отсутствие взаимопонимания между командирами.

Лето 1983-го. В. Лотиев в сопровождении колонны из столицы «подкармливает» дынями полкового сапера.

Несколько писем мужа С. П. Лотиева передала в Книгу. В них и конкретность, и местный колорит, и явный талант.

Все они адресованы жене:

«Светуля, здравствуй!

Твое письмо шло всего 5 дней, получил я его 15 июня—это по-божески. Все пока нормально, но «матами» уже обкладывают — это здесь очень просто. Большая замена — в конце, все про все забывают, гудят. Я сменил такого, которого отстраняли от всякого рода заданий, все были предоставлены сами себе — везде провалы, за месяц не навести порядок, то, что губилось годами.

Ты правильно говоришь: тут война без линий фронта — великая беспечность, все герои, победители, сильнее всех. Занятия организуются с большим трудом. Никто не хочет бороться за свою жизнь — 10 кг надежного металла — каски и бронежилета для сохранения жизни — считают много, не носят. Я ответственен за жизнь многих, за нее спросят меня.

Идет обстрел — ни один не поклонится матушке-земле. Спрашиваешь его, а в ответ: «Ну, не попали ведь». Вот психология юнцов-героев.

Нет здесь истинных стариков времен ВОВ — опыт не передается.

Молодец ты у меня: зачитал из твоего письма своим младшим командирам поддержки, постыдил за их беспечность, сказал, что учиться надо и т. д. Пожелал им всем таких жен, как ты. Сказал: если кто увидит меня пьяным, то весь личный состав должен в этот день быть таким же. Так что не беспокойся: пьют не герои и далеко не герои, психологию таких ты должна знать, от смерти выпивкой не закроешься, а только приблизишь ее. Спасибо за советы, моя хорошая, учту. Крепко целую. Твой Владимир. 17.6.83 г.»

«Отвечаю на твои два письма с опозданием на 3 дня — нет свободного времени, да и контакта нет с новым начальством, нет настроения и не хочется ничего делать хорошего. В общем, отбивают охоту работать, но это не страшно — в обиду себя не дам. Все куда-то бегут, все прикрывают свое голое место чужими судьбами, все здесь боятся правды, вместо принятия мер — только угрозы. Неприятно, когда по традиции склоняют, хотя должен признать: солдаты здесь ни при чем. «Заматовали» их, отвыкли они от человеческого обращения, борюсь с этим злом, и есть уже маленькие результаты — командиры начинают хвалиться. Со многими беседовал, понимаю их, много обозленных, и как тут с

ними идти в бой — на спине глаз нет. Не знаю, что будет и как будет дальше, но за 20 дней, пока в должности, нервы на пределе. В комнате живу один: кровать, стол, вешалка и кругом облезлые обои, хожу в х/б, панамы, ботинки. Не привередлив, создавать условия надо самому, но не лежит душа. Дней десять писать не буду, так что перерыв может быть большой. Будет все нормально — значит напишу.

Отнесли меня в ранг «нетребовательно», потому что не ору и не бью...

Пишу через день — сегодня 23.06 — после операции подаю рапорт о переводе в другое место, а пока готовлюсь. За меня не волнуйся, думаю, все будет нормально. Никому еще не писал. Всем привет. Крепко тебя обнимаю, жди меня, и я вернусь... Твой *Владимир*. 23.VI.83 г.».

«Получил твое письмо, вернее сразу два, и от родителей тоже, но ответить сразу не мог, так как были на операции. Почту в район нам доставляли, но условий и времени на ответ не было. У меня все нормально — получил боевое крещение — глаза сузились до нормальных: ругался матом, складывал предложения, подчиненные понимали, начальство сказала (когда я им сказал, что я не привык и не умею ругаться): за 2 года научишься! Не знаю, насколько правильно, но задачу подразделение выполнило, и потерь у меня... нет. Всего не рассказать, это очень трудные дни — все реально, повторить, если что не так, нельзя, как это у нас в Союзе. Подчиненные действовали хорошо, взяли в горах склад с оружием, боеприпасами, медикаментами, самое главное, документы банды Гульбудина. Это и мой противник. Банда ушла, предупредили ее — я точно выяснил, когда перевели все документы — официальное извещение. Работы по этим документам будет много — денежные ведомости, где только 5—6 подписей, а остальные оттиски указательного пальца, весь руководящий состав и много другого об этой банде. Базу его, продовольственные склады уничтожили полностью. Снабжение идет банде со всего мира: мины — итальянские, минометы — американские, медикаменты — китайские, японские, ФРГ, обслуживающий персонал — английский, и кого только здесь нет!

Дороги минируют, маршруты отхода тоже. Плохо мы работаем по выявлению мин, часты подрывы. У меня было несколько — итальянских — у них корпус пластмассовый (миноискатель не берет), хорошо без жертв. Машины наши хороши, держат взрыв хорошо, улетают колеса, пехота испугана. Бояться приходится фугасов, это очень плохо, как правило. Поэтому в движении — все на броне, люки раскрыты. Это уменьшает вероятность поражения от мины. Я не пугаю, рассказываю, как действуют бандиты.

Мы, конечно, сильнее, но действуют они всегда неожиданно, в короткое время обстреляют, затем уходят, а нам на технике туда не пройти. Я здесь не один, опыт передается, только не допустить паники. Сегодня закончим. Подвели итоги, но уже без меня. Пишу из Кабула, переучивают — буду командовать горным подразделением. Это значит, горы и только горы — операции все мои, а гор-то я и не знаю. Пиши чаще, мне, правда, иногда, а точнее часто, некогда, у нас нет выходных, весь день в заботах и проблемах. После этого письма опять будет перерыв, потом напишу. Написал домой на Кавказ — меньше друг другу пишите о том, что кругом говорят об обстановке в ДРА. Я личный свидетель — верьте мне, много говорят неправды.

Всем привет, твой *Владимир*. 3.7.83 г.».

«Немного появилось свободного времени, решил всем ответить. Пока все нормально, стал спать без кошмаров, появилась уверенность в своих силах, начали говорить со мной спокойным тоном, иногда ругают, но это во мне уже не задерживается: знаю, что мне надо, и делаю свое дело. Получил ответ с Кавказа: благодарят тебя за посылку, а с отпуском... осталось всего 10 месяцев до встречи на родной земле. За работой забываешь обо всем — время бежит быстро — крутишься, выкручиваешься, одним словом, приспосабливаюсь... Знаю, моя хорошая, как тебе там одной плохо, да и я тебя еще огорчаю: терпи, встречи будут дороже. Много земляков с Кавказа, командир соседнего батальона родом из Орджоникидзе. Командир взвода у меня осетин — отправил его в отпуск, передал своим привет, заедет обязательно к родителям. В ос-

новном жизнь и быт налажены, но похудел так кг на 16 не потому, что есть нечего, а просто не хочется есть сухую кашу с надоевшей тушенкой, опротивела просто, хотелось бы свежих овощей, но их где-то перехватывают. Доппаек дают — сгущенку, сахар, икру кабачковую, сколько хочешь рыбных консервов, иногда перекусишь, если не успеешь в столовой, а так консервов горы и никто на них не зарится. Лучший деликатес — чеснок, первая заявка для отпусника — дышим друг на друга и не противно.

Я тебе уже написал: начинаем водить колонны на Кабул и обратно, месяц будет сложным, элементов неудач и удач много, точнее, равное количество, хотелось бы больше удач и везения. Дорога длинная, опасная, много нужно предусмотреть. Все лезут из БТР наверх, на воздух, не знаешь, где лучше: внутри опасно от мин, наверху — от стрелкового оружия. Вот и приспособливаешься, кому как безопасней, да еще жара — сбрасывают бронезилеты, да и каска на голове — не подарок. Я предпочитаю быть на броне, нужно все видеть и «обрабатывать» опасные места. Думаю, должно быть все хорошо. Вот пока и все о моем положении и наших задачах на ближайшее время. Спасибо за поддержку. Пиши. Твой *Владимир*. 29.7.83 г.»

«Стало на душе спокойней от твоего письма — раз получаешь, значит, со всех сторон нормально. У меня, можно теперь уже уверенно сказать, все нормально, иногда еще ругаются, но без злобы и унижения... Я не «сачок», работу знаю, правда, срок небольшой для больших перемен. Не у меня одного были осложнения с командиром, методику его работы многие из нас увидели сразу — ошеломить, разделить на одиночки, стравить управление с командиром (это уже удалось). Так, конечно, долго не может продолжаться, эта методика порочна. У всех опускаются руки, требовательность нужна — мы понимаем, но унижать человеческое достоинство — права не дано никому. Больше об этом не хочется писать. Да, за последние годы мозги мои освободились (лишились) хороших качеств — быстро соображать, думать, предугадывать. Теперь тяжело восстанавливать эту функцию го-

ловы. Ты права, нужно найти свою вину, ошибки и вырабатывать ответные реакции. И чем быстрее, тем лучше. Почему загубились такие хорошие качества, как предприимчивость, любознательность и другие? Многое мне интересно, но времени из-за нашей службы на расширение кругозора нет. 15.8.83 г.»

«Когда придет это письмо, исполнится три месяца моего пребывания в составе ограниченного контингента войск в ДРА. Если честно, то время пролетело быстро, хотя, когда смотришь вперед, то как долго ждать встречи с тобой. Почти каждый день видишь счастливые лица уезжающих в Союз, с каким удовольствием дают себя выкупать в нашем бассейне маленьком, на четыре кубометра. Заведена такая традиция: всех отъезжающих в любое время года купать в обмундировании без предупреждения, за руки, за ноги и туда — все довольно.»

Посылаю солдатские изречения: «Армия — это школа, в которой как ни учишься, на второй год все равно оставят». Солдаты в большинстве так и делают: первый год служат — потом заставляют за себя все делать молодежь. Для нас самая трудная борьба, это борьба против неуставных отношений.

Хочу тебя попросить присылать мне материалы на интересующие нас темы, я тоже буду учиться. Итак, за работу, будем работать вместе.

У меня прошла пора акклиматизации, пока все нормально, держусь. Сейчас у нас идет строевым шагом гепатит — уже многих уложил — сейчас из замов нет никого, все болеют, остался один замначальника штаба, вдвоем и рулим. Надеемся продержаться, регулярно употребляя чеснок, может быть поможет. По идее питались из одной чашки, пили из одной банки, правда, скрытый период за 40 дней. Уберечься практически невозможно — надежда на организм, на его защитную функцию. Насморк здесь хватают просто, ангиной болеют, как и у нас в Ленобласти, часто. Есть и другие очень плохие болезни, о которых тут не вспоминают. Завтра опять ранний подъем. Твой *Владимир*. 17.08.83 г.»

«Сегодня 22-го, вечер, пришли с сопровождения, в ушах звенит, все нормально. Бронежилет всегда на мне, примером служу образцовым, никогда не снимаю, трусом себя не считаю — не геройство получить дурную пулю. До солдат истину довожу, так что не беспокойся, мне жизнь не в тягость, нам еще много нужно. Очень хотелось бы просто в лес, просто подышать, соскучился по нашей природе... Будешь на кладбище, Диме от меня поклонись, а сказать, что Светуля, не знаю... я понимаю, помню, ну, а если чего со мной, то инструкций не даю, считаю, что рано. Твой Владимир. 22.8.83 г.»

«Получил сразу 3 письма, но ответить не представлялось возможным в течение почти недели. Вина моя и обстоятельства складываются явно так, что нет сил бороться против несправедливости. За то время, как прибыл новый командир, никто в свой адрес не слышал доброго слова, а я за все время службы не получил столько упреков, сколько их накопилось за месяц.

Батальон рвут на части — стройка, наряды, сопровождения, команды строительные, командировки — не батальон, а растопыренные пальцы, нет и не будет возможности, наверное, в ближайшее время собрать все в кулак. Все это видят, знают, что необходимо собрать, организовать занятия, я об этом говорю и требую, но спрос только с меня. Пытаюсь сдерживаться, не обращать внимания не получается, не могу себя заставить относиться ко всему спокойно.

...Обстановка здесь не «союзная», мерки другие: за все в ответе старший командир. Их меняют очень часто и, чтобы удержаться, просто необходимо топтать нижестоящих ногами, проявляя так называемую требовательность, ничуть не заботясь о моральной стороне. Понимаю, но не могу так — это же люди! Ну, вот «нажаловался» и, оказывается, не все так плохо. Осталось немного. Труднее было начинать, прошло уже почти 2 месяца, кое-чему научился и на всю жизнь. Береги себя, у нас с тобой еще много нужных дел. Газни. 2.9.83 г.»

«Прибыли с сопровождения. Все живы, здоровы. Сегодня интуиция сработала: не

пошел по маршруту, пока не выбил саперов. Отъехали километров пять, поймали саперы небольшой сюрприз — осталась БМР (боевая машина разминирования) без катка и обуви, успели за ночь «духи» поставить мину. Обошлось, никто не пострадал. «Случилось» это (не случай, а запланированная акция. Вчера в Газни отмечался праздник — День независимости пуштунов) недалеко от крепости, стоящей в полукилометре от дороги. Вижу, наблюдают за результатами своей «работы» — злость взяла, дал очередь поверх, вмиг попрятались — запрещено, а они наглеют, под носом ставят. С подрывами уживаемся, технику восстанавливаем быстро. Так, что здесь, Светуля, пока все нормально, не считай эти слова пренебрежением к осторожности, я все помню.

Сопровождение продлится долго, пока все роты не пройдут до месяца по этому маршруту, как раз до Нового года, а там — все сначала. Узкая специализация горного батальона. Постригся под «нулевку», усво тоже не ношу, волосы мешают, да и после дороги их не расчесать, все превращены на голове в комок. Ну, это ты уже видела на фото...

Сегодня 2-е сентября, но здесь солнце палит нещадно, жара будет до октября — зима, говорят, суровая и бывают морозы до -30° . Уже готовимся к ним, ремонтируем модуль, кочегарку, утепляемся. Кормят отвратительно, ажио тошнит. Солдаты иногда угощают своей стряпней, то оладий напекут, то вареников из ворованной картошки или яблок или одной картошки с тушенкой наделают — вот немного в желудке и есть. Пронырливые у меня связисты, не пропадем. 2.09.83 г.»

«Все нормально пока, иногда, правда, еще перепадает, но не ошибается тот, кто ничего не делает. А я, по крайней мере, стараюсь что-то делать. Представление ушло из полка 20, т. е. сегодня, командир подписал — дали почитать: ни одного слова худого, даже удивился про себя, ведь ходили в «штыковку». Так меняются взгляды на человека — хорошо, когда требовательность и справедливость рядом. Завтра должны были идти на сопровождение, но после того, как я отдал все указания на подго-

Семья майора В. Лотиева: первый ряд — отец Георгий Петрович, сын Дима, мать Нина Григорьевна, второй — брат Александр Георгиевич, жена Светлана Петровна и сам Владимир Георгиевич.

Могила В. Г. Лотиева.

товку и начал выгонять технику, дали команду «отставить». Так и служим: стой там, иди сюда!.. Мыслей почти никаких — в голове пусто, сегодня хандрю, завтра будет лучше, потом и напишу, но это пусть идет — я, правда, устал, не могу дать себе отдыха, все время занят. Всего тебе добро-го, моя хорошая. Привет не шлю. До встречи в письме... Целую, твой *Владимир*. 21.9.83 г.».

2 октября 1983 года колонна батальона, следовавшая из Кабула в пункт дислокации, у населенного пункта Сурпуль была обстреляна. Организовав отражение нападения противника, майор Лотиев В. Г. принял все меры по выводу людей и техники из зон обстрела. Был дважды ранен, но продолжал руководить боем, пока не потерял сознание.

«Я знаю, мой муж, Владимир Георгиевич, — пишет Светлана Петровна, — был

очень честным офицером в главной сути своей, любивший работу до самозабвения. Он был очень хорошим человеком и заслуживает, действительно, самых добрых слов и светлых воспоминаний. Я никогда не думала, что мне будет трудно рассказать о Володе, я его знала лучше всех. Хочу, чтобы вы меня поняли, сказали добрые слова о нем, обо всех загубленных молодых людях, их близких, обо всех нас — обездоленных, потерявших всякую надежду на счастье, лишенных смысла существования, порою обозленных. Ведь за всем этим люди, судьбы. И если «мертвые сраму не имут», то о живых этого не скажешь. Но вот, что я думаю, если мы не напишем все по правде, как было ТАМ, то имеем ли мы право на полуправду, на умолчание — нет. Добра всем!

С. Лотиева,
август 1993 года».

АЛЕКСАНДРОВ ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ

2.IV.54—11.X.83

Родился в поселке Дружная Горка Гатчинского района Ленинградской области. Русский. Образование высшее. Женат. В Афганистане — гвардии капитан, командир десантно-штурмовой роты (в/ч 71176).

Родители: Ивановы Леонид Александрович, Мария Николаевна.*

10 школьных лет провел Леонид в Дружной Горке.

1 августа 1971 года призван в Вооруженные Силы СССР.

В 1971 году поступил в Ленинградское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище им. С. М. Кирова в Новом Петергофе. 5 лет службы на Дальнем Востоке, затем Калининградская область.

Государственную границу из СССР в ДРА пересек 17 июня 1983 года. Принимал участие в 4-х боевых операциях.

Погиб 11 октября при выполнении боевого задания.

Награжден орденом «За службу Родине в СССР» (3 степени), орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «За безупречную службу».

Похоронен на гражданском кладбище в поселке Дружная Горка. Школа, в которой он учился, носит его имя.

Рассказы о школьных годах Леонида Александрова прислали учителя Л. В. Соколова, Б. Л. Шехет, классный руководитель Всеволод Петрович Страгонов. В каждом звучала боль и сожаление: не сумело родное государство сохранить жизнь солдата — отняло сына у матери Марии Николаевны, отца у дочери Олеси Леонидовны, мужа у жены Натальи Михайловны, а у всех нас — настоящего человека.

В одном из этих писем:

«Я не была первой учительницей Лени, не была его классным руководителем. С 5 по 10 класс вела в их классе биологию. Все эти шесть лет Леня учился хорошо. Обыкновенный мальчик, разве что не приносил никогда огорчений учителю, как ученик. Ровно, без срывов, занимался и поведение всегда было безупречное. Лучше всего помню его в выпускном. Сосредото-

ченный, внимательный, слушающий, ни на минуту не отвлекающийся... И это при том, что собирался в военное училище и, казалось бы, не так нужна ему биология, а он увлекался и ею. Если через 20 лет помнишь ученика (а сколько их было за тридцать лет работы?), факт говорит о многом. Только очень жаль, что приходится лишь вспоминать о таких учениках».

О том, что по решению поселкового Совета дружнгорковцев славному сыну Отечества открыта мемориальная доска Почета с именем Александрова Леонида Леонидовича сообщил в своем письме участник Великой Отечественной войны, разведчик Ипполитов Виктор Васильевич.

Из служебной характеристики капитана Леонида Леонидовича Александрова, командира мотострелковой роты войсковой части 61905: «Окончил Ленинградское высшее общевойсковое командное училище имени С. М. Кирова в 1975 году. В Советской Армии с августа 1971 года. За время

* М. Н. Иванова умерла осенью 1995 г.

прохождения службы в должности командира роты капитан Александров Л. Л. показал себя дисциплинированным, исполнительным, трудолюбивым офицером. Постоянно заботился о высокой боевой готовности, укреплении воинской дисциплины в роте. Занятия с личным составом проводил на высоком методическом уровне. В тактическом отношении — грамотный офицер. Войсковой ремонт, эксплуатацию и порядок хранения боевой техники и вооружения организует правильно, своевременно проводя все виды технического обслуживания боевых машин. Постоянно совершенствует технические, теоретические знания, умело применяет их в служебной деятельности. Принимает активное участие в общественной жизни подразделения, остро реагирует, принципиально поднимает вопросы нарушения воинской дисциплины, строго спрашивает с подчиненных за халатное отношение к службе, любит работу с техникой. Постоянно вникает в быт и жизнь подчиненных. Пользуется заслуженным авторитетом у начальников, командиров и подчиненных. В строевом отношении подтянут. Физически развит хорошо. По характеру выдержан. К порученному делу относится вдумчиво и серьезно, проявляя разумную инициативу и деловитость. Имеет ряд поощрений от командования батальона и части. Морально устойчив, в быту скромен. Хороший семьянин...

Вывод: занимаемой должности соответствует. По своим моральным и деловым качествам достоин направления для прохождения службы в войсках, находящихся за границей.

Командир мотострелкового батальона в/ч 61905 гвардии майор *Селищев*. 15 марта 1983 года. Подполковник *Гладков*».

Всего четыре письма из Афганистана получила мама, Мария Николаевна, от сына.

«Здравствуй, дорогая мама!

Письмо твое получил, за которое огромное спасибо. Извини, что не сразу смог дать ответ, очень много работы. У меня дела идут нормально, все в порядке, жара чуточку спала, сейчас на солнце всего +67°. Фруктов тут много. Виноградом и

дынями уже объелся, даже смотреть на них не могу. В сентябре поспевают гранаты, а еще позднее — мандарины. Почему ты о себе ничего не пишешь?.. Пиши больше о себе. На этом буду кончать, завтра надо рано вставать, много работы. Передавай всем привет. До свидания. Целую. *Леонид*. 13.8.83 г.».

«Здравствуй, дорогая мама!

Получил от тебя два письма, за которые огромное спасибо. Извини, что не смог сразу ответить. Дела у меня идут нормально. Все в порядке. Только вот жалко, что Олеся заболела желтухой. Правда, Наташа пишет, что в легкой форме. В остальном все в порядке, только много работы. Передавай всем привет. На этом кончаю, завтра рано вставать, так что извини меня, пожалуйста, что мало написал. До свидания. *Леонид*. 8.9.83 г.».

11 октября 1983 года. Выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб капитан Александров Леонид Леонидович.

«Пока мы живы, будем помнить о НЕМ» — Наталья Михайловна и дочь Олеся Александровы (г. Гатчина).

Письмо из десантно-штурмовой роты от 28 марта 1984 года:

«Здравствуйте, уважаемая мама капитана Александрова! Пишет вам ответное письмо рота, в которой служил ваш сын. Нам очень приятно, что вы не забываете нас.

Капитана Александрова у нас помнят. В роте четыре земляка вашего сына. Трое живут в самом городе: двое на Гражданке, один в Петроградском районе, четвертый — в Ломоносове.

Получив ваше письмо, командир роты зачитал его перед всем личным составом роты. Ваши письма и поздравления всегда зачитываются для всей роты — либо утром после развода, либо вечером, на вечерней поверке.

Теперь немного о нашей жизни.

19 марта вернулись с очередного рейда. Находились в нем 8 дней. Задачи, поставленные командованием, выполнили на «отлично». В роте не было потерь. Многие сержанты и солдаты представлены к правительственным наградам — медалям «За отвагу», «За боевые заслуги», ордену «Красная Звезда».

После рейда потекла обычная армейская жизнь. В первую очередь обслужили свою боевую технику, оружие: вычистили, смазали, подготовили к следующей операции. Параллельно наводили порядок в расположении роты: мыли полы, вытряхивали одеяла, подушки, матрасы. После нас повели в баню.

Недавно к нам приезжал Белорусский ансамбль песни и пляски Краснознаменного Белорусского округа. Он выступал в клубе 3 вечера подряд. Концертная программа у них хорошая. Нам понравилась. Каждый вечер в клубе показывают кино. Клуб большой, хороший, построен руками солдат. Вообще все, что у нас есть, сделали солдатские руки.

Погода у нас сейчас очень теплая. На улице жарко, душно. Постоянно хочется пить. Уже зеленеют деревья, вырастает молодая трава.

А как у вас идут дела? Как ваше здоровье? Пишите нам. На этом заканчиваем. До свидания. С уважением рота вашего сына, капитана Александрова.

Сообщите нам, пожалуйста, свое имя и отчество. Еще раз до свидания».

Наталья Михайловна, вдова, вспоминает день, когда она просталась, словно это происходило вчера: «Да, пожалуй, и вся наша совместная жизнь прошла так быстро. На прощание Ленечка хотел улыбнуться, а глаза такие голубые-голубые, полные слез: «Натка, не плачь, береги мою капельку, слышишь, береги мою доченьку». И теперь память не дает покоя: вот он бежит с рыбалки счастливый: «Натка, Олеся, смотрите, сколько я рыбы наловил!».

«Наташа, мы будем с тобой служить в 4 километрах от китайской границы». И служили. Все было: и трудности, и радости, и суровые зимы, замерзали колонки с водой, часто привозная вода. Но это не пугало. Мы понимали, что трудности уйдут, подрастет дочь, со временем получим квартиру со всеми удобствами. Пять лет пролетели, пришла замена. И мы уже в Гвардейске Калининградской области.

В 1983 году на нашем жизненном пути встал Афганистан. Леня жил так, словно торопился. Пока мы живы, будем помнить и хранить память о нем.

На мраморной плите Леонида Леонидовича всегда живые цветы, он их так любил.

Свой рассказ о муже хочется закончить словами:

«Ты праведно жил,
воевал безупречно,
души моей свет — Леонид».

Строки из письма учительницы начальных классов Т. А. Тылесовой:

«Своих малышей мы выводили на дорогу знаний, учили их читать, писать, считать, но, главное, любить Родину, свой народ, родителей. Этому я учила и Леню Александрова, маленького мальчика с голубыми глазами.

Доверчивый, знающий точно, что его любят и никто не причинит ему зла. Знания получил прочные, мечту стать защитником Отечества осуществил. Перед отъездом в ДРА забежал в школу и его слова: «Там проходит граница моей Родины, наша граница», и мои слова: «Береги себя, Ленечка!», словно застыли на пороге, когда в

Памятник Л. Л. Александрову в г. Гатчина.

поселок пришла весть о трагической гибели Лени. Так больно писать мне, первой учительнице, о своем ученике, погибшем в Афганистане, в чужой непонятной стране. За что, за кого, во имя каких идей и целей отдал молодую жизнь свою Л. Л. Александров?

Мать рождает дитя в надежде на счастье, опору в старости. А что она имеет сейчас? Могильный холмик, бесконечные страдания и слезы о бесцельной утрате. Никто не может утешить, никакие слова не ободрят ее. Невысказанная горечь, безутешное молчание тяжелым камнем легли на сердце!

Осенью 1995 года ушла из жизни мама Леонида Леонидовича. Не дождалась, к сожалению, Мария Ивановна выхода этой Книги. Бедные наши матери, отцы.

Бедные наши мальчики! Что они испытали в те 1979—1989 годы? Что ждет их в этой суровой действительности? Нашим руководителям стоит об этом подумать!».

**ГОРЯЕВ
АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ**

20.XI.63—7.XI.83

Родился в Выборге Ленинградской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. холост. В Афганистане — младший сержант, командир, пулеметчик отделения (в/ч 71176).

Родители: Горяевы Валентин Васильевич, Галина Ивановна.*

По окончании восьми классов учился в СГПТУ № 214 Выборга, автослесарь.

В октябре 1982 года призван в Вооруженные Силы СССР Выборгским ОГВК. По окончании школы десантников направлен в ДРА.

29 апреля 1983 года Андрей пересек границу. Служил в Кандагаре. Неоднократно принимал участие в боевых операциях.

7 мая ранен в спину. Пролежал в медсанбате три недели, снова вернулся в часть.

6 ноября ранен в тяжелом бою. На следующий день скончался.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа».

Похоронен на гражданском северном кладбище поселка Кангас Выборгского района Ленинградской области.

Залив Лазоревый, бухта Радуга. Такие замечательные названия. Когда-то в них купался и ловил рыбу Горяев Андрейка. В пять лет он хорошо ходил на лыжах, преодолевал десять километров каждый выходной, когда всей семьей отправлялись на дачу. Шел первым и таким был счастливым.

Из письма Галины Ивановны Горяевой:

«С 7 класса и до окончания технического училища сынок летом работал. Получку принесет: «Мама, правда я тебе помогаю?». Во дворе ребята его любили. На даче с отцом строил дом, как большой, помогал очень, был ловкий в работе. Сажал яблони и спрашивал: «А когда будут яблоки?»».

И вот яблоки есть, а Андрюши нет.

Пошел в армию, только и наказывал: «Берегите маму!» Душа у него добрая».

Кузминцев В. Н., директор СГПТУ, писал:

«Андрей участвовал во всех делах группы и училища. Его любили за добрый, отзывчивый характер, уважительное отношение к людям. Он был красивым человеком».

Галина Ивановна ездила к сыну на призыв в Ашхабад в декабре 1982 года. Тогда замполит сказал ей: «Спасибо, мать, за сына».

В письме (сентябрь 1983 года) Андрей сообщал, что его отделение уходит в рейд. Из этого, последнего рейда, Андрей Валентинович не вернулся.

6 ноября 1983 года во время боя мотострелковая рота встретила ожесточенное сопротивление противника. Отделение, которым командовал мл. сержант Горяев А. В., заняло позицию и приняло бой, в котором Андрей Валентинович получил тяжелое ранение.

* Г. И. Горяева умерла летом 1996 г.

БАЛАНДИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

3.VII.52—15XI.83

Родился в поселке Ключевое Выборгского района. Русский. Образование специальное среднее. Женат. В Афганистане — прапорщик, бортовой механик на вертолете МИ-6 (в/ч 70419).

Мать: Баландина Любовь Павловна.*

Учился в мореходной школе. Специальность — матрос I класса. Работал на Глебы невском экспериментальном заводе.

3 ноября 1970-го призван в Вооруженные Силы СССР. Служил в инженерных войсках. Переквалифицировался на механика-водителя путепроводчика.

Действительная военная служба прошла в Туркестане, г. Кушка. После демобилизации поступил в школу прапорщиков и мичманов в поселке Лебяжье. Так и стал военным. Должность — авиационный механик группы обслуживания вертолетов и авиадвигателей.

С 1978 года бортовой механик на вертолете МИ-6. По 1982 г. налетал 1869 часов.

С 29 августа служба в ДРА, в составе эскадрильи МИ-6.

15 ноября погиб во время полета по доставке материальных средств и горючего действующим войскам.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «За безупречную службу в ВС СССР» 3 степени.

Похоронен на гражданском кладбище Приморска Выборгского района.

По-разному приходит слава, по-разному складываются судьбы. А у Александра Ивановича судьба невозвратившегося с афганской войны.

«Эскадрилья прибыла в Кундуз 5 сентября. После улыбающихся зеленой гладью озер Ленинградской земли, выжженная солнцем земля Афганистана показалась неприветливой и чужой.

Никто из эскадрильи не мог предполагать, что десять процентов личного состава останется здесь навсегда, выполнив воинский долг до конца, спасая товарищей, но погибая», — строки из письма Александра Ивановича.

Ей ли, Баландиной Любви Павловне, не знать, что такое сиротство, что такое война? Сама с 9 лет росла без отца и матери,

*Л. П. Баландина умерла в июле 1996 г.

воспитанием ее занималась сестра — Мария Павловна. Ей ли не знать, что такое война, когда ее в Великую Отечественную угнали из-под Павловска в Германию. А сын ее, Сашенька, не вернулся с другой, афганской войны.

«Сегодня на земле
Есть такое трудное,
Такое стыдное,
Почти невозможное, —
Такое трудное:
Это поднять ресницы
И взглянуть в лицо матери,
У которой убили сына.
Но не надо говорить об этом». —

З. Гунпиус

Его дочери, Ирина и Ольга, остались без отца. И только письма — светлая память о нем, о родном и близком человеке.

Письма Александра Ивановича полны нежности, любви к своим близким:

«Здравствуйте, мои дорогие Танечка, Оленька, Иришка и Мама! Танечка, получил вот уже три письма, но ответ пишу только сейчас. Не обижайся, пожалуйста, любимая моя. Сейчас снова летаем. Летать приходится со всеми, не только с Федоровым. Вставать надо в 4-00. И так почти каждый день: здесь выходных нет. Каждый день светит солнце, вот и сегодня температура +35 в тени. Жарко, пить хочется. Другой раз пью много, ем очень мало. Хочу похудеть, но пока еще не видно. Утром и вечером каши дают, да еще чай. В обед немного поешь — и все. Ну, ничего, вытянем. Сейчас бы картошечки жареной с грибочками. Но придется потерпеть немного. На вертолете полно консервов рыбных в томате. Иногда перекусываем, так что жить можно. Обо мне не беспокойтесь, все будет хорошо.

Девочкам передай, чтобы побольше сидели за учебниками...

Танечка! Письмо от Ткаченко было, что ли? Или ты только адрес послала? Я очень по всем соскучился, а еще прошел всего лишь месяц. Ничего, пролетят и остальные. Здесь только число знаешь, а какой день — нет, не интересуется. Все дни рабочие. Спасибо за письма. Буду писать чаще. Не расстраивайся, любимая. До свидания. Передавай привет знакомым. Крепко целую. *Саша. 27.09.83 г.*».

«Праздник 7.11, мы не работали и не летали, а другие — летали. Был отдых, но лучше бы летать. Скучно сидеть здесь, в модуле, хотелось очень домой. Но теперь снова началась работа без выходных. Это и лучше — время летит быстрее. Вечером 7 — концерт. Выступала Людмила Зыкина. Она простая русская женщина — и пела, и поговорила. Все остались довольны. По три концерта в день дает она здесь. А перед ней приезжала Роза Рымбаева, но та похуже концерт дала. Говорят, должна скоро приехать Эдита Пьеха. Посмотрим, если удастся. Но концерты изредка, а в основном — работа. Ну это к лучшему, время пролетает. Вот уже и ноября половина прошла. Ну, ладно, что это я, вы и сами все знаете...

Как вы себя чувствуете? Не болейте, прошу вас. У нас здесь прохладно только ночью и изредка — днем. Сегодня было +27°. Шел уже снег или нет еще, морозы есть? Ну, вот и все. До свидания. Крепко целую всех. *Саша*».

Из рассказа Татьяны Васильевны Баландиной, вдовы:

«Это случилось 17 января 1983 года. У нас в Прибылово погиб экипаж вертолета Юрия Костырко. И тогда я сказала Саше: «Уходи. Работай на земле». В ответ услышала: «Таня, уйду я, уйдет другой, но кто-то должен летать. И я буду делать свою работу». А через десять месяцев...

Очень больно говорить об Афганистане, сколько бы лет не прошло. Эта боль постоянно живет в нас. Мы ведь жили надеждой, получая письма Саши из ДРА. Муж писал: приходится много работать, но ничего, дескать, скоро увидимся. Ждали отпуск, жили письмами. Он писал: должна приехать Пьеха, но... Концерт Эдиты не состоялся — в этот день погибли наши боевые товарищи, и «Огромное небо» Э. Пьеха пела в госпитале для эскадрильи, для оставшихся в живых».

Многое вспомнила Татьяна Васильевна, говорила о десяти счастливых годах, прожитых вместе, и десяти годах, но уже без него, надежного человека, внимательного, заботливого сына, нежного доброго мужа и отца, замечательного человека. Была хорошая дружная семья...

Остались только письма:

«Здравствуйте, мои любимые, дорогие!

У меня все по-старому, чувствую себя прекрасно. Летаю каждый день. Здесь тоже начинается осень. Дни становятся короче и начинает дуть «афганец», ветерок нормальный, который гонит песок, пыль и в воздухе один песок, в 200 метрах плохо видно. Танечка, письмо получил, а вот посылку нет. Вчера Котов был в Союзе, но ее еще не было. Спасибо, что выслала, мне пригодится, все кстати. Сегодня уже надели демисезонку: прохладно и ночью шел дождь. А почва глинистая, ходить плохо. Я очень рад, что дочи учатся хорошо. Молодцы, мои роднульки. Соскучился по всем-всем. Когда нет письма, вроде и не

А. И. Баландин (второй слева) с боевыми друзьями. Афганистан, 1983 г.

так хочется домой. А когда письмо приходит, тогда хуже. Ну, ничего, уже осталось немного. Вот прошло полтора месяца, и осталось еще немного. 13.10.83 г.».

«Миленькие мои, здравствуйте!

Получил сегодня целых два письма (в одном). Спасибо большое. Сразу немного о себе. У меня все по-старому. Траву не пью, таблетки не глотаю, кашу не ем. Домой приеду как и все, живой. По вечерам картошечку едим. А вот летать приходится с утра до вечера. Не беспокойтесь, пожалуйста, за меня, все будет прекрасно. Погода у нас стоит нормальная, осенняя, правда, не как в Ленинграде — без дождей. Ночью встанешь — уже прохладно, надо надевать куртку, и вечером тоже. А днем солнышко светит, пригревает. Ну вот и все о себе.

Если долго не будет писем, не расстраивайся, ничего страшного. Просто другой раз приходишь поздно вечером и сразу хочется лечь отдохнуть. А так у меня все отлично. Привет родным и знакомым, о своей жизни писать больше нечего, все одно и то же. До свидания. Крепко целую всех. *Саша*».

Татьяна Васильевна говорила, что все эти годы она жила так, будто Александр Иванович был рядом. Ее может понять тот, кто сам пережил такое горе.

Девочки учились. Училась с ними и у них сама.

Конечно, каждой матери хочется видеть детей счастливыми, в том весь смысл жизни. Когда девочки были совсем маленькими, Татьяна Васильевна заходила в спальню, смотрела на спящих и ловила себя на мысли: как хорошо, что у девочек есть отец, их хороший папочка.

Афганистан... Он перевернул жизнь всем тем, кто с ним «столкнулся». Случилось это и в семье Баландиных.

Из документа Выборгского военкомата:

«...выполнял боевое задание, верный военной присяге, погиб прапорщик Баландин Александр Иванович. Награжден орденом Красной Звезды».

15 ноября 1983 года Александр Иванович был в составе экипажа майора В. И. Михайлова бортовым механиком. Этот день начался как обычно. Экипажи, получив задание, разлетелись по точкам. При возвращении из Файзабада* вертолет майора Михайлова обстреляли душманы из ДШК, в результате повреждено рулевое управление. При выполнении посадки вертолет резко развернулся влево и с большим креном упал на землю. При ударе вертолет начал разрушаться и загорелся. Александр Ива-

* Центр провинции Бадахшан.

нович Баландин и бортовой механик Концевич Владимир оставались в машине. Так и оборвались их жизни. Командование и политический отдел вертолетного полка с глубоким прискорбием сообщили, что Баландин Александр Иванович погиб. Его боевые товарищи: майор Шам Виктор Клементьевич, майор В. Алесейко и бортовой техник капитан Водолажский Игорь Павлович прислали свои соболезнования семьям погибших.

Из рассказа Татьяны Васильевны:

«Нам очень плохо без Александра Ивановича, первое время — невыносимо. С девочками мы друзья, знаю, чем они живут. Счастлива, что могу делиться с ними всем, что у меня в душе, дочери также мне доверяют. А еще у нас есть бабушка — замечательный человек. И я молю Бога, чтобы она была с нами как можно дольше».

Дочь Александра Ивановича Ирина Баландина прислала это письмо:

«Войны бывают разные — справедливые и несправедливые. Гибнут тысячи людей, нередко самых лучших людей. У каждого из них была своя жизнь с ее радостями, горестями, надеждами, семья, дети, люди, которых они любили и уважали. Один миг — и все перевернулось. И обрушилось горе на всех родных и близких. Тот груз теперь сопровождает всю их жизнь. От него не избавиться. Мы помним нашего отца, кто-то помнит сына, внука, брата. А это значит, что они с нами — живые. Но если, кроме нас, о них узнают еще тысячи людей, о том, какие они были, что любили и чем жили, то, может быть, их и после нас не забудут...»

Мне часто снится наша старая квартира: переехали из нее три года назад. Но во сне я все еще возвращаюсь туда. Я опять иду по коридору, захожу в комнаты. И почему-то всегда возвращаюсь весенним солнечным утром. Вижу прямые солнечные лучи, проникающие через окна и на пол причудливой дорожкой. Говорят, люди всегда запоминают только светлое, большое — то, что оставило след в их жизни, отпечаталось в памяти. Наверное, это так. За свои шесть лет (до 1983 г.) я запомнила немного: длинный коридор, который тянулся

от большой комнаты до входной двери, он мне казался очень-очень длинным может потому, что сама была очень маленькой. Мы здесь ждали появление отца. И когда на пороге появлялся наш великан, как нам казалось — в меховой летной куртке и унтах — бежали наперегонки с оглушительным визгом, бросались ему на шею. Он брал обеих на руки и расспрашивал о похождениях. И никакие уговоры мамы и бабушки не могли заставить нас «приземлиться» на пол. Отец приходил с работы усталый и от его куртки славно пахло бензином, маслами. Этот запах я запомнила навсегда...

Не только радостное вспоминается. Хорошо запомнила еще один день — 21 ноября 1983 года. Накануне у меня был день рождения: исполнилось 7 лет. Воскресенье. А в понедельник пришли письма от папы. Он поздравлял меня, сообщал, что все хорошо, скоро приедет в отпуск. И в этот же день мы узнали страшную весть: 15.XI.83 нашего папы не стало. В этот день я не могла даже играть. С самого утра у меня было какое-то нехорошее настроение, было как-то беспокойно. Обычно мы в обед писали ему письма, а в этот день письма не получались.

Не могу сказать, что всю ту боль от потери я осознала сразу, прямо тогда. Это пришло позднее. А тогда была просто фраза: «Ирочка, наш папа погиб». И недели ожидания, слез. Приходили какие-то люди, кто-то звонил, мама с бабушкой стали похожи на две черные тени в траурных платках.

День похорон я помню плохо. Меня и сестру увели к кому-то. А вот после похорон, когда мама больше времени проводила на кладбище, мы, наверное, и поняли, что же произошло. Вспоминается фраза Вероники Тушновой: «Настоящее одиночество». Этой фразой можно назвать мамину жизнь с 1983 г. И только теперь ей стало, я надеюсь, легче, так как мы повзрослели, многое поняли, что-то переосмыслили. Еще есть с кем поделиться и е. кем поговорить. У нас прекрасные отношения, мы полностью доверяем друг другу. И я надеюсь, что эти отношения сохранятся на всю жизнь.

В трудные годы она была опорой для нас, мы надеемся стать теперь опорой для нее.

Но одно я скажу с уверенностью: все эти 10 лет, трудные и горькие, нас было пять человек, одна семья: мы с сестрой, мама, бабушка и отец. Он всегда был, есть и останется с нами. В нашей памяти он всегда живой...

ЗУЕВСКИЙ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

18.XI.63—14.XII.83

Родился в Выборге. Белорус. Образование среднее профессиональное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — младший сержант, водитель, командир мотострелкового отделения (в/ч 93987).

Родители: Зуевские Иван Иванович, Валентина Николаевна.

С 1970 по 1978 гг. Сергей учился в Выборгской школе, затем в СГПТУ № 214.

С 1982. г. — слесарь механо-сборочных работ приборостроительного завода.

В ноябре того же года призван в Вооруженные Силы СССР Выборгским ОГВК. Проходил обучение в школе сержантов в Теджене.

С апреля 1983-го — Афганистан. Неоднократно принимал участие в боевых операциях.

14 декабря погиб в бою.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

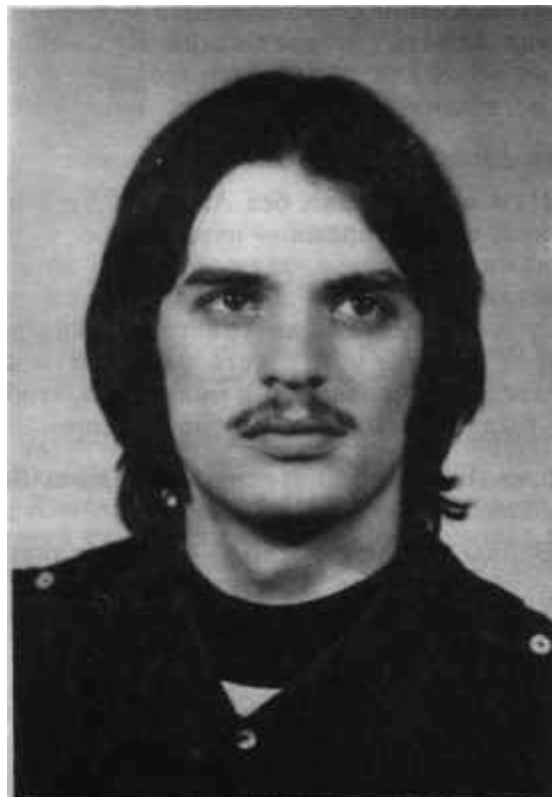
Похоронен на северном кладбище г. Выборга.

Сереже не предложили в год призыва службу в Ленинградской области или же в Прибалтике, на Дальнем Востоке, словом, у себя на родине. Его сразу отправили в школу сержантов на юг, а потом — в Афганистан — совершенно незнакомую, непонятную страну. И хотя в школе они изучали военное дело, тактику ведения боевых действий, а также климатические и географические условия этой страны, обычаи Востока, имели при себе «Памятку воина-интернационалиста», эта страна и люди не переставали удивлять Сергея Зуевского. И в письме домой он делился впечатлениями: «Первый раз видел афганок без паранджы, очень даже ничего, симпатичные... Вчера был праздник, афганцы привезли виноград, яблоки, гранаты, дыни. Афганцы-комсомольцы показывали концерт».

«Почему говорится «его не стало»,
Если мы ощущаем его постоянно.
Если любим его, вспоминаем»...

(В. Тушнова)

С уважением *Ирина Баландина* и вся наша семья. 10 января 1994 г.»

Это письмо Сергей послал из Баграма на имя Е. И. Трофимовой:

«Привет из ДРА!

С солдатским приветом к вам Сергей. Здравствуйте, мои родные тетя Катя, дядя Витя, Артур и Оля. Пишу вам это письмо, потому что скоро переберемся на другой адрес, так что на этот больше не пишете, я их вряд ли получу. Выслал вам свое фото, а ответа нет, не знаю, получили вы его. Служба идет... Много народа болеет желтухой и брюшным тифом, госпитали переполнены. С желтухой отправляют в Союз и в Крым, под Москву и в ТУРКво, уже многие ребята уехали. А так все по-старому, погода такая же, только стало маленько попрохладнее. Еще раз напоминаю, что адрес изменится, так что пока не пишете. На этом кончаю. До свидания. Крепко обнимаю. *Сергей*. 30.10.83 г. Баграм».

Через месяц Иван Иванович, отец Сергея, получил письмо тоже из Баграма:

«Привет из ДРА!

С огромным солдатским приветом и массой наилучших пожеланий твой сын Сергей. Папа, спасибо за поздравление, правда, оно пришло не на тот адрес, но мне его передали. День рождения свое я справил отлично, было все, начиная от сосисок и кончая кока-колой. Было то, что в Союзе я ни разу не видел. Здесь хоть почти все консервированное, но зато очень большой выбор. Сейчас с ребятами готовимся встретить Новый год.

Папа, напиши, как отдохнул в отпуске, что нового в деревне и у нас дома. Как твоё здоровье, не болеешь ли ты, смотри, скоро Новый год. Выпей, чтобы повеселиться. У меня все по-старому, разве только разница одна, что срок службы пошел на убыль. Все также хожу в караул и наряды, а между ними — работа. Погода немного испортилась, ночью стало холодно, температура доходит до +5° тепла, а днем еще держится +15—20 градусов. Папа, не забудь, что у меня снова изменился адрес: «Полевая почта 93987 «В» индекс 093987».

Папа, ты вместе с адресами выслал адрес С. Козловой. Где ты его взял, если пришло письмо, то перешли его мне, и что обозначают буквы УКК, если знаешь, напиши. На этом заканчиваю свое маленькое письмо и жду ответа. 28.11.83 г., г. Баграм. *Сергей*».

О том, что там идет война, Сергей напишет друзьям и попросит их лишь об одном: «Если что случится, расскажите от-

цу, как трудно было здесь, в Афгане. Здесь смерть, «Черный тюльпан»...

Три года унесли три жизни одной семьи:

1982 год — в возрасте 43 лет умерла мама, Валентина Николаевна.

1983 год — погиб Сергей в Афганистане.

1984 год — не стало Ивана Ивановича, не вынесло сердце утраты двух самых близких людей. Остались из семьи Зуевских на Выборгской земле лишь брат Сережи — Артур да его тетя Екатерина Николаевна Трофимова, которая отправила в Книгу Памяти материалы о своем племяннике.

14 декабря 1983 года взвод, в составе которого действовало отделение мл. сержанта Зуевского С. И. участвовал в боевой операции в районе Зеленой Долины. При втягивании в Долину советские солдаты были остановлены сильным огнем душманов. Тяжелое ранение получил командир взвода. Оказав ему медицинскую помощь, Зуевский С. И. принял командование на себя. В этом бою он был убит. Противник был разбит стремительной атакой, но солдаты мотострелкового отделения потеряли своего командира навсегда.

«Встань, распрямись, солдат, к черту
пошли картечь,
первым шагнуть вперед, первому даже
смерть
славу свою поет.

Встань, распрямись, солдат, слышишь,
труба поет.
Тот, кто бежал назад, доблести не найдет.
Должен ведь кто-то спеть,
всех поднимать на бой.
Надо всегда уметь помнить, что за тобой».

Закончился четвертый год афганской войны!.. Ситуация в этой многострадальной стране зашла в тупик. К такому выводу не трудно было прийти. Даже в центре Кабула иногда обстреливали дома, в которых жили военные и гражданские советники.

Впоследствии генерал-полковник в отставке Ю. Тухаринов, бывший первый командующий 40 Армии, высказал свое мнение:

«Конечно, я не представлял тогда, что с этой самой минуты начнется длительная, растянувшаяся почти на десять лет так называемая афганская война. Мы думали, что наше пребывание в Афганистане будет временным, весьма недолгим, что оно принесет облегчение дружественному народу».

(См. «Час Пик», № 7 - 16 февраля 1994 г.)

1984

Пятый год пребывания 40-й Армии на афганской земле опять-таки не дал обнадеживающих результатов. Военно-политическая обстановка складывалась ни в пользу правительства ДРА, ни в пользу правительства СССР. 1984 год по накалу противостояния превзошел предыдущие, о чем свидетельствуют и потери рекордного количества офицеров — 305. В полтора с лишним раза больше, чем в предыдущем году.

По письмам же ребят читатель знает: «желтуха» (гепатит) по-прежнему собирала богатую дань, не учтенную сводками...

Из письма водителя Г. В. Гришакова: «...Немного о жизни в полку. У нас сейчас эпидемия желтухи, в роту за 2 месяца заболело 12 человек... У нас бани не было уже месяца четыре, моемся в арыках. Но скоро и в них воды не будет».

И опять моджахеды угрожали преимущественно со стороны пакистанской границы. На этот раз (вслед за блокадой Хоста) их особое внимание привлек Ургун. По той самой причине — близости к заграничным базам. Отрезать Ургун с прилегающими селениями от страны — значит создать необходимые условия для вживления корня, на котором могла произрасти идея автономии, расчленяющая ДРА на неконтролируемые властями территории.

Можно сказать, год открылся Ургунской операцией. Ведь до того времени город был в изоляции: в аэропорту практически не мог сесть безнаказанно ни один самолет — душманы «стингерами» блокировали небо уездного центра, прервав его сообщение и с Кабулом, и с соседними провинциями.

На разблокирование бросили крупные правительственные силы. Бок о бок с ними сражались советские подразделения. В зоне племен, особенно в Пактии и Пактике, опять же прилегающей к пакистанской границе, моджахеды чувствовали себя единоличными хозяевами.

В Кабуле постоянно чувствовалось напряжение. Вооруженные стычки, обстрелы с гор, в том числе и ракетами типа «земля—земля», диверсии вошли в распорядок дня, как молитвы

муэдзинов с многочисленных минаретов. Страдали от них преимущественно мирные жители.

Судите сами... 21 марта взорвалась подложенная бомба в Кабульской мечети, взорвалась в то время, когда никаких солдат в ней и не должно было быть. 3 июня контрреволюционеры взорвали автобус с пассажирами в центре столицы: оказавшиеся поблизости репортеры снимали факты с места события. В начале сентября душманы взорвали бомбу в международном аэропорту. Тоже пострадали невинные. На кого рассчитывалась провокация?

По заявлению авторов злодеяний, попавшихся на месте преступления, их якобы «заставили», «обманули», «запугали», им щедро платили. Сколько?

Впрочем, нельзя утверждать, будто боевые действия активно велись в той или иной части страны. Фактически они распространились на всю ее территорию. Наиболее горячими точками в 1984 году, помимо названных, были зеленая зона Кандагара — на самом юге, и города Герат, Хост с прилегающими уездами — на западе.

Ахмад Шах Масуд, командующий Панджшерским фронтом, как он называл себя, и Гульбурдин Хекматьяр со своими отрядами не уходили далеко от главной коммуникации Хайратон—Кабул и перевала Саланг. Они кружили по одним и тем же местам — нападали, замечали следы и опять появлялись. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» так характеризовал организатора и вдохновителя сотен кровавых расправ, вожака ИПА — Исламской партии Афганистана: «ИПА возглавляет бывший студент инженерного факультета Кабульского университета Гульбурдин Хекматьяр, благочестие которого заметно по выражению лица — иностранцы никогда не видели, как он улыбается».

Действительно, вряд ли человек способен изобразить хотя бы подобие улыбки, если лицо корчит гримаса ненависти. Ведь именно благочестивый Хекматьяр разработал для своих подручных кровавый «ценник»: за каждого убитого солдата афганской армии — семь тысяч, партийного активиста — до 15 тысяч, офицера — 30 тысяч, за

Провинция Кандагар.

В Кандагаре находились: от 40-й Армии — 70 отд. мотострелковая бригада, от афганских вооруженных сил — штаб 2 армейского корпуса, 15 пехотная дивизия.

уничтоженный танк — 100 тысяч афгани. На «шурани» устанавливался повышенный коэффициент.

Панджшерская долина на протяжении всей войны была эпицентром жестоких схваток. Не удивительно: ведь все отдавали себе отчет в том, что достаточно перерезать пуповину — дорогу через Саланг — и осложнится не только положение развитых в промышленном отношении северных провинций, в блокаде практически окажется Кабул, вся страна.

Отсюда понятен интерес моджахедов и к Герату: через него лежал путь от советской Кушки к западным провинциям ДРА. Завладеть им — значит перекрыть еще один источник советской помощи, открыть свободный доступ со стороны Ирана.

Но вернемся к Панджшерской долине... Масштабированная операция против окопавшихся здесь партизан, седьмая по счету, началась 21 апреля 1984 года. Называют такие цифры: в ней участ-

вовало 11 тысяч советских и 2600 афганских военнослужащих, 200 самолетов и 190 вертолетов. Однако и таких сил оказалось недостаточно. Приходилось полагаться, по признанию очевидцев, на умение, выучку и беспредельное мужество солдат.

Несмотря на мощную концентрацию сил и на этот раз ликвидировать отряды Ахмад Шаха не удалось. Им лишь нанесли существенные потери.

В этом же году душманы оживились на трассе Кабул—Джелалабад (к востоку от столицы) и в Кандагарской провинции (на юге страны). Они настолько обнаглели, что 31 августа даже совершили налет на Кабульский аэродром.

События в Афганистане стали одним из главных источников международной напряженности и недоверия. Потери личного состава СССР за этот год — 2343 солдат и офицеров, из Ленинградской области за этот год — 19 человек.

1. Чипчев Вячеслав Владимирович — лейтенант, погиб 16 февраля.
2. Козлов Николай Петрович — подполковник, погиб 14 марта.
3. Владимиров Виктор Алексеевич — лейтенант, погиб 11 апреля.
4. Комов Олег Викторович — мл. сержант, погиб 28 апреля.
5. Рыбкин Петр Сергеевич — сержант, погиб 13 мая.
6. Садовников Владимир Валентинович — сержант, погиб 28 мая.
7. Сабуров Сергей Борисович — прапорщик, погиб 14 июля.
8. Саранцев Сергей Николаевич — лейтенант, погиб 14 июля.
9. Королев Николай Васильевич — сержант, умер 22 июля.
10. Лайус Валерий Владимирович — мл. сержант, погиб 14 июля.
11. Филиппов Николай Валентинович — мл. сержант, погиб 7 августа.
12. Перескоков Андрей Владимирович — мл. сержант, умер 13 августа.
13. Афонин Владимир Анатольевич — сержант, погиб 19 сентября.
14. Николаев Анатолий Викторович — мл. сержант, погиб 16 сентября.
15. Колпачков Николай Александрович — сержант, умер 18 сентября.
16. Орлов Андрей Викторович — рядовой, погиб 25 сентября.
17. Громов Сергей Геннадьевич — рядовой, погиб 7 октября.
18. Прохоров Сергей Павлович — рядовой, погиб 13 октября.
19. Калинин Андрей Геннадьевич — лейтенант, погиб 6 ноября.

ЧИПЧЕВ ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

29.III.61–16.II.84

Родился в городе Бориславе Львовской области. Русский. Образование высшее. Военнослужащий. Член КПСС. Женат. В Афганистане — лейтенант, секретарь комитета ВЛКСМ (в/ч 83255).

Родители: Чипчевы Владимир Иванович, Вера Алексеевна.

С 1968 года по 1977 учился в школе № 3 г. Борислава, в Польше, в Бугровской средней школе Всеволожского района.

В 1977 году закончил среднюю школу в Войсковых Гатчинского района.

5 августа 1978 г. призван в Вооруженные Силы СССР и в том же году поступил в Ленинградское Высшее военное артиллерийское командное училище имени Красного Октября. После его окончания Вячеславу Владимировичу присвоена квалификация — инженер по эксплуатации артиллерийского вооружения.

Службу начал в Ленинградском военном округе командиром взвода управления артиллерийской батареи.

С ноября 1982 года — в ДРА, в Шинданде. Перенес гепатит. Был в отпуске в декабре 1983 года (45 дней).

16 февраля 1984 года тяжело ранен. Во время транспортировки умер.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР и знаком «Воин-интернационалист».

Похоронен на кладбище — станция Песочная Сестрорецкого района г. Ленинграда.

В городе Бориславе Львовской области, где родился Вячеслав Чипчев, его отец Владимир Иванович — офицер, специалист-электронщик, прослужил 10 лет. В военной городке прошло детство Славы.

Школы дети офицеров меняют подчас быстрее, чем прибавляются звездочки на погонах отца. У Славы их было пять.

В Польше он легко заговорил по-польски. Пожилая продавщица из кондитерского долго не догадывалась, что этот мальчуган, бегающий к ней за булкой и конфетами, не поляк.

Менялись городки, лица друзей, оставалось лишь одно — желание во всем быть похожим на отца.

В 1978 году, закончив полный курс обучения в школе, он легко и уверенно поступил в военное училище.

Вопрос о службе в ДРА в его семье был решен положительно. Волновало лишь одно — отношение родителей. Что касается отца, не сомневался — папа поймет. Он военный человек.

А вот мама...

Начал осторожно: «Вот, мама, надо ехать в Афганистан...».

Она ответила просто, как ему показалось, раз НАДО, значит надо...

— Ой, мам, как ты мне облегчила душу. Ну, слушай, ну, я все-все... У меня теперь все встало на свои места.

Ну, ЧТО она могла сказать? Устроить скандал, закатить истерику или вроде того: «Не пушу!».

«Подготовка к службе Вячеслава в Афганистане проходила в ходе боевой и политической подготовки в части, — сухим, но ясным языком профессионального военного напишет в своем письме позже его отец. — Спокойный, общительный, сын быстро входил в коллектив... Таким он прибыл в Шинданд...».

Письмо Вячеслава Владимировича родителям и брату:

«Здравствуй, дорогие мои мама, папа и Юра!

Буду писать все по порядку. Долетел нормально. В Москве пришлось переезжать из Шереметьева во Внуково... В 10-м часу вылетел из Москвы на ИЛ-86 — аэробусе. Машина классическая! В Ташкенте был в

5-м часу. Сразу поехал на пересылку и там я понял, что скоро отсюда не улечу... Пришлось просидеть в Ташкенте 5 суток. Один раз даже уже сидели в самолете, но с утра был такой снег, что взлетную полосу не успели подготовить, да и самолет не могли сдвинуть — примерз. Последние дни сидел на одноразовом питании: порция сарделек, булочка и кофе. Но это все мелочи, главное то, что я сейчас на месте. Когда прилетел, был удивлен тем, что наши еще не на дороге. Вышли мы только 6-го февраля. Меня задержали на сборы секретарей комсомольской организации. Сейчас пишу вам это письмо на Дилораме (нас. пункт). Уже 5 дней «гастролирую» по точкам. Сделали с парторгом агитпункты, уголки избирателей. Сейчас жду колонну, ехать на свое постоянное место. В этот раз я дальше от Шинданда километров 250 (примерно).

В дивизионе меня уже ждали, так как замполит заболел желтухой и уехал в Союз. За замполита остался я...».

Письма Вячеслав Владимирович посылал жене Людмиле Николаевне и сынишке Володе, а для родителей — обычно записочка, вложенная в конверт, дескать, все нормально, служба идет хорошо. Отцу и матери больше ничего и не надо было. Главное, что сын жив-здоров. Их это вполне удовлетворяло.

Часть, в которой он служил, охраняла дорогу Шинданд—Кабул. Колонны, колонны — грузовики, цистерны, бронетехника. Ею усеяны откосы, кюветы вдоль дороги, обгорелое искореженное железо.

Чтобы предотвратить такие потери, вдоль всей дороги расставлены «блоки», опорные пункты, самодельные укрепления, 1—2 танкогача. В случае нападения на колонну на помощь силам сопровождения с ближайших блоков немедленно выходит подмога.

Цепочки таких блок-постов тянулись на многие километры в опасных горных зонах по всем дорогам Афганистана. На них и проходила служба Вячеслава Владимировича в воинской части 83255 — секретарем комитета комсомола лейтенанта Чипчева В. В. избрали единогласно.

Пристраиваясь к проходящим колоннам, Слава объезжал своих комсомольцев

Комсомольское собрание на одной из точек. За столом — секретарь комсомольской организации дивизиона В. Чипчев. Конец 1983 года.

на блоках и выносных постах на легком тягаче.

Дел всегда было невпроворот: провести комсомольское собрание, организовать встречи, пообщаться с командирами и рядовым составом, решить задачи, поставленные политотделом, кому-то оказать помощь, содействие — словом, жизнь у секретаря комитета комсомола проходила на войне в Афганистане, в основном, на колесах.

Из письма В. В. Чипчева:

«...Сейчас (я уже писал) на дороге, выехали надолго. По плану вернемся не ранее 9 мая.

Да, чуть не забыл насчет денег. 8-го я выслал Вам деньги... Люде смогу послать только в марте. Она мне пока не написала, хватит ли ей. На этом заканчиваю. До свидания. Пишите. *Слава*. 15.02.84 г.»

16 февраля 1984 года он сказал командиру дивизиона: «Мне, скоро уезжать до-

мой, а я так и не побывал в настоящей схватке с противником».

В этот день колонна, с которой он шел, была обстреляна душманами.

Загорелась цистерна от взрывов. Пытаясь объехать этот факел, чтобы принять участие в бою, машина Вячеслава подорвалась на фугасе. Взрывом выбросило водителя. Под правым крылом малого тягача легкого бронирования находились лейтенант Чипчев В. В. и пулеметчик... Если бы они шли на усиленном бронетранспортере, возможно, не случилось бы беды, но...

О последних часах жизни Вячеслава Владимировича рассказал родителям П. П. Ануфриев, который служил с их сыном.

Лейтенант Чипчев скончался от болевого шока.

23 февраля 1984 года в праздничный день Советской Армии и Военно-Морского флота Владимир Иванович вышел из дома в прекрасном настроении. По пути встретил хорошего знакомого. Хотел поздравить с праздником, а он и говорит: «Хочу выразить Вам свое соболезнование».

— ?
«Я ничего понять не могу, — рассказывает Владимир Иванович. — Улыбка так и застыла на моем лице. Оказывается, в дивизионе, где я служил, уже знали о гибели Вячеслава. Дежурный заказал санитарную машину, врача, группу людей, которая должна была привезти сына. Жене в этот день я не смог сказать правды, а на следующее утро пришел военный комиссар, а с ним глава администрации поселка, врач. Я понял сразу. А вот Вера... Потом было прощание с сыном в Доме офицеров, почетный караул. Все уже крутилось без меня. Было очень тяжело. Да и сегодня не легче...

Более десяти дней жена не спала, вообще не спала. Ходила из угла в угол. Я за ней по пятам. Уговаривал, чтобы прилегла хоть на часок. Это было что-то такое, что словами не передать. Я, как военный человек, прослужив 28 лет, знал, для чего был в армии. И Слава, сын мой, тоже знал, что мы учились для того, чтобы защищать рубежи Отечества, свою Родину, свой народ. У нас устав, давали Присягу перед наро-

дом, государством, правительством. Такая у нас профессия. Поэтому каждый из нас выполнял воинский долг, я — свой, сын и его боевые друзья — свой. Это закономерный процесс. Считаю, это никакая не случайность, когда погибают кадровые офицеры. Другое дело, парни, которых призывают на 2 года, чтобы научить их военному делу. Они должны все уметь: в нужный момент правильно пользоваться оружием, учитывать боевую обстановку, не подвергая опасности ни себя, ни других — грамотно воевать. Хорошо, если это не пригодится.

Офицеры — это кадровый состав армии, призывники меняются, мы десятки лет служим. За десятки лет службы все может случиться. Если не случается, это удивительно. Я сам служил в Чехословакии и в Прикарпатском округе, где только не служил. Были всякие случаи, это и есть жизнь военных людей... Жена Вячеслава носит военную форму тоже, она военнослужащая в полку связи. Кем станет его сын Володя — Владимир Вячеславович Чипчев, покажет время и жизнь...

Помнят ли о Славе его боевые товарищи? Трудно сказать. Как-то я поздравил с днем рождения одного из друзей сына, отправил открытку по адресу родителей друга, но так ответа и не получил. Да, я как-то и не обижаюсь. Жизнь на войне делает всех друзьями, между ними возникает что-то близкое, родное. Вот и памятник сыну друга соорудили там, в Афгане, на месте гибели Славы...».

На войне как на войне...

«Немало солдат, проявивших высокие морально-политические и боевые качества, вышли из семей военнослужащих. Здесь, видимо, разгадка не так уж и сложна. Установка семейного уклада, ближайшего социального окружения военного гарнизона, городка, полигона или аэродрома, постоянные контакты с солдатами, матросами и офицерами, разговоры о службе, о воен-

Памятник на месте гибели В. Чипчева в 250 км от Шинданда. 1984 год.

ном деле, заинтересованное отслеживание изменений в военном деле на собственной судьбе формировали характер, влияли на наклонности, то есть делали свое доброе воспитательное дело».*

Понимаем, отцам и матерям погибших, их родным и знакомым и сегодня, спустя много лет после вывода наших войск, хотелось бы знать: где, при каких обстоятельствах погиб их сын, кто живой свидетель, не произошло ли ошибки?

К сожалению, мало истинных свидетельств и подлинных материалов архивного, документального характера для восстановления, хотя бы приблизительно, обстановки того времени на той же или приближенной территории. Не взыщите, сделано максимум из возможного (авт.).

* Г. А. Стефановский. «Пламя афганской войны». М., «Военное изд-во», 1993 г., с. 26.

КОЗЛОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

1.XI.46—14.III.84

Родился в селе Барановка Новосергиевского района Оренбургской области. Русский. Офицер. Образование высшее. Член КПСС. Женат. В Афганистане — подполковник, военный советник.

Родители: Козловы Петр Осипович, Татьяна Акимовна.*

С 1953 по 1964 годы Козлов Н. учился в одиннадцатилетней школе на ст. Гамелеевка Сорочинского района.

С 28 августа 1964 года призван в Вооруженные Силы СССР.

Учился в Омском высшем общевойсковом училище. Получил специальность общевойскового командира. Шесть лет служил в Группе Советских войск в Германии, с 1974 по февраль 1984 года — в Ленинградском военном округе — в Кандалакше, в пос. Саперное Приозерского района.

В 1976 году зачислен на первые высшие офицерские курсы «Выстрел» им. Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова (курс заместителей по политической части командиров полков).

С августа 1978-го Николай Петрович — курсант заочного отделения Военно-политической академии им. В. И. Ленина.

Прошел курсы переподготовки в Москве, связанные с работой в ДРА.

22 февраля 1984 года вылетел в Кабул, с 1 марта получил назначение в провинцию Герат. Принимал участие в 4-х боевых операциях.

14 марта 1984 года при выполнении боевого задания погиб.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно). Имеет награды за безупречную службу в Вооруженных Силах.

Похоронен на гражданском кладбище — поселок Саперное Приозерского района.

Имя подполковника Козлова Н. П. на стенде погибших в ДРА (Приозерский ОГВК).

«Давай за тех, кто не вернулся,
Кто стал частицей тишины,
кто лег в горах и не проснулся
от необъявленной войны.
Давай, не чокаясь, ребята,
Давайте, молча, и до дна
за офицера и солдата,
кого взяла к себе война.
Давайте вспомним поименно
тех, с кем навеки сроднены,
кто был частицей батальона,
а стал частицей тишины.
Оставить не имеем права,
а только молча и до дна, —

поскольку общая держава,
поскольку общая война».*

Из письма С. Т. Козловой:

«Мой муж, подполковник Козлов Николай Петрович, был самым младшим, четвертым ребенком в семье. Долгожданный сын. Замечательный человек. За плечами — военное училище, академия. Десять лет службы в Ленинградском военном округе.

Несмотря на внешний суровый вид, это очень веселый, общительный и душевный человек. Солдаты очень любили его за внимание. Начальство относилось по-разному.

* Т. А. Козлова умерла в 1992 году.

* Стихотворение В. Верстакова. Кн.: «79—89». Рассказы, очерки, стихи. М. «Советский писатель». 1991 г. С. 78.

Угодать и пресмыкаться не любил, поэтому и угодил в Афганистан.

Прибыл в Москву для подготовки. Всего на десять дней. Не зная ни языка, ни обычаев того народа, 22 февраля вылетел в Кабул, в провинцию Герат советником.

Там же и погиб, погиб в день моего рождения. Письма шли, а его уже не было...

Больше жизни любил дочерей. Посылаю письма Николая Петровича (всего получила шесть). Писал каждый день, но отправлялись раз в неделю. Получила все письма от него после сообщения о гибели. Я не успела и одного написать!

О гибели Николая Петровича сообщили 15 марта утром. До 23 марта ждали «Черный тюльпан». Он развозил «подарки» в Союз два раза в неделю и в те дни, по рассказам служивших там и газет, у «Черного тюльпана» «работы» хватало.

Родной, ты всегда с нами.

Козлова Светлана Трофимовна (вдова), дочери *Оксана и Елена*.

К письму прилагаю фотографии похорон, его письма, письма от должностных лиц из Афганистана и извещение из Горвоенкома о награждении. Очень прошу о возврате писем и фотографий! Они нам очень дороги. С уважением *Светлана Трофимовна*. 5.03.93 года».

*Письма подполковника Козлова И. П.**

Письмо № 1.

«Здравствуйте, мои родные!

Сегодня уже второй день, как я здесь. Прилетели в Кабул, нас встретили с броневиками, привезли в гостиницу, разместили. Гостиница очень грязная. Здесь сразу же встретил заменщика подполковника Козубенко из Киевского В.О. Эта бригада переведена в Герат из Кабула, всего 4 месяца назад. Говорит, условий никаких...

Буду ждать самолета на Герат, он летит туда 2,5 часа, очень далеко от Кабула. Найдешь по карте. По прибытии дали аванс 5 тысяч этих нерусских. На завтрак уходит 40—50 афгани...

* Не все письма Николая Петровича датированы. Читателю представлены в том порядке, в котором их прислала Светлана Трофимовна.

Все ходят с оружием. Много несчастных случаев. А особенно весной и летом. И говорит, что приедешь на место, все увидишь. Советников — 6 человек. Правда, говорят, что коллектив неплохой. Он здесь отбыл 2,2 года, долго не заменяли.

Школ нет, только здесь в Кабуле и еще в двух городах. Нищета страшная. Это нужно видеть своими глазами. Приблизительно также, как - и в Средней Азии где-то в забитом кишлаке. С территории никуда не выходим без оружия, нельзя. В общем, плохо. Дай Бог бы выдержать! Короче, попал как кур во щи. Ну, ладно, будем оптимистами. Кому на руду быть убитым, тот не потонет. Лечу в Герат 1 числа, как провожу сменщика. Приехал оттуда Н. Ш.* за деньгами и заодно проводит этого. Форму он мне отдает свою. Но, правда, он немного поздоровее меня, наверное, придется перешивать. Короче, точно что-либо так и не узнал.

А вообще-то многие здесь с семьями, но это Кабульский гарнизон. Он же был все это время один. Работают здесь интересно. В пятницу выходной, а в воскресенье и субботу работают. Перед отлетом звонил в Ленинград. Я тебе уже писал. Напоследок говорил с Минабутдиновым, он собирался ехать домой, может быть и позвонит...

Ладно, доберусь до места, все опишу. А сейчас пока как кот в мешке, правда. Заменщик все-таки кое-чему проинструктировал. Всего не опишешь. Буду живой, расскажу... А вы, дочи, слушайте во всем маму, что бы со мной ни случилось. Это мой вам наказ. А ты, Света, напиши матери, где и куда попал. Ладно? Еще раз целую. Может это письмо дойдет быстро. 24.02.84 г.».

Письмо № 2.

«Здравствуйте, мои родные!

Вот и еще один день прошел, хотя времени только четыре часа. С работы приехал в 2-00, пообедал, час полежал, замерз, встал, растопил печку, а теперь буду сидеть, писать. Да, лап, вот только где начинаешь понимать, что так можно сойти с ума. Неужели и я буду таким? От каждой ерунды можно завестись до белого каления,

* Н. Ш. — начальник штаба.

до крайнего раздражения. Каждый день одно и то же, один и тот же ландшафт, одни и те же лица. Теперь представляю, как сидели в одиночках (шучу). Ну, ладно, на сегодня хватит. Целую. Ваш папа. Что-то мне не здоровится, чихаю и кашляю. До сих пор не могу как следует нагреть свою комнату, как в подвале и, наверное, простыл. Еще раз всех обнимаю и целую. От матери писем не было?

Сегодня уже 11-е число, а завтра будет уже месяц как я вас покинул! Сегодня воскресенье, я даже забыл, что воскресенье. До двух часов был на работе. Сам черт не разберется в этих азиатах. Все хороши и все чего-то просят. Сегодня увидел, как пашут деревянной сохой — правда, издали, не стали подъезжать. Вот где, Оксана, учить историю! Здесь через 10 дней наступит Новый, 1363 год. Вот в этом году они и живут. Ну, на сегодня хватит. А то завтра писать нечего будет! Целую вас, *ваш пап*. Как себя ведет Алена? Она ведь сегодня выходная! Ну, все».

Письмо № 3.

«Здравствуй, мои родные!

Итак, сегодня ровно месяц, как я покинул вас, как будто прошла уже целая вечность. И мне не верится, что скоро я буду дома. А ведь впереди еще целых 11 месяцев до отпуска. Это ведь только подумать и то страшно. Ну, ладно, не будем о них думать, может быть быстрее пройдут (шучу). Да, тут еще плохо. Вы, может быть, уже получаете письма, а я все нет. Это очень тяжело. Ну, я тоже, по всей вероятности, скоро буду получать. Сегодня на улице сильный ветер, а я стираю простыни и наволочку и пока полежал после обеда минут 30, они уже по двору валяются, высохли. Вечером нагрее ведро воды и сам искупаюсь. Хорошо, лап, что дала мне этот спортивный костюм, я в нем только и хожу, а тот и не вынимаю. Говорят, через месяц будет такая жара, что дышать нечем. Оксан, ты Алenu читать учишь? Как у тебя идут дела с учебой. На сегодня все. Постираю и немного поработаю. Писанины полно. *Целую, ваш папа*».

«Уважаемая Светлана Трофимовна!

Командование и политический отдел с чувством глубокой скорби извещают, что

14 марта 1984 года в бою, выполняя патриотический и интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан, пал смертью храбрых ваш муж — подполковник КОЗЛОВ Николай Петрович.

Вся его служба в рядах Вооруженных Сил СССР и героический боевой путь были примером беззаветного служения коммунистическим идеалам.

Вместе с вами скорбим по поводу невосполнимой утраты.

Светлый образ Николая Петровича КОЗЛОВА, замечательного офицера и коммуниста, беззаветно преданного делу партии и своей социалистической Родины, навсегда останется в наших сердцах, в сердцах благодарного афганского народа, во имя счастья которого он отдал самое дорогое — жизнь.

Главный военный советник в ДРА генерал армии *Г. Салманов*.

Начальник политического отдела ГСВС в ДРА генерал-лейтенант *В. Силаков*. 16 марта 1984 года».

Документ:

«Уважаемая Светлана Трофимовна.

Сообщаю, что ваш муж подполковник КОЗЛОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ за проявленные мужество и отвагу при выполнении боевого задания командования награжден орденом «Красная Звезда».

Подвиг вашего мужа всегда будет ярким примером беззаветного служения нашей любимой Родине, Коммунистической партии и советскому народу.

Память о вашем муже навсегда сохранится в сердцах его боевых товарищей.

Подполковник *А. В. Федоровцев*».

Документ из послужного списка подполковника Козлова Н. П.:

П Р И К А З

начальника Генерального штаба ВС СССР 30 марта 1984 года г. Москва

Подполковника Козлова Николая Петровича, состоящего в распоряжении 10 главного управления Генштаба в должности советника начальника политотдела танковой бригады в ДРА, бывшего заместителя по политической части командира зенитного артиллерийского полка мотострелковой дивизии Ленинградского Военного Округа

исключить из списков офицерского состава Вооруженных Сил в связи со смертью...

Состав семьи: жена — Козлова Светлана Трофимовна, 1949 г. р.,
дочь — Оксана, 1969 г. р.,
дочь — Елена, 1976 г. р.
Зам. начальника Генштаба Маршал Советского Союза — *Ахромеев*
30 марта 1984 года».

Документ:

«Подполковник Козлов Николай Петрович лично участвовал в проведении боевых операций, своим примером оказывал большое влияние на поддержание высокого морального и политического состояния среди офицерского и рядового состава в ДРА. Погиб в автокатастрофе. Награжден орденом Красной Звезды...

Подполковник *В. Костромич*».

ВЛАДИМИРОВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ

7.V.56—11.IV.84

Родился в поселке Погорелка Псковской области. Русский. Образование высшее. Член КПСС. Женат. В Афганистане — лейтенант, замком роты материально-технического обеспечения по политической части (в/ч 39676).

Родители: Владимировы Алексей Егорович, Евгения Александровна.

С 1966 по 1973 годы Виктор учился в Тосненской средней школе № 1, в железнодорожной общеобразовательной школе № 27 и в музыкальной школе. Среднюю школу окончил с золотой медалью.

Работал в мехколонне № S3 г. Тосно.

7 мая 1974 года призван в Вооруженные Силы СССР Тосненским ОГВК Ленинградской области. Направлен в Киевский военный округ, где служил до 1978 года.

С 1978 г. — курсант Донецкого высшего военно-политического училища. По окончании училища служил в Ленинградском военном округе.

С 17 августа 1983 года — Афганистан, Кабул. Неоднократно участвовал в сопровождениях автомобильных колонн.

11 апреля 1984 года погиб в бою при сопровождении и охране колонны на перевале Саланг. Подробности гибели неизвестны.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на кладбище в г. Тосно.

Жена Владимирова Валентина Евгеньевна с сыном (1977 г. р.) проживает в г. Тосно Ленинградской области.

Строки из последнего письма Николая Петровича Козлова:

«Здравствуйте, мои родные!

Сейчас 5.30 утра. Пишу вам последние строчки. Должен уезжать в горы. Сейчас за мной придет машина. Лап, вряд ли я останусь жив. Кажется, у нас вчера кто-то умер. И спасет меня от этого только твоя любовь. Если что-то со мной случится, вырасти детей людьми. Сделай все возможное, чтобы они закончили институты. Не знаю, что там случилось. Но по телефону сказали, большое несчастье. Ну все. Теперь долго не будет письма. Может быть вчера мне и было. Ведь они ездили за почтой. Еще раз поздравляю тебя, Лапа, с днем рождения. С удовольствием бы с тобой посидел, но как видно, не судьба. Целую много, много раз всех. *Ваш папа*».

С малых лет Витя мечтал быть военным. Алексей Егорович вспоминает, как в детстве с соседскими ребятами Витя играл в «войну», как они бегали по полю и возле дома с деревянными самодельными автоматами. Родителей удивляло, как с детских лет сын готовил себя к воинской службе: старался сам преодолевать трудности (а их у ребят всегда более чем достаточно), был терпеливым, выносливым, трудолюбивым. В школе примерный ученик. Учился на «отлично», о чем говорят Похвальные грамоты.

А как бережно он относился к семейным реликвиям Великой Отечественной войны: к наградам, фотографиям Алексея Егоровича.

И в годы отрочества, и в ранней юности Виктор говорил так: «Тот не парень, кто не послужит в армии».

Об отношении друг к другу в семье Владимировых, об их гармоническом единстве следует сказать особо.

Алексей Егорович и Евгения Александровна жили дружно, как принято в таких случаях говорить, душа в душу. В их семье царили мир и порядок, трудолюбие и честность, любовь и уважение. Родители понимали: без проникновения в духовный мир детей, без чувствования сердцем их мыслей, тревог, желаний невозможно добиться взаимопонимания и доверия. Сызмала они приучали их быть откровенными и чистосердечными, не лишали Виктора и Валентину самостоятельности. И в трудный час, когда Виктор сообщил родным о «командировке» в Афганистан, они не стали его отговаривать, но отчаяния скрыть не могли.

Увидев слезы, он сказал: «Мама, я офицер, отказываться не имею права. Куда Родина—Партия пошлют, поеду. Эти два года быстро пройдут, вернусь домой и поступлю в военную академию. А пока... Афганистан...».

«26.08.83 г. Здравствуйте, мои дорогие...

Вот пишу письмо с нового места службы, куда я прибыл совсем недавно... Часть, куда я попал, отличная, с боевыми традициями. Самочувствие мое прекрасное, так что не волнуйтесь, все в порядке.

Да, папа, ты привез Вале кроссовки или нет? И как добрался до дома после того, как ты меня проводил? Папа и мама, берегите

себя, не болейте и еще раз: не волнуйтесь за меня, все будет хорошо! На этом заканчиваю первое небольшое письмо. Крепко целую. До свидания. Ваш сын *Витя*».

Работа Владимирова Виктора Алексеевича в Афганистане была связана с Салангом. В одном из писем друзьям он писал: «Саланг — это перевал через Гиндукуш. Здесь проходит тоннель, пробитый в скалах. Он просторный, по нему проходят большие машины. Когда первый раз поднялся на эту высоту, пошла кровь из ушей и носа, видимо, из-за температурных перепадов. Длина тоннеля — четыре километра. Когда идешь последним в колонне, то, практически, ничего не видно, так загазовано здесь. Пожалуй, это самый сложный участок на нашем пути и не зря его называют «Дорогой жизни»: узкая горная дорога с опасными поворотами, с одной стороны — скалы, а с другой — обрыв. Короче, если справа — гора, то слева — обрыв, бывают осыпи, летящие камни. Ночью дорога закрывается, а с утра идут автоколонны. Если на дороге завалы, то пробки, пиши «пропало», так как 5—12 дней стоишь. Наверху всегда снег, очень холодно, даже печь включаем, а внизу жарко. Посылаю вам фотографию, на ней вы увидите нашу дорогу — серпантин»...

И снова письмо родным из Афганистана:

«9.11.83 г. Здравствуйте, мои дорогие родные Папочка, Мамочка, Валя и племянница Женечка. С горячим приветом и массой наилучших пожеланий ваш сын Витя! Я жив-здоров! Все нормально. Был в большой командировке. Остался за комподразделения, работы очень много! Не беспокойтесь, все нормально! В следующем письме напишу более подробно. До свидания. Крепко целую. Ваш сын *Витя*».

«Ну, что здесь скажешь, — пишет Валентина Алексеевна. — Вся его короткая жизнь прошла в учебе, работе, в служебных делах, в заботах о собственной семье, в любви к жене Валентине Евгеньевне, к сыну Сашеньке.

Из Афганистана сообщал:

«Здравствуйте, мои дорогие родные-родные, милая Валюшенька и дорогой сынок Сашенька!!! С горячим приветом к Вам

Саланг. Открытка, присланная В. Владимировым домой из ДРА. Конец 1983 года.

ваш папа! В первых строках моего письма сообщаю, что у меня все нормально, жив, здоров, чего и вам желаю. Из командировки приехал недавно и вот сразу пишу письмо. Погода хорошая, уже тепло, днем даже жарко. Да, Валюшенька, за командировку меня наградили ценным подарком — фотоаппаратом. Вот такие дела. Чувствую я себя нормально. Валюшенька, как у тебя дела, как здоровье? Милая моя, береги себя, не болей. Сашенька, слушайся маму, не балуйся, учи грамоту, учишь читать и писать.

Валюшенька, еще поздравляю с праздником и желаю тебе всего самого наилучшего!

На этом заканчиваю. До свидания. Крепко целую»...

Валентина Алексеевна рассказывала о брате с нежностью и грустью. Говорила, что по натуре Витя был застенчивым, вел всегда себя просто, естественно, не ругался, не выходил из себя, одним словом, скромный, благородный молодой человек. А как они любили собираться вместе! С каким нетерпением ждали, когда Витя возьмет в руки баян. Дела в доме прекращались, все усаживались поудобнее где-нибудь в уголке и слушали игру, а потом тихонько

подпевали. Валентина Алексеевна очень любила петь, выступала на сцене с концертной программой. Выступала...

Из Афганистана Виктор Алексеевич присылал короткие письма, но полные любви к родным, близким, нежности к родному дому:

«Здравствуйте, мои дорогие родные Папочка, Мамочка, бабуля, Валя и Женечка! Я жив-здоров, пишу из командировки. Меня скоро представят к ордену. Вижу берег Родины СССР, стоим недалеко. Как у вас дела? Берегите себя, не болейте. У меня все нормально. Погода отличная, жарко. До свидания. Крепко целую. Ваш сын *Витя*. 7.04.84 г.». По этому адресу не пишите, пишите на старый и почаще».

Через 4 дня вслед за письмом пришла и эта бумага.

«Уважаемая Валентина Евгеньевна! Командование и политический отдел войсковой части 39676 с глубоким прискорбием извещают, что Ваш муж **ВЛАДИМИРОВ Виктор Алексеевич**, выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 11 апреля 1984 г.

Виктора Алексеевича всегда отличало исключительное мужество, верность Комму-

Замкомроты материально-технического обеспечения по политчасти В. Владимиров со своими боевыми друзьями. ДРА, 1984 год.

нистической партии, социалистической Родине, великому Советскому народу.

Как офицер-политработник, он был исключительно добросовестным в отношении к делу, к нелегкому труду, к своим служебным обязанностям.

В сложной боевой обстановке всегда проявлял высокие морально-политические качества, искреннее желание помочь товарищам по оружию. Весь личный состав глубоко скорбит по вашему мужу и своему боевому другу.

В эту трудную минуту выражаем Вам, Валентина Евгеньевна, глубокое соболезнование по поводу тяжелой утраты.

С уважением, командир войсковой части 39676 *Рохлин*, начальник политического отдела *Дореза*.

Когда привезли цинковый гроб, родные Виктора Алексеевича спрашивали сопровождающего лейтенанта, как все было. Он сказал, что Виктор вел колонну — 80 машин, был первым. А душманы били по

первой машине и по последней из гранатометов. Был сильный бой, все горело: земля и небо. Больше лейтенант ничего не мог рассказать.

И апреля 1984 года Владимиров В. А. был назначен командиром группы сопровождения колонны, которая при совершении марша была обстреляна противником. Управляя огнем подчиненных, Виктор Алексеевич обеспечил вывод колонны из зоны огня. В ходе маневра БРДМ подорвалась на mine.

Лейтенант Владимиров В. А. погиб.

Из письма Евгении Александровны:

«Война оставила нас без сына, замечательного сына. Осиротели мы. Осиротел и наш внук Саша, и наша невестка Валя. Сашенька к нам ходит почти каждый день, мы его любим и он нас тоже. Нет-нет и спросит: «Бабушка, а я похож на папу?»».

Невестка Валя тоже нас не оставляет. Не хочет верить в то, что Вити нет и его сестра Валентина: «Иногда мне кажется, что он не погиб, а просто уехал снова куда-то по назначению, и мы обязательно встретимся».

Каждое воскресенье ходим на могилку. А он, сердечный, с фотографии смотрит на нас, словно хочет о чем-то спросить. Только о чем? Посидим, поговорим, расскажем о себе, о его сыночке: взрослеет, ростом высокий.

Только скажет Сашенька дедушке: «Скучно без папы, нет его и не слышу ласкового отцовского слова».

Алексей Егорович сделал такую приписку: «...Мы давно хотели, чтобы о наших детях, кто не вернулся с афганской войны, написали Книгу. Прошло столько лет...»

*С уважением Владимировы.
25 декабря 1993 года».*

КОМОВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

22.IV.64—28.IV.84

Родился в деревне Митино Антроповского района Костромской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — сержант, старший радиотелефонист минометной батареи (в/ч 39676).

Родители: Комов Виктор Константинович, Альбина Алексеевна.

Вырос Олег в поселке Бор, что в 12 километрах от г. Тихвина.

С 1971 года учился в Борской школе, затем в Березовском политехникуме. Окончил 3 курса. Работал в совхозе «Тихвинский» слесарем. Закончил школу рабочей молодежи. Учился на механизатора в Шугозерском СГПТУ, экзамены сдал, а удостоверения не успел получить: когда служил, получила мама.

5 мая 1983 года Олега призвали в Вооруженные Силы СССР Тихвинским ОГВК Ленинградской области. Учился полгода в школе сержантов на радиотелефониста.

С 30 октября 1983 года служил в Афганистане, в районе Чарикар. Участвовал в пяти боевых операциях.

В феврале 1984 года контужен, от родителей скрыл.

28 апреля 1984 года, выполняя боевое задание, проявив героизм и мужество, погиб. Его военный билет сгорел во время боевых действий.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «За мужество и воинскую доблесть, проявленную при выполнении интернационального долга в Республике Афганистан», Грамотой ЦК ВЛКСМ и Знаком «Воинская доблесть».

Похоронен на военном кладбище г. Тихвина.

В поселке Бор уже 30 лет живет семья Комовых. В ней было двое детей, дочь Нина и сын Олег.

В школе Олег учился хорошо. Три студенческих года в Березовском техникуме, недалеко от родного дома... На выходные обычно сюда приезжал, а с ним и парни чуть ли не все из группы.

У мамы Альбины Алексеевны сердце доброе: мальчишки-то все далеко от родных мест живут, пожалеет, пирожков напечет. А Олегу приятно, такая у него мама! Да и сам он был ласковым, внимательным. Когда уходил гулять с ребятами на край села, всегда предупредит. Бывало, задержится, Альбина Алексеевна идет туда, где молодежь, а Олег уже ей навстречу, обни-

мает, при всех «чмокнет» в щеку: «Не волнуйся, мама, видишь — все хорошо».

За год до службы в армии пошел Олег к отцу в бригаду, на комбайн, на трактор. Работал и слесарем в ремонтно-механической мастерской совхоза. Год были вместе. По дороге толковали и про учебу, и про будущую службу в армии; про все и обо всем. Отец сыну говорил: «Не отставай в жизни, если учиться, то учись, а работать, так чтоб с огоньком. Ростом удался, умом тебя Бог не обидел, сил достаточно, а в армию пойдешь, помни — не посрами село, семью нашу».

26 апреля 1983 года пришел Олег домой с друзьями. Им, пятерым, повестки вручили. Служить...

Проводы — это все-таки праздник. Напутствия, подарки, песни, музыка. Шумит молодежь, веселится. И вдруг среди этого шума, веселья голос Олега: «Мама, спой мне на прощанье свою любимую, только одна, чтобы никто не пел». И, сидя у окна, напротив сына, Альбина Алексеевна запела тихо-тихо знакомую всем до боли песню: «Каким ты был? Таким остался, орел степной, казак лихой... Я всю войну тебя ждала...». Слезы в глазах, голос чуточку дрожал. Кто провожал сыновей в армию, знает, что это такое. А потом, покинув гостей, она с сыном вышла на улицу. И прошли они от механических мастерских до дома Долгаченковых... А когда далеко за полночь гости разошлись, Альбина Алексеевна растелила постель, а он, их Олег, раскинул руки по сторонам и говорит: «Ой, мамочка, последнюю ноченьку дома».

Утром суета, сборы. В военкомат поехали все на автобусе. До самого Тихвина под гармошку ребята пели, а родители... Да что говорить...

В здание военкомата провожающих не пустили, ждать пришлось долго. И вот они пятеро выходят, Олег держит шапку в руках, а голова-то бритая. Птицей метнулась к сыну Альбина Алексеевна, обняла его, трижды поцеловала в лоб, перекрестила. А про себя подумала: «Зачем же я его в лоб целовала, наверное, уж, никогда не увижу...» Виктор Константинович тоже обнял Олега: «Смотри, не будь трусом, не посрами семейной фамилии. Имя твоего деда на станции Большая Ижора золотом выбито на памятной плите. Служи честно. Помни, что мы Комовы».

В одном из писем Олег попросил Альбину Алексеевну: «Мама, сбереги мои водительские права, они мне еще понадобятся, ты мне их пришлешь». Знала тогда мама одно, после армии сын вернется в поселок, будет работать вместе с отцом, а по-другому и быть не должно. Комовы из тех, для кого земля — неотъемлемая часть жизни. Как-то раз Виктор Константинович сказал жене: «Попомни, Аля, мои слова: наши дети всегда будут жить с нами, жить на борской земле. И сын из армии вернется, в город не сбежит. Только отслужит вот».

А в Афганистане шла война.

«Привет из Афгана! — пишет Олег. — Здравствуйте, мама, папа, бабушка. Вот решил написать небольшое письмо. У меня сейчас такая служба, что писать некогда, в полку бываю редко, постоянно в командировках. Гоняем душманов по горам. Сейчас в госпитале, не думайте плохо, просто вырезали аппендицит». Альбина Алексеевна читала и не верила сыну: «Какой аппендицит? Наверно ранили». Вспомнила, как летом 82 года мотоцикл «Минск» ему купили. Олег на нем ногу так поранил, что потом неделю в хирургии лежал. А ведь целую ночь до больницы с такой болью дома находился и родителям ничего не говорил...

«Батя, ты зря опять начал курить, я вот бросил и не жалею. Не курю уже две недели. В общем, у меня все хорошо. Если долго не будет писем, то не расстраивайтесь. Я после госпиталя опять уеду в горы, а оттуда письма не отправишь. Ну, а как вы там живете, как здоровье, какие новости в Бору?» — спрашивал Олег родителей, и они отвечали подробно: «Новости у нас такие: вернулся со службы Юра Боровский, Валера Колесников прислал письмо домой. Пишет, что в Томске (в командировке) встретил Колю Чеснокова».

И снова письмо сына:

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и бабушка. С огромным солдатским приветом к вам я. Извините, что долго не писал. Я был в командировке, потому и не писал. Дела у меня идут хорошо. Жив, здоров, настроение отличное. Присвоили новое звание и новую должность. Теперь я сержант и заместитель командира взвода управления. Правда, ответственности стало больше, но ничего, справлюсь. В общем у меня все нормально, беспокоиться нет причины. Ну, а как вы живете, как здоровье? Какие новости в Бору? Ну, ладно, извиняюсь, что мало написал. До свидания, Олег... Уже 2 часа ночи, а дома еще только 12...»

После этого письма родители стали жить по двойному времени. Вставали в шесть и думали, что Олежка уже завтракал, а в 7 — где он может быть, а в 9? Да разве угадаешь. А он, как бы читая мысли на расстоянии, спешил сообщить:

«Привет из Афгана!

Только что приехал с выхода в горы. Съездили удачно, поймали банду 28 человек. Пришлось немного пострелять. А службу я, батя, в разведке. Прошу не волноваться, ничего страшного в этом нет. Просто немного посложней, чем в других войсках. И прошу не ругать, что пошел в разведку по собственному желанию. В данный момент исполняю обязанности замкомвзвода. У меня все хорошо. Жив, здоров, настроение отличное. Ну, что еще писать о себе, больше вроде нечего. Высылаю фотографию. Это я с земляком, он из Ленинграда. Правда, есть еще один парень в роте. Этот поближе, из Колчаново, Волховский район. Он на этот выход не ездил. До свидания. *Олег.* Привет родным и знакомым. Жду новостей. Как вам живется без меня?».

Почти в каждом письме он делал такую приписку: «Передавайте привет девчонкам и парням от меня. Скажите, что могут спать спокойно, пока я здесь. **Как вам живется без меня?**».

Вскоре родители получили и эту фотографию: Олег стоит, улыбаясь, в обнимку с Сережей Жаровым.* Оба крепкие, под стать друг другу.

«Это я с земляком после выхода в горы, — написано рукой Олега на обратной стороне фотографии. — В этот день мы поймали банду душманов из 28 человек».

28 апреля 1984 года Олег и Сережа погибли в одном бою. (Только через 10 лет родители сыновей — Комовы и Жаровы — нашли друг друга. Это было 15 февраля 1994 года на вечере встречи в Доме офицеров на Литейном, 20, в Санкт-Петербурге).

Из воинской части, где служил Олег, пришло письмо:

«Командование и политический отдел воинской части с глубоким прискорбием сообщают, что ваш сын Комов Олег Викторович, выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 28 апреля 1984 года.

* Сергей Евгеньевич Жаров (род. 16.12.1962, г. Ленинград).

«Это я с земляком Сережей Жаровым (из Ленинграда) после выхода в горы. В этот день мы поймали банду душманов из 28 человек», — написал на снимке родителям О. Комов.

В сложной боевой подготовке он всегда проявлял высокие морально-политические качества, искренне желая помочь товарищам по оружию. Весь личный состав глубоко скорбит по Вашему сыну и своему боевому товарищу».

На Тихвинском кладбище, где похоронены воины-интернационалисты, могила младшего сержанта, Олега Комова, первая. Как хоронили сына рассказала Альбина Алексеевна: «Горисполком отвел местечко на кладбище. Только какое. Кругом мусор, глубокие канавы, отделявшие его от гражданского кладбища. Боже, чего там только не было. Из поселка привезли кустарники, деревья, плиты. Сколько же у нас слез пролито. Я говорю: «Сынок, ты один здесь, одна твоя могилка, как обсевок в поле».*

О гибели Олега рассказал в своем письме домой Сережа Локотьянов: «...У нас погиб земляк мой — тихвинец, мой сокурсник из Березовского техникума».**

«Так тяжело, — говорит Виктор Константинович, — разорвал бы все себе внутри. Очень тяжело без сына».

* Теперь на этом месте 9 могил воинов-афганцев. Рядом с ними стали хоронить и других военнослужащих. Так появилось в Тихвине воинское кладбище.

** Сергей Локотьянов тоже погиб в Афганистане в январе 1985 г. Его могила стала третьей на кладбище. Вторым в сентябре 1984 года здесь похоронен Володя Афонин.

Похороны Олега Викторовича в пос. Бор Тихвинского района (из семейного альбома Комовых).

«Эту песню мы впервые услышали на тихвинском фестивале солдатской песни 27 ноября 1993 года, — пишут родители. — Она посвящается нашим сыновьям, напечатайте ее в нашей Книге, пожалуйста. Спасибо за светлую память о наших детях. *Комовы*».

«Как вам живется без меня, как вам
живется?
Идет там снег сейчас у вас, иль светит
солнце.
А мы с друзьями по горам душманов ловим,
Немало пролили уже солдатской крови.
Прошу простить меня, что так пишу
я редко,
Ведь мы зовемся — батальонная разведка.

А это значит, что почти не отдыхаем,
И пусть погода даже самая плохая...

Припев:

И письмо по свету летит, летит,
А его вот нет. — Убит.
Два года пролетят, приеду я домой к вам.
Ты испечешь пирог, и сядем мы за стол,
мам,
И вспомним мы с отцом, как выходили
в поле,
И вспомним мы еще и многое другое.
Как там сестренка?
Хоть бы фотку раз прислала,
Наверно, старше и застенчивее стала.
Ну вот и все, письмо на этом заключаю.
Ах, Боже, как я здесь по Вам, по всем
скучаю...»*

* Текст песни дан в сокращении.

**РЫБКИН
ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ**

27.VIII.64—13.V.84

Родился в Ленинграде. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Женат. В Афганистане — сержант, командир отделения (в/ч 51884).

Родители: Рыбкин Сергей Петрович, Сизова Антонина Алексеевна.

Петр учился в средней школе № 332 и в школе-интернате № 46 Ждановского района Ленинграда, в школе № 1 г. Выборга.

По окончании восьми классов поступил в Ленинградское СГПУ-39.

В 1981 году получил диплом и грамоту «За отличное овладение профессией и примерное поведение». На память — фото у развернутого Красного Знамени. Работал в Локомотивном депо помощником машиниста, неоднократно поощрялся денежными премиями.

29 октября 1982 года был призван в Вооруженные Силы СССР Выборгским ОГВК.

С апреля 1983 года служил в Афганистане (домой писал, что служит в Венгрии).

Погиб 13 мая 1984 года, выполняя боевое задание.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на городском южном кладбище г. Выборга.

В 1989 году на имя Рыбкина Сергея Петровича пришло письмо:

«Уважаемые родители!

К Вам обращаются учащиеся ПТУ-39 гор. Ленинграда. Так как у нас создается Комната Боевой Славы, убедительно просим выслать документы или тетради, фото (что сохранилось) вашего сына Рыбкина Петра Сергеевича, погибшего в Афганистане. Петя окончил наше училище в 1981 году по профессии «Помощник машиниста». Клуб «Поиск». Преподаватель истории З. С. Максимова».

Просьбу учащихся родители Петра Сергеевича удовлетворили.

Дома бережно хранятся «Благодарственное письмо» командования войсковой части, записная книжка, письма сына и среди них и эта короткая записка:

«Батя, здорово! Служба идет нормально! Я стал отцом! У меня родился СЫН — Антошка!!!!!».

На шести страницах школьной тетради написал Сергей Петрович, отец Рыбкина П. С., о жизни сына. Поведал о детстве Петра, о службе сына в армии.

Из Афганистана он писал довольно часто, рассказывал о службе, о том, где находится в настоящий момент. Только подчеркивал, что служит в Венгрии — не хотел расстраивать родных, огорчать их сообщением о пребывании в Афганистане. Вот почему все письма начинал со слов: «Привет из Венгрии».

«Привет из Венгрии.

Здравствуйте, мои дорогие папка, т. Валя и Сашка!

С огромным солдатским приветом к вам я, ваш Петька. Во-первых, извините, что долго не писал, а написал, потому что отправляют. Я и сам этого не знал. Но пришел приказ — и я поехал в Ашхабад, а оттуда самолетом (без посадки в Москве) в Будапешт. Сейчас служу под Будапештом, в 40 км от него. Здесь место очень красивое, недалеко от части протекает реч-

ка, она хоть и маленькая, но очень вписывается в местный пейзаж. Кругом леса, сады. Садов очень много. Фруктов достаточно, ведь вы же знаете, Венгрия вместе с Болгарией — основной поставщик свежих фруктов и по консервированию в Союз. Я доволен, что попал в соцстрану да еще и на Запад. Некоторые ребята поехали в Болгарию, ГДР, Польшу и даже на Кубу. Сейчас я уже не командир танка. Как говорится, махнул, не глядя, на БМП: я теперь командир БМП и командир отделения. Ребята все очень хорошие, приняли меня тепло. Из Ленинграда здесь тоже служат, даже есть в нашей роте. Вот такие у меня дела. Пишите, как вы.

Мой адрес: 051884 Полевая почта в/ч 51884 «Б-3».

На этом кончаю. Жму крепко руку. С приветом ваш *Петя*.

Батя, очень прошу, не забывай Марину и Антона. Они получили комнату, так ты им помоги, если можешь, а если не сможешь, то хоть материально. Я приду, все отдам, договорились?».

«А он-то и не служил ни в какой Венгрии, — говорит отец Петра, — понятно, для нашего успокоения. Как только его призвали в армию, была учебка в Теджене, а потом — Афганистан. Об этом мы узнали позже».

И снова письмо из ДРА:

«Привет из Венгрии.

Здравствуйтесь, мои дорогие батя, т. Валя, Саша и братишка.

С огромным приветом и наилучшими пожеланиями к вам я, Петя.

Батя, письмо я твое получил, большое спасибо. Здесь, за границей, особенно ощущаешь тепло и заботу, которую проявляют о тебе в Союзе. Я очень рад, что дома сейчас все очень хорошо, а главное, что родился брат, и у тети Вали здоровье в порядке. Немного напишу о себе. Дела мои идут потихоньку. Настроение хорошее. На здоровье не жалею.

В общем, служба идет своим чередом. Сейчас мы всей ротой занимаемся благоустройством жилого городка. Строим новые казармы. До 25 числа должны сдать три казармы. Две уже почти готовы. Скоро кончим и третью. Полк преобразуется.

Весной привезут земли, наверное, с дерном, обложим все вокруг казарм, будет красиво.

Сейчас еще пока живем в палатке. Но в палатке не хуже, чем в казарме. Полы у нас деревянные, в окошках стекла, даже стены и те деревянные делаем. В общем, ничуть не хуже, чем в казарме. Вот такие у меня дела. Привет Вам передает Марина с Антошкой. У нее все нормально. Живут хорошо. На этом все мои новости кончаются, так что жду ответа. До свидания. Целую вас крепко-крепко. С приветом и наилучшими пожеланиями ваш *сын и брат*».

«Петина мама, Антонина Алексеевна, умерла, когда ему было десять лет, — уточняет в письме Валентина Николаевна. — Потом в дом хозяйкой вошла я».

Петя, нуждавшийся в материнской ласке, признал Валентину Николаевну, и свою нежность сохранил до конца дней. Их привязанность друг к другу, дружба и понимание были чисты и неподдельны.

В ноябре 1983 года пришло письмо из воинской части, где служил Петр. Как всегда первым читал письма сына Сергей Петрович, потом Валентина Николаевна и только после этого они обсуждали каждое слово, каждую строчку.

Так было и в этот раз.

Сергей Петрович долго рассматривал конверт, осторожно открыл его, достал письмо и долго читал. Потом любовно погладил листок, поднял голову, улыбнулся: «Валюша, — сказал он, — ты можешь гордиться сыном». Командование части прислало «Благодарственное письмо», в котором выражает признательность родителям за «хорошее воспитание сына — настоящего патриота-интернационалиста»...

Ни Валентина Николаевна, ни Сергей Петрович как-то и не задумывались, где служит сын: на конверте — полевая почта, Петя рассказывал о Венгрии. Об Афганистане даже и не думали. А он продолжал слать трогательные весточки, полагая, что так сможет сохранить спокойствие в семье родителей. И ему это удавалось:

«Привет из Венгрии!

Сейчас снова уезжаю в командировку, сопровождать колонну «Уралов». Ведь ты,

бать, должен знать, берут только офицеров и с ними двух или трех сержантов. Вот и я еду с капитаном Викторовым и с другом Витькой. Он, капитан, почему-то больше никого не берет, только нас с Витькой.

Да, почему молчите? На этом кончаю. С уважением *Петя*».

И так в каждом письме:

«Привет из Венгрии!

Здравствуйте, мои дорогие папка, тетя Валя, Сашка и Андрюшенька! С пламенным солдатским приветом и наилучшими пожеланиями я — ваш сын и брат Петя!

Во-первых, жив и здоров, чего и вам желаю. Настроение нормальное. Служба идет потихоньку, каждый вновь приходящий день похож на ушедший, изменений он почти не приносит. Письмо ваше получил, за которое большое спасибо. Спасибо вам за поздравление. Извините, что поздравляю вас с большим опозданием. Да, время летит, вот уже и прошел год моей службы. Служба, как говорится, пошла книзу. У Марины все хорошо. Она не болеет. Сынишка тоже здоров. У него уже прорезался зуб, он сам встает. Понемногу начинает говорить и говорит уже «папа», а «мама» еще не может сказать. Вот такие у него дела. Они передают вам большой привет. Ну вот, вроде, и все. На этом кончаю. До свидания. Жду ответа. Крепко целую вас, с уважением ваш *Петя*».

«Это его последнее письмо, — говорит Валентина Николаевна. — Не могу даже представить, что наш сын был на войне...».

«Я не знаю, зачем
И кому это нужно,
Кто послал наших мальчиков
Не дрожащей рукой,
Только так беспощадно,
Так зло и свободно
Опустили их в вечный покой...».

Документ № 1

«Уважаемые Сергей Петрович
и Валентина Николаевна!

С глубоким прискорбием сообщаем, что Ваш сын и наш боевой товарищ РЫБКИН Петр Сергеевич, выполняя боевое задание,

верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 13 мая 1984 года.

Смерть Петра — тяжелая утрата для всех нас. Ваш сын был мужественным и храбрым воином, добросовестно выполнял свой боевой интернациональный долг. За время службы в части он проявил все черты советского воина-интернационалиста, до конца с честью выполнил воинский долг по охране рубежей нашей Родины и оказанию интернациональной помощи народу ДРА.

Петр был честным и трудолюбивым, пользовался авторитетом у командиров и товарищей по службе.

В этот тяжелый час утраты мы скорбим вместе с Вами.

Память о Вашем сыне и нашем боевом товарище Рыбкине Петре Сергеевиче навсегда останется в наших сердцах.

Командир войсковой части 51884

Ядрышников

Заместитель командира по политической части *Щербяк*».

Документ № 2

«УТВЕРЖДАЮ»
Командир в/части 51884
Подполковник *Ядрышников*
13 мая 1984 года

АКТ

13 мая 1984 года комиссия в составе: председатель комиссии — ст. лейтенант ШУМИЛОВ, члены комиссии — прапорщик ГАРАНЖА, с-нт НИКИТИН, произвела опись личных вещей и ценностей погибшего военнослужащего.

«Личных вещей нет».

Из рассказа Валентины Николаевны:

«Когда наступил 1984 год, мы с горечью отмечали, сколько парней Выборгского района привозят из Афганистана, сколько уже получили похоронок родители, а наш Петя к счастью, служил в Венгрии. И вдруг это письмо командира части. Такое горе...».

В сентябре 1984 года родители получили письмо из города Газни (в Афганистане) от Новосельцева Сергея Александровича:

«Здравствуйте, дорогие родители Пети! Совсем недавно я получил письмо, где мне сообщают, что Петя Рыбкин погиб. Но

я все не могу поверить. Мы с Петей дружили с самого первого дня службы, вместе были в Теджене в учебном подразделении, окончили его. Я уехал немного раньше в Афганистан, но мы все равно переписывались, мечтали встретиться на гражданке, ведь я тоже из-под Ленинграда, живу в Кузьмолowo — с Финляндского вокзала в сторону Приозерска или Сосново. Но этой мечте не сбыться.

Вы уж меня извините, что я тревожу вас, но я хочу знать: может это ошибка?

С уважением вечный друг Пети — Сергей. 2.09.84. Афганистан, г. Газни. *Новосельцев Сергей Александрович*.

Из письма Сергея Петровича Рыбкина:

«Личные воспоминания о детстве Пети, его юности навсегда останутся с нами. Не забываем мы и внука Антона, и его маму Марину — они сейчас живут в Молдове.

Где, в каких местах и за что воевал Петр, теперь ни мне, да и вам никогда не узнать. Пал он на поле боя. О чем думал тогда в чужой стране, среди гор — в жару, в гро-

хоте боев? На него столько всего навалилось за такой короткий отрезок жизни: служба, рождение сына Антона, рождение брата Андрея, военная учеба в подразделении, заграница, так называемая «Венгрия», где шла война.

Хочу спросить, во имя чего все это? За что боролся, воевал наш сын? За самое близкое, только чье оно?

Хотели бы знать, в каком живем государстве? Ни наши слезы, ни страдания никого не трогают. Выходит, ни наши дети, ни мы не нужны Отечеству.

Афганскую войну постараются забыть те, кому это удобно, выгодно. А теперь на афгано-таджикской границе что творится.

В настоящее время воспитываем младшего сына Андрея, подрастает и сын Пети. Для кого только?

Жить стало трудно, да и непонятной стала жизнь. На этом заканчиваем.

С уважением, невовавший отец погибшего на войне сына — *Сергей Петрович* и моя жена *Валентина Николаевна*. Май. 1993 год».

* * *

«Виноватую улыбку
Ты не прячь, военкомат.
Говорят, была ошибка
Девять лет тому назад.
Там, где звезды над крестами
Золотом обведены,
Кто-то сонными бровями
Двинул в сторону войны.
И рванулись батальоны
От речей навеселе,
По нерусской, прокаленной
Ненавидящей земле.

Золотая чья-то рыбка,
Чей-то звездный календарь!...
Уж какая там ошибка,
Коль обещана медаль!
Девять лет носили стойко
Груз приказов и гробов.
А в России перестройка
Аппаратов и штабов.
Реагировали гибко:
Это что там за война?
И кивнули:
Да, ошибка,
Ведь ошибка не вина...».*

* Газ. «Контингент», № 1–2, 1993 г.

САДОВНИКОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕНТИНОВИЧ

21.IV.64—18.V.84

Родился в поселке Мга Ленинградской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — сержант, снайпер 2 мотострелковой роты (в/ч 39676).

Родители: Садовниковы Валентин Федорович, Муза Матвеевна.

В 1981 году, получив аттестат зрелости, поступил в СГПТУ № 23. Стал электромонтажником на Ленинградском опытно-экспериментальном электромеханическом заводе.

В Вооруженные Силы СССР призван 2 ноября 1982 года Кировским ОГВК. Полгода находился в учебном подразделении в Ашхабаде. Получил военную специальность — пулеметчик.

С 25 апреля 1983 года — Афганистан: Кабул, Газни, Кандагар. Ранен. Лечился в Ташкенте (просил родителей не сообщать). Вернулся в часть.

18 мая 1984 года погиб, выполняя боевое задание.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен во Мге на Братском кладбище, на аллее воинов, погибших в мирное для нашей страны время.

Мемориальный стенд, посвященный воину-афганцу, сейчас во Мгинской школе. В комнате Боевой Славы хранятся личные вещи Садовникова В. В.

Как и все родители, Муза Матвеевна и Валентин Федорович с первого дня появления Володи* на свет жили буквально им. Всю любовь и нежность сосредоточили на сыне. Ранние детские болезни, школа требовала постоянной заботы и внимания. Чем старше — тем больше.

«Не скажу, чтобы сын во всем был примером, — пишет мама. — Порою ссорились, не находили общего языка в подростковом периоде. Но это оттого, что слишком требовательны были к себе и к нему, хотя он у нас был замечательный сын».

Но как сказала его учительница: «Володя такой, как все, но очень, очень добрый, и его одноклассники считают верным товарищем». Его просто обожали. И было за что. Он хорошо играл на гитаре, любил

* Назван в честь друга семьи Садовниковых — В. Я. Кузьменко, погибшего при исполнении воинского долга во Вьетнаме.

исполнять песни Ю. Антонова, А. Макаревича, посещал танцевальный кружок, участвовал в художественной самодеятельности при Доме культуры, играл главную роль старшины в любительском спектакле «А зори здесь тихие». А еще до самозабвения любил свою учительницу Музу Федоровну Лопухину. Так бывает. К шестнадцати годам характер Володи начал выравниваться.

На заводе оставил в коллективе хорошую память за трудолюбие, веселый характер и добрый нрав.

Отличной работоспособности и бодрости способствовал спорт: он хорошо играл в баскетбол, катался на лыжах, а в летнее время ездил в спортивный лагерь, что был на реке Вуокса.

До армии говорил так: «Хочу служить с ребятами своего возраста. Я парень и должен служить в армии. Для меня служ-

ба — Важный этап в жизни, Я же мужчина»...

Это был физически и нравственно здоровый юноша — нежный сын, надежный друг. И планы на будущее у него были добрые: после службы пойти в органы МВД.

В учебном подразделении (Туркестанский ВО), как и у любого солдата, свободного времени мало. Домой Володя писал регулярно, держал родителей в курсе всех своих дел и забот.

Вот одно из них:

«Здравствуйте, дорогие родители!

Привет от Вашего сына, воина Туркестанского Военного округа. Мама, сразу же обращаюсь к тебе. Ты не подумай, что я про тебя забыл, я прекрасно знаю, что у тебя 26/ХП день рождения. Поверь, у меня сейчас нет ни минуты свободного времени. Через день хожу в наряды, весь полк уехал в учебный горный центр, осталось только две роты. Вот мы и меняемся. Не знаю, где, но знаю точно, что Новогоднюю ночь проведу в наряде. В сутки сплю часа по три, по два, но ты не расстраивайся, я уже привык, служба есть служба. И я считаю, что лучше поздравить на неделю позже, чем никогда. Мама, я поздравляю тебя с днем рождения, желаю крепкого здоровья, самого крепкого, успехов в труде, счастья и долголетия. Всех вас поздравляю с Новым 1983 годом. Всем родственникам — приветы, поздравления. До свидания! Крепко целую. *Володя!* 27.12.82 год».

А потом родители получали весточки из ДРА. Когда читаешь их, отчетливо осознаешь: самые счастливые годы детства, ранней юности в семье Володи связывались с радостью общения с природой, с походами в лес, с поездками за душистым сеном, с рыбалкой. И таким все далеким это казалось, безвозвратным, пока он на афганской войне, о которой он почти не писал, и лишь тоска до отчаяния — и не помочь ничем.

«Здравствуйте, дорогие мама и папа!

Как всегда, начинаю с этих слов. По-прежнему у меня все нормально и хорошо. Здоровье классное, настроение бодрое, служба идет на высоком уровне.

Привезли молодое поколение, из Ленинграда нет никого. Сейчас вспоминал Ленинград. У нас ведь сейчас закончилась самая прекрасная пора, легендарные белые ночи. Много думаю о родном городе: зайти бы в какой-нибудь бар, посидеть, послушать музыку или сходить в Центральный Парк культуры и отдыха, сесть на лодку покататься. Очень хочется посмотреть футбол на стадионе им. С. М. Кирова, как играет наш ленинградский «Зенит». Хочется съездить куда-нибудь на Финский залив, в Солнечное, как я с ребятами был в том году летом, искупаться, отдохнуть на песке. Или с тобой, папа, на рыбалку на Ладогу, в Кобону. Еще очень тянет на Вуоксу и в Лосево, сходить в поход. Желаний, как видите, у меня много, но пока они все неисполнимы. Но я сильно не расстраиваюсь. Придет время и у меня все это будет, как говорится, все служили. Сегодня воскресенье, вы, наверное, на речку смотаетесь. А у нас тут такая жара, что кроме умывальника, нигде не искупаешься. Ну, ладно, заканчиваю. Сегодня выходной, а у меня работа, сами понимаете — служба. До свидания! Крепко целую и обнимаю! Ваш *сын Володя*. Высылаю вам свое свидетельство об окончании учебной части, а то по карманам таскаешь, все это у меня в военном билете написано. 4.7.83».

Минуло больше года, как Володя уехал из дома. В Афганистане уже восемь месяцев. Второе поздравление с днем рождения шлет своей маме. Только слово «Жизнь» он пишет с большой буквы. Случайность? Ошибка? Думается, нет.

«Дорогая мамочка!!!

Поздравляю тебя с твоим 44-летием. Желаю тебе крепкого здоровья, счастья, успехов в труде. Быть всегда веселой и жизнерадостной, никогда не грустить, быть вечно молодой и цветущей, и конечно же, долгих лет Жизни. Афган. 21.12.83. Твой сын *Владимир*».

Письма сына. Они возвращают к жизни родных и близких. Но ненадолго, на короткий миг, пока их читают. И снова тревога, боль и тоска. И мольба: «Господи, спаси и сохрани», «Господи, отведи беду». И так до следующего письма.

А он сообщает о солдатских буднях, слово и войны нет.

«Здравствуйте, дорогие мои родители, мама и папа!

Вот только что пришел из парка в роту, до обеда еще масса свободного времени, пишу вам очередное письмо. Вы, случайно, мои письма не складываете? А то бы мне хотелось посмотреть, сколько их там и сколько еще будет, а потом их все взять и прочитать по порядку. День начался, как обычно: Подъем, зарядка, утренний туалет, завтрак, развод. До обеда ковырялся с техникой в парке. Жара страшная. По машинам лазишь в одних трусах, уже второй раз начала слезать кожа со спины, хожу черный, как негр.

Сегодня с ребятами опять вспоминали гражданскую жизнь и Союз. Посмеялись, погрустили, вспоминали, когда были молодыми солдатиками. Даже не верится, что прошло это время.

Скоро мне уже будет 20, а точнее — через 8 дней. Вроде, уже не маленький, а для вас, наверное, на всю жизнь ребенок...».

Далеко Афганистан от дома сержанта Садовникова Владимира Валентиновича. Но как бы далеко он ни находился, сердцем чувствует солдат, какие думы одолевают дорогих ему людей. Он понимает, как им нелегко, здесь же и ему не сладко. Что бы он только не сделал, чтобы оградить их от страданий, от томительного ожидания его возвращения домой. И снова письмо, в котором подробный рассказ о житье-бытье, но о главном — молчание:

«Здравствуйте, дорогие мои родители мама и папа!

Сейчас у нас в роте одни молодые офицеры, ребята отличные, живу с ними, как с друзьями, командир роты тоже мужик нормальный. Правда, он сейчас в отпуске, замполит тоже нормальный. Ну, а лейтенанты — командиры взводов, на два, три года постарше меня, ребята хорошие. Правда, они у нас считаются молодыми, так как они с Союза только что приехали и очень многого здесь не видели, еще не знают, как тут нам иногда приходится туго. Ну это ничего, пройдет месяца три-четыре и они научатся всему...

Вечером сегодня заступаем в наряд по столовой. После обеда попробую поспать пару часиков, если усну — в палатке жара невыносимая. Днем жара, а ночью печки топим. Чертовый климат. Где-то к середине мая или к концу в палатке будет тепло ночью. Вот и все мои новости. Крепко целую. До свидания. *Володя!* 13.4.84».

18 мая 1984 года, выполняя боевое задание, сержант Садовников Владимир Валентинович погиб.

Место гибели сына родителям не известно. О том, при каких обстоятельствах погиб, рассказал старший лейтенант, привезший тело В. В. Садовникова.

Рота сопровождала колонну автомашин с продовольствием. Напали душманы. Завязался бой. Владимир был тяжело ранен в живот, смерть наступила мгновенно.

Первые годы Муза Матвеевна не могла слышать слово «мама». В каждом юноше искала сходство с Володей и всегда что-то находила. В свидениях сын приходит маленьким мальчиком, до 10 лет, и всегда — веселым.

Из письма Музы Матвеевны:

«В «Литературной газете» я прочитала, что войну в полном ее объеме долгое время прятали от людей, у которых для нее, этой войны, забирали сыновей.

Так и у нас забрали сына, а с ним потеряно все самое дорогое. Мы отправили служить сына 18-летним юношей, он навсегда останется таким. Вечная память ему!

Да, в одном из писем, Володя сообщил, что у него есть хороший друг из поселка Никольское Тосненского района (фамилии и имени не называл), может наша Книга поможет нам найти друг друга?

Большое спасибо всем ребятам за проявленное внимание к нам, за заботу. Служба в Афганистане их крепко сдружила. Вернувшиеся домой и здесь выполняют свой долг перед родителями погибших.

Письма не выбирала, взяла из стопки, наугад...

С уважением *Муза Матвеевна*. 24 апреля 1993 года».

**САБУРОВ
СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ**

28.III.47—14.VII.84

Родился в деревне Желниха Костромской области. Русский. Образование среднее специальное. Член КПСС. Женат. В Афганистане — прапорщик, бортовой механик МИ-6, техник группы обслуживания вертолетов МИ-6 (в/ч 70419).

Родители: Сабуровы Борис Иванович, Лидия Васильевна.

После школы работал киномехаником. С 1965 года — служба в Прибалтийском военном округе. После армии учился в Шарьинском техникуме механизации сельского хозяйства. С 1969 года — сверхсрочная служба. В апреле 1972-го Сергею Борисовичу присвоено звание прапорщика, продлен срок службы на пять лет — до апреля 1982 года.

1977—1983 гг. — служба в Ленинградском военном округе в должности старшего механика по авиационному вооружению и десантно-транспортному оборудованию.

5 августа 1983 года Сергей Борисович, в качестве техника группы авиационного вооружения в составе четвертой эскадрильи направлен в отдельный гвардейский вертолетный полк в Афганистане (последняя запись в удостоверении личности С. Б. Сабурова, место службы — г. Кундуз).

14 июля 1984 года погиб, выполняя особое задание.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен в поселке Советский Выборгского района.

Из послужного списка:

«Шарьинскому горвоенкому
от гражданина С. Б. Сабурова

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу зачислить меня на сверхсрочную службу в ряды советской Армии. Поступая на сверхсрочную службу, обязуюсь служить не менее двух лет. С положением о воинской службе знаком.

20/ХП—1968 год».

В марте 1971-го С. Б. Сабуров снова пишет рапорт на имя командира 2-й батареи, он просит о продлении срока службы на два года.

Решение положительное.

Лидия Григорьевна Сабурова рассказала, что поженились они в 1971-ом. Лидочка тогда работала при Доме культуры, а Сережа служил. В 1972-ом родилась Марина.

В семье мир, покой. Все складывается как нельзя лучше. Сергей Борисович уже в звании прапорщика получает новое назначение, и они переезжают в Выборг, гарнизон Прибылово. Срок службы продлевается на пять лет. Новое место службы ему нравится. Сергей Борисович с увлечением изучает технику, постепенно входит в коллектив. Появляются новые друзья, товарищи.

Чего еще желать? Чудесный край, интересная работа. Дочь радуется успехами в общеобразовательной и музыкальной школах.

В 1979 году родилась вторая дочь — Наташа. Любознательное смешливое существо. «Сережа очень ждал сына, — говорит Лидия Григорьевна. — И, видимо, оттого, что мечте не суждено осуществиться, он нежно называл дочурку: «Мой сынок Наташа!». Кто мог подумать, что счастливый

год рождения дочери станет годом ввода войск в Афганистан».

По радио и телевидению все громче и громче говорилось о благородной миссии советских войск в Афганистане, о защите южных рубежей Родины. Служба там считалась почетной. Убывали в командировку в ДРА самые лучшие. Отказ считался позором.

В 1983 году в дом Сабуровых вошли тревога, боль разлуки.

Выписка из приказа командира войсковой части 55745, август, 1983 год.

Прапорщика С. Б. Сабурова, убывающего... в ТУРКво для дальнейшего прохождения службы, исключить из списков личного состава части и всех видов довольствия по технической норме. С 29 августа 1983 года, выплатить дополнительные довольствия за сентябрь—октябрь месяца 1983 года. Достойн выплаты единовременного денежного вознаграждения за поддержание боеготовности, выдать положенные документы, личное дело направить в в/ч 67495. Основание: приказ ЛенВО № 094 от 15 августа 1983 года.

Командир части *подполковник Черемных*.

Начальник штаба части *майор Фельк*».

Из письма Лидии Григорьевны:

«В августе в составе трех эскадрилий Сережа улетел в Афганистан. И я, как и тысячи других жен, не могла, не имела права противиться этому! Мой муж выполнял воинский долг.

А сердце протестовало, просило, чтобы он остался здесь, с нами. Сейчас мы многое переоценили и поняли, как мы были слепы! Никому не нужная война оставила тысячи сирот, вдов, одиноких стариков! И никто не сможет возместить им боль утраты! Но очень хотелось верить в лучшее.

Жизнь буквально остановилась. И только письма Сергея Борисовича спасали от отчаяния...».

Он писал почти каждый день, часто с юмором и ни строчки о трудностях. Во время болезни начальника группы вооружения и десантно-транспортного оборудования вертолетов МИ-6 Сергей Борисович исполнял его обязанности: летал на задания

в составе экипажа командира эскадрильи подполковника Скобова.

И вот долгожданная встреча в кругу семьи. Новый 1984 год. Сергей Борисович дома, в отпуске. Приехали родители, собрались друзья.

Лидия Григорьевна, девочки, родители ни на минуточку не хотели разлучаться с ним. В квартире Сабуровых — хлопоты, шум, суета, телефонные звонки. Отпуск пролетел быстро. Снова Афганистан. Как не хотелось покидать семью. «От этой боли в его глазах, — вспоминает Лидия Григорьевна, — думала, у меня сердце разорвется. Мы сидели вдвоем допоздна, говорили о родителях, о детях. О разлуке старались умолчать. Меня он попросил лишь об одном: не ездить с ним на вокзал — тяжела разлука».

Прошли года, а Лидия Григорьевна помнит день отъезда мужа: «Шел крупный белый снег до мельтешения в глазах! Это были наши слезы, слезы расставания навсегда».

Сергея Борисовича не стало, а письма приходили.

«Добрый день! Здравствуйте, мои любимые девочки, Лидушка, Марина и Натюля! Родные мои, вынужден был три дня не писать, был в командировке, пол-Афгана пришлось облететь. 15 июня в 8-10 утра вылетели — и вот только 18-го в 8-15 прилетел на аэродром. По приезду домой все подробно расскажу: где бывал, что видел и зачем летал. Только, чур, без обиды: ничего не объясняю, договорились? 14 июня получил от вас, любимые, 75-е письмо. Решил, с утра напишу ответ. А планы резко изменились. И вот отвечаю сегодня, 18.06. Да, и погода здесь плохая: ни самолеты, ни вертолеты не летали, почты тоже за три дня не было ни к нам, ни от нас.

У меня все отлично, если не считать одной мелочи: сильно обветрило губы, хожу с кремом в кармане, к встрече на родной земле все будет в порядке. Начальник у меня уже бегаёт с обходным листом, через несколько дней уедет домой. Я остаюсь опять за него до конца командировки. Ничего, переживем, осталось совсем ерунда. Как ты, роднуля, закончила учебу? Коротко о себе: иду стирать свой комбинезон после

Район Пули-Хумри.
1984-1985 годы.

командировки. Пишите, очень жду. Крепко вас целую. *Сергей*. 18.6.84».

Документ:

«Выписка из приказа от 15 июля 1984 года.

Сабуров Сергей Борисович, прапорщик, техник группы обслуживания АВ и ДО МИ-6, выполняя боевое задание, верный воинской присяге и, проявив стойкость и мужество, погиб 14 июля 1984 года при исполнении служебных обязанностей.

Командир полковник *Бигеев*
Начальник штаба майор *Третьяков*».

11 июля 1984 года с аэродрома постоянного базирования Кундуз Сергей Борисович вылетел на боевое задание, которое экипаж выполнил успешно. Спустя три дня экипаж возвращался на базу в Кундуз — с посадкой на промежуточном аэродроме для заправки топливом. В ущелье вертолет обстреляли. Ведомый передал на землю: «Наблюдаю густой шлейф дыма». Командир эскадрильи Скобов пытался сбить пламя и довести вертолет до места посадки, но безрезультатно. Он приказал всем покинуть вертолет. Первый летчик и штурман выбросились с парашютом. Два члена экипажа и С. Б. Сабуров были тяжело ранены. Командир Скобов не покидал машину, пы-

В горах Гиндукуша.

таясь дотянуть до места посадки — на борту вертолета оставалось еще четыре летчика, возвращающиеся на базу из кабульского госпиталя. Вертолет потерял управление и взорвался. В воздухе остались на парашютах двое членов экипажа...

САРАНЦЕВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

14.II.60—14.VII.84

Родился в селе Петрикеево Ульяновской области. Русский. Образование среднее специальное. Член ВЛКСМ. Женат. В Афганистане — лейтенант, бортовой техник вертолетной эскадрильи МИ-6 (в/ч 70419).

Родители: Саранцевы Николай Константинович, Антонина Сергеевна.

С 1977-го — курсант Выборгского авиационно-технического училища гражданской авиации. В ноябре 1982 года призван в Вооруженные Силы СССР Выборгским ОГВК Ленинградской области.

С 5 сентября 1983-го — Афганистан, г. Кундуз. В мае 1984 года был в отпуске, дома.

14 июля 1984-го погиб, выполняя боевое задание.

Награжден медалью «За боевые заслуги», орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на гражданском северном кладбище Выборга.

Постоянство, добропорядочность, общительность подкупали каждого, с кем Сергей находился рядом — такой красивый, сильный, веселый и очень добрый. А может любили за песни в его исполнении, возможно, за игру на гитаре. С ним было как-то уютно, весело и спокойно.

А он, Сережа, очень любил своего отца, уважал его за строгость, справедливость и неподкупность. Николай Константинович для сына — авторитет. Мальчишка не видел отца без дела; тот постоянно в хлопотах. С детства Сергей любил общество отца, засыпал его вопросами «почему?», «как?» и тот отвечал, не отделялся словом «отстань», отвечал спокойно, доходчиво, просто. Так и жили.

О своей мечте летать поделился Сергей с Николаем Константиновичем. Совет отца для юноши много значил. «Работа, конечно,

Престарелые родители, Лидия Григорьевна, дочери потеряли самого близкого человека. И так хотелось верить, что во всем случившемся произошла какая-то ошибка, Сергей Борисович скоро вернется после длительной командировки, но...

не из легких, психологически тяжелая, учиться надо».

Вместе решили — авиационный!

Ее Сережа впервые увидел на вечере в авиационно-техническом училище. Среди курсантов тайное быстро становится явным. Взгляды, которые бросал на Людочку, не остались незамеченными однокурсниками.

Это была романтическая история: о ней Людмила Анатольевна рассказывала с улыбкой. Было им на двоих 38 лет. Поженились в декабре 1979-го. Сережа по распределению попал домой в Кременчуг. Там проработал наземным техником около двух лет. Получил звание «Мастер». «Но ему чего-то не хватало, — говорила Людмила Анатольевна Саранцева. — Поступил на службу в поселок Глебычево Выборгского района. И одновременно работал. Очень полюбил Выборг».

В 1982 году семья Саранцевых переехала в Прибылово. Их дочери шел второй годик. Молодой отец души не чаял в своем «Светлячке», так он называл доченьку.

Это была красивая, счастливая семья. Недолго продолжалось их счастье.

Из послужного списка:

СПРАВКА № 29

«Младший лейтенант Саранцев С. Н. при освидетельствовании 15 июня 1983 года во врачебно-летной комиссии в/ч 13668 признан годным к летной работе бортехником на всех типах вертолетов. Противопоказаний к направлению вграничную командировку в страну с неблагоприятным жарким климатом нет. 15 июня 1983 года».

Здоровья могло бы хватить на детей, внуков, может, даже на правнуков. И Сергей Николаевич летит в Афганистан.

Снова документ, подтверждающий деловые качества лейтенанта технической службы:

«В Демократической Республике Афганистан Саранцев С. Н. с 5 сентября 1983 года. За период боевых действий полка выполнил в составе экипажа 169 боевых вылетов с общим налетом 135 часов на десантирование войск и боевой техники, доставку боеприпасов и грузов, перевозку раненых и больных. Принимал участие в пяти операциях по высадке тактического воздушного десанта, перевозках боеприпасов и топлива на высокогорные площадки Куран-О-Муджан, Хоун, Ишкамыш, Калай-Хумб.

За это время с составом экипажа перевезено 290 тонн груза, 1900 человек личного состава, в том числе 85 раненых».

Не случайна награда — медаль «За боевые заслуги».

Из письма Людмилы Анатольевны Саранцевой:

«Мы с дочкой часто получали от Сережи письма из Афгана. Но знали только: он служит в г. Кундузе, летает на вертолете МИ-6. А больше ничего... Большая радость пришла в дом в мае 1984-го, когда Сергей Николаевич приехал в отпуск. Боже, какие это были счастливые дни для нас троих! Еще Сереженька обрадовал, что замена их

С. Саранцев — бортовой техник вертолетной эскадрильи МИ-6 в Кундузе. 1984 год.

эскадрильи должна прийти в августе—сентябре 1984 года. Осталось ждать не так уж долго. А еще он сообщил, что послали документы на награждение орденом. Расставались они с надеждой, с предвкушением новой встречи в скором будущем. Но судьба распорядилась по-другому — 14 июля 1984 года Сережи не стало».

Их экипаж перевозил на место базировки вышестоящее начальство из Союза. Летели под охраной двух вертолетов МИ-8. И все-таки их сбили. Из восьми человек погибло шестеро. Сергей Николаевич не покинул машину до последней минуты, до конца исполнил воинский долг. О последнем полете лейтенанта С. Н. Саранцева рассказали вдове Людмиле Анатольевне сослуживцы.

Итак, снова г. Кундуз. Та же воинская часть Сабурова С. Б., Косова В. Н.* и Саранцева С. Н. и общее горе.

* Косов Вячеслав Николаевич, ст. лейтенант, погиб 14 июля 1984 года. Его вертолет был сбит под Кабулом.

Выписка из приказа командира войсковой части от 15 июля 1984 года. «Саранцев Сергей Николаевич, выполняя боевое задание, верный присяге, проявив стойкость и мужество, погиб при исполнении служебных обязанностей.

Тело для захоронения направляется жене Саранцевой Людмиле Анатольевне, проживающей по адресу: Ленинградская область, г. Выборг...

Основание: свидетельство о смерти».

Никакими словами не передать отчаяния, горя родных, близких, друзей, сослуживцев.

КОРОЛЕВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

20.I.62—22.VII.84

Родился в поселке Глажево Киришского района Ленинградской области. Русский. Образование — среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — сержант, разведчик разведывательной роты (в/ч 35651).

Родители: Королевы Василий Иванович, Людмила Николаевна.

С 1977 по 1980 гг. обучался в СГПТУ № 216 г. Кириши. С июля 1980 по октябрь 1982 года работал слесарем-сантехником в ПМК-331 треста 42 г. Кириши.

30 октября 1982 года призван в Вооруженные Силы СССР Киришским ГВК Ленинградской области. С января 1983 года служил в Афганистане. 22 июля 1984 года умер.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа».

1 августа 1984 года похоронен в поселке Глажево: одиночная могила, мраморная плита с памятной надписью.

Этот пожелтевший конверт — память о Николае. Сохранились его письма друзьям — и больше ничего. Так уж получилось, что об одних удалось рассказать больше, о других — меньше, а о третьих... Что поделаешь: родные и близкие не сохранили материала о Н. В. Королеве.

Как у других жизненные вехи Николая: СГПТУ, работа, служба в своей стране. А затем год и два месяца в Афганистане. И все. Остались лишь скудные записи Ки-

«Перевал Карамунжон не ищи на карте
мира —
На двухсотке он пунктиром тонким дан.
Только птицам виден он, что уходят
легкокрыло
Зимовать на сопредельный Пакистан.
Перевал Карамунжон—лазуриновые
шахты,
Караванная тропа по леднику.
Здесь стоят со всех сторон горы древние
на вахте,
Безучастные и к другу, и к врагу...»

И. Морозов

ришского ГВК, представленные в биографической справке, и два письма Николая Васильевича для любимой. Они переданы ею в Книгу с просьбой не называть имени той, кому предназначались.

«Хорошая, милая моя, здравствуй!

Дни у нас будничные, наполнены учебой. Будем заниматься тактической подготовкой. Знаешь, что это такое? Так слушай: это 18—19-летние парни играют в войну, как играли в детстве. Только раньше они

бегали и кричали «Ура!» по собственному желанию, а сейчас — по приказу командиров и с величайшей неохотой. Все чаще и чаще думаю о тебе, хочу видеть, слышать твой голос. Как-то вечером мы с другом пошли в наш клуб. «Скажи, — спросил он меня, — тебе нравится какая-нибудь девчонка?». Я долго молчал, а потом сказал: «Да». Не скрою, каково было его удивление, когда я назвал твое имя: «Ты ей не пара».

Прошло несколько месяцев, и он сказал: «Завидую тебе». В душе я был благодарен ему за эти слова. Часто думаю, как сложится твоя, моя судьба. Неужели наши жизненные пути-дороги разойдутся после армии? Я СЛИШКОМ ЛЮБИЛ И ЛЮБЛЮ ТЕБЯ- Дождись меня...».

Николай коснулся, в основном, двух тем: войны, что вошла в его жизнь, и трогательной юношеской любви. Ни ностальгических воспоминаний о доме, ни подробных описаний ратного труда.

Из письма другу:

«Привет из ДРА. Витек, здравствуй. Ты знаешь, что служу в Афгане. Пока жив-здоров. Кажется, к климату привык. А вот страна и эти афганцы — какие-то они непонятные. Их просто жалко.

О войне теперь знаю не по книгам. Это, Витек, у нас здесь не учения. Это — когда ты или тебя! Я — разведчик. Ночью работаем, а днем отдыхаем! Знаешь, Витек, не могу ненавидеть этих афганцев. Жалко их. Какие-то они забитые.

Плохо, что военному делу нас не научили. Жалко ребят, что умирают. Жалко их родных, да и себя — тоже.

Ну, ладно, пока. *Николай*».

В письмах к любимой Николай пытается объяснить: случилось непоправимое в его судьбе, когда на чужой земле столкнулись зло и добро, смерть и война, надежда и любовь — и сознание того, что он может не вернуться домой. Пожалуй, его письма — единственные источники сведений о Николае в пору юношеской влюбленности, чис-

тоты самого важного периода в его жизни и душевного состояния вдали от любимой.

«Вчера от тебя снова получил письмо. Оно заставило меня подумать о многом. Понимаешь, милая, понял, что допустил непростительную ошибку. Ты должна знать об этом. Знаю, сколько потеряно надежд и какое горе может принести тебе это письмо. Ты как-то говорила: «Вот, вернешься из армии, поженимся — и у нас будет хорошая семья». Семья... Но ее может и не быть. Я здесь, на войне. Меня могут убить, я тоже убиваю. Но по приказу командиров. Не знаю, как я нашел в себе силы написать тебе правду. На днях уходим на операцию.

Не могу представить тебя несчастливой и чувствовать себя виновником. Но в чем моя вина? Я и сам не знаю...

Говорят, от судьбы не уйдешь. Но сегодня у меня нет выбора. Где бы я ни был, родиной остается мой Союз, а самым близким на земле человеком — ты, л-ю-б-и-м-а-я...».

22 июня, выполняя боевое задание, тяжело заболел и умер сержант, разведчик Николай Васильевич Королев.

«...Нам по двадцать лет, а на вид —
все двести.
Двести долгих зим за спиной стоят
в молчаньи скорбном,
Чтобы не покинул эти горы день...
Черная трава выжженного поля.
Гор седых глава сыта нашей болью.
Взятые в кольцо, двое нас и две чеки
гранаты. —

Кольца обручальные солдата...
Вольная трава на широком поле.
Села-острова связаны тропой.
Я бегу по ней, поспевая за шагами деда,
Где-то посреди прохлады лета...
Дождь напоит нас и земля накормит.
По войскам в приказ впишут слово
«помнить».

На моей земле нынче много песен недопето,
Там, где посреди прохлады лета — дом...».

С. Данилов

ЛАЙУС ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

21.IX.63—24.VII.84

Родился в деревне Пустомерже Кингисеппского района Ленинградской области. Русский. Образование среднее специальное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — младший сержант, командир БМП — командир отделения (в/ч 82869).

Родители: Лайус Владимир Владимирович, Елизавета Васильевна.

С 1971 по 1979 гг. учился в школе на центральной усадьбе д. Пустомержи. С 1979 по 1982 г. посещал вечернюю школу. С 1982 по 1983 г. — учащийся СГПТУ № 218 г. Кингисеппа, специальность — экскаваторщик. Успешно сдал экзамены, защитил диплом, но документы получить не успел: 3 мая 1983 г. призван в Вооруженные Силы СССР Кингисеппским ОГВК.

С мая по сентябрь 1983 г. находился в учебном подразделении. С сентября 1983 г. по 9 июля 1984 г. — служба в Афганистане, в Баграме. Неоднократно участвовал в боевых операциях, в одной из них был тяжело ранен. С 10 июля лечился в госпитале г. Ташкента.

Умер 24 июля 1984 г. в 340 ОВГ им. Боровского г. Ташкента.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР и знаком «Воину-интернационалисту».

Похоронен в деревне Пустомержа Волосовского района Ленинградской области.

Небольшое письмо пришло от Н. К. Шалашовой, заведующей библиотекой в училище, где учился Валерий. Нина Константиновна рассказала, как с помощью ребят она организовала работу музея. «Наш музей небольшой, открыт в 1987 году. В нем хранятся документы В. Лайуса: аттестат зрелости, афганский блокнот, комсомольский билет, орден и орденовая книжка, инструменты, которыми пользовался Валерий».

А еще с помощью Н. К. Шалашовой при училище создана группа «Поиск». Каждый год 9 Мая ребята из группы «Поиск» проводят уборку на сельском кладбище, подрезают кусты, на могилы возлагают цветы. Когда они приезжают, сельчане из близлежащих домов собираются на сельском кладбище, здесь же проводятся митинги. Все чтут память погибших в Великую Отечественную и умерших. Не забывают они

и о Лайус Валерии Владимировиче. Живые цветы всегда у подножия его памятника. Рядом с сыном могила его мамы, Елизаветы Васильевны. После смерти Валерия она очень болела. Просила об одном: похоронить рядом с сыном.

Нина Константиновна с ребятами часто навещали Елизавету Васильевну. Ничего мама не утаила от добрых людей. Рассказывала о сыне. Все документы, вещи, фотографии передала в музей. Отдала от чистого сердца, знала, что сама недолго проживет, верила: в надежные руки попадут материалы. В Книгу передано единственное письмо мл. сержанта Лайус В. В. из госпиталя другу Евгению Белову.

Вот оно:

«Привет из солнечного Ташкента! Здравствуй, друган Женя! Вот так получилось,

В. Лайус — командир БМП. Баграм, 1984-й.

Женя, что я оказался в Узбекистане. Я попал в госпиталь с сильными ожогами и надеюсь, что ты не доложишь по всей деревеньке, что со мной случилось.

Дела не из легких. Ожоги очень сильные. Лежу в госпитале, в реанимации. Сколько еще пролежу, точно не знаю. Матери скажи, что получил ожоги и лежу в госпитале. Про то, что подорвался на mine, не говори. **Успокой ее.**

Было бы очень хорошо, если бы ты ко мне приехал с друзьями. И передай мой адрес всем. Мой блокнот остался в той части, где служил. Всем огромный привет».

Блокнот Валерия привезли из Афганистана с вещами умершего.

Выдержки из него:

«Все, что написано в этом блокноте — память о службе моей. Ленинградская область, Кингисеппский район, д. Онстопель Лайус Валерию.

ПОВЕСТКА

«Тов. Лайус Валерий Владимирович явиться к 6 часам утра для призыва на действительную службу.

Военком, пол-к *Стула...*»

Легко солдату жить, когда солдата ждут,
Когда любовь солдата в сердце берегут.

* * *

В афганском блокноте Валерия стихи, слова песен: «Я найду этот край», «Поверь в мечту», «Чайки», «Маки», «Осень», «Ваше благородие», «Портрет», «Память о Высоцком» и другие.

Самое большое счастье для солдата — это уверенность в том, что его ждут и любят.

* * *

Единственная любовь на свете, от которой не ждут измены — Это любовь Мамы...».

Документ:

ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ
Полевая почта
№ 82869
25.07.84
№ 1168

Уважаемые Владимир Владимирович
и Елизавета Васильевна!

С глубоким чувством скорби сообщаем, что Ваш сын, Валерий Владимирович, воспитанный настоящим советским человеком, окрыленный неудержимым стремлением быть всегда впереди, был тяжело ранен 9 июля 1984 года и умер 24 июля 1984 года.

Он служил у нас в подразделении, зарекомендовал себя дисциплинированным воином, способным выполнять любые поставленные задачи, был высококлассным специалистом, с возложенными на него обязанностями справлялся добросовестно.

Неоднократно принимал участие в боевых операциях и рейдах по уничтожению банд мятежников, был всегда там, где труднее, и при выполнении своего интернационального долга в Демократической Республике Афганистан остался верен своему воинскому долгу до конца.

Ваш наказ — служить Родине, как обязывает военная присяга, как подсказывает совесть — сын выполнил с честью.

Примите наши искренние соболезнования по поводу постигшего Вас горя.

С глубоким уважением —
Командир войсковой части пп 82869
гвардии полковник *Серёда*

Заместитель командира полка по политической части гвардии полковник *Садовой*».

9 июня 1984 года при сопровождении автомобильной колонны его БМП, действуя в боковом дозоре, при выходе на высоту, прилегающую к дороге, подорвалась на противотанковой мине. Валерий Владимирович получил тяжелое ранение, вследствие которого 24 июля 1984 года скончался в госпитале.

* * *

«Я был наивный, молодой,
Как крепко верил я в тебя,
А ты... Что сделала со мной?
Ты, Родина, страна моя.

«Я без оглядки шел вперед,
Без размышлений верил вам,
Так надо, Родина зовет...
Так я пошел в Афганистан.
Так пересек Аму-Дарью,
Готовый горы все свернуть,
Я рвался, я хотел в бою
Свой долг стране моей вернуть... •
Да, все не так. И мысли все о долге,
честь, орденах

Исчезли. Все, что нужно мне
Осталось только в двух словах:

ЗА ЧТО?»
С. Владимиров *

ФИЛИППОВ НИКОЛАЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

28.XII.61—7.VIII.84

Родился в Ленинграде. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — младший сержант, снайпер (в/ч 24785).

Мать: Филиппова Надежда Петровна.

Учился в Сланцевской средней школе № 2, затем поступил в СГПТУ, работал на цементном заводе, выезжал на стройки области.

3 мая 1983 г. призван в Вооруженные Силы СССР Сланцевским ОГВК. Служил в учебном подразделении г. Ашхабада.

С 5 октября 1983 года — Афганистан. Служил в Баграме в мотострелковой части.

В декабре был ранен, после госпиталя вернулся в свою часть.

7 августа 1984 года погиб в бою.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на городском кладбище г. Сланцы.

На запрос администрации Ленинградской области сообщить о погибшем воине-интернационалисте отдел народного образования ответил:

«К сожалению, семейных реликвий Филипповых и документов в Сланцевском музее нет. Ответить на вопрос, касающийся обучения Филиппова Н. В. в школе и училище, не представляется возможным: этих сведений ни там, ни здесь нет, документы об обучавшихся в те годы сданы в городской архив. По получении данных из архива

сообщим вам дополнительно. Начальник ГОРОНО *Н. Цухлова*».

Газетной строкой:

«Но давайте спросим с себя, что сделали в городе для увековечения памяти Николая Филиппова? Может, его имя носит пионерская дружина или школа? Может, экскурсовод музея городской Славы рассказывает в тиши экспонатов о жизни и подвиге Ни-

* Газета «К совести», № 2, 1992 г., стр. 16.

колая Филиппова? Эти вопросы оказываются чисто риторическими».*

Еще при жизни Надежда Петровна, мама Николая, прислала небольшое по содержанию письмо, рассказала, каким был ее сын в детстве, отрочестве, ранней юности.

А он, как все мальчишки его возраста, был сорванцом: шалил, любил шумные игры, спокойные — тоже. Увлечения разнообразные. Особенно ему нравилось выжигать по дереву. И хотя такое увлечение требовало однообразных операций, это не мешало ему претворять в жизнь задуманное. То была интересная работа, трудоемкая, но любимая. Возможно, не работа, а источник познания — умом и сердцем — чего-то нового, необъяснимого, а на самом деле — творческого.

«Дома сохранились дощечки с портретами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Блока, — пишет мама. — Сделал Коленька и портрет молодой женщины, т. е. меня. Повзрослев, стал серьезнее, научился играть на гитаре, хорошо пел, влюбился, а ушел в армию, не успев вволю погулять, жениться».

О службе в Афганистане писал сдержанно, на первых порах удивлялся всему, что встречал на пути. Видимо, природные и климатические особенности незнакомой страны для человека из Ленинградской области запоминаются отчетливее, чем люди.

Писал, что понемногу начал привыкать. Из веселого парня превратился в сурового солдата.

«А вообще-то много чего писал, — рассказывала мама. — Я каждый день ждала почту, вслушивалась в сообщения по радио, жила надеждой: обойдется, все будет хорошо».

Сын бегло сообщал об участии в боевых действиях, не указывая — где, огорчался, что ничем не может помочь маме. Письма были душевные: «Ты знаешь, мама, сегодня я поклялся, что никогда не буду спорить с тобой. Ты поскорее поправляйся, а когда вернусь, то буду тебя радовать. Не переживай за меня. Время быстро пролетит, и мы будем опять вместе. Я буду работать, женюсь. Целую тебя, моя милая мама. Твой сын *Николай*. 28.12.83».

* Газета «Знамя труда», г. Сланцы, 1988 г.

«Знаешь, мама, раньше я злился, когда ты постоянно боялась за меня, мне это все не нравилось. А теперь бы... Знаю, ночами не спишь, боишься за меня. Прости меня за все, если что-то было не так. Жизнь здесь у нас сложная, служба трудная. Твой сын — *Николай*, младший сержант. 23.02.84 г.».

Надежда Петровна писала сыну часто, в них рассказывала обо всем: о его друзьях, о их будущем, об учителях, о своей жизни, о прошлом, о тревожных днях и бессонных ночах за сына и обо всем хорошем.

И вдруг это письмо из части:

«С глубоким прискорбием сообщаем, что ваш сын Филиппов Николай Валентинович, выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 7 августа 1984 года, до конца исполнив свой интернациональный долг перед Родиной.»

Жизнь Николая недолгая, но яркая. Рано повзрослевшим и юным, он ушел из жизни. Но будем старыми мы, будут взрослыми афганские дети — те, за кого с оружием в руках сражался Николай. И никто не забудет солдата, пришедшего сюда, чтобы отстоять светлое будущее афганского народа, надежно защитить южные рубежи нашей Родины. Не стало Николая, боевого товарища по оружию, верного сына нашего великого, непобедимого народа. Командование части, политический аппарат, товарищи по службе, весь личный состав части разделяют боль и безмерную скорбь в связи с безвременной смертью вашего сына, нашего товарища. Мы гордимся Николаем и отдаем дань уважения вам за воспитание сына в духе беззаветного служения Родине, партии, советскому народу. Память будет вечно жить в сердцах всего личного состава части».

Вот что рассказал маме сопровождающий гроб с телом Филиппова Николая Валентиновича: «7 августа 1984 года группа, в составе которой находился Николай, отправилась в рейд для выполнения боевого задания. В ходе выдвижения в указанный район Николай подорвался на радиоуправляемой mine и погиб».

28 декабря 1961 года и 7 августа 1984 года — в две даты, высеченные на каменной плите, вместились жизнь Николая Филиппова, единственного из сланцевских ребят, которого унесла война в Афганистане.

Его уже не было, а Надежда Петровна продолжала писать письма сыну. Находясь долго в сильном физическом и моральном

истощении, ушла в себя. Это были долгие месяцы и годы одиночества, тоски, безысходности, нежелания жить. Из такого надлома ей трудно было выйти. Филиппова Надежда Петровна умерла. После нее осталась перевязанная ленточкой пачка писем, на конверте одного из них надпись, сделанная ее рукой: «Последнее в жизни письмо сына».

ПЕРЕСКОКОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

16.XII.63—13.VIII.84

Родился в городе Нижний Бурлун Кокчетавской области. Русский. Образование среднее. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — младший сержант, командир отделения, начальник поста регулирования 2-й дорожно-комендантской роты (в/ч 24026).

Родители: Перескоковы Владимир Егорович, Анастасия Марковна.

С 1972 года учился в Ушакинской средней школе, затем в ленинградском СПТУ № 69, по окончании которого работал электромонтером на Некрасовском телефонном узле связи.

11 октября 1982 г. призван в Вооруженные Силы СССР Тосненским ОГВК. Учебную подготовку проходил в г. Теджен.

В Афганистане — с мая 1983-го. Служил на охране магистрали Хайратон—Кабул. На перевале Саланг тяжело ранен. 13 августа 1984 года умер.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», юбилейной медалью «70 лет Вооруженных Сил СССР».

Похоронен на Тосненском городском кладбище.

Андрей остался без отца, когда ему едва исполнилось шесть лет, а младшему брату Володе — три годика.

Анастасия Марковна жила с детьми в одиночестве, работала дояркой. Каждый знает, каков это труд — практически без выходных. Куда денешься: дети малые, поднимать их надо, большого достатка в доме нет. Так и жили. Мама с раннего утра до поздней ночи — на ферме, а дети — дома. Андрей за старшего. Несмотря на свой мальчишеский возраст, справлялся, не забывал при этом об играх и забавах с младшим братом.

Время шло. Анастасия Марковна вышла замуж. У мальчиков появилась маленькая сестренка Леночка. Братья к ней очень привязались, особенно Андрейка. Только вот беда. Андрей стал болеть, а главное — росточком не удался. Был очень мал. Ходил в школу, в 4 класс, а с виду — малыш, годков этак 5—6. Болезнь у него была какая-то непонятная даже для врачей, как говорила Анастасия Марковна, расти мальчику мешала. Сколько слез пролито, когда сынишку из одной больницы переводили в другую, когда учебный процесс у него проходил на больничной койке и она, его

мама, в свободные часы до вечерней дойки успевала на электричку в Ленинград, а там — с Финляндского вокзала до областной больницы, где находился на лечении ее Андрей. На это уходили ни день, ни два, а месяцы, годы. И поди ты, после таких мытарств, страданий мальчика и мамы болезнь отступила! Андрей набирал силу, пошел в рост. В профессионально-техническое училище поступил, специальность хорошую получил, работал электромонтером. Говорят, работающий был паренек, ловкий — как его мама. А тут время пришло служить. В армию уходил с охотой, с большим желанием. Только об одном просила мама военкомов: не посылать сына в «горячие точки», как принято сейчас говорить.

И ее можно понять: столько лет по больницам с сыном.

И вот первое письмо, письмо солдата:

«Здравствуйте, мама, д. Гена, Вовка и Леночка! С приветом Андрей. Направили нас в Ашхабадскую область, часов 6—7 езды до Теджен-1. Сводили в баню, переодели и теперь числимся курсантами. Не знаю, если не расформируют роту, буду проходить курс механиков-водителей танков. Погода не чета нашей ленинградской, сухо. Всего 3 дня пробыли, а уже загорели. Приеду — не узнаете. Сейчас пока на карантине. Ну, до свидания. Да, отсюда, с этих курсов, отправляют 50—60 процентов в Афганистан...».

Можно понять состояние матери, узнающей, где будет служить сын. Обида, горе, боль, тревога захлестнули Анастасию Марковну. И безнадежность в желании хоть как-то помочь сыну. А он...

«Здравствуйте, дорогие родные мама, д. Гена, Вовка, Аленка. Вчера мне было 19 лет. Хоть по стопке выпили за меня? Вы здорово подгадали, бандероль пришла вовремя — 16 декабря. Спасибо за шоколадки, за курево и, конечно, за сюрприз. Получил я бандероль у прапорщика, так что сержантам ничего не досталось. Закурили и закатили пир. Как ваше здоровье? Как работа? Да, лежит ли у нас снег? И, если сможете, вышлите свежую фотографию нашего семейства... До свидания. *Андрей*».

Писал подробно обо всем — образно. Одна беда—даты не ставил. Но иногда по письмам можно определить и число. Хотя бы это письмо — от 5 февраля 1984 года:

«Здравствуйте, дорогие родные мама, д. Гена, Алена, Вовка. Извините, что долго не писал. Нас отправили в ..Колету на учебу на 15 дней. Вот только 4 февраля приехали в Теджен. Сегодня 5 число. Да, Колета запомнилась крепко, погоняли нас за милую душу. Полазили по горам. Кто ходил по горам, тот знает, что 200 метров пройти в гору — ноги отваливаются. В общем, не чуешь ног под собой, идешь, как на протезах. А тут еще надо нести «раненого» на носилках или на санитарных лямках. Утром подъем в 6.00, зарядка до 7 часов в спортгородке. Потом завтрак, чтоб только не подохли. Еле мазнут каши и хлеба — посмотришь на солнце, все видно — 2 кусочка. Масла грамм 7 и чаю глоточка четыре в кружке. Потом в горы до обеда, придешь с гор, еле ноги передвигаешь. И опять этот кошачий обед. Суп — вода да каши как на завтрак. После обеда занятия в палатках или физкультура. Бежишь по кругу на спортгородке, язык, как собака, вывалишь на плечо, а все равно бежишь. Пробежали кругов 8, сходу на качку пресса, на качку мускулатуры или на турник, 5 минут перекура, потом опять бег и так до 6 часов вечера. Ужин. Потом отбой. Ну, а в общем, мне в Колете понравилось, воздух чистый. Даже увидел снег, дня 3 лежал. В горах красиво. Скалы, обрывы. Лезешь по откосу, вниз посмотришь, дух захватывает. Я почему-то думал, что не смогу лазить по горам (правда, это было на гражданке), а тут ничего. Спокойно переносил высоту. И на переправах через ущелья тоже спокойно переносил высоту. Жаль только, не сходили к водопаду. Не увидел этой красоты. Ну, ладно, еще все впереди, увижу и водопады. Больше новостей нет. До свидания. Пишите. *Андрей*».

Анастасия Марковна еще лелеяла надежду, что сына после Теджена не отправят в Афганистан, но...

«А теперь я попал в другое место. Наверное самая лучшая рота в Афганистане.

Между молодыми солдатами и стариками дружба. Был я на Душаке, на Уланге, в Пули-Хумри, в Кабуле, в Химжане. Там не находил свободного времени, здесь оно есть для того, чтобы написать, почитать газету и просто заняться своим делом. Живем повзводно. В одной комнате — 10 человек. Есть хорошая баня (с парилкой) прямо как дома, даже лучше. Правда, веников нет. Ваш сын Андрей».

«Здравствуйте, мама, д. Гена, Володька и любимая сестренка Аленушка.

Как я по вас соскучился, если б вы знали! Вот уже в какой раз меняю место в Афганистане. Сначала с Джанкурмана попал в Кундуз, потом — Хайратон, затем колонной в Душак, с Душака — на Уланг, с Уланга опять в Душак. И вот теперь, по моему, снова сменю место в ближайшее время. Высылайте конверты в письмах...

Я бы сейчас с удовольствием побродил по нашему лесу, сходил бы на ферму да и в Ленинград съездить бы не прочь. Но этого не видать еще год. 16 декабря начнется 100-дневка, потом приказ, я стану уже дедом, а там 183 дня — и приказ на дембель. Всего ничего осталось, чуть больше 300 дней. Знаешь, мама, как я соскучился по вас...

И вот еще какая вещь: недавно я постарался вспомнить расположение мебели в квартире — и не смог. Не более больше, мама, дороже тебя нет у меня никого. Крепко целую. Андрей. До свидания».

Письма, письма, письма... Они полны чувств, надежд, тревоги за будущее. По ним узнаем истину солдатского бытия на афганской войне и ценности человеческой жизни.

«Здорово, браток!

Пришел только с поста и мне сходу дали твое письмо. Прочитал — и как будто краем глаза заглянул домой. Да, браток, неизвестно еще, как повернется судьба (индейка). Сейчас очень жарко. Ну, ладно, служба есть служба, даже сейчас нельзя ничего писать. Короче, сегодня 27 апреля. **Короче, Афган, есть Афган...** Писать есть много чего, но нельзя...

Ты вообще-то правильно сделал, что ушел из училища, у кого какое призвание, кому быть военным, а кому — рабочим, видно, у

тебя рабочая кость. Я получил твое письмо и фотокарточку. Ты сильно возмужал. Андрей».

В конце апреля Анастасия Марковна ехала в автобусе на работу. «Смотрю, — рассказывает она, — солдаты роют могилу. Я еще и говорю: «Господи, кому же это?»».

— Да вроде, говорят из Афганистана привезли...

Я, знаете, на это как-то и внимания не обратила, от сына письма приходили часто.

До обеда отработала — и вдруг начались головные боли, места себе не находила. Позже узнала, что это был Владимир Витя. Он погиб на перевале Саланг. А ведь мой сын был начальником поста регулирования дорожно-комендантской роты. Тогда я не знала Евгении Александровны, мамы Вити. Только с того апреля не могла успокоиться. Сердце и головные боли не давали покоя ни днем, ни ночью. Часто стала выходить «на больничные». Да и Андрейка почему-то стал реже письма писать. А если и получали от него весточки, о войне в них ни слова. Только сердце матери не обмануть».

«Здравствуйте, дорогие родные мама, д. Гена, Лена, Володька! Моя жизнь идет своим чередом: дни текут и служба движется к завершению, через месяц у меня день рождения, исполнится 20. Давно ли в школу пошел? Как все вспомнишь, так очень домой тянет. Да, мама, ты выслала бандероль с носками шерстяными, еще можно положить варежки меховые, ну и письменные принадлежности».

«...потихоньку готовлюсь на дембель. Купил дипломат и мильно-пузырные принадлежности. По-прежнему стою на посту регулирования. Знаешь, мама, раньше думал, как же ты можешь каждый день вставать в 4 часа. Сейчас сам встаю в 4. Так что встречаю каждый восход и заход солнца. И привык уж к этому, весь день на воздухе. Думаю после армии пойти работать в экспедицию. По моим нынешним привычкам, не удержусь где-нибудь на заводе. Ну, что еще написать? Да, как там Леха и Юрка. Не думает ли Леха жениться? Вообще-то он обещал подождать меня. Не знаю, дождется или нет. И напиши, как же там Володька. Не пропадает вечерами с дев-

чатами? Да, все хотел узнать, где служит Акулов и Долгов? До свидания. *Андрей*».

Анастасию Марковну госпитализировали из-за постоянных изнуряющих головных болей. Лежала в больнице Выборга. В 2 часа ночи ее разбудила медсестра и говорит: «К вам пришли из военкомата насчет сына». Анастасия Марковна ответила: «С сыном все в порядке, командир части прислал письмо, пишет, что служит Андрей хорошо, да и сам вот письмо написал».

Прошло минут десять, медсестра снова пришла: «Анастасия Марковна, одевайтесь во все темное, выйдите, вашего сына привезли в Тосно».

В военкомате маме передали дипломат с вещами сына и сказали: 9 дней назад Андрей погиб, выполняя задание по боевому патрулированию на перевале Саланг.

В перестрелке его тяжело ранило разорвавшейся миной и 13 августа 1984 года он умер.

Военкомат выделил ей 250 рублей, на работе кое-что собрали, помогли, да своих было у Анастасии Марковны немного — вот на эти деньги и похоронила сына.

Теперь их четверо матерей в Тосно, чьи дети погибли в Афганистане.

«Стали мы все как родные, — говорит Анастасия Марковна, — я часто навещаю Екатерину Ивановну Алексееву — она больной человек и очень одинока: то продукты занесу, то просто проведу, а то и письма сыновей перечитываю вместе с нею. Так тяжело обо всем говорить. Но надо. Может, кто прочтает в нашей Книге о моем сыночке или о Владимирове Витеньке, о Ниночке Евсиной да напишут нам о них. Так хочется в это верить».

АФОНИН ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ

19.XI.62–10.IX.84

Родился в городе Целинограде Казахской ССР. Русский. Образование среднее. Член ВЛКСМ. Женат. В Афганистане — сержант, стрелок 6-й мотострелковой роты (в/ч 86997).

Родители: Афонин Анатолий Андреевич, Мария Васильевна.

В 1971 году Афонин переехали в деревню Свирь Ленинградской области. До 1978 г. Володя обучался в Ильинской средней школе. Аттестат о среднем образовании получил в Тихвинской вечерней школе № 2. Работал плотником в тресте № 30.

15 октября 1982 года призван в Вооруженные Силы СССР Тихвинским ОГВК. Военную подготовку проходил в Самарканде. Год служил в Ашхабаде.

С февраля 1984 года убыл в Афганистан. Служил в кишлаке Руха (Панджшерское ущелье). Здесь проходил службу и Сергей Прохоров из Подпорожья, и Андрей Орлов из г. Всеволожка. Владимир принимал участие в 24 боевых операциях.

10 сентября 1984-го погиб в бою.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен в Тихвине на кладбище воинов-интернационалистов.

Жена, Галина Николаевна, и сынишка, Денис, живут в Тихвине.

Владимир был вторым ребенком в семье. Посещал Свирскую сельскую школу, любил уроки математики. Окончил 8 классов — и пошел работать, вместе с отцом, в строительное управление г. Тихвина.

— Помнят ли в нашем коллективе Владимира Афонина? Конечно же, — говорит начальник участка М. С. Смирнов.

— Хотя и недолго работал он в бригаде А. Н. Петрова, но честное отношение к делу, трудолюбие и сноровку проявить успел. Товарищи, провожая его на службу, говорили: «Помни, что ты из передовой бригады. Служи хорошо и возвращайся к нам».

По характеру — общительный. Друзья его очень уважали. Любил группу «Битлз», в Афганистане «заболел» В. Высоцким. От Володи пришло много писем за два года службы. До приказа об увольнении ему оставалось 20 дней и во всех письмах одно желание — поскорее отслужить и вернуться домой, к семье, сыну, жене.

«Женился Володя до армии, сына ему не пришлось увидеть. Сейчас Денису 12 лет. Никто не мог предположить, что через год доведется Володю хоронить.

У меня к вам большая просьба, если вдруг откликнется кто-нибудь, служивший с ним, то пусть напишут нам», — обращается в своем письме его сестра, Светлана Анатольевна.

Письма жене и родным:

«Здравствуй, моя дорогая Галочка!

Пишу лично для тебя. Может и печально, но ты должна знать правду: у меня от тебя секретов нет. Про то, что я сейчас напишу, кроме тебя знать никому не надо. Я служу в рейдовом батальоне, с 1 апреля нас будут натаскивать в небольших операциях, а потом готовится крупная операция — нас туда и готовят. Что там будет, не имею никакого представления. Но здесь идет настоящая война, а не какие-то учения. Ну, пока все нормально, поживем — увидим, как будет дальше. Сильно не расстраивайся, будем надеяться, что пронесет, и здесь все будет нормально. Самое главное, береги сына, не балуй его сильно, но и не обижай. Ты уж извини, что получишь не письмо, а целое завещание, ты же знаешь, что я писать не умею.

На этом кончаю, жду о твоя. Крепко тебя целую. *Володя*. 24.3.84».

«Здравствуйте, мои дорогие Галочка, Дениска, Мама, Папа и Светлана! С огромным приветом из Афганистана пишет вам вояка!

Теперь я стал не просто стрелком, а замкомандира взвода. Это потому, что решил, хоть и большая ответственность за ребят, их у меня теперь 21 человек со мной. Дело в том, что ЗКВ увольняют раньше, как только придет замена из учебки. Так что может к Новому году буду дома.

Служба здесь интересная и трудная, скучать некогда, постоянно на выезде, был уже на трех операциях — ничего, жить можно. А теперь вообще будет весело: встретил земляка из Тихвина, из нашего дома, он уже служит здесь год. Даже самому не верится, что я его не знал на гражданке — живем в одном доме, он в 196 квартире, в шестом подъезде, фамилия Быанков Володя. Так что есть, так сказать, родная душа. Как свободное время, я к нему. Вот сегодня мы с ним сфотографировались, как сделаем фото, срочно вышлю. На этом у меня все, пишите побыстрее ответ. Как вы там без меня, что нового, как мой Дениска, папа, мама, Светлана? Как у тебя, Галочка, дела — жди, я скоро приеду. Крепко вас целую. *Володя*. Сегодня опять в рейд. 9.04.84».

На запрос, что знает В. Быанков о службе Афонина в Афганистане, Владимир рассказал, что с весны 1983 года сам он служил в Афганистане, в конце июня его направили в Баграм, механиком-водителем на тягач в ПМП (полковой медицинский пункт). В начале 1984-го полк расформировали. Два батальона вывели в Союз, к нам же прислали из Самарканда два мотострелковых батальона. Здесь я повстречал своего земляка Володю Афонина. В апреле 1984 года нас бросили в ущелье Панджшер (кишлак Руха). Володя Афонин служил во 2 батальоне, во второй роте. Я там знал всех, меня — тоже. После гибели Володи Афонина (10 сентября 1984 года) я перешел во вторую роту. А мы ведь с Володей жили в одной землянке».

Война. Сколько горя она принесла людям, кого судьба столкнула с Афганистаном.

Кишлак Руха, Панджшерское ущелье.

Документ:

«11.09.84. Уважаемая Галина Николаевна! К вам обращается командование части, где проходил службу ваш муж Владимир. С глубоким прискорбием вынуждены сообщить вам, что выполняя свой служебный и интернациональный долг на территории Демократической Республики Афганистан, ваш муж погиб 10 сентября 1984 года.

Это случилось около 4 часов утра. На один из населенных пунктов совершила нападение крупная банда мятежников. Подразделению, в котором находился ваш муж, была поставлена задача: прийти на помощь местному населению. Умело используя рельеф местности и отлично владея личным оружием, Владимир вел меткий и уничтожающий огонь по противнику. Внезапно мятежники открыли сильный пулеметный огонь. И Владимир, заметив огневую точку, бросился на ее уничтожение. Вражеская пуля тяжело ранила его в голову. Но, преодолевая боль, Владимир уничтожил огневую точку противника и умер на руках у товарищей.

До последнего момента Владимир был верен священному долгу и отдал жизнь за нашу любимую Родину.

За время службы в части Владимир рекомендовал себя как честный, добросовестный, трудолюбивый и исполнительный

воин. Среди товарищей и сослуживцев он пользовался заслуженным уважением.

Примите искреннее соболезнование и сочувствие по поводу постигшего Вас горя.

С глубоким уважением командир войсковой части пп 8.6997 *Чикал*, Заместитель командира по политической части *Кархин*».

Второй областной фестиваль Афганской песни, посвященный 52-й годовщине освобождения Тихвина, проходил с 25 по 28 ноября 1993 года. В нем принимали участие военнослужащие, воины запаса, члены военно-патриотических объединений, молодежных центров, интернациональных клубов, городские (районные) организации афганцев, профессиональные, самодеятельные исполнители. В эти дни ребята-афганцы со всех уголков страны съехались сюда.

Сын и жена В. А. Афонина. Своего сына ему так и не довелось увидеть...

Они были вместе с родными, чьи сыновья никогда не вернутся домой. Только мама Володи Афонина не смогла быть среди присутствующих. Она была серьезно больна...

НИКОЛАЕВ АНАТОЛИЙ ВИКТОРОВИЧ

16.V.45—16.IX.84

Родился в деревне Таровицы Гатчинского района. Русский. Рабочий. Образование среднее профессиональное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — младший сержант, механик-водитель артиллерийской батареи (в/ч 39676).

Родители: Николаевы Виктор Андреевич, Татьяна Егоровна.

Учился в начальной школе д. Таровицы, в Дубовецкой и Пламенной школах Гатчинского района. По окончании 8 классов поступил в Елизаветинское ССПТУ № 4 по специальности тракторист, водитель. До призыва в армию работал в совхозе «Дружба» Гатчинского района.

Летом 1983 года находился на двухнедельных курсах по изучению вождения боевых машин.

5 октября призван в Вооруженные Силы СССР Гатчинским ОГВК. Служил в Термезе, в г. Ашхабаде в учебно-автомобильном батальоне (в/ч 74998). Стал специалистом гусеничных тягачей.

5 августа 1984-го убыл в Афганистан.

16 сентября 1984 года погиб: машина, в которой он находился, наскочила на мину.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа». Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на кладбище пос. Сяськелево Гатчинского района.

Он служил, выполняя приказы командиров, и не хотел верить, что идет настоящая война, а он — ее участник. Увозили больных и раненых в госпитали, а «Черный тюльпан» — тех, кто погибал в бою, умирал от ран, уходил из жизни по разным причинам. И война шла рядом с ним, несла горе, боль, зло, смерть. Она была похожа на войны из книг, что читал в мирное время дома.

Анатолий нес службу, не задумываясь о значении этой войны для него, афганцев, в душе надеясь, что скоро она закончится, он вернется домой и его надежды, желания исполнятся.

Горели свечи, звучала музыка. По русскому обычаю помянули погибших, кто воевал и не вернулся из Афганистана.

Фестиваль продолжался 4 дня...

Из армии Анатолий писал когда-то, что очень хотел бы попасть в ДРА. И был несказанно рад, когда его зачислили в часть, которую туда направляли. 6 августа 1984 года он сообщил, что прибыл в Самарканд, а затем на самолете — в Кабул. В столице находились два дня, затем на вертолете их перебросили на место службы. Военная часть находилась недалеко от города Газни. Анатолия зачислили в 191 мотострелковый полк.

Домой писал, что в части очень хорошо, живут в палатках, есть комната отдыха, постоянно звучит музыка, питание хорошее, свободного времени много. В полку

много ленинградцев и из области, даже из Гатчинского района, но своих он еще не видел.

После 14 августа пришло еще одно письмо, подробное, обстоятельное, о жизни.

«Известие о гибели сына, — пишут родители Анатолия — получили 23 сентября, в тот же день был привезен и гроб. Доверенный из воинской части прибыл немного позже — по дороге заболел. Рассказывал, как погиб сынок: они подорвались на mine, когда ехали на БМП.

О смерти доверенный говорил как будто спокойно, а пошел на кладбище — плакал.

Фотография из армии осталась одна — маленькая.

Сына не вернуть. Надежды никакой. Остались лишь светлые воспоминания о нем да след прошлого, в котором даже даты

путаются, прошло столько лет. Осталась боль, что вонзилась в сердце и не проходит.

Как же он жил до армии? Как все мальчишки: велосипеды, мотоцикл, машины. С друзьями всегда вместе — в лесу, на рыбалке, просто на улице, в клубе. Увлекался немного музыкой, техникой. Был спокойным, помогал по дому, по хозяйству. Уважал старших, родителей, родственников, знакомых.

У сына было много друзей и товарищей. Они веселились, радовались жизни, удивлялись всему, чем заражали и окружающих. Почти все его друзья женаты, вместе с семьями — в родном Гатчинском районе, дома. Наш сын тоже «дома»...

Поклонимся нашим сыновьям все вместе.

С уважением и искренними пожеланиями
Николаевы Татьяна Егоровна и Виктор Андреевич. 16 мая 1993 год».

Под Файзабадом. Разведчик - командир БМП Л. К. Сомов вытаскивает раненых и убитых из машины.

КОЛПАЧКОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

14.IV.62—18.IX.84

Родился в городе Светогорске Выборгского района Ленинградской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — сержант, зам. командира мотострелкового взвода (в/ч 51931).

Родители: Сидоров Александр Григорьевич, Колпачкова Валентина Яковлевна.

Учился в Светогорской школе, в СГПТУ № 240 г. Светогорска, по окончании которого работал машинистом на Светогорской картонно-бумажной фабрике.

29 октября 1982 года призван Выборгским военкоматом в Вооруженные Силы СССР. Служил 6 месяцев в Ашхабаде в школе младших командиров, получил звание сержанта.

С апреля 1983-го убыл в Афганистан. Служил в Баграме, Герате. Неоднократно участвовал в боевых операциях.

5 сентября 1984 г. был тяжело ранен. Находился в госпитале Ташкента. 18 сентября 1984 г. умер.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), памятной медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на гражданском кладбище г. Светогорска.

Дома бережно хранятся фотографии Николая, письма, награды, Грамота Ленинградского областного Совета за I место в соревнованиях по борьбе самбо на первенство ДСО «Труд» в зачет спартакиады. Вес — до 100 кг.

20 декабря 1993 года Валентина Яковлевна Колпачкова прислала письмо, рассказала о своей жизни, сыновьях. Оно небольшое по объему, а по содержанию... Не приведи, Господи, какой-нибудь матери на земле испытать ту горестную чашу, что досталась этой мудрой, мужественной женщине. И дай, Боже, ей силы хоть как-то жить.

Была семья, муж, дети. Коле исполнилось десять, когда Александр Григорьевич ушел из семьи, оставив четырех сыновей, и Валентине Яковлевне пришлось поднимать детей одной. От алиментов отказалась. Жилось очень трудно. Дети выросли, разлетелись — у каждого своя судьба. И тут все

несчастья и пошли. Старший, Юра, уехал в Ленинград, поступил в судостроительный техникум. Однажды вечером шел с друзьями по городу и услышал крик женщины, побежал на помощь, тут его и застрелили бандиты.

Второй, Саша, через шесть лет, 30 марта 1984 года гулял с девушкой по берегу р. Вуоксы. Двое чужих ребяташек катались на тонком льду, льдина оторвалась, и детей понесло течением. Тогда Саша схватил первую попавшуюся лодку, обломок весла, поплыл. Детей спас, они живы, а Саша... Когда прибежали на помощь, было поздно. Второй сын Валентины Яковлевны утонул, нашли его только через 5 месяцев.

Третий сын — Коля. По письмам сама определила место его службы — Баграм. Война есть война. Ее Николай в одной из боевых операций получил тяжелое ранение в живот, одна пуля навывлет, а другая порвала кишечник. Печень отказала. И на-

ходилась он в госпитале в Ташкенте в реанимационном отделении. К нему Валентина Яковлевна летала. Старалась поддерживать, говорила, что все будет хорошо, перевезет его в ленинградский госпиталь, а там — домой. Он верил, что выздоровеет. Прожил ее Коленька всего одну неделю. Все время находился в сознании, мечтал о доме, строил планы на будущее. А был сильный, здоровый паренек до Афганистана. Его называли Добрыней Никитичем за рост, широкие плечи и богатырскую силу. Усиленно занимался спортом, занимал призовые места по самбо. На «гражданке» и в учебном корпусе выступал за свою команду. Хорошо играл на гитаре, много читал, у него были друзья, которые и сейчас остались ему верны, до сих пор навещают его могилку, приходят к маме друга.

Письма домой слал часто. В них подробно рассказывал о службе, надеялся, что скоро приедет домой и тогда «его мамочке» станет легче, ей не придется так много работать, а следовательно, остается одно — отдыхать. Но судьба распорядилась по-другому. 18 сентября его не стало.

«...После смерти третьего сына, — пишет В. Я. Колпачкова, — у меня остался один, последний, Андрей, на шесть лет моложе Коли. Я работала, воспитывала его, жила и живу им. Служил он на Кольском полуострове, хотел учиться на мичмана, но передумал, из-за меня, конечно. Написал, если что со мной случится, то он себе не простит. Приехал домой. Теперь он рядом.

Так и живем вдвоем. Ну вот и все. В голове все помутилось, не могу ничего вспомнить. А теперь стала совсем больная: почки, сердце.

Прошу лишь об одном: напишите, пожалуйста, побыстрее Книгу. До свидания. Пошлю фотографии и письма Коленьки».

Из писем Николая:

«Учусь в сержантской школе в городе Ашхабаде. Где я служу, никому не говори».

«Меня отправят где-то двадцатого апреля. Был в горах, в командировке, там такая красотища, цветут тюльпаны. Если не отправят меня, то вышлю тебе луковицы этих цветов».

Письмо Николая Александровича, датированное 24 марта 1984 года:

«Здравствуй, мама!

Служба идет полным ходом, только проклятая жара до 60 градусов, дышать нечем, но я помаленьку привыкаю к этому климату.

Мне срочно нужна копия аттестата о среднем образовании. Сходи к нотариусу, сними копию и заверь ее. Вышли ее срочным письмом. Мне она нужна до 5 сентября. Я еду учиться на прапорщика, так что она просто обязательна».

5 сентября 1984 года сержант Н. К. Колпачков, прикрывая собой командира взвода, получил тяжелое ранение в бою. Он повторил подвиг воина-«афганца» Н. Л. Агеева, погибшего в 1980-м...

Проводы в последний путь.

**ОРЛОВ
АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ**

13.V.65—25.IX.84

Родился в г. Всеволожске Ленинградской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, водитель (в/ч 86997).
Мать: Шевцова Раиса Ивановна.

Десять лет Андрей учился во Всеволожске. Продолжил образование в СПТУ № 228, по окончании которого работал около трех месяцев на Свирской ТЭЦ, п. Лаврики. Окончил курсы водителей школы ДОСААФ.

11 ноября 1983 года призван в Вооруженные Силы СССР Всеволожским ОГВК. Учебная часть, где проходил подготовку, находилась в г. Термезе. С лета 1984-го служил в Афганистане.

25 сентября погиб в бою.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на Всеволожском (Ковалевском) кладбище. На могильном памятнике указана фамилия: Шевцов Андрей Викторович*.

После смерти Андрея к маме приезжали два товарища — очевидцы гибели боевого друга, оба раненные, один без ноги, другой — с ранением позвоночника. Они рассказывали, что во время последнего боя на Андрее была рация. Пуля попала прямо в сердце. Смерть наступила мгновенно.

Из документа:

«Уважаемая Раиса Ивановна!

К Вам обращается командир части, где проходил службу Андрей. С глубоким прискорбием вынуждены сообщить Вам, что Ваш сын, выполняя служебный интернациональный долг на территории ДРА, погиб 25 сентября 1984 года. Это случилось около 5 часов утра. Подразделению, в котором он находился, была поставлена задача прийти на помощь местному населению (одного из населенных пунктов), на которое было совершено нападение крупной банды мятежников. Действуя смело и грамотно, умело используя рельеф местности и отлично владея личным оружием, Андрей открыл меткий и уничтожающий огонь по

противнику. Мятежники стали обходить подразделение с флангов, и Ваш сын, вовремя угадав их намерения, вызвал огонь на себя, этим самым спасая своих товарищей. Группа мятежников была разбита, подразделение перешло в контратаку. Благодаря смелым и решительным действиям Андрея оно успешно выполнило поставленную задачу на уничтожение банды мятежников, но бандитская пуля оборвала жизнь Андрея.

Память о Вашем сыне навсегда останется в сердцах его товарищей.

Командир в/ч 86997 *Чикал*. Замкомандира по политчасти *Кархин*. 25 сентября 1984 г.».

Данные Всеволожского Горвоенкома: «При обороне высоты А. В. Орлов грудью прикрыл радиостанцию, чем обеспечил успешное выполнение боевой задачи, поставленной перед подразделением».

Из армии А. В. Орлов часто писал В. Е. Мельниченко, соседке по дому. После гибели Андрея она передала его письмо и фото в красный уголок СПТУ № 228 и «Книгу Памяти».

* Данные представлены Всеволожским ОГВК.

ГРОМОВ СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

5.VII.63—7.X.84

Родился в селе Боровенка Окуловского района Новгородской области. Русский. Рабочий. Образование среднее профессиональное. Член ВЛКСМ. Женат. В Афганистане — рядовой, стрелок-гранатометчик (в/ч 65753).

Родители: Громовы Геннадий Павлович, Валентина Александровна.

С 1970 по 1978 годы — учащийся Дняковской школы Окуловского района и Веребьинской восьмилетней школы Маловишерского района. В 1978 году поступил в СГПТУ № 112 г. Ленинграда. Работал электромонтером контактной сети в СМУ трамвайно-троллейбусного управления.

30 сентября 1982 года призван в Вооруженные Силы СССР Калининским РВК г. Ленинграда. Шесть месяцев служил в г. Термезе — в/ч 61436.

С апреля 1983 г. — служба в Афганистане.

7 октября 1984-го погиб при выполнении боевого задания.

Похоронен на сельском кладбище в деревне Бор Маловишерского района.

Родители Сергея проживают на ст. Веребье Новгородской области.

Вдова — Елена Викторовна Громова и дочь Татьяна проживают в г. Отрадное Кировского района Ленинградской области.

О том, где и при каких обстоятельствах погиб их родной человек, ничего не известно.

Так уж случилось, что в свои 15 лет Сережа покинул родные места в Новгородской области и приехал в Ленинград, чтобы получить хорошую специальность и «жить в лучшем городе на свете», как он говорил друзьям. Сказано — сделано. И вот диплом специалиста получен. И работать он будет не с восковыми свечами и керосиновыми лампами, а с различными техническими устройствами и приборами, с мощными прожекторами, что на площадях, в скверах, на улицах любимшегося города, с уютными торшерами и настольными лампами в квартирах, с электротехникой, без которой современному человеку не прожить и дня.

Его золотые руки так нужны людям. Но ему шел 19-й год, а это тот возраст, когда каждый юноша становится сыном Отечества и ему предстоит Родину оберегать и защищать.

А еще у Сережи была любимая с нежным, светлым именем «Аленушка».

«Сережа... Когда я произношу его имя, — говорит Леночка, — я вижу его глаза — ясные, лучистые. А как заразительно он смеялся! Когда мы встречались, трудно передать то чувство, что переполняло наши сердца. Казалось, в мире не было людей счастливее нас. Это была пора надежд, мечтаний. Вскоре мы расписались.

Не прошло и двух месяцев, как из военкомата пришла повестка: служить! Ох, как трудно было расставаться, не верилось, что кто-то нас может разлучить. Вот и первое письмо с дороги, в нем Сергей передает всем привет. Регулярно посылал письма из Термеза, где шесть месяцев проходил подготовку в учебном подразделении. Здесь же он узнает, что в нашей семье 14 февраля 1983 года родилась дочь. Имя ей дали Татьяна».

Наступил апрель месяц 1983-го. Строки из письма Сергея Геннадьевича из Афганистана:

«...Только прошу извинить меня за столь долгое молчание. Я не писал целых 5 дней. И знаете, почему? Просто не знаю, как написать. Первые впечатления... Пребывание в Афганистане изменило все мои представления о том, что знал «по учебке», газетам, радио, телевидению. А увидел я то, что здесь идет война. Вы там, а тут... искаженная техника, разрушенные дома, мины, стрельба. И здесь еще и убивают».

«Трудно, ох как трудно говорить обо всем в прошедшем времени, — пишет Елена Викторовна, — единственное, что осталось в настоящем, — живой голос заботливого, любящего мужа, нежного отца, доброго человека. И вы сами это поймете, прочитав его письма, некоторые из них представлены в сокращении...».

«Привет из ДРА!

Здравствуйте, мои родные Алена и Танюша! Три дня был на выездах. Теперь нас перевели в другое место, короче, мы опять попали на старое место, можно считать, почти в Союзе. Только мы сейчас попали в пески. Можно подумать — из рая сразу в ад. Здесь есть, правда, озеро, но вода в нем соленая. Так что жизнь наша немного ухудшилась. Сидишь, а пот с тебя градом льется.

Одна неприятность случилась с одним пацаном. У него умер отец. Парень уехал домой, а так все по-старому.

Алена, ты, наверное, обижаешься, что я пишу всякую чепуху. В письмах просто этого не объяснишь, да и тебе будет неинтересно и неприятно. Будешь только больше расстраиваться. А так все просто и легко... Письма, которые придут туда, не пропадут. Там у нас остались надежные друзья. На фотографии дочка уже большая, потихоньку растет. Я матери выслал фотографию. Там мы фотографировались зимой.

Ты только не обижайся на меня, ладно? Я же вас тоже очень люблю, так трудно без вас. Крепко вас целую. *Сергей*. 4.6.83 г. Высылаю еще одну открытку».

О Танюше Сергей Геннадьевич писал с нежностью, тревогой, любовью:

«Внешне дочка похожа на меня, но если следить за строчками твоих писем, то характер твой...».

Неужели ты думаешь, если я не видел и не растил, то не люблю ее? Детей, наверное, люблю больше, чем самого себя. Может, не умею выразить свою радость в письмах...».

И снова письмо:

«Здравствуй, моя дорогая Леночка!

Получил от тебя письмо, но с ответом пришлось немного задержаться. Пришла в роту новая техника, и мы с ней три дня возились. Приводили в боеготовность. Сейчас на улице скверная погода, сижу, пишу всем письма, от кого пришли. Получил письмо я от Сережи Степанова, пишет, что после армии будем гулять на свадьбе.

После двух лет разлуки у нас должно быть все хорошо. Вопрос встанет не только с жильем, а и с работой. Придется, наверное, немножко поучиться. На старое место и в эту контору я идти не хочу. Да и вряд ли там чего-нибудь добьешься.

До нашей встречи нам осталось немного, и в будущем, я думаю, нам не придется так долго разлучаться. Знаю, что ты у меня молодец, уже закаленный человек.

Ты, Лена, не думай, что я раскаиваюсь, что так рано женился и имею дочь. У меня хватит терпения выдержать, хоть чего я захочу, если уж так рано женился. Ты же поделишься со мной своим опытом, он у тебя есть, правда? У меня тоже только одна радость — это ты и Танюша. Последнее время все время вспоминаю тебя и часто смотрю фотографии, которые у меня есть. От человека, наверное, можно отвыкнуть, но, когда о нем думаешь, он всегда остается рядом...

Насчет справки придется подождать немного, у нас в роте заболели все старые офицеры. Надо будет ждать, когда придет замполит, он всеми этими делами заведует.

Сейчас всех, как косой, валит желтуха. Во всей роте если наберется человек полта, и то хорошо...

Крепко вас целую, *Сергей*».

В начале октября 1984 года из Афганистана пришло официальное письмо в От-

радное на имя Громовой Елены Викторовны: «Ваш муж, рядовой Громов Сергей Геннадьевич, погиб 7 октября 1984 года при выполнении боевого задания, проявив стойкость, мужество».

Из письма вдовы:

«Мне очень тяжело без родного, близкого, добрейшего человека, без моего Сергея. Сейчас мне 29 лет. В двадцать — осталась вдовой. Война разлучила нас, оставила

дочь без отца. Отца она знает лишь по фотографии да по моим рассказам. В письмах Сереженька обещал вернуться, да и служить ему оставалось всего-ничего.

До сих пор не могу смириться с тем, что судьба была к нам немилостива, соединив воедино «любовь—боль—разлуку» навеки. Живу прошлым да письмами мужа.

Сама я с дочерью проживаю в Отрадном Кировского района Ленинградской области. Июнь, 1993 г.».

ПРОХОРОВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ

17.XI.63—13.X.84

Родился в г. Подпорожье Ленинградской области. Русский. Образование среднее специальное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой старший механик-водитель (в/ч 86997).

Родители: Прохоровы Павел Васильевич, Нина Ивановна.

По окончании школы № 1 им. А. С. Пушкина в г. Подпорожье Сергей четыре года учился в Ленинградском энергетическом техникуме. Специальность — парогенераторные и турбинные установки тепловых электростанций.

Работал в тресте «Севзапэнерго-ремонт».

10 мая 1983 года призван в Вооруженные Силы СССР Василеостровским РВК Ленинграда. Учебную подготовку проходил в Ашхабаде, Ташкенте, Чирчике.

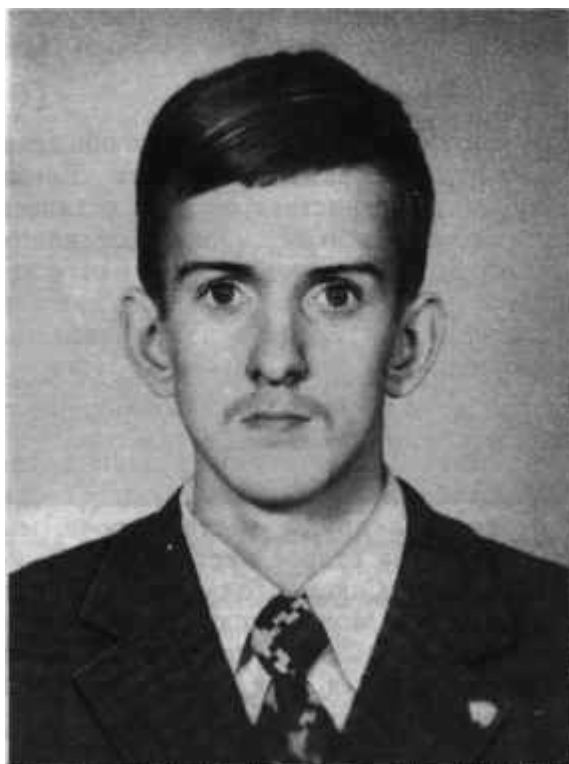
С ноября 1983 года служил в Афганистане. Принимал участие в операциях по ликвидации бандформирований в районе Баграма.

В апреле 1984-го направлен в Панджшерское ущелье, кишлак Руха. В последнем письме сообщил, что снова направлен в Баграм.

13 октября погиб при выполнении боевого задания.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой и Знаком Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на Варбегском кладбище г. Подпорожье. Фамилия увековечена на обелиске в общем списке участников Великой Отечественной войны.

В школе № 1 стенд с материалами о воине-интернационалисте Сергее Прохорове. Местный художник Сергей Алексеевич Силин написал большой портрет Сережи и подарил его семье.

В архиве Прохоровых хранятся фотографии Сережи афганского периода, официальные бумаги, благодарственное письмо

командования из воинской части. Сохранились еще и тетради с записями, таблицами о жизни армии, флота за рубежом. В одном из писем он пишет отцу: «...прошу переписать в свою тетрадь следующие названия кораблей, ведь нас с тобой это всегда интересовало: «Мичман», «Феорида», «Этвил», «Пегас» — ракетный катер на под-

водных крыльях, «Ф. Шерман» — миноносец, переоборудован из фрегата».

В домашней библиотеке большая подборка книг об Афганистане, подшивки газет «Ветеран», «К совести», «Побратим».

Книги сына, зонтик и игрушки, фотоаппарат, фотоувеличитель, прибор для выжигания, выпиливания, транзистор — все в комнате Сергея. Его кровать не вынесли, она стоит на прежнем месте, у окна. Сохранилось послание Сергея сестре — студентке педагогического училища: «Оля, поздравляю тебя с 16-летием и получением твоего основного документа — паспорта. Желаю голубого мирного неба над головой **и не надо того неба, что у нас тут.** В подарок прими мой, теперь уже бывший, транзисторный приемник «Альпинист-418», пользуйся им, чтобы вам там в комнате общежития не было скучно и вспоминай меня. С нетерпением жду ответа. Учись и приобретай специальность, она тебе пригодится. До свидания. *Сергей*».

Ольга Павловна окончила педагогический институт и работает учительницей в школе, в которой учился Сергей.

Если бы кто-то из родных, друзей, соседей сказал Павлу Васильевичу и Нине Ивановне о том, что их Сергей окажется вдали от дома — в Афганистане — это бы их удивило.

До трех лет он не ходил. И только благодаря стараниям врачей из Областной больницы в Ленинграде научился вставать на ножки, медленно передвигаться по кроватке. Когда врач О. С. Бибичева пригласила маму на встречу с сыном, она увидела, как ее Сереженька сам, без чьей-либо поддержки, вышел к ней. Заплакала — не поверила. Однако боли в ногах продолжали мальчика беспокоить, несмотря на длительное (на протяжении многих лет) лечение.

В школе от посещения уроков физкультуры Сережу Прохорова освободили, но мальчик на занятия ходил регулярно, превозмогая боль, выполнял те упражнения, что и его товарищи по классу.

Помнит до сих пор мама, как Сережа учился вставать на лыжи. С каким трудом ему давались такие прогулки! Он падал, поднимался, ноги не слушались его не потому, что не умел ходить, а из-за резких

более при движении, при перемене положения тела, при нагрузках. Несмотря на все это он продолжал «прогонять» свои метры, горки, а позже — километры на лыжах. Иногда от усталости возвращался домой блее бересты, но занятий не бросал: терпению его мог позавидовать любой взрослый.

А дома... Только мама знала, каково ему после лыжных прогулок, «стоек», бега, прыжков, физических упражнений, длительной ходьбы. Может, поэтому Сереженька любил спокойные игры, часами составлял интересные мозаики на различные темы из кусков стекла, цветных обложек старых журналов, из соломы, риса. Его работы часто экспонировались на выставках в школе. Сейчас детские поделки С. Прохорова хранятся в музее г. Подпорожье.

И этот мальчик, с детским воображением, умением видеть, чувствовать и творить прекрасное, остался в памяти тех, кому довелось с ним жить, работать, учиться, слушать.

Рассказывает о Сереже первая его учительница В. С. Савватеева:

— Собирали ученики букеты из осенних цветов. Кто льянку принес, кто запоздалый цветок поповника, нашли цикорий, а Сережа принес небольшое растение, чем-то похожее на одуванчик, только мельче и бледнее его. Такой неяркий цветок — кульбаба. Осенью растет всюду. А он смог разглядеть в нем неброскую красоту. И такое чувство красоты природы, любовь к прекрасному Сережа сохранил на всю жизнь. На столе в вазе всегда стояли для мамы свежие цветы от сына — полевые или привезенные из Ленинграда.

«Простой, скромный ученик, — говорит учительница Е. П. Барина, — он давно учился в нашей школе, но я помню и сегодня, за какой партией сидел с Леной Бакулиным, а за первой партией в другом ряду сидел его друг детства Сергей Комлев, с которым ему суждено было вместе служить в Афганистане...».

В школе хранится сочинение Сергея на тему: «Кто служит Родине, тот остается в памяти народа». Эпиграфом были слова С. Михалкова:

«Не забудем тех героев,
Что в земле лежат сырой,
Жизнь отдав на поле боя
За народ, за нас с тобой...»

Сереза любил свою школу, учителей. Особенно тепло отзывался о классном руководителе Е. Т. Карасевой.

На вопрос, каким он был на уроках, Екатерина Тимофеевна сказала: «Глубоко осмысливал прочитанное, правильно анализировал его, извлекал то, о чем прямо не говорилось, мог отстоять свою точку зрения — это ему хорошо удавалось. Главное в нем — умение властвовать над своей волей».

Получив свидетельство об окончании 8 классов, Сереза поступил в Ленинградский энергетический техникум. И здесь, в большом городе, он не позволял себе расслабляться ни на минуту. Пешком — на занятия и пешком — к себе в общежитие. И так каждый день вдоль Невы.

Занятий по физкультуре не пропускал и в техникуме. Во время курсовых — лыжных — сдавал зачеты, пробегая заданную дистанцию. А на каникулах помогал родным копать картошку на огороде, с бабушкой Василием Михайловичем — на покосе, а дрова пилить — с Павлом Васильевичем. В свободное время читал научно-популярную литературу, изучал схемы корабельной пусковой установки для зенитных ракет, корабельный ракетный комплекс — «Поларис», «Посейдон», «Трайидент», различные типы кораблей. По окончании техникума работал в тресте «Севзапэнерго-монтаж».

В армию призвали, когда трудовой стаж составил 21 день.

Служил в Ашхабаде, Термезе, Чирчике, лечился в Ташкенте, но родителям об этом не сообщил. В письмах о трудностях солдатских будней не рассказывал, иногда просил прислать конверты, напоминал родителям о подписке на «Венок Славы», передавал приветы друзьям, учителям, просил приобрести книги В. Смирнова, Ю. Бондарева, Л. Соболева и другие.

Письма не раз перечитывали в кругу семьи. Мама уходила в комнату сына, тайком плакала, жалела Серезеньку.

А он писал «из далекого Чирчика»:

«Здравствуйте, мама, папа и Лена! Сейчас вся наша рота находится на полигоне, где учимся выпекать хлеб. Жара в палатке-цехе стоит такая, что пот стекает ручьями. 20.3.83 г.».

«Сообщаю тебе, Ольга, что меня из Чирчика перевели в город Термез, который расположен всего в 5 км от границы с Афганистаном. 6.01.84 г.».

«Здравствуйте, мама, папа и Лена!

Слухи о переброске полка, как видите, подтвердились. Служу я теперь почти за 500 км от границы, около города Баграма (если его можно назвать городом). В пути от полигона до места службы добирались 5 суток, из них сутки простояли, так как перевал Саланг был закрыт из-за обвала. Живем в палатках. Обстановка тут — сами понимаете, не мирная, частенько стреляют, так что писать не смогу, а вот вас прошу писать как можно чаще.

Папу поздравляю с днем рождения... 26 марта 1984 года».

«Привет из Баграма! Здравствуй, сестренка Оля! Извини за долгое молчание, не писал так долго потому, что сначала наш полк стоял на полигоне, а затем нас перебросили в Афганистан... Начали ходить на операции по прочесыванию кишлаков (мелких селений). Сейчас наш полк совместно с другими частями армии и подразделениями афганской армии пошел на крупную операцию, которая, возможно, продлится месяца полтора... 21.04.84 г.».

«Привет из ДРА. Здравствуйте, бабушка и дедушка! ...Вот уже две недели, как наш полк убыл на общеармейскую операцию по взятию Панджшерского ущелья. Наш батальон понес уже большие потери ... из нарядов почти не вылезает...»

Бабушка, когда будешь писать ответ, вложи, пожалуйста, в письмо чистый конверт, т. к. это у нас — острый дефицит... До свидания. *Сергей*. 3 мая 1984 года».

В этот же день сын пишет домой родителям:

«Тяжело, конечно, что мы далеко друг от друга, но чаще писать пока нет возможности, так как полк сейчас на операции.

Народу осталось мало, и мы почти все время в нарядах. Обо мне не беспокойтесь. Наше расположение пока еще не обстреливали, а вот на операциях в Панджшерском ущелье наши напоролась 1 мая на засаду наемников. В батальоне погибло около 30 человек солдат, а из офицеров в живых осталось человек 5—6. Если так пойдет и дальше, что же останется от батальона к концу операции? 3.5.84 г.»

Далеко родная сердцу река Свирь от Панджшерского ущелья. По дну этого ущелья проходит русло реки Панджшер, она берет свое начало среди снежных вершин Гиндукуша и, вырываясь на простор горной долины, впадает севернее Суруби в реку Кабул.

Далеко Свирь, что соединяет Ладожское и Онежское озера, далеко и родное Подпорожье, что отгородилось от него, рядового Прохорова Сергея Павловича, высокими и неприступными горами. И только почта соединила воедино несоединимое: кишлак Руха,* уездный центр и этот ма-

* Руха — уездный центр в Панджшерском ущелье, где размещался временный воинский гарнизон от 32-го пехотного полка, обозначал «власть на месте». Периодически в этом гарнизоне находились и советские подразделения.

ленький северный городок под мирным небом:

«Меня и еще 7 человек из нашего полка перебросили в Панджшерское ущелье, в кишлак Руха для разворачивания там полевого хлебозавода и организации обеспечения хлебом стоящего в кишлаке гарнизона. Так что теперь я работаю по своей воинской специальности!

Живем мы в 3-этажном доме, здесь расположены 4 печи для выпечки хлеба, на 2 этаже — жилые помещения, а на 3 этаже расположена кухня. Дом полностью построен из глины и глиняного кирпича. Работаем мы в две смены, 4 человека по 12 часов, так что выматываемся основательно. 11.06.84 г.».

Сереже Прохорову, простому русскому солдату, приходилось заниматься, пожалуй, самой мирной работой на войне, на афганской земле — выпечкой хлеба на полевом заводе, развернутом в кишлаке Руха.

«...последнее время работаем по 2 человека в смену, остальные заняты на ремонте здания. Сейчас нам добавили еще 4 человека. В настоящее время у нас работают две печи, дающие по 16 буханок хлеба за оборот (каждая), а две печи простаивают из-за отсутствия к ним труб нужного диаметра и хлебных форм.

**С. Прохоров на смене.
Посадка хлеба в печь.
Кишлак Руха, Панджшерское
ущелье, 28 июля 1984 года.**

Мама, достань мне книгу Яноша Пшимановского «Четыре танкиста и собака». Сообщение здесь только вертолетами. *Сергей*».

Из письма Сергея Елене Сергеевне и Василию Михайловичу Прохоровым:

«Привет из ДРА! Здравствуйте, бабушка и дедушка! ...Уже месяц, как мы выпекаем хлеб в Панджшерском ущелье. После армии, если будет возможность, может, и вы попробуете хлеб моей выпечки. Сейчас дела у меня идут нормально, здоровье и настроение хорошее... Как я по всем вам соскучился, просто слов нет; но оставшееся время как-нибудь потерплю, осталось уже меньше года».

...Серезины сестренки старательно вычерчивали маршруты службы брата по письмам из того далекого для всех Афганистана, из незнакомых для них ранее точек на карте мира: Баграм—Панджшерское ущелье—кишлак Руха—Баграм...

Чуть позже под этой картой появятся и эти стихи:

«Встала пшеница спелая,
Тихо плывет рассвет.
Все, что смогли, сделали
Ребята, которых нет».

Справка: «Для того чтобы проехать по Панджшерскому ущелью до Рухи, необходимо следовать по дороге, которая постоянно минировалась моджахедами. В этом ущелье, протяженностью примерно 150 километров, базировались довольно-таки значительные силы под руководством Ахмад Шаха, эти отряды оппозиции ориентировались на партию «Исламское общество Афганистана» (лидер — Б. Раббани) и, кстати, враждовали с отрядами Гульбуддина Хекматъяра «Исламская партия Афганистана». Эта вражда не прекращается и по сей день.

Наряду с плановыми операциями, проводившимися советскими и афганскими частями в ущелье, мы оказывали поддержку гарнизону в Рухе ударами авиации и вертолетов. В невыгодной для моджахедов обстановке они рассредотачивали свои силы, используя для этого многочисленные ответ-

вления в другие ущелья, а также возможность уйти в Пакистан. После проведенной операции, когда наши части покидали ущелье, кроме гарнизона в Рухе (он всегда был для Ахмад Шаха костью в горле), моджахеды, залечив раны, через какое-то время опять проявляли активность в густонаселенных провинциях Парван и Каписа и на основной магистрали через перевал Саланг. Для нас Панджшерское ущелье — это постоянно воспаленный аппендикс, но другие, более сложные задачи вокруг столицы и в зоне племен не позволяли нам постоянно иметь в Панджшерском ущелье крупные силы».

Последнее письмо Серези из Афганистана родные получили в начале сентября:

«Здравствуйте, мама, папа и Лена!

Извините за долгое молчание, не писал долго потому, что **меня направили в командировку на неопределенное время в Баграм**. Думаю, что задержусь тут еще недели на две, а может, и больше. Если хотите, напишите на этот адрес, но я думаю, что этого делать не стоит, в общем, решайте на свое усмотрение.

Дела у меня идут нормально, здоровье и настроение хорошее. Погода по-прежнему солнечная и жаркая, дождей за все время не было ни разу.

Лену поздравляю с наступившим новым учебным годом и желаю кончить его без троек. Писать больше вроде нечего. Пишите, как дела у вас, как провели лето и что нового слышно в Подпорожье? С нетерпением жду вашего ответа. До свидания. *Сергей*. 28.VIII.84 г.

Р. С. Пишите или на старый адрес, или на новый (временный): полевая почта индекс 93982 Прохорову Сергею Павловичу».

Больше писем от Серези не получали ни друзья, ни родные. Его не стало 13 октября 1984 года. А на следующий день командование войсковой части 86997 напишет письмо родителям, в котором... выражает благодарность за сына:

«Ваш сын, старший механик-водитель аккумуляторщик, рядовой Прохоров Сергей Павлович за время прохождения службы зарекомендовал себя исключительно с по-

ложительной стороны, грамотный, дисциплинированный и трудолюбивый. Он всегда был добрым и отзывчивым товарищем, неоднократно поощрялся командованием подразделения за самоотверженный труд и отличную воинскую дисциплину. Примите нашу большую командирскую благодарность за воспитание вашего сына — достойного защитника нашей любимой Родины. Командир части *Чикал*. Зам. командира по политчасти *Кархин*».

С «Черным тюльпаном» привезли родителям 3 документа от того же 14 октября: письмо-соболезнование, справку о гибели рядового С. П. Прохорова и акт с описью личных вещей умершего военнослужащего. В акте перечислены: зубная щетка в футляре — 1 шт., зубная паста «Поморин» — 1 шт., мыльница с мылом — 1 шт. Всего 3 наименования. Под актом — пять подписей: подполковники Чикал, Кошкарев, капитан Дорошенко, прапорщик Гурьев, старшина Голозубов. Ни фотографий, ни писем, ни документов родители так и не получили...

Из рассказа Нины Ивановны Прохоровой:

«Многое непонятно в судьбе наших детей в Афганистане. Посудите сами: даже не знаем, какую работу выполнял наш сын в ДРА. По письмам Сережи он выпекал хлеб, а по документам командования он — старший механик-водитель аккумуляторщик. Находился ли сын в кишлаке Руха или был на боевом задании — не знаю. С 28 августа от него писем уже не было, а 19 октября привезли гроб. Полтора месяца молчания командиров. Почему? В документе написано: «...при исполнении служебных обязанностей заболел и умер». Тогда почему окосечко цинкового гроба покрашено? В сопроводительном документе сделана запись: «Справка дана... для транспортирования тела рядового Прохорова Сергея Павловича через границу на Родину. При вскрытии никаких инфекционных заболеваний не обнаружено». Тогда, где находился сын до 13 октября 1984 года? Снова вопрос... Когда же я попросила военкома дать мне эту справку на руки. — «Не положено», — был ответ. Я попросила копию документа.

Мне отказали. И добавили: «Ну что вы хотите? Наше дело призывать...».

Я понимаю, это маленьким детям можно сказать, что при выполнении боевого задания заболел и умер. Такие отписки не только я одна получила. По области их более чем достаточно. Если он заболел и умер, то почему от командования на следующий день после смерти сына мы получаем благодарственное письмо и ни слова о том, что его нет в живых?

И тогда я написала письмо в газету «Комсомольская правда», т. к. статьи А. Тарасова были посвящены водителю С. Прохорову. Мне ответили, что журналист Тарасов не работает и мое письмо отправили в Туркестанский округ, оттуда мне сообщили адрес Р. Аметова, однополчанина сына, проживающего в г. Ангрен Ташкентской области. На просьбу рассказать о сыне Рустам сообщил следующее: «С Сережей мы служили в одном взводе. В марте 1984 года нас перевели в Баграм, а затем в Руху. Вашего сына мы все любили. Тяжело вспоминать те дни, ребята уходили из жизни молодыми — кто от душманской пули, кого с ног валила проклятая болезнь. Там мы узнавали цену жизни, на которую теперь смотрим другими глазами...».

Владимир Быянков — Прохоровым.

«Вашего сына Сергея я не знал... Но прекрасно помню, что происходило в сентябре-октябре 1984 года в полку (кишлак Руха). В конце сентября наш полк ходил на боевую операцию в горы. Вернулись в начале октября с потерями. Не успели отдохнуть, через два дня пошли снова на операцию, но только не все вместе. Полк — в одну сторону, вторая рота отдельно в засаду — поджидать «духов». В этой операции было много потерь, душманы их окружили, много погибло наших ребят. Полк вернулся тоже в этот раз с большими потерями. Это было как раз начало и середина октября. Вы не пишете, в каком подразделении служил ваш сын. Я перебрал свои письма и фотографии с Рухи, но Сережу я не мог вспомнить. Я жил тогда в одной землянке с подразделением Володи Афонина из г. Тихвина. Вы спрашиваете, обстреливали ли наш кишлак? Да, доволь-

Клуб воинов-интернационалистов «Память» г. Подпорожье. Среди воинов родители С. Прохорова — Павел Васильевич и Нина Ивановна. 9 Мая 1995 года.

но-таки часто, особенно с минометов — после обеда. От этих обстрелов тоже гибли наши ребята».

В день, когда Павел Васильевич получил извещение о смерти сына, он пришел на завод, где в первую смену работала его жена. С ним были два представителя из военкомата. Нина Ивановна только взглянула на входящих — пол заходил ходуном, закружились стены... 8 месяцев не поднималась с постели. К жизни возвращалась с трудом.

Два месяца после похорон Сергея снился ей один и тот же сон: река, сын в лодке уплывает от берега. В руках у нее Сережины бумаги, она бросается в воду и слышит: «Мама, за мной не плыви...».

О родителях Сергея Прохорова.

Трудная судьба выпала на долю родителей Сережи. В суровую зиму 1941—1942 гг. в финских лагерях города Петро-

заводска содержались малолетние узники, среди которых оказались и Нина Ивановна — Ниночка, ей в ту пору шел третий годик (лагерь № 5), и мальчик пяти лет — ныне Павел Васильевич (лагерь № 3). Они выжили. Через много лет нашли друг друга, поженились. Да вот беда. Из четырех детей в семье Прохоровых в живых остались только двое: умерла дочь, погиб Сережа в Афганистане...

Спасибо землякам, не оставляют их в одиночестве. Они окружены заботой и вниманием «афганцев» из интернационального клуба «Память».

Из рассказа Нины Ивановны:

«Клятву, данную на могиле Сергея, ребята держат. Нам помогают во всем и постоянно «втягивают» в свои дела: то организуют встречи с молодежью Подпорожского района, то «забирают» на Тихвинские фестивали (я была трижды), все дни памяти сына отмечают у нас дома.

Меня называют «наша мама», а для их детей мы с Павлом Васильевичем «дедушка» и «бабушка». И столько в наших сердцах чувства благодарности к этим ребятам и их родным. Позвольте через Книгу выразить наше родительское спасибо. Низкий поклон вам, добрые люди».

«Наша мама Нина Ивановна» — так называют ее «афганцы» Ленинградской области.

В день ее 55-летия «афганцы» г. Подпорожья дарили Нине Ивановне нежность сыновей и дочерей, под гитару пели песни.

В этот день Володя Сеницын читал свои стихи — посвящение Сергею Прохорову:

«С тобой мы в этот день, Сергей,
Весь день ты будешь вместе с нами.
Сегодня Славный Юбилей!
Сегодня Праздник — Праздник мамин!
Не можем мы иначе жить,

Когда весенние капли
Нас заставляют так любить,
Как, может, раньше не умели.
Прими стихи мои, Сережа,
И с ними наш поклон сейчас
Пусть радость мамину умножит,
Что ты сегодня среди нас».

Бережно хранится в семье Прохоровых и эта открытка.

«Дорогая Нина Ивановна!

От всех «афганцев» города Подпорожья примите самые сердечные поздравления.

Большого счастья Вам и всей Вашей дружной семье, крепкого здоровья, бодрости, стойкости, уверенности в своих силах, красоты, обаятельности, терпения, покоя и оптимизма.

Всегда Ваши ШУРАВИ: Асавкин С. П., Пятилетов А. П., Клюенков П. Б., Тимухов В. К., Меренов В. В., Комлев С. Л., Смирнов Е. А. 19 марта 1994 г., г. Санкт-Подпорожье».

КАЛИНИН АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

15.VIII.61 — 6.XI.84

Родился в г. Тапа Эстонской ССР. Русский. Образование высшее. Член ВЛКСМ. Кандидат в члены КПСС. Женат. В Афганистане — лейтенант, командир разведывательного взвода (в/ч 51884).

Родители: Калинины Геннадий Иосифович, Лидия Николаевна.

В 1969 году семья Калининых переехала в п. Громово Приозерского района, затем — в г. Лодейное Поле, куда перевели военнослужащего Геннадия Иосифовича.

Сын Андрей в 1979 году закончил среднюю школу № 68 станции Лодейное Поле. Трое сыновей Калининых учились в этой школе.

С 4 августа 1979 года призван в Вооруженные Силы СССР Лодейнопольским ОГВК Ленинградской области. С 1979 по 1983 год. — курсант Ленинградского высшего общевойскового дважды Краснознаменного училища имени С. М. Кирова. С июля 1983 года — служба в г. Панфилове Талды-Курганской области.

8 августа 1984-го убит в Афганистан. Принимал участие в 4-х боевых операциях. 6 ноября 1984 года Андрей Геннадьевич умер.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на Братском кладбище г. Лодейное Поле. Имя увековечено на гранитной плите.

У родителей хранится несколько тетрадей сына: конспекты, стихи, дневниковые записи выпускника школы, курсанта военного училища, а позже — военного специалиста. Хранятся благодарственные письма из школы и училища, Почетные грамоты, учетная карточка члена ВЛКСМ, рекомендация в кандидаты в члены КПСС, удостоверение механика-водителя, личная медицинская карта, обходной лист, томик стихов С. Есенина.

Живут памятью об Андрее его братья Юра и Саша.

В краеведческом музее г. Лодейное Поле — личные вещи А. Г. Калинина: парадный костюм, шинель, фуражка, значок высшего учебного заведения, орден Красной Звезды и орденская книжка, иконка*.

Бережно хранит память о своем друге детства С. М. Малышев, военный летчик. В его семейном архиве фотографии, письма, открытки Андрея.

Многое об Андрее знают его школьные друзья — Гехт Алеша, Федоровы Максим и Майя, Гаврилова Галина и Неелов Александр, Ковалевская Ирина и Родионов Саша, учителя.

Из воспоминаний Лидии Николаевны Калининой:

«12 часов 30 минут 15 августа 1961 года. В этот солнечный день родился мой Андрейка. Я была такой счастливой. Огорчало одно — муж был на боевом дежурстве. Но пришли в больницу его товарищи по службе, принесли большую корзину с яблоками, огромный букет цветов и записку: «Будущему офицеру Советской Армии». А весил «будущий офицер» — 3.500, рост — 52 см.

В 10 месяцев сынок начал ходить. В три года знал азбуку, цифры, говорил и по-русски, и по-эстонски. Приходилось много работать с ним, да и жить-то по-другому не могла. Дома Андрей любил играть в спокойные игры. Машины, молоточки, значки, марки, оловянные солдатики (их было

* «У нас в доме была иконка, — вспоминает Л. Н. Калинина, — небольшая такая, передавалась из поколения в поколение. Но вот иконка исчезла, оказывается, Андрей принес ее в дар музею. Вещь редкая, и как экспонат она была зарегистрирована. Забирать я ее не стала. Вспомнила о ней, когда похоронила сына. Нельзя уносить иконы из дома — быть беде. Если бы я забрала ее, иконку, может, и не случилось бы непоправимого. Хотя, кто знает».

собрано около 300) — его игрушки. Самым любимым занятием было чтение, книги. В старших классах увлекался А. Блоком и С. Есениным. В одном из «афганских» дневников лежали портреты этих поэтов. С детства стремился стать военным, все говорил отцу: «Папа, все равно буду десантником, надену твои голубые погоны».

Беспечное безоблачное детство. Мальчики, дети кадровых офицеров, через несколько лет приняли на свои плечи крестную ношу отцов — Юрий Меркулов, Сергей Малышев, Станислав Иванов, Виктор Звонков, Андрей Солодянкин, Владимир Воинов, Олег Тихомиров, Андрей Калинин...

О том, как Андрей жил, учился, служил и как погиб, сейчас в Лодейном Поле знают все. Но знать в общих чертах — это еще не значит понимать, каким был и каким мог стать этот человек и что теряем мы, когда вот так, на взлете, обрывается жизнь.

Рассказ учительницы из г. Лодейное Поле Л. В. Максимовой:

«Школа для Андрея была вторым домом. До самого вечера находились там дела. И друзья под стать, такие же неумные. Вместе разрабатывали сценарии вечеров, готовились к собраниям и диспутам, спорили до хрипоты. Но особой страстью для Андрюши была «радиорубка», школьные радиогазеты готовил тщательно. Обязательно звучали стихи. Он и сам их писал:

«Луч света сквозь стекло пробился,
Коснулся моего лица,
И я проснулся, пробудился
И понял вдруг — пришла весна».

По окончании средней школы Андрей Калинин успешно сдал вступительные экзамены в один из ленинградских институтов, прошел по конкурсу и после этого... ушел. Три дня стоял у ворот военного училища, караулил генерала, который разрешил бы ему сдать экзамены. И своего паренек добился. Он — курсант! Репорт о назначении в ДРА Андрей, подал будучи курсантом, в конце ноября 1983-го. Судьба дважды свела его с Афганистаном, куда по заданию командования первые его направили в «загранкомандировку» в январе 1984 года.

Командир разведывательного взвода лейтенант А. Калинин. Октябрь 1984-го. Снимок подарен другу С. М. Малышеву (г. Тула).

Из письма Андрея Геннадьевича:

«До конца командировки осталось несколько дней, но обстоятельства складываются так, что мне необходимо сюда вернуться снова, где боль за эти годы, здесь много причин, не зависящих от меня и в то же время меня обязывающих. Человек сам себе выбирает, где ему быть. Есть в жизни такие слова: «Надо!». Пишу это твердой, недрожащей рукой. *Андрей*».

Из послужного списка лейтенанта Калинина А. Г.

«Достоин направления для прохождения службы в войсках, дислоцирующихся на территории ДРА. Командир 1 мотострелкового батальона капитан *Карликов*».

«Достоин направления в ДРА...

Командир в/ч 74261 подполковник *Петрук*».

Предписание:

«Лейтенанту Калинину А. Г. Предлагаем Вам 7 августа 1984 года убыть в распоряжение в/ч 97751. Срок прибытия 8 августа».

1 августа Андрей Геннадьевич оформил обходной лист. 2-го позвонил домой, отправил две телеграммы в Лодейное Поле — родителям и жене: «Восьмого августа

1984 года убываю в заграничную командировку на два года. Номер полевой почты сообщу. Целую. *Андрей*. Не плачь, мама, так надо. Береги себя. Твой *Андрей*».

Прислал и эти стихи:

«Ты жди меня, и я вернусь,
Вернусь живым и невредимым,
Зайду в подъезд и поднимусь
На наш этаж — последний, милый.
Нажму на кнопку звонка
Спокойно, словно был недавно,
Я буду знать, что ты ждала,
Домой вернусь без телеграммы».

В огромном мире, словно на вокзале,
Разлуки, встречи, гомон, суета...
А мы спешим, торопимся куда-то,
Проходим мимо близких в никуда,
И жизнь ревет, подобно водопаду,
Мы в ней, как щепки, в пенящей воде...

Андрей...»

Первое письмо из ДРА не заставило себя ждать:

«Здравствуйте, дорогие папа, мама, Юра и Шурик!

Пишу с нового места службы. Добрался хорошо, попал в часть, которая находится в Кабуле, вернее — в пригородах, побыл там день и выехал к своему подразделению.

А. Калинин с боевым другом. 1984 г.

О работе скажу одно: она в корне отличается от работы в СССР. Новый коллектив встретил меня очень хорошо, душевно, уже появились друзья, ребята все как на подбор, проверенные. Природа чудеснейшая, часто приходится ходить по горам, горы просто прелесть: водопады, горные долины. Правда, немного «жарковато» и в прямом, и в переносном смысле. В Кабул я ехал с группой офицеров, один даже однокашник, из училища. Но здесь всех раскидали по разным частям. Устроился в полку хорошо. Поселили в блочном доме (здесь их называют модулями), в комнате еще шесть офицеров. Даже есть вода и свет. В общем, условия вполне нормальные. Правда, служить здесь проще, очень много приходится делать самому, ибо это не СССР, где на каждого командира еще 10 нянек. Здесь за все отвечаешь сам и это очень облегчает работу. Ну вот, я все о работе да о работе. Как вы там? Как Юра с Шуриком — пошли снова в школу? Пусть передают привет моим учителям. Пишите. У меня пока все очень хорошо. Тьфу, тьфу. Не болею. Всех целую. Привет родным. *Андрей*. 31.08.84».

Строки из писем друзьям: «Нахожусь там, где явно ощущается нехватка воды, где на своем пути встретил каменные пустыни и сухие степи, мощные горные цепи и перевалы, труднопроходимые дороги и стада диких кабанов. Обязательно напишу длинное письмо, вот только разгрузюсь чуть-чуть. Ребята у нас как на подбор, надежные, обстрелянные. Здесь дружба — главное».

Из письма А. Г. Калинина Е. М. Федоровой (Лодейное Поле):

«...Перед отъездом в Кабул забежал попрощаться — всякое случается на войне... Словно это было вчера. Ты подошла ко мне такая хрупкая, земная, положила руку на мою стриженую голову и тихо сказала:
— Береги голову, слышишь, береги голову, Андрей.

— Само собой, тетя Катя.

Я не мог быстро подняться. Мне хотелось взять твои маленькие руки, такие ласковые и нежные, в свои ладони и целовать, целовать их... Но какая-то детская, ненужная при таких обстоятельствах застенчивость

не позволила мне этого сделать. Я быстро встал и ушел. Увижу ль всех вас, мои славные, милые Федоровы? Август, 1984 год. Афганистан».

* * *

«Сегодня встретил русскую женщину с ребенком. Идет, перед собой катит детскую коляску. Сама красивая, нарядная, а ребенок спит в колясочке. Я так и замер на месте. Словно и войны нет».

И снова стихи:

«А помнишь, как раньше?
Все было прекрасно,
Все было так просто,
Так ново, как мир.
Нам было все ясно.
Мы счастливы были,
И нас не терзал
Стон вопросов немых.
А помнишь... как раньше...»

* * *

«Видел ли я гранатовые деревья, финиковые пальмы? Увы, мой друг, мог бы написать о диких горьких арбузах, о мягкой пшенице и как она цветет, мог бы, но... Здесь все перемешалось: и 14 век, и 20. Афганцы еще живут при феодальном строе, а летают на самолетах. Ослы бегут по дорогам рядом с мотоциклами и танками. Я попал в 14 век, точнее, в 1363 год, не веришь? Почта у нас по понедельникам. С нею не все «Слава Богу». Ждем ее всегда с нетерпением.

* * *

«Ты пиши мне немного, хоть изредка,
Я скучаю, волнуюсь и жду.
Хоть две строчки на маленьком листике
Про погоду, про дождь, про зарю.
Только ты не молчи так — по месяцу,
Ты пиши, хоть немного, хоть чуть.
Адрес мой напиши на конвертике
И отправь его в длительный путь.
Вот ты пишешь, что очень соскучилась,
Что тоскуешь и в гости зовешь,
Что вчера ты, гуляя по городу,
Вдруг попала под ливневый дождь,
Дальше пишешь, что только заметила,
Как вокруг распустилась весна.

Эти строчки тоскливые, грустные,
Говорят, что ты любишь меня.
Ты пиши мне немного, хоть изредка
Про погоду, про дождь, про зарю
И закончи письмо просто, искренне:
Жду, целую и очень ЛЮБЛЮ».

Андрей Геннадьевич пробыл в Афганистане 3 месяца. О своей службе сообщал родным весьма скупое. Гораздо больше говорят о тех днях его дневниковые записи и стихи: «Несколько дней не делал записей в дневнике. Виною всему — нехватка времени. А сегодня понял: молчать не имею права. Хотел бы написать много, да не могу, мое молчание не по моей лени, но здесь:

Чужие горы, рев машин,
Бои ночные и дозоры,
Атаки, грусть, разрывы мин,
Тоска по дому, по любимой,
По трем березкам под окном.

* * *

Кровавое солнце вставало над миром,
И черные тени лежали у гор.
И рота, как будто в огромном тире,
Была расстреляна в упор...

* * *

В цепи идет пехота
На солнечный рассвет.
Тяжелая работа —
Вести людей на смерть.
В боях устала рота
И снова с марша в бой,
А солнце только встало,
Врага закрыв собой...

* * *

Я видел только яркий, горящий смерти шар,
Я видел, как в машину
С разлету он попал,
И вспыхнула, как спичка, могучая броня.
Неужто так однажды сгорю в машине я?
Нет, я совсем не нытик,
Я просто человек,
И потому при жизни даю себе обет:
За девять тех, сгоревших
Клянусь я отомстить,

За девять тех, сгоревших,
Клянусь я жизнь прожить.
Короткую ль, большую ль
Я честно проживу
И жизни тех, сгоревших, я в сердце пронесу.

* * *

Видел многое, но смерть санинструктора
Вали из Москвы меня потрясла:

Маленькая, нежная такая,
Словно невесомая, была.
Санинструктор Валя, Валентина,
Только двадцать лет ты прожила.
Помню, как смеялась на привале
Только два часа тому назад.
Помню, как смешно в руках держала,
Так тебе не нужный автомат.
Помню, как потом в пылу атаки
Выносила парня из огня.
Парень выжил, он сейчас в санбате,
Ты же умираешь на руках.
Вот ты смотришь грустно и печально
На меня, на небо, на цветы.
Говоришь мне еле слышно:
«Жить хочу,
Вот здесь письмо, в кармане,
Ты возьми его в Москву,
Передай, пожалуйста, там маме...»
Так сказала и глаза закрыла,
И ушла из жизни навсегда.
Я заплакал, мне так горько было,
Что не смог я уберечь тебя.

* * *

Вот сейчас
Тебе подняться надо,
Может быть, последний
В жизни раз.
Под огнем чужого автомата
Ну, о чем ты думаешь сейчас?
А огонь крепчает, горы стонут,
Гулко бьет в ущелье пулемет,
Зарево пожара освещает и тебя,
И твой десантный взвод.
Миг, всего лишь миг —
Решиться надо и вставать...
Под проливным огнем.
Грохот, вой,
Взрываются снаряды
И свистят осколки за тобой...

Вот и все,
Враг выбит с перевала,
Поражают горы тишиной.
И бредут усталые солдаты
Горною, исхоженной тропой,
Тянется пейзаж однообразный,
Горная речушка вниз бежит.
Вот за эти, за чужие горы,
Может быть, отдашь ты свою жизнь.
И не важно, что страна чужая,
Что не наши небо и земля.
Ты воюешь здесь, чтобы в России
Никогда не вспыхнула война».

«Так думал мой сын, выполняя приказы командиров и честно исполняя воинский долг. Там говорили так: «Это нужно». И не кривили душой, свято верили в «это» и сражались до последней капли крови, до конца», — говорит Лидия Николаевна, дрожащей рукой протягивая письмо командования войсковой части 51884: «...За время прохождения службы в полку А. Г. Калинин принимал участие в четырех боевых операциях по ликвидации бандформирований мятежников, где проявил мужество и героизм. Особенно отличился 20 октября 1984 года в районе ущелья Махипар*. При выдвижении подразделения на выполнение боевой задачи попали под сильный огонь мятежников. Умело распределив обязанности каждого, дал команду занять укрытие и оттуда открыть прицельный огонь. Лично уничтожил двух мятежников, ликвидировал две огневые точки противника. Умело организовал эвакуацию раненых с поля боя. В ходе ведения боевой операции тяжело заболел...».

— Помню, как стояла на коленях, — рассказывала мама, — просила об одном: «Сынок, только не в Афганистан. Я работаю в воинской части, о войне знаю не только по газетам». Но он мне в ответ: «Мама, мой долг обязывает быть там. Всем трудно, почему мне должно быть хорошо. Я был там, туда все равно поеду».

* Ущелье Махипар находится на полпути между Кабулом и Суруби. Через это ущелье проложена дорога на Джелалабад и далее в Пакистан. Энергоснабжение столицы осуществляется от ГЭС Наглу и Суруби, а линии электропередач проложены в районе у ущелья Махипар. Поэтому функционированию этой дорожной магистрали, проходящей через ущелье Махипар, всегда придавалось большое значение.

Из послужного списка лейтенанта Калинин А. Г.:

«Командир разведывательного взвода — 180 мотострелковый полк, 108 мотострелковая дивизия — шестого ноября 1984 года тяжело заболел и умер на территории ДРА. Гроб с телом для захоронения отправлен в Лодейнопольский РВК Ленинградской области».

Из рассказа Лидии Николаевны, мамы:

«6 ноября 1984 года я возвращалась с работы. Вдруг слышу: «Мама!». Оглянулась — никого. Подумала: Андрей мой приехал. И снова: «Мама! Ну, что же ты?». Позвонила невестке. Она сказала, мне просто почудилось.

В этот день моего сыночка не стало.

Весть о трагической смерти уже передавалась из уст в уста живущих в нашем городке. Только одна я ничего не знала, но на сердце было как-то беспокойно, была какая-то тяжесть, тоска.

Было так плохо. Да не знала тогда, что моего сыночка везут... в цинковом... Говорят, задержка случилась у них в пути.

Меня вдруг в командировку «по делам» в Петрозаводск и отправили...

Когда вернулась, сердцем поняла страшную беду.

И только одно, как молитву, как заклинание, повторяла: «Только не это! Только не это!».

А потом траурный зал в Доме офицеров и... фотография.

Он смотрел и улыбался — мой Андрей, такой родной, такой близкий, моя кровиночка. Не верю! Так не должно быть! Не верю!

Весь класс пришел попрощаться. Вся школа, весь город...

Что бы я только ни сделала, только б он остался живым!

Сына нет...».

Письмо с войны:

«Здравствуйте, уважаемый Геннадий Иосифович!

Пишет Вам друг Андрея. С большим прискорбием разделяю Ваше горе. Начинали службу в одном полку, в одном батальоне. Он был мне как брат. Вместе делили радость и горе. Он был отличным

На Братском воинском захоронении 18 июня 1988 года, г. Лодейное Поле.

командиром и настоящим другом. Очень много рассказывал о себе, о Вас. Может быть, Вы и не знаете, он еще **в конце ноября 83 г. первый написал рапорт**, затем и я — в знак дружбы. Может, это и горькая, но правда. Он постоянно все куда-то рвался и к чему-то стремился. Я скажу откровенно: он очень часто Вас вспоминал. И особенно беспокоился, что рядом не было близкого человека, супруги.

По нашим данным, мы вместе в августе этого года должны были отправиться в эту проклятую страну, но судьба, к сожалению, распорядилась так, что я уехал раньше, в июне. Мы с ним переписывались. Но что он поехал сюда, я узнал недавно от третьих лиц. Ваше письмо — это очень тяжело для меня. К сожалению, пока подробностей не знаю, даже не знаю, куда, в какую часть он попал. Но если мне станет что-либо известно, обязательно напишу. Он был очень горяч... Я отомщу за него! С глубоким уважением *Саша*».

Похоронили Андрея Геннадьевича Калинина на гражданском кладбище г. Лодейное Поле.

Прошло четыре года.

Из Постановления
бюро Лодейнопольского ГК ВЛКСМ
от 1 апреля 1988 года
(секретно)

«18 июня 1988 года могилу воина-интернационалиста лейтенанта А. Г. Калинина

перенести с гражданского кладбища на Братское воинское захоронение г. Лодейное Поле»...

Газетной строкой («Ленинская правда»)

«В субботу, 18 июня 1988 года, на Братском кладбище состоялась траурная церемония перезахоронения воина-интернационалиста, кавалера ордена Красной Звезды лейтенанта Андрея Геннадьевича Калинина.

12 часов дня. Сюда, на высокий берег Свири, где под мемориальными плитами лежат защитники земли лодейнопольской, пришли сотни лодейнопольцев. Начался траурный митинг. Среди выступивших ветераны войны, председатель совета воинов-интернационалистов, работники горкома комсомола, которые знали и любили своего ровесника, жизнерадостного парня — Андрея Калинина, человека, воина, поэта. Гроб с телом А. Г. Калинина опускают в могилу. Глухой болью отзывается в сердце каждого ком брошенной земли на крышку гроба. Непроходящей болью застыл он в сердце матери Андрея Калинина.

Ложатся белые цветы хризантем на холодную мраморную плиту, на время закрыв высеченное имя на камне...».

«Невыносимо тяжело хоронить сына во второй раз, такое чувство, будто утрата постигла нас впервые», — с горечью говорил Геннадий Иосифович...

Братское кладбище находится недалеко от дома семьи Калининых. Каждый день

Ущелье реки Кабул Танге Гару. По нему проходит извилистая дорога до Джелалабада на востоке страны. Предположительно отмечено место последнего боя А. Калинина на площадке в ущелье Махипар (Черные горы).

они могут встречаться с сыном. Встречаться. А если нет, то люди навещают его и, проходя вдоль берега Свири, непременно остановятся у могилы: молча поговорят с Андреем его учителя, друзья, родители друзей, любимая. Вечное страдание любимой, а эти строки больно отзовутся в ее сердце:

«Каблучков легкий стук по асфальту.
Ты уходишь, уходишь, уходишь.
И закат за тобой, словно пламя,
Вижу я, как вернуться ты хочешь.
Разгулялась по городу осень,
Журавли пролетают устало,
Вот и все. Все прошло, все пропало,
Ты меня ни о чем не попросишь».

А. Калинин

«29 октября 1988 года в средней школе № 2 проходил вечер встречи трех поколений, — вспоминает жительница Лодейного Поля З. Е. Хлямова. — Здесь я впервые познакомилась с Лидией Николаевной Калининой. Она была с нами и «уходила» от нас. Не заживает рана на сердце у матери, кровоточит. Кто вернет ей сына? Кто высушит ее слезы, кто согреет материнское сердце? Вечер был незабываемым, незабываемы были и слезы незнакомой до этого дня мне женщины — матери погибшего на войне сына — Лидии Николаевны Калининой...».

Письмо из Саранска 19 декабря 1988 года:

«Здравствуйте. Пишет вам Калинина Татьяна Андреевна, бабушка Андрюши. Последний раз я видела внука, когда он приезжал ко мне из училища. Пришел и говорит: «Бабушка, я последнюю зиму учусь и скоро буду офицером. Хочу поскорее работать по своей специальности». Из Афганистана мне письма присылал и фото — в горах снимался. Я очень скорблю о нем. Не жил на свете и погиб. Его письма берегу и буду беречь до смерти».

Монолог матери

С вечера лил дождь, а утром мела поземка. Холодно, неудобно, очень тянуло пойти к сыну.

Еще свежи воспоминания о тех днях, когда мы с сынишкой бегали у речки, подбрасывали осенние листья вверх, сгребали их в кучу, а потом, счастливые, ползли по

этой мягкой листве. Радость, непомерная радость переполняла наши сердца. Я так любила эти осенние дни, дни неповторимого детства сына.

А сейчас иду к нему, под ногами скрипит листва, запорошенная снегом.

Я наступаю на листья, но они такие *колючие, медные*.

Вот и пришла к тебе, сынок. Здравствуй! Я опущусь на колени и посижу, побуду наедине с тобой.

Так холодно, так зябко.

Я глажу каменную плиту, насухо протираю ее, вырисовывая имя твое, а слезы застилают глаза.

Приложить бы голову к плите и не шевелиться...

Заснуть бы рядом с тобой.

Сколько была с тобою, не помню.

Только хочу подняться, а ноги не слушаются. Хочу заплакать — и не могу, словно все окаменело внутри.

Согреть бы тебя. Прижаться к тебе...

Я ухажу...

Листья... Детство... Осень... Холод...

* * *

Часто на берег Свири приходит К. Хамдард, родом из Джелалабада и подолгу стоит у могилы А. Г. Калинина.

Каримулла никогда не встречался с Андреем, они даже не знали друг друга, но их жизненные пути-дороги волею судеб пересекались и на афганской, и на лодейнопольской земле. Отсюда, со Свири, проходила та невидимая ниточка, что соединила детство и юность этих двух молодых людей. Для Книги Памяти Каримулла Хамдард подарил фото Махипарского ущелья, где проходил последний для А. Г. Калинина бой.

«Мы, мальчишки, часто бегали на эту площадку в мирное для нашей страны время. Там были арык и три дерева, в одном из них — огромное дупло*, мы в нем часто

* Лидия Николаевна рассказывала, что после смерти Андрея она видит один и тот же сон. Лица сына не видит, а слышит только его голос: «Мама, в ущелье есть площадка, там большое дерево, в нем дупло — там я тебе записку оставил». И вдруг Андрея окружают душманы, сын просит маму не подходить, на этом она просыпается.

«Вот думаю — говорит Лидия Николаевна, — была бы у меня возможность поехать в Афганистан, может, я бы и нашла ту площадку, то дерево с запиской от сына. Но это невозможно...».

прятались. Я не могу утверждать, что именно на этой площадке Андрей воевал, но, возможно, здесь.

«Махипар» в переводе на русский означает «Черные горы» или «рыба, поднимающаяся вверх». Горы в этом месте такие узкие и высокие — неба не видно. Если хочешь посмотреть вверх, то шапка сваливается, а вниз посмотришь — сразу закружится голова, а машины кажутся игрушечными. Если упадет камень, так эхо по кругу вертится долго. Так это камень, но там шел бой. О войне в моей стране можно рассказывать много, но это так трудно».

Гелей Зина Хамдард, сестра Каримуллы, приезжала в Россию из Норвегии в 1994 году. Была на могиле Андрея. Тихо плакала. «Хочу видеть свой Афганистан мирным. Так хочется домой, на родину, — говорила она. — У нас была большая семья, только по линии матери у меня 4 брата и 4 сестры. В войну мы потеряли брата, он был убит

«духами» в 1980 году, а в 1988 году бандиты зверски расправились с мамой и папой. Сейчас мы живем кто где: я — в Норвегии, училась в Минске, Каримулла — в Ленинградской области. Садулла бежал из плена (в Пакистане), сейчас он в Лондоне, одна сестра — в Москве, три — в Пакистане. Братья и сестры по отцу — по всему белому свету: Австралия, США... Была такая хорошая, дружная семья, и вот теперь мы живем в разных концах земного шара. Да не только мы. Друзья моего брата Каримуллы тоже живут кто где: в Подпорожье, Санкт-Петербурге, Москве, Бишкеке, Ташкенте, Львове, за границей. Их я знаю только по именам, да встречала некоторых, когда из Минска, где училась, на каникулы приезжала к брату в Ленинград. Это были Фарид, Халиб, Сарвар, Халил, Джелани, Шакер и другие. У всех у них высшее образование... Говорить о моей бедной истерзанной стране тяжело...».

В прошедшем 1984-м году отмечена наибольшая активность боевых действий, а соответственно возросли и потери. Генерал-полковник Г. А. Стефановский отмечает: «...боевые потери и ранения офицеров почти в два раза (в расчете на тысячу человек) превышали цифру потерь среди солдат и сержантов. С одной стороны, в этом сказывалась избирательность, особая охота душманов за командно-руководящим составом, а с другой (и это, по моим наблюдениям, главное) — офицеры не прятались за спины подчиненных, лично вели их в бой, поднимали в атаку».*

Как уже отмечалось, к концу 1983 года стало очевидно, что возникла в Афганистане тупиковая ситуация. В 1984 году это не вызывало никаких сомнений. Потери большие, движения никакого (по разрядке обстановки), оппозиция ни на какие встречные шаги не шла. Линия руководства Афганистана того времени не отличалась гибкостью, хотя были шансы наладить контакты кое с кем из оппозиции.

Бабрак Кармаль позднее, когда уже был не у руля власти, с желчью заметил:

— Я был «козлом отпущения» за исторически непоправимую ошибку советского вторжения.**

* Г. А. Стефановский. «Пламя афганской войны». Воениздат, 1993, стр. 32.

** См. «Час Пик» № 7 - 16 февраля 1994 г.

1985

В Афганистане продолжалось жестокое противостояние между находившейся у власти НДПА и оппозиционными партиями, а стало быть, между Вооруженными Силами ДРА и отрядами моджахедов. Соединения и части 40-й Армии фактически взвалили на свои плечи тяжелую ношу в разгоревшейся гражданской войне. В прошедшем 1984-м году, как отмечено, самом тяжелом, мы потеряли 2343 человека. Многие руководители, в том числе и военачальники, стали понимать, что ситуация заходит в тупик. Без кардинальных мер ни о какой стабилизации военно-политической обстановки нельзя было и помышлять. Однако пути к разрядке противостояния советское руководство наметило именно в 1985 году, когда на правительственном уровне возник разговор о возможном выводе 40-й Армии из Афганистана. Правда, против этого категорически возражал Бабрак Кармаль.

Как известно, к поддержке оппозиционных сил в разгоревшейся гражданской войне в Афганистане так или иначе приложили усилия и другие страны. Военные профессионалы ряда государств в военных лагерях на территории Пакистана готовили отряды моджахедов для борьбы с афганскими вооруженными силами, а стало быть, и с частями и подразделениями 40-й Армии. Словом, пламя войны в отрогах Гиндукуша продолжало полыхать. Заметим, что до подписания Женевских соглашений осталось три года.

В своем эссе «Афганистан глазами мушавера» генерал-лейтенант В. П. Черемных отмечает: «События развивались быстрее, чем мы предполагали, и времени на раздумья не хватало. Ведь в Москве, без сомнения, знали, что мы погрязли в согласованиях и распрях между собой и, очевидно, скоро должны принять действенные меры. Но, увы, все оставалось по-прежнему. И только значительно позже, после апреля 1985 года, произошли в обществе изменения, которые позволили нам осознать истоки наших сомнений».

В сложных условиях шел поиск новых путей выхода из создавшегося тупика. Уже позже, в 1990 году, Бабрак Кармаль отметил в одном из интервью, что «с середины 1985 года начался

новый качественный этап на пути восстановления мира в стране. На расширенном заседании Ревсовета мы разработали 10 принципов национального примирения, которые были утверждены XVI Пленумом ЦК НДПА. Партия официально объявила об отказе от монополии на власть и предложила создать правительство на широкой коалиционной основе» («Совершенно секретно», 1990, № 7).

Между тем в 1985 году боевые действия с отрядами моджахедов продолжались во многих провинциях.

В марте была проведена крупная по своим масштабам Кунарекая операция. В ее ходе боевые действия велись на всем протяжении Кунарского ущелья — от Джелалабада до Барикота, общей протяженностью 170 километров. Генерал армии В. И. Варенников так отзывался об этой операции: «...уже тогда были заметны моменты, которые позволяли нам сделать вывод: несмотря на экстремизм оппозиционных банд (а их было много), надо искать общий язык с народом. К нам приходили тогда старейшины, и мы заключали с ними соглашения: если в нашу сторону не будет ни одного выстрела, то и на них не упадет ни один снаряд. И когда операция закончилась, а она была очень сложной — только в десанте участвовали 11,5 тысячи человек, ни один самолет не был сбит и вообще наши потери оказались минимальными» («Советская литература», 1990, № 10).

Свидетельство очевидца

Из воспоминаний генерал-майора В. П. Куценко:

«Май—июнь 1985 года. Поход на Барикот (Здесь дислоцировался 55-й горно-пехотный полк 9-й горно-пехотной дивизии афганской армии.— Авт.). Этот городок стоит в двух километрах от границы с Пакистаном. Живописный уголок на берегу реки Кунар. Дорога к Барикоту проходит через Асмар. Обстановка сложилась такая, что даже вертолет с боеприпасами и продовольствием уже не может подлететь. Дорога над рекой

Воинское братство.
Из архива война-афганца
Л. П. Воронова, служив-
шего в ДРА
в 1983-1985 годах.

Кунар пробита в скалах на высоте 70—100 метров. Разрушена душманами и заминирована. Другой дороги нет. Чтобы спасти гарнизон, надо было пройти. Душманы клялись на Коране, что не пропустят, но под ударами советских и афганских войск — отошли и пропустили большую колонну машин с боеприпасами, солью и хлебом...».

Другой крупной операцией в этом году была Хостинская. Сражение под Хостом началось 13 июля и продолжалось 48 дней. В ходе боевых действий, по данным афганского Генштаба, уничтожено около 2400 душманов.

В течение года боевые действия против моджахедов проводились в провинциях Пактия, Нангархар, Баглан, Каписа, Парван, Герат, Гельменд. О том, какой напряженной была обстановка в провинциях, особенно на юге Афганистана, говорит письмо рядового в/ч 42095 В. Г. Евсеева от 15 февраля 1985 года: «Здравствуйте, мама и Вовик! ... Как я уже писал — попал на узел связи Главного военного советника в Афганистане. Приехали мы сюда с иностранными паспортами. Военные билеты наши хранятся в Москве в особом отделе. К Советской Армии не относимся... Служу я на точке в г. Ургуне. Здесь советских немного — человек 15. Ургун расположен на границе с Пакистаном. Пакистан тут прямо за горами. Кругом банды душманов. Обстрелы каждый день. Мама, ты не волнуйся, все будет хорошо... Пиши, *Валера*».

В 1985 году были проведены восьмая и девятая Панджшерские операции. В ходе девятой удалось оттеснить отряды Ахмад Шах Масуда из центральной части ущелья. Однако военные успехи снова и снова не закреплялись установлением органов власти на местах. Моджахеды получали подкрепление из своих центров на территории Пакистана, граница с ним так и не была перекрыта, да и такая задача не под силу ни 40-й Армии, ни афганским вооруженным силам. Только в одной провинции Нангархар, по свидетельству министра обороны ДРА генерал-лейтенанта Назар Мухаммеда, имеется 67 горных троп и переходов, проложенных столетие назад в Пакистан. Кроме того, не в интересах пуштунских племен, которые проживают на территории Афганистана и Пакистана, перекрывать госграницу.

«Да, нелегко было нашим воинам, но они оставались верны присяге.

Пусть не все они совершали героические поступки, но у большинства из них была внутренняя духовная готовность к выполнению своего служебного долга в любых условиях...» — из письма Д. А. Мельникова, г. Пушкин.

Таким образом, боевые действия в Афганистане в 1985 году отличались размахом и ожесточенностью, как и в прошлом году. За 1985 год мы потеряли в ДРА 1868 человек, потери воинов из Ленинградской области — 10 человек.

1. Локотьянов Сергей Валентинович — мл. сержант, погиб 11 января.
2. Громов Сергей Васильевич — ефрейтор, умер 24 января.
3. Григорьев Герман Геннадьевич — рядовой, погиб 26 февраля.
4. Яблоков Эдуард Юрьевич — рядовой, погиб 18 апреля.
5. Меркушев Александр Владимирович — ст. лейтенант, погиб 25 мая.
6. Ремизов Александр Африканович — лейтенант, умер 31 мая.
7. Антонович Николай Иванович — подполковник, погиб 24 августа.
8. Косяк Николай Владимирович — прапорщик, умер 21 ноября.
9. Капустина Нина Владимировна — прапорщик, умерла 22 ноября.
10. Богатыревич Олег Арсентьевич — рядовой, погиб 24 ноября.

ЛОКОТЬЯНОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

21.III.64 — 11.I.85

Родился в городе Данилове Ярославской области. Русский. Образование среднее специальное. Техник-механик. Член ВЛКСМ. Женат. В Афганистане — младший сержант, заместитель командира взвода инженерно-саперной роты (в/ч 39676).

Родители: Локотьяновы Валентин Николаевич, Маргарита Валентиновна.

Учащийся начальной школы г. Данилова и школы № 4 в Тихвине. С 1979 по 1983 год — студент Петрозаводского техникума лесной промышленности. Специальность — техник-механик. На заводе «Трансмаш» проработал только 9 дней.

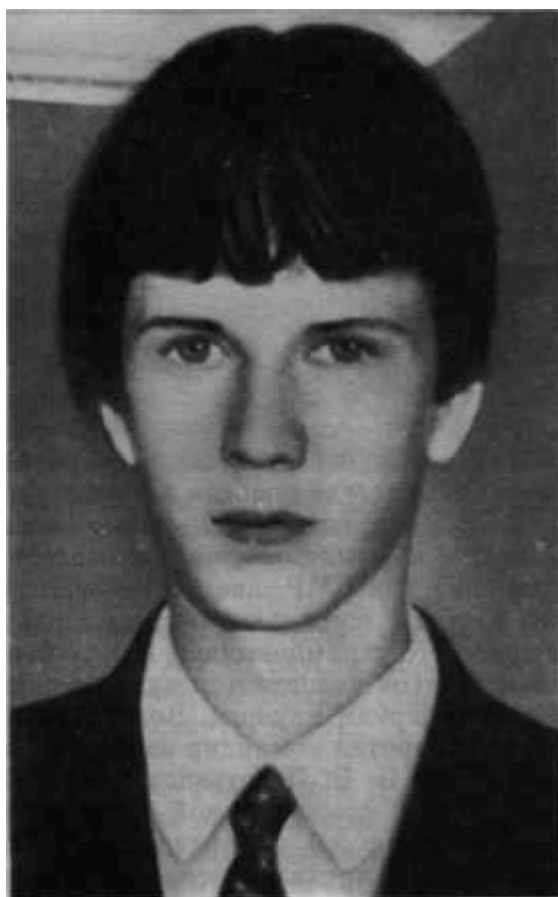
30 марта 1983-го призван в Вооруженные Силы СССР Тихвинским ОГВК. Служил в учебном подразделении (г. Термез). Приобрел специальность сапера.

29 июня 1983 года направлен в Афганистан. Неоднократно участвовал в боевых действиях.

11 января 1985 года погиб.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на воинском кладбище в г. Тихвине.

Особых хлопот с сыном в семье Валентина Николаевича и Маргариты Валентиновны не было. Мальчик любил спокойные игры. Рано научился читать. Правда, родители много занимались с ребенком, он научился неплохо говорить, правильно строить предложения, логично излагать мысли. Это помогало ему в учебе в школе и техникуме.

А еще увлекался песнями В. Высоцкого, любил фотографировать.

В техникуме получил диплом специалиста.

Женился, Нина, невестка, подарила родителям Сергея внучку Женечку. Казалось, совсем недавно их Сергей был ребенком, и вот он уже сам отец.

Нет большей радости в семье, чем появление новой человеческой жизни. И радо-

ваться бы Сергею Валентиновичу, жить счастливо с женой и дочерью, да пришло время служить. Тогда его Женечке исполнилось только пять месяцев.

В армии очень скучал по дочери. В каждом письме спрашивал о ней, хотел знать, как развивается, что умеет, как ходит. Писал, что девочка нуждается в ежеминутной заботе, беспокоился о жизненных условиях семьи.

В письмах не скрывал, что отвечает за жену, дочь. Но он на войне, а они — дома, без него. Но что он мог? Ни-че-го! Он — в Афганистане, в Газни, на войне.

Насколько трудно было без семьи, что, никогда не писавший стихов, он в одном из писем вдруг заговорил ими, посвятил жене.

В письмах часто вспоминал родной дом, писал, что скучает по ленинградским лесам, делился планами на будущее — после армии хотел стать егерем. Но служить надо. Профессия строгая, требующая железной выдержки, осторожности, предусмотрительности, глубоких и прочных знаний, решительности. От его действий зависела жизнь людей, его собственная — тоже. И он служил. Он — сапер. Он и его боевые друзья на БМР (боевые машины разминирования) шли всегда впереди автоколонны. Их работа — обезвреживать мины, извлекать смерть из земли. Обычно автоколонну возглавляли три БМР, две первые рыхлят грунт, третья с помощью тяжелого кашкового трала его утрамбовывает. И в третьей машине шансов подорваться куда больше, чем двум впереди идущим. Вот на одной из таких и работал командир взвода младший сержант С. В. Локотьянов.

На обратной стороне одной из фотографий он написал: «Я управляю такой машиной, которая предназначена специально для того, чтобы подрываться, то есть я иду всегда впереди колонны и все первые мины — мои. ДРА. Январь. 1985 г. Сергей».

Последнее письмо родители получили, когда Сергея Валентиновича не стало:

«Здравствуйте, дорогие мама, папа, Нина, Женечка и Володя! Извините, что долго не писал, но так уж получилось, то на выезде, то еще где-нибудь. У меня все нормально, жив-здоров, как говорится.

«Были в 16 км от Пакистанской границы, а дальше пройти не могли — душманы», — из письма С. Локотьянова.

Остался сейчас за командира взвода (бывший командир взвода в госпитале после подрыва), так что хлопот хватает. Но оно и к лучшему, что так занят. Пораньше, может, домой отпустят. Замкомвзводов и командиров отделения вообще раньше отпускают.

На последней операции был в тех местах, где пропал Миша. Разговаривал с ребятами из его бригады. Там еще помнят тот случай с ним, но, как это произошло, никто толком уже рассказать не может. Давно это было, да и случаев таких немало.

Но места там мрачные. Были в 16 километрах от пакистанской границы, а дальше пройти не смогли — душманы не дали. Ох, быстрее бы отсюда уехать, а то уже нервы не выдерживают. Злой стал, как собака.

Мама! Не расстраивайтесь за меня, я ЖИВУЧИЙ, где только не побывал, в каких только переделках, а живой! К 9 мая, может, и домой попаду, хочется верить. Ну, все, мама! Крепко всех обнимаю и целую. Ваш Сергей. Январь 1985 года».

«...Я сегодня иду, проторяя тропу,
 Путь за мной для других безопасен,
 Я сегодня удачлив, за собой всех веду.
 А в удаче всегда я прекрасен.
 Только «Стоп!», подождите немного, друзья,
 Что-то тяжкое давит предчувствие,
 Что-то там впереди,
 Я один, вам нельзя, но не время для грусти.
 Так и знал, что фугас,
 Он сильнее меня,
 Он уже, он схватил мое тело.
 Я взлетаю в букете шального огня.
 Минный трал —
 Я свершил свое дело».

Младший сержант С. В. Локотьянов неоднократно участвовал в боевых операциях, в ходе которых устанавливал заграждения и разминировал участки местности. Проявил себя решительным и умелым командиром.

11 января 1985 года Сергей Валентинович погиб в бою.

«А минер, говорят, ошибается в жизни лишь раз. Но не знаем, случайно или это ошибкой было. Но страшная весть потрясла неожиданно нас: пятьсот первая мина его вчера погубила. Снова в России мать потеряла сына...» (А. Городничин).

Из письма мамы:

«Отслужил почти два года. В мае собирался домой. И вот такое горе. Через два года пришли награды Сергея. В армию я его отправляла здоровым. В медицинской карте сказано: «Здоров, годен без ограничений. Группа состояния здоровья I». Без сына мы осиротели. Да только ли мы?»

Внучка Женечка уже выросла. Ее мы очень любим. Нина тоже нас не забывает. Так и живем».

Валентин Николаевич, отец, работал на заводе «Трансмаш». Сейчас на пенсии, Маргарита Валентиновна трудилась медсестрой в детском саду, его закрыли, и она осталась без работы. За Сережу получает пенсию, т. к. до старости еще далеко, а жить надо...

«Что осталось матери от сына?
 На столе мальчишеский портрет,
 Лекции по физике, рейсшина,
 По дешевке купленный мопед.

Саперы за работой. Командир инженерно-саперного взвода гвардии старший лейтенант А. Тихнов обезвреживает итальянскую мину.

Строгий галстук, модная сорочка.
 С детских лет со вкусом парень был.
 Да казенной той бумаги строчка,
 Военком которую вручил...».*

Минерами не рождаются. Душманов старательно учили инструкторы из-за кордона самым современным «технологиям», обеспечивая их самыми современными средствами. И «ученики» оказались прилежными: ставят мины аккуратненько, почти не оставляя следов. Не сразу обнаружишь смерть. Она замаскирована, припудрена пылью, уграмбована, лунка забита таким же щебнем, гравием — ни дать ни взять все та же дорога. А у ребят специальные щупы — в общем-то, примитивны, со стальной иглой на конце.

* А. Фролова. Стих. «Мать». Сб. стихов «Из пламени Афганистана». М., «Сов. Россия», 1990. С. 289.

В камень она не вонзается. Привычный миноискатель реагирует на скальные вкрапления, как и на металл. И наши саперы поистине творили чудеса: по тончайшим оттенкам звучания в наушниках определяли, что искусственное, что природное.

Особую сложность представляло разминирование горных «полок» — там, где до-

рога тесно жметя к отвесной скале. Для таких мест предназначались английские мины МК-7.

И работали ребята, понимая: после них контроля не будет, за ними уверенно пойдет колонна, отряд, караван.

Среди них был тихвинский паренек — С. В. Локотьянов.

ГРОМОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

3.XI.64 — 24.I.85

Родился в деревне Званка Киришского района Ленинградской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, механик-водитель взвода химической защиты (БРДМ -РХ) (в/ч 53701).

Родители: Громовы Василий Степанович, Зоя Михайловна.

В 1982 году получил аттестат зрелости Будогощской средней школы и удостоверение тракториста-машиниста. Работал в цехе животноводства на ферме «Бестоголово» колхоза «Будогощь».

Прошел военную подготовку в автошколе ДОСААФ г. Волхова. Был награжден Почетной грамотой и значком «Меткий стрелок». Приобрел специальность механика-водителя.

4 мая 1983 года призван в Вооруженные Силы СССР Киришским ОГВК.

21 октября 1983 года пересек границу ДРА. Служил в Баграме. Неоднократно участвовал в боевых операциях. Дважды находился в госпитале, только где и когда, родители не знают. Во время выполнения боевого задания тяжело заболел.

24 января 1985 г. Сергей умер.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа». Награды вручены родителям спустя 7 лет. Похоронен в деревне Градоша Киришского района.

«Добрый день! Здравствуйте! С уважением к вам семья Громовых. Нашему сыну 24 января был День памяти — 8 лет, как погиб, а мы с мужем очень близко к сердцу принимаем свою беду, и, наверное, поэтому наши глаза редко бывают сухими. Но жить надо хотя бы для внуков, их у нас четверо. Мне 54 года, перенесла тяжелый инфаркт, живу на таблетках. А у мужа сегодня нет помощника: только вы-

растили — и отобрали его у нас навсегда. Простите, что немного написала, а если все описать, что пережили, не хватит и тетради.

Трудно говорить о сыне, это такое горе... Октябрь. 1992 год. *Громовы*».

Родители Сергея получили от сына 22 письма из Афганистана, два письма с войны от его друзей и печальную весть от командования воинской части.

Зоя Михайловна, мама, пишет:

«Еще недавно Сережа коллекционировал марки, этикетки от спичечных коробков, календарики, значки, собирал монеты. Не пил, не курил и даже в клуб изредка ходил. Его и подобных ему почти со школьной скамьи отправляли прямо на войну... Для чего? Выходит, на истребление ребятишек глупых, не выдавших ранее в глаза даже винтовки. Почитайте выдержки из писем сына и вы поймете все, что я сказала...».

«Мама, недавно поймали ежика и принесли в караульное помещение. Такой маленький, симпатичный, но очень колючий. Потом жалко стало, и его выпустили на улицу. Здесь ежей, особенно ночью, много.

Мама, я вложу в конверт этикетку от спичечного коробка, у меня такой в альбоме нету. Так ты, будь другом, положи ее туда. Будут еще этикетки, по одной буду высылать. Мама, ты собирай мои письма, а я вернусь, посмотрим, сколько я написал...».

Как трудно приходилось ему, Сергею, отделить себя от домашнего уюта, как трудно выходить из страны детства, отрочества, юности. Читая письма Сережи, невольно ловишь себя на мысли: как неодолимо притягивает его привязанность, сердечная доброта к родителям. Для Сережи все роднее становятся те, с кем жил, кому на родину отправлял письма, чтобы сказать, что они значат для него, особенно здесь, на афганской войне.

«Как вы там живете? Нормально аль нет? Не устаете ли? Сейчас вам такая нагрузка с этой работой. Картошка зарастает в огороде, сажать надо все, а потом — сенокос, копать картошку. Ох, как подумаешь, как вы там без нас управитесь. 12.06.83 г.»

Такие письма нужны были родным, необходимы были и ему самому:

«Здравствуйте, мои дорогие мама и папа! Вот пишу с нового места пребывания. Добралась нормально. Летели на Ил-76. Прибыли в часть — и нас раскидали по

разным местам. Я попал механиком-водителем на машину. Сам жив-здоров, чего и вам желаю. Где я нахожусь? Могу сказать, что за границей...».

«Мама, не хотел вас тревожить, где нахожусь. Ну уж если догадались сами, то что поделаешь. Я нахожусь в Афганистане, и вы там не тревожьтесь здорово. Здесь совсем не так, как говорят об этой стране на гражданке. Здесь даже интересней служить, чем в Союзе. Но все равно сильно домой охота, но ничего, осталось мне здесь служить чуть больше года, а потом домой приеду.

Нас вместе попало только 4 человека. Но ничего, хоть нас и четверо, но все же не скучно как-то, есть с кем поговорить.

Пишите мне чаще, а на меня не сердчайте, — сами понимаете, где служу. Может такое быть, что целый месяц писем вам не будет, но вы все равно ждите их. Я буду писать при каждой свободной минуте. Ну, все. Передавайте привет всем. Пишите, жду очень. Мам, я домой приеду, ваш *Сергей*»*.

Вчитаемся в строки... Они проникнуты не только воспоминаниями о счастливой мирной жизни, но и горечью, раздумьями о том, что происходит с ним и что не все так просто.

«Здравствуйте, мои дорогие мама и папа!

Вот еще одно письмо вам, чтобы меньше беспокоились. Дела у меня идут нормально, так оно и есть. Мам, не удивляйся, что в каждом письме я твержу, что у меня все нормально, так оно и есть.

Уже подвалило немного снегу. Здесь, оказывается, тоже есть зима. Много раз вспоминал я гражданку. Чего-то здорово стало домой тянуть. Видать, это к тому, что скоро, а вернее, через 1 год и 3 месяца, пойду на увольнение в запас, понимаешь, мам. Давайте, пишите, как у вас там дела, как там отец, не мучается ли с новым трактором? Я бы, конечно, хотел на таком поработать. Да и жалко старый трактор, я бы его никому не отдал, сам бы лучше на нем поработал. Но что ж поделаешь, армия два

* К сожалению, в конце некоторых писем Сережа не ставил дат.

года отрывает от самой молодости. Вот уже скоро Новый год. Быстрее бы все прошло и ... домой. Где так уютно и хорошо. Но это все еще впереди. Ну ладно, все пока. Пишите, очень жду, передавайте всем привет. Ваш *Сергей*».

В каждом письме Сергея ярко выражены любовь и верность к родным, а его мечты о скором возвращении домой дают ему силы, согревают, волнуют.

«Маманя, скоро буду дома, еще 5 месяцев — максимум, минимум — 3,5 месяца, и я буду дома. Все уже осточертело — горы, земля афганская да и все афганцы, и весь Афганистан».

«Как у вас дела идут, много ли варенья для меня поставили? Приеду, сразу «хавать» буду колбаску с макаронами, пельмени, картошку — ох, даже слюни потекли. Как там бабуля наша поживает, ей приветик передайте, не забыла она меня? Как там папка поживает, достроил он гараж аль нет? Маманя, ты напиши мне, может, вам чего надо, тебе или папе. Ты напиши, в афганских магазинах много чего есть, я бы посмотрел и купил. И еще напиши, получили ли вы с письмом денежку афганскую и две открытки картонные с рисунками. Да, мам, я забыл поздравить тебя с днем рождения, прости меня: лучше поздно, чем никогда. Заодно и Люсю поздравляю. Желаем вам здоровья, это прежде всего, да и чтоб в работе ладилось, и поменьше надрывайтесь, и нервы держите в кулаке... Мам, я здесь для тебя стихи посылаю, друг написал, я его попросил об этом, вот они:

О матерях мы говорим,
О матерях мы песни пишем,
И с малолетства до седины
Родной и нежный голос слышим,
Они заботятся о нас,
Они не спят порой ночами,
А их сыны сейчас несут
Ночную вахту здесь, в Афгане,
Я поздравляю матерей
Всех, что сейчас в краю далеком
Ждут, не дождутся сыновей,
Грустя на кухне одиноко».

И приписка:

«Примите, Зоя Михайловна, мой скромный солдатский подарок. Еще раз Вас поздравляю. Друг Вашего сына — сержант *Дядюра Алексей Владимирович*».

Сообщение от 24 января 1985 года на имя Громовых:

«Уважаемые Василий Степанович и Зоя Михайловна. Командование, партийный комитет, комсомольская организация, весь личный состав войсковой части выражают глубокую скорбь и соболезнование по поводу постигшей вас утраты — гибели нашего однополчанина гвардии рядового Громова Сергея Васильевича. В период выполнения интернационального долга Сергей Васильевич проявил высокие морально-политические и боевые качества, преданность делу Коммунистической партии, социалистической Родине, выполняя боевое задание, верный присяге, проявлял стойкость и отвагу, высокую организованность и мужество...

Память о вашем сыне навсегда сохранится в сердцах боевых товарищей. Примите искреннее соболезнование и сочувствие по поводу постигшего вас горя.

Командир войсковой части полевая почта
53701 *Диденко*.

Начальник политического отдела части
Соколовский».

Пришло извещение из Киришского горвоенкомата:

«Уважаемый Громов Василий Степанович, с прискорбием извещаю Вас о том, что Ваш сын — рядовой Громов Сергей Васильевич, выполняя боевое задание, тяжело заболел и умер 24.01.1985 г. Примите искреннее соболезнование и сочувствие по поводу постигшего Вас горя. Военный комиссар *Матаков*».

В военном билете рядового Громова сделана запись: «Выполнял боевое задание, тяжело заболел и умер 24 января 1985 года».

Из письма Зои Михайловны:

«Хоронили сыночка 5 февраля. Подвезли его к дому, в дом не заносили. Полтора часа постояли, фотографировать не разрешили, так что и фотографий нет — все было засекречено, даже окошечко крошечное.

Остановка.
Впереди пробка из афганских «бурубахаек».
1985 год.

Это сейчас все разрешено, а тогда — Боже, упаси! Народу собралось много, хотя мы ничего и не видели, нам потом уже говорили: очень много, весь район, наверное, хоронил. Многие выступали, но нам от этого не легче. Вот так оборвалась жизнь нашего сына. Ему исполнилось только двадцать лет.

Не прошло и двух месяцев после похорон, получили письмо от его друга — Алеши Дядюры, посылаем его в Книгу Памяти вместе с письмом и от Наташи. С уважением, *Зоя Михайловна и Василий Степанович Громы*. 20 октября 1992 года».

Письма друзей из Афганистана:

«Здравствуйте, дорогая Зоя Михайловна. Обращается к Вам друг сына — Алексей. Сегодня вернулись с выезда, смотрю — лежит письмо. Открыл и сначала не понял, кто мне пишет. Я вообще не получал от Вас ни одного письма, а Вам писал. Но странно, оно до Вас, как я понял, не дошло...

Зоя Михайловна, Вы просите меня, чтобы я рассказал о Сергее. Да! Сергей хороший человек, очень хороший друг, который не оставит в беде и всегда поможет тому, кто нуждается в помощи. За это его и любили друзья и товарищи. Вы, наверное, знаете, что я с ним не служил в одной роте. Поэтому постоянно вместе находились не

очень часто. Вы извините, если что не так написал. Но Вы держите себя в руках. Понимаю, Вам тяжело. Но Вы можете гордиться Сергеем, он был действительно настоящим человеком. С уважением к Вам *Алексей*. 26.03.85 г.».

Письмо из Афганистана, полевая почта 91860:

«Здравствуйте, дорогая Зоя Михайловна!

Пишет вам Наташа. Очень прошу извинить меня, что так долго не отвечала. Ведь пока письмо пришло домой (я ведь находилась в отпуске тогда) и сюда оно шло больше месяца. Так что, как видите, сильно задержалось. Примите мои самые искренние соболезнования Вашему горю, хотя это уже ничего не вернуть обратно. У него после тифа пошло осложнение на сердце. И никогда бы не подумала, да и никто другой, что у него не выдержит сердце. Ни разу от него не слышала, чтобы он жаловался на какую-нибудь боль. Всегда веселый, жизнерадостный. Сerezу я знала больше чем полгода. Он был очень хорошим другом и для меня, и для ребят. Вы сумели воспитать в нем Человека. Извините, что так пишу, но последнее время такие люди встречаются очень редко. Пишу Вам второе письмо, и какие они разные. В первом: жив-здоров, и второе — «был». Все же за-

поминается, и когда Сережа с ребятами провожали меня в отпуск, когда приходил веселый, здоровый, и последний раз, когда я его увидела. Извините меня, Зоя Михайловна. Первый раз в жизни пишу такое

письмо, поэтому не знаю, что и как. Желаю Вам всего хорошего в Вашей жизни и чтобы черные тучи не проходили больше над Вашей головой. До свидания. С уважением *Наташа*.

«АФГАНСКИЙ ВАЛЬС»

Пламя свечи осветило несмело
Тесную комнату в центре столицы,
Девочка белое платье надела
И перед зеркалом стала кружиться.
Белый танец, белый танец...
Как же это так: не честно, —
Где ты, русский мой афганец?
Ждет тебя твоя невеста.
Возвращайся, возвращайся
От обугленной границы, —
Не могу я в «белом» вальсе
Со своей бедой кружиться!

Вальса легки, прозрачны движенья,
Как же ты с ним танцевала когда-то?
Что же теперь своему отраженью
Шепчешь, Офелия восьмидесятых?
Белый танец, белый танец
Как же это так: не честно, —
Где ты, русский мой афганец?
Ждет тебя твоя невеста.
Возвращайся, возвращайся
От обугленной границы, —
Не могу я в «белом» вальсе
Со своей бедой кружиться! *

* Песня В. Синицына (г. Подпорожье) дана в сокращении.

ГРИГОРЬЕВ ГЕРМАН ГЕННАДЬЕВИЧ

20.VIII.63 — 26.II.85

Родился в поселке Тесово-4 Лужского района. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, десантник, старший разведчик разведывательной роты парашютно-десантного полка (в/ч 53701).

Родители: Григорьевы Геннадий Петрович, Лиана Григорьевна.

В 1979 году — ученик Тесовской школы Герман поступил в СГПТУ № 125 г. Ленинграда по специальности фрезеровщика. Работал в НИИ.

Закончил школу в системе ДОСААФ. Прошел полный курс парашютной подготовки, получил удостоверение отличника, парашютиста.

8 октября 1983 года призван в Вооруженные Силы СССР Красносельским РВК г. Ленинграда. Находясь в Фергане, «оттачивал» прыжки с парашютом.

В июне 1984-го пересек афганскую границу. 9 месяцев прослужил в горах Гиндукуша.

26 февраля 1985 года погиб в бою.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на кладбище Тесово-4.

Через две недели после сообщения о смерти Германа умер Геннадий Петрович, отец.

Лилиана Григорьевна, как и все матери, хранит письма сына, орденскую книжку да армейский мундир с новенькой Красной Звездой, гитару, магнитофонную пленку с песнями в исполнении сына.

В школе, где он учился, помнят о нем: две фотографии на стенде: Гера — первоклассник, Герман — русоволосый стройный воин-десантник с автоматом на груди. И надеются все те, кто знал и помнил Григорьева, что в скором времени на фронтоне школы укрепят мемориальную доску с надписью: «Здесь учился Герман Григорьев, честно и до конца выполнивший свой интернациональный долг в Афганистане».

В Луге в художественной школе № 2 ребята сделали портрет Германа и подарили его маме.

Лужские «афганцы» заложили мемориальный камень, на котором высечены четыре фамилии солдат, погибших в ДРА, среди них и Герман Григорьев.

Из письма Л. Г. Григорьевой:

«Здравствуй, уважаемая Нина Ивановна Прохорова!*

С лучшим приветом и самыми наилучшими пожеланиями к Вам Лилиана Григорьевна. Мне написала письмо Елена Гусарова из Бокситогорского района и дала Ваш адрес. У нее, как и у меня, сын погиб и умер муж.

Нина Ивановна, с лужскими матерями, чьи сыновья погибли в Афганистане, я разговаривала по телефону — с Л. Н. Яблоковой, Н. Г. Агеевой я посылала письмо. У Гали Грудинкиной в Афганистане погиб муж — майор, осталось у нее двое детей. Прислала мне письмо из Дружной Горки Иванова Мария Николаевна (мама Александра Лени). В общем, решили «по цепочке» узнавать все друг о друге, а главное, сколько нас, обездоленных, осиротевших отцов, матерей, жен, вдов, детей, чьи родные не вернулись с афганской войны.

* С 1992 года в Ленинградской области шла активная переписка родных погибших воинов-интернационалистов. Адреса родителей, вдов погибших устанавливались «по цепочке» (авт.).

Нас всех объединяет общее горе — потеря сыновей. До конца своих дней мой Герочка будет стоять живым перед глазами. Просыпаюсь с мыслями о нем и ложусь, думая о нем, пролетает в воображении его жизнь со дня рождения и до призыва в армию. О Герочке только хорошие воспоминания. Очень жалел меня. Это была моя большая надежда, и вот сына не стало.

Рос он, как все поселковые мальчишки: игры, проказы, сказки. Одним словом, детство. Учился хорошо, с увлечением, много времени отдавал спорту, отличался и в общественной работе, увлекался музыкой. Занимался резьбой по дереву, выпиливал фигурки зверей, кораблики, которые дарил друзьям. Такой неугомонный. Любил лес, рыбалку. В школе ДОСААФ рекордов не ставил, но радовался удачным прыжкам с парашютом, до тонкостей изучал программу, действуя точно, четко по инструкции. Он говорил: «Десантник — это стальной характер, железная воля и умение пойти на риск».

Двоюродный брат Германа Николай Павлов добавил: «Гера готовился к службе постоянно, мечтал стать десантником. Об армии знал не понаслышке, его отец пять лет служил и часто сыну рассказывал, что такое армия и флот».

Жизнь Германа Григорьевича в армии и на афганской войне ярко представлена в письмах, воспоминаниях мамы и в рассказах его друзей. Думал ли он тогда, отправляя письмо домой, что его послания маме, младшему брату сегодня станут уже документами восьмидесятых годов?

«Здравствуй, братишка Дима!

Письмо твое получил, молодец, что написал. В твоём возрасте еще рано писать письма. А в армии, Димочка, служба идет хорошо. Накачиваю себя физически. Мы здесь много бегаем, стреляем из автомата. Патронов здесь нет, высылать и брать с собой нельзя. Сегодня у меня был прыжок с Ан-2, прыгали с высоты 1 км. Вокруг одни степи и горы белоснежные. Памир, вид сверху, конечно, красивый. **Здесь мы все вместе, друг за друга.** Ты, Димочка, учишься хорошо, будь умницей, помогай маме, папе, больше занимайся спортом, делай по утрам зарядку — постепенно втянешься и

без нее не сможешь. Передавай привет бабушке, слушайся ее, голос на старших не повышай, не груби...

Сейчас наступает зима, катайся на лыжах, играй в хоккей. Женю, сестру, не забудь поздравить с днем рождения, ведь ей исполняется 19 лет. Пиши про свою учебу. Маме передай, что у меня все хорошо. До свидания. *Гера*».

12.02.84 года. Из письма Германа брату:

«...Молодец, что занимаешься зарядкой и чистишь зубы. Спортом тоже нужно заниматься ... тогда будешь бодро себя чувствовать... Спрашиваешь, что мы делаем вечером? После ужина у нас подготовка к наступающему дню, ведь солдат должен быть всегда чистым, опрятно одетым. Вот мы и подготавливаем себя с вечера: чистим сапоги, бляху, подшиваем подворотничок. Форма у нас обычного цвета, что и у всех солдат, отличаемся погонами, петлицами, которые голубого цвета, под цвет неба. Кормят нас, Дима, хорошо: постоянно мясо, масло.

Подъем у нас в 6.30, выходим на зарядку, под музыку, после чего заправляем кровати. В 8 часов завтрак. Дальше все по порядку. Пишите мне о доме, как у вас дела, чем занимаетесь. Ты спрашиваешь, как я провел Новый год. Отвечаю: был в карауле с 31 на 1 января, что это такое, спроси у отца, он тебе объяснит. Не забудь маму поздравить с 8 мартом. До свидания. Пиши. *Гера*».

Письма Германа, адресованные Диме, спокойные, без заносчивости, в них ласковый тон, отражающий уважение и нежное отношение к близкому человеку. В его советах — интеллигентность, умение уважать младшего по возрасту. Это говорит о высоком уровне культуры молодого человека.

И снова письмо домой:

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Женя и младший братишка Димочка. Пишу из караула, ночь прошла благополучно, без нарушений... Недавно по телевизору смотрел передачу «Папа, мама и я — спортивная семья». Передача шла из нашего СГПТУ № 125, я даже обрадовался, увидев спортивный зал своего училища, где отза-

нимался три года. Там была комиссия из Красносельского района, так одно лицо нашего директора Кузина узнал, я даже обрадовался. Передавайте привет бабушкам, соседям Разгуляевым, Смирновым, Александровым, Канишиным, Кузнецовым. До свидания. *Гера*. 2.06.84 год».

И в последующих письмах читатель не увидит описаний ужасов войны, боевых операций, потерь. Лишь одна мысль сквозит: «служба идет по-прежнему, никаких отклонений, к горному воздуху привык».

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Женечка и Димочка. Сегодня 7 июля — день нашего пребывания на «горке», высота 2.500 м над уровнем моря. Находимся здесь в боевом охранении. Каждую ночь приходится стоять на смене. Вода невысоко в горах, ходим за нею по несколько человек, умываемся и в то же время набираем про запас. Живем на горе в палатке, днем жара, ходим раздетые, а ночью сильный ветер.

Еду готовим сами, то есть, выбрали повара. Будем здесь до конца июля. Ребята хорошие, я в первом взводе. Вы мне больше пишите, вот сейчас сидим на горке и ждем с нетерпением почты и еще разного, это нам доставят на вертолетах... До свидания. Пишите. 7.7.84 год».

Через неделю снова весточка родным:

«Находимся по-прежнему в горах, в охранении, и, вероятно, пробудем здесь до конца июля, день 2 августа (День ВДВ) будем отмечать внизу.

Письма идут долго, а тем более, если на горе, то в течение 20 дней не с кем его передать. Разве что с ребятами, которые заносят нам продукты. С ними и передаем. Также и ваши письма получаем. Сегодня уже 16 июля, время летит быстро, писем еще не получал, но внизу они есть. Вот и ждешь, пока кто-нибудь поднимется...

Волноваться за меня не надо, служат ведь ребята, хотя бы и Витя Корнишин, и ничего. Димочке от меня огромный привет, чем он занимается? Целую его крепко, пускай набирается сил. Женечка пусть чаще приезжает домой, ведь сейчас огороды, нужна, конечно, помощь. На этом заканчиваю. Ваш сын. Бате огромный привет от солдата. До свидания. 16.7.84 год».

С каждым новым письмом, как замечала мама Геры, менялось настроение сына, лишь слова нежности, любви, верности к близким оставались во всех.

«По домашнему лесу и нашей природе соскучился, ведь кругом одни горы, деревьев совсем мало, травы нет, растут лишь колючки, а так земля совсем голая, чужая земля. Витя Корнишин тоже здесь, а друг о друге так ничего и не знаем, ведь то на горе, а сейчас — командировка, писем не получаешь. Кормят нормально. Вода, правда, которую мы пьем, с хлоркой, много не выпьешь, да и пить много сам не захочешь — все моментально выходит через пот. Поставляют нам продукты и т. п. из Союза. У нас давно уже все фрукты есть. У вас, небось, все дорогое.

На огороде скоро все поспеет, слива тоже созреет. Смотрите в этот год не прозевайте, собирайте сразу же. Как там картошка — небось, уже молодую едите? Ягоды тоже насобирали — много ли их в этом году? Как там поселок, собираются ли чего строить? Димочка небось все бегаёт, да и ведь чем ему заниматься, скоро у них занятия в школе, передавайте ему большой привет. Как там Женя? У меня все нормально, не переживайте, все будет хорошо, с большой любовью к вам *Гера*. До свидания. 3.8.84 года».

Гера писал о солдатских буднях подробно. Но ценное в его письмах — наставления младшему брату, размышления о факте в жизни советского солдата, восприятие этой военной жизни. И опасения, что его Диме выпадет тяжелая доля служить на чужой стороне. И не случайны эти строки: «Дома, конечно, служить лучше, на родной стороне, а здесь мы служим, служили и до нас».

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Женя и Димочка! Нахожусь в командировке недалеко от Кабула. Свой день рождения встретил в обычных условиях, ребята с утра меня поздравили, а на завтрак отдали свое масло. Бабушкам передавайте огромный привет, как их здоровье. Постоянно думаю о вас и о них.

Не так долго осталось до того времени, когда будете копать картошку, это ведь

мое любимое занятие. А после работы не грех и выпить и закусить солёным огурчиком с картошечкой печеной. До свидания. Целую крепко. 21.8.84 год».

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Женя, Димочка!

Привет вам из далекого Афганистана, где солнце жжёт нещадно и ветры обжигают лицо. Немного хочу сообщить о себе: у меня, как и прежде, служба идет нормально. Я по-прежнему здесь, на горе, скоро, наверное, будем спускаться с одним парнем, он тоже из разведки. Сейчас идет строительство в Анаве, строят для нас казарму.

На Новый год мы сделали отличный стол, ведь сейчас посты хорошо обеспечивают. Испекли торт, пирожные, был сыр. Поужинали отлично, сначала встретили по афганскому времени Новый год в 12 часов, дали салют трассерами, пускали ракеты, кидали гранаты, я выписывал в небе всевозможные фигуры трассерами, стрелял из автомата, было очень здорово. В 00.00 часов разорвал тишину взрыв гранат и небо пронзили трассеры, озарив его. Затем по нашему московскому времени в 12—00, а у нас уже был 1 час 30 мин и опять был салют. Теперь наш, и опять небо озарилось. Вот и настал 1985 год. 10 месяцев до дома, в этом году будут радостные встречи. Сейчас сижу, слушаю новогоднюю передачу. Мама, свяжи свитер к зиме из объемки, ведь я приду и он мне нужен. Ты помнишь, я его хотел с рисунком и чтоб был изумительный, большой ворот. До свидания. *Гера*. 1.1.85 года».

26 февраля 1985 года во время несения боевого дежурства в населенном пункте Анава Г. Григорьев заметил приближающегося противника и открыл огонь из автомата, отвлекая его на себя. Тем самым он дал возможность своим товарищам вернуться для боя. Противник был отбит, но рядовой Григорьев погиб...

Из воспоминаний Вячеслава Михайловича Михайлова, боевого друга Германа:

«Мне трудно поверить во все, что случилось. С Герой жили в одной палатке, кровати стояли рядом, как-то нас по телеви-

Над горами Афганистана.

дению показывали, когда я лежал в госпитале, а Гера пришел навестить меня. *

Вспоминаю, как мы ходили вместе на задание взорвать склад боеприпасов у душманов. Это был ад крошечный, я думал, что Герман погиб, а он вышел из этого ада и вынес на себе раненого, с перебитыми ногами лейтенанта. Такой наш Герман...

Источник, где брали воду, находился в 6 км от нашего места нахождения. В этот день ее должны были доставить «молодые бойцы». Одного из них Герман (старший в этой пятерке) подменил. Отправились на КАМАЗе — трое в кабине, а двое — в кузове. Вдруг Гера установил автомат на «взвод». Я не успел спросить, что его так встревожило, как раздались взрывы со всех сторон. Бойцы выскочили из машины и заняли оборону. Трех убило сразу, среди них и Германа: он сидел за камнем, душманская разрывная пуля попала прямо в сердце друга. Мне он ничего не успел сказать. Я получил ранение в спину, в живых остался лишь Кротов Игорь. Тут подоспели бойцы из другой части (они тоже ехали на родник) и выручили нас».

Из письма мамы:

«Слава Михайлов часто навещает нас. Собираются в доме и друзья Герочки, когда

* Лилиана Григорьевна, мама, видела по телевизору Германа и Славу. Слава полулежал, а Гера сидел у него в ногах (авт.).

приезжают в поселок. Вспоминают не такие уж и далекие дни Афганистана, слушают живой голос Герочки: он при жизни записал на магнитофон четыре песни.

Из Афганистана писал:

«Спите спокойно, мы вас стережем».

Бедные дети, они даже не знали, зачем их туда послали. Время рассудит и все расставит по своим местам. Только вот рана у меня навеки.

Никому не нужна была та необъявленная война. Они и без наших сыновей воюют там и сегодня. Май. 1994 год».

Много писем посвятил Гера младшему брату Диме. 15 февраля 1996 года на встрече с семьями погибших воинов-афганцев Дмитрий Геннадьевич сказал: «Я горжусь своим братом. Хотел попасть во Псковскую дивизию, но мне не повезло. Военкомат предложил остаться и служить в Луге. Но как они там, в военкомате, не могут понять — я хотел стать десантником, как мой старший брат Герман. Сейчас я работаю. В армию пойду служить по контракту. Но очень жалею маму...».

Герман Григорьевич всегда был товарищем, остро чувствующим локоть соседа. Боевые друзья в Афганистане высоко ценили его верность войсковому товариществу и очень скорбели, что пуля в сердце оборвала жизнь верного друга.

ЯБЛОКОВ ЭДУАРД ЮРЬЕВИЧ

14.XII.64—18.IV.85

Родился в городе Полярный Мурманской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Женат. В Афганистане — рядовой, старший разведчик (в/ч 93992).

Родители: Яблоковы Юрий Георгиевич, Людмила Николаевна.

Три года учился в начальной Черняховской школе, с 1974 года обучение продолжил в Лужской школе № 5 — по месту жительства родителей. Затем поступил в Лисинский лесотехникум, но по семейным обстоятельствам перешел в СГПТУ № 246 и в 1983 году окончил его, получив профессию машиниста автомобильных кранов. Работал водителем.

1 ноября того же года призван в Вооруженные Силы СССР Лужским ОГВК — в десантные войска. Шесть месяцев находился в учебном подразделении (г. Кушка).

В конце мая 1984-го убыл в ДРА.

18 апреля 1985 года в составе своего подразделения выполнял боевое задание по уничтожению бандформирований мятежников. Завязался бой, и, верный воинской присяге, проявив стойкость и мужество, погиб.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на городском кладбище в Луге.

На стенде СГПТУ, где учился Эдуард, — семь портретов. На одном из них Э. Яблоков в форме воздушно-десантных войск, со значком отличника.

В Луге проводятся спортивные соревнования по дзю-до, посвященные его памяти. В них принимали участие спортсмены из Москвы, Риги, Таллинна, Паневежиса, Смоленска и других городов.

В апреле 1987 года более двухсот юных борцов разных национальностей приезжали на соревнования памяти Э. Ю. Яблокова в Лугу из 28 городов страны, из Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, Украины, из Таджикистана.

Вспоминает бывший секретарь комитета комсомола училища Марианна Пантюхина:

«Ребята избирали Эдуарда командиром военно-спортивной игры «Орленок». Он был

признанным лидером на нашем курсе. Когда узнали, что Эдик погиб, весть больно отозвалась в наших сердцах. Наш сокурсник Борис Гибляян после гибели Эдуарда подал заявление в военкомат с просьбой направить его в Афганистан. Вадим Антонов в память о нем написал стихи, они положены на музыку и включены в репертуар Лужского ДК.

Всегда минутой молчания заканчивается встреча, посвященная памяти погибшего в ДРА товарища. С нами наш Эдик Яблоков, занесенный навеки в списки двадцатилетних».

Людмила Николаевна, мама Эдуарда, рассказывает: «В четыре года сын попал в глубокую яму, вытащила я его, случайно увидев рубашонку, еще топорщившуюся над водой. Еле откачала. А потом и отшлепала.

Через год свалился Эдик в котлован. Нашла его на самом дне: сидит там и играет. В шесть лет пошел с отцом в парк кататься на качелях, да так упал, чуть голову не разбил, шрам так и остался на всю жизнь. Вот такой был невезучий. А люди говорят, что сын в рубашке родился. Как-то притащил с улицы грязную собачонку. Отец начал ругать его: дескать, унеси обратно, а тот стоит и с места не сдвинется. Собачонку все-таки оставил, настырный такой...».

Эдик поступил в лесотехникум, мечтал стать лесником, с ружьем и собакой охранять лесные владения. Но проучился год и ушел, сказал: работать будет и учиться, так как маме тяжело двоих детей содержать. (Юрий Георгиевич, отец Эдика и Сережи, умер рано, в 38 лет.)

На сына жаловаться Людмиле Николаевне не приходилось, как говорили ее соседи: «Эдик был взрослым не по годам — всегда сдержанный, мог любого выслушать, приятен он или нет».

Друзей у Эдуарда было много. В школе классный руководитель говорила: «Что б я без него делала, не знаю. Удивительно, но весь класс слушался его». Он мог организовать ребят. Службу воспринял как должное — все служат. Письма писал часто.

Вот одно из них:

«Привет из Кушки!

Здравствуй, мои родные!

Мамочка, Серенький и Танюха. С огромным приветом к вам я, ваш сын, брат и... («названный муж» — *авт.*). **Мамочка, как у вас дома дела?** Как съездили в Черняховск, в Домново? Кстати, получил от деда письмо, ничего особо не пишет, да и, по-моему, пишет с неохотой. Как дела у Кулецких? Что они говорили, когда узнали, что я в армии? Мама, сфотографируюсь и сразу вышлю фото. Так, ну что еще тебе написать? Ах да, мама, постройся у меня в записных книжках, поищи адрес Варнавина Славы. Сообщи, нет ли мне от кого писем, и перешли мне их сюда. Ну, вроде и все, что меня интересовало.

Немного о себе: здоровье на все 100%, то есть отличное. Настроение — на 70% — нормальное. Погода — на 50% — ни туда ни сюда. Сила тяготения к дому — на 101%. По-моему, объяснять не надо. Ну ничего, через 2 года будет на нашей улице праздник. Мама, ты в письме спрашиваешь насчет Татьяны. Что я могу тебе ответить? Приду с армии, женюсь — это окончательно и бесповоротно. Ты считаешь, что я поспешил, да, я с тобой и согласен, и не согласен.., мало ли что может случиться, но хочу, чтобы ОН или ОНА заменили меня в этом мире. Мама, я прошу тебя, отнесись к ней как к своей невестке и ни в чем ее не ограничивай. Ведь ее ребенок — это и мой, а твой — внук или внучка. Даже представить трудно: ты, моя хорошая, и бабушка! Посмотрим, как ты справишься и с этой жизненной ролью. Роль матери у тебя вышла хорошей, за что мы тебя очень любим и благодарим, за что ты у нас есть такая. Видишь ли ты родителей Тани, приходят ли они к нам? Что слышно от Любови Александровны, от Герки? Ну вот, вроде и все. До свидания. Крепко целую — ваш сын, брат и...».

Из письма Людмилы Николаевны:

«Я горжусь своим сыном. Мне за него не стыдно ни перед кем. Каждый год 17 апреля приезжают боевые товарищи Эдика, с ними он служил в Афганистане.

Однажды спросила ребят, как Эдик попал к ним в разведку? Вот что они рассказали: «Мы были в Афганистане «стариками», поэтому в разведку новеньких сами себе выбирали. И выбор почти у всех выпал на Эдуарда. Он нам сразу приглянулся и не ошиблись. Это был честный, справедливый паренек. Как-то раз решили «старики» его проверить, дали задание вне очереди — казарму мыть, но он тут и проявил характер, трусом не был, «отстоял» свое право на уважение. С той поры его еще больше уважали.

Ребята рассказывали много о себе, о войне, о потерях, о верности Родине, а я с чувством обиды за детей думала: ну за что им такое в их 20 лет, да еще на чужой стороне?

У меня была вся надежда на сына, когда умер муж. Помню, пришла с работы расстроенная, сижу, плачу, Эдик подходит, обнимает: «Что случилось—случилось, не расстраивайся, тебе еще надо нас воспитывать». Эти слова и его голос я слышу и сейчас.

Как-то убирала его могилку, зашла женщина и положила цветы сыну. Я спросила: «Откуда вы его знаете? Она ответила: Он спас моего».

Это тоже было в разведке. Сын этой женщины попал в засаду, был неравный бой, хорошо, что подоспели Эдик с ребятами, сын ее был тяжело ранен, находился как раз дома, в Луге на излечении.

Даже не знаю, что еще писать. Посылаю два письма сына, открытки, которые он прислал с войны и письмо от ребят — это когда спрашивала их, как и при каких обстоятельствах погиб мой сыночек, как было в действительности. Вот какой ответ я получила: «Уважаемая Людмила Николаевна, пишут Вам друзья и сослуживцы Эдика. Полностью разделяем постигшее вас горе. За время совместной службы он был для нас настоящим другом. В каких бы трудных ситуациях мы не были, на него всегда можно было положиться».

Но до Вас дошли какие-то неверные слухи, будто Эдик был в плену у мятежников. Это неправда!

Семнадцатого апреля * 1985 года душманская пуля оборвала жизнь Вашего сына и нашего друга.

Во время боевой операции мы вышли на засаду в район, где находилась большая группа душманов. Заняв оборону на одной из высот, ждали рассвета. Вот он наступил, и мы увидели, как с трех сторон в атаку на высоту пошли душманы. Завязалась перестрелка. В бойнице вместе с Эдиком находились еще двое наших товарищей. Они достойно отражали атаки бандитов. Отражая лобовую атаку противника, они не заметили, как сбоку выскочил душман, и длинная очередь из автомата оборвала жизнь наших трех парней. И тут же он (душман) был уничтожен подоспевшим на помощь нашим товари-

щам Василием Токарем, который тоже погиб через несколько минут, после смертельного ранения.

Мы говорим Вам и всем матерям погибших друзей огромное-огромное спасибо! За то, что вы смогли вырастить и воспитать таких парней. Вы по праву можете гордиться своим сыном, мужем и братом! Заверяем вас: до конца сохраним светлую память о погибших друзьях.

Даем Вам адреса погибших вместе с Эдиком друзей — В. П. Токарь, Черновицкая область, Вижницкий район, с. Липово...»

И вот я, мать, думаю, как мало мы знаем о жизни наших сыновей на афганской войне, как старательно скрывали они от нас правду...».

«Здравствуйте, мои дорогие мама, Серенький и Танюша, и Аленка! Вы, наверное, думаете, о какой Алене идет речь — о моей маленькой дочке. Мама и Танюша, я очень хочу, чтобы ее назвали Аленой. Только-только получил письмо, прочитал его и сообщил мою радость своим ребятам. Так я думал, что не приземлюсь на землю. Они подхватили мое брненное тело и подбрасывали его вверх, носили по залу. Эх, как бы я вас всех обнял и каждого расцеловал! Ну ничего, я это сделаю через полтора года. Мамуля, береги себя сама и береги их: у меня, кроме вас, никого нет и никого не надо. Денег никаких не надо. Они дошли, но мне их не надо. Приехать я смог бы, но, по-моему, пока тоже не надо. Лучше потерпеть».

Теперь самое главное: мамуля, я могу тебе сообщить всю правду... Неужели ты, мама, думала, что твой сын трус, когда его ребята ходят в засаду, на прочески, он будет сидеть в каптерке. Нет, нет и еще раз нет. Я очень вас всех люблю и поэтому буду осторожней. Я не каптерщик, а разведчик, простой рядовой разведчик. Не сердись, что тебе с самого начала соврал, но я не мог вас сразу вот так расстраивать. Мама, не говори это и сейчас Танюхе, она ведь еще, наверно, слаба, и не надо ее расстраивать».

Ну вот и все вроде».

Еще раз прошу — «Алена» и только «Алена». Воспитывает пусть она сама, ей

* Во всех документах военкоматов дата смерти рядового Яблокова Эдуарда Юрьевича — 18 апреля 1985 года (авт.).

Второй слева — старший разведчик Э. Яблоков.

только немного помогай, подсказывай, но всего воспитания не бери на себя и не давай одной еще моей, если не обижаешься, маме Майе. Если она будет против, то скажи или покажи мои слова. Я надеюсь, она меня послушает.

Целую вас всех, всех и их тоже. Ваш сын, брат, теперь уж и отец, и **названный муж**. Пишите чаще, жду очень. Сфотографируйтесь все вместе — м. Майя, п. Виктор, ты моя хорошая мама, Серенький и Танюха с моей дочкой Аленкой. 2 часа 34 мин. 6.6.84. *Яблоков Эдик*».

На конверте Эдуард Юрьевич указал лужский адрес, а вместо фамилии Л. Н. Яблоковой написал: «Моей мамочке».

За два месяца до гибели Эдуард прислал открытку с поздравлением в стихах. Никогда ранее он не писал стихи, и вот это признание в любви самому близкому на земле человеку — маме:

«По ночам я часто вспоминаю
Теплоту твоих добрейших рук,
Для меня ты сделала немало,
Мой хороший, близкий, верный друг.
Пожелать хочу тебе я много,
Только все не выразишь в словах,
И, когда вернусь домой, родная мама,
Все скажу не в письмах, а в словах.

Целую *Эдик*».

Володя Клизуб из Москвы, Кишкаль Игорь из Санкт-Петербурга, Виктор Иванов не забывают маму погибшего друга. Они постоянно поддерживают тесную связь с Людмилой Николаевной.

У Эдуарда Юрьевича растет дочь.

Людмила Николаевна передала в Книгу несколько фотографий: на одной из них ее сын стоит, обнявшись с друзьями.

**МЕРКУШЕВ
АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ**

2.XII.60—25.V.85

Родился в городе Потсдам (ГДР). Русский. Образование высшее. Военнослужащий. Член ВЛКСМ. Женат. В Афганистане — старший лейтенант, командир взвода управления (в/ч 93992).

Родители: Меркушевы Владимир Никандрович, Галина Александровна.

Александр, сын кадрового офицера, в 1978 году поступил в высшее Ленинградское артиллерийское училище им. Красного Октября. Специальность — инженер по обслуживанию радиолокационных станций. По окончании училища направлен в Закавказский ВО. В Нахичевани принял взвод звуковой разведки.

С июня 1983 года служил в ДРА: Д ж е л а л а б а д, Асадабад, Кабул. Подорвался на mine. Две недели пролежал в госпитале.

В 1984 году приезжал в отпуск. Женился.

На Новый год (1985-й) приезжал в Союз — сопровождал гроб с телом своего друга.

25 мая 1985 года погиб.

Награжден двумя орденами Красной Звезды (вторым посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

Похоронен в Тихвине.

Среди личных вещей Александра Владимировича сохранилась красная тетрадь с его стихами. Когда при краеведческом музее решили открыть экспозицию, посвященную воинам-интернационалистам, Галина Александровна передала ее в дар музею.

Ему, Александру Владимировичу Меркушеву, суждено было родиться в военном городке на чужой земле, в ГДР, и умереть не на родной стороне, и только вечный покой обрести на Родине. И как-то неожиданно родители остались без сына, Наташа — без мужа, Сашенька — без отца...

Из рассказа Владимира Никандровича Меркушева:

«Что рассказать о сыне? Скажу лишь одно — легкой жизни не было. Всегда в пути. Жили на юге, жили на севере, служили в России и за рубежом — такова судьба военного человека и его семьи. Военные городки, первые шаги сына на плацу, на КП, игры среди солдат.

Когда служил в Германии, сын уже в 2—3 годика, как правило, дома не обедал. Почему? Он обедал в солдатской столовой.

Солдатский борщ ему казался вкуснее, чем материнский.

В 1964 году меня перевели в Дагестан. Я замечал, что Сашу привлекла жизнь военного человека, да оно и понятно: кроме армейских будней, он ничего не видел».

В 11 лет Саша продолжил обучение в школе в поселке Корзуново Мурманской области. Из этого поселка в свое время Юрий Гагарин ушел в космонавты. Здесь жил и учился Игорь Ганжуров, тоже погибший в Афганистане.

Как-то однажды Владимир Никандрович на полке в комнате Саши обнаружил, представьте себе, настоящий боевой снаряд. Хорошо, что в этом деле отец разбирался, он сам артиллерист. Осторожно вынес эту «игрушку» из дома. После Великой Отечественной еще слишком много оставалось таких предметов.

Аттестат зрелости Саше вручили, когда ему исполнилось 16. Семья переехала в Тихвин в связи с демобилизацией Владимира Никандровича. Сдав успешно экзамены в военное училище, Александр не был принят на учебу по возрасту. Только через год он стал курсантом. Здесь познакомился со своей будущей женой.

Вот что рассказала Наталья Юрьевна Меркушева:

«С Сашей познакомилась в училище на танцах. Веселый, красивый, добрейшей души человек, он сразу завладел моим сердцем. В дружбе, любви был постоянен.

Когда Саша приехал в отпуск, договорились, что через год поженимся. Чуть позже он сообщил: его должны отправить в Афганистан. Мы со своей стороны пробовали отговорить, но он и слушать не захотел, да уже и поздно было — служба есть служба, а она для Саши была на первом месте».

В июне 1983-го от Александра Владимировича, уже старшего лейтенанта, родители получили телеграмму: «Вылетаю в Ташкент». Следующая гласила: «Все нормально. Лечу дальше». А дальше означало — Афганистан.

23 июня он уже «на пересылке» в Кабуле, 24-го — вылетел на «попутной вертушке» в Желалабад. 1 июля его перебросили в Асабад. А второго он вышел на первое боевое задание.

«Саша служил недалеко от Пакистана, — рассказывает Наталья Юрьевна. — Квалификацию поменял. Стал минометчиком. Часто выезжал в командировки — в Кабул, Баграм. Писал о красивых местах Гиндукуша. Я же со своей стороны понимала: вместо фотоаппарата у него в руках винтовка. Где и как проводились операции, не знаем, Саша не посвящал в свои дела, не писал, что пережил, какие испытания выпали на его долю. Но я все время чувствовала и читала между строк: ему там очень тяжело.

И лишь стихи в его тетради сказали о многом:

«А у меня все хорошо
И радость через край,
А если честно говорить,
То жизнь моя — не рай...»

Из письма Александра Васильевича родителям:

«Здравствуйте, мама и папа! У меня все хорошо. Я немного переместился: из Асабада в Желалабад. Иногда ездим в САМ город. Сейчас «загораю» в Кабуле. Приехал в командировку, а выехать никак не могу. Надо ждать, когда соберется колонна, а пока у нас всего восемь машин. Хорошо, что колонны формируются рядом с артчастью, а здесь наших выпускников много. Из нашего взвода, по меньшей мере, уже 3 в Афганистане, а из параллельного взвода — не менее пяти. С выпуском же — не счесть! Так хоть ночью в культурных условиях. Да не на сухпайке сижу. Вообще здесь ездить интересно. Красивые места. Чего здесь только стоит серпантин Махипара (на дороге Кабул—Желалабад). От верхнего витка до нижнего — метров 400-500. Дорога, идущая по ущелью, зажата со всех сторон, почти вплотную упирается в стену и по ней поднимается вверх. Пока едешь по серпантину, встречаются и карнизные участки, нависающие над обрывом, и тоннели. В общем, шедевр дорогостроения. Все-таки это трансзиатская магистраль. Правда, она изрядно подрабита и кое-где вообще обвалилась. Но чувствуется, раньше она была (и в скором времени будет) отличной трассой...»

Недавно сдали проверку. Теперь вновь будем заниматься строительством, точнее, улучшением условий жизни и быта. Заодно и условий для боевой работы. Вот и все новости.

До свидания. *Саша*. 27.10.83 г.»

«Здравствуйте, мама и папа!

У меня все идет по-прежнему. После возвращения из Кабула всего один раз съездил с десантниками в горы, и то вхолостую. На днях, правда, опять должен ехать в Кабул. Превращаюсь в фельдъегеря. Кабульские командировки вот уже второй месяц — только мои. Ну вот, только что позвонили: опять в Кабул.

Погода у нас уже совсем холодная. Приходится по вечерам ходить в бушлатах. «Афганец» нас недавно потревожил: сдул все, что можно. Хорошо хоть крыши не сорвал, а то и так дышать нечем — сплошная пыль. Но выжили.

Вот, в принципе, и все мои новости. Привет Гриневым, Татьяне, Виктору и другим. До свидания. *Саша*. Буду собираться в дорогу: ложка, кружка, автомат и т. д. 9.11.83».

В конверт с письмом от 21 ноября 1983 года Александр вложил открытку с автографом Э. Пьехи. Здесь же он рассказал, как они заполучили автограф ленинградской певицы. Галина Александровна сказала, что этот подарок (бакшиш) сына хранится у них дома.

И снова письма, стихи, письма.

«Здравствуйте, мама и папа! Получил ваше письмо от 20.12. — Получил 30-го. Может быть, оно пришло и пораньше, но ездил в Кабул и только сегодня возвратился. Эта поездка, с одной стороны, — скучная, а с другой — приключение на приключении. То машину, на которой я должен был ехать, разбили, то колесо у орудия отвалилось, то 50 км на аварийной машине пришлось ехать, то от колонны отстал. Но все окончилось как нельзя лучше. И сегодня полдня отходил от всей этой нервотрепки. Сегодня после обеда съездили за елкой. Точнее, это сосна. Но какая ни есть, а хвоя. Сосны здесь немного отличаются от наших. А в сущности, то же самое. Так что есть, вокруг чего танцевать. В общем, к встрече Нового года мы готовы. Осталось зарядить осветительными орудия и в 1.30 по местному времени произвести батарейный залп. Кстати, интересен эффект резкой смены климата. В 5.00 утра я топтал снег в Кабуле и радовался, что закутан в танковый зимний комбинезон, а в 8.00 я был рад скинуть с себя «шкуру», так как было жарко на нашей высоте — Кабул на полкилометра выше Джелалабада. Ну вот, пока и все мои новости. До свидания. 30.12.83».

«Здравствуйте, папа и мама! У меня все нормально. Жду отпуска. В отпуск меня выгонят в мае. Точнее, сразу, как только приедет из отпуска комбат, так как у нас сейчас всего два офицера в батарее и старшины нет. А пока сидим в горах. На данный момент пишу письмо на высоте 1720 метров. Но я уже второй месяц не спускался вниз. Как с 12 марта начал ходить по горам, так до сих пор и хожу. Честно говоря,

Во время отпуска после года службы в Афганистане. Последнее семейное фото с сыном (в первом ряду слева — Александр).

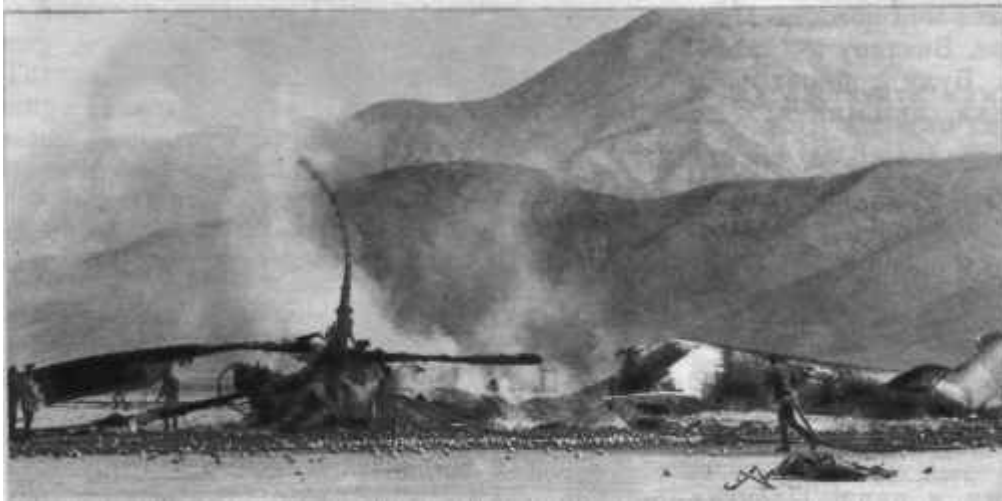
даже надоедать стало. Ведь сегодня уже 21 апреля.

Вчера спускались с перевала на машине: за 1 час передо мною промелькнули все времена года. На перевале снег лежит, внизу до +30°. Когда наверх поднялись, не знали, как из машины вылезти. Высота — около 3,5 км. Мороз. А мы — джелалабадские. Джелалабадская долина — одно из самых теплых мест ДРА.

До свидания. *Саша*. 21.4.84. Посылаю для коллекции 10 афганей. Дойдет — хорошо, не дойдет — бог с ним».

«Здравствуйте, мама и папа!

У меня все нормально. По-прежнему времени нет, так как все время, за исключением редких ночей, в горах. С недельку назад совершил еще одно высотное восхождение. Поднялся на пик с отметкой 4136. Была маленькая хохмочка. Шли по хребту в стороне от этого пика, а маршрут знали очень немногие, и кто-то ляпнул: «Хотел бы я посмотреть, как на эту горку подниматься будут без ледорубов». Ему ответили: «Не только посмотришь, но и сам попробуешь». И поднялись. Конечно, экзотично и красиво. Но холодно. Ветер и морозец. Хорошо, снег не шел. А мы поднимались с ущелья, где абсолютное лето, и были одеты соответственно — по-летнему, только ватные куртки припасли. Вот я и говорю: «Попадись на пути Эверест, поднялись бы и на него и

Душманы обстреляли аэродром...

считали бы в порядке вещей». Тем более эту высоту брали тоже ночью. На восхождение ушло 6 часов. За это время набрали высоту в 2,5 км и по прямой от точки выхода на высоту прошли 5 км. По тому рельефу — превосходное время.

Праздники, с которыми вас поздравляю, отметили в горах. Только сегодня 3 мая, спустились вниз, нам говорят, двое суток отдых. Голубая мечта — выспаться. Не только у меня — у всех. Редкие сутки, когда спим часов шесть. Обычно 2—3 часа. До свидания. *Саша*. 3.5.84 написано. 05.06.84 — отправлено: как только прибыла вертушка. А к нам они летают нечасто».

Когда Александр Владимирович находился в отпуске, женился. После свадьбы они поехали в Махачкалу.

Пишет Наталья Юрьевна:

— Последний день перед отъездом в Афганистан врезался в память на всю жизнь. Саша больше молчал, а глаза такие грустные! Душа кричала и разрывалась. В аэропорту я много говорила, просила лишь об одном — беречь себя. За разговором время бежит быстрее. Объявили посадку на самолет. Он ушел, а я... Да что говорить... Обидно, что самолет из Пулково улетел только через 7—8 часов. Еще целых 7 часов мы могли быть вместе! В части его ждала работа, а мы ждали от него писем и возвращения домой...».

Из письма Александра Владимировича:

«У меня все нормально. Вернулись благополучно. За время выхода ни разу не садились в машины, не считая первого дня и последнего. Намотали около 300 км в пешем порядке. Конечно, устали сильно. Но все довольны. Пришлось встретиться с градом, и причем, очень крупным: такого я еще не видел, по 3—4 см в диаметре. С криками: «Полундра, береги головы» прятались, где только можно. На вершинах пришлось померзнуть. Вышли налегке, в одних маскхалатах на голое тело, а по ночам температура опускалась до +10°. В день рождения Наташи даже не смог выпить воды вдоволь. Почти все время пришлось сидеть на жесткой норме. Литр в день — и ни грамма больше. Такие места, что воды нигде нет. Пришлось ежедневно завозить воду на вертолетах.

У нас начала чувствоваться осень. Но не по климату, а по больным. Гепатическая все больше. А погода все еще стоит жаркая. Особенно днем. Ну, у меня пока все. До свидания. *Саша*. 15.9.84».

«Здравствуйтесь, мама и папа!

У меня все нормально. Верно подмечают: чем ближе к замене, тем меньше желания писать письма и больше желания быстрее вернуться в Союз. Дела, правда, немного спасают положение. День крутишься, а ночью, по возможности, спишь. Крутиться приходится, так как нас (офицеров) в батарее осталось двое, а всевозможных на-

чальников каждый день — море! В общем, до замены 32 дня. 21.5.85. *Саша*».

Последний раз Галина Александровна и Владимир Никандрович встретились с сыном в г. Павловске, в доме родителей Натальи Юрьевны. Он тогда привозил в Союз (г. Сыктывкар) погибшего товарища.

«После этого ни мать, ни я, ни жена, — говорит Владимир Никандрович, — больше его не видели...

Насчет того, выполнял ли сын свой долг или нет? Ни я, ни он как-то над этим вопросом не задумывались. Военные, как правило, выполняют приказ. Я, будучи уже на пенсии, и мой сват Юрий Кириллович Васильев начинали задумываться, что за война, какая война и нужна ли она была? Но Саша по молодости этого не понимал».

Письмо из Афганистана от Сергея Витальевича Оржаховского:

«Здравствуйте, уважаемые Галина Александровна и Владимир Никандрович! При-

ношу глубокие соболезнования. Я узнал потрясающе нелепую новость от товарищей и сослуживцев Саши. Скорблю вместе с вами.

Я Сашу знал 7 лет. И все это время он был для меня хорошим, отзывчивым, надежным другом.

Отпуск, видимо, дадут в январе 1986-го. Обязательно постараюсь приехать в Тихвин. С уважением *Сергей*. 31.08.1985 г. г. Герат».

25 мая 1985 года душманы обстреляли аэродром.

Второй орден Красной Звезды пришел уже после гибели Меркушева А. В. Запросы родных в часть, при каких обстоятельствах погиб А. Меркушев, не дали никаких результатов — «погиб при исполнении интернационального долга».

Не узнал Александр Владимирович, что в октябре 1985 года у него родилась дочь Сашенька. Каждое лето приезжает она к Тихвин к бабушке и дедушке на 2—3 месяца.

РЕМИЗОВ АЛЕКСАНДР АФРИКАНОВИЧ

7.III.62—31.V.85

Родился в военном городке Котлы Кингисеппского района. Русский. Образование высшее. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — лейтенант, командир огневого взвода, старший офицер минометной батареи (в/ч 51883).

Родители: Ремизовы Африкан Александрович, Милитина Ивановна. (Умерла в 1993 году.)

С 1969 г. учился в Касколовской восьмилетней и Кингисеппской средней школе № 4. Усиленно занимался спортом, любил играть в хоккей.

В 1983 г. окончил Ленинградское высшее командное артиллерийское училище им. Красного Октября. Специальность — инженер по эксплуатации радиотехнических средств. Диплом с отличием. Служил в Туркестанском военном округе.

С 5 мая 1984 года — Афганистан, г. Шинданда.

21 мая 1985-го тяжело ранен в бою.

31 мая умер от ран в госпитале г. Шинданда.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР, знаком «Воину-интернационалисту».

Похоронен на старом гражданском кладбище г. Кингисеппа.

1979 год. Выпускной вечер позади. Впереди интереснейшая жизнь будущего офицера. Мечта детства осуществилась. Сейчас он находится в лагере. 5 августа состоялось торжественное посвящение в курсанты.

Из документа: июль, 1983 год. «Ремизов Александр Африканович зарекомендовал себя с положительной стороны. Программу обучения усваивал на «хорошо» и «отлично». Имеет достаточные знания и практические навыки и умение по специальности, достаточную методическую подготовку, способен организовать обучение и воспитание подчиненных, строг, но справедлив. К выполнению заданий относится добросовестно. Трудюлюбив, по характеру спокоен, принимает активное участие в общественной жизни и работе. Пользуется заслуженным авторитетом в коллективе взвода, батареи. Высоко развито чувство собственного достоинства, справедливости и воинского долга». (Из аттестационного листа на присвоение первого официального звания).

Служил Александр в Туркестанском военном округе начальником разведки, командиром взвода разведки, дивизиона 130-миллиметровых пушек, командиром взвода управления.

Из писем лейтенанта А. А. Ремизова:

«Здравствуйте, мои дорогие мамочка и папочка! Как по Ленинграду скучаю, даже не пересказать!»

У меня все по-старому. Но такое ощущение, словно живу чуть ли не на самом краю земли. Природа неопишима, потому что, собственно, описывать нечего. Есть горы, но они весьма своеобразны: когда на них смотришь, не думаешь, что на них нет растительности. Часть наша расположена так: с одной стороны — горы, с другой — вообще ничего не видно, как на море, только вместо моря и воды — песок...

Очень хочется, ужасно хочется в Ленинград. Одно огромное желание — побыстрее выбраться из этой Средней Азии, куда-нибудь в Союз...».

Письмо родителей Саши:

«Дорогой наш, любимый сынуля, здравствуй. Только что получили твое письмо — бесконечно рады, мы очень долго ждали, прочитали его с отцом — многое поняли и представили, как тебе там приходится. Но,

дорогой наш сынок, надо пройти все трудности, пережить этот момент и набраться большого терпения, не терять надежды на лучшее.

Служба есть служба. Надо быть готовым ко всему. Нам с папой (а он тоже кадровый офицер, ты знаешь, что это такое) тоже приходилось не сладко. И еще, ты там не один, всем тяжело. Вы, северяне, не привыкли к жаре, а люди живут там десятилетиями. Бог терпел и нам велел. Сашок, звони, пиши нам почаще. Это сократит расставание и расстояние. *Мама, папа».*

9 мая 1984 года лейтенант А. А. Ремизов писал родителям и сестре уже из Афганистана:

«Здравствуйте, дорогие мои мама, папа и Тамара! Пишу с нового места службы. За меня волноваться здорово не надо. Встретили меня хорошо. Короче, все нормально.

Да, поздравляю с Днем Победы, желаю крепкого здоровья и всего самого наилучшего.

Не думайте, пожалуйста, что все украшиваю. Два дня находился в Кабуле, потом самолетом — в часть. Вот уже два дня здесь. Почти все шмотки отправил багажом, там папе и шубейку отправил. Да, в багаже в красной папке, которую покупали в Нарве, должна лежать одна очень важная справка еще из училища о том, что я не имел жилой площади. Ее надо сохранить. Ну, ладно. Крепко целую, обнимаю. Всем привет. *Саша».*

«7 сентября 1984 года. Где нахожусь, не могу написать название. У меня все по-прежнему нормально. Жив, здоров. Ем хорошо. Фруктов невымытых не ем, руки перед едой мою.

Здесь не то, что у нас (на Родине — *авт.*). За все время ни одного рыбака афганского не видел. Они, правда, рыбу, которая водится здесь, не едят, как и крабов: вера не позволяет. Мы иногда ловим их руками, только очень редко, да и здорово не хочется.

Сейчас у афганцев праздник жертвоприношений. По-моему, на каждого мужчину режут по баранчику. Таков обычай. До свидания. Крепко целую. Передавайте всем огромный привет. *Саша».*

В письме от 18 октября 1984 года Александр с гордостью сообщает родным, что услышал по радио приятную новость: его родной Кингисепп наградили орденом Отечественной войны I степени.

В январе 1985-го лейтенант А. А. Ремизов получил отпуск. Его он провел дома. Возвращаясь в часть, накануне, сказал родителям: «Если я не поеду, другой не поедет, тогда кто же вместо меня?». В часть вернулся 9 февраля. Последнее письмо от сына родные получили 6 апреля 1985 г.

В июне 1985 года Африкан Александрович и Милитина Ивановна получили письмо боевых друзей Саши:

«Очень тяжела утрата нашего друга, настоящего офицера, каким он был. 21 мая 1985 года при выполнении боевого задания Сашу тяжело ранило, но он оставался на боевом посту. Все командиры, бойцы верили в счастливый исход, но рана оказалась смертельной. В то, что Саши не стало, мы не верим и сейчас — такие люди не погибают, они навсегда остаются в боевом строю.

Уважаемые родители Саши! Велика утрата, очень глубоко горе. В нашем лице вы всегда найдете самых близких и преданных людей...

С уважением, лейтенант *Десятниченко*, капитан *Литвиненко* из Вильнюса, старший лейтенант *Яковлев* из Москвы, лейтенант *Алтупов*, старший лейтенант *Свидлов*, старший прапорщик *Шалошик*. 7.06.85 г.».

Из города Вильнюса в феврале 1986-го пришло письмо от капитана Александра Ивановича Литвиненко:

«Здравствуйте, уважаемая Милитина Ивановна!

Получили мы с Олей Ваше письмо. Все по порядку. 24 мая, только в другом месте, меня тяжело ранило. Вот почему Ваши письма меня не нашли. Мне еще в кишлаке сказали, что Саша ранен. А когда я Попал в госпиталь, то через несколько дней сказали, что Саша умер, только тогда я был очень плох и плохо соображал. Потом меня самолетом (через месяц) переправили в госпиталь в Балтийск, и я

пролежал там до 17 декабря. Сейчас все хорошо, только нога не работает, нервы и сухожилия перебиты. Списали на нестроевую должность.

Теперь о Саше. Его действительно ранило 21 мая. Сразу же отправили его на вертолете в госпиталь. Дело в том, что я его не видел, — был в другом месте с другим взводом. Рассказывали, что у него было много тяжелых ранений, в том числе в голову и грудь. Случайный снаряд разорвался прямо возле него. Он умер в госпитале. Дело в том, что мы лежали в разных госпиталях. Вот и все, что я знаю. Сопровождал его тело прапорщик. Насчет дат ранения он мог просто спутать. Ведь он там не был. А нас никого не отпускали, на операции все были. Саша был хорошим другом и товарищем. Мы его часто вспоминаем. Конечно, нам его не хватает. Но мы призваны защищать Родину, мы солдаты...».

В письме от 15.02.93 года Милитина Ивановна рассказывала: «О сыне можно даже хорошую книгу написать. Но все равно его не вернуть. Осиротели мы».

В памятные дни родные, близкие, учителя приходят на могилку Саши. Приходят к своему школьному другу и его одноклассники: Олег Жданов, Света Никифорова, Таня Туманова, Марина Матюшенко и другие. Они чтят память о Саше, так же, как и воины-афганцы.

«Всем, кто не забывает о нашем невыносимом горе — большое спасибо, низкий поклон, счастья и пусть никто и никогда не испытает такого горя. Мирного вам неба и спокойной жизни. Возможно, не так написала, но мысли путаются, плачу...

Я зажигаю свечи, плачьте свечи! Сгорайте в честь погибших для живых — У смерти не бывает часовых, Но только мне от этого не легче...»

Из Афганистана прапорщик В. С. Сербии, сопровождавший тело А. А. Ремизова, вместе с письмами, официальными бумагами передал и два номера местной газеты со статьей: «Земля родная», где под фотографией «Мой город» Саша сделал надпись: «Дом, в котором я жил».*

* Газета «За коммунизм», 22 октября 1983 года.

АНТОНОВИЧ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

1.XII.48 — 24.VIII.85

Родился в деревне Барсукове Брестской области. Белорус. Образование высшее. Женат. В Афганистане — подполковник, советник при зам. командира батальона Спецназ по политической части (ВС ДРА).

Родители: Антонович Иван Максимович, Менькова Пелагея Григорьевна.

Когда Коле исполнилось 3 года, семья переехала из Белоруссии в г. Кохтла-Ярве.

В 1966 году Николай окончил среднюю школу № 138. Мечтал о военной карьере, но не прошел по конкурсу в Даугавпилское летно-техническое училище. Работал на автопредприятии.

31 октября 1967 г. призван в Вооруженные Силы СССР — в десантные войска.

Службу проходил в Пскове, Костроме, при Рязанском высшем военном училище им. Ленинского комсомола.

В 1981 году окончил Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище (заочно). И снова новые места службы, звания, должности: гвардии майор, военный дознаватель, классный специалист, инструктор-парашютист.

За безупречную службу и выполнение общественных работ неоднократно награждался медалями, грамотами, памятными подарками,

12 января 1985 года Н. И. Антонович убит в Афганистан. Служил в Гардезе.* Неоднократно участвовал в проведении боевых операций.

Погиб 24 августа 1985 года при исполнении служебных обязанностей.

Посмертно награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

Похоронен в Ленинграде, на Северном кладбище. Семья проживает в Гатчине.

В семейном архиве хранятся боевые награды (до Афганистана их было 10), военная форма Николая Ивановича, марки, монеты, его альбом с фотографиями. Среди вещей из Афганистана — книга В. Федорова «Поэмы», подаренная друзьями-афганцами, «Аленький цветочек» (горный тюльпан) для дочери, сорванный на вершине горы Гиндукуша. Хранится и газета «За урожай» за 1974 год, где напечатана статья Николая Ивановича «Не будите военное эхо».

11 лет спустя обратным адресом военного специалиста Н. И. Антоновича станет левая почта 44585; на экстренный случай —

ДРА, Кабул, Посольство СССР, группа Солманова, для Н. И. Антоновича...

2 марта 1985 года Галина Яковлевна, жена, получила первое письмо Николая Ивановича из ДРА:

«Здравствуйте мои дорогие Диночка, Алеша и Галина! Вот я и на месте. Не все так получилось, как думалось и планировалось. В Кабуле находился всего несколько дней, а часть, оказывается, располагалась совершенно в другом месте и в другом городе. На карте вы его найдете. Находится он на высоте 2,5 тыс. метров. Воздух горный, вообще вокруг горы, тепло. Лето начинается с апреля, имеется в виду жара.

* Гардез — центр провинции Пактия.

Галя, никаких школ здесь нет, редкие жены сидят дома, я имею в виду тех, кто решил сюда приехать, дальше своей комнаты никуда не ходят, а куда ходить?

Коллектив советников, на первый взгляд, хороший, а так кто его знает. В скором времени выйдем на прогулку... Не переживай, все будет нормально. Видел некоторых знакомых по службе в Союзе. В Кабуле ко мне приезжал Кулаев, здесь же находится Чигрин, ну и ряд других, которых ты не знаешь. Одни уезжают, другим остается немного, ну а третьим... Нас всего трое, я имею в виду русских, ну а остальные — сама понимаешь, поэтому держимся вместе, но сложно. Сложно с языком, хотя и есть переводчик, но он же не может быть постоянно со мной, надо будет учить самые необходимые фразы. Сложность все заключается еще вот в чем: необходимо готовить еду самому себе и т. д. Все должен делать сам, если хочу, чтобы было нормально... Гардез. 14.01.85 года».

«Здравствуйте, мои дорогие! Почти месяц отсутствовал, думали, что вернемся пораньше, но не получилось. У меня все в порядке, даже нет царапин. Загадал: если вернусь с этой прогулки целым, значит, все остальные будут такими.

Сколько будем здесь, пока не знаю. Наверно, отдохнем дней 10 — и опять в сторону границы. Немножко тяжело, нет горной подготовки... Главное, не болейте, не простывайте, ведь и мне в бою легче, если дома у меня все хорошо. Крепко-крепко вас обнимаю и целую. 15.02.85».

«Здравствуйте, мои лапушки Динулька, Алеша, Галинка!

Получил записку из Кабула... Родная моя, это ты мне пишешь про спиртное? Я уже, по-моему, писал по этому поводу, не до этого здесь, если думаешь жить! Это в основном у советских, а я ведь советник, в этом вопросе здесь очень строго, поэтому никто не собирается шутить, афганцы в основном пьют только чай, очень редко — водку...

Галя, я одно знаю: очень сложно советским подразделениям. Нам тяжело, а им еще тяжелее... А тяжелее потому, что они занимаются по классической схеме, не учитывая особенностей Афганистана, поэтому

и несут потери. Я писал, что нам досталось на орехи, и сейчас заканчиваем переформирование, подготовку — и вперед. По всей вероятности, где-то в первых числах апреля.

«Работы» много, тепло, и вся эта контра повыползала из нор, часть идет из Пакистана. Скажу лишь одно: довольно-таки серьезно, и ехать сюда, чтобы не уехать или быть калекой — не стоит. Одному спокойнее. Сколько пострадало наших, писать не стоит, подумай.

Галя, сфотографироваться не проблема, но мы здесь суеверные. Я нафотографируюсь, но на следующий год — в конце. А Динуличкину фотографию буду ждать.

Товарищей много, но самый надежный — автомат, приходится спать с ним в обнимку. Ну вот и все, иду готовить обед, моя очередь. Крепко-крепко обнимаю, целую. 25.03.85 г.».

Николай Иванович очень любил свою семью. В детях души не чаял. Очень хотел, чтобы Диана получила музыкальное образование, а сынишка стал кадровым офицером. Мечта отца исполнилась.

На примере мужа Галина Яковлевна воспитывала детей.

От Николая Ивановича из Афганистана пришло 29 писем. Предлагаем читателям ряд отрывков из них.

«...во время операции, как положено, нам каждый день выдают сигареты и 300 граммов фруктов: это у нас во время отечественной (авт.) войны, во время боя выдавали водку и спирт.

Извини, что почерк плохой, сильно устал, руки дрожат — никогда так не уставал, прогулка была очень тяжелой и сложной, к горам не привыкну, вроде невысоко 2—3,5 км, но подниматься тяжело...

Родная моя, здесь опасно и сложно, это не Кабул. Но всего опаснее — это мины и снайперы. Мин много понаставлено по дорогам, обочинам и т. д. Стреляют они тоже неплохо. Вот поэтому приходится быть предельно осторожным и внимательным. Лишний раз, как ни жарко, с бронетранспортера в тень не сходим, сидим на броне. Ну, а в горах, когда забираемся вверх, обкладываемся камнями, чтобы не достали пули. Здесь все-таки идет самая настоящая война, где людей убивают и калечат.

Я тоже теряю людей. И довольно много. Если кто попадет к душманам, то обезображивают до неузнаваемости, кровь стынет, когда видишь все это, а поэтому разговор с ними идет взаимно довольно серьезный.

Все будет хорошо, я ведь советник и только советую, но не воюю, а только защищаюсь.

Дописываю письмо, начну укомплектовывать вещмешок, необходимо пополнить запас боевой и продовольственный, т. к. уходим рано на рассвете».

Из Афганистана Николай Иванович прислал несколько фотографий. На одной из них надпись: «Гардез. Нашли куст шиповника и 2 вишневых дерева. Посадили в афганскую землю. Это будет наш сад, а я в нем — садовник...».

Галина Яковлевна вспомнила, как однажды Николай Иванович, рассказывая о Линкольне, зачитал наизусть его слова:

«Когда бы не пришлось мне умереть, я хочу, чтобы люди, знавшие меня лучше других, сказали, что я всегда выпалывал чертополох и выращивал цветы везде, где, по моему разумению, цветы могли расти...».

Николая Ивановича родные называли «наш садовник» — и наверное не случайно.

Вот как он писал:

«Весна набирает силу. Возле домика посадил четыре дерева. За Динульку — вишенку, за Алешу — абрикос, а за нас, Галинушка, две яблони, надеюсь, что примутся... (06.03.85)».

«Буду в горах, обязательно засушу цветок с афганской земли. А Динульке за то, что она мне рисует, выберу и найду самый красивый, но немножко подождите, вот отгоним душманов, тогда сразу же вышлю (25.03.85)».

«Был на вершине и, как обещал своей маленькой Динульке, нашел ей «Аленький цветочек» — горный тюльпан, хотелось бы, чтобы он к вам прилетел невредимым, а вы мне напишите, как он к вам прилетит».

«...Вернулся с операции и был приятно поражен. Динулькина вишенка такая маленькая и вся в цветках, просто уму непостижимо, а так как все деревья принялись, распустились листочки, но лучше всех опять вишенка. Вот думаю, как бы вам кусочек солнышка отправить».

Во время отдыха.

Сохранились ли цветы и деревья, что посадил Николай Иванович в Гардезе, неизвестно. Но в память о родном человеке семья Николая Ивановича решила высадить кусты шиповника и вишенки в своем саду в Гатчине.

В Книгу было передано письмо Н. И. Антоновича другу:

«Приятно удивлен, но с каждым месяцем знакомых становится все больше, только отписывай. Вот уже около трех месяцев нахожусь в Хосте. Работы много, вырвался в Гардез на денек, а здесь столько писем, и столько новых! Вернемся в Гардез, я думаю, где-то через месяц. До отпуска осталось чуть больше трех месяцев, если все будет нормально и опять отпуска не отменят.

Дома, как пишут, все слава Богу, а может, не хотят расстраивать, но надеюсь, что все хорошо. Передавай привет от меня своей семье. До свидания. С уважением — *Николай*. 24 августа 1985 года».

24 августа 1985 года Николай Иванович Антонович погиб.

Письмо полковника Е. Иванова хранится у вдовы Галины Яковлевны Антонович:

«Шамархейль. 04.09.85 г. Оглушен твоим сообщением... 30 августа вернулся из командировки, а 31 или 1 сентября получил письмо от Николая. Последнее отправил ему где-то в конце июля, а ответа все не было. Думал, что, как всегда, где-то затерялось. И вот, наконец, получил, очень короткое: три месяца был в Хосте и вот на недельку вернулся в Гардез. Через неделю опять в Хост на месяц. Обещал кое-что рассказать об одном нашем знакомом, когда увидимся. Писал, что через 3 месяца в отпуск, соскучился по *Динульке*. Письмо было датировано **24 августа**, а время отправки на конверте я, к сожалению, не посмотрел. Тут же составил ответ, а его письмо порвал.

Ты пишешь, что он погиб 24 августа, я точно помню дату на его письме, т. к. очень именно этой датой интересовался — успеет

или нет получить мое письмо до своего отъезда.

Подробностей пока не знаю. Предполагаю, что убили в Гардезе 24 августа, в день начала праздника «Курбан» (т. е. жертвоприношения). У нас был приказ, строжайше запрещающий до 30 августа появление в городах, дуканах: жертвоприношение «неверных» — это то, к чему должен стремиться каждый мусульманин. Галине передай мое соболезнование. Смерть ходит рядом, только не знаешь, когда и как придется с ней встретиться. Но лучше не по своей глупости, которой у нас здесь хватает с избытком. Жду звонка из Кабула, может, что прояснится. Мне тоже не верится, но телеграммы отправляют на советников наверняка, тут ошибок быть не может.

Еще одним горем стало больше, еще одним товарищем меньше. И сколько нам отпущено на этой земле, мы сами не знаем. Не долюбив, не докурив последней папиросы... — это теперь относится и к Коле. *Евгений*».

ТИШИНА

Тишина нас душила и жгла...
Тишина — это страшно, ребята!
Тишина, тишина, тишина...
Если б время вернулось обратно!
Я прощаться не буду с тобой.
Может, это случится со мною.
Тишиною сроднились одной,
Провожая друг друга из боя.
Только тот, что был другом моим,
В плащ-палатке лежит под скалою...
Ну а я?! Я живой рядом с ним.
Друг, прости, бывает такое!
Не успел я прикрыть и помочь...
Тишина — это тяжкое бремя...
И осталось навечно с тобой
Это пулями битое время.
Как струна перетянутый нерв...
После... поздно делиться судьбою.
Тишина закрывает весь свет,
И остался, брат, ты с тишиною.

А. Тертычный

КОСЯК НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

25.IV.56—21.XI.85

Родился на острове Соловки Архангельской области. Русский. Военнослужащий. Образование среднее специальное. Женат. В Афганистане — прапорщик, старший воздушный стрелок-радист вертолета МИ-6 (в/ч 70419).

Мать — Клемина Антонина Петровна.

Школьные годы Николая проходили в Саратовской области. В 1971 году семья переехала в Выборг. По окончании восьмилетней школы Николай поступил в СГПТУ № 3. Получил специальность сборщика-достройщика судов.

Работал на Выборгском судостроительном заводе.

12 ноября 1975 года призван в Вооруженные Силы СССР Выборгским ОГВК. Служил в Винницкой области, Дрездене (ГДР), в Семипалатинске, в Ленинградской области.

С 1976 по 1978 годы учился в школе прапорщиков в г. Канске по специальности «летный радист». В семье двое детей.*

В конце ноября 1984-го из Выборга с экипажем убыл в Афганистан, в Кундуз. Должность — старший механик группы обслуживания по радиоэлектронному оборудованию.

21 ноября 1985 года прапорщик Н. В. Косяк умер в результате тяжелой болезни.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа».

Похоронен на гражданском кладбище в п. Верхне-Черкасово Выборгского района.

Из письма мамы Николая Владимировича:

«Как мы оказались на Соловках? В 1942 году мой папа работал в органах НКВД по доставке секретной почты из г. Кеми на остров. На Соловках во время войны находились школы юнг и воинские части. В 1955 году я вышла замуж за солдата. Здесь, на Соловках и родился мой Коленька.

Что я могу сказать о своем единственном сыне? Мне с ним было так хорошо и легко! С учебой — никаких проблем, с дисциплиной тоже.

Жила, воспитывала его одна. И как-то не заметила, как он стал взрослым. В народе говорят: «Пока сын рядом с тобой, живи и радуйся, но помни: он у тебя в

гостях». Это правда. И вот мой Колючка живет уже вдали от меня, служит. О нем и в газете писали:

«В ряды Советской Армии Н. В. Косяк пришел недавно. Кажется, что можно успеть за четыре месяца? Николай Косяк зарекомендовал себя как добросовестный, исполнительный воин. Фотография ефрейтора опубликована в газете нашего военного округа. Он завоевал право вместе с другими отличниками боевой и политической подготовки подписать рапорт Ленинградского комсомола съезду КПСС.

Родители, воспитавшие Николая Косяка, выборжцы могут им гордиться: воин отлично исполняет свой священный долг перед Родиной».

Где бы Николай Владимирович ни жил, где бы ни служил, везде его уважали. У него какой-то особый подход к людям — со всеми мог найти общий язык.

* Сын Олег Николаевич Косяк (1979 г. р.) — курсант Ленинградского Высшего инженерного училища связи.

Отношения с сыном у Антонины Петровны сложились ровные. Николай ценил привязанность мамы, платил нежностью и дружбой. Все его письма начинались одинаково: «Здравствуй, моя дорогая мамочка!».

Антонина Петровна передала в Книгу два письма сына:

«Здравствуй, дорогая мамочка! Мама, получил письмо и был очень рад, сразу же пишу ответ. Очень рад, что ты была у Аленки*, встретили день рождения у нас дома, и, конечно, доволен, что зашел Славик и передал передачу. Я ужасно ему завидую, а вот мы с побывкой задерживаемся, наверно, до 10 июня, если, конечно, все будет нормально. Мамочка, все-таки ты у меня умница, спасибо за помощь, за то, что любишь детей, и они к тебе тянутся, ведь это видно. Мамочка, как вы там, как дела дома, что известно о Мишке — наверно, пока письмо придет, он будет уже дома. Напиши, какой вернулся, — возмужал, вырос или такой же, какие у него планы? Только не нажимай на него сразу, знаю твой характер, дай парню очухаться от армии.

Мамочка, за меня не волнуйся, все нормально, только единственное плохо — очень жарко: не успеешь под душем в перерыве между полетами окунуться, уже сухой. Единственное спасение — высота, наверху холодно, хорошо. Худею на глазах, одни ребра остались, соскучился по домашней пище — сил нет, здесь все консервированное, есть не хочется. Если что перепадает, стараемся готовить сами, сегодня варили курицу — так ели так, будто сроду ее не видели. Зато как вкусно, я, как радист, готовлю, а ребята моют посуду, полы. За мной — пища, а что, зато научишься готовить и, по-моему, неплохо. Вареники с картошкой делали — объедение. А в столовой одно и то же, правда, обещают зелень, фрукты, но это обещания.

Мамочка, все хорошо, приеду, расскажу. Конечно, здесь не курорт, но, мам, что такое война, теперь представляю, врагу злейшему этого не пожелаю, кроме «духов», — а бы голыми руками давил гадов.

* Елена Алексеевна — жена Н. В. Косяк.

Мам, очень хочется домой, увидеть вас всех, огромный привет дяде Алику.

Не жди меня в отпуск, тогда приеду быстро. Знаешь, как здесь без писем и как ждать, это не в Союзе, тут прямо не дождешься, когда почтовик прилетит. На этом писать кончаю. Крепко обнимаю, моя родная, целую, очень скучаю, хочу домой. Твой сын *Николай*. 20 мая 1985 года».

«Здравствуй, моя дорогая мамочка!

Мама, милая, сегодня получил от тебя письмо, большое спасибо, я так ждал его... я очень счастлив, что у меня такая прекрасная мама, самая лучшая на свете.

Знаешь, как соскучился по дому, по всему-всему родному!

Я очень-очень люблю тебя, мамочка, и очень сильно скучаю по тебе.

Как хочется собраться всем вместе и посидеть в тишине.

Это у меня теперь самая заветная мечта...

Прошу об одном: береги себя, помни, ты мне очень-очень нужна. За меня не беспокойся, я постараюсь, чтобы все было хорошо и поскорее бы прошло это время здесь, за рубежом.

Крепко целую всю нашу огромную семью и тебя. Твой сын —

Николай!»

Как служил прапорщик Н. В. Косяк в Кундузе говорит документ из его личного дела: «Грамотный, исполнительный. Специалист I класса. Общий налет 842 часа. За время прохождения службы в ДРА в составе экипажа выполнил 248 боевых вылетов с общим налетом 243 часа 55 минут на перевозке боеприпасов, топлива и личного состава. Свою летную специальность любил. Материальную часть знал, грамотно эксплуатировал ее. Документы, регламентирующие безаварийную летную работу, знал и правильно ими руководствовался.

В усложненной обстановке, в полете действовал грамотно и хладнокровно, смело и решительно. Устав знает и правильно руководствуется им в службе.

Физически развит. Женат. Семейные отношения здоровые».

В августе 1985 года Николай Владимирович Косяк заключением врачебной ко-

миссии по состоянию здоровья откомандирован в Выборг. С ним рядом находились мама, жена Елена Алексеевна, дети — Олег и Танечка.

Но болезнь прогрессировала. И через три месяца Николая Владимировича не стало. «Смерть связана с исполнением обязанностей военной службы в ДРА», — такова запись в его послужном списке.

Из документа от 24 декабря 1985 года:

«Прапорщика Н. В. Косяка в связи со смертью исключить из списков личного состава части и всех видов довольствия с 24 декабря 1985 года. Выплатить единовременное денежное вознаграждение, предусмотренное Приказом МО СССР, по день смерти, личное дело направить в Выборгский горвоенкомат. Основание: приказ командующего ВВС ЛенВО № 0332 от 13 декабря 1985».

Как велико горе, когда теряешь одного-единственного сына. Да еще какого сына!

КАПУСТИНА НИНА ВЛАДИМИРОВНА

3.VII.55 — 22.XI.85

Уроженка с. Ая Алтайского края. Русская. Образование среднее специальное. Служащая СА. В Афганистане — прапорщик, фельдшер медпункта мотострелкового полка (в/ч 51931).

Родители: Козловы Юрий Алексеевич, отчим, Анастасия Харитоновна.

Обучалась в школах гарнизонов по месту службы отчима. В 1973 году получила аттестат зрелости в г. Наумбурге. Работала на трикотажных фабриках Выборга и Биробиджана.

С 1975 г. — студентка Биробиджанского медицинского училища. До призыва в армию работала санинструктором станции «Скорой помощи».

В 1982 году переехала в Выборг.

3 марта того же года призвана в Вооруженные Силы СССР Выборгским ОГВК (по собственному желанию).

Возглавляла аптеку инженерно-саперного батальона ЛенВО в поселке Харитово. Нине Владимировне присвоили звание — гвардии прапорщик медицинской службы.

У командования части пользовалась заслуженным уважением и авторитетом, имела благодарности, грамоты.

30 сентября 1985-го откомандирована в Афганистан. Последнее место службы — Шинданд, медпункт части.

На вопрос, как живется маме, родным погибшего, ответ традиционно прост: «Как все... Трудно».

Жена, Косяк Елена Алексеевна, живет в Выборге. Только ее сейчас дома нет, она служит прапорщиком вдали от города. В отпуск приезжает. Дети Николая Владимировича растут. Олег увлекается книгами, значками, спортом, любит рисовать. Таня тоже любит спорт и рисует неплохо.

Каждую неделю, независимо от погоды, ходит на кладбище мама. Жена и дети тоже посещают могилку. Олежка даже помнит, как были с папой в лесу, как они играли на поляне, как папа катал его на плечах. Ему в ту пору исполнилось только пять лет...

В части, в пос. Глебычево, где служил прапорщик Косяк Н. В. и откуда направлен в Афганистан, стоит памятник из гранита розового цвета. На нем выбиты фамилии воинов, погибших в Афганистане, среди них — имя Николая Владимировича.

Умерла Нина Капустина 22 ноября 1985 года от сильного отравления (так сообщили из части): смерть связана с исполнением воинской службы.

Посмертно награждена орденом Красной Звезды, медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронена на гражданском Северном кладбище Выборга.

Дома хранятся вещи, письма, документы дочери: чуточку пожелтевший листок «Таможенной декларации» от 5 октября 1985 года, «Акт» о наличии личных вещей от 23 ноября 1985 года, позже привезенные из Афганистана, четыре фотографии, десять писем, блокнот.

Хранятся материалы о Нине Владимировне в архиве Леноблвоенкомата. Вот один из них: «Я, нижеподписавшаяся, Капустина Нина Владимировна, ознакомилась с положением о прохождении военной службы женщинами, поступившими в добровольном порядке на действительную военную службу, даю обязательство служить в воинской части, честно и добросовестно выполнять ... требования военной присяги, воинских уставов, приказов и распоряжений командиров и начальников. 2 марта 1982 г. Подпись ...».

8 июня 1987 года Анастасия Харитоновна получила письмо из отдела здравоохранения Биробиджанского медицинского училища:

«Уважаемая Анастасия Харитоновна! Учащиеся и преподаватели с глубоким прискорбием узнали о гибели Вашей дочери, выпускницы нашего училища в Республике Афганистан. Группа «Поиск» решила собрать материал и оформить стенд в музее училища, посвященный Нине. Просим сообщить, каким военкоматом призвана ваша дочь.

С уважением директор училища

В. Л. Брусиловский».

Ныне в музее медучилища есть стенд, возле которого подолгу задерживаются экскурсанты, особенно первокурсники. Материалы экспозиции рассказывают о героях наших дней — учащихся, которые погибли, выполняя воинский, интернациональный долг в Афганистане.

Слева — фотография Нины Гасниковой (Капустиной).

Ее хорошо помнят в училище, на станции «Скорой помощи». Дочь кадрового офицера добровольно пошла в Афганистан. А здесь, в Биробиджане, остались студенческая скамья, дружба, выступления на самодеятельной сцене, первые победы в спорте.

По мнению преподавателей, Нина была медиком по призванию. Ее отличали внимательное отношение к больным, сострадание и, ко всему прочему, — «легкая рука» сестры милосердия. Возможно, что при своих способностях и упорстве она стала бы со временем врачом.

В школьной тетради отец, Юрий Алексеевич, написал о дочери следующее: «Наша

Нина росла в семье военнослужащего, переезжала с родителями из гарнизона в гарнизон. Как быстро пролетело время! Еще вчера дочь была первоклассницей, а тут, поди-ка, уже и барышня, «на выданье», помощница во всем. В школе и медицинском училище изучала предметы основательно, особенно любила химию, свою профессию тоже любила. Добрая, отзывчивая, заботилась о нас, родителях, помогала воспитывать наших младших детей... К обязанностям по службе относилась добросовестно. В Афганистане прослужила недолго и такое вот горе.

Как бы нам хотелось, чтобы люди помнили о нашей Нине».

Шесть писем Нины Владимировны передал Юрий Алексеевич.

4.X.85

«Здравствуйте, дорогие мама, папа, Юрик и Лена...

Пишу из Ташкента, с пересыльного пункта. Людей здесь очень много, не успевают отправлять, так что здесь проживу дня два. Предписание получила, в Шинданд. Там расположена целая мотострелковая дивизия, и в одну из ее частей я еду. Не знаю, может, в Кабуле и переиграют. Знающие люди говорят, что место это неплохое, так не переживайте.

На пересыльном пункте женщин много, и все едут в Афган. Есть в возрасте, а есть и совсем молодые.

Едут за деньгами, за женихами и вообще неизвестно зачем. Про пересыльный писать много не буду, скажу в двух словах: это кошмар — удобств никаких, хорошо хоть не под открытым небом. Сегодня станет изве-

стно, полечу я завтра в Кабул или останусь еще на день. Извините за почерк, пишу на коленях. До свидания, целую вас всех, ждите письма уже из части».

11.X.85 г.

«Здравствуй, дорогие мама, папа, Юра и Лена.

С огромным приветом к вам я. Мамуля, пишу вам снова, потому что не знаю, получили ли вы первое письмо. Немного о себе. У меня пока все нормально, понемногу обживаюсь на новом месте. Медпункт здесь отличный, в три раза лучше, чем в Харитонове единственно плохо — я здесь одна женщина военнослужащая. Женщин здесь около 20, и все работают в основном в сфере обслуги. Питаться хожу в столовую, кормят неплохо, а иногда питаюсь дома. В том письме я писала, что живу с двумя девушками, они работают официантками в столовой, есть телевизор, плитка, чайник, уют. С водой туговато, но, как говорят, человек ко всему привыкает. Так что мамочка, не переживай за меня, дай Бог, все будет хорошо. Береги себя. Соки, вода минеральная, отличный чай — всего у нас в достаточном количестве. Деньги тебе смогу послать только в конце октября. В магазине здесь ничего такого нет — все можно купить и дома. В основном вещи хорошие в дуканах, но это опасно. Мама, пишите почаще, письма идут очень долго, где-то дней 14. Почту здесь ждут с нетерпением. Очень уже тоскуем по дому. На этом послание заканчиваю. Целую, буду ждать встречи. Вернее, надеяться, что она состоится».

23.X.85

«Здравствуй, дорогая мамочка.

С сердечным приветом твоя дочь. Мамуля, пишу тебе снова, хотя не знаю, получила ли ты мои предыдущие письма, потому что я не получила еще ни одного. В последнем письме тебе писала, что нахожусь на специализации в Шиндане. В часть поеду 2 ноября. У меня пока все нормально, только очень скучаю. Все время вижу тебя во сне, и почему-то ты все время недовольна мной. Мамуля, я живу только одной мыслью: поскорей бы отпуск. Напиши, когда

ты хочешь пойти в отпуск, может, я подгадаю. Мама, напиши, какой размер носишь, потому что здесь можно кое-что взять, какой размер папа носит, здесь бывают отличные спортивные костюмы. Ты знаешь, мама, здесь от безделья одуреть можно, особенно вечером. Все девчата вяжут, здесь в дуканах хорошая шерсть, я, наверное, перед отпуском возьму. Здесь надо чем-то заниматься, некоторым здесь нравится, остаются на третий год, но я, честно, будь возможность, хоть сейчас удрала бы. Все говорят, что это только поначалу, а потом втягиваешься, человек ко всему привыкает.

Только здесь я поняла, как мы должны ценить друг друга. А ведь, кроме близких, тебе никто не поможет, я в этом убедилась. Каждый старается только для себя. Сможешь постоять за — себя хорошо, а нет — обижайся только на себя. Скоро праздник, а здесь это не чувствуется. Ну ладно, писанину кончаю, До свидания, целую всех и жду писем. *Нина...*».

18.XI.85 г.

«Здравствуй, дорогой папа. Получила от тебя письмо, за которое большое спасибо, а то я уже стала волноваться. У меня пока все нормально, никаких изменений. Почти все время провожу в медпункте, потому что без работы здесь со скуки помрешь, а так идет быстрее время. Уже понемногу начинаю привыкать к жизни. Работаю баклаборантом, прошла специализацию и теперь сижу в лаборатории, работа мне нравится. Коллектив неплохой, ко мне относятся хорошо: все-таки единственная женщина. Папа, я узнала, что Юра Франтовский служит в этом же полку, только он стоит на точке, скоро увидимся. Папа, ты извини, что письмо короткое, написать хочется многое, о многом рассказать, но нельзя. Ты меня понимаешь, ведь ты — кадровый офицер. Погода стоит теплая. Один раз прошел дождь, здесь это большая редкость. До свидания. Целую. *Нина*».

В этот же день Нина написала письмо и маме, по содержанию оно мало чем отличается от первого (для папы), но только в каждой строчке нежность, любовь к маме и такая тоска по дому.

21.XI.85 г.

«Здравствуй, моя дорогая мамулечка!

Получила твое письмо и сразу даю ответ. Очень рада, что у вас дома все хорошо, что здоровье у тебя более-менее. У меня все нормально, жива-здоровая. Правда, проклинаю и то, что приехала сюда, и то, что осталась в армии. Здесь, мама, такие порядки, что в голове не укладываются, я бы с удовольствием все написала, но нельзя, письма вскрывают. Погода холодная, и я жалею, что не взяла теплых вещей. Правда, получила теплый бушлат, а вот теплых нет. Но ничего, здесь зима короткая, да и ходить некуда. От работы до дома 100 метров. Мамулечка, милая, если даст Бог нам встретиться, заживем мы с тобой, как раньше не жили. И не станешь ты больше вязать день и ночь. До свидания. Целую тебя, моя добренькая и любименькая мамочка. Жду писем».

Последнее письмо родители получили 3 декабря 1985 года, когда на руках уже имели этот документ:

«Уважаемые Юрий Алексеевич и Анастасия Харитоновна! С глубоким прискорбием сообщаем, что ваша дочь КАПУСТИНА Нина Владимировна умерла 22 ноября 1985 года.

Тяжелая, невосполнимая утрата, боль и горе постигли вас, вместе с вами глубоко скорбим и мы, командиры, сослуживцы, друзья и товарищи вашей дочери.

Ваша дочь Капустина Нина Владимировна прожила яркую жизнь. Обязанности выполняла честно и добросовестно. Пройдут года, но никогда не сотрется в нашей памяти имя вашей дочери.

Командование, партийная и комсомольская организации, личный состав части приносят вам искреннее соболезнование...».

Если вникнуть в суть работы медицинских сестер, врачей, хирургов медсанбатов и госпиталей, слова «прожила» или «прожил яркую жизнь» не кажутся надуманными. По их же признанию, одинаково тяжело было провожать «Черные тюльпаны» и выписавшихся ребят — с такими болячками и травмами, которые напоят о себе через многие годы.

Низкий поклон персоналу медсанбатов. Выше половины первично раненных (непосредственно с поля боя) поступали сюда. Военврачи в составе подразделений не только находились на передовых позициях, но и участвовали в боях, чтобы тут же оказать помощь. Профессиональное мастерство, пусть и вынужденно, но росло очень быстро.

В медицинской науке есть формулировка: «Ранение, не совместимое с жизнью». Военные врачи в Афганистане выживание таких раненных увеличивали на 30%!

Не определить, чей вклад больше, — опытного хирурга, сестры или фармацевта: они находились в едином строю, делали одно дело. Даже терапевту там забот хватало: они лечили сотрясение мозга, перегревание, переохлаждение, ушибы, тепловые удары, насморк — все, что угодно.

А уж таких, кто бы ни давал свою кровь, не сыскать ни в одном медсанбате. Дают раз в два месяца и даже чаще. Когда привезут раненого, все сюда: какая кровь нужна?

Даже отъявленные головорезы на медсанбаты нападали редко, ценили героический труд врачей, лечивших, кстати, при случае и местных жителей, и самих моджахедов.

Полевая кухня.

БОГАТЫРЕВИЧ ОЛЕГ АРСЕНТЬЕВИЧ

30.VI.65 — 24.XI.85

Родился в городе Пикалево Ленинградской области. Русский. Рабочий. Образование среднее профессиональное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, механик-водитель МТ—ЛБ (в/ч 83255).

Родители: Богатыревич Арсентий Васильевич, Александра Ивановна.

По окончании неполной средней школы Олег поступил в Тихвинское училище, где получил профессию электромонтера. Среди юношей был чемпионом Ленинградской области по самбо в весовой категории до 52 кг.

Работал в Производственном объединении «Кировский завод» электромонтером, крановщиком и сварщиком.

Закончил с отличием Тихвинскую техническую школу (при ДОСААФ) в 1984 году, получил военную специальность.

19 апреля 1984-го призван в Вооруженные Силы СССР Бокситогорским ОГВК, направлен в г. Термез.

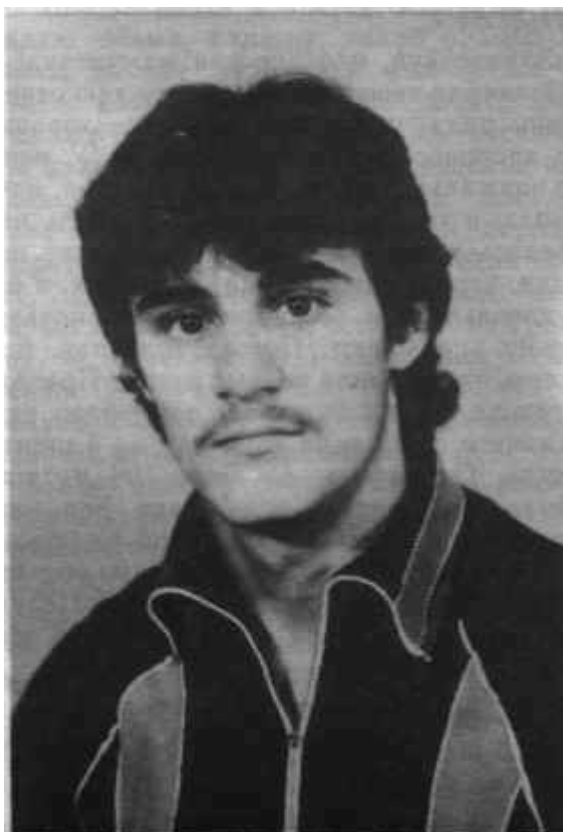
2 октября 1984 года — Афганистан, войска ПВО в Шинданде. Неоднократно принимал участие в боевых операциях.

Погиб 24 ноября.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР, медалью «За отвагу».

Похоронен в деревне Чудцы Бокситогорского района.

Дома хранятся личные вещи, документы, письма сына и шарф, который он в 14 лет связал и подарил маме...

Вот что рассказали Александре Ивановне и Арсентию Васильевичу друзья сына:

«Сегодня можно услышать: мол, молодежь нынче не та. Неправда. Наши ребята не хуже тех, на примере которых учились, воспитывались, готовились к службе в армии. И в сложных условиях Афганистана показывали образцы мужества, повторяли подвиги, которые были совершены их дедом в годы Великой Отечественной.

Вот у нас двое солдат из роты, в которой служил Олег, вышли за территорию части. Одного из них душманы убили. Забрать его в часть было невозможно, так как это место постоянно простреливалось. Так Олег ночью на своем тягаче сумел подъехать к убитому и, рискуя жизнью, доставил тело бойца на нашу территорию.

Так и служили мы, защищая, спасая других, не думая о себе...»

Александра Ивановна получила письмо от незнакомой женщины. Та писала, что адрес Олега она нашла в записной книжке своего сына. Он договорился с Олегом о встрече в 1986 году в определенный день на Московском вокзале. Но ее сын приехать не сможет, он убит. Она очень просит приехать к ней Олега, берется оплатить ему дорогу, чтобы он хоть что-нибудь рассказал ей о сыне. Не знала женщина того, что горе у них с Александрой Ивановной общее.

«Подразделение, в котором служил Богатыревич О. А., совершало марш в горах и попало под артиллерийский и пулеметный огонь. Олег Арсентьевич, проявив мужество, смелость и отвагу, вместе с товарищами

спас жизнь людей с подбитой машины. Сам был смертельно ранен».*

Хороший был сын у Арсентия Васильевича и Александры Ивановны, как говорят, Человек с большой буквы. В нем было столько отзывчивости, доброты. Трудолюбие ему прививали и дедушка с бабушкой, у которых гостил каждое лето. С 15 лет косил сено, метал стога, убирал навоз, носил воду, полон, копал, обрабатывал картошку — в общем, все делал, как хозяин. Не испорчен был юноша ни роскошью, ни богатством. Ничего Олег не выбивал у родителей (технику, наряды). Наоборот, отмахивался: «Все после армии приобрету».

Олег, как и отец, — и стоговать, и постирать, и ушить брюки — все делал сам и говорил, что у него такие же руки, как у отца, а сил еще больше: у него есть справка об этом (имел в виду грамоту по самбо). И все у него всегда делалось легко и быстро, просто любо-дорого. Какое счастье иметь такого сына!

«...Нам завидовали, — вспоминала мама, — и спрашивали, как мы воспитываем сына. А Олег сам по себе такой. Не знаю, как это получалось. Знаю, что много общалась с ним как с равным себе. Сама собой установилась тесная связь с самого детства. Когда он был совсем маленьким, пойдем, бывало, гулять в поле — я ему нараспев:

«С маленьким сыном ходила гулять
И все время ему говорила:
Не срывай полевые цветочки, сынок,
В них красота, доброта и сила».

Олег не трогал ни кошек, ни собак. Не грубил ни в детстве, ни потом.

Провожая в армию, просила, чтобы только не в Афганистан, и услышала в ответ: «Какая ты, мама, вот тебе не хочется, чтобы меня туда послали, а какая мать хочет этого, но ведь там кому-то служить надо». Я ему: «Сынок, рада за твое понятие, но все равно — не дай Бог!».

Соседям из своего подъезда, которые провожали, сказал: «Ждите, скоро приду, всего-то два года... Свой подъезд не подведу».

* Данные Бокситогорского горвоенкомата.

О. Богатыревич, механик-водитель МТ-ЛБ. В горах Афганистана. 1985 год.

Так и проводили паренька. Из армии писал, что у него все отлично, ничего страшного нет, живут одной семьей. Родителей просил помогать бабушке, а тяжелую работу на даче чтоб ему оставляли.

Олегу никогда не изменяло чувство юмора. Даже узнав, что его отправляют в Афганистан, шутил: «Я решил съездить в ДРА, пока есть путевки, все-таки за граница».

Писал солдат, что он уже почти дома, ведь прослужил 1 год и 7 месяцев. Когда приходили весточки, родные читали их в день по нескольку раз, как пишет мама: «То я первая, потом отец, потом опять я — и так каждое. И каждое письмо меня омолаживало, бывало, все песни перепою от радости, что сын скоро вернется, У него все хорошо».

А сын не вернулся, и нам осталось мучительное существование. А теперь я опустошенная, распласталась бы по лестнице, где бегал сынок, чтоб никто не видел. Со слезами, уткнувшись в почтовый ящик,

стою и плачу, что не дожусь письма никогда. Выхожу на улицу вечером одна, гляжу на небо, ищу среди звезд сына, рассказываю, как живем без него, какое число... Ночью прошу, чтоб приснился и пришел ко мне хоть на минуточку. В общем, устала жить. Сейчас и песен не пою, а если пою, то свою собственную, со слезами: «Провожала сыночка и не думала я, что навечно уходит мой сынок от меня. О, мой милый ребенок, мой сынок дорогой, тебе жить бы да жить, ты такой молодой.

Ты писал, что уж скоро приедешь домой, и доволен был службой, хоть и трудной такой. Я от радости пела, прочитав письмо, и ждала, и мечтала: будет все хорошо.

Но домой не вернулся мой любимый сынок, не вернулся родной мой — так хотел и не смог. И осталась я в горе свою жизнь доживать. Мне сыночка родного никогда не дождать.

О, мой милый ребенок, мой сынок дорогой, тебе жить бы да жить, ты такой молодой».

Сейчас-то мы знаем, каким был 1985 год, какие потери несла наша армия, сколько больных, израненных физически и психоло-

О. Богатыревич с другом. Родители, к сожалению, не знают его имени и просят откликнуться.

гически, мальчиков живет в нашем краю. А война и сегодня опоясала все южные рубежи страны. Сколько горя, слез, крови! Господи, умири, успокой души людские. Помогите нам, Господи. Плохо без сына. Очень плохо. Извините, что так много написала. С уважением к вам родители Олега Богатыревича, осиротевшие, без сына с 24 ноября 1985 года».

В 1985 году в Советском Союзе началась волна т. н. «перестройки». Люди надеялись, что все идет к лучшему... А в Афганистане?

Министр обороны ДРА генерал-лейтенант Назар Мухаммед в начале декабря 1985 года подвел боевые итоги 1364 года (Новый год по календарю солнечной хиджры — с 21 марта 1985 г.) и отметил успешные операции в ущелье Панджшер, в провинциях Пактия, Балх, Кунар, Герат, Нангархар.

Но, к сожалению, правительство ДРА не только не закрепляло результаты боевой деятельности 40-й Армии и афганской армии, но и не стремилось этого сделать. По образному выражению

генерал-полковника Б. Громова: «Именно в это время многие стали задумываться о том, что мы напрасно таскаем раскаленные каштаны из огня».*

Благодаря комплексу принятых мер, этого года пошло постепенное снижение боевых потерь личного состава. Были налажены контакты с душманами по сути — переговоры, и это позволило военачальникам познавать психологию, традиции, нравы, симпатии и антипатии в данный момент, в данном вооруженном формировании моджахедов. Однако боевые действия шли в плановом порядке, а кризис власти, который возглавлял Бабрак Кармаль, углублялся с каждым днем.

* Б. В. Громов. «Ограниченный контингент», 1994 г., стр. 245.

яма»). Эта база строилась в течение нескольких лет по всем правилам современной фортификационной науки. Она была расположена в горном массиве вблизи госграницы и считалась неприступной. Фактически Джавара являлась олицетворением могущества всех сил оппозиции на юго-востоке.

Успешно была проведена операция западнее Герата, включая базу-арсенал Какари-Шашари, расположенную у границы с Ираном. После разгрома оппозиции в этом районе отмечался процесс перехода некоторых мятежных отрядов на сторону государственной власти.

Кстати, генерал армии В. И. Варенников так характеризовал базу Джавара: «Про штурм Измаила знают, кажется, все. Кое-что слышали и про «линию Мажино». Эти укрепления считались неприступными. Допустимо ли сравнивать их с базой Джавара? Но то, что сама база и оборона вокруг нее построены по последнему слову науки и техники и считались западными да и восточными спецами неприступными, — это неоспоримый факт».*

Нашим славным воинам умения решать боевые задачи в сложных условиях обстановки не занимать! К сожалению, советским офицерам сержантам и солдатам не хватало информации о мусульманском мире, о его традициях и т. п. Мы столкнулись с тем, что не укладывалось в голову, когда многими отрядами моджахедов командовали муллы. Разве можно было вести Афганистан к социализму с муллами?! Но советские воины честно выполняли свой долг, не щадили своей жизни ради того, чтобы как-то помочь афганскому народу.

В 1986 году с целью дать ход политическому решению афганской проблемы советское прави-

тельство приняло решение вывести осенью из ДРА шесть боевых полков (один танковый, два мотострелковых и три зенитных).

Генерал-полковник Г. А. Стефановский в своей книге «Пламя афганской войны» так оценил это событие: «Восемь тысяч человек, составлявших группировку, прошли сотни километров войны без единой жертвы, даже не потеряли ни одной единицы техники. За весь период душманы лишь однажды выстрелили в нашу сторону, но все завершилось небольшими отметками осколков снаряда на броне бэтээра».*

Свидетельства очевидцев. Командир в/ч 85615 А. И. Федченко по памяти восстанавливал факты участия своего реактивного дивизиона в боевых действиях в 1986 году. Если проследить по карте, где дивизиону приходилось участвовать в боях с моджахедами, то нетрудно заметить, что вооруженная борьба шла во многих провинциях.

Итак, январь—февраль: после участия в боевых действиях в районе Чарикара (провинция Парван) дивизион был переброшен в провинцию Нангархар — сначала в район Джелалабада, затем к Хайберскому перевалу.

Март: действия в районе Джабаль—Уссарадж (провинция Парван);

апрель: в провинции Пакт и я;

май—июнь: в провинциях Кундуз, Тохар и Бадахшан;

август—сентябрь — снова в провинции Нангархар;

ноябрь—декабрь: в районе Гардеза (провинция Пактия). Словом, из района Кабула к пакистанской границе, затем — в северные провинции и опять на юг.

* В. И. Варенников. «Судьбы и совесть», 1993 г., стр. 46.

* Г. А. Стефановский. «Пламя афганской войны», 1993 г., стр. 66.

Слева: возложение венков в районе расположения штаба 40-й Армии (южная окраина Кабула). Впереди слева направо: Наджибулла, премьер-министр ДРА С. А. Кештманд.

Справа: президент Афганистана Наджибулла, премьер-министр С. А. Кештманд, посол СССР в Афганистане П. П. Можаяев в расположении штаба 40-й Армии (дворец Топайи-Таджбек).

Слева: база материально-технических средств в районе Пули-Хумри. Справа: погрузка муки.

Для полноты представления о происходившем предлагаем выдержки из дневника старшего лейтенанта Юрия Головнева, чудом сохранившегося после смерти автора.

«8 июня—14 июня 1986 г.

Построив перед обелиском Славы подразделения, убывающие на боевые действия, командир полка довел оперативную обстановку, ознакомил с предстоящей задачей и отдал приказ: «Вы поведете колонны советских и афганских машин с продовольствием на Файзабад, который длительное время был отрезан душманами. Возможно, вас будут встречать цветами... Счастливо вам всем вернуться... По машинам!».

Под звуки полкового оркестра колонна направилась к перевалу Саланг. Сначала на пути — Чарикар, центр провинции Парван. Этот город представлял собой большой, широко разбросанный, окруженный каменными скалами и обширной «зеленкой» населенный пункт, насчитывающий около 100 тыс. населения. Центральная улица сплошь усеяна всевозможными магазинами и народом, всюду слышался непрерывный гомон и сигналы машин.

Дорога к перевалу Саланг пролегла в основном среди живописных скал, нависающих гигантскими шапками над шоссе. На дороге повсюду виднелись следы боев: выбоины в шоссейном полотне, маслянистые и горелые пятна соляры, подорванные и сожженные машины на обочине... и обелиски вдоль проезжей части, простые и строгие, на месте гибели советских солдат и офицеров, в виде вздымающихся к небу обрубок

топливопроводных труб, крупных осколков авиабомб, комендантских шлемов и жезлов на каменных плитах и просто каменных глыб с выбитыми на них фамилиями...

В 1986 году потери наших войск в Афганистане составили 1333 человека, в том числе из Ленинградской области — 9.

Северная сторона перевала Саланг. Фото с верхнего яруса серпантина.

1. Дуев Николай Николаевич — капитан,* умер 4 марта.
2. Севальнев Олег Витальевич — капитан, погиб 18 марта.
3. Эйнорис Виктор Брониславович — рядовой, погиб 29 марта.
4. Богданов Сергей Вадимович — лейтенант, погиб 21 апреля.
5. Волков Алексей Борисович — рядовой, погиб 24 мая.
6. Яструбенко Николай Николаевич — ст. лейтенант, умер 6 июня.
7. Талеронко Александр Иванович — рядовой, умер 7 октября.
8. Ганжуров Игорь Алексеевич — рядовой, умер 2 ноября.
9. Мрачко Олег Юрьевич — рядовой, погиб 16 ноября.

ДУЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

7.X.52—4.III.86

Родился в городе Бокситогорске Ленинградской области. Русский. Образование высшее. Военнослужащий. Член КПСС. Женат. В Афганистане — капитан, командир автомобильного взвода (в/ч 26039).

Родители: Дуевы Николай Иванович, Екатерина Алексеевна.

В 1970 году окончил Бокситогорскую среднюю школу № 1. В 1975 г. получил диплом инженера-механика Ленинградского инженерно-строительного института по специальности «Автомобильный транспорт». Работал на химическом заводе в Новгороде.

С 1977 по 1983 год служил в Забайкальском военном округе.

В апреле 1984 года убыл в Афганистан. На перевале Саланг при сопровождении колонны отравился из-за большой загазованности тоннеля, без сознания доставлен в Кабульский госпиталь, где находился больше месяца. После госпиталя получил отпуск. Вернулся в Афганистан, но болезнь прогрессировала. Снова госпитализация. Домой вернулся инвалидом I группы.

4 марта 1986 года умер.

Похоронен в Бокситогорске.

Из письма учителей Бокситогорской средней школы № 1 М. Ф. Поповой и Е. Ф. Мазанкиной:

«Более 20 лет назад Дуев Николай был нашим учеником. Это личность хорошо за-

* Со слов родных Н. Н. Дуева звание майора Николаю Николаевичу было присвоено посмертно. Документы, подтверждающие этот факт, хранятся в семейном архиве жены Н. Н. Дуева (авт.).

поминающаяся, незабываемая. Серьезный, ответственный юноша, учился хорошо, ровно. Немногословные, но очень убедительные логикой изложения и глубокого содержания его сочинения по литературе, устные ответы с интересом слушали товарищи и учителя.

Мальчишки в классе очень были дружные, активные, способные к самоорганизации. Самостоятельно готовили программы

к школьным вечерам, КВН, популярные в то время настолько, что помнятся до сих пор. Их команда неизменно выходила победительницей в этих соревнованиях, в чем заслуга в первую очередь Коли — он и ведущий, и автор сценария, и музыкальный оформитель. Их класс составлял костяк школьного мужского хора, который стал победителем областного смотра художественной самодеятельности. Умели ребята занять себя, хорошо работали и на уроках. И среди них — ярких, живых — очень выделялся НИКОЛАЙ ДУЕВ. Скромный, трудолюбивый, добрый человек. От него веяло крепкой силой, выдержкой, надежностью.

Очень жаль, что его уже нет с нами.

Из рассказа Екатерины Алексеевны, мамы:

«Сама три класса в войну окончила, папа рано умер, мать нас четверых растила без отца. Жизнь тяжелая. 10 лет отработала на железной дороге, еще 30 — на заводе. Колечка хотел в мореходку поступить, сам кораблики собирал. А, повзрослев, поступил в инженерно-строительный институт. Учила сына с трудом, батяка да я так мало получали, а в семье-то пять человек: дочка, сын, бабушка да нас двое. Господи, дам, бывало, Коленьке немного денег, стипендия его — 40 рублей, а ведь Ленинград город большой, везде деньги нужны — и за общежитие, и за проезд. С этих же копеек нам еще умудрялся и гостинцев привезти. Учился хорошо. Получил диплом, работать начал. С первой полочки сестре Тане часы купил и мне тоже. Но судьба не привела его жить долго. На кладбище хожу, кругом цветов-то насажено, да и свои, живые, ношу, пока в огорожке растут — сажаю их для сыночка своего. Его дружки всегда приходят на могилку. Домой ко мне заходят Володя Данилов, Валера Труфанов, рассказывают: «Тетя Катя! Мы к Коле ходили».

Иногда соберемся вместе, включаем магнитофон и слушаем его песни (он стихи писал, музыку сочинял), слушаем Коленьку, будто с живым говорим. Такой умница был. Соседи говорят: «Уж такого, как Коля ваш, поискать надо!». И вот его нет.

В «Вестях» список бокситогорских «афганцев» прочитала, всю газету слезами облила. Сейчас храню ее — там имя моего сыночка. Письма его не сохранились, он в них ничего о войне и не писал. Только сообщил, что лежал в госпитале после какого-то туннеля.

Когда его в Афганистан посылали, сказала ему, чтоб не ехал, ведь не кадровый военный, учила-то его в гражданском институте, за свои деньги. А он мне: «Как же, мама, пошлют и поеду». Вот так. Детей учила, растила. Где бы радость была, да радость потухла — мальчиков незащищенных мы потеряли, их-то, наших детушек, в сырую землю уложили. Моего тоже. А сегодня идет война в Чечне...

Посылаем на память магнитофонную пленку с войны с записью живого голоса нашего сына, а также его стихи, может, какое и напечатаете. До свидания. С уважением семья Дуевых, 20 февраля 1995 г.»

НАША ЖИЗНЬ

Жизнь наша — бурное море,
В нем страсти бушуют и нет им конца.
Сегодня постигло тебя, может, горе,
А завтра успех шлет гонца.

Кто-то сорвался в пучину,
А кто-то поднялся на гребень волны.
Кому-то судьба шлет кручину,
Кому-то улыбки весны.
Вечное небо и бурное море,
Останется наша земля.
Останется радость и горе —
Все вечно, не вечен лишь я.

Н. Дуев.

**СЕВАЛЬНЕВ
ОЛЕГ ВИТАЛЬЕВИЧ**

12.V.58—18.III.86

Родился в городе Риге. Русский. Образование высшее. Женат. Член КПСС. В Афганистане — капитан, командир мотострелкового батальона (в/ч 43151).

Мать: Севальнева Людмила Степановна.

С 1965 года Олег — ученик Ивангородской восьмилетней школы, затем — Ленинградского Суворовского военного училища.

В 1979 г. окончил Благовещенское Дальневосточное высшее военное командное училище им. К. К. Рокоссовского, получив диплом с отличием. Специальность — командир стрелкового взвода.

С 1979 по 1981 г. в Группе Советских войск в ГДР — старший лейтенант. Пять лет службы на офицерских должностях в Уральском военном округе.

В сентябре 1985 добровольно уехал в Афганистан, служил в районе г. Газни. В декабре награжден орденом Красной Звезды.

18 марта 1986 года погиб, выполняя боевое задание.

Посмертно награжден орденом Боевого Красного Знамени, знаком «Воину-интернационалисту» и медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа».

Похоронен на городском кладбище в Ивангороде.

Об Олеге Витальевиче помнят ивангородцы. Его имя на фронтоне школы, где он учился, в Суворовском училище, в уголке Боевой Славы школы № 1 г. Кингисеппа ему посвящены выставки.

Хранят светлую память о нем Лариса Николаевна Мазурова (вдова) и его дочь Юлия Олеговна, студентка Амурского университета юридического факультета (г. Благовещенск).

Из письма мамы, Людмилы Степановны Севальневой:

«Мой сын учился хорошо, его фотографии были всегда на Доске почета, получал похвальные листы. Учителя отмечали его способности к иностранным языкам. Увлечения — разносторонние: любил органную музыку, писал стихи, знал неплохо немецкий, занимался резьбой по дереву. Физически сын был развит. Рост — 190. Занимал призовые места по стрельбе из пистолета. Мечта его с детства — стать военным, служить Родине.

Незабываемым в жизни сына остался выпускной день в Благовещенском высшем командном училище, когда в парадной форме он стоял на плацу. Играл военный ор-

кестр. Здесь сын получил диплом и звание лейтенанта.

С Олежкой мы просто дружили. О внимании ко мне и говорить не приходится. С детства и до последнего времени дарил мне цветы.

Мой сын был удивительно ласковым и внимательным, замечательным человеком, офицером по призванию, беззаветно любящим своих солдат. В меру строг, в меру добр — такой, каким должен быть командир. Его подчиненные говорили о нем с уважением: «Он нас чувствовал, защищал, когда необходимо, особенно молодых солдат, новичков. Оберегал, учил, как вести себя в бою. Бесконечно был влюблен в свою военную профессию, и мы платили ему своей любовью».

Мемориальная доска на здании Ивангородской школы с именем командира мотострелкового батальона О. В. Севальнева.

Памятник из серого гранита с именем погибшего в ДРА О. В. Севальнева.

Ко мне и сейчас приезжают эти мальчишки: русские, немцы, эстонцы. В Афганистане Олег служил 6 месяцев. Любое письмо, откуда бы ни писал, начиналось со слов: «Здравствуй, моя родная, моя любимая мамулька!» Заканчивал письмо так: «Целую, обнимаю, твой сын *Алька*».

У меня есть внучка Юленька, его дочь. Все время навещает меня, хотя с мамой живет далеко — на Дальнем Востоке. С ними у меня самые нежные отношения.

Сейчас я живу одна, недавно перенесла операцию на глазах, но приходится жить...

Тяжело писать, но так уж складывается жизнь: мы потеряли самое дорогое — наших детей.

Дома храню все письма, фотографии, награды сына.

Особенно мне дорога надпись на одной из фотографий:

«Ты этот год встречаешь без меня,
Когда б понять ты до конца сумела,
Когда бы знала ты, как я люблю тебя,
Ко мне бы ты на крыльях прилетела».

Посылаю свадебную фотографию, на ней мой сын с другом. Оба они погибли в Афганистане. Горе у нас общее.

До свидания, с уважением *Л. С.*

Газетной строкой:

«...В середине декабря 1985 года разведывательная группа под командованием старшего лейтенанта Севальнева высадилась в горах и попала в окружение. Помощи ждать было неоткуда. Группа заняла круговую оборону на вершине горы и приняла нелегкий бой. Двадцать десантников против 250 душманов! 13 часов продолжался бой, трижды мятежники атаковали вершину, подбираясь к позициям разведчиков на бросок гранаты. В критический момент, когда казалось, что оборону вот-вот сомнут, старший лейтенант взял из рук убитого пулемет, встал во весь рост из-за камней и в упор открыл огонь по мятежникам, приготовившимся к последнему броску. И решающую атаку отбили. С рассветом подошла помощь, душманы отступили.

За умелое руководство боем и личный героизм О. Севальнев награжден орденом Красной Звезды. Награда заслуженная. Севальнев О. В. умело провел сложную операцию, сохранив солдат: ни один из них не погиб».

О последнем бое своего друга О. В. Севальнева рассказали В. В. Волон, заместитель командира по политчасти, К. М. Таривердиев, старший лейтенант: «18 марта 1986 года батальон капитана О. В. Севальнева получил приказ уничтожить банду в

крепости на окраине кишлака и захватить в плен инструкторов, обучающих мятежников контрреволюционной борьбе. Олег двигался на головной машине, расчищая путь к крепости. Выброшенный с вертолета десант атаковал крепость, но, попав под сильный огонь укрывшихся за толстой стеной бандитов, вынужден был залечь. Атака захлебнулась, а время очень дорого. Поняв это, Севальнев снял свой взвод с боевых машин и, обойдя крепость, напал с другой стороны. Душманы пытались помешать, но поздно. Капитан Севальнев и несколько солдат ворвались в гарнизон. Там и погиб Олег, сраженный выстрелом в спину притаившимся бандитом. Последнее слово, которое смог вымолвить: «Мамочка!».

Решением комсомольского собрания роты боевую машину 130, на которой воевал О. В. Севальнев, назвали его именем. На башне ее изображен орден Красного Знамени, которым посмертно награжден Олег Витальевич, и надпись: «Имени капитана Севальнева». Служить на ней доверяется лучшим из лучших. А солдаты, удостоившиеся этой чести, неоднократно доказывали в бою, что они верны памяти прежнего командира машины, известного не только в части, но и душманам.

40 дней никому не позволялось занимать койку капитана. Такой обычай, такова традиция».

* * *

«Когда в казарму армии особой
Тебя введут, смущенный новичок,
Ты эту койку, походя, не трогай,
У этой койки свой особый срок.
К ней сорок дней никто не прикаснется.
И поперек простынки номерной
Горячей лентой наша память льется
О том, кто нас навек прикрыл собой.
И сорок дней уральские Сереги
И смуглые ребята из Хивы
Улыбку оставляют на пороге
И здесь не поднимают головы.
И сорок дней, как кровь его живая,
Та лента поперечная горит.
И сорок дней мы молимся, не зная
Ни строчки из отеческих молитв».

*Ю. Лощиц **

* «Звезда над Кабулом». М., «Молодая гвардия», 1990. С. 141, 142.

ЭЙНОРИС ВИКТОР БРОНИСЛАВОВИЧ

1.IV.67—29.III.86

Родился в поселке Ивановское Кировского района Ленинградской области. Литовец. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, разведчик-гранатометчик (в/ч 35651).

Родители: Эйнорис Бронислав Иванович, Эйнорене Татьяна Никеевна.

С 1974 по 1984 год учился в Отрадненской средней школе № 1, затем в СПТУ № 206.

Практику проходил на заводе «Пелла». Поработать по специальности не успел.

15 мая 1985 г. призван в Вооруженные Силы СССР Кировским ОГВ К Ленинградской области. Служил в воздушно-десантных войсках. Учебную подготовку проходил в г. Чирчик.

Службу в Афганистане начал 1 ноября 1985 года.

Погиб в бою 29 марта 1986 года.

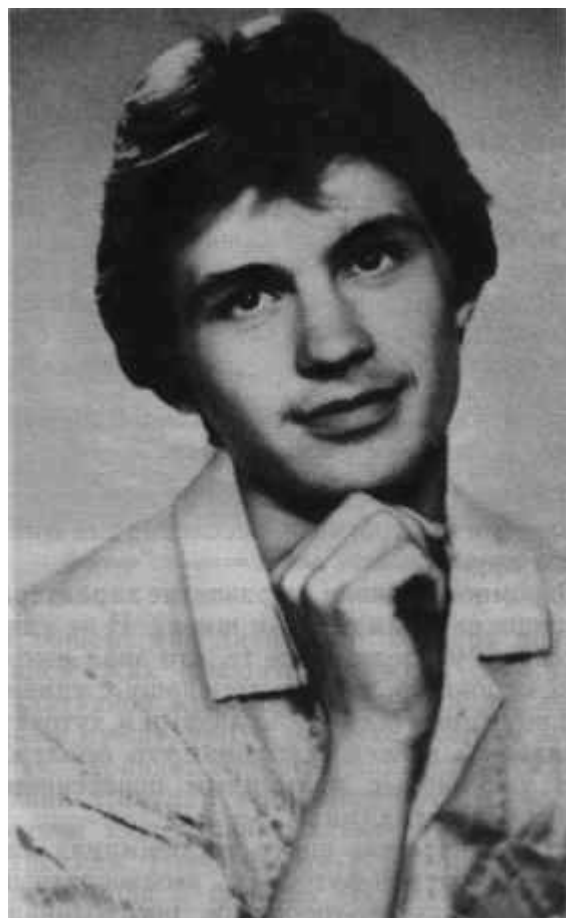
Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), двумя памятными медалями, Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту». Все награды Виктора Брониславовича переданы родителям.

Похоронен на гражданском кладбище г. Отрадное.

В 1-й Отрадненской школе на стенде портрет Вити, его по-прежнему помнят и любят. Друзья сыновьям дают имя Виктор в память о нем. Заводчане «Пеллы» сделали оградку из десяти красных звезд. Не забывают они родителей Виктора. Часто у мраморного памятника жители Отрадного видят девушку из города Никольское. Принесет цветы, упадет на могилку — и плачет.

Каждый год в Кировском районе разыгрывается кубок Виктора Эйнориса по футболу, учрежденный советом физкультуры завода «Пелла». На стадионе матчопропиточного завода г. Отрадное собираются футбольные команды из поселков Мга, Жихарево, из города Никольское, из Санкт-Петербурга, Колпинского района, города Сосновый Бор и других мест Ленинградской области.

Бронислав Иванович и Татьяна Никеевна передали в Книгу открытки от Алеши За-

лесова, закадычного друга Вити, который стал вторым сыном для них, передали и письма сына, его друзей.

(Письма друзей даны в сокращении — авт.).

«Здравствуй, Витя!

Только что получил твое письмо и спешу ответить. Очень рад, что у тебя все хорошо. Не удивляйся, что пишу на открытке. Она обычная, но на ней Ленинград. Мне как-то прислали набор «Летний сад», когда служил. Витя, я так был рад. И не только я — все ленинградцы, когда их смотрели. Думаю, тебе тоже приятно посмотреть на родные силуэты и вспомнить о родном городе, который ждет тебя.

Недавно в Отрадном видел твою маму, поговорили с ней. Еще видел Лешку Залесова. Говорит, что этой осенью, наверное, заберут в армию, а пока бегаёт, играет в футбол (за 5 команд!). Все по-старому в

Отрадном. У меня тоже все о'кей. Сейчас на практике на «Ижорском заводе». Неделю отработал, потом неделю в совхоз, убирали морковь и капусту. Пиши. Служи и помни: тебя здесь ждут. *Валера*».

Как-то Валерий сказал: «Каждый раз, когда я прихожу на стадион, так защемит сердце. Сразу вспоминаю своего друга Виктора, сверстников, наше детство, охваченное футболом. Для Виктора футбол был планетой радости, да и для нас также...».

Учительница истории Галина Владимировна Афанасьева вспоминает:

«Десять лет в 1-й Отраденской школе пролетели быстро, но не бесследно для Вити и его друзей.

Огромное влияние на развитие характера Виктора оказали семья и школа. И не удивительно, учителя и все те, кто знал высокого, стройного, скромного юношу с удивительно выразительными глазами и чуточку печальным взглядом, помнят его прилежным учеником с примерным поведением, хорошими оценками.

Витя — участник школьных олимпиад, заядлый спортсмен-футболист, неоднократный призер, участник городских, республиканских, всесоюзных спортивных состязаний.

Футбол! Какую огромную роль играет он в жизни мальчишек. Для Виктора — это не только игра, это — радость. В дни «Большого футбола» он цепенел от восторга. Простых игроков превращал в своих кумиров. Фильмы, открытки, вырезки из газет о футболе существовали только для него. Славные имена игроков становились легендой.

Сколько историй он мог рассказать о них! Команда — на команду, двор — на двор. Радость игрокам, досада родителям — обуви не напастись...».

Предлагаем читателям бесхитростные письма потрясающей простоты и откровенности рядового В. Б. Эйнориса друзьям, родителям.

«Здравствуйтесь, мои дорогие родители, папа и мама, сестра Лена. Пишет вам воин Вооруженных Сил СССР — Витя. Расскажу вкратце, что здесь творится и куда я попал. Попал в учебку воздушно-десантных

войск (ВДВ). Находится она под Ташкентом. Сержанты хорошие все, в основном отслужили по полгода. Каждое утро — зарядка, бегаем, занимаемся в спортгородке. Немного устаю, но ничего — привыкну. Кормят хорошо, получаем двойную порцию масла (утром и вечером). Пока интересно, не знаю, что будет дальше.

В одной роте со мной служит ленинградец, из тех, с кем сюда ехали.

Скоро на вечернюю поверку — и отбой, так что тороплюсь. До свидания. Целую всех. *Витя*. 27.5.85 г.».

«Здравствуйтесь, мои дорогие родители, папа, мама и сестренка Лена. Извините, что так долго не писал. На этой неделе совершил два прыжка. Первый — без автомата, второй с автоматом. Чувство непередаваемое — паришь в воздухе, как птица в полете. Прыгал с расстояния восьмьсот метров. Внизу все кажется таким маленьким, видишь, как приземляются ребята, — интересно. После прыжка шли пешком часа четыре с половиной, пришли усталые. Поели и, как только прислонились к койкам, моментом заснули. Жду ответа. *Витя*. 21.7.85 г.».

Письмо от 22.09.85 г.:

«Здравствуйтесь, мои дорогие родители, папа, мама и сестренка Алена. С большим приветом к вам Витя. Только в четверг пришли с выхода (ходили в горы на три дня) и сегодня снова уходим в горы. Так что теперь напишу только, когда приду.

На том выходе сильно устали: как-никак три дня лазили по горам. В горах очень красиво, но, конечно, эту красоту замечаем, пока не устали. А потом уже ни на что не смотришь, а только ждешь, когда же привал. Были на высоте 2700 м. Кстати, с такой высоты очень хороший обзор, но Ленинграда, правда, не видно.

Первую ночь спали наверху. Вы, наверное, должны понять, какой сон на вершинах: дуют ветры, хоть мы и выбрали место потише. Надели на себя все, что попало: х/б, маскхалат, да еще шинель сверху, но все равно сильно замерзли. Единственное, днем под солнцем согрелись. На вторую ночь спустились с гор и спали в пионерлагере.

Начал курить, так уж это моя ошибка, тут ничего не поделаешь.

Сегодня получил от Валеры Фимичева письмо. Очень обрадовался: нашелся человек, который решил написать. А то здесь очень ждем писем из дома и от друзей. Но ничего не поделаешь, сам был таким, не заставить написать. А вот теперь пишу, хоть и немного и не так часто, но все же. Жду ответа! Целую всех! *Виктор*».

Письмо от 2.12.85 г.:

«Здравствуйте, мои дорогие родители, мама и папа, а также сестренка Алена. Попал я в первый Джелалабадский батальон специального назначения. Он располагается в нескольких километрах от Джелалабада. Меня зачислили в первую роту. И вот в данный момент (и почти всегда) ничего не делаю, а только строюсь, точнее, строю. Хотят, видать, сделать из нас строителей. Так что вы не переживайте: пули не свистят и душманов поблизости нет. Так что через полтора года приеду домой живой и здоровый, как сейчас. Пусть баба Таня не волнуется: каким ушел, таким и вернусь. Алена, если увидишь Валерку Фимичева, возьми у него домашний адрес, а то я его потерял. И Залесова Алексея.* Адрес высылайте, как только узнаете. Ну вот и все. Жду ответа!».

Афганистан. Письмо от 7.12.85 г.:

«Здравствуйте, мои дорогие родители, мама, папа и сестренка Алена. Получил ваше долгожданное письмо (вернее, сразу два): одно от тебя, мать, другое от отца. Большое спасибо. Особенно отцу — за первое письмо.

Я вам уже написал, куда попал и где конкретно нахожусь. Так что повторяться не стану. Сейчас в батальон должна приехать комиссия. Так что теперь и здесь наводим порядок, как и в Чирчике. Короче, не порядок наводим, а занимаемся ерундой — убираем разные камни и тому подобное. Но ничего, переживем и эту комиссию. Да, вот еще... Недавно ездили на концерт. Приезжал ансамбль военной песни.

* Письмо А. Залесова из госпиталя Витя не успел получить. Алеша написал: «Витек, оставайся всегда таким, каким я тебя знаю...».

Виктор с мамой перед уходом в армию.

В общем, мне лично этот концерт понравился. Как говорится, пожили два часа культурной жизнью. А так, в общем, здесь даже лучше, чем в Чирчике. Погода хорошая. Правда, сегодня идет дождь, а так тепло. Смотрим телевизор, читаем газеты, живем культурной жизнью и помаленьку строимся. Передавайте всем привет. Пишите чаще и больше. Целую всех много раз. Ваш сын *Витя*. ВДВ, спецназ! ДРА».

Письмо от 12.01.86 г.:

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и сестренка Алена!

Сообщаю, что письма ваши получил и лезвия в них — тоже. Мама, спрашиваешь, почему от меня так долго нет писем, так в этом виноват я сам. Времени хватает, а вот писать-то не о чем. Так что вы меня простите, обещаю исправиться.

Ну что, начнем с того, что я жив-здоров. Настроение хорошее, и служба помаленьку катит вперед. Новый год мы встретили хорошо. Правда, в новогоднюю ночь наша рота стояла в наряде. Так что телевизор не смотрел. Но зато с первого на второе собрались всей ротой и все-таки праздник встретили, накрыли стол. На нем — печенье, конфеты, огурцы, колбаса сервелат, плов... Свой концерт организовали, не говоря уже о музыке.

Пишите. Но конверты не высылайте, а вот лезвия — можно».

«Здравствуй, отец!

С огромным солдатским приветом твой сын Витя. Вот, наконец-то, решил (точнее, собрался) написать тебе письмо. Твое получил давно, в том году. Так что не обижайся, что только сейчас даю ответ.

Начнем с того, что у меня по-прежнему все в порядке. Сам жив-здоров, чего и вам желаю. Настроение хорошее, служба маленько бежит. В конце декабря приезжал В. Леонтьев. Но на концерт мы не попали: со всего батальона его слушали человек тридцать. Но ничего, не слишком обиделись. Сегодня я заступаю в наряд».

Письмо родным от 14.02.86 г.:

«Здравствуйте, мои дорогие родители, папа, мама и сестренка Алена! С большим солдатским приветом Витя. Недавно нашему батальону вручили вымпел министра обороны СССР. В этот же день дали концерт средней паршивости, а вот в конце выступал гипнотизер: со смеху чуть не померли. Мама, ты все напоминаешь: жди писем от ребят. Я жду, а их нет. Передавай большой привет моему классному руководителю Татьяне Константиновне и Воронцову, физику, бабе Тане и Гале, соседям и знакомым. Ваш сын Витя».

Письмо от 25.02.86 г.:

«Здравствуй, отец!

Служу, как полагается. Вчера отметили 23 февраля. Ты только не думай, я не ошибся, отметили именно вчера (24 февраля). Просто 23-го не могли по одной причине. О ней я, конечно, писать не буду. Это, если так выразиться, секрет (или военная тайна). Приеду домой, расскажу. Мы как-нибудь сядем с тобой и обо всем поговорим по-мужски. О том, что произошло за два года, пока не виделись.

Отметили, в общем, хорошо. Сообразили такой же стол, как и в Новый год. Да, у нас в роте заменяется замполит. Свое отслужил, но так вышло, что заболел и вот теперь по болезни уезжает в Союз. Очень хороший мужчина, душевный. Жалко, что он уезжает, но ничего не поделаешь. Замена ему уже приехала — с виду вроде тоже неплохой мужик, поживем-увидим. Ну вот

и все. Напиши, как там у тебя дела. Как твое здоровье и здоровье матери с сестрой?

Да, поздравляю с прошедшим праздником — 68 годовщиной Советской Армии и Военно-Морского Флота. Извини, что не на открытке и так поздно: открыток здесь нет, а поздно оттого, что раньше не собрался. Поздравь от моего имени своего друга дядю Серегу и всех знакомых».

Письмо от 19.03.86 г.:

«Здравствуйте, мои дорогие родители, папа и мама, и сестренка Алена! С огромным приветом к вам ваш сын Витя. В Ленинград едет мой земляк, прапорщик из Ленобласти, и я решил попросить его заглянуть к вам, передать письмо и на словах привет от меня. Недавно к нам приезжал ансамбль «Каскад». Он сам из Баграма, но в Союзе его должны знать хорошо. Дали хороший концерт. Все довольны и даже не хотели отпускать...

Да, мама, ты спрашиваешь, дают ли отсюда отпуск. Так знай, отпуск дают только по болезни, да и то редко. А такой отпуск не хочу. Так что ждите, не так долго и осталось, скоро приеду домой насовсем. Пишите как можно чаще. Ваш сын Витя!».

Из письма товарищей по службе от 1 апреля 1986 года:

«29 марта 1986 года на территории ДРА в тяжелом, напряженном, горячем бою с мятежниками в районе населенного пункта Пашат под Джелалабадом погиб 18-летний, не дожив до своей 19-й весны, — наш Витя. В сложной обстановке, когда товарищам грозила опасность, он оказался рядом. Не было такого человека в коллективе, кто бы не знал Виктора Эйнориса. Он пользовался заслуженным авторитетом у командиров и товарищей. Авторитет жизнерадостного и душевного, честного и справедливого паренька был высок среди тех, с кем ему довелось служить. Его избрали комсоргом взвода в учебном подразделении воздушно-десантных войск под Ташкентом. Он являлся примером не только в учебе, но и на боевых учениях — это был волевой, ловкий, гибкий, сообразительный солдат, обладающий завидным хладнокровием и выдержкой в сложнейших ситуациях, дейст-

вующии сноровисто и умело, прекрасно ориентирующийся на местности — одним словом, впитавший в себя лучшие боевые качества разведчика.

Казалось, он никогда не уставал, хорошая физподготовка ему очень пригодилась на службе. Настоящий друг, с ним всегда легко. Все знали: в трудную минуту Витюша (его так и называли в Афганистане) не подведет, всегда придет на помощь. Такая минута наступила, а с нею пришла и беда: 29 марта 1986 года, прикрывая собой отступление товарищей, Виктор пал смертью храбрых...».

Из рассказа старшего лейтенанта, сопровождавшего гроб с телом В. Б. Эйнориса:

«Выбросили нас в горы, а там засели душманы, надежно укрывшиеся и хорошо

вооруженные. Неожиданно началась стрельба. Виктор только успел крикнуть: «Отходите, я вас прикрою!».

Позже на руках у меня он скончался. Я не в силах поверить, что Вити нет...».

Документ: «Уважаемые Бронислав Иванович, Татьяна Никеевна!

Мужество вашего сына при выполнении интернационального долга — достойное продолжение подвига героев Великой Отечественной войны, символ подражания для современной молодежи.

Он с нами в строю навечно — свою кровь, свою жизнь не щадивший!

Командир в/ч 35651 майор *В. Гилуч.*

Зам. командира по политчасти ст. л-т
В. Баяндин».

БОГДАНОВ СЕРГЕЙ ВАДИМОВИЧ

4.VII.63—21.IV.86

Родился в Приозерске. Русский. Образование высшее. Женат. Член ВЛКСМ. В Афганистане — лейтенант, бортовой авиационный стрелок вертолета МИ-8 (в/ч 22630).

Родители: Богдановы Вадим Георгиевич, Людмила Николаевна.

После окончания средней школы № 5 в Приозерске поступил в Выборгское авиационно-техническое училище гражданской авиации. Специальность — механик по вертолетам.

27 мая 1985 г. призван в Вооруженные Силы СССР Советским РВК г. Вильнюса. Служил в Амурской области, в Торжке, в Бухаре.

3 октября 1985 г. Сергей Вадимович пересек границу Афганистана. Служил под Джелалабадом. Совершил 120 боевых вылетов.

21 апреля 1986 года погиб при выполнении задания командования по поисково-спасательному обеспечению действий штурмовой авиации. В районе г. Митерлам вертолет был подбит зенитной ракетой и взорвался в воздухе.

Похоронен на гражданском кладбище в Приозерске.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Имя С. В. Богданова занесено на Стенд погибших в Афганистане в Приозерском ОГВК.

Бережно хранит Людмила Николаевна аккуратно сложенные 10 рублей, что прислал Сергей Вадимович бабушке со стипендии, фотоальбом, письма, значки и грамоты за участие в соревнованиях, стихи и пленки из Афганистана, переданные друзьями. Лишь после гибели сына она узнала, что он служил и воевал на афганской земле.

Из письма мамы, Богдановой Л. Н.:

«Мой сын мечтал стать летчиком. Сережа говорил так: «Какое это прекрасное чувство полета над облаками!»

Он никогда не говорил «книжка». Только книга! Любимые его писатели — Сент-Экзюпери, Д. Лондон, М. Булгаков.

А еще была первая любовь, как всегда в 16 лет. Стихами говорило его сердце. Это его ранние стихи:

«Ты в этот мир пришла из сказки,
Ты фея правды и добра.
Волшебный взгляд твой полон ласки,
И он сведет меня с ума!
Но, может, это и не ласка,
Быть может, в чем ошибся я?
Быть может, это только сказка.
Прекрасная, как ты сама».

13.XII.78 г.

В нашем городке есть на островах парк. Тогда, в 16 лет, он для сына казался уголком сказки. Как-то легко и просто отдыхалось там. Сейчас многое изменилось. Но память о прошлом осталась в стихах Сережи:

«Мне очень часто снятся сны,
Как будто в парке мы гуляем,
Как будто там свои мечты,
Шепча, друг другу доверяем.
Мой милый, славный старый мост!
Ты стал нам чуточку роднее,
С тобой нас встреча вскоре ждет,
Ты будь в тот день еще светлее.
Мы вечером к тебе придем,
Когда ты будешь в лучшем свете,
С собой секреты принесем,
Которым ты один свидетель».

8.I.79 г.

Я редко перечитываю его стихи. В основном помню наизусть. Может, они непрофессиональны, но очень искренни. Для меня

это — дар и боль, вода из родника. Прошло много лет с тех пор, как они написаны. По ним легко понять, какой чистый и светлый человек их писал.

«Я вижу пряди золотые
Вокруг любимого лица,
Со взлетом брови, как резные,
И губ прекрасная черта.
Из-под ресниц глядят спокойно,
Открыто, прямо и легко
Две незабудки полевые:
Глаза, как облака, большие,
Глаза, как звездочки ночные,
Две капли утренней зари».

2.II.79 г.

Умейте дорожить мгновением. Умейте ценить мимолетность.

Сережа мог отдать и поделиться — а это сейчас редкость. Прочитайте еще раз его стихи — и вы станете чище, вам станет легче».

Письмо Сергея Вадимовича домой:

«Здравствуйте, зайцы мои дорогие!

Пишу из г. Торжка, где похоронена Анна Керн. С 18 июня находился в поезде Благовещенск—Москва. Ехали 7 суток. Вчера, 25, был в Кашине, видел жену с сыном и тещу с тестем. Встретили меня хорошо. Приехал в два часа дня, а в 6 утра уже уехал в Калинин. После переучивания еду опять. В конце сентября начинаются учения «Запад-85». Побываю во Франции, ГДР, ФРГ и, видимо, в Венгрии. Так что Любу (жену — авт.) перевезу не скоро. Они продлятся как минимум полгода. Наконец-то свет божий посмотрю. В Кашине поспать совсем не пришлось. Артем в честь приезда папы всю ночь пел песни. Не плакал, а «выкал» и «чкал», все вперемешку — кошмарики. Он подросток, конечно.

Писем от вас получить не успел в Средне-Белой. Приеду, получу. А сюда, конечно, писать не стоит. В Кашине буду с 9 по 19—20 примерно. От вас в Кашин пришло письмо — я его читал, молодцы! На поезде через весь Союз проехал. Видел Байкал. С виду нашу Ладогу напоминает.

Живется мне хорошо. Кормят бесплатно, как на убой. Через пару получек и вам помогать начну. Приятели у меня все хорошие, летуны. Многие с гражданской ави-

ации, как и я. Два года как-нибудь протяну. Мне пока нравится. Ваш *Серго*. 26.06.85».

Никогда Сергей не был ни во Франции, ни в Германии, ни в Венгрии, хотя в письмах названия этих стран мелькали. Просто не хотел беспокоить маму и бабушку. И ему это удалось. До последней минуты они не догадывались, что Сергей на войне, в Афганистане. Прошло уже столько лет после гибели сына, а Людмила Николаевна даже сейчас, перечитывая его письма, не может между строк прочитать, где служил ее сын.

«В Афганистан Сережа мог и не ехать, — говорила Людмила Николаевна при встрече, — но он воспитан в каком духе? Надо — значит надо! Надо для людей жить. И он жил. Писал нам о службе — и мы верили ему».

Из писем сына:

«Сейчас я по делам (повышение квалификации) нахожусь в городе Каган в десяти километрах от Бухары. Бухара очень понравилась. От наплыва впечатлений глаза разбегаются. Вот и побывал я на родине Ходжи Насреддина. Здесь установлена большая скульптура в его честь, где он восседает на ишаке.

Как вы себя чувствуете? Скорее бы в заграничку, тогда у меня будет постоянный адрес, и вы мне напишете. Живем нормально, только стола нет, пишу на коленях на фанерке, но все ж это временно, скоро поедем дальше. Ваш *Серго*».

«Здравствуйтесь, дорогие мои мамочка и бабулька!

За короткий срок успел облетать весь Узбекистан. По-настоящему заболел делом, все время хочется в небо. Был в Ташкенте, Бухаре, Чирчике и Кагане. Сейчас сижу в небольшом городке, которому еще и название не придумали. Завтра летим «своим ходом» в Кеникс — Германию.* Паспорта уже получили, наш экипаж получил новую машину — на ней установлена секретная аппаратура. За нами следит Москва. Вот какое оказано доверие.

* В Афганистан. Из послужного списка С. В. Богданова: «...достоин направления в Афганистан...» — *авт.*

Трудновато, информация течет рекою в мою бедную голову, которая от нее уже распухла. Работы много, и совсем нет свободного времени. Так что извините, что писать стал реже. Доберемся до базы, устроимся, тогда начну. Я уже купил сто штук конвертов...»

«Здравствуйтесь, дорогие мои бабулька, мама, Любаша и сынуля Артем! У меня полный порядок. Живу припеваючи, только к вам очень хочется, но не пускают пока. Рано или поздно, конечно, вырвусь.

Вам, должно быть, легче, вас много, да еще и Артемка — гвоздь «программы», тазы в ванне двигает. Все жду письмо из Приозерска после Любиного приезда, как они устроились... Пришлите мне открыток с днем рождения, а то здесь все по-немецки подписаны, а в наш военторг не завозят пока. Скоро дни рождения у бабы Кати и Земы, нужно поздравить. Как вы себя чувствуете? Со здоровьем у вас, конечно, слабо. На этом заканчиваю. Целую вас каждую по миллиону раз и Артемку тоже. Не скучайте! Ведите себя на «5» баллов. Привет Ире. *Серезжа*. 16.11.85».

«Здравствуйтесь, мои дорогие мамочка и бабулька!

У нас позавчера В. Леонтьев выступал. Приехал в Германию петь для русских (поселенцев), т. е. по нашим гарнизонам. Мы его из соседнего гарнизона на вертолете привезли, а потом фотографировались на память. Когда фотографии напечатаем, вам вышлю. Негативы проявлены, получилось неплохо. Потом Валерий давал концерт в сопровождении ансамбля «Эхо». Исполнил песню в честь нашего Артемки, которому недавно исполнилось 9 месяцев. Пел на любые заказы, только давай. Старался целых два с половиной часа, бегал и прыгал без конца и всем очень понравился. Переоделся четыре раза, потом говорит: «Я уже охрип» — и ушел.

Вот так и живем потихонечку, просвещаемся. Сегодня крутили первую серию «Женщина в белом», завтра второй серией ошастливят. Главная героиня на Любу чем-то похожа, все мои дружки это заметили — они фотографии видели. У меня все отлично.

120 боевых вылетов на счету С. Богданова, бортового авиационного техника, воздушного стрелка вертолета МИ-8. Под Джелалабадом. 1985 год.

Не болейте, золотые мои! У меня все хорошо, летаю потихоньку и жду отпуска. 20.12.85».

«Здравствуйте, дорогие мамочка и бабулька!

Пишу вам чуть ли не каждый день, чтобы вы за меня не беспокоились. Читаю сейчас Д. Гранина «Клавдию Вилор», «Это странная жизнь». Хочу приступить в скором времени к «Картине», но мама говорила, что она сложно воспринимается. Я по-прежнему не летаю. Отдыхать буду до конца месяца. Скорее бы уж начать летать! На стене у нас счета висят, на костяшках мы дни отсчитываем, их уже ПО получается. Приближаются дни отпуска и дни полного финиша.

Я жив, здоров, кроме ностальгии, меня ничто не беспокоит. Так что за меня не волнуйтесь, позаботьтесь лучше о своем здоровье. Как вы, дорогие мои, себя чув-

ствуете сейчас, что нового Артемка выкинул — пишите подробно, мне интересно.

Ребята у нас отличные, веселые. Моложе меня никого нет. Все говорят, что мне повезло: в таком возрасте в Германию попал служить! Такие блага не часто случаются. Но по мне так лучше домой побыстрее, хорошо, что этот момент уже не за горами. Ну, а пока прощаюсь с вами. До свидания! 19.01.86».

«Здравствуйте, дорогие мои мамочка и бабулька!

Три дня от вас не было писем, видимо, придут сегодня. А я ночью летаю, поэтому отдыхаю целый день и завтра тоже. У нас кто в отпуск собирается, планируют полеты на ночь, чтобы днем готовиться к отъезду. Обещают числа 20 отпустить. Не знаю, что из этого получится, но на этот раз вроде точно. Хотя здесь семь пятниц на неделе. У меня все хорошо, мысленно сижу в электричке на Приозерск. Рано или поздно все-таки отсюда вырвусь, а до полного возвращения осталось 203 дня. Читаю сейчас Смирнова «Жду, надеюсь», «Тревожный месяц вересень». Вот и все новости. До свидания. Ваш *Серго*. 12.03.86».

«Здравствуйте, дорогие мои мамочка и бабулька! Здравствуйте, дорогие мои **великожданницы!**

Кидаю очередной лозунг: потерпите еще немного, скоро приеду и окончательно, и в отпуск. Вернее, сначала в отпуск на 15 суток, а потом и на два месяца. Но опять же обещать что-то не хочу, потому как, если вдруг задержат оформление документов на пару дней, то будет поздно, так как границу на праздники 1 мая закроют, и, значит, приеду числа 3—4 мая или до праздника. Так что соберите последние силы — и ваши надежды оправдаются. Я сам сижу как на иголках — весь измотался, лучше бы вам не обещал ничего. Ну, а в общем, все у меня нормально. Сегодня ночью летал и теперь весь день балдею. дочитываю книгу «Тупик», на очереди за мной человек пять уже. На этом заканчиваю, можете мне больше не писать. Крепко вас целую и обнимаю! Ваш *Серго*».

«Здравствуйте, мои дорогие мамочка и бабулька!

Через четыре дня мы с вами увидимся. Отпуск мне подписали с 25 числа по 9 мая. Вчера наши гонцы приехали из Берлина, привезли визы на пересечение границы, и на днях я отправляюсь в путь. Мог бы и сейчас уже поехать, но финчасть задерживает, не успевают сделать расчет и проездные документы. Но 24 мы точно отправимся в путь. Чемодан пока не укладывал, боюсь сглазить, чтобы нас опять что-нибудь не задержало. Сижу, как на иголках, не терпится в дорогу ломануться и нажимать на звонок до умопомрачения.

Вот-вот мы встретимся!

Целую вас и крепко обнимаю. *Серго*.
21 апреля 1986 года».

Документ от 24 апреля 1986 года:

«Уважаемая Людмила Николаевна!

С глубокой скорбью сообщаем, что Ваш сын Богданов Сергей Вадимович 21 апреля погиб смертью храбрых, выполняя задание Родины по оказанию помощи афганскому народу в защите завоеваний Апрельской революции.

Лейтенант Богданов Сергей Вадимович был смелым и решительным боевым офицером. Он до конца выполнил свой патриотический, интернациональный долг перед Родиной. Светлая память о нашем боевом товарище навсегда останется в наших сердцах.

Командир войсковой части п/п 22630 «В»
подполковник *В. Целовальник*.

Начальник политического отдела
Ю. Владыкин».

Из рассказа Людмилы Николаевны:

«Мне позвонили на работу: «Людмила Николаевна, может, машину за Вами прислать, Вас просят зайти в военкомат».

Я ничего не понимаю. Спрашиваю, где мой мальчик, а мне в ответ: «Сережа погиб».

Меня везут домой, я плачу, спрашиваю, где это случилось, отвечают — под Джелал-

абадом. Вы же знаете, что он в Афганистане.

В каком Афганистане?! — военком глядит на меня, ничего не понимая: «А что, разве мама не знала, где служил ее сын?».

Первые три года жила как в тумане, в другом измерении, на одних таблетках. Когда не стало моего мальчика, жизнь для меня потеряла всякий смысл, осталась одна кровавая рана в сердце да тоска, которую не передать словами. Только теперь, по истечении стольких лет, до меня доходит: **сына-то нет** в этом городе, **где я живу, где прохожу** каждый день мимо его школы. На фронте — лишь мемориальная доска с именем моего Сереженьки.

Здесь мы с ним катались на лыжах, а **здесь** он меня встречал с работы, а я его провожала в училище. Невыносимо!

Подрастает Артем. Мне так хочется, чтобы внук во всем походил на своего отца, как в детстве, так и в юности. Я так хочу в своем внуке видеть моего мальчика, такого замечательного, самого лучшего сына на Земле! А сегодня я совершенно не защищена от горя и одиночества».

Из письма Н. П. Башинской:

«Людмила Николаевна так отошла от людей, похоронив сына, что мы не могли ей даже выразить тогда сочувствия. Утрата невыносима. Сына не вернуть, никем не заменить. Хотелось бы надеяться, что наше искреннее сопереживание могло бы стать моральной поддержкой и опорой матери в одиночестве... Октябрь. 1996 г.».

Генерал армии Виктор Федорович Ермаков признается: «Два с половиной года был ТАМ. А вот маме так и не рассказал об этом, все писал, будто в Термезе служу. Так и умерла она, не узнав, что сын на войне. Только воевал точно также, как ваши ребята, ни за что ни про что. А здесь тем временем сообщали в прессе о посадке в Афганистане садов дружбы и уборке урожая».*

* Из газеты «К совести», № 1, 1990 г.

**ВОЛКОВ
АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ**

4.VII.66—24.V.86

Родился в селе Унимерь Ярославской области. Русский. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, разведчик, механик-водитель (в/ч 71176).

Родители: Волковы Борис Алексеевич, Нина Федоровна.

После окончания Шумиловской средней школы до призыва на службу в армию работал в совхозе водителем, в поселке Ромашки Приозерского района.

5 ноября 1984 г. призван в Вооруженные Силы СССР Приозерским ОГВК. Военную подготовку проходил в учебном подразделении в/ч 10944 (Казахстан).

С апреля 1985 — Афганистан, Кандагар.

24 мая 1986 г. во время тяжелого боя погиб. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «За отвагу».

Похоронен на гражданском кладбище юго-восточнее поселка Саперное Приозерского района.

Имя рядового А. Б. Волкова — на стенде Приозерского ОГВК и на мемориальной доске в Шумиловской школе.

«Здравствуйте. Пишет Вам мама Волкова Алеши.

Что могу сообщить о сыне, даже не знаю. Муж, Алешин отец, умер молодым, в 40 лет, от инфаркта. Вот и осталась одна с двумя детьми. Дочь — студентка, Алеша — в первом классе. Время шло, трудности переживали вместе. Я на двух работах, по ночам шила на заказ, чтобы их выучить, прокормить. Алеша меня всегда жалел. На небольшом огороде картошку сажали, так он за мужика. Нам никто не помогал ни морально, ни материально. Алеша в летние каникулы, еще мальчиком — не помню, в каком классе — трудился в лесничестве два месяца на прополке, сторожил лес от пожара. Сколько было радости, что сам деньги заработал. Даже копейки отдавал.

Когда закончил 8 класс, пошел работать и продолжал учиться в вечерней школе. Закончил 11 классов. По направлению совхоза «Джатијево» поступил на курсы водителей (без этой профессии он не мог, он спал и видел себя водителем).

Слишком рано он стал взрослым, так уж жизнь сложилась. Летом за черникой, малиной. Наносит столько, что на зиму варенья хватало. Очень любил пельмени. Прибежит с улицы: «Мама, готово? Мне 40 штук, умираю с голоду». Мы с 15-летним Алешей и дочерью Галей сделали гараж, заливали из цемента и шлака. Говорил, надо побольше делать гараж, приду с армии, на машину денег скоплю.

Очень любил технику, разбирался в ней. Ребята, если что сломается, к нему обращались, советовались. Мы с ним и денег накопили — купили ему мотоцикл. Так он и на огород на нем, и за ягодами. Старался меня и на работу отвезти, у меня очень ноги болят. Наверное, это не интересно вам, но поймите правильно, — сын. Мы всегда с ним находили общий язык. Да я сейчас часто себя виню, что в некоторых случаях я была очень строга и к нему, и к себе. И снова вывод: мой сын хорошо воспитан, воспитан тружеником. А теперь его нет. Если б вы знали, какая это боль. И, кроме обиды за сына, у меня ничего нет. Почти

20 лет он пожил, да добра сделал много. Алеша в школе во всех играх участвовал, бойкий, смывленный. Одним словом, учился, работал. А потом армия.

В Афганистан пошел по доброй воле, как говорят, добровольно. Службу проходил в разведывательном подразделении в должности разведчика и механика-водителя боевой машины. Так писал в своих письмах. Я ничего не знаю о его жизни в Афганистане. Только вот эти данные из военкомата:

«Принимал участие в 12 боевых операциях и в 23 засадах в составе роты. При проведении засады в городе Кандагар проявил личное мужество и героизм: в одном дворе заметили душманов, и рядовой Волков закидал их гранатами, захватил единицу стрелкового орудия, чем обеспечил выполнение задачи группы. За данную операцию рядовой А. Б. Волков награжден медалью «За отвагу». При проведении боевой операции 24.05.86 г. завязался жестокий бой с душманами. Создалась критическая ситуация — окружение. Рядовой А. Б. Волков взорвал себя гранатой, чтобы избежать плена. Предпочел смерть, чем позор».

Эти данные из официального источника. А кто-то говорит: наши ребята и мой сын возвращались с задания, их машина подорвалась на mine. Кому верить? Не знаю.

Вспоминаю прошлую нашу жизнь... Когда началась война в Афганистане, я и не думала даже, что Алеше придется там служить, ему тогда только 13 лет исполнилось. А вот видите, как в жизни получилось: в свои-то годы мой мальчик стал участником войны на чужой стороне. Осталась на всю жизнь неутрахающая боль.

У меня есть дочь Волкова Галина Борисовна. Она также болезненно переживает все то, что связано с судьбой Алеша, считает, что проклятая война отняла у нас родного человека. Во имя чего? Не знаем даже правды о сыне, о брате, о его жизни на войне. Письма сына прислать не могу, так как приезжали из Приозерска, из музея, два взяли и в школу тоже отдала несколько писем. Но, знаете, он в них никогда не жаловался: дескать, все хорошо, не стреляют, спокойно, кормят хорошо, фруктов много, высыпаемся. В общем, не

Имя Алексея Волкова на мемориальной доске Шумиловской школы Приозерского района.

Кандагар, а курорт. Но ведь знала и знаю, какое там пекло. Приезжали оттуда военные и говорили (правда, мало), что такое Кандагар.*

Когда он пошел в армию, сказала ему: «Если будут в Афган посылать, скажи, что у тебя одна мать, сердце больное, в больнице много лежала». Но он ответил: «Мама, я никогда так не скажу, я не трус и не хочу, чтоб меня так называли, ведь там ребята служат и возвращаются». Он же не вернулся, пяти месяцев не дослужил. Мне государство не помогло вырастить детей, а сына отняло и бросило мне за его жизнь 14 тысяч в месяц, как в насмешку. Вот такие обиды. Я до сих пор работаю аппаратчицей на очистных сооружениях, на пенсию не проживешь. Вот и все. До свидания. С уважением, *мама Алеша Волкова*.

Копии всех наградных листов я вам отправляла ранее, 28 августа 1994 г.»

* КАНДАГАР — древняя столица Дурранийской державы. Провинция носит такое название. В этой провинции действовала 70 мотострелковая бригада 40-й Армии и части 2-го армейского корпуса ВС ДРА. В «зеленой зоне» Кандагара (так называли селения, которые находятся вблизи от города, в долине реки Аргендаб) мятежники чувствовали себя вольготно, они растворялись среди местного населения, и, естественно, были трудности с их обнаружением и ведением боевых действий.

Из воспоминаний об Алеше Волкове директора Шумиловской средней школы В. В. Смирновой:

«Это был очень добрый, отзывчивый мальчик, подвижный. В среде товарищей, вообще мальчишек, пользовался уважением. Увлекался техникой, имел велосипед, мотоцикл, а это ребятам очень нравилось. Он всегда мог посоветовать, как починить «машину», поделиться запасными частями. Алеша много занимался спортом. Он почти всегда завоевывал призовые места. Наша школа, расположенная на территории военного городка, всегда организовывала интересные военно-спортивные игры «Зарница» и «Орленок». Алеша участвовал в них всегда, выполняя различные «специальности». В «Зарнице» — разведчик, пожарник, стрелок, связист. Как и положено юнармейцу.

Смелый, решительный, стойкий, сильный, хороший товарищ, добрый, преданный друг, любящий сын — таким он остался в памяти учителей, учащихся, друзей и родных».

ЯСТРУБЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

16.IX.61 — 6.VI.86

Родился в поселке Большая Ижора Ломоносовского района. Русский. Образование высшее. Кандидат в члены КПСС. Женат. В Афганистане — старший лейтенант, летчик-оператор МИ-24 (в/ч 97978).

Родители: Яструбенко Николай Александрович, Алла Алексеевна.

С 1968 по 1978 гг. учился в средней школе № 1 г. Гатчины. Любил технику. В судомодельном кружке Дома пионеров построил модель линкора. Параллельно занимался в радиокружке. Посещал и авиамодельный при Гатчинской станции юных техников. Газета «Гатчинская правда» в мае и июне 1975 года писала о Коле Яструбенко, который своими руками изготовил радиоуправляемую модель планера.

Был участником финальных областных соревнований по авиамодельному спорту, занял призовое место, завоевав право участвовать в соревнованиях Северо-Западной зоны РСФСР.

После окончания школы работал учеником автоэлектрика и занимался в аэроклубе ДОСААФ г. Ленинграда.

27 марта 1980 г. призван в Вооруженные Силы СССР Гатчинским ОГВК, служил в центре подготовки пилотов вертолетов. Через год сержант Н. Н. Яструбенко демобилизовался.

«Я училась с Алешей с 6 по 8 класс. Был он обычным мальчишкой, немного шаловливым, любил попроказить. Я его помню жизнерадостным, постоянно улыбающимся. Но, несмотря на все его проказы, я знала, что это честный, открытый юноша, не способный на какой-то плохой поступок. Его окружало очень много друзей. Но самый близкий Игорь Короткий. *Лобавникова Оксана*».

«Я училась с Лешей до 8 класса, да и квартиры наши совсем рядом. Помню, совсем маленькой я часто приходила к нему в гости. Мы говорили обо всем на свете и, конечно, о нашей школьной жизни. Алеша очень гордился своей сестрой Галей. Жалел маму. Хорошо помню, как приехали генерал и майор с вестью о смерти Алеша.

Это ужасно, я долгое время не могла поверить, что Леша нет в живых. На его похороны съехались почти все его одноклассники. Больно и горько, когда ни за что ни про что уходят из жизни наши мальчишки. *Люда Покиненко*».

Вернулся домой, на заводе ремонтировал двигатели вертолетов.
В апреле 1982 г. призван на учебные сборы. С 6 ноября — курсант Сызранского высшего воздушного авиационного училища летчиков (по программе среднего военного училища).

С декабря 1983 г. служил в Группе Советских войск в Германии, с апреля 1985 г. — в Закавказском военном округе.

19 сентября 1985 года убыл в Афганистан, г. Кабул.

Через три месяца 7 дней гостил дома. В марте 1986 года находился в Союзе в краткосрочной командировке (прилетал за новыми вертолетами). Встречался с мамой, женой и дочерью.

За время прохождения службы в Афганистане имел 9 поощрений.

31 мая 1986 года был тяжело ранен при выполнении боевого задания.

6 июня 1986 года Николай Николаевич скончался.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР, Грамотой «За мужество и героизм».

Похоронен на Гатчинском кладбище.

Первый боевой вылет Николая Николаевича в ДРА 24 сентября 1985 года, последний — 31 мая 1986 года. Имел 235 боевых вылетов! Полетное время — 264 часа 05 минут.

На здании школы, в которой учился Н. Яструбенко, открыта памятная мемориальная доска.

На страницах газеты «Гатчинская правда» печатались статьи о нем: «Победа Буревестника», «Умелые руки юных», «В Гатчинском небе», «Он любил жизнь», «Зажигающие сердца», «Наша гордость и горе», «Навечно в памяти».

Письмо ст. лейтенанта Юрия Кашапова из Кабула вдове однополчанина Наташе Яструбенко от 10 июля 1986 года:

«Наташенька, здравствуй! Вчера получил от тебя письмо (одновременно радостно и грустно).

Сегодня утром забрал у почтальона свое письмо (я его отдал вчера вечером) и переписываю снова. Наташа, ты просишь выслать письма, которые могли прийти после...

Я спросил у ребят из его комнаты, они сказали, что все письма отправили с Колиными вещами, а других не было (если где-то они задержались или кто-то взял и забыл, я их отправлю, можешь быть спокойна за них).

Мне не хочется описывать, исполнять твою вторую просьбу: по этой причине я не зашел в последний день, не хотел — знал, что опять меня будешь об этом просить рассказать снова и снова.

31 мая, время между 10.30—11 часами. Экипаж: командир — майор М. Жук, летчик-оператор — ст. лейтенант Коля Яструбенко, борттехник — ст. лейтенант Андрей Бутузов. Вылет на боевое задание. Набор высоты. Вертолет уклонился от охраняемой зоны аэродрома. Высота — 1000 метров. Экипаж докладывает: «Удар в левый борт. Рывок. Двигатель (левый) не выходит на режим».

Через 40 сек.—1 мин.: «Правый двигатель. Падают обороты».

Руководитель полетов:

— Сможете дотянуть до полосы?

— Нет, будем производить посадку перед собой.

Перебиты трубопроводы топливной системы. Сверху пара МИ-8 наблюдает посадку нашей «двадцать четверки». МИ-24 не дотягивает до площадки 30—40 м. Посадка в виноградник, где вырыты арыки (канавы). Грубая посадка: отскочили от земли, опять удар о землю, машина переворачивается на бок. Борт горит, взрыв — Колю выбрасывает взрывной волной из кабины. Жук и Бутузов — остаются на борту — признаков жизни нет. Восьмерки садятся рядом. Двое из экипажа МИ-8 бегут к борту, но пламя не дает подойти близко — большая температура. Вдруг видят взмах руки в стороне от горящего вертолета. Подбегают. Это Колек: из последних сил сумел, преодолевая боль, обозначить себя. Ребята подхватывают его на руки и бегут к своему вертолету. К ним тянутся «трассы», но мимо. Колю срочно переправляют в центральный госпиталь.

Продолжаю через несколько дней (начал писать в воздухе — извини за почерк, вибрация). Были на учениях, все живы и здоровы.

...Я расспросил ребят, кто его посещал в госпитале в последний раз, в палате.

В госпитале Коле подключили искусственную почку (свои не справлялись) и аппарат искусственного дыхания (были отбиты легкие, сердце, печень — это я узнал от командира эскадрильи, он разговаривал с Колиным хирургом). Больше 50 процентов ожог, 10 % — глубоких.

Наташенька, ты прости нас с Володей, пожалуйста! Мы сказали, что Коля еще был ранен в грудь — ранения в грудь не было. А сказали только потому, что вы могли не поверить нам. Вы, и в том числе ты, сказали бы: врачи не все сделали возможное, чтобы спасти Колю! Когда я прилетел в часть, через знакомых врачей узнал, что надежд не было никаких. Ты пишешь: «Я твердо знаю, что если бы я была рядом, то Коля бы выжил». Да, возможно, ты права, произошло бы чудо! Но вызвать тебя мы все равно не могли в любом случае. Наташа, я это написал (про ранение), хотел, чтобы ты знала правду! Еще Коле сильно побило ноги. Ребята, которые несли его к вертолету, сказали: когда они взялись за ноги в районе колен, то чашечки проминались внутрь. Все эти травмы, отбитые органы он получил, скорее всего, во время выброса взрывной волной из кабины...

31 мая их сбили, а 1 июня нам сказали, что у Коли один шанс из тысячи, в таких случаях человек живет 12—14 дней. Последний, кто видел Колю и разговаривал с ним, это Витя Корень. (Они жили в одной комнате.) Вчера с ним разговаривал. Коля просил передать, что он очень любил тебя, Наташа, а особенно — Машеньку. Все просил, чтобы Витя присмотрел, помог, если нужно... Спросил про своих ребят, но мы так и не сказали про их гибель (сказали, что они получили ушибы, самочувствие их намного лучше, чем у тебя).

После Вити к нему никого больше не пускали, начался кризис...

Слово «До свидания» не пишу (пока в Афгане). *Юрий*.

Погиб еще один романтик неба, Бог весть, который по счету. На своем жизненном пути к пилотской кабине Коля Яструбенко преодолел препятствия, обычно неодолимые. После первых самостоятельных вылетов — за шесть лет до гибели — в его письмах домой сохранялся светлый восторг жизни:

«Мама, а красотища сейчас какая! Особенно леса! Листва уже пожелтела и начинает опадать. И вот земля почти вся желтая, а поля такие коричневые и так выделяются хорошо! А вода такая чистая стала и какая-то глубокая и холодная уже! Видимость — миллион на миллион. С круга, т. е. с высоты 300 метров, виден Ростов. Вообще, это надо просто видеть! Это не передать на бумаге!».

«Видимость отличная, солнышко, а ты по облакам лазаешь!»

Красотища! Зона рядом с Волгой, а там по ней пароходы ползут! Увидел первый раз радугу в воздухе! Представляешь, тень от вертолета на облаке, а вокруг нее — радуга! Три или четыре полосы! Широкая и яркая-яркая!».

Подобные свидетельства следовало бы публиковать полностью, дословно, а приходится сокращать, пересказывать. Жаль, Колиной мамой, Аллой Алексеевной, написана целая повесть-исповедь о сыне на семидесяти четырех страницах:

«Коля рос общительным и веселым. Живой, быстрый, находчивый, он всегда хотел все делать сам — пилить, строгать, сверлить. С первого класса учился легко, занимался фигурным катанием, позже — хоккеем, участвовал в зональных соревнованиях:

«Состоялись зональные соревнования юных хоккеистов на приз клуба «Золотая шайба», вратарь «Буревестника» — Коля Яструбенко» («Гатчинская правда», 29/1. 1974 г.)».

7 мая 1975 года — новое сообщение в газете: «На снимке руководитель станции юных техников В. Ф. Ольшевский готовит к полету радиоуправляемую модель планера, сделанную руками Коли Яструбенко».

13 июня 1975 года: «Закончились финальные областные соревнования по авиамодельному спорту, входящие в программу 6-й Спартакиады народов РСФСР. Победителями стали юные спортсмены: Саша Карташев, **Коля Яструбенко**, Саша Михайлов. Все они воспитанники Гатчинской станции юных техников... Победители получили право участия в соревнованиях Северо-Западной зоны РСФСР».

Переходный период у Коли не обошелся без неприятностей, прежде всего в школе.

Он не выговаривал букву «р» — мешала искривленная перегородка в носу, след давней травмы. Коля сам идет к логопеду, усиленно занимается — и дефект речи исчезает! Весной 1978 года ложится на операцию для исправления перегородки. Все препятствия устранены!

Увы! На мандатной комиссии при проверке техники речи у него при быстром чтении ускользает злополучное «р»! Я прошу сына поступать в институт, но Коля категорически отказывается, решил снова поступать в летное училище...»

(Коля поступит в училище летчиков лишь четыре с половиной года спустя).

А после первой неудачи с поступлением он работал учеником автоэлектрика, вечером занимался в Ленинградском аэроклубе ДОСААФ. В небо он все-таки поднялся — дважды прыгнул с парашютом. Летом успешно прошел мандатную комиссию, однако не выдержал экзамена по математике.

После повторной неудачи, ожидая призыва в армию, Коля и трое его друзей по аэроклубу уезжают в Ярославль, там устраиваются на работу и поступают в вертолетную секцию местного аэроклуба. Коля работает грузчиком-стропалем на судомехзаводе.

В одном из его ярославских писем впервые возникает тема Афганистана: «Вот что насчет Афганистана и Ирана... Дело в том, что нашу страну завоевать намного легче с юга на север, чем с запада на восток. Наши войска были введены для охраны границ в небольшом количестве. И вот потому гибли наши ребята, что не знали того, что нарушения границы хорошо планируются и организовываются регулярными войсками или наемниками. Тут, в Ярославле, тоже есть похоронки на ребят».

«В одном из писем, — пишет мама, — Коля пересказывает полученную через третьи руки скорбную весть — в известную вертолетную часть Ленинградского военного округа не вернулись из Афганистана четыре экипажа...»

Прочитав это, я ужаснулась! Поняла: сына обязательно туда пошлют! Поделилась опасениями с близкими. Они начали успо-

каивать: мол, туда посылают опытных, зрелых мужчин, а не мальчиков. Но тревога меня уже не покидала никогда».

В конце февраля 1980-го Коля и его друзья «без отрыва от производства» сдают в аэроклубе экзамены по устройству и пилотированию вертолета. Их тут же призывают в армию. Все четверо переселяются на аэродром «Карачиха», в казарму Центра подготовки пилотов вертолета. Коля Яструбенко назначен старшиной эскадрильи (52 человека), его друзья — старшинами звеньев.

С 12 мая начались полеты. А через месяц Коля уже самостоятельно поднял в воздух и посадил винтокрылую машину, получив оценку «отлично».

К ноябрьским праздникам, налетав по 60 часов и сдав зачеты, четверо друзей были демобилизованы — им засчитали время обучения в аэроклубах как действительную службу.

В Гатчине он устроился на базу по ремонту двигателей. Решил снова поступать в училище, но в апреле 1981 года при игре в футбол повредил ногу. Операцию ему делали в мае, и мандатная комиссия не допустила его к экзаменам! Мама отговаривала сына от поступления в училище, хотела, чтобы Коля закончил институт, но видела, чувствовала, как хочется ему летать, как тянет небо! На будущий год, 1982, Николай собирается на учебные сборы, но в Ленинград не присылают заявок, поскольку в Ленинградской области нет Центра подготовки пилотов вертолета. Он едет в Москву в ЦК ДОСААФ и выясняет, куда пойдут заявки. Оказывается — в Ярославль... Едет туда и договаривается, что ему придет вызов в Гатчину. С 16 апреля Коля призывается на учебные сборы в г. Богодухов Харьковской области.

Домой он вернулся к концу лета. На сборах подал рапорт о желании служить в армии, прошел медкомиссию, признав-шую его годным без ограничений. Оставалось ждать вызова в училище.

И наконец приказ пришел! Н. Н. Яструбенко присвоено звание младшего лейтенанта и он зачислен слушателем в Сызранское высшее авиационное училище летчиков.

Перед самым отъездом курсант Яструбенко и первокурсница института Ната-

ша Астафьева заявили о своем желании вступить в брак, свадьбу назначили на 12 февраля 1983 года.

На свадьбу Колю отпустили из училища на десять суток. Свадьба удалась на славу! И вот, возвратясь в Сызрань, Коля неожиданно для себя испытал полное равнодушие к учебе и службе, как бы даже усомнился в своем призвании летчика. Он с трудом вынуждал себя входить в распорядок, восстанавливать пропущенные конспекты. Внешних поводов для хмурых настроений, правда, хватало: бесконечные построения с нравоучениями при очевидном, в общем-то, безразличии большинства наставников к подопечным. А полетов нет, они начинаются только в мае...

«Вот завтра будет суд офицерской чести. Будем разбирать трех офицеров за эти последние праздники. Почти каждый день пьянки. На днях получка, что будет — страшно подумать. Бедные наши командиры! Но... начал входить в колею. И вот уже и сплю нормально, и ем с аппетитом, и учусь нормально. Скоро сессия, скоро весна и будет тепло, а там и полеты не за горами».

Тотчас после сессии Коля начинает прыгать с парашютом, прыгает и дважды в день, радуется, что дают управляемые купола — прыжок с ними полетнее. Он полностью привел себя в норму: лишь отсутствие рядом Наташи смущало минутами его душевное равновесие.

«Я снял вместе с парнем две изолированные комнаты в доме. Купили газовую плиту с маленькими баллонами. Наташе понравится! Встретить я постараюсь ее в Саратове».

Наташа сразу после весенней сессии приезжает к мужу на лето.

«Наташу я встретил здесь, в Пугачеве, меня не отпустили в Саратов. Не отпустили просто так, потому что не хотели! А она, бедная, с этими сумками одна таскалась! Я пока нес их от вокзала до дома — минут 35 — стер лямками руки. Она меня поняла,

почему я ее не встретил в Саратове, так что все нормально».

«В последнее время летаю мало, но зато впервые летал «на перелет». Летали за тридевять земель за двигателями. Около Саратова — горы. И вот летишь — по высоте 250 метров, а на самом деле — «0». Красиво летать по оврагам и ущельям. Один раз даже по веткам шаркнули колесами».

13.10.83 г.

«Я уже пришел себе на парадный китель и шинель лейтенантские погоны... Я постараюсь попасть куда-нибудь на Север или Дальний Восток. По-моему, лучше там сразу отслужить, а не ехать туда потом, когда детям нужно будет учиться»...

Шел четвертый год афганской войны, полный различных слухов. Николай и его друзья просто не могли не догадываться, что иные из них еще налетаются вдоволь афганскими горами-ущельями, а кто-то из них, может быть...

Лейтенант Н. Яструбенко получил назначение в ГДР. Любящая родня, получая из Германии привычные, в общем-то утешительные письма, беспокойства за его судьбу не испытывала, но в одном из писем он сообщил родителям, что в середине 1985 года всю его эскадрилью, видимо, направят в Афганистан.

«10 сентября 1985 года сын приехал домой на несколько денечков, — рассказывает мама. — Мы говорили, говорили... У меня дрожало все внутри, страшно за его будущее, а он уверен, что все будет хорошо. Я не знала, что делать и как отвести беду! Сын приехал, начал меня успокаивать, что службы там все равно не миновать. Я не могла не пускать его туда, я верила, что он идет туда выполнять интернациональный долг! И мне оставалось только ждать, ждать, ждать».

И вот, Афганистан. Черная беда остановилась на пороге. Потянулись долгие дни ожидания писем.

22.9.85 г.

«Здесь мы уже четвертый день... В понедельник я отпраздновал весьма скромно

свой день рождения с ребятами. А утром во вторник, 17 сентября, был митинг, построение с выносом Боевого Знамени части. Все попрощались с нами. Слез было просто ужас! Аж страшно было смотреть! Все режут, музыка играет — духовой оркестр. В общем, посадили нас в автобусы и через три часа мы были уже на другом военном аэродроме.

Тут нас ждали, не могли дождаться. И чемоданы помогли разгрузить, и с дороги в баньку сводили. Здесь это единственная радость и сделали ее, конечно, от души! Все отделали деревом, хорошо обстрогали и обшили, с парилкой и бассейном!

Встретил здесь много ребят знакомых, в том числе и тех, с кем учился в училище. И тех, кто ехал со мной в Германию, только они прослужили там всего полгода, и сюда, а сейчас меняются.

Устроились нормально, живем в комнате по шесть человек, стоят обычные солдатские койки, висит самодельная люстра, сделанная из трех светильников и накрытая растянутым парашютом от бомбы. Посреди комнаты стол с верхом из пластика. На стенах — полочки самодельные. В комнате очень чисто. Но самое главное — есть кондиционеры. Так что, мама, ты за меня особо не волнуйся. Жить можно. Аэродром не обстреливается. Здесь, на земле, идет тихая и спокойная жизнь.

С сегодняшнего дня начались полеты».

Письма Николая с войны, частые и подробные, все приглушены как бы тенью грусти, усталости. Детали гарнизонного самодельного быта, странная природа чужой страны, мечты о доме, об отпуске или «дембеле», обязательно с оговорками в смысле «надо еще дожить».

Про войну пишется скупо, уклончиво.

26.9.85 г.

«Очень мало свободного времени. Потихоньку начинаем летать. Нас сразу бросили в самое пекло — на подавление противовоздушной обороны. Мерзопакостное занятие! Здесь, в основном, одни горы и очень высокие, есть вершины выше, чем мы можем забраться. Летаем по ущельям. Головой приходится вертеть

так, что шею натираем и боекомплект улетучивается быстрее, чем хотелось бы. Получил я уже пистолет, автоматы, бронированный защитный шлем. У нас в комнате чего только нет, разве что танка. Не переживай за меня, тут не так страшно, как кажется...»

Из представления Н. Н. Яструбенко на звание старшего лейтенанта 18.10.85 г.:

«В ДРА с 19 сентября 1985 года. За время прохождения службы зарекомендовал себя с положительной стороны. Дисциплинированный и исполнительный офицер. Уставы СА знает и правильно ими руководствуется в своей повседневной деятельности, авиационную технику знает и грамотно ее эксплуатирует на земле и в воздухе. Имеет классную квалификацию — военный летчик 3 класса. Общий налет составляет 342 часа. В 1985 году налетал 86 часов. В ДРА совершил 14 боевых вылетов с налетом 18 часов (за неполный месяц октябрь). Летных происшествий и предпосылок к ним по своей вине не имеет. Постоянно повышает свой культурной и идейно-политический уровень. Активно участвует в общественной жизни подразделения. Физически развит хорошо. В быту опрятен и аккуратен. По характеру спокоен. Вежлив, корректен. Среди товарищей пользуется авторитетом. Семейные отношения строит правильно. Вывод: занимаемой должности соответствует. Достоин присвоения очередного воинского звания — старший лейтенант.

Подполковник 50 отдельного смешанного авиационного полка *П. Зайцев*».

27.10.85 г.

«Пишет Вам ваш блудный сын, которому все не сидится на месте. Все меня носит где-то. К году жизни дочери я ее видел только 4,5 месяца. Довольно-таки скучная арифметика получается.

Неделю назад ушло представление на очередное звание. К Новому году может и придет. До него, правда, надо еще дожить. Налетал уже свою полугодовую, в последнее время не летаю. Затянуло, наверное, перед «грозой». Отоспался немного, научился спать днем. **Сны днем снятся цветные**».

8.12.85 г.

«Сегодня впервые выпал снег. С утра летал, было просто приятно — видимость до горизонта. Вокруг одни горы. Ужасно хочется домой, посмотреть бы на леса, а то горы надоели до чертиков. Походить бы по родным улицам и поваляться в сугробах! Машулька уже большая, скоро начнет самостоятельно ходить, будем с ней гулять. В отпуске буду отдыхать..., а еще куплю себе хорошую (отечественную) зубную пасту и буду усиленно отчищать зубы, а то здесь из-за воды они стали желтого цвета. Сейчас... запарка у нас. Много людей в отпусках и командировках, а задач еще больше стало. Ночью не летаю, у нас плановые полеты. Сопровождаем сухопутные войска и самолеты. Кормят отвратительно, но привык!».

«Изо дня в день одно и то же! Полеты, полеты, отдых и опять полеты. Налетал уже полуторагодовой налет прежних лет. А есть ребята, которые налетали в два раза больше меня».

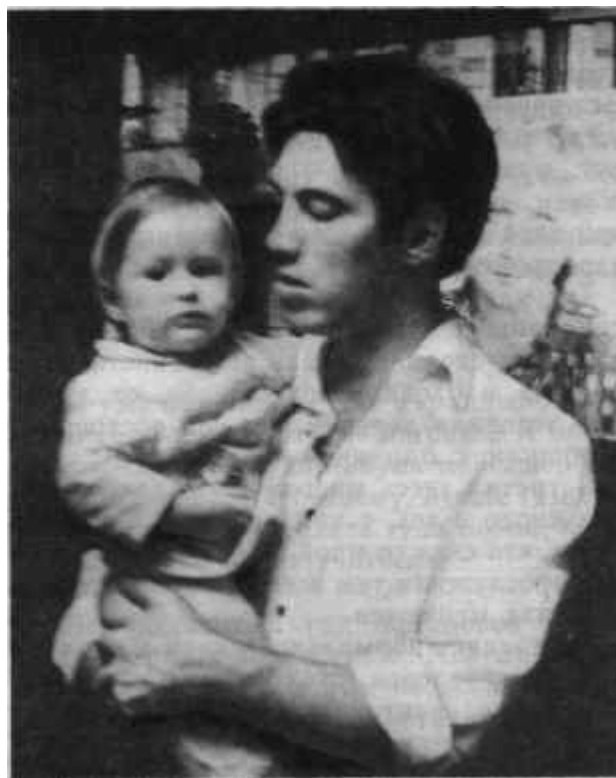
Лейтенанту Яструбенко поначалу везло: за полгода дважды побывал дома, оба раза — внезапно: как, впрочем, и в отпуск из ГДР.

28.02.86 г.

«Я жив и здоров... солнышко начинает пригревать, на равнине снег растаял, но в горах еще полно. Пыли нет и воздух целебный.

25 февраля вечером на партсобрании эскадрильи меня приняли кандидатом в партию, а вчера на парткомиссии — утвердили. Кандидатский стаж здесь полгода. Правда, эти полгода надо еще прожить. Мы здесь больше пяти месяцев. В последнее время летаю ночью. Спокойно, не болтает в воздухе. Одно плохо — живешь, как сова. Всю ночь летаешь, приходишь и спишь до обеда, а после обеда пару часов надо вздремнуть перед началом полета.

Через три-четыре дня встаешь и не можешь сообразить не только какой сегодня день недели, но утро сейчас или вечер. Праздник (23 февраля) отметил в Кандагаре, немного поиграл в волейбол — впервые за полгода. Встретил там много ребят из училища.

Первый приезд Николая из Афганистана зимой 1985–86 годов. Его дочери Маше — около года.

Я тут как-то попал в «отличники». Оказалось, что я победил в соцсоревновании. Кого победил, я так и не понял. Ну, послали на слет таких же победителей. Покатались по Кабулу, посмотрели достопримечательности, которых нет, побывали на митинге, где выступал Кармаль. Видел его с пяти метров, он подошел к строю здороваться, а я стоял в первой шеренге. Потом побывали у «демократов» в гостях. Там попили песни, попили несладкий чай, вручили нам грамоты афганские и мы разошлись. На этом слете пришлось мне толкнуть речь с трибуны и командующий вручил мне часы. Жаль не отгравированные! Ну, да ладно, бог с ним. Вот такого ты, мама, отличника вырастила!».

Второй раз Николай также внезапно приехал домой всего через два месяца и всего на три дня. Прилетал за новыми вертолетами. Он очень похудел, как-то усох, взгляд стал сухим и жестким, был очень усталым.

«Мы долго с ним говорили. Я прочтала в журнале «Зарубежное военное обозре-

ние» о «Стингерах» и там было написано, что коэффициент попадания 0,5—0,6. Я сказала сыну об этом оружии и он ответил, что оно применяется, и коэффициент, практически, равен 1, то есть попадает всегда! Я ужаснулась! Я узнала, что там нет фронта в нашем представлении, что эта война народу совсем не нужна и он ее не поддерживает, что это полигон, где сейчас испытывают вооружение почти всех стран! Сын рассказал об обстреле с территории Кабула «Стингерами» аэродрома, взлетной полосы, как он сам собирал тела своих друзей, которые были сбиты на высоте 100 метров над посадочной полосой, и заворачивал в парашют. Я не знала, как помочь, что надо делать? Оставалось только ждать, когда кончится его срок службы в Афганистане. Расставание было тяжелым.

Сын прощался со мной и так смотрел мне в глаза, а я все повторяла: «Ты только, сынок, возвращайся!».

Больше я своего сыночка живым не видела».

В одном из последних писем Николая просматривается возможная причина гибели их экипажа, точнее — одна из нескольких таких причин.

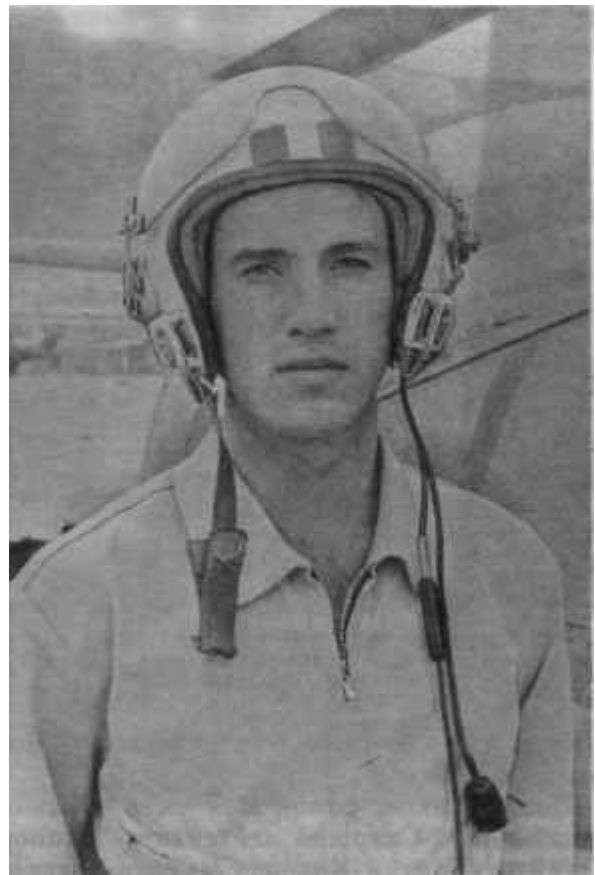
9.04.96 г.

«Летаю потихоньку. Иногда, конечно, приходится и много летать, но это бывает редко. Сейчас вообще буду мало летать. Проходили ВЛК. в конце марта. Я прошел нормально, а вот мой командир не прошел и поедет в Ташкент на медкомиссию. Разрешили ему летать только на операции. Вот мы и летаем только на операции. Уже неделю летаем на Хост, там «духи» обосновались, да и до границы там всего семь километров от их укрепрайона. Сегодня должны были лететь, но почему-то не полетели. Так что если дней двадцать писем не будет, не беспокойтесь. Оттуда почта может и не ходить.

Писать совершенно нечего и не о чем. Осточертело все уже порядочно! А жить тут еще пять месяцев, как минимум!».

Алла Алексеевна рассказывает:

«Коля Наташе писал чаще и вдруг писем не было несколько дней. Наташа сама не

Старший лейтенант летчик-оператор МИ-8
Н. Яструбенко. Апрель 1986 года.

своя, плакала. Было страшно тревожно, даже Машенька не веселила. Ходила с ней на руках по комнате. Подошли к календарю и я попросила: «А ну, покажи, когда папа приедет в отпуск?». И она ткнула пальчиком между 9 и 10 июня. Я тут же сказала: «Нет, нет, это слишком рано! Папа будет попозже!».

Успокаивала Наташу, как могла, а у самой сердце похолодело! Я плохо себя чувствовала, на работе 6 июня в 10 часов утра вдруг взяла второй стул и легла, никогда так не делала. Все удивились!

Мы жили в ожидании беды, но между собой об этом не говорили, просто сидели молча.

11 июня 1986 года часов в 10—11 зазвонил телефон, я взяла трубку и мать Наташи, Нина Анатольевна, сказала:

— Алла Алексеевна, идите домой! Колю привезли!

— Он ранен?

— Нет!

Н. Яструбенко. Пленка, привезенная из Афганистана 11 июля 1986 года. Проявлена 20 июня 1996 года в ИПК «Вести».

Я смотрела во время разговора на солнце, оно было черное.

Шестого июня сынок мой умер от ожогового шока. Старший лейтенант Кашапов Юрий и капитан Коленов Володя рассказали, что Колин вертолет сбили душманы из крупнокалиберного пулемета.

Двоюродный брат Коли Александр Васильевич Коваленко служил в то время в Афганистане, рассказывал, что разыскивал «модуль», где жил Николай, и услышал разговор на аэродроме в Кабуле:

«Недавно сбили... Двое сгорели, а третий в госпитале. **Такой** парень умирает!».

Разговор шел о моем сыне.

Похоронили его на Гатчинском кладбище, рядом с братскими могилами погибших в Великую Отечественную.

Кто не пожалел его молодость, здоровье, красоту, талант, жажду жизни? Такого человека в землю уложили!..

Страдают и плачут матери, отцы, жены, дети, нет никому дела до их слез и страданий. Горе наше не проходит и не убывает. Колина смерть коснулась жизни всех наших родственников, всех накрыло и придавило это горе!

Расшифровку боевых вылетов я взяла из Колиной записной книжки».

(г. Гатчина, 13 сентября 1993 года).

Из выступления Аллы Алексеевны 15 февраля 1995 года на вечере встречи «афганцев» в клубе им. 1 Мая г. Санкт-Петербурга:

«Поражает бездушие представителей министерств и ведомств, не хватает человечности многим, кто призван решать серьезные социальные вопросы. И такому отношению к нам, родителям, к детям и семьям воинов, погибших в Афганистане, инвалидам надо давать сегодня политическую оценку.

Чиновники говорят: «Мы их туда не послали». Этим самым они позорят, дискредитируют государство, правительство, которые должны вернуть долг ребятам, честно выполнившим воинский долг на чужой стороне. На нашу боль, к стыду, люди не отозвались по-настоящему... Еще не закрыта страница афганской войны, а уже надо и в Чечне «жатву снимать»...

Кому нужна смерть наших детей? Ради каких-то утопических идей бросили и бросают наших мальчиков в костер войны!..».

Из выступления А. Романова (15 февраля 1996 г.), отца погибшего на афганской войне сына:

«Если равнодушие окажется сильнее здравого смысла людей России, то снова наших российских солдат будут поднимать в воздух, отправляя их на боевые задания на чужие границы... Наши дети, внуки будут снова стрелять — и в них тоже...».

ТАЛЕРОНОК АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

25.III.66 — 7.X.86

Родился в деревне Слобода Витебской области. Белорус. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, механик-радиотелеграфист (в/ч 52011).

Родители: Талеронок Иван Иванович, Веремей Ирина Демьяновна.

В 1978 году семья переехала в с. Паша Волховского района. По окончании 8 классов местной средней школы Саша поступил в Волховское СГПТУ № 229, получил профессию помощника машиниста тепловоза. По специальности проработал один год.

12 апреля 1985 года призван в Вооруженные Силы СССР Волховским ОГВК. Месяц прослужил под Выборгом, затем его перевели в учебное подразделение в Чимкентскую область (п/о Бирлесу (в/ч 34533).

1 августа 1985 года убыл в Афганистан. Служил в Кабуле. С 14 по 27 февраля 1986 года находился в отпуске.*

6 октября 1986 года был смертельно ранен в бою и на следующий день скончался.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на кладбище в деревне Томилино Волховского района.

Дома хранятся личные вещи, фотографии, документы: служебное удостоверение МПС, трудовая книжка, письмо командира в/ч 52011 Белова из Афганистана, Почетная грамота совета коллектива физкультуры СГПТУ-229, общая тетрадь с записями «рядового Талеронок из 1 взвода». В ней — слова Гимна Советского Союза, военной Присяги, список членов Политбюро ЦК КПСС и высшего командного состава ВС СССР...

...Записи по темам Сашей велись с 6 июня 1985 по 23 сентября 1986 года. 79 исписанных страничек тетради...

Вот одна из тем — «Традиции и обычаи афганского народа». Запись от 29 августа 1985 года:

«1) Общие сведения об Афганистане.

2) Социальная структура, национальный состав афганского общества.

3) О поведении за рубежом: «Находясь на территории Афганистана, всегда необходимо помнить, что советские воины являются представителями армии, которая протянула руку помощи народам этой стра-

ны в их борьбе против империализма и внутренней реакции...»

Из письма мамы Александра:

«Здравствуйтесь, пишет Вам мать рядового солдата-связиста Талеронок Александра Ивановича. Моя фамилия Веремей Ирина Демьяновна. В 1979 году я вышла замуж. С 13 лет Саша жил с отчимом Веремей Алексеем Алексеевичем, которого уважал, а в письмах благодарил дядю Лешу за все доброе, что он мог дать Саше. Рос Сашенька, как и все сверстники: играл в хоккей, футбол, «в войну». Ходил в школу, занимался боксом, любил кататься на водных лыжах, на моторной лодке с отчимом. Не курил. Жили в своем доме. И Саша с детских лет помогал мне и отцу во всем.

* На вопрос отчима Алексея Алексеевича — как ТАМ, сынок, Саша ответил: «Словами не расскажешь. В Афгане надо побывать. Там не до песен...» (авт.).

Когда закончил училище, в течение года работал помощником машиниста тепловоза в Волховстроевском депо. С первой зарплаты купил мне коробку шоколадных конфет и платок.

Саша был сильным парнем. Он брал сорокалитровый бидон, наливал, одной рукой вскидывал на плечи и спокойно нес. Если в клубе в Паше затевалась драка, всегда старался разобраться, заступался за ту сторону, которую считал правой. По субботам и воскресеньям в клубе Саша вместе с ребятами и девчонками пел, играл на гитаре.

12 апреля 1985 г. его призвали в армию. Месяц он находился в Каменке (Выборгский район). В один из вечеров Саша позвонил Виктору (брату — *авт.*) в Волхов из Пулково и сказал, что летит в Ташкент для продолжения учебы. Мы очень переживали: ведь на войну пошлют. Так оно и случилось.

Вот что сын писал брату Виктору:

«Здравствуйте, дорогие родные Виктор, Лена и Сережка!

С огромным солдатским приветом к Вам Саша. Получил ваше письмо, пишу ответ. Служба моя проходит хорошо, жив, здоров. Сейчас служится нормально. Виктор, ты пишешь, чтобы я не расстраивался. Я не расстраиваюсь, духом не падаю, все идет хорошо, помню всегда твой братский наказ.

Вот пройдет полтора месяца, скрывать не буду от вас, наш батальон отправят в ДРА. Это я вам пишу первым, дома ничего не знают. Когда будем уезжать, тогда напишу родителям. Мама, конечно, будет переживать, ну, ничего все будет хорошо. Главное, слушаться командиров. Целую. *Саша. 13.06.85 г.*».

«Здравствуйте, мои родные, мама, дядя Леша!

С горячим казахстанским приветом Санька.

Мои дела идут хорошо, на неделе проверочные экзамены сдал на «отлично», вместе с Воробьевым Алексеем. Мы с ним ленинградцы, так сказать, не подводим, может быть к концу учебы получим 3 класс радиста. Во взводе таких курсантов очень мало.

Саша в отпуске в феврале 1986 года с мамой Ириной Демьяновной и отчимом Алексеем Алексеевичем.

Мама, Вы пишете, что мне здесь очень трудно, наоборот, все идет хорошо, никаких трудностей я не чувствую, ко всему привык, все это естественно: марш-броски, занятия по физподготовке, ночные подъемы — это проходит каждый воин. Так что попрошу Вас не расстраиваться за меня. **Большое спасибо д. Леше за то, что он меня приучил к труду**».

Какое это великое человеческое счастье услышать от своего приемного сына такую высокую оценку, похвалу. Это ли не пример духовной связи отчима-отца и сына!

«Мама, дядя Леша, от вас ничего не скрываю, и никто мне не приказывал скрывать, как мне служится, пишу все, как есть.

У вас там сейчас горячая пора, надо косить сено, был бы я, помог бы. Вам, наверное, помогут Лева с Витей.

До свидания. Целую. *Саша. 7.07.85 г.*».

А потом пошли письма из Афганистана:

«Здравствуйте, дорогие родные, мама, дядя Леша!

С Афганским приветом к вам Саша. Увезли нас из Союза 1 августа, распределили кого куда. Я попал в полк связи в Кабуле. Здесь кругом горы, как-то непри-

вычно. Условия жизни хорошие, через день смотрим кино, есть спортгородок. Вот только воды здесь ограниченное количество, но это все мелочи, со временем привыкнем. Сейчас у нас сборы, а потом раскидают по подразделениям. Насчет питания хорошо, кормят лучше, чем в Союзе, не так как в нашей учебке. Со мной служат мои земляки, живем дружно, не отчаиваемся. Я уже побывал в самом Кабуле, посмотрел, как живут афганцы, их жизненный уровень.

Крепко целую. Ваш *Саша*. Очень мало свободного времени. 03.08.85 г.»

«Здравствуйтесь, дорогие родные мама, дядя Леша!

С огромным солдатским приветом к вам Саша. Извините, что так долго не писал. Нас, как только привезли сюда, то через 2 дня я уехал в командировку на 1 месяц. Ну, Витя должен знать, что это такое. И вот как только приехали в Кабул, то сразу пишу письмо. Дела мои идут нормально. Жив, здоров. Служу в полку связи. Служба идет хорошо. В учебке экзамены сдал хорошо и вот потому попал в Кабул. Наших ребят раскидали кого куда, по всему Афганистану. Мне, можно сказать, повезло. У нас хороший экипаж — 4 человека. Живем дружно. Сами себе готовим и т. д. Вот опять уезжаем в командировку, на какое время — не знаю, так что писем может и не быть долгое время, но вы там не беспокойтесь, все будет хорошо. Деньги я получаю чеками; на месяц дают курево, кто не курит — тем сахар. В общем, насчет питания здесь хорошо, хлеб дают только белый, курить я еще пока не начал. Ну, на этом у меня все, очень мало времени. Передавайте привет соседям. До свидания. Крепко целую. До встречи, *Саша*. 07.09.85 г.»

«Привет из Афганистана!

Здравствуйтесь, дорогие родные мама, дядя Леша!

С горячим солдатским приветом к вам Саша. Вот уже прошло 2 дня, как мы возвратились с операции и сейчас находимся недалеко от Кабула. Служба у меня по-прежнему идет, как и положено. Через 3 месяца я буду «черпак».

Мама, дядя Леша, вы самое главное не волнуйтесь там. У меня все идет хорошо.

Здоровье отличное, самочувствие нормальное. Скоро Новый год. Я даже не знаю, где буду встречать, но вернее всего опять на операции. Через пару дней намечается командировка. У меня это уже будет шестая по счету.

Погода здесь стала холодная, выпал снег, ночуем в БТРе. Письма Ваши получу, как приеду в полк. Мама, дядя Леша! Поздравляю Вас с Новым годом! Желаю вам крепкого здоровья, семейного счастья, успехов в работе, веселого новогоднего настроения и всего самого наилучшего в вашей семейной жизни!

Ваш сын *Саша*... 19.12.85 г.»

Вместе с Сашей в Афганистане служил и Сергей Журба. Но в Кабуле их пути-дороги разошлись и, как оказалось, навсегда. Вот что вспоминает Сережа: «Там, где был Александр на операциях, письма не пишут. Война требовала постоянного напряжения. На проведение колонны уходил не день-два, а месяц и больше. Чередовались схватки и затишья, и так день за днем. Саша обеспечивал связью главного военного советника в ДРА, принимал участие во всех боевых операциях, работал на радиостанциях любого типа. Слово «командировка» — это значит участвовать в операциях, оказаться способным стать в рост под пули, первым ворваться в кишлак на бронемашине пехоты, первым подняться в горы и передать данные о боевых действиях».

«Привет из Афганистана!

Здравствуйтесь, дорогие мои родные мама, дядя Леша!

С горячим солдатским приветом к Вам ваш сын Саша. Сейчас у нас началась стодневка. Через 66 дней будет год, как я в армии, еще годик и увидимся. Вот уже неделю, как мы в командировке, работаю в рембате. После этой командировки снова операция. На операцию мы выезжаем с афганцами, то есть с их дивизией, и держим связь с другими подразделениями. Насчет нашего перевода в другое место службы пока что ничего неизвестно.

Вы берегите, главное, свое здоровье, за меня не надо беспокоиться и переживать. Пишите, что у вас новенького. Всего вам хорошего в этом году, будьте здоровы.

Крепко целую. Обнимаю. До встречи. Ваш сын *Саша*. 21.01.86 г.».

«Привет из Герата!

Здравствуйте, дорогие родные мама, дядя Леша! Решил написать небольшое письмо. Ну, во-первых, я жив-здоров. Все идет нормально, служба тоже идет к дембелю. Сейчас нахожусь в командировке далеко от Кабула, когда в полк — еще не знаю. Вы, главное, не беспокойтесь, уже осталось совсем немного.

К нам в подразделение прибыло молодое пополнение, смотришь на них и вспоминаешь себя, когда-то еще зеленого.

Целую, обнимаю. *Саша*».

Из письма школьного друга А. Воробьева (дер. Паша):

«...Двенадцатого апреля 1985 года нас призвали в армию, правда, из разных военкоматов, но на Фонтанке мы встретились. Узнали друг друга, сразу решили держаться вместе, если попадем в одну часть. Как-никак, из одной деревни. В этот же день вечером нас отправили в Каменку Выборгского района. Там собрали около 1000 призывников. До нас дошли слухи: половина поедет в Германию, а другая — в Афган. Много разговоров: кто хотел, кто не хотел туда, а кто просто боялся.

Сашка сразу сказал, что хочет в Афганистан. Дней 10 мы привыкали к армейской службе, начинали становиться солдатами. Потом собрали партию, в которую попали и мы с Сашей, отвезли в Ленинград, посадили в самолет и сказали: летим в Ташкент. В учебке и началась служба — наряды, учеба, занятия. Сашка всегда старался быть в первых рядах и это у него получалось. Хороший спортсмен. Кроссы, подъемы по ночам, бег в противогазах — он все переносил стойко.

Зародилась армейская дружба. Сашка терпеть не мог тех, кого называют «матенькины сынки», он их просто презирал. Сам всегда держался до последнего, не показывал виду, что ему тяжело. Перемена климата очень сильно влияет на организм. Так он один раз дошел до такого, что просто упал в строю, а я до того никаких жалоб от Сашки не слышал. Просто человек стоял до последнего. Он просто не хотел показывать, что ему тяжело. И после того, как

ему было плохо, категорически отказался от санчасти, буквально через час встал в строй.

Так что я могу с уверенностью сказать, что Сашка всегда был честным, справедливым, никогда не прятался за других, помогал тем, кто нуждался в помощи. Случалось и такое, что ходили в самоволки, но я думаю, это понятно. Попадались начальству! Если попался сам, товарища не выдавай! Это Сашкин принцип, он его всегда держался, несмотря ни на какие наказания. Конечно же, все это время мечтали о доме, родных, близких, делились знаниями из писем.

Так пролетела учебка. В своих солдатских блокнотах записали:

«Кто виноват, что ты солдат,
И службу трудную несешь,
В руках сжимаешь автомат
И очень сильно «дембель» ждешь.
И чья вина, что ты связист,
Что ты пройдешь все муки ада.
И вот приказ последний дан:
Нам предстоит пройти АФГАН!»

Первого августа нас отвезли в Ташкент, опять посадили в самолет и отправили в Кабул. Там на пересылке мы с Сашкой дали друг другу адреса. В этот день нас развезли по разным частям. Впоследствии мы встречались летом 1986 года под Кабулом. Посидим, поговорим о делах служебных (кто где был, чем занимался), конечно, вспомним дом, помечтаем о гражданской жизни...

В декабре 1986 года я приехал из очередной операции и из писем узнал, что Сашка погиб.

В Афганистане я служу
И в рейды каждый раз хожу.
Баграм — под боком,
А в нем душманов миллион,
И в рейд идет наш батальон!
Идут колонны по бетонному пути,
Но вдруг раздался выстрел со скалы.
Попала пуля в грудь твою, и ты навек
глаза закрыл,
Ты только 20 лет прожил.
В Союзе дождь грибной идет,
И где-то соловей поет.

Любимый город,
В нем сейчас цветут сады,
А здесь жара и нет воды!

Эта песня посвящается Сашке!!! Напечатайте ее, пожалуйста.

Как погиб мой друг? Их машина напоролась на засаду. Снаряды все ближе и ближе разрывались у маневрирующей машины. Осколки изрешетили бока, были ранены и воины. Последние взрывы и, переворачиваясь в воздухе, БТР свалился в ущелье. В машине находился Александр Иванович Талеронок, мой друг Сашка. Он был смертельно ранен. Детство, школа, гитара, водные лыжи, друзья — все осталось в прошлом, в настоящем — эта бумага, которую я прочитал, когда вернулся из Афгана:

«Уважаемые Ирина Демьяновна и Алексей Алексеевич!

Сообщаю вам, что 6 октября 1986 года при выполнении интернационального долга на боевых действиях по разгрому бандформирований мятежников был смертельно ранен ваш сын рядовой ТАЛЕРОНОК АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ.

7 октября 1986 года от тяжелых ран АЛЕКСАНДР скончался.

Рядовой Талеронок Александр Иванович за свою короткую, но яркую жизнь был настоящим гражданином Великой Советской Родины, мужественным воином-интернационалистом. До последних минут жизни он был верен делу партии, народа, военной

присяге. Родина гордится такими сыновьями, как рядовой Талеронок А. И.

Особые черты мужественного воина и отважного комсомольца раскрылись у АЛЕКСАНДРА в боевой обстановке. В трудные минуты боя он был всегда впереди, служил примером в выполнении воинского долга.

Он погиб геройски, до конца выполнив долг — долг комсомольца, долг воина-интернационалиста.

За проявленное мужество и отвагу рядовой ТАЛЕРОНОК А. И. представлен к награждению ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ.

Командование и весь личный состав части выражают глубокую скорбь и соболезнование по поводу постигшей вас тяжелой утраты.

Память о вашем сыне, мужественном воине и прекрасном человеке, всегда будет жить в наших сердцах.

Командир войсковой части *Белов.*

Заместитель командира по политической части *Буянов».*

Из письма родителей А. И. Талеронок от 23 сентября 1996 года:

«Во Всеволожском районе в п. Разметелево, говорят, живет однополчанин нашего сына. С Сашей он прошел вместе дорогами афганской войны. Кто он? Как его зовут — не знаем. Откликнитесь и те, кто служил с рядовым А. Талеронок. *Мама, папа».*

Удар по душманам.

ГАНЖУРОВ ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВИЧ

10.I.68 — 2.XI.86

Родился в городе Заполярном Мурманской области. Русский. Образование среднее. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, механик-водитель, минометчик (в/ч 51883).

Родители: Ганжуровы Алексей Михайлович, Валентина Петровна.

С 1975 по 1983 годы Игорь — ученик Корзуновской средней школы № 7.

Любимым предметом в школе была математика. Аттестат зрелости об окончании средней школы Игорю вручили в г. Тихвине, по новому месту жительства родителей.

В марте 1986 года закончил курсы механиков-водителей.

8 апреля 1986 года призван в Вооруженные Силы СССР Тихвинским ОГВК. Службу проходил в учебном полку г. Термез-1.

Со 2 августа 1986 года — Афганистан. Неоднократно участвовал в боевых операциях. 2 ноября 1986 года умер в госпитале.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на кладбище г. Тихвина.

Вместе с документами, фотографиями, письмами сына Валентина Петровна хранит телеграмму из Оренбурга от родных и письмо школьников 7 класса Корзуновской школы, где учился Игорь.

ТЕЛЕГРАММА

Тихвин
Ганжуровым

«Искренне соболезнуем тяжелой утрате единственного сына. Валя, Алеша! Крепитесь, дорогие, Игорь навсегда останется в нашей памяти как мужественный воин, честно исполнивший интернациональный долг. Ваши дядя Степа, тетя Маруся, Галя».

«Дорогому Игорю от друга Александра (ДРА)», — полощется на венке траурная лента. Уже год, как И. А. Ганжура нет, а друг, уйдя в запас, приехал в Тихвин

почтить память товарища. Такое особое чувство дружбы есть, наверное, только у тех, кто проверил его под пулями.

Письмо школьников:

«Здравствуй, Алексей Михайлович!
Пишут Вам пионеры 7 «А» класса Корзуновской средней школы № 7. Классным руководителем у нас Г. М. Малахова, которая учила вашего сына, и он у нее был любимым учеником... Чтобы все ученики школы знали о подвиге Игоря, мы решили к празднику Советской Армии создать стенд, посвященный погибшим в Афганистане, собрать материал о них. Поэтому обращаемся к Вам с большой просьбой: вышлите, пожалуйста, фотографии Игоря, сообщите адрес школы, где он заканчивал 10 класс. Посоветуйте, как найти его командиров, товарищей по службе, которые могли бы рассказать о подвиге Игоря.

И еще одна просьба: если можно, сообщите нам, пожалуйста, адрес Г. М. Меркушевой. С нетерпением ждем ответа. С уважением, пионеры 7 «А» класса».

Часто память переносит Валентину Петровну во времена детства, отрочества сына, когда оживают давно, казалось бы, прошедшие дни, но такие светлые, радостные и счастливые для них, молодых, от появления первенца на свет. Вспомнила Валентина Петровна разговор с сыном по пути домой из садика: «Смотри, мама, птицы в небе. Как я хочу поскорее вырасти и летать. Мама, я буду летать?».

Школьные годы — самый большой отрезок времени в жизни, когда родители, полные сил и здоровья, могли удивляться, восхищаться, когда их сын был рядом, когда у них была общая жизнь и все шло своим чередом, все было ново, интересно, был покой и уют.

Из письма мамы Игоря:

«Не хотелось, чтобы Игорь быстро вырос. Каждый день был днем открытий и тысячи «почему?», на которые он ждал ответа. А сегодня я, мать, потерявшая сына на войне, не могу ни у кого найти ответа на вопросы: «Почему у меня украли сына? Как и при каких обстоятельствах не стало моего Игорька?».

Все молчат, сколько еще хотят умолчать о наших детях.

Когда началась война в ДРА, Игорю исполнилось 12 лет. Каждое 1 сентября в школе проводились уроки Мира, на них говорили о долге перед Отечеством, перед Компартией, комсомолом. По возрасту его еще не приписали к военкомату, но об интернациональном и воинском долге твердили и в садике, и на воспитательных часах, и на классных собраниях. Громкие слова — защита рубежей Отечества, интернациональный долг — каждый год мой сын слушал.

Судите сами, разве станет он в свои 18 лет задумываться над словами: «Должен», «Интердолг»?

Кому он должен в чужой стране, только вылетевший из-под родительского крыла? Он увидел все ужасы войны. Проклинаю тех, кому нужна была война. Не желаю никому моей судьбы...

Поработать Игорю на производстве не довелось, его призвали в армию после окончания средней школы. Как говорится, со школьной скамьи в пекло войны».

Письмо сына домой:

«Здравствуй, мама!

Привет из солнечного Узбекистана. Нас привезли в Термез, в учебный полк для обучения военным действиям и переподготовки вождения тягача. Через три-пять месяцев перебросят в Афганистан. Так что придется мне повоевать. Ты, мама, особо не расстраивайся из-за этого, повоюю маленько и вернусь. У меня настроение отличное. В июне принимать присягу. Передавай привет отцу. Пиши, как там у тебя. Ну, вроде, пока и все, больше времени нет. Целую. *Игорь*».

Письмо отцу:

«Здравствуй, папа!

С огромным приветом к тебе твой сын Игорь. Получил твое письмо, за что спасибо. Служба идет, как подобает солдату. Здоровье не подводит меня. Через 7 дней начнут отправлять в Афган. Сейчас готовимся к отправке: х/б новое получили, полусапожки облегченные — у них вес, как у домашних тапочек. С ребятами отношения хорошие, с командирами тоже.

Недавно с комвзводом ходил на рыбалку, он меня с собой брал, сидели на берегу арыка (арык — небольшая речка, точнее, канал) и долго разговаривали. У него тоже отец военный. Потом комвзвод меня в офицерской столовой накормил, чтобы на ужин не идти... Ну, вроде, и все. Крепко целую и обнимаю. Твой сын *Игорь*.

P. S. Когда получишь письмо, я, возможно, буду уже в Афгане, так что больше сюда не пиши, а я с Афгана сообщу новый адрес».

Домой Игорь писал часто. Письма спокойные, откровенные, доверительные:

«Здравствуй, дорогая мама!

С огромным приветом твой сын Игорь. Вот, наконец, я в Афгане. Долетели нормально, попал в хороший полк и в хороший взвод. Здоровье отличное, настроение тоже хорошее. Мама, будешь писать ответ, так позвони к Вихровым, узнай адрес Эдика и сообщи мне.

Извини, что не пишу о службе. О **ней писать строго запрещено**. Ну, вроде, все пока. Передавай всем соседям и родным привет. Целую, *Игорь*».

«Здравствуйте, дорогие мама и папа!

С огромным приветом и кучей поцелуев ваш сын Игорь! Мам, получил твоё письмо. Я рад, что у вас все хорошо. У меня тоже нормально. Здоровье отличное, настроение хорошее. Ты, мама, не думай — **Афганистан не такая уж страшная штука, как его расписывают. Человек ко всему привыкает.**

Отец, ты занялся ремонтом в квартире? Так ты, пожалуйста, только в моей комнате ничего не трогай, ладно? Спасибо тебе, мама, что сообщила адрес Эдика Вихрова, по возможности сообщи и Саше Тычинкину. А ты, папа, держись... Осталось ждать недолго — всего полтора года, а время летит быстро. Мама, увидишь ребят, передавай привет очень большой. Молодцы, что не забывают меня и тебя навещают. А Сергею Хмелеву особый дружеский, братский привет. Он — молодец и хороший парень. Мама, дай ему все мои ленты денька на два, пускай перемотает и снимет с них заряд, а то они рассыпаться начнут. Крепко тебя, мама, целую, отца обнимаю. Ваш сын *Игорь*».

В семейном архиве 13 писем Игоря. Четырнадцатое — на имя родителей:

«Уважаемые Алексей Михайлович и Валентина Петровна!

С болью в душе и сердце, с глубоким прискорбием сообщаем вам, что ваш сын рядовой Ганжуров Игорь Алексеевич, выполняя боевое задание, тяжело заболел и умер 2 ноября 1986 года. Больно и тяжело писать вам это сообщение, нет слов для утешения, ничем нельзя помочь вашему горю. Можем вам сообщить, что ваш сын с честью, до конца выполнил свой интернациональный долг по защите южных рубежей нашей Родины.

Просим вас собрать воедино силу воли, мужество и с достоинством перенести безвозвратную потерю, самую дорогую утрату.

Разрешите от имени личного состава разделить скорбь о боевом товарище, безвре-

менно выбывшем из нашего строя, и выразить свое глубокое соболезнование.

С болью и уважением к Вам.

Командир войсковой части *Дьяков*.

Заместитель командира по политической части *Турлаков*».

На войне Игорь Ганжуров находился три месяца. На запрос отца, Алексея Михайловича, сохранились ли письма и фотографии сына, пришел краткий ответ:

«Уважаемый Алексей Михайлович!

По Вашей просьбе горвоенкоматом был послан запрос в часть, где проходил службу ваш сын, с просьбой выслать сохранившиеся письма или фотографии в военной форме.

Из воинской части пришел ответ, что письма и фотографии сына не сохранились в связи с переездом части в другое место.

С уважением Тихвинский Горвоенком подполковник *Вербоватый*».

И снова родители в поисках той части, в составе которой находился Игорек. Нашли.

Снова запрос, на который получили ответ: «...командиры вышли в отпуск, а воинская часть данными о Вашем сыне не располагает».

Выходит, некому и письма написать...

Из письма Валентины Петровны Ганжуровой:

«В конце ноября 1993 года в Тихвине, в одном из старейших городов Ленинградской области, проходил 2-й Фестиваль афганской песни «Когда поют солдаты». В фестивале принимали участие авторы-исполнители из Ленинградской области и других городов России и СНГ. Они приехали сюда, чтобы помянуть рано ушедших из жизни наших ребят, встретиться с однополчанами и родными, чьи сыновья остались на чужой стороне. Ребята выступали, а я видела и слышала Вадима Буликова. Он пел о тех, кто с ним воевал в Афганистане. Слушая, я видела своего мальчика, это он мне говорил: «Я хочу летать, я буду летать, мама?». Запомнила из песни только эти слова:

«Вы крылья мне дали,
ходить учили по земле.

Но дайте мне взлететь,
Дайте мне взлететь,
Дайте мне взлететь...».

Я не верю в смерть сына, хотя очевидцы войны и документы говорят о потере самого близкого человека, и эта потеря ни с чем не сравнима.

Я смотрю на портрет своего мальчика, моего Игорька — такого серьезного, с большими ласковыми глазами и думаю: «Что же они сделали с тобой, сынок?» И плачу. Я так нуждаюсь в общении с сыном.

МРАЧКО ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ

18.XII.66 — 16.XI.86

Родился в ВОЛОГОДСКОЙ области, хутор Дорофеев Котельниковского района. Русский. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, телефонист (в/ч 88870).

Родители: Мрачко Юрий Федорович, Галина Андреевна.

С 1974 года учился в школе поселка Колтуши, затем в средней школе п. Разметелево — по новому месту жительства родителей. В 1985 году закончил СГПТУ № 256 во Всеволожском районе по специальности механизатор широкого профиля. В уборочную работал на тракторе.

12 апреля 1985 года Олег призван в Вооруженные Силы СССР Всеволожским ОГВК. Служил в учебном подразделении (в/ч 34533).

С октября 1985 года — Афганистан, Чарикар (провинция Парван).

16 ноября 1986 года погиб в бою.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту». Похоронен в деревне Озерки Всеволожского района.

Одна из улиц п. Разметелево Всеволожского района названа именем Олега Юрьевича Мрачко.

*О подробностях боевой операции и гибели О. Мрачко рассказал Юрий Третиченок,** друг Олега:*

«Мы были на операции. Минировали поле. Неожиданно попали в засаду. Завязался бой. Я видел, как у ног Олега словно

* Только через 13 лет на 2-м Тихвинском фестивале впервые встретились родители погибших сыновей с воинами-«афганцами» Ленинградской и других областей страны.

** Ю. Третиченок ныне живет и работает в п. Разметелево.

Мы, родители, часто встречаемся в Тихвине,* в Санкт-Петербурге. Когда я с людьми, мне как-то полегче, а как остаюсь одна, не знаю, куда себя деть. Бывало, каждое лето с Игорьком отдыхали у моих родителей. А теперь приеду к ним и через два-три дня хожу, как неприкаянная, — так тянет в Тихвин — к сыну. Жить-то надо. Была семья. А теперь ни мужа, ни сына. Одна. Мой долг — хранить память о сыне, ничего не забывать.

С уважением мать погибшего сына — В. П. Ганжурова, г. Тихвин».

шаровая молния промелькнула. Какие-то доли секунды он стоял неподвижно, глядя на случившееся, а потом стал медленно падать. И здесь я понял: взорвалась мина. Ребята вынесли его, раненного, с поля боя. В нем еще теплилась жизнь. Если бы среди нас был кто-то с третьей группой крови, как у Олега, но таких не оказалось. Спасти друга не удалось. Это случилось под Джелалабадом в последнем для Олежки Мрачко бою. 16 ноября 1986 года».

Они, два школьных друга, повстречались в учебном подразделении Бирлесу Чимкентской области и до конца обучения не расставались, в Афганистане — тоже. Только Юра попал в Кабул, а Олег — в Чарикар. В свободное время им удавалось поговорить по телефону (оба телефонисты). Вспоминали родное Разметелево, родителей, школьных друзей, СГПТУ и уборочную страду в родном селе.

Через полтора года их ждала работа на полях, а пока шла служба они постоянно поддерживали связь друг с другом и посвящали друг друга в мельчайшие подробности того, что узнавали из писем из родного края...

Из письма Галины Андреевны:

«Я жила в Луганске. Встретила хорошего человека. Поженились. Квартиры не было, уехали к родителям мужа в Волгоградскую область. Там наш дом наполнился детскими голосами — Майи и Олежки.

В 1974-м сын пошел в 1 класс. Школа находилась в 4 км от дома, в поселке Колтуши. Когда же мы переехали жить в деревню Разметелево, сынишка посещал местную среднюю школу. По окончании 8 классов решил поступить в ПТУ. Я не возражала...

Каково же было мое удивление, когда у него появилось увлечение — конный спорт. Целыми днями пропадал на секции. Начался яркий перелом в жизни Олега... Увлекаясь все больше и больше конем, он буквально менялся на глазах. Много читал о «сивке-бурке», старался побыстрее справиться с домашними делами и мчался к своим любимцам. И когда я увидела, что конный спорт, кони — это серьезно, успокоилась.

В армию Олег уходил охотно. Писал часто».

Письма приходили из Кабула, Чарикара:

«Здравствуй, дорогая бабулечка!

С огромным солдатским приветом Олег. Служу от Кабула в семидесяти километрах. Вокруг части горы, часть у нас большая, три раза в неделю ходим в клуб, кино смотреть. Кормят хорошо, каждое утро дают кофе. Недавно получил письмо от Юры, пишет, что хорошо отдохнул в деревне.

Бабуля, а как дела идут у тебя, как здоровье? Бабуля, ты обязательно к врачу съезди, себя не перетруждай, больше отдыхай. Передавай привет д. Мише и т. Нине. Бабуль, в этом году грибов много или мало — я б тоже сейчас по лесу ходил... Чего нового в деревне, как погода? У нас жарко, дождей нет. Бабуль, вот мой адрес, пиши...».

«Привет из Чарикара!

Здравствуй, моя дорогая мамочка! С огромным солдатским приветом твой сынок Олег! Служба-работа у меня идет нормально. Скоро перейдем на зимнюю форму, уже со склада взяли теплые бушлаты, кирзовые сапоги, они намного легче, чем прежние. Свободного времени нет. Ты, мамочка, только не волнуйся, если долго не будет писем. Вспоминаю часто дом, дела по хозяйству, милых животных. Целую, *Олег*».

«Привет из Чарикара!

Здравствуйте, мои дорогие мама, Майя и Сережа! С огромным солдатским приветом Олег. Мама, письмо твое получил и сразу даю ответ. Немного о себе: служба идет нормально, время летит быстро, на здоровье не обижаюсь. Недавно приезжал ансамбль из Львова «Ватра». Через день хожу в караул. Погода плоховатая, все ветер дует и днем, и ночью. Недавно получил письмо от Лени Смотрикина, огромный привет всем передает. От бати давно писем нет. Мама, как дела идут у тебя, у Майи и Сережи, как здоровье, как поживает моя крестница Олечка и Андрейка? Передавай всем огромный привет — Юре с Любой и Лазарю с Любой. До свидания. Крепко целую, *Олег*. 19.5.86 г.».

Письмо из войсковой части, где служил рядовой О. Ю. Мрачко.

«Уважаемая Галина Андреевна!

С глубоким прискорбием сообщаем, что Ваш сын Олег пал смертью храбрых, выполняя свой интернациональный долг по оказанию помощи дружественному афганскому народу.

Вместе с Вами скорбим, переживаем большую утрату. Мы искренне скорбим, соболезнуем Вашему горю. Смерть отобрала у Вас сына, который был надежной

Памятник Олегу Мрачко в дер. Озерки.
Всеволожский район.

опорой в семье. Светлый образ Олега навсегда оставит тепло в наших сердцах.

За время службы в нашей части Ваш сын Олег был всегда примером мужества и отваги, безупречного выполнения своих обязанностей, верности воинской присяге.

Честный и отзывчивый, добросовестный и исполнительный, Олег был душой воинского коллектива. Хороший и надежный товарищ, он снискал глубокое уважение и авторитет среди командования части и сослуживцев.

Рядовой Мрачко Олег Юрьевич неоднократно участвовал в боевых операциях против душманских бандформирований, где проявил мужество, героизм и отвагу. За свой подвиг Олег представлен к награждению правительственной наградой посмертно.

Партийная организация, командование части, товарищи по службе гордятся Вашим сыном, его большими делами. Олег — настоящий защитник нашей Родины, воин-

По дорогам Афганистана.

интернационалист, отдавший свою жизнь во имя дела социализма.

Примите наши искренние соболезнования в связи с гибелью Вашего сына. Память о рядовом Мрачко Олеге Юрьевиче навсегда останется в наших сердцах.

ВРИО командира войсковой части *Земляницын*.

Заместитель командира по политчасти *Щербань*.

Не прошло и года после гибели сына, как Галина Андреевна получила письмо от друга Олега:

«Здравствуйте, дорогая Галина Андреевна!

С огромным приветом к Вам Вася. Разрешите с первых строк моего письма поздравить Вас с днем рождения, пожелать крепкого здоровья, счастья в личной жизни и успехов на работе, мирного неба, яркого солнца и чтобы на ваших губах чаще появлялись улыбки. Хочу еще раз поблагодарить вас за ту материнскую ласку, за

доброту, с которой Вы нас встретили... Большое Вам спасибо.

Немного о себе: в июле месяце устроился на работу водителем на грузовой машине. Пока нравится. Погода у нас еще жаркая, но все равно чувствуется приближение осени. Дома у меня все нормально.

Сестренка Оксана сегодня пошла в школу, уже в третий класс. Я ее еще ни разу не видел в школьной форме до этого дня: она такая красивая стала, и, вообще, было приятно видеть наших советских детей такими нарядными, красивыми, счастливыми.

Приезжайте к нам в часть во Фрунзе летом, не пожалеете. Мне кажется, что у Вас останутся лучшие воспоминания о нашем городе. Если приедете, то я Вас познакомлю с моей мамой. Она у меня добрая и красивая. Так что ждем Вас в часть. На этом заканчиваю свое короткое письмо. Тетя Галя, напишите немного о себе. Каждой строчке, написанной Вашей рукой, буду бесконечно благодарен. С нетерпением жду ответа. Ваш *Вася*. 01.09.87 г.».

В 1986 году вырабатывался курс на национальное примирение. Свою оценку положения в стране генеральный секретарь ЦК НДПА Наджиб изложил в октябре этого года в беседах с Воронцовым Ю. М. Вот как излагает точку зрения Наджиба генерал-полковник Б. Громов:

«...Наджибом было отмечено, что из 31 — 35 тысяч кишлаков в Афганистане формально под контролем правительства находится лишь 8 тысяч, а выборы в местные органы власти удалось провести в еще меньшем количестве кишлаков — только в 2.700, вблизи городов. По словам т. Наджиба, городское население активно поддерживает революцию, а в том, что такой поддержки нет в деревнях, виновата сама НДПА, которая не сумела пока разъяснить крестьянам сущность и цели революции. Тов. Наджиб считает, что в настоящее время главная задача партии состоит в том, чтобы идти из города в деревню.

Тов. Наджиб отметил, что военная активность контрреволюции не снижается. В настоящее вре-

мя, говорил он, на территории ДРА действуют 5016 бандгрупп, в которые входят 183 тысячи человек, причем 80 тысяч из них составляют активную боевую силу контрреволюции».

Далее: «...он считает неотложной задачей активизацию действий, направленных на достижение в стране национального примирения».*

Только 31 декабря на Чрезвычайном расширенном пленуме ЦК НДПА курс на национальное примирение получил официальный статус.

В декабре же состоялись новые назначения в высшем руководстве ДРА, в том числе министром обороны вновь стал М. Рафи, на пост министра иностранных дел назначен А. Вакиль.

В этом же месяце состоялась официальная церемония передачи советского военного города в крепости Бала-Хисар (г. Кабул) министерству обороны ДРА. Командование 40-й Армии проводило подготовку к завершению пребывания советских войск в Афганистане. До заключения Женевских соглашений оставалось почти полтора года.

* Б. В. Громов. «Офаниченный контингент», 1994 г., стр. 231.

1987

Позади шесть лет войны. Военные усилия 40-й Армии и афганских вооруженных сил не закреплялись установлением местных органов власти. Силой оружия можно удерживать власть в провинциальных центрах, но решать назревшие проблемы следовало путем переговоров. Медленно созревали принципы национального примирения.

Да, время было упущено. Только в июле 1987-го был опубликован закон о политических партиях, утвержденный Президиумом Ревсовета ДРА. Этот закон регулировал вопросы создания и деятельности политических партий. Лишь в октябре на общепартийной конференции НДПА была утверждена и подписана всеми делегатами резолюция «О неотложных задачах укрепления

Саперы в Панджшерском ущелье. Весна 1987-го.

Саперы на боевом посту.
Разминирование дороги.
Панджшер, весна 1987-го.

Взвод саперов на дороге
перед проведением ко-
лонн автотранспорта по
ущелью Панджшер. Ап-
рель 1987-го.

единства НДПА в условиях борьбы за национальное примирение». Ведь раскол партии на два крыла — «Хальк» и «Парчам», который произошел в 1967 году, продолжал действовать. Борьба «крыльев» принесла НДПА вреда не меньше, чем ее открытые враги.

29 ноября 1987 года состоялся Высший совет государства — Лойя Джирга. На другой день, 30-го, Лойя Джирга утвердил Конституцию Республики Афганистан, был избран президент стра-

ны — Наджибулла,* который объявил делегатам афганского парламента о продолжении линии на прекращение огня до 15 июля 1988 года. Вывод советских войск из Республики Афганистан по

* С этого дня Республика Афганистан. Доктор Наджиб в связи с избранием президентом РА решил вернуться к прежнему имени — Наджибулла. Раньше он сократил его, отказавшись от пышной титулатуры.

**Застава близ кишлака Каха-Сафи. Концерт музыкальной группы 108-й мотострелковой дивизии.
Лето 1987-го.**

Вручение грамоты Т. Ашлановой * за участие в хоре дивизионного Дома офицеров в Кундузе 7 ноября 1987 года.

Хор Дома офицеров в Кундузе (201 мед). Состав его часто менялся, но до сих пор участники хора поддерживают связь друг с другом и почти каждый год встречаются в Москве.

* Т. Ашланова живет и работает в г. Лодейное Поле

согласованию обеих сторон предполагалось осуществить за двенадцать месяцев.

В ходе боевых действий афганские соединения и части не проявляли прежней активности и настойчивости, стараясь избегать столкновений с отрядами моджахедов. Наши воины вынуждены были поддерживать функционирование органов власти в провинциальных центрах, а также в ряде уездов и волостей. Само присутствие 40-й Армии не позволяло моджахедам бесповоротно решать поставленные цели свержения правительства РА. Нужно прямо признать, что оппозиционные партии расценили политику национального примирения прежде всего как слабость государственной власти и лишь усилили борьбу по ее свержению. Повысилась боевая активность отрядов моджахедов в условиях одностороннего прекращения огня советскими и правительственными войсками.

С активизацией моджахедов военная обстановка продолжала осложняться.

Уже во второй половине января 1987 года оппозиция провела решительное наступление и против советских, и против афганских гарнизонов, не оставляя без внимания и мирные кишлаки.

В провинциях Баглан и Кундуз особенно активизировались отряды Гаюра. Эти отряды действовали изоциренно, держали дехкан в своем повиновении под страхом смерти, не брезговали подкупом должностных лиц, сеяли дезинформацию. Действия этих отрядов в указанных провинциях создавали угрозу коммуникациям, которые обеспечивали 40-ю Армию всем необходимым из района Термеза. Советские подразделения были вынуждены вести боевые действия по разгрому гаюровских отрядов.

Количество обстрелов мест расположения советских частей неуклонно росло. На один же момент в хронике войны сразу обратили внимание и советские, и афганские специалисты: пожалуй, впервые за семь лет «духи» воевали и зимой. В то же время боевая активность подразделений 40-й Армии и количество операций в интересах правительственных войск постепенно должны были свестись к минимуму. По свидетельству командующего 40-й Армией генерал-полковника Б. В. Громова, «ответные или, в зависимости от ситуации упреждающие боевые действия командир обязан был проводить только для того, чтобы не допустить массовой гибели наших людей и даже исключить такую угрозу».

В 1987 году боевые действия проходили во многих провинциях. Немало усилий было приложено для стабилизации обстановки в зоне «Юг». Именно там, в районе Кандагара, с мая по сентябрь, с этой целью проводился ряд операций.

В ноябре—декабре была проведена одна из крупнейших операций «Магистраль» по разблокированию Хоста. Воспользовавшись отсутствием советских частей в округе Хост, душманы к осени

На снимке: середина трассы Кабул — перекресток на Баграм. Нападение на колонну нефтевозов 1 февраля 1987 года. Кишлак Мирбачакот.

1987 года восстановили одну из самых крупных перевалочных баз «Джавара», которую наши войска разгромили еще весной 1986 года. Существовала опасность создания в Хосте временного правительства оппозиционных сил. Было принято решение спланировать и провести крупную советскую войсковую операцию афганских и советских войск и обеспечить население Хоста в первую очередь продовольствием, а также другими видами материальных средств, сорвать замыслы оппозиции по формированию альтернативного правительства Афганистана.

В этой операции из состава 40-й Армии участвовали силы 108-й и 201-й мотострелковых дивизий, 103-й воздушно-десантной дивизии, 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, 345-го отдельного парашютно-десантного полка и др. Со стороны афганской армии были привлечены силы и средства пяти пехотных дивизий, одной танковой бригады и нескольких подразделений спецназначения. Кроме того, в операции участвовали более десяти батальонов царандоя и госбезопасности.

Обстановка на магистрали Гардез—Хост была сложной. Сначала предстояло овладеть перевалом Сети-Кандав — он расположен на высоте трех тысяч метров. Группировка оппозиции в этом районе состояла в основном из военизированной части племени джадран. Это племя вообще не подчинялось никакому правительству и действовало, как считали нужным его руководители. В 80-е годы руководство формированиями моджахедов осуществлял Джелалуддин, выходец из этого племени.

Поскольку переговоры с Джелалудином оказались безрезультатными, 23 ноября была начата операция «Магистраль». К исходу 28 ноября передовые части овладели перевалом Сети-Кандав. Затем опять начались переговоры с лидерами воюющего племени джадран. Но 16 декабря вой-

ска были вынуждены продолжить боевые действия. 30 декабря по магистрали на Хост двинулись первые машины с продовольствием.

«Главным итогом проведенной операции, — отмечает генерал-полковник Б. В. Громов, — явился прорыв многомесячной военной и экономической блокады Хоста. Вместе с тем были сорваны планы лидеров «альянса семи» по отторжению округа Хост от Афганистана и созданию на его территории автономного исламского государства».*

Потери личного состава СССР в 1987 году составили 1215 человек, в том числе из Ленинградской области — 7.

* Б. В. Громов. «Афганский контингент», 1994 г., стр. 258 и 305.

«Зенитки» готовы к отражению атаки. Они обеспечивают безопасность колонн в рейсе.

АФГАНСКАЯ БОЛЬ

1. **Снарский Константин Иванович** — мл. сержант, погиб 31 января.
 2. **Борышнев Роман Александрович** — капитан, погиб 5 июня.
 3. **Косенко Анатолий Васильевич** — подполковник, умер 13 июля.
 4. **Мельников Сергей Иванович** — ст. прапорщик, погиб 1 августа.
 5. **Беккерат Анатолий Александрович** — прапорщик, погиб 30 октября.
 6. **Кучеров Владимир Алексеевич** — ст. лейтенант, умер 15 ноября.
 7. **Митрофанов Леонид Владимирович** — рядовой, погиб 31 декабря.
-

СНАРСКИЙ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ

6.XII.66—31.I.87

Родился в поселке Ульяновка Тосненского района. Цыган. Образование среднее профессиональное. Рабочий. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — младший сержант, старший сапер (в/ч 51863).

Мать: Снарская Людмила Ивановна.

До 1974 года семья Снарских проживала в пос. Ульяновка, затем переехала в поселок Мга Кировского района.

После окончания школы-интерната в г. Кировске Костя поступил в СГПТУ-223 по специальности «газосварщик».

С 1985 года начал трудовую деятельность на ГРЭС-8 в г. Кировске.

22 апреля 1985 г. призван в Вооруженные Силы СССР Кировским ОГВК. До 23 октября 1985 г. проходил службу в учебном подразделении в/ч 74959 (г. Ашхабад).

С 24 октября 1985 года — Афганистан.

31 января 1987 года погиб на сторожевой заставе в районе Чарикара.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на гражданском кладбище поселка Мга Кировского района.

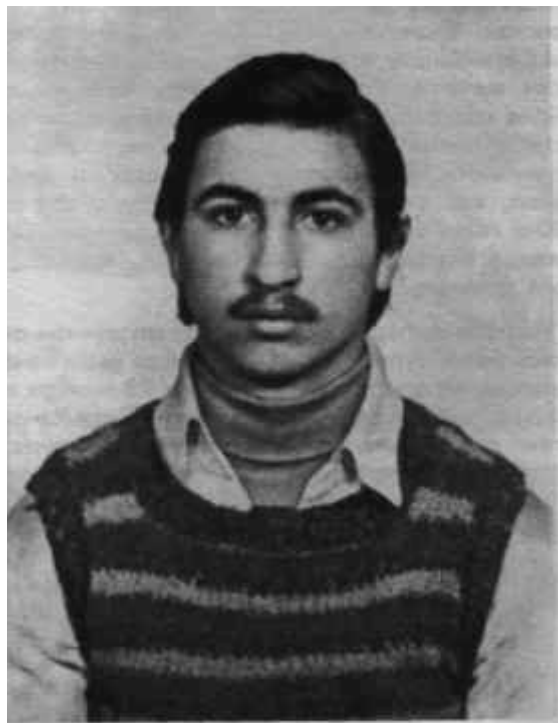
Записная книжка солдата и его письма с войны хранятся у мамы — Снарской Людмилы Ивановны.

«Генералом, может быть, и не приеду к тебе, моя дорогая мамочка, но сержантом, хотя бы и младшим — это точно», — из письма Кости Снарского.

Антонина Николаевна, соседка Л. И. Снарской, пишет:

«Так уж сложилась жизнь: отец Кости оставил семью, когда мальчику едва исполнился год и одиннадцать месяцев. Очень трудно приходилось Людмиле Ивановне одной поднимать и воспитывать сынишку. Порою даже не с кем было его оставить, брала с собой на работу. Сын подрастал, мечтал поскорее начать работать, помогать маме, освободив ее от хлопот. Очень любил маленьких детей, защищал их.

Когда Костю призвали в армию, Людмила Ивановна очень переживала, волновалась, не спала ночей, узнав, что ее сын попал служить в Афганистан. Только его письмами и жила. Читать сама не могла, людей просила. А он писал такие ласковые, такие нежные письма, что мы все восхи-

щались им. Так любить свою маму, как любил Константин, дано не каждому. Посудите сами...».

Тридцать два письма сына передала Людмила Ивановна в Книгу Памяти. Напечатать их все нет возможности, поэтому некоторые не представлены, другие даны в сокращении.

«Здравствуй, мама!

Хочу сообщить, что у меня все хорошо. Жив, здоров. Ну вот вчера получил одну получку — 13 рублей.* И сразу же пошел в магазин, чтобы купить тетради, конверты, подшивы, ручку, ну и покушать, тоже не без этого. На это все у меня ушло 4 рубля, и осталось 9. Пять рублей, как и обещал, посылаю тебе. И открытки буду доставать и посылать. Они продаются только в дуكانах, так называют местные магазины.

* В Афганистане военнослужащему платили «чеками». 13 рублей — это те деньги, что Костя получил в Союзе (в учебном подразделении).

В части таких нет, буду через офицеров просить.

Здесь я устроился неплохо, так что в скором времени буду высылать через людей подарки и тебе тоже, конечно. Теперь у меня появилось очень много друзей из прапорщиков и офицеров. Скучать не приходится, с ними весело. Ну, как твоё здоровье, работа, скучаешь одна? Тетя Сима говорила, как я уйду в армию, она переедет к тебе, чтобы не было скучно. Переехала она или нет? Если нет, то скажи ей, пусть приходит к тебе почаще. Как там Роза и мать ее, не болеет? Увидишь — передавай привет от меня. И Артурке обязательно. Это ведь мой самый лучший друг, так сказать: названный брат. Так что не забудь, за меня не беспокойся. **Такие, как я, нигде не пропадут. Отслужу, как надо, и вернусь.** Ну вот и все. Крепко целую. *Костя*. 20.12.85 г.».

«Мамочка, ты мои деньги копи, и, когда я приеду, мы тебе купим что-нибудь импортное. Высылаю удостоверение на льготы. Отнеси их в ЖЭК, и тебе не надо будет платить за квартиру.

ТЯЖЕЛО ТЕБЕ БЕЗ СЫНА... Целую *Костя*».

«Здравствуй, мама!

Пишу тебе оттуда, где пишут «полевая почта». У меня все хорошо, здесь все спокойно, так что волноваться тебе нечего. Служу здесь со своими товарищами. Скучать некогда. Ну, обо мне потом. Как у тебя дела, как здоровье? Ты, наверное, волновалась, почему я так долго не писал. Ты уж извини меня, раньше не мог. Это ведь не учебка Ашхабада, а полк армейский. Часто на выездах. Наше дело маленькое — поставил мины и иди отдыхай или, наоборот: разминируешь — и опять отдых. Волноваться нечего, у нас всегда хорошая охрана, разведка, потом прикрытие, БТРы стоят, готовые открыть огонь. Ну, как там все родные? На этом я заканчиваю...».

«Здравствуй, мама!

Получил твои два письма, хотя они и не очень веселого содержания, но все же обрадовался им. Прошло уже больше 3 месяцев. Ты уж извини, что заставил тебя

поволноваться, но раньше написать не мог, так как находился на выезде и точного адреса не имел. Ты спрашиваешь, что со мной случилось? А что со мной может случиться? **Такие, как я, и в огне не горят, и в воде не тонут.** Мама, я же сапер. Сейчас наступило уже почти лето и на выездах буду как можно чаще, поэтому письма буду писать реже, чем раньше. Ну, что мне написать о себе? Служба идет нормально, происшествий со мной никаких не случилось, да и не может случиться, ты же знаешь, что я счастливый, и знаешь, мама, не надо меня заживо хоронить. Или ты думаешь, если я служу в Афганистане, то это и все, значит, со мной должно что-то случиться? Мама, все будет хорошо, и мы с тобой скоро увидимся. Ну как твоё здоровье, как работа, родные? В Москву собираешься ехать? Да, вот что — домой буду лететь через Москву, так что тебе придется с 10 апреля до 10 мая находиться в Москве... На этом кончаю свое небольшое письмо. До свидания. Целую, твой единственный *сын Костя*. 7 марта 1986 г.».

«Здравствуй, мамочка!

Пишу тебе второе письмо, хотя первое находится у меня. Послать не могу, потому как нет конвертов. Поэтому ты получишь два сразу, написанные в разное время и под разное настроение. **Мама, за время службы в Афганистане я научился ненавидеть, уважать, любить и скучать. Мама, ты не знаешь, как я по тебе соскучился и только теперь, здесь в Афганистане, понял цену гражданской жизни. Ты даже не знаешь, как временами хочется закрыть глаза руками и крикнуть: где ты, мама? И теперь, чем меньше служить, тем больше и сильнее тянет домой. Я уже больше года прослужил, и меньше года осталось. И так сильно хочется к тебе, а время так жестоко, и поэтому приходится ждать своего срока.** А это будет через одиннадцать месяцев.

Мама, как твоё здоровье? Ты пиши мне о себе все подробно, потому что мне все интересно. Пиши мне, какая у нас погода, как там мои друзья? Не обижаются ли на меня, что им не пишу? Передавай им крепкий, горячий привет и всем родным. До свидания. Целую крепко — твой *Костя*. 11.5.86 г.».

«До нашей встречи осталось 144 дня. Ты часто снишься мне и все время улыбаешься и говоришь: «Потерпи еще, сынок, мы с тобой скоро встретимся, уже немного осталось служить. А когда мне плохо, беру твою фотографию и смотрю на тебя, словно ты мне говоришь: «Не расстраивайся, сынок, все образуется». И мне как-то на душе становится легче. 28.08.86 г. Твой любящий сын *Костя*».

«Здравствуй, моя дорогая мамочка!

Я так соскучился по твоим письмам, ну просто жуть, а когда получил, от радости чуть ли не на голове ходил. Все живу тем, когда вернусь домой и обниму тебя. Вышли свою фотографию. Целую. *Костя*. 16.10.86 год».

«Хочу сообщить тебе новость. Сегодня, 19.10.86 года начинают выводить полки из Афганистана. Пока их только 6. Недавно выводили танковый, его обстреляли. Эти сволочи прячутся в горах и оттуда бьют по нашей технике, жгут машины, убивают, мучают наших солдат. Это в горах. А у нас тихо, спокойно, словно и нет «духов». Твой *Костя*».

«Мамочка, ты получила письмо с открыткой, а на ней пришитый крестик — тебе подарок в день твоего рождения. 11 ноября 1986...» (Письмо Людмила Ивановна получила, но крестика не было.—*Авт.*).

«Здравствуй, мама!

Пишу тебе снова письмо, а ответа нет. У меня все хорошо, служба идет нормально. Я подружился здесь с одним майором, короче, я нахожусь сейчас под его покровительством. Увольняться будем вместе, почти вместе. Он уйдет в феврале, а я в начале апреля. Он знает, что мы с тобой живем одни. Он все спрашивает о тебе, как твоё здоровье, не болеешь, работаешь или нет, когда на пенсию, и все удивляется, почему меня забрали в Афганистан. У него тоже есть сын и дочка — Коле. 16 лет, Ире 14 лет. Это очень хороший человек. Я уже имею благодарность за разминирование. А недавно он мне говорит: «Ты смелый и хороший сапер, но ты должен себя беречь. Мама тебя любит, и ей очень больно будет,

если с тобой что-нибудь случится». Теперь я дневальный по модулю прапорщиков. Забот никаких, сел и пишу тебе письмо. Целую. *Костя*».

«Здравствуй, Мама!

Вот пишу тебе с нового места службы. Сейчас нахожусь не в полку, охраняю трубопровод. Это значит, что я охраняю трубы, по которым текут солярка и керосин. Нахожусь я на 44 гарнизоне или сторожевая застава № 12. Мне здесь очень нравится. Здесь я сам себе хозяин, надо мной начальника здесь нету. Работа моя, я думал, будет легкой, а оказалось все наоборот. Выезжаю каждую ночь на проверку трассы, так что приходится спать днем. А так служба идет нормально... До свидания. Целую тебя крепко. *Костя*».

«...Мамочка! Желая тебе счастья в нашей жизни. Почему в нашей — потому что ты всегда со мной, а я с тобой. Мама, не забывай меня... 6.12.86 г. *Костя*».

«Здравствуй, мама! Во-первых, хочу сообщить, что жив-здоров, того и тебе желаю. Немножко о себе. У меня по службе все по-старому, изменений никаких нет, да и быть в ближайшее время не может. Считаю дни и думаю, когда обниму тебя, сядем вдвоем за стол и будем пить чай: я из своего любимого бокала, а ты — со своей чашки. Будем сидеть и молчать, и смотреть друг на друга. Когда же это будет, мама? Сегодня у нас воскресенье, стирка белья и баня. Как приятно после трудной недели помыться в бане с парилкой. Ладно, обо мне хватит. Как там родные и близкие, получаешь ли письма из деревни или нет? Бываешь ли в Петергофе, Стрельне или нет? Будешь в Стрельне, передай привет т. Фросе, хозяину, Азмеду и всем остальным. Передай от меня привет всем на работе. Ну вот и все, написал бы больше, да новостей никаких нет, да и баня освободилась. Ну, я пошел. До свидания. Целую *Костя*. 4.01.87 г.».

«Тебе ведь главное узнать, что я жив-здоров. Больше ничего не надо. Да? 11.01.87 г.».

«...Из полка перевели на 11 заставу. Это за Чарикаром. Проверяю трубопроводы. Джабаль — здесь наш полк.

Себя береги, мама, очень ты мне нужна! Любящий тебя сын Костя. 30 января 1987 года».

Документ: «Уважаемая Людмила Ивановна!

В этот скорбный час от всей нашей роты приносим Вам свое соболезнование. Ваш сын погиб при выполнении интернационального долга в Афганистане.

Константина мы знаем как отзывчивого товарища. Мы с большим уважением относились к нему. Он никогда никому не сказал плохого слова, которое могло бы обидеть человека. К поручениям начальников и командиров относился добросовестно, всегда выполнял их, помогал молодому пополнению в обучении своей военной специальности— сапера. Спасибо Вам, Людмила Ивановна, за сына, за то, что он у Вас настоящий друг и товарищ, настоящий, хороший человек. С уважением *друзья Кости* по службе.

В этот час скорби по потере товарища мы, комсомольская организация и все комсомолы роты, выражаем свое глубокое соболезнование.

Константин был хорошим товарищем, специалистом своего дела.

Должность сапера—очень почетная в Демократической Республике Афганистан. Костя гордился ею. У Кости был добрый, мягкий, веселый характер. Все поручения выполнял добросовестно, участвовал во всех мероприятиях роты. Для меня, как заместителя командира взвода, гибель Кости отозвалась в душе горькой утратой не только как солдата, а как человека, которого уже не вернуть.

От имени коллектива инженерно-саперной роты выражаем Вам, Людмила Ивановна, глубокое соболезнование. Во взводе, в котором он служил, будут высоко чтить его светлую память. От друзей и сослуживцев инженерно-саперной роты секретарь комсомольской организации *Баранов».*

«Мама Кости, — продолжает Антонина Николаевна, — не может ни читать, ни писать. Так сложилась жизнь, что ей не пришлось учиться. Все письма сыну, родным пишут добрые люди с ее слов. Плохие пред-

чувствия о судьбе сына не покидали Людмилу Ивановну с первых дней службы Кости в армии, а когда случилось горе, то здоровье ее очень пошатнулось.

Не знает мама никого из друзей, которые служили с сыном, кто мог бы рассказать ей о Косте.

Живет одна, наедине с горем. После гибели сына ей выделили однокомнатную квартиру, а потом забыли о матери воина-афганца.

В разговоре по телефону Людмила Ивановна просила написать в Книге: «У меня был единственный сын, которым я жила и очень любила, и все время ждала его. Я и сейчас не верю, что он погиб. Я его жду. А служил он в в/ч п/п 51863 «Л». Может быть, кто и помнит моего Костю. Я живу в поселке Мга Кировского района Ленинградской области, Комсомольский проспект, 64, кв. 60. Индекс 187300. Отзовитесь, кто служил с моим сыном. С уважением — *мама».*

Подробностей гибели сына Людмила Ивановна не знает. Лишь помнит, как ей рассказывал сопровождающий из части сына— 31 января 1987 г. в 7.30 утра Константин пошел на обход и при спуске к трубопроводу, который они обслуживали, обнаружил мину. При разминировании Костю окружили душманы. И тогда он подорвал себя и 12 душманов.

Чубич Сергей Геннадьевич из Кировского района пишет: «Сам с болью в сердце вспоминаю Афганистан и наших ребят, погибших на войне. Очень жалею их родителей — сыновей-то не вернешь. Давайте мы, живые, будем помнить о них...».

Саперы находили мины повсюду, даже там, где их по логике не могло быть. На дорогах, возле родников, у мостов и переправ. Их закладывали повсюду.

Для засады душманы выбирали сложный рельеф, занимали господствующее положение на высотах: при хорошем вооружении крупнокалиберными пулеметами, минометами, снайперскими винтовками с оптическими прицелами они превращали занятые позиции, по существу, в неприступные. Единственное направление, откуда предполагалась атака, — тропа,

склон горы, узкий берег горной речки — минировалось.

Группа саперов, отправляясь на задание, использовала любое естественное прикрытие: каменный уступ, щель, выбоину, корень поваленного дерева. Мины хорошо замаскированы: двадцатисантиметровый кружок с колпачком-взрывателем припудрены песком. Часто ветерок или редкий дождь смывал его, и тогда противопехотные мины

лежали на поверхности, как язвы. Однако «главное направление» таило десятки неожиданностей, почти не повторяющихся. За разряженными минными полями, сделанными как бы для отвлечения внимания, следовали невероятно густые: каждый шаг давался ценой огромного напряжения, несмотря на то, что овчарка следовала впереди. Ни на секунду не покидало тягостное ожидание: вот-вот застрочат сверху пулеметы...

БОРЫШНЕВ РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

7.II.60—5.VI.87

Родился в г. Бабаево Вологодской области. Русский. Образование высшее. Женат. В Афганистане — капитан, начальник эвакуационной, парашютно-десантной службы полка, летчик-штурман вертолета МИ-8 (в/ч 17668).

Родители: Борышнев Александр Иванович, Антонина Иосифовна.

С 1963 по 1973 год семья Борышневых проживала в Вологодской области. Четыре года Роман учился в школе пос. Суда.

В 1977 году Роман окончил среднюю школу № 1 в г. Тихвине по новому месту жительства родителей.

1 августа 1977-го был призван в Вооруженные Силы СССР Тихвинским ОГВК.

В 1980 году окончил Саратовское высшее военное авиационное училище. Служил в Приволжском военном округе. Как особо отличившийся в учебе, был оставлен в училище на должности летчика-инструктора. Женится. Через год в семье Борышневых родился сын Сашенька.

В августе 1986 года — направлен в Афганистан. Рапорт о назначении в ДРА был подан Р. А. Борышневым задолго до 1986 года.

Неоднократно участвовал в боевых действиях. С 6 по 17 марта 1987 года находился в отпуске в кругу семьи и снова — Афганистан.

5 июня 1987 года погиб, выполняя боевое задание.

Награжден орденом Красной Звезды, орденом Боевого Красного Знамени (посмертно), юбилейными медалями.

Похоронен на воинском кладбище в Тихвине.

Друзья Р. А. Борышнева передали в редакцию газеты «Трудовая слава»* его стихи. Магнитофонную пленку с любимыми песнями передали Антонине Иосифовне.

Он родился на четыре часа позже своей сестры Ольги. Еле мальчонку откачали, но уж потом он словно чувствовал себя загворенным от смерти. Рвался в самые отчаянные приключения — и выходил из них невредимым.

Р. А. Борышневым задолго до 1986 года.

На железнодорожной станции Суда, где Борышневые в то время жили, у дома стояла высокая противопожарная лестница. Казалось, залезешь по ней — весь мир увидишь. Но высоко, страшно. Лазил по ней один Ромка.

* В газете «Трудовая слава» напечатан очерк журналистки Л. Виноградовой «На крыльях долга» о жизни Р. А. Борышнева.

— Что видно? — нетерпеливо кричали ребята снизу.

— Лес. Да небо. Как хорошо! — ликовал Ромка, усаживаясь на самой верхотуре.

Отец отбил на лестнице нижнюю ступеньку, вторую, третью. А приходя с работы, опять заставлял сына наверху.

В их семье использовалось одно наказание детей: не пускать гулять. Закрыли «за лестницу» в доме и Романа. А он выпрыгнул со второго этажа. Не терпел мальчишка любого насилия. Родители поняли: лучше парня не ломать. А что риск любит, так разве можно вырастить мальчишку мужчиной, если постоянно за него бояться?

— О воспитании как-то не думали, — говорит Антонина Иосифовна. — Сами с уважением к людям относились, и детям это передалось. Как сами жили, так и детей жить учили. Сама всю жизнь на железной дороге работала. Забегу, бывало, детей посмотреть, да и опять на работу. Младшенького сына Марка, считай, Ольга с Ромушкой вырастили. Муж тоже дома находился не часто. Он машинистом тепловоза работал.

Дети в семье Борышневых были самостоятельными и ответственными. Родители им доверяли, да и куда деться от житейской необходимости — варить обеды, стирать, заниматься уборкой, мастерить себе игрушки...

Однажды Роман узнал, что Марку клюшку купили. Он был весьма удивлен и в письме написал: «Марку клюшку покупаешь? — Пусть делает сам...». Надо ли говорить, как ответственность, самостоятельность, уважительное отношение друг к другу сплывали детей. Антонина Иосифовна и Александр Иванович были во всем для них примером.

Из газеты «Трудовая слава» от 30 июня 1987 года:

«В тот день, когда Роман и Ольга получили аттестаты о среднем образовании, коммунисту, заместителю начальника станции Тихвин А. И. Борышневой за отличную работу вручили орден «Знак почета».

Маму дети любили, боялись хоть чем-то встревожить, огорчить. Вот почему служба в Афганистане по взаимной договоренности Романа с женой и Ольгой была для Антонины Иосифовны секретом.

Из телефонного разговора с Антониной Иосифовной 30 мая 1993 г.:

«Что могу рассказать о сыне? Уехал из дома в 17 лет, сразу после окончания школы. Домой приезжал один раз в год. О нем многое узнавала со слов его жены, друзей, ведь 10 лет Ромушка не жил дома — сначала учеба, потом служба, работа, семья. Жили мы на расстоянии: письма да телефонные переговоры. В семье Ромушка был счастлив, ему повезло с женой, Евгенией Викторовой.

Они поженились, когда Роман служил летчиком-инструктором в учебном полку, расположенном в Пензенской области, в городе Сердобске. Он учил курсантов управлять вертолетом. А инструктор, мастер по парашютному спорту Женечка учила их прыгать. На земле такая худенькая, застенчивая, скромная, а в небе... Она совершала самые невероятные виражи, в воздухе парила, как птица. А улыбка у нее такая детская, словно верила она, что никто и никогда не сможет причинить ей зла, и живет она среди добрых людей. Впрочем, так оно и было. Казалось, их счастье — небо и земля, а сами они — то единое целое, что нельзя не разбить, не разъединить, а соединяющее чувство так сильно. Да только ли им так казалось?».

Когда приехала Антонина Иосифовна к детям в Сердобск, просто растрогалась их отношением к ней, вниманием друг к другу. К их гостеприимному домашнему очагу приходили знакомые и друзья из военного городка, чтобы согреться душой. Роман и Женя всегда им радовались.

Рома, бывало, по выходным дням скажет: — Женечка, давай сегодня большой обед приготовим?

— На сколько человек? — улыбалась она — Или кроме своих курсантов ты пригласил еще кого-нибудь?

И, затихая в его объятьях, шептала: «Господи, Ромка, почему у нас с тобой все так хорошо?...».

Все ли? Она-то знала, что рапорт с просьбой служить в Афганистане уже был подписан.

В августе 1986-го Романа Александровича направили в ДРА. Должность — начальник парашютно-десантной службы. Об этом знали все, кроме мамы. Только сердце

матери — вешун, его не обманешь. Не знала, где летает ее сын. Где же мог он находиться, как не там, где опаснее всего?! А он хитрил:

— Временно меняю место жительства. Буду служить на Урале. Часть засекречена. Есть только номер полевой почты. Женю, чтоб не скучала, отправляю к родителям в Йошкар-Олу.

А раньше они всегда были вместе. Значит? Он ТАМ, на войне...

— Пришли, сынок, фотографию, — хитрит мама, надеясь по ней узнать, где служит ее Роман.

И он присылает любительское фото: «гагаринская» улыбка, сам в форме парашютиста и безоблачное небо, поди-ка разберись, чье оно, — свое или афганское? И Женечки нет рядом, а он, Ромушка, в письме сообщает: «Прыгали с Женей в одно время, только в разных местах, хотелось бы, конечно, вместе, но что поделаешь».

«Женечка, — писала Антонина Иосифовна невестке, — не скрывай от меня правды. Ты сама мать и должна понять, как я мучаюсь. Хочется надеяться на лучшее. Скажи мне, он в Афганистане?». И потом долго казнила себя: «Что же это я делаю! Если он там, то каково ей с малышом, с Сашенькой!». И следом отправляла новое письмо: «Ромушка пишет, что в июне на побывку придет, а в августе в отпуск. Все вместе дома соберемся, совсем немножечко дней осталось». Евгения Викторовна отвечала: «Очень надеюсь на лучшее. Везде надо выполнять свой долг».

Так и жили в ожидании его писем, одна — от сына, другая — от мужа, обе оберегающие друг друга от неприятностей. Дни тянулись долго, однообразно, томительно.

Жене Роман Александрович как-то написал в стихах:

Будет трудно, да, очень трудно —
Ни барьеров не счесть, ни преград,
Будет праздник, и будет скучно,
Но я этому только рад...

«В июне буду дома. Ждите!» — писал он. Только в этот последний (если бы только

знать об этом раньше!) приезд не смогла Антонина Иосифовна встретиться с ним. Из больницы по телефону поговорила с сыном, невесткой, услышала голос внука — и все...

Одиннадцать дней длиною в один миг провел Роман Александрович в кругу своей семьи. И снова в путь. Снова Афган. И снова в самых трудных ситуациях солдаты части, стоящей недалеко от Кандагара, взывали по рации: «Пришлите Борышнева! Слышите? Романа Борышнева! Он нас спасет!».

И он спасал. О его бесстрашии, летном мастерстве ходили легенды — 80 боевых вылетов сделал начальник эвакуационной службы 27-летний капитан Р. А. Борышнев за 10 месяцев на афганской войне, 342 матери страны обязаны ему счастьем обнять вернувшихся домой сыновей.

За день до гибели он вернулся на аэродром на прострелянном автоматной очередью вертолете, сам удивляясь, что остался жив.

Это случилось 5 июня 1987 года. Под прикрытием двух вертолетов Р. А. Борышнев вылетел в горы за солдатами, попавшими в окружение. Обстрелял территорию, готовый к любым неожиданностям, он бросил вертолет вниз, завис над землей. За считанные минуты погрузили раненых. Взлет вертикальный, иначе не позволяют горы. Поднялись метров на 15, опасаясь гранатометчиков. Еще раз обстреляли территорию и стали набирать высоту. Четкие и точные действия командира. И тут внизу раздался единственный выстрел.

— Командир, снаряд попал в бензобак! — доложил штурман.

— Спокойно, ребята, садимся, — ободрил товарищей Р. А. Борышнев.

На аэродроме слушали рацию с замиранием сердца.

Стараясь заглушить помехи, командир кричал: «531, приказываю прыгать!». Но как мог капитан Борышнев оставить в горящем вертолете раненых бойцов?

«Приказываю прыгать!» — повторял, еще на что-то надеясь, командир. Напряжение у людей на командном пункте управления полетами было на пределе.

Начальник эвакуационной парашютно-десантной службы полка капитан Р. А. Борышнев (первый слева), 1987 год.

«Приказываю пры..» — оглушительный взрыв заставил всех онеметь. Он показался им таким, потому что хотелось кричать от этой страшной потери, потому что нельзя было примириться с тем, что нет больше Ромки, Романа, Ромушки...

«Ваш сын за чужие спины не прятался, — сказал Антонине Иосифовне майор А. И. Отливанник, живший с Романом Александровичем в одной комнате. — «Пришлите Борышнева. Он спасет!» — для летчика самая высокая похвала. Вы можете гордиться сыном, Саша — отцом, Евгения Викторовна — мужем. Он был настоящим человеком».

Антонина Иосифовна, Евгения Викторовна получили официальное письмо от командования воинской части 17668:

«Выполняя патриотический и интернациональный долг, Роман Александрович проявил высокие качества офицера-интернаци-

оналиста. Он прожил непродолжительную, но яркую жизнь беззаветного защитника нашей Родины, до конца выполнившего свой воинский долг. Командование, политический отдел, весь личный состав выражают безмерную скорбь и глубокое соболезнование всем, кто знал Романа Александровича. Светлую память о нашем боевом друге мы навсегда сохраним в наших сердцах.

Командование, политический отдел воинской части».

В личном деле капитана Р. А. Борышнева сохранились следующие записи:

«Выписка из приказа командира войсковой части.

6 июня 1987 года, № 170, г. Кандагар.

Начальник парашютно-десантной службы летчик-штурман капитан Борышнев Роман Александрович, выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 5 июня

1987 года. Смерть связана с выполнением обязанностей военной службы. Сего числа исключить из списков личного состава части и всех видов довольствия по летной норме...».

«Выписка из приказа командующего общевойсковой 40-й Армии № 0107 от 26 июня 1987 года.

Капитана Р. А. Борышнева — начальника парашютно-десантной службы, летчика-штурмана 280 отдельного вертолетного полка исключить...

5 июня 1987 года погиб при выполнении боевого задания в ДРА».

За мужество и героизм капитана Р. А. Борышнева представили к ордену Красной Звезды. Эту награду он не смог получить. Погиб. Еще раз представлен к награде, но уже посмертно...

«...Высота, высота, над землей — синева.
— Это мирное небо над Родиной.

Но простые и строгие слышим слова:
«Боевым награждается орденом», —

звучит из магнитофона приятный, почти мальчишеский голос. Товарищи Р. А. Борышнева привезли из Афганистана пленку с простой надписью: «Песни Романа», те, которые капитан любил слушать в короткие минуты отдыха. Своих боевых орденов он получить не успел.

«Трудно мне без Ромушки, — говорит Антонина Иосифовна при встрече на Тихвинском фестивале песни в ноябре 1993 года. — 11 лет, как не стало мужа у меня, а семь лет назад потеряла сына. Письма, фотографии, магнитофонную пленку с его любимыми песнями берегу.

Сделала вторую запись, чтобы, не дай Бог, случайно не стерли. Здесь на фестивале выступали такие же молодые люди, как мой сынок, да только не было его среди них и никогда мне не услышать его голоса.

Когда становится невмоготу, беру пленку, включаю магнитофон, слушаю и плачу. Так трудно поверить в то, что его нет в живых.

Мне плохо без Ромушки. Хорошо, что хоть дети Ольги рядом со мной, все как-то полегче.

Внук Сашенька живет с мамой — вылитый Ромушка. Его в части все Ромкой звали, теперь, говорят, он — сын полка. Кем он станет — не знаю, в тетрадях да в дневнике все самолетики рисует, наверное, тоже будет на вертолете летать и стихи писать, как отец. И еще хочу попросить, напечатайте, пожалуйста, в Книге стихотворение моего Ромушки на память — вот это:

Жажда цели во мне вскипела,
Страсти новым лучом уже бьют,
И душа бы, пожалуй, не смела
Жить в комфорте, где штиль и уют.
Пусть этап этот самый трудный,
Пусть последний он для меня,
И на счастье он очень скудный,
Но хочу я встать, как заря.
Освещать всем другим дорогу,
Для людей жизнь свою отдавать,
И шагать вместе с веком в ногу...
И еще человеком стать...

Водитель оперативной машины 61-й самостоятельной военизированной пожарной части Юрий Фещенко, служивший в Афганистане, признается:

«Большую нагрузку несли наши советские авиаторы в Афганистане. Бывало, за несколько месяцев некоторые вертолетные экипажи выполняли годовую норму налета. И это в таких сложных климатических условиях, когда противник буквально гонялся за крылатыми машинами. И в таких вот условиях работал и капитан Р. А. Борышнев. Представьте себе, что в горах идет бой. Боеприпасы у наших солдат на исходе. Есть раненые, а помощь может прийти сверху, а именно, со стороны вертолета-спасателя, которого ждут-не дождутся бойцы, а тут...

Пальба, грохот, крики и синее-синее, до отчаяния пустое небо.

А дома — мама, и так хочется жить...».

КОСЕНКО АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

6.III.47—13.VII.87

Родился в городе Благовещенске. Русский. Образование высшее. Военнослужащий. Член КПСС. Женат. В Афганистане — подполковник, командир вертолетной эскадрильи (в/ч 70419).

Родители: Косенко Василий Яковлевич, Зинаида Андреевна.*

Учился в разных школах страны — по месту службы отца. Работал слесарем на Горьковском автомобильном заводе и одновременно учился в вечерней школе.

20 августа 1966 г. призван в Вооруженные Силы СССР.

С 1966 по 1970 г. — курсант Сызранского высшего военного авиационного училища летчиков. Специальность — командная авиационная, летчик-инженер, военный летчик I класса, инструктор парашютного спорта.

С 1970 по 1978 год — служба в г. Могоча Читинской области, с 1978 по 1986 г. — п. Глебычево Выборгского района Ленинградской области.

С 4 по 27 мая 1986 г. — Чернобыль.

С сентября 1986-го — Афганистан. Служил в Кундузе..

13 июля 1987-го умер от инфаркта.

28 сентября 1987 года награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на городском кладбище в Нижнем Новгороде.

Из послужного списка А. В. Косенко:

1968 год — *рядовой А. В. Косенко* награжден медалью «50 лет Вооруженных Сил СССР», 1977 — *капитан А. В. Косенко* награжден медалью «За безупречную службу III степени», 1978-й — медалью «60 лет ВС СССР», знаком «Отличник погранвойск II степени» за участие в учениях на территории Белоруссии, 10 мая 1986-го *подполковнику А. В. Косенко* выносятся благодарность командующего ВВС Краснознаменного Киевского военного округа генерал-лейтенанта авиации Н. Клюкова за самоотверженное выполнение государственного задания по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. 24 декабря 1986-го — орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени (за Чернобыль).

* Зинаида Андреевна Косенко умерла в 1995 году.

По-своему интересны дарственные надписи на книгах именитых авторов: они раскрывают круг деловых общений, характер, профессиональную выучку Анатолия Васильевича.

«Подполковнику Косенко Анатолию Васильевичу на добрую память о встрече на Киевской земле в горячие дни от генерального конструктора ОКБ имени М. Л. Милля — Тищенко».

«В память о Вашей мужественной работе в Чернобыле в мае 1986 года. Генеральный конструктор ОКБ имени О. К. Антонова — П. В. Балабуев».

Ну, а каким Анатолий Васильевич Косенко остался в памяти живых?

Из письма вдовы Галины Михайловны Косенко:

«Анатолий Васильевич был твердым, требовательным командиром, поставил на ноги, внушил уверенность многим молодым

летчикам. Жизнерадостный, веселый, щедрый человек, он любил природу, охоту, рыбалку, животных. Мог отдать последнее друзьям и знакомым. Любил детей. Болел душой за осиротевших афганских ребятшек: вместе с товарищами посещал их в детском доме, возил подарки, кормил — есть много таких снимков из Афганистана. Родители мужа — ныне пенсионеры, инвалиды, живут в Нижнем Новгороде. Наши дочери уже взрослые, у них свои семьи — обычные, нормальные. Все мои воспоминания о любимом человеке не опишешь. Одно лишь скажу: мы всегда помним о нем и никогда не забудем.

С уважением Галина Михайловна, дочери Марина и Инна. Август 1993 г. Высылаю фотографию, копии документов *А. В. Косенко*».

Документы: «Приказ командующего ВВС Ленинградского военного округа от 25 апреля 1985 г. Ленинград.

22 апреля экипаж вертолета МИ-6, пилотируемый заместителем командира эскадрильи летчиком I класса гвардии подполковником Косенко А. В., выполнял полет по спецзаданию. На участке маршрута над акваторией Финского залива на вертолете произошло разрушение и отрыв 20-й секции одной из лопастей несущего винта.

В условиях повышенной вибрации на вертолете, действуя четко и грамотно, гвардии подполковник Косенко А. В. благополучно произвел вынужденную посадку на технологическую площадку строящейся через залив дамбы, предотвратив возможное летное происшествие.

Приказываю:

1. За умелые и грамотные действия в аварийной обстановке заместителю командира эскадрильи гвардии подполковнику Косенко А. В. объявить благодарность и наградить наручными часами «Командирские».

2. Остальных членов экипажа командиру в/ч 55745 поощрить своей властью.

3. Приказ довести до личного состава частей ВВС ЛенВО.

Командующий ВВС ЛенВО генерал

Ю. Михайлин

Начальник штаба ВВС ЛенВО

Н. Тарасов».

Выписка из летной характеристики заместителя командира вертолетной эскадрильи подтверждает лучшие качества подполковника А. В. Косенко, хотя и написана официальным языком документа:

«За время прохождения службы в полку Косенко А. В. зарекомендовал себя дисциплинированным, требовательным офицером. Военный летчик I класса. Подготовлен к боевым действиям днем и ночью, в простых и сложных метеоусловиях, в полном объеме курса боевой подготовки.

Является летчиком-инструктором, умело передает опыт и обучает летный состав. Общий налет — 2880 часов, в 1986 году — 95 часов. Авиатехнику знает и грамотно ее эксплуатирует. Методически грамотно проводит теоретические занятия с летным составом. Летать любит. Летает уверенно, в усложненной обстановке действует грамотно. Все полетные задания выполняет с хорошим качеством. Среди подчиненных пользуется заслуженным авторитетом.

Командир эскадрильи *Ласаев*. Командир в/ч 55745 *Ванин*. 28.7.86 г.».

Летать любит... Пожалуй, этими двумя такими емкими словами сказано все. Любит — значит, не мыслит себя без неба, какая бы там тяжелая работа не выпадала. Любит — значит, жертвует не просто во имя того, чтоб остаться поблизости от «рая», а чтоб не оказались в прелестном «небесном уголке» боевые товарищи, соратники, друзья. Как пел Владимир Высоцкий: «Он взлетел выше рая, не отрываясь от земли...».

Из письма войсковой части от 13.07.1987 г.:

«Уважаемая Галина Михайловна! Командование и политический отдел вертолетного полка с глубоким прискорбием сообщают Вам, что при выполнении боевого задания по оказанию интернациональной помощи дружественному народу Афганистана тяжело заболел и умер Ваш муж подполковник Косенко Анатолий Васильевич. Он был заботливым командиром, надежным товарищем и верным другом. В коллективе его ценили и уважали за честность, душевность, доброту и человечность.

Светлый образ Вашего мужа, пример беззаветного выполнения воинского долга,

навсегда останется в памяти у личного состава полка.

Командир в/ч 70419 полковник *В. Белов*
Начальник политотдела подполковник
А. Яковенко».

Анатолия Васильевича больше нет и ничем уже не воскресить его. Но близкие в сотый, тысячный раз задают отнюдь не риторический вопрос: зачем, зачем жертвы, где справедливость?

Из письма Галины Михайловны:

«Я считаю, что смерть мужа напрямую связана с Чернобылем. Сколько (я читала) погибло людей именно от инфарктов через год или даже меньше после Чернобыля. И только наше правительство и военное начальство могли додуматься посылать людей после такого пекла, как Чернобыль, в такую экстремальную обстановку, как Афганистан. Какие надо иметь нервы и здоровье, чтобы это все пережить.

Что рассказывал Анатолий Васильевич об Афганистане? — Немного. Но как-то заметил: «Не верь ни одному слову, что говорит Лещинский об Афганистане по телевизору». И все. Не хотел нас тревожить, волновать. А старший зять привез большой осколок от снаряда и сказал, что почти каждую ночь на них «это» обрушивалось.

Из присланных документов, я думаю, вы получите представление о моем муже. Да,

он совершил более 600 прыжков с парашютом. Писем, к сожалению, немного, и я не нашла, что оттуда взять, — в основном наши личные проблемы.

Фотографии подклеены в альбомах, так что выслать их не могу.

Что касается семьи... Живу и работаю в поселке Глебычево. Младшая дочь с зятем живут со мной. Старшая, Марина, в Харькове, у нее две дочки растут, тоже Инна и Марина, обе школьницы, отлично учатся. Так что все в порядке. Живем дружно.

Память о муже и отце храним, ездим на могилу летом. Родителей его тоже не забываем. Отношения у нас были хорошие и остались до сих пор. Вот пока и все. С уважением *Г. М. Косенко*. 25 июня 1994 г.».

Подполковник Анатолий Васильевич Косенко в Афганистане выполнил 165 боевых вылетов с налетом 180 часов. 17 апреля 1987 года, будучи ведущим группы вертолетов, при выполнении боевой задачи по доставке топлива на высокогорную площадку в районе Файзабада своевременно заметил пуск ракет по вертолетам. Подал команду на выполнение противозенитного маневра и отстрел тепловых ловушек, чем предотвратил боевые потери и обеспечил успешное выполнение задачи.

При выполнении очередного задания заболел и 13 июля 1987 года умер.

Бои в Баграме 14–16 августа 1987 года. На заднем плане дым: подорван вертолет вооруженных сил Афганистана.

МЕЛЬНИКОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

15.IX.55—1.VIII.87

Родился в поселке Булок-Баши Андижанской области Узбекской ССР. Русский. Образование среднее специальное. Военнослужащий. Беспартийный. Женат. В Афганистане — старший прапорщик, бортовой механик вертолета (в/ч 70419).

Родители: Мельниковы Иван Максимович, Любовь Павловна.

Получил среднее образование в Узбекской ССР.

13 февраля 1973 года призван в Вооруженные Силы СССР Выборгским горвоенкоматом. Служил в Группе Советских Войск в Германии.

После демобилизации с 1975 по 1977 год обучался в 110-й школе прапорщиков, в/ч 21732, получил диплом с отличием по специальности бортовой механик вертолета.

С 1977 по 1983 год служил в поселке Глебычево Выборгского района.

С 5 сентября 1983 года по 1 ноября 1984-го — Афганистан.

15 сентября 1986 года снова вернулся в Афганистан.

1 августа 1987 года погиб, выполняя боевое задание.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», грамотой «За безупречную службу и успехи в боевой и политической подготовке».

Похоронен на гражданском кладбище в п. Советский Выборгского района.

Из письма вдовы Мельниковой Зои Васильевны:

«После возвращения из Германии мы с Сергеем Ивановичем поженились. В 1977 году у нас родился сын Дмитрий. * Сережа его очень любил, дома помогал во всем, показал себя отличным отцом и мужем. Веселый и общительный, он имел много друзей. Тяжело нам достался 1983 год...».

СПРАВКА

(из личного дела)

«Прапорщик С. И. Мельников при освидетельствовании 16 июня 1983 года во время летно-врачебной комиссии признан годным к летной работе бортмехаником на всех типах вертолетов. Противопоказаний к направлению вграничную командиров-

ку в страну с неблагоприятным жарким климатом — нет.

Диагноз: здоров».

Как пишет Зоя Васильевна, как ни трудно, но они пережили этот год. Ее муж по службе имел три благодарности: за два месяца.

С. И. Мельников со своими боевыми товарищами вернулся домой поздней осенью 1984-го из Афганистана. Там, на чужбине, остались их однополчане.

Потом в семье Мельниковых родился второй сын, Александр. Души не чаяли родители в детях. Но снова пришлось расстаться. Опять «командировка» в ДРА.

Документ от 5 мая 1987 года:

«Старший прапорщик Мельников Сергей Иванович — бортовой механик вертолета

* Дмитрий Сергеевич Мельников служит в рядах Российской Армии. В сентябре 1996 года принял присягу.

Старший прапорщик С. Мельников.

Бортовой механик С. Мельников за работой.

Боевые друзья. 1987 год.

МИ-6 отдельного вертолетного полка 40-й Армии...

За это время зарекомендовал себя грамотным, дисциплинированным и исполнительным прапорщиком. Имеет классную квалификацию «Мастер». Грамотно эксплуатирует авиационную технику. Имеет общий налет 852 часа.

За время пребывания в ДРА налетал 170 часов и 156 боевых вылетов.

Документы, регламентирующие безаварийную летную работу, знает и правильно ими руководствуется. Принимал участие в трех операциях в районе Пули-Хумри,

Файзабаде, Бамиане. Предпосылок к летным происшествиям по своей вине не имеет. Принимает активное участие в системе политечебы прапорщиков. Принимает активное участие в общественной жизни подразделения. Уставы ВС СССР знает и правильно ими руководствуется. Морально устойчив, идеологически выдержан. Оказывает помощь командованию в наведении твердо установленного порядка, искоренении случаев употребления спиртных напитков.

Вывод: занимаемой должности соответствует.

За оказание интернациональной помощи народу ДРА достоин присвоения очередного воинского звания — старший прапорщик отдельного полка».

В отпуске Сергей Иванович попал на день рождения Сашеньки. Ему исполнился только годик. Сколько радости, счастья! Еще бы, вся семья в сборе. Десять дней в отпуске пролетели как один. 2 мая 1986 года Сергей Иванович вернулся в свою часть. Расстояние сокращали только письма.

Три письма передала Зоя Васильевна в Книгу Памяти. Вот два из них:

«Здравствуйте, мои дорогие!

С приветом и массой наилучших пожеланий к вам я. Письма ваши получил, сразу два от третьего числа. Сегодня уже 11, и они только сейчас пришли. Мы вчера, 10-го, сидели экипажем в Файзабаде, начали взлетать, и вертолет немного сломался. И нас там оставили. Утром прилетела группа, быстро сделала, и прилетели в 10 часов, а сейчас свободны, пришли домой — идет почтальон. Разбирали письма, и вот я сразу отвечаю. У нас ведь здесь три дня не было погоды, мы не летали и к нам не летали. А сейчас погода установилась, и вот летаем.

Напишу о себе. Я жив-здоров. Живем нормально, все по-старому, я уже писал, распорядок дня изменился, встаем рано, ложимся рано, вот так и живем.

Зоинька, моя любимая, ты только не расстраивайся. Ты же знаешь, что я тебя люблю, даже очень и ты у меня какая-то особенная, а почему — сам не знаю, может потому, что мы Любим друг друга, а сказать лишний раз об этом, напомнить боимся или стесняемся. Видишь, как у нас с тобой, какая любовь. Да, фото от вас получил, понравилось, будет о чем вспомнить. Ну, вроде, родная моя, обо всем написал. Поцелуй за меня детей. А сейчас до свидания. Целую вас крепко-крепко. *Папа Сережа.* 11.06.87 г.».

«Привет из Афганистана!

Здравствуй, сынок Дима! С приветом к тебе папа.

Письмо твое получил, большое спасибо. Узнал о твоих делах, напишу немного о

своих. Я жив-здоров, погода стоит нормальная, летаем, как всегда. У меня все хорошо, все в порядке. Дима, насчет отпуска пока еще не знаем, когда поедем, вот приедет наш командир, может, будет ясно.

Ты пишешь, хочешь поехать к бабушке, а в лагерь в другой не хочешь съездить. Смотри сам, где лучше. А так пишешь, у тебя все хорошо. Да, Дима, когда пишешь письмо, в конце ставь дату, а то даже не знаю, когда ты его написал, ладно? У нас что-то самолеты реже стали летать. Ну, это пока, временно. Ты, Дима, пиши, не забывай, а то здесь очень скучно. Хорошо, договорились?

А сейчас заканчиваю писать, у меня все по-старому, работаем, летаем и новостей нет.

До свидания, передавай привет маме. Целую. *Папа.* 30.06.87 г.».

/ августа в поселок Советский на имя З. В. Мельниковой пришло официальное письмо из воинской части:

«Уважаемая Зоя Васильевна!

Командование и политический отдел вертолетного полка с глубоким прискорбием сообщают, что при выполнении боевого задания по оказанию интернациональной помощи дружественному народу Афганистана, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб Ваш муж Мельников Сергей Иванович.

Преданный делу Коммунистической партии, он проявил в боевой обстановке высокие морально-политические качества, мужество и отвагу. Выполняя боевые задания, Сергей Иванович был всегда впереди и являлся образцом для своих боевых товарищей.

Надежный друг, он всегда был рядом с теми, кто нуждался в помощи и внимании.

Своей честностью, бескорыстием и добротой он заслужил любовь и уважение всего воинского коллектива.

Светлый образ Вашего мужа, его пример беззаветного выполнения воинского долга навсегда останется в памяти у всего личного состава полка.

Командование, политический отдел, весь личный состав выражают глубокое собо-

лезнование и скорбь по поводу постигшей Вас тяжелой утраты.

Командир в/ч 70419 полковник *В. Белов*.
Начальник политотдела... подполковник *В. Лугачев*.

Из письма вдовы З. В. Мельниковой:

«1 августа 1987 года нам принесли в дом черную весть: его нет в живых. В это не верилось. Казалось, остановилась вся жизнь, все померкло, почернело. И это за месяц до возвращения домой.

4 сентября 1987 года все вернулись, и только мой Сереженька... Горько и больно! Но остались наши дети. И я должна их поднять на ноги. Спасибо моим родным, близким и друзьям, что не оставили в эти трудные годы. Спасибо командованию Глебычевского гарнизона, эскадрильи: до сих пор не забывают его и нас. В памяти нашей Сергей Иванович останется на всю жизнь.

С уважением семья *С. И. Мельникова*:
вдова — *Зоя Васильевна*, сыновья — *Дмитрий* и *Александр*, 20 мая 1994 года».

БЕККЕРАТ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

10.II.54—30.X.87

Родился во Пскове. Русский. Образование специальное среднее. Военнослужащий. Беспартийный. Женат. В Афганистане — прапорщик, старший механик по авиационному вооружению и десантному оборудованию вертолетов МИ-24 (в/ч 97978).

Родители: Беккерат Александр Александрович, Мария Кузьминична.

В 1959 году семья переехала во Всеволожский район Ленинградской области. В 1961—1969 годах Анатолий — учащийся Краснозвездинской средней школы. По окончании восьми классов совмещал работу на Усть-Ижорском фанерном заводе слесарем-ремонтником с обучением в 176-й вечерней школе рабочей молодежи г. Ленинграда.

3 ноября 1972 г. призван в Вооруженные Силы СССР Всеволожским ОГВК Ленинградской области. С 3 ноября по 31 января 1973-го находился в учебном подразделении. Получил специальность — укладчик парашютов, механик, после чего служил в ЮГВ.

С 15 августа 1974 по 15 января 1975-го учился в школе прапорщиков г. Канска Красноярского края. Службу продолжил в ЮГВ (в/ч 23301) на должности старшего механика группы обслуживания авиационного вооружения до 1979 года в звании гвардии прапорщика. 18 июня 1976 г. женился.

С 1979 по 1984 г. — служба в Псковской области.

С 1984 по 1987 г. — в ГСВГ на должности техника группы обслуживания авиационного вооружения и оборудования. Имел классную квалификацию «Мастер». До августа 1987-го служил в вертолетном полку отдельной десантно-штурмовой бригады в должности техника (Дальневосточный военный округ).

С 26 августа 1987 г. откомандирован по замене в распоряжение командующего ТуркВО.

С 13 октября 1987 г. убыл в Афганистан.

30 октября 1987-го погиб. Во время боевого вылета вертолет, на котором прапорщик А. А. Беккерат выполнял обязанности бортового техника, был сбит.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен в д. Овцино Всеволожского района.

Старший механик по авиационному - вооружению и десантному оборудованию А. Беккерат.

Ни писем, ни документов из Афганистана не имеют родные прапорщика А. А. Беккерата. Только послужной список военнослужащего да служебная карточка техника группы обслуживания авиационного вооружения и оборудования помогли проследить, как проходила служба Анатолия Александровича в армии и в Афганистане с ноября 1974 по 30 октября 1987 года. К сожалению, в его личном деле не отмечено, в каких боевых действиях в Афганистане принимал он участие, какое последнее боевое задание выполнил экипаж вертолета, где и при каких обстоятельствах сбит.

В Афганистане Анатолий Александрович прослужил всего семнадцать дней. Остались без сына Александр Александрович и Мария Кузьминична, без брата — сестра Вера Александровна. Осталась без мужа Беккерат Любовь Валентиновна, без отца — сын Сергей и дочь Юлия.

В военкомате личное — дело прапорщика Беккерата Анатолия Александровича, его послужной список, начиная с 1974 года. Эти документы — свидетельства того, как Анатолий Александрович стремился к тому, чтобы служить в рядах ВС СССР.

Документ № 1. «Аттестация на выпускника 118 школы прапорщиков Беккерата Анатолия Александровича.

Представлен к присвоению воинского звания — прапорщик. Обучался с 15 августа 1974 года по 15 января 1975 года.

За период обучения зарекомендовал себя дисциплинированным, трудолюбивым воином.

Обучение проходил по специальности механика авиационного вооружения. Материал программы усвоил. Практические навыки по эксплуатации авиационной техники твердые. Учебное заведение окончил по специальности механика по авиационному вооружению».

Документ № 2 от 15 июля 1977 года.

За время прохождения службы в пятом гвардейском истребительном авиационном полку с 26 февраля 1975 года прапорщик Беккерат Анатолий Александрович зарекомендовал себя дисциплинированным, трудолюбивым воином. Службу проходил по специальности механика авиационного вооружения. Практические навыки по эксплуатации техники твердые. Приказания командиров и начальников выполнял добросовестно и в срок. На замечания реагировал правильно. В строевом отношении подтянут, опрятен. Неукоснительно соблюдал правила воинской вежливости. Физически развит. Политически грамотен.

Вывод: занимаемой должности соответствует.

Начальник группы авиационного вооружения. 15 июля 1977 года».

Документ № 3. «Служебно-политическая характеристика техника группы обслуживания авиационного вооружения в/ч 35519 прапорщика Беккерата А. А.

За время прохождения службы зарекомендовал себя дисциплинированным, трудолюбивым воином. Имеет классную квалификацию «Мастер». Постоянно совершенствует профессиональные технические специальные знания.

Помогает начальнику группы обучать и воспитывать подчиненных. Является рационализатором и свой опыт передает подчиненным. Документы, регламентирующие безаварийную летную работу, знает и правильно ими руководствуется. Предпосылок к летным происшествиям по своей вине не имел. По характеру спокоен, выдержан.

Неукоснительно выполняет правила воинской вежливости. Приказания командиров и начальников выполняет добросовестно и в срок.

Уставы Советской Армии знает и правильно ими руководствуется.

Вывод: занимаемой должности соответствует. По своим деловым, морально-политическим качествам достоин направления для прохождения дальнейшей службы за границей.

Заместитель командира эскадрильи по инженерно-авиационной службе войсковой части 35519».

Документ № 4. «Решение утверждающего аттестацию: занимаемой должности соответствует.

Командир авиационного полка истребителей-бомбардировщиков полковник *Дубров*».

Документ № 5. «Выписка из приказа командира в/ч 13668.

25 июля 1984 года. г. Ленинград. «О присвоении классной квалификации военнослужащим и специалистам АС 5. Подтвердить квалификацию «Мастер» прапорщику Беккерату А. А.

Командир в/ч генерал-полковник авиации *А. Бабаев*».

Документ № 6. «Беккерат Анатолий Александрович, прапорщик, старший авиационный механик по авиационному вооружению и десантному оборудованию в/ч 97978.

30.10.87 года при исполнении боевого задания сбит в вертолете. Представлен к ордену «Красная Звезда» посмертно.

Всеволожский горвоенкомат».

«Постой, мой сын, еще чуть-чуть
Со мной на сумрачном перроне.
Я уезжаю в дальний путь
В гремящем стареньком вагоне.
Поверь, мой сын, часы не ждут,
Судьбы промчалась колесница.
И вот теперь на страшный суд
Я должен к Господу явиться.
Пусть я грешил и страшен грех,
Но только кровью в оправданье
Уж расписался я за всех
На серых стенах мироздания.
Пойми, мой сын, страшней всего
Назад в итоге оглянуться
И, не увидев ничего,
Уйти и больше не вернуться.

*Антон Балакин**

* А. О. Балакин — гвардии сержант, воин-интернационалист. Служил в Афганистане. Погиб 7 августа 1988 г.

Август 1987-го. Снимок на память.

**КУЧЕРОВ
ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ**

12.VI.63—15.XI.87

Родился в г. Джамбуле Казахской ССР в семье кадрового военного. Русский. Военнослужащий. Образование высшее. Женат. В Афганистане — старший лейтенант, командир взвода управления артиллерийской батареей (в/ч 51932).

Родители: Кучеровы Алексей Егорович, Анна Михайловна.

Аттестат зрелости Владимир получил в школе № 1 г. Калинина.

5 августа 1980-го призван в Вооруженные Силы СССР.

В 1984 г. окончил Сумское высшее артиллерийское командное училище им. М. В. Фрунзе, выпускником которого был когда-то его отец. С 1984 года продолжал службу в Ленинградском военном округе (поселок Каменка Выборгского района).

В июле 1986-го убыл в Афганистан. Принимал участие в девяти рейдовых операциях.

15 ноября 1987 г. в ходе выполнения боевой задачи машина, на которой находился В. А. Кучеров, при совершении маневра подорвалась на mine. От полученных ран Владимир Алексеевич скончался в ташкентском госпитале.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно). Похоронен на городском кладбище в Джамбуле. Родители живут в Иркутске. Надежда Александровна Кучерова, вдова, по профессии геолог, с дочерью Еленой проживают во Всеволожске.

Из письма Надежды Александровны:

«С Володей мы поженились в 1985 году, а через год у нас родилась дочка. Он очень хотел именно дочку и сам дал ей имя. Леночке не исполнилось и месяца, когда его направили в Афганистан. Это случилось 12 июня 1986 года.

Его часть находилась в Кабуле. Он старался писать оттуда по возможности чаще. И всегда коротко — 1—2 странички. И всегда у него «все хорошо», «все нормально». Только тогда, когда приехал в отпуск, мы узнали: он получил контузию, болел гепатитом и малярией. Для него это ерунда, самое главное — жив! Он не рассказывал и, тем более, не писал об этом и вообще о том, что заставило бы нас еще сильнее беспокоиться.

Когда я попросила рассказать о заданиях, которые они выполняют, о боях, он улыбнулся и заверил:

— Не бойся, меня не убьют, а знать тебе все это не надо.

Володе оставалось служить там совсем немного, каких-нибудь семь месяцев, когда это случилось. Сама не могу об этом писать, высылаю письмо командира части».

И вот оно перед вами, датированное 21 января 1988 года.

«Уважаемый Алексей Егорович! Командованием части рассмотрено Ваше письмо. Примите от нас самые искренние соболезнования по поводу гибели Владимира».

Это произошло 2 ноября 1987 года. Он, Владимир, с двумя служащими следовали на соседнюю сторожевую заставу для наладки там неисправного электрооборудования. На одном из участков дороги автомобиль наехал на мину, установленную душманами. В результате взрыва автомобиль загорелся. Старший лейтенант Куче-

Командир взвода управления артиллерийской батареей ст. лейтенант А. Кучеров с боевыми друзьями.

ров В. А. и двое служащих скончались от полученных ожогов, двое солдат до сих пор находятся в тяжелом состоянии в госпитале.

21 ноября 1987 года за исходящим № 1167 по секретной почте высланы документы Владимира и его дипломат. Накануне гибели его заставу обстреляли реактивными снарядами, при этом все вещи офицеров и прапорщиков были уничтожены.

За мужество и отвагу, проявленные при исполнении интернационального долга. В. А. Кучеров представлен к ордену Красной Звезды (посмертно).

С уважением командир войсковой части 51932 А. *Вершак*».

Надежда Александровна дополняет о скорбной судьбе мужа:

«Я не знаю, какие у него взаимоотношения были с руководством, с солдатами, но

родные и друзья его любили. Он был всегда внимателен ко всем, очень добр и ласков. Никогда не видела его мрачным, в плохом настроении — всегда улыбающийся, довольный. Что бы я ни сделала — приготовила, что-то купила — всегда за все «спасибо», «все хорошо».

Очень любил играть на гитаре. Словом, для меня он — самый замечательный человек.

Высылаю несколько фотографий, у него их очень мало — в основном любительские, когда учился в училище. А в форме офицера вообще нет ни одной. Не смогу выслать и копию орденской книжки, письма: все это пока у родителей.

Большое спасибо за вашу работу, за Книгу, которую вы создаете.

С уважением *Н. А. Кучерова*, март 1994 г.».

**МИТРОФАНОВ
ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ**

5.XI.67—31.XII.87

Родился в деревне Шадырицы (Остроговицы) Волосовского района. Русский. Рабочий. Образование среднее специальное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, механик-водитель минометной батареи (в/ч 51883).

Родители: Митрофановы Владимир Александрович, Татьяна Андриановна.

Окончил 8 классов, поступил в Бегуницкое ССПТУ № 242 по специальности механик-водитель.

Получил хорошую специальность для работы на селе, стал трактористом. В будущем, возможно, мог бы стать добрым мастером своего дела.

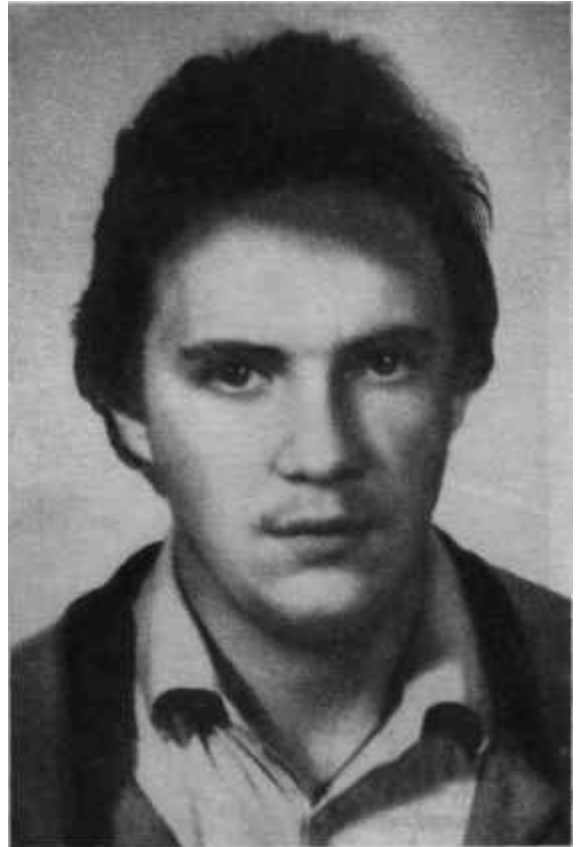
9 апреля 1986 года призван в Вооруженные Силы СССР Волосовским ОГВК. Военную подготовку проходил в Термезе.

С 1986 года — Афганистан.

31 декабря 1987 года погиб при выполнении боевого задания.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Знаком «Воину-интернационалисту», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР

Похоронен на кладбище деревни Яблоницы Волосовского района.

В декабре зимы начало,
В декабре дни рождений есть,
Для кого декабрь — начало,
Для кого — «лебединая песнь».

С. Климов

В тот день, 9 апреля 1986 года, в родном селе все оставалось по-прежнему, когда он, восемнадцатилетний сын, улыбнулся, поцеловал маму, уходя из дому служить, махнул рукой на прощанье друзьям, соседям, старшему брату Михаилу. Знали бы, что видят его в последний раз...

И вот первая весточка от Леночки: «Мама, не пиши, едем дальше...».

Второе сообщение — из Термеза: «Пиши быстрее, успею получить твое письмо. Механик-водитель АТС-59, твой сын *Леня*».

Из письма мамы:

«В деревне некоторые не верили, что мой Леня в Афганистане. Доказывали, что войска вывели из ДРА. И получалось вроде,

что врет Леня родной матери. А он мне фотографию с афганской войны присылает, пишет, что в рейд ходил. Работала и ждала сыночка, да почтальона все выглядывала».

А письма сын писал хорошие:

«Привет из Афганистана! Здравствуй, мама!

Недавно получил от тебя письмо и вот пишу ответ. Служба идет нормально, позавчера вернулись с рейда. Сразу после Нового года опять пойдем. Поздравляю тебя с Новым годом, а заодно и с днем рождения, потому что не знаю, получится ли еще раз написать до твоего дня рождения. Погода у нас отличная, в прошлом году в это время уже шли дожди, а нынче еще ни одной капли не упало и тепло, на улице днем примерно +15—20° тепла.

Недавно получил от папочки письмо... Рыжего, если увидишь, скажи, чтоб тоже написал, а то как домой попал, так и писать

перестал. Ну ладно, пиши, что там дома нового, как жизнь и т. д. Сереге Рюткину скажи, пусть тоже напишет, а то уж совсем меня забыли. Ну ладно, писать больше нечего. Жду ответа. До свидания. 20.12.87 года. *Леня*».

По рассказам мамы, Леня рос обыкновенным, спокойным. Дратся не любил. Не хулиганил, не воевал ни с кем. Старший брат Миша — тот побоевее. Мальчишка как мальчишка. Учиться в школе особо не хотел, лишь по труду имел «пятерки», а вот в Бегуницком ПТУ ему нравилось. Только поработать долго не пришлось. Всего-то три записи в трудовой книжке: «Учился. Принят. Уволен в связи с призывом в армию».

Писал часто, не жаловался, все у него шло как по маслу — завтракаем, обедаем, загораем — как на курорте...

Год и восемь месяцев получала мама простые солдатские письма из «родного Афгана».

И вдруг эта бумага:

«Уважаемые Владимир Александрович, Татьяна Андриановна и Михаил Владимирович!

С болью в душе и сердце, с глубоким прискорбием сообщаем вам, что ваш сын и брат рядовой МИТРОФАНОВ Леонид Владимирович, выполняя боевое задание, верный воинской присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 31 декабря 1987 года.

Больно и тяжело писать вам это сообщение, нет слов для утешения, ничем нельзя помочь вашему горю.

Подразделение, в котором он проходил службу, выполняло задачу по блокированию зеленой зоны душманов. При выдвижении на блок прямым попаданием из безоткатного орудия в машину, в которой он находился, Леонид был смертельно ранен.

Ваш сын и брат с честью, до конца выполнил свой интернациональный долг по защите южных рубежей нашей Родины.

Просим вас собрать воедино всю силу воли, мужественно и с достоинством перенести безвозвратную потерю, самую дорогую утрату.

Разрешите от имени всего личного состава части разделить скорбь о боевом товарище, безвременно выбывшем из нашего строя, и выразить свое глубокое соболезнование.

С большой и искренним уважением к вам. ВРИО командира в/ч 51883 *Джантемиров*».

«...Кому доводилось видеть небольшой листок зеленоватого цвета, от которого веет ледяным холодом, все живое восстает против. Когда такой документ держит в руках мать, это противоречит всем законам природы и разума... Татьяна Андриановна — очень сильная женщина, насколько может быть сильна мать, потерявшая три с половиной месяца назад 20-летнего сына. — Это строки из статьи «Низкий поклон Вам, Татьяна Андриановна», опубликованной в апреле 1988 года газетой «Сельская новь» — Стараются сдерживать слезы, когда говорит даже о самом трудном, голос ее негромок и ровен, ответы поражают своей откровенностью... У матери героя, выполнившего свой долг перед Родиной до конца, чистая совесть. Она прекрасно понимает — теперь должна жить за двоих. Никто лучше ее не сбережет память о ее Ленечке...».

А это письмо Татьяна Андриановна получила от боевых друзей Леонида Владимировича:

«Здравствуйте, уважаемые родители Леонида!

Пишет личный состав 3-го огневого взвода минометной батареи, где проходил службу ваш сын.

Леонид с первых дней показал себя только с положительной стороны, нарушений боевой дисциплины не имел, приказы командиров и начальников выполнял точно и в срок. Принимал участие во всех боевых операциях по борьбе с контрреволюцией в Афганистане, показывал пример мужества, стойкости и отваги, за что неоднократно поощрялся командованием части. Среди товарищей пользовался уважением и авторитетом. Во время проведения боевой операции в г. Кандагаре минометный расчет, в котором находился ваш сын, подвергся обстрелу со стороны мятежников. Ваш сын

лично вел прицельный огонь из миномета по позициям душманов, уже раненный, он продолжал вести огонь, через некоторое время потерял сознание, мы оказали ему возможную медицинскую помощь, но, так как ранение было сильным, помочь ему мы уже не смогли, и он скончался на наших руках.

Благодарим вас за воспитание сына. Он с честью и достоинством, до конца выполнил интернациональный долг, показывая при этом пример мужества и героизма. Мы говорим вам: «Огромное наше сыновье спасибо! Вы воспитали настоящего Человека! В наших сердцах он навсегда останется добрым, отзывчивым, готовым прийти в трудную минуту на помощь товарищам. Вы воспитали настоящего Героя. Огромное Вам спасибо за сына! 15.01.88 г.

Командир взвода л-т *Ильченко*, зам. ком-взвода сержант *Милов*, комрасчета сержант *Таганов*, рядовые *Лозовицкий*, *Аместенов*, *Ладажданов*, *Краснов И. П.*, *Краснов А. В.*».

Получила мать и это Свидетельство о смерти сына: «...в возрасте 20 лет, 31 декабря 1987 года...».

Консульский отдел посольства СССР в Республике Афганистан».

Уже в январе 1988 года передали ей и это:

Извещение

«Извещаю Вас, что Ваш сын механик-водитель минометной батареи рядовой **МИТРОФАНОВ Леонид Владимирович**, 5 ноября 1967 года рождения, выполняя боевое задание, верный воинской присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 31 декабря 1987 года.

Волосовский районный военный комиссар подполковник *Щелгунов*».

«Вот так и не стало у меня моего Ленечки, — пишет мама. — 12 декабря 1987 года сынок написал последнее в жизни письмо, такое обычное для него, а для меня: «позавчера вернулись из рейда...». Ни разу не пожаловался. О рейдах писал словно о прогулках. Но сердце матери не обмануть. И вот сегодня я одна, без сына. Но жить-то надо. Есть у меня старший сын, он женат, двое детей. Но живут они в Нарве. С уважением *Т. А. Митрофанова*. 25 декабря 1993 года».

В течение года руководители Республики Афганистан осознавали, что скоро настанет время, когда придется остаться один на один со своими проблемами и — самое главное — с вооруженной оппозицией. Афганская армия была не способна решать стоящие перед ней задачи. Об этом знали и советские, и афганские военачальники, но не говорили открыто. Ведь, по сути, предстоящий вывод 40-й Армии станет началом поражения правительственных войск.

Как известно, в ответ на призыв к прекращению огня афганская оппозиция активизировала

действия своих вооруженных отрядов на территории Афганистана. Отряды лидера ИПА* Г. Хекматяра даже обстреляли 8 марта ракетными снарядами советский районный центр Пяндж, а в ночь на 9 апреля отряд ИПА перешел реку Пяндж, то есть нарушил государственную границу СССР и совершил нападение на советский пограничный отряд. Эти акции носили политический характер.

Во время визита в США в декабре 1987 года М. С. Горбачев заявил, что политическое решение о выводе советских войск принято.

* Исламская партия Афганистана.

1988

Положение в ДРА и в 1988 году ничуть не разрядилось. Напротив, становилось все более критическим. В голове с ужасающей монотонностью прокручивались одни и те же вопросы: почему люди, взявшие власть в апреле 1978-го, так и не воспользовались ею, чтобы перестроить общество на справедливых началах?

И почему всесторонняя, без преувеличения — огромная — помощь СССР, включая присланную сотысячную армию, не привела к стабилизации послеапрельского политического режима? Наконец, есть ли еще время, можно ли затушить волну контрреволюции, нащупать компромиссы между противоборствующими силами, создать переходные, промежуточные коридоры власти?

На бесчисленные «почему» когда-нибудь напишут столь же бесчисленные исследования. А пока приходится трактовать факты в первом, как говорят, приближении.

«Альянс семи»,* несмотря на военные успехи 40-й Армии, укреплял свои позиции в уездах и волостях. Афганское руководство стало открыто говорить о своих просчетах. Так, член ЦК НДПА, первый заместитель Центрального совета Национального фронта Афганистана Хабиб Мангал в интервью корреспонденту газеты «Аргументы и факты» (см.: № 27, 1988 г. — авт.) подчеркнул, что одной из главных ошибок следует считать поспешное осуществление земельно-водной реформы, которая проводилась без учета специфики афганского общества. Серьезная ошибка, по его утверждению, была допущена и в области религии, а также в забвении традиций афганского общества.

Но президент Наджибулла и его сподвижники сохраняли надежду на то, что смогут удержать власть в своих руках. По его утверждению, после

* «Исламский союз моджахедов Афганистана» в составе следующих партий: «Исламская партия Афганистана» — лидер Г. Хекматъяр, «Исламское общество Афганистана» — лидер Б. Раббани, «Исламская партия Афганистана» — лидер Ю. Халес, «Исламский союз освобождения Афганистана» — лидер А. Сайяф, «Национальный фронт спасения Афганистана» — лидер С. Моджаддеди, «Национальный исламский фронт Афганистана» — лидер С. А. Гелани, «Движение исламской революции Афганистана» — лидер М. Наби.

возвращения советских частей на родину в стране не усилится военное противоборство. К сожалению, президент Наджибулла заблуждался.

9 февраля в газете «Правда» было опубликовано заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по Афганистану. В этом заявлении были определены сроки вывода советских войск.

14 апреля представители Республики Афганистан, Исламской республики Пакистан, СССР и США подписали «Соглашение о взаимосвязи для урегулирования положения, относящегося к Афганистану» и другие документы. Женевские соглашения вступали в силу с 15 мая. Итак, половина советских войск должна быть выведена к 15 августа 1988 года, а вывод всей 40-й Армии завершится в течение девяти месяцев.

Для вывода наших войск были определены направления: на западе — Кандагар—Шинданд—Кушка, на востоке — объединявшиеся в Кабуле маршруты из Газни, Гардеза и Джелалабада, далее через перевал Саланг в Пули-Хумри и Термез.

Летом 1988 года (с 15 мая по 15 августа) советские войска были выведены из таких гарнизонов, как Джелалабад, Газни, Гардез, Кандагар, Лашкаргах, Файзабад и Кундуз. Вместе с тем боевые действия против отрядов оппозиции не прекращались...

Разумеется, оппозиция прослыла бы бездарной, не воспользовавшись удобным случаем. С начала вывода советских войск она начала действовать с еще большей напористостью. Причем на всей территории страны.

И все же ее удары концентрировались в южных и юго-восточных районах. Какой расчет? Самый простой. Наши части только-только ушли, афганские кое-где оттянулись к северу, чтобы создать свободные зоны для перемещения на родину беженцев. Природа же не любит пустоты. И оппозиция ее заполнила немедленно. Ее вооруженные силы накапливались, прежде всего, вокруг Кандагара и Джелалабада.

Когда охота на самолеты участилась, авиаторы избрали другую тактику. Перед заходом на посадку воздушный лайнер брали под опеку два вертолета: расположившись от него слева и спра-

Территория, контролируемая моджахедами.
Район кишлака Тагаб.

ва по борту, они сопровождали его чуть ли не до самой земли, выпуская в изобилии имитаторы инфракрасного излучения, обманывая таким образом наводящий глаз «Стингера».

С середины мая стали регулярными обстрелы Кабула ракетами. Расчет на психологическое воздействие. Грохотали взрывами и Кандагар, и Газни, и Джелалабад, и Калат!

Оживали ранее перерезанные тропы, по которым поставлялось моджахедам военное снаряжение. В срочном порядке возрождались и заново создавались в приграничных с Пакистаном и Ираном зонах укрепрайоны, базы, склады. Резко увеличивались поставки оружия, в том числе ракеты «земля—земля» с дальностью действия до 30 километров, «Стингеры» и др.

Результат, конечно, сказался незамедлительно. Значительно сократилась деятельность афганской авиации. С 15 мая по 14 октября вооруженные отряды оппозиции сбили 14 самолетов и 36 вертолетов афганских ВВС. Они предприняли попытку овладеть некоторыми провинциальными центрами. 24 июня им удалось на некоторое время захватить центр провинции Вардак — город Майданшахр. Со стороны оппозиции в боях за город участвовало более 2 тысяч человек. В июле подвергся длительной осаде и штурму центр провинции Заболъ город Калат. Осаждавших разгромили подтянутые из других районов войска, но Калат — небольшой населенный пункт с примерно 7 тыс. жителей — был сильно разрушен.

Моджахеда знали: лучше не попадать под обстрел нашей артиллерии, когда цель обрабатывают реактивные установки «Град» или «Ураган»... Телеграфные столбы летят... Готовы залезть в землю, как дождевые червяки.

Теперь они посвободнее вздохнули... Как только советские войска покинули Кундуз, оставив там гарнизон правительственных войск, отряды Ахмад Шах Масуда, при содействии подразделений других исламских организаций, повели на город решительное наступление и 10 августа овладели им. А что предпринял четырехтысячный гарнизон правительственных сил? Практически ничего конкретного, если не считать предательства, трусости местных руководителей: они либо бежали, либо затаились, либо переметнулись в стан моджахедов.

Кундуз пал. В течение недели исламская оппозиция, поделив его на секторы, уничтожала местных активистов, сторонников прежней власти, а затем — торговцев и просто жителей. Грабеж, мародерство, разбой...

Пришлось правительству стягивать к Кундузу части из соседних провинций. При поддержке авиации и артиллерии, общими усилиями и ценой немалых потерь город освободили.

В приграничных с Пакистаном районах, где сосредоточилась группировка Исламской партии Афганистана под командованием Ю. Халеса, эти силы блокировали стратегическую дорогу Джелалабад—Кабул и Джелалабад—Асадабад (центр

провинции Кунар). Вокруг столицы стягивалась петля.

Пришлось спланировать контрудары по базам и складам оппозиции. По крайней мере, к середине ноября произведено более 30 пусков ракет по объектам, расположенным в труднодоступных массивах близ пакистанско-афганской границы и в ущельях гор.

Точно 15 августа первый этап вывода войск завершен. Женевские соглашения советской стороной соблюдены. Афганистану передано около 2300 объектов различного назначения — городки, мастерские, госпитали, склады.

Ну а чем же занимались наши войска — держались в сторонке и бесстрастно наблюдали за происходящим? Ничего подобного. Они по-прежнему находились в эпицентре событий.

Генерал-полковник Б. В. Громов, подводя итоги за этот год, в своей книге «Ограниченный контингент» сообщил:

«В результате боевой деятельности 40-й Армии в течение 1988 года отряды оппозиции были значительно ослаблены. Совместно с подразде-

лениями вооруженных сил Афганистана мы провели большую работу по расчистке районов вдоль магистралей. После несостоявшихся переговоров с оппозицией во время проведения войсковых операций мы нанесли моджахедам внушительный ущерб. Советскими войсками было захвачено более 1000 зенитных горных установок и более 30 000 реактивных снарядов к ним, более 700 минометов и примерно 25 000 мин, а также значительное количество стрелкового оружия и более 12 миллионов патронов. Во второй половине 1988 года силами 40-й Армии было захвачено 417 караванов оппозиции, следовавших из Пакистана и Ирана. Тем не менее моджахедам по-прежнему представляли опасность для правительства Афганистана».*

В ноябре, после ухода нашей бригады, оппозиционеры в сговоре с «отдельными» должностными лицами второго армейского корпуса аф-

* Б. В. Громов. «Ограниченный контингент», 1994 г., стр. 323.

Саперы на привале. Обед. Панджшер, близ кишлака Анава. Весна 1988 года.

Первый этап вывода советских войск из Афганистана. Трасса Джелалабад—Кабул, 15 мая 1988 года.

ганской армии попытались захватить власть в Кандагаре. Переворот удалось предотвратить. Но обстановка от этого не разрядилась, она продолжала накаляться и здесь, и в других провинциях — по мере того, как все меньше оставалось в ДРА советских воинских частей.

Сбывалось предсказание афганцев по поводу того, что произойдет, когда «шурави» покинут страну. Действительно, противоречия и грызня между бандами и лидерами усиливались, междоусобная борьба обострялась: пламя гражданской войны и не думало угасать.

Население Афганистана тепло провожало советских воинов на родину. В Джелалабаде, на-

пример, откуда уходила 66 мотострелковая бригада, с солдатами, сержантами и офицерами прощались более двенадцати тысяч афганцев. В то же время просьбы афганского правительства о приостановке вывода войск следовали одна за другой. При этом одним из основных предлогов явилось невыполнение Пакистаном своих обязательств согласно Женевским соглашениям. Несмотря на сложную ситуацию, советское руководство продолжало выполнять эти соглашения.

Потери личного состава СССР в 1988 году составили 759 человек, в том числе из Ленинградской области — 3.

АФГАНСКАЯ БОЛЬ

1. Мотынга Игорь Анатольевич — рядовой, погиб 6 февраля.
 2. Дорофеев Алексей Васильевич — прапорщик, погиб 9 апреля.
 3. Гусаров Юрий Леонидович — рядовой, погиб 20 октября.
-

МОТЫНГА ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ

29.XII.68—6.II.88

Родился в г. Пикалево Ленинградской области. Русский. Образование среднее. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — рядовой, механик-водитель МТ-ЛБ (в/ч 82869).

Родители: Мотынга Анатолий Прокофьевич, Галина Михайловна.

В 1986 году окончил среднюю школу № 1 г. Пикалево. Работал в Пикалевском ремонтно-строительном управлении слесарем. Учился в технической школе ДОСААФ, получил специальность механика-водителя.

6 мая 1987 года призван в Вооруженные Силы СССР Бокситогорским ОГВК.

В ноябре 1987-го убыл в Афганистан. Принимал участие в операции «Магистраль». Был в авангарде подразделения для обеспечения безопасности движения.

6 февраля 1988 г. погиб, выполняя боевое задание. На месте гибели Игоря однополчане поставили памятник.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

Похоронен в поселке Сомино Бокситогорского района.

Здесь, в Сомино, когда становилось невмоготу, в минуты отчаяния, приходил к любимому внуку дедушка Миша. Присядет на скамеечку — и застынет в глубоком молчании в одиночестве, смахнет непрошенную слезу, вспоминая детство и подростковый возраст Игорька, да и дочь свою Галинушку пожалеет. Тогда никто в роду Чухаревых и Мотынга не мог и представить себе, что внезапная смерть отца Игоря, Анатолия Прокофьевича, в 1978 году, резко изменит жизнь мальчиков.

«В семье он оставался за старшего, — вспоминал Михаил Андреевич Чухарев. — Рыбалка, лес, огороды, увлечение машинами стали жизненной необходимостью Игоря...».

За день до ухода в армию внук приехал к дедушке, тогда всю шла посевная. Игорь разыскал деда на одном из огородов. Ох, как тот обрадовался, увидев своего дорогого помощника! Так и пахал в тот день

внук до самого вечера. А когда распряг лошадей, сказал, что уходит в армию.*

Нет уже в живых и дедушки Игорька...

Повестку из военкомата 6 мая 1987 года первой получила Галина Михайловна, мама Игоря. Встревоженная, молчаливая встретила сына, а потом еле молвила: «Сынок, тебе... в армию». И он откликнулся шутливо: «Через две зимы, через две весны — и дома!..».

Служить И. Мотынга начал в учебном подразделении в Термезе. Шел седьмой год войны в ДРА. Когда спросили, кто хочет пойти в Афганистан добровольцем, Игорь со своим тихвинским другом Андреем Елисеевым сделали два шага вперед.

Еще школьниками они вместе выступали в соревнованиях и были достойными со-

* В очерке использован материал журналистки С. Владимировой из газеты «Новый Путь» от 29.10.88 г. (Авт.).

перниками по картингу. Потом вместе в автошколе. И вот снова вдвоем — в Термезе, потом в Кабуле и Кундузе. Их боевые машины почти всегда шли рядом в долгих афганских командировках...

Но не вернется на родную землю ее Игорьек, не порадует своим приездом родных, не примет эстафету своего учителя Валерия Васильевича Башмакова: война отняла все, оставив лишь горечь утраты и вечную память о НЕМ.

«Уважаемая Галина Михайловна!

Отвечает на Ваше письмо секретарь комсомольской организации дивизиона, в котором служил Ваш сын Игорь. Хочу попросить у Вас извинения за долгое молчание. Не отвечали на Ваше письмо лишь потому, что были на очередных боевых действиях, и не знали, что от Вас пришло письмо.

Вместе с Вами скорбим о гибели Игоря и просим от всего сердца принять наши соболезнования. Память об Игоре до конца останется в наших сердцах, как и о всех парнях, сложивших свои юные головы на земле Афганистана.

В своем письме Вы пишете, что хотите узнать, как погиб Ваш сын? Сообщаю, что Игорь пал смертью храбрых, до конца проявляя мужество и героизм. Это произошло 6 февраля в районе населенного пункта Баглан. Мы возвращались с боевых действий из района Хост, где принимали участие в операции под кодовым названием «Магистраль», которая длилась почти 3 месяца. Ваш Игорь был назначен в авангард нашего подразделения для обеспечения безопасного движения колонны. Он в своей машине вместе с экипажем и командиром взвода блокировал участок дороги, чтобы не допустить минирования трассы и обстрела колонны. Но оказалось так, что именно на этом участке дороги душманы организовали засаду и готовились к внезапному нападению на движущуюся по полотну дороги колонну машин. Игорь первым заметил это и открыл огонь. И одна из первых мин угодила прямо в корпус машины, возле которой находилась огневая позиция Игоря. Осколки попали ему в голову.

И. Мотынга среди боевых товарищей.

Смерть Игоря наступила мгновенно. Врачи, находившиеся около него, через 3 минуты уже ничем помочь не могли.

Уважаемая Галина Михайловна, прошу Вас понять меня правильно: описывать эти события и вспоминать очень тяжело, тем более, когда у тебя на глазах погибают твои боевые друзья. Я со своей стороны понимаю Вас, Мать, которая потеряла сына, хочет знать, как погиб сын, каким он был в этот момент. Поэтому стараюсь писать очень подробно и скрывать ничего не собираюсь. **Пишу только правду — это мой долг.**

Механик-водитель И. Мотынга, 1988 год.

За этот подвиг Игорь представлен к ордену «Красная Звезда». Тело Игоря забрали в вертолет и увезли. Вы спрашиваете, почему так поздно Вам сообщили о его гибели. Я со своей стороны могу сообщить лишь то, что сообщает о гибели и отправляет на Родину вышестоящее командование. *Нам такого права не дано.* Также Вы спрашиваете, погиб ли еще кто-нибудь вместе с Игорем? Да, погиб солдат-сапер, командированный на время проводки колонны из другой части, поэтому фамилию и имя сообщить не могу. А в тот момент уточнять имя и фамилию не было возможности, тогда боролись за жизнь. Еще в том бою был ранен командир взвода гвардии старший лейтенант И. А. Тихонков и еще ряд товарищей. Но от этого ни Вам, ни нам легче не станет.

После того, как увезли тело Игоря, мы развернулись в боевые порядки и вступили в бой с душманами. Солдаты и офицеры с лихвой отомстили за смерть наших товарищей. Все, что в нас стреляло, было уничтожено. Пусть знают гады, что «шурави» умеют мстить за своих товарищей. Имя Вашего сына навсегда останется в наших сердцах. Ценою своей жизни он спас от

смерти многих своих боевых друзей. На всех собраниях и совещаниях мы всегда чтим память павших минутой молчания. В честь Игоря машина, на которой он был механиком-водителем, названа его именем. Теперь опишу Вам, как служил Игорь.

По прибытию в наше подразделение Игорь сразу зарекомендовал себя с положительной стороны — дисциплинированным, исполнительным товарищем, быстро нашел свое место в коллективе. Пользовался заслуженным авторитетом у товарищей и у командиров. Он сразу был назначен механиком-водителем командирской машины, а на эту должность назначают одних из самых лучших и ответственных товарищей. Таким именно и был Игорь.

Галина Михайловна, Вы можете гордиться своим сыном... Ваш сын выполнял свой интернациональный долг в Афганистане, при выполнении боевой задачи преодолел на своей машине в сложных погодных условиях ночью самый высокий в мире перевал Саланг. В этих условиях он не потерял самообладания и мужества, оказывая неоднократно помощь своим товарищам в

Выезд из Рухи отряда обеспечения движения (ООД). 1987 год.

Отряд из состава Афганистана перед выездом на «боевые». Джелалабад.

устранении неисправностей. Кажется, я описал Вам, Галина Михайловна, жизнь Игоря на земле Афганистана. Она оказалась для него короткой, но была мужественной и геройской.

В письме вышлю фото Игоря. Этот снимок я сделал за несколько дней до его гибели. В следующем вышлю Вам фотографии его товарищей, машины, на которой служил Ваш сын. На этом заканчиваю. Еще раз прошу принять наши соболезнования.

С уважением к Вам личный состав дивизиона.

До свидания! Гвардии прапорщик *Салютин Владимир Юрьевич*. 10.4.88 г.».

«Игорь из тех, кого называют лидерами, — вспоминает классный руководитель Игоря — Козловский. — Трудолюбивый, честный, одаренный, надежный, веселый... Такой паренек всегда мог повести за собой, вокруг него постоянно крутились ребята, он никогда не был один.

7 октября 1985 года Игорь принимал участие в соревнованиях по картингу, посвященных Дню Конституции, и занял 1 место...».

Ритуальный памятник на месте гибели. Трасса Чарикар-Саланг-Доши. Осень 1988 года.

Из письма Галины Михайловны:

«С семи лет сын рос без отца. Роскошью не избалован. Любил младшего братишку Диму. Сильно увлекался картингом. В секции проводил все свободное время. Тренер его в разговоре со мной замечал: «Галина Михайловна! Не ругайте сына. Он любит технику, а техника любит его. Игорь из тех ребят, вокруг которых группируются все. Его общительность, желание помочь всем — просто удивительные. Таких ребят не часто встретишь в жизни. Лично я всегда спокойно оставляю его вместо себя как лучшего из картингистов. Думаю, что после армии станет моим коллегой, он мне тут признался, что мечтает стать шофером. Игорь станет отличным водителем. Характер у него есть — сами знаете».

До призыва в армию он с отличием закончил курсы механика-водителя. Работать сыну довелось недолго. Ушел служить. По окончании «учебки» в Термезе имел возможность остаться в подразделении, но... Сколько же бессонных ночей я провела, сколько слез пролила, сына не вернуть, остались только его письма. Они у него были такие спокойные, в них он все больше обращался к Димочке, брату своему. Любил его очень, скучал без нас. Писем немного, но с каким нетерпением мы их ждали».

Письмо брату:

«Привет, мой дорогой брат Дима!

Мама мне пишет, что ты ее не слушаешь. Ты, давай, с этим заканчивай. Сам знаешь, что меня теперь нет, остался ты один. Так что ты теперь ее опора. Помогай во всем. Слушайся и не отговаривайся. Когда надо, сходи в магазин и мусор вынеси, и все время учи нормально уроки. А не так, как всегда. Ну, конечно, само собой, и на картинг ходи, не забывай. Старайся больше сам делать. И учись хорошенько ездить. На картинге передавай всем ребятам от меня большой привет. Я с удовольствием сейчас бы прокатился. Ну, ничего из армии приду — в союзном классе буду ездить...».

О службе Игоря в Афганистане Галина Михайловна больше узнавала от его друга Андрея Евсеева.

Из письма А. Евсеева:

«Сообщаю, что попал служить в артиллерийский батальон, который состоит из самоходных артиллерийских установок. Я — командир машины техобслуживания. Кормят отлично, живем как дома. Здесь совсем как в Союзе. «Духов» не слышно, только боеприпасы более доступны. Поверь, все будет хорошо.

Наш полк стоит в городе-герое Кундузе. В Кабуле нас раскидали: Колесов попал в Кабул, Малинюк — в Кандагар. А мы с Игорем Мотынгой прилетели в Кундуз. Обстановка в ДРА совершенно тихая. «Духов» совсем не слышно, появляются они где-то на юге, под Кандагаром, а там с ними воюет только народная афганская армия. Вот так. Думали, что на войну идем, а попали... Спим, едим, настроение прекрасное, за меня не волнуйся».

В письме брату Алеше Андрей рассказал правду:

«Попал я, братуха, в самую боевую часть, от боев почти не отходим, только ты никому не говори, а то до мамы дойдет — будет расстраиваться. Пусть она думает, что мы здесь цветочки нюхаем да птичек слушаем».

Письма Игоря — такие простые, «домашние», чуточку наивные.

«Здравствуйте, мои дорогие Мама и Дима!

Как вы там поживаете? Я живу хорошо. Дела идут нормально. Вот сейчас все еще в командировке. Числа 26 января обещали, что поедем обратно в полк. Сама знаешь, интересного здесь мало. Новый год прошел нормально. Посидели за столом, поговорили, а потом пошли все кто на пост, кто отдыхать. Вот так здесь и живем. Днем отдыхаем или занимаемся чем-нибудь, а ночью стоим на постах, охраняем. Конечно, не всю ночь, а по очереди. Ну, а у вас там как дела идут, как в Сомино? Вот сейчас напишу вам письмо, а потом в деревню. Снега у нас здесь нет, а если есть так только в горах. Так, вообще, здесь служить можно. И не переживай за меня сильно. Все будет хорошо. Вот весной уже год будет, а там время на убыль пойдет. Так что ты за меня не расстраивайся, все будет,

как надо. Расчет у нас на машине нормальный. Всего 5 человек. Нас четверо и один офицер. Постоянно ездим, бываем во многих местах: много чего увидел, посмотрел, как живут люди заморские, до нас еще далеко. Но зато в дуكانах всего хватает. Все, что хочешь, есть. Вот так мы здесь и живем. Насчет Димки, я ему в каждом письме пишу, чтобы он тебя слушался, делал, что ему говорят. И уроки побольше учил. Как там дела у него на картинге? Ходит он туда или нет? Хотел бы я на него посмотреть сейчас — какой он? И вообще, как наши знакомые поживают, все ли у них в порядке? Передавай всем привет. Кого ты из моих одноклассников или одноклассниц видишь. Учителям нашим передавай большой привет. Особенно Е. П. Хировой и Родионовой. Ну, и конечно, В. Ф. Стельмах, Г. П. Уметовой. Ну, вот вроде пока и все. Привет вам от Андрея. *Игорь*».

«Да, счастья любви, отцовства не узнал мой сынок, — пишет Галина Михайловна. — Храню фотографию с изломанными краями любимой девушки Игорька.

На улице Горняков я посадила яблоньку в память о сыне.

О детях можно писать много, но это так тяжело. Вспоминается все. Когда Игорек уходил в армию, он мне купил кожаный плащ в подарок и попросил прощения, несколько раз поцеловал. Но Игорю не надо было просить прощения, это ведь такой безвинный паренек. Я, конечно, мать, мне очень жаль сына. Но я одновременно и горжусь таким сыном. Вы знаете, мне как-то не верится, а если и верится, то с трудом, что будет такая Книга о наших сыновьях. Но ведь о ленинградских и московских ребятах есть уже и назвали ее «Помяни нас, Россия...».*

Вот прошло немало лет, никто Игоря не забыл. В Сомино он похоронен, там каждое лето отдыхают ребята из пикалевских школ в лагере «Восток». Они всегда посещают могилу, приносят цветы и венок, и все приезжие, кто знал Игоря, посещают мо-

* Вышли в свет Книги Памяти о ленинградских и московских воинах, не вернувшихся с афганской войны. Составители: Т. Г. Попова, Лениздат, 1991; С. В. Чегаева, Москва, «Молодая Гвардия», 1994.

гилу. Вот, кажется, и все. До свидания, большой вам привет, если что нужно и если смогу чем помочь Вам, звоните. 4-79-06 или 4-90-05.

Книгу, конечно, ждут все с нетерпением. *Галина Михайловна. 17.12.95 г.*».

Р. С. Из разговора по телефону с мамой Игоря: «Время неумолимо... Повзрослели наши мальчики. Младшенький мой Димочка женился в сентябре 1996 года».

Штрихи к портрету Игоря:

(Странички из дневника Андрея Евсеева):

За то, чтоб кто-то нес в руках цветы,
В своих руках мы держим автоматы.
Не для войны рождаются солдаты,
А для того, чтоб не было войны.

// декабрь 1987 года. «У меня все хорошо, поездка в Хайратон отменилась. Тут рядом сидит Игорь с пацаном с Урала. Хохочут, покатываются... А в другом конце казармы ребята смотрят кино «Мой папа — идеалист». Скоро строиться на ужин. Вот так и живем».

30 декабря. «Получил от вас целую гору писем — выпал снег, и погода нелетная, а сегодня прилетел первый самолет. Сразу с Игорем сели писать домой. Нас с ним не разъединили. Просто он забыл на адресе написать «А-3». Теперь до самого «дембеля» будем вместе и потом тоже...

Вы просите рассказать о загранице — об этом можно рассказывать бесконечно. Здесь перемешались времена Алладина с XX веком. Смешно смотреть, как бородатый дед в восточных штанах, чалме и сандалиях с кривыми носками пылит по дороге на современной «Яве» или «Ямахе». В основном же тут ездят на велосипедах. Пашут сохой, а рядом работает японский магнитофон. Урожай снимают три раза в год. Здесь все продается и покупается. В Кундузе продают дрова на развес, а также галоши и очень красивые глиняные и медные кувшины и горшки, японские магнитофоны, часы с семью мелодиями и т. д. Все для нас так необычно...

Природа здесь похожа на узбекскую, только вокруг пустыня, а горы высокие-высокие, у многих вершины покрыты снеж-

ными шапками. Из зверюшек видел тушканчиков, строят себе гнездо рядом с нашей казармой. Целыми днями бегают, веточки-травинки таскают.

Наша часть стоит на горном плато, где расположены полк, аэродром, а ниже — Кундуз. Вокруг него «зеленка». Да, Кундуз — город только по афганским понятиям, по нашим — деревня».

13 января 1988 года. «Новый год встретили в землянке под Кабулом. Ребята откуда-то узнали, что у нас с Игорем день рождения. Даже торт испекли, накупили печенья, джема, сока разного.

Вчера приехал из Союза зампотех. Говорит, хорошо в Союзе. Честно сказать, как все здесь надоело: стрельбы, собачья жизнь в землянках да в машинах, сухой паек, караулы по ночам. Как хочется сходить в увольнение, поесть мороженого, сходить в настоящее кино, на девчонок посмотреть. Ну, да весной начнется вывод войск, все у нас впереди...».

// февраля. «Извините, Бога ради, что так долго не писал. Вот и закончилась моя командировка. Далеко позади остались Хост, Кабул, Саланг (перевал), проклятая дорога на Хумри. Черт, мысли совсем в башку не лезут. Здоровье отличное, а вот настроение после того, что случилось, честно говоря не очень. А тут еще ты пишешь, что Серега Колесов вернулся по ранению. Черт, что же это такое!..

Получил письмо от матери о похоронах И. Мотынги. Как это могло произойти? Игорь был прекрасным механиком-водителем, он прошел Саланг. Все тоннели, перевалы, горные серпантины, отлично знал машину. И еще думаю о том, что он мог избежать этой смерти... На той машине, где он погиб, должен был ехать другой, но тут Игорь попросился сам, его и поменяли.

Последний раз я видел его за 6 часов до гибели. Наш полк стоял на блоках вдоль дороги. Был теплый погожий день. Игорь был, как всегда, весел. Я всегда восхищался его веселостью, подвижностью, он все время

шутит, действительно — балагур. Когда я подошел к их машине, поздоровался с ним и с ребятами, он опять шутит: «Привет, привет, скворец!». Так он меня звал с самого Саперного, потом предложил: «Андрюха, давай с нами мыться, я воды нагрел». Я говорю: «Нет, только что умылся». — «Ну, — говорит, — как хочешь, а то может чайку попьешь?». Посидели, попили чаю, покурили, они с ребятами умылись. И тут объявили выезд...

Мне предлагали машину Игоря, я отказался. Не мог бы я на его машине...

6 апреля мы выезжали на операцию, выводили наши пограничные заставы. А затем опять Кабул, Саланг, Пули-Хумри. Там поставили памятник на месте гибели Игоря Мотынги».

Памятник — первое, что бросается в глаза, когда попадаешь в незнакомую местность. Тем более, в чужой стране. Тем более, в Афганистане — на войне... По трассе Хайратон—Кабул стояли десятки, если не сотни — скромных и незамысловатых. Надписи на них — география всего Союза. А цифры леденили кровь: всего восемнадцать, двадцать, двадцать пять лет прожили люди на этой земле и ушли.

Они были с нами в одном строю. Не верилось, не хотелось верить, что дома — на Родине, прчти никто из них не удостоится пусть такого же простенького памятника.

Простите нас, ребята! Наверное, мы — те, кто вернулся, тоже виноваты в этом... Оправданием нам может служить только то, что мы помним о вас. Те, кто знал вас — помнят живых, кто нет — ваши фамилии на могильных плитах. И вечная вам память...*

Одним из последних приказов командующего 40-й Армии Бориса Громова перед выводом войск было эвакуировать все обелиски погибшим воинам. Это все, что наша страна могла тогда сделать для них.

* Из журнала «К совести», № 2, 1992 г. С. 16.

**ДОРОФЕЕВ
АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ**

22.XII.49—9.IV.88

Родился в деревне Немерово Ярославской области. Русский. Образование среднее специальное. Военнослужащий. Женат. В Афганистане — прапорщик, начальник отделения энергоснабжения узла связи (в/ч 83410).

Мать: Дорофеева Мария Ивановна.

Учился в Ставожинской школе. Совхоз «Заря коммунизма» направил Алексея на учебу в Вятское ССПТУ № 1 по специальности тракторист-машинист.

9 декабря 1968 г. призван в Вооруженные Силы СССР Гаврилов-Ямским РВК. Служил в строительных войсках (Воскресенск Московской области), работал в органах милиции, одновременно учился в вечерней школе. Неоднократно поощрялся за образцовое выполнение служебного долга. В 1974 г. окончил 68-ю школу прапорщиков и был направлен на службу в Гатчинский район, где прослужил до апреля 1986 г. — сначала старшиной дивизиона, а затем техником узла связи. Награжден медалью «За 10 лет безупречной службы» и двумя юбилейными.

С 17 апреля 1986 г. — Афганистан. Многократно принимал участие в сопровождении автомобильных колонн.

9 апреля 1988 года погиб в бою при отражении нападения.

Награжден медалями «За боевые заслуги» (посмертно), «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», «70-летие Вооруженных Сил СССР», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

Родные Алексея Васильевича живут в Гатчине: вдова Нина Алексеевна Дорофеева и два сына. Старший — Максим — курсант высшего военного училища в г. Пушкине, младший Игорь — учащийся Гатчинской школы.

В письмах Алексея Васильевича достойно внимания все: обращение к жене и сыновьям, рассказы о жизни на войне, тоска по дому, личное отношение к происходящему на афганской земле, любовь ко всему родному под мирным небом, наказания мужа и отца-воспитателя. Это замечательные письма наставника, святые письма. В них доверительность, любовь к родным, жизненная мудрость и личный опыт.

«Здравствуйте, мои дорогие Нина, Максим и Игорь. Вот я и на новом месте, наверное надолго. Местечко, где я служу, называется Шахджой, это другой конец Афганистана. Ближе нас к Пакистану, по-моему, уже никого нет. Ну, а в остальном,

все как и на старом месте. Среди гор долина наша — маленькая точка, и километрах в шести — два батальона. Как хоть ваши дела? За время, что не получал письма, наверное, новостей накопилось! Как здоровье твое, как там ребята? Ребята обещали повышать успехи в учебе, держат слово или нет? Я здесь тоже кое-чему научился, теперь могу надевать парашют, правда, пока еще с посторонней помощью. Как уж будут отсюда письма идти, пока не знаю, вертолеты летают сюда только по ночам, да раз в полтора месяца приходит колонна. Одно только плохо, у тебя, может быть, выйдет перебой с получением денег, но я здесь все узнаю и напишу, ну, а ты, если что, узнай в военкомате. Служу сейчас

в «спецназе» и, наверное, останусь здесь до конца, переезды пока не намечаются. Передавай всем большой привет и поздравления с праздником. Целую всех крепко. Ребятам в виде сувенира — афганская бумага».

«Здравствуй, Нина!

Ну вот я и в наряде, как обещал, пишу письмо. Только получишь ты, наверное, сразу два, вертолеты, по-моему, не прилетали, так что почту не отправляли, ну да когда еще время будет, а в наряде писать можно. Правда, тоже не всегда. Сегодня тихо, смену проверил, все нормально, допишу, еще схожу, проверю. Ночи здесь здорово темные и две недели луна, а две — нет. С утра ездил на ГСМ, и там у наших прибил афганский мальчишка. Худенький, маленький, точно как наш Игорешка, только постарше, наверное, немного. Форму на него там подобрали, панама со звездочкой, правда, велика, один нос торчит. Имя ему русское дали — Миша, смеются, это говорят, у нас сын полка. Поговорил с ним немного, по-русски понимает и говорит неплохо. Отца и мать у него убили душманы, а их трое осталось, одному мальчику 5 лет, другому 7, и вот он. Братишки где-то в кишлаке живут, и, как я понял, он около наших кормится и их еще подкармливает. В общем, описать это, Нина, невозможно, нужно увидеть. Какое у него лицо было, когда он про родителей говорил, как младшие дома спрашивают про маму с папой. Так их и называют «мама», «папа», а не как-то там «отец», «мать». Личико с кулачок, все перекашивается, сам дрожит. В общем, Нина, слов нет. И больше всего ему хочется в Союз приехать и выучиться на шофера. Так и бегает за солдатами, шоферами, что-то принесет, подает, вот такая тут жизнь, всего насмотришься. И так эту ребятню жалко, ведь маленькие, а сколько покалечено: то на костылях, то без рук, а ведь впереди целая жизнь.

Ну да ладно об этом, будем надеяться, что большинству повезет. Не дай только Бог, нашим детям то. Нина, как там дела у Тани Топленкиной? Пора бы, наверное, и поправиться уже, если будешь у них, им письмо будешь писать, передавай привет. Ткачева увидишь, то спроси, на каких скла-

дах Павленков, и был он в отпуске или нет. А то буду его искать, а он в отпуске. Ну, вроде, пока все на этот раз, через час уже светает, надо смену проверить. Передавай приветы всем знакомым, если все будет нормально, то через год в это время ждите в отпуск. Самую жару лучше дома пересидеть. В общем все, целую, жду писем».

«Здравствуйте, Максим и Игорешка!

Пишу вам сразу обоим. Что-то написали вы по одному письму и больше, видимо, писать не хотите, вот уж не думал, что вы такие ленивые. В общем, кончится четверть, жду от обоих по письму и какие оценки получили за четверть. Смотрите там, ребята, не ленитесь, приеду когда, чтобы стыдно мне за вас не было, что плохо учились. Маме обязательно помогайте на огороде, все грядки и около смородины нужно перекопать, пленку всю с парников снять. Ты, Максим, старший, мужская работа на тебе, но чтоб и Игорь не сачковал, ему тоже надо работать. Как там, Максимушка, инструменты? Еще не все потеряли, смотри не растаскивай, они в доме всегда нужны. Велосипеды на зиму убирать будете, то обязательно очистите от грязи, колеса лучше снимать и хранить дома. Картошку печете, ходите в лес? Я здесь и то пек,

«И так эту ребятню жалко, ведь маленькие, а впереди у них целая жизнь» — А. Дорофеев — жене.

только вместо ведра взял гильзу от снаряда, но картошка все равно получилась вкусная. А когда ездили на Саланг, с солдатами в снежки играли, там снегу уже полметра нанесло и метель. Это в горах, а в долинах еще убирают урожай. Сеют рис и убирают его серпами, собирают в снопы, потом эти снопы носят к домам и там молотят. На земле чисто подметенный круг, в середине стоит столб, а к нему привязана длинная жердь. Вот на этот круг складываются снопы, к жерди привязывают быков, ослов и ребятишки их гоняют по кругу. Они топчутся по снопам и вымолачивают зерно. Потом это зерно по ветру лопатами проветривают. В общем ты, Максим, по истории, наверное, проходил такой труд, все делают вручную. Землю пахут на быках и деревянной сохой, заместо бороны привязывают бревно, даже вилы и то, в основном, деревянные. Вот если где в книжке такое увидишь, то покажи Игорю, чтоб и он понял, ну а если сам не понял, то спроси у мамы, она объяснит. В общем, живет народ очень тяжело, дрова на зиму покупают с весов. Около дороги лежат кучи дров, сделаны весы, правда заместо гирь, камни. Как уж они там разбираются, кому сколько взвесили, я до сих пор понять не могу. Вот если будешь по истории проходить четырнадцатый век, то смело можешь рассказывать, как там люди живут. У нас здесь как раз 14 век, 1365 год, а с марта начнется 1366. Новый год здесь в марте точно, правда, не знаю, какого числа или 21, или 26 (21 марта — *авт.*). Ну, а сейчас мы еще здесь купаемся, за лето выкопали яму, забетонировали ее, получился бассейн. Так что купательный сезон в полном разгаре. Вот такая, ребята, здесь жизнь. Поздравляю вас с праздником, желаю крепкого здоровья, успехов в учебе и веселых каникул. Очень жду ваших писем. Крепко вас целую, ну, а вы поцелуйте маму и не огорчайте ее. До свидания».

«Здравствуй, Нина!

Максиму я написал, как ты просила, про спорт, но ведь и ты не только заставляй, но купи ему хоть «эспандер». Это такие ручки с резинками и их нужно перед грудью растягивать, можно и за спиной. Вот и пусть хоть вечером соревнуются, кто

больше растянет, кто больше отожмется или на турнике подтянется. Ну, а ты в качестве судьи будешь, а то ведь самостоятельно они день-два позанимаются да и забросят. Или раз в неделю устраивай им проверку, допустим, в воскресенье у всех выходной, вот и пусть покажут, насколько результаты за неделю улучшились. Только пусть вдвоем занимаются, чтоб азарт друг перед другом был и часа за два до сна, а то не уснут. В общем, советовать мне отсюда, конечно, легче, а тебе там на месте и так дел хватает.

До свидания, Нинулька. Целую».

«Здравствуй, Максим...

Что-то ты совсем забыл про меня. Даже не написал, как четверть закончил, неужели и похвалиться нечем. А ведь вроде обещал, что все будет хорошо. Ты смотри там, не подводи меня да и мама за вами двоими не усмотрит. Так что приеду, то и за Игоря с тебя спрос будет, ты ведь за старшего в доме остался. Сейчас вот весна у нас, ну, а весной, сам знаешь, сколько дел. Нужно и грядки вскопать, и посадить, и кусты обкопать. Забор на даче посмотри, если прохудился, почини.

В общем, Максимушка, и гулять надо, но дело не забывай.

Наша дача всегда была одной из лучших в городке, так что, когда приеду, чтоб и нынче мне не стыдно за вас было. Одна

«Живет народ очень тяжело, дрова на зиму покупают с весов... Если будешь по истории 14 век проходить, то можешь рассказать, как там люди живут» — А. Дорофеев — сыну. На снимке: селение номадов, кочевников-овцеводов.

Соломенные жилища пастухов.

мама с этой работой не справится, ты уже не маленький, вся мужская работа ложится на тебя».

«Здравствуй, Максим!

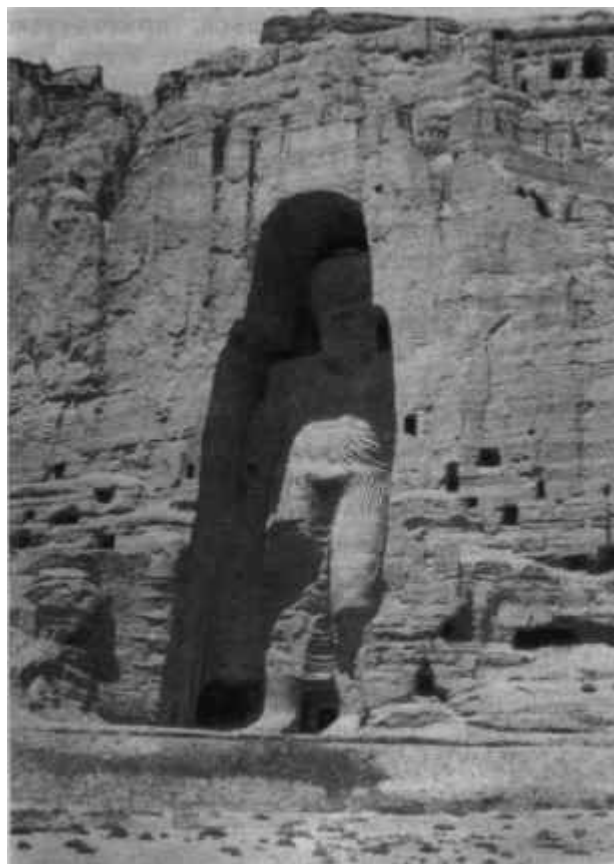
Вот, наконец-то, собрался ответить на твое письмо. Получил дня три назад, а написать все времени не было. На фотке ты выглядишь молодцом, хоть и «скрытой камерой сфотографирован». Смотри, только с училищем не подведи, там по спорту бег на 60 метров и на 1 километр и подтягивание. Так что лучше тренироваться заранее. Может быть успею приехать до экзаменов, так проверю, как ты готов. Ну, а нам здесь осталось дней десять, а потом двинемся в дорогу, видимо, в сторону Кабула, а вот что дальше будет, пока совсем не ясно. Хорошо бы, конечно, успеть заменить, а то лето кончится и на рыбалку ни разу не съездим, а так хочется на речке посидеть. Ты, Максим, может, читал в газете про Олега Онишука, так это от нас парень. Ему присвоили звание Героя посмертно, подорвал себя гранатой, когда «духи» окружать стали. А на днях улетел в Москву еще один наш Героя получать, капитан Горошко. Так что хоть и немного нас здесь, но видишь, сколько героев. Ты, Максим, мне больше не пиши, где теперь меня искать, и сам пока не знаю. Купить что-нибудь думаю или нет, тоже не знаю, даже чемодана и того пока нет. Единственное, что купил, так это магнитофон двухкассетный. Если довезу, то совсем неплохо будет, орет здорово. Ну вот, вроде,

и все мои новости. Ты смотри уж не подводи меня. Передавай привет маме и Игорю, до встречи».

Последнее письмо Алексея Васильевича — сыну:

«Здравствуй, Максимушка!

Дорогой мой сынулька, как же я рад, когда получил от тебя письмо, спасибо тебе большое. Вот видишь, сколько ты успел за один только отпуск, молодец. Теперь с новыми силами да в новой школе добивайся и в учебе таких же успехов. Мама пишет, что в вашей школе больше внимания уделяют спорту, так ты уж не подведи. Как там у тебя часы ходят? У меня так очень пока точно, только вот ношу я их в кармане, ремешок лопнул, а нового нет. Когда уезжал, то обещал тебе марки прислать, а их здесь нет вообще... И сам смотрел, и ребятам наказал, что в Кабул ездят, если где увидят, чтоб купили, но пока ничего нет, так что извини. Посылаю наклейку со

Большая статуя Будды в Бамианской долине.

спичек, как раз с их караваном. Русские здесь только воробьи да редко ласточек встретишь, а то все птицы незнакомые. Скворцы есть, но они величиной с нашего голубя и очень драчливые. Один раз вечером сидели, курили в каптерке — это сарайчик такой из досок сколоченный — дверь открыта и входит ежик, всех обошел, обнюхал, по углам полазил и обратно на выход. Людей как будто и не замечает, а когда хочешь до него дотронуться, то уши прижимает и шипит, как кошка. Ежики здесь с ушами и больше наших. Ночью лисы приходят прямо к часовому, солдаты в них не стреляют, много шакалов. Передавай, Максимушка, большой привет Игорю. Он, видимо, до того замучился или заленился, что даже и написать не хочет. Ты уж поглядывай за ним, чтоб не обижали его здорово. Маме, Максим, помогать не забывайте, ей одной ведь трудно с вами, а ты уже не маленький, и мужскую работу в доме тебе выполнять. Приучайся к любой работе, у тебя впереди жизнь очень длинная и все, чему научишься, пригодится. Пришли к нам солдаты молодые и тем, кто не умеет ничего, так здесь трудно, что и не расскажешь, а ведь ты тоже будущий

солдат. Напиши, Максим, обязательно, как там твои успехи в новой школе, да и просто так пиши, хоть про Барона. Письмо ты очень хорошо написал, я читал и вроде вместе с тобой и у Тумановых побывал, и варенье нес, молодец Максим. Ну на этом, Максимушка, я писать кончаю. Желаю вам с Игорем крепкого здоровья, успехов в учебе и счастливой мирной жизни.

Целую вас крепко, крепко. До свидания.

Дорофеевы последними никогда не были, запомни!».

10 февраля 1988 года колонна, в которой А. В. Дорофеев был техническим замыкающим, на дороге Кабул—Шахджай попала под обстрел. Одна из машин повреждена. Под огнем противника Алексей Васильевич принял меры к ее эвакуации, предотвратив гибель экипажа, сохранив имущество. А через два месяца прапорщик А. В. Дорофеев подорвался на mine.

9 апреля 1988 года А. В. Дорофеева не стало.

Последняя строчка последнего письма Алексея Васильевича стала опорной точкой в жизни его сыновей: **«Дорофеевы последними никогда не были...».**

«Кладбище машин» — место, куда свозили подорванную боевую технику, сожженные автомобили. Северный Саланг, осень 1988-го.

**ГУСАРОВ
ЮРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ**

26.VII.68—20.X.88

Родился в поселке Ефимовский Бокситогорского района Ленинградской области. Русский. Образование среднее профессиональное. Член ВЛКСМ. Холост. В Афганистане — младший сержант, водитель автомобиля «КАМАЗ» (в/ч 21231).

Родители: Гусаровы Леонид Федорович, Елена Ивановна.

После окончания Ефимовской средней школы и Борского ССПТУ № 245 работал в совхозе слесарем по ремонту автомобилей.

22 октября 1986-го призван в Вооруженные Силы СССР Бокситогорским ОГВК. Шесть месяцев проходил подготовку водителей КАМАЗов в учебном подразделении в/ч 74998 (г. Ашхабад). 26 мая 1987-го пересек границу Афганистана, служил в Баграме. Неоднократно участвовал в боевых рейсах по доставке боеприпасов, продовольствия, материальных средств в воинские части.

20 октября 1988 года погиб в бою с мятежниками, нападшими на автомобильную колонну. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Похоронен на кладбище в поселке Ефимовский.

Документ

ПРЕЗИДИУМ
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Р Е Ш Е Н И Е

31.10.90 № 137

г. Ленинград

(О переименовании улицы Новая в поселке Ефимовский Бокситогорского района в улицу Юрия Гусарова)

В соответствии с решениями Бокситогорского горисполкома от 14.06.90 № 204 и Ефимовского поселкового Совета народных депутатов от 4.10.90 о переименовании улицы Новая в пос. Ефимовский Бокситогорского района и на основании Положения о порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР президиум Ленобластного Совета народных депутатов решил:

переименовать улицу Новая в пос. Ефимовский Бокситогорского района в улицу

Юрия Гусарова в честь воина-интернационалиста, погибшего в Республике Афганистан при выполнении интернационального долга в октябре 1988 года, уроженца этого поселка.

Председатель Совета — *Ю. Яров*».

Первым человеком в Ефимовском, убежденным в том, что улица должна называться именно так, была школьная подруга Юры — Марина Петрова. На этой улице в доме 4 живет Олег Гусаров, брат Юры, и Елена Ивановна.

Ефимовская средняя школа носит имя Гусарова Юрия Леонидовича. Ефимовский дом культуры создал фонд имени Ю. Гусарова. «Ефимовцы должны знать своих героев» — решили работники ДК. До ухода в армию Юрий занимался в местном оркестре народных инструментов, участвовал в художественной самодеятельности.

В Пикалевском краеведческом музее есть мемориальный зал, где экспонируются до-

кументы, письма, фотографии погибших воинов-интернационалистов. Материалы о жизни Юрия Гусарова представлены тоже.

*В газете «Новый путь» неоднократно печатались материалы о Юре**

«Когда в декабре 1979 года ограниченный контингент наших войск вводился в Афганистан по просьбе правительства этой страны светловолосому ефимовскому пареньку Юре Гусарову минуло всего одиннадцать лет. Кто же тогда знал, что затянется эта неожиданная для советского народа война на долгие девять лет? Еще не вывели наши войска из Афганистана, еще матери получали похоронки на сыновей, а некоторые, крепкие задним умом, сограждане вслух и хором заговорили о неправомерности войны, причем давались (и сейчас даются) самые разнузданные оценки. Как в этой ситуации поступать многострадальным матерям — правдами и неправдами освободить детей от службы в армии? А как быть солдату, принявшему присягу, в которой он клянется беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников?».

О том, каков парень Юрий, как служил, рассказывает его двоюродная сестра Л. Тимофеева: «О службе рассказывал мало. Больше спрашивал о здоровье матери, о младшем брате Олеге, о том, как идет жизнь в Ефимовском, как они живут, чем занимаются».

Вот выдержки из его писем:

01.01.88. «У меня все хорошо. Сегодня выпал снег, сразу как-то веселее стало. Да и как не веселиться, если за два года только теперь вижу снег».

27.01.88. «Пр ивет, братик Олег! Как твоя жизнь? Как успехи в школе и дома? У меня все отлично. На музыкальные занятия ходишь? В общем, пиши, что и как у тебя. Смотри, слушайся маму! Вот я не слушался, так и попал на настоящую войну. Ну, ничего. Живы будем — переменим образ жизни. Армия многому меня научила. И знаешь, Олег, труд — это здоровье и даже прекрасно, и лениться не стоит, а труд-

ности надо преодолевать. Иначе жизнь скучна и бесплодна. Если тебе сделали больно, то лучше стерпи, но не причиняй зла и боли другому — это бесчеловечно. И знай, в жизни надо стать человеком, уметь приносить добро и пользу людям. Это главное, Олежек...».

Два письма прислала Евгения Васильевна Гарасенкова из пос. Ефимовский:

«Я соседка семьи Гусаровых уже 16 лет. Живем в одном доме, на одной площадке. Немного о родителях Юры: отец, Леонид Федорович, рано ушел из жизни, в возрасте, 45 лет — болезнь сердца. Леонид Федорович, добрый, уважительный, внимательный, скромный труженик, пользовался авторитетом, недаром за труд награжден Почетными грамотами, медалями. Мне очень много помогал и всегда говорил своим сыновьям, чтобы соседке-инвалиду I группы помогали. Эта семья для меня, как правая рука, во всем помогает. Елена Ивановна — очень порядочная женщина, добрая, внимательная, скромная, большая труженица, чувствительная. Вот у таких родителей родился, рос, мужал, воспитывался сын Юра. Я Юру знаю с первого класса. Очень жаль такого парня: можно сказать, человека с большой буквы сегодня нет в живых».

На улице у дома все соседские мальчишки крутились около него, он с ними играл в мяч, прятки, зимой катался на санках. С младшим братом ходил на рыбалку. Любил животных. Даже из Афгана писал: «Берегите моего Барсика, (нарисует мордочку). Любил музыку, играл на гитаре, немного пел. Много читал. Книги брал в библиотеке. В кино ходил и обязательно прочитанное и увиденное рассказывал родителям».

Своих родителей любил, уважал. Леонид Федоровича сравнивал со своим командиром — всегда об этом писал матери. Письма содержательные и часто со стихами. Никогда не жаловался на трудности службы, а, наоборот, писал о добрых, хороших друзьях. Все его письма из армии я читала со слезами вместе с матерью. Незадолго до ухода в армию познакомился с хорошей девушкой Таней. Это у него было первое, чистое чувство. Каким бы он мог

*От 3.1.89, 29.6.80, 06.09.90, 30.11.90 г. (авторы статей Б. Тарасов, В. Серегина, В. Арбузова, А. Кукушенков, Л. Тимофеева).

стать любящим мужем, отцом. Танечка его ждала и ее родители считали его своим зятем, но не суждено всему этому исполниться. Очень жаль такого молодого, красивого, здорового парня... Сколько бы он принес радости матери и Тане.

Я сочувствую и соболезную всем матерям погибших сыновей, желаю им здоровья, благополучия, терпения, глубокого уважения. И низкий им поклон. 8.2.93 г.»

Таня тоже прислала письмо:

«Мои подруги мне завидовали, когда я дружила с Юрой. А я себя считала самой счастливой на свете. Только самые близкие люди знали, насколько я боялась разлуки, сколько переживала за то, что он на войне. Юра никогда не писал, страшно ему или нет и какая там идет война. Он не любил жаловаться и ныть. С этим добрым, внимательным, веселым молодым человеком было очень интересно.

В прошедшем времени о Юре говорить очень тяжело. Да и красиво говорить не умею. А хочется не сухими какими-то словами рассказать о нем. А у меня боль на всю жизнь. Он ушел в 19 лет. *Таня*».

Письмо с войны.

«Здравствуйте, мои дорогие мама и Олечек!

С огромным приветом к вам — Юра. Пришел из рейса и письма вручают от т. Кати и д. Димы, от Вас с Таней, от Вилошкина, от Бараусовых, от т. Жени. Пока я дал ответ Тане и Вам. Так как это самые дорогие письма и ответ — был без замедления. Я на фильм не пошел, а решил написать Вам. Тете Жене огромное спасибо за поздравление. Сразу хочу, чтобы ты от моего имени — поздравила всех с 23 февраля. Пусть поздно, но лучше поздно, чем никогда. На могилку дяди Пети в 40 день сходите и за меня.

У меня все хорошо. Жив и здоров. Узнай, куда Нажимов попал служить. И где служит С. Я. Костин. Я о нем писал. Высылаю последнее фото. Может потом еще вышлю, а пока все. Да, получил поздравления от Вали Мироновой. Спасибо ей огромное. Я постараюсь написать ей тоже. Может и на днях. Ну у меня и все, пока. Олег! Позд-

равляю с днем рождения. Извини, что поздно очень, но ты меня поймешь, наверное. Я в рейсах, да и не думал, что так почта сработает. Я думал, что от вас письмо раньше придет и успею дать ответ и тебя поздравить вовремя, но не вышло...

Ваш сын и брат *Юра*. г. Баграм. 13.02.88 г.»

«Олег и Мамочка! Находясь в рейсе, скучаю по дому. И вот решил нарисовать родное сооружение. Сам я сейчас сижу в кабине КАМАЗа в г. Кабуле. Не знаю, уж как оно вышло, но, по-моему, такое оно было, когда я уходил.

Жду отклик на рисунок и сохраните его до моего прихода. С огромным приветом и массой наилучших пожеланий — брат и сын *Юра*. г. Кабул. 03.03.88 г.»

1.09.88. «Сегодня 1 сентября. Олег пошел в школу. Хочу его поздравить с этим праздником. Учись на «хорошо» и «отлично», занимайся музыкой. Жду от тебя письма. Мама! Я тут стих сочинил. Плохой или нет получился?

О, наши мамы, мамы дорогие,
не беспокойтесь вы о сыновьях своих.
Они сейчас ваш сон оберегают, как вы
оберегали в детстве их.
И вы запомните, вам сыновья клянутся,
Вас защищать и дом родной
От всех врагов, кто посягнет на мирный
труд и мирный ваш покой.
А то, что трудно — это и понятно,
на то и труд — Отчизну защищать
Он был и есть, и будет повсеместно
нелегкий, но почетный труд солдат.

г. Баграм».

Письмо Ю. Гусарова Зое Федоровне Харчевой от 18.7.88 г.:

«Здравствуйте, дорогие родные т. Зоя, д. Саша, Алексей и Сашок!

Сразу же спасибо за письмо от вас. Из него узнал, что живете неплохо. Вот одно худо, что такие очереди за молочными продуктами и конфетами. Это хуже и для меня.

Все тут есть, кроме сметаны, сливок и конфет за 7 руб. 50 коп. Сметаны или майонеза вообще нет. А хочется очень. Ну сливки есть, но порошок — это не то. Конфет тоже много, а таких, что у нас в Ленинграде, не сыщешь. Охота шоколадных, как

«Кара-Кум» или «Чародейка», а тут все в коробках с ромом или вафлями. Тут один дефицит. Я имею в виду, что дома — дефицит, а у нас — навалом. Тут товары Югославии, Венгрии, ГДР, ФРГ и т. д. Наши товаров мало, и все товары — супер, высший класс и сорт. Так, конечно, неплохо, но иногда охота и тем более домашнего.

Так что приду и сразу заказ будет — испечь пирог. Я по тети Шуриным завитушкам с маком и творожникам и вашим с мясом и капустой пирогам соскучился с такой силой, если ее превратить в энергию, то хватит поселку на ближайшие 10 лет. В общем по дому я соскучал.

У меня хорошо пока. Жив и здоров. Погода хорошая. Ну вроде и все. Жду письма. Спасибо за конверты. Теперь мне их надо долго хватит да и в магазине появилось много. Еще раз спасибо. К вам племянник и брат Юра. г. Баграм».

Елена Ивановна рассказывает:

«26 вечером я на кухне готовлю, а Юра такой задумчивый, тяжело вздохнул и говорит:

- Мамуля, завтра отправка.
- Да, сынок, что положить в рюкзак?
- Ничего не надо. Как ты думаешь, мама, куда я попаду служить, в какую часть.
- Только бы не в Афганистан.
- Почему, мама, ведь и там ребята служат?
- Сынок, по телевизору передают — немало гибнет.

— Там тоже кому-то служить надо. Что бы ни случилось, мама, за меня тебе стыдно не будет.

Век не забуду эти слова, словно он чувствовал, сердце его предсказало.

О том, что горел в машине, лежал в госпитале, не обмолвился ни словом. Узнала сама об этом, да только как и при каких обстоятельствах это случилось, не смогла уточнить.

В. Конин * и В. Тихонюк** писали мне: «За время службы в нашей части Юра завоевал уважение командиров и сослуживцев. Мы знаем, что младший сержант

* В. Конин — подполковник (1988 г.), командир войсковой части 21231.

** В. Тихонюк — ст. лейтенант (1988 г.), замкомандира по политчасти.

Ю. Л. Гусаров — надежный товарищ и грамотный солдат, в любой опасности на него можно положиться. Ваш сын принимал участие во многих боевых рейсах и всякий раз являлся примером для товарищей. Особенно в нем подкупала его простота и честность.

20 октября при совершении марша по маршруту Баграм—Кабул колонна подверглась интенсивному обстрелу со стороны вооруженного формирования оппозиции. Машина была повреждена. Юра решил вывести машину из-под обстрела. И в это время его настигла душманская пуля. Юрий представлен к правительственной награде».

Ждала домой сына, как Христа, помощника, так и не дождалась. Сыновей, как ломоть хлеба, отрезали от нас, от сердца.

Юра Вилошкин, друг сына вспоминает:*

«Мы с начальником политотдела не смогли проскочить из-за обстрела «Аминовку». Тогда мы и встретились с Ю. Гусаровым. Это было 13 октября. А через две недели наши колонны шли по этому маршруту и их обстреляли. Спрашиваю ребят: «Кого?» Назвали номер колонны, в которой шел Юра. У меня же там земляк, Гусаров», — говорю. «Погиб Юра» — отвечают. — Нет его».

Об этой встрече Юрик тоже писал мне:

«16 октября 1988 г. Получил от тебя и Тани по письму трое суток назад. Сегодня я целую ночь не спал. Встретился с Юркой Вилошкиным. Он приезжал с начальником политотдела бригады. Вспоминали дом и вообще Ефимовскую и ефимовцев. Ведь в мы Афгане с Юрой самые близкие люди...».

Из письма Елены Михайловны Н. И. Прохоровой:

«Дорогая Нина Ивановна, огромное Вам спасибо за письмо. Очень оно обрадовало меня и, конечно, я всплакнула. Спасибо за то, что вы нашли время и написали мне. Я живу с сынишкой, Олежкой, ему 13 лет, муж умер 14 февраля 1985 года. Юра, сы-

* Юрий Вилошкин вернулся домой с войны, работает шофером в пожарной охране поселка Ефимовский.

Артиллерийские позиции
перед Джелалабадской
долиной. 1988 год.

нок, тогда ходил в школу в 9 класс, а в день похорон отца 16 февраля Олегу исполнилось только 6 лет. И вот так одна воспитываю сына. Очень тяжело жить стало, в магазинах все дорого, не знаю как жить дальше. Ждала сына Юрочку, а вот... Потеряли мы наших кровиночек. До глубины души жалко сыновей в такие-то цветущие годы. Живу я скромно, а тут только одни слезы, хожу на кладбище к сыну каждый выходной день. За что так наказали и нас, и наших сыновей.

14 апреля 1991 года в Ленинграде собрались матери, у которых погибли сыновья. Мы с сынишкой Олежкой ездили. Там я познакомилась с одной женщиной, у которой сын тоже погиб, с моим сыном служил в г. Баграме. И вот с тех пор переписываемся. Вас может не затруднит и ей письмо тоже напишите. Это — Лилиана Григорьевна Григорьева.

Друзья сына часто ко мне приходят на праздники и просто так. Как-то припозднились за разговорами и остался Андрюша, друг сына, у меня ночевать. Он спал, а я смотрела на него и плакала: спит на диване сынок, да не мой. Господи, дай здоровья и жизни этим мальчишкам! «Мальчишкам» теперь уже по 26 лет. Это хорошо, что выйдет Книга Памяти о наших сыновьях. Будут ли помнить новые поколения о наших маль-

чиках, погибших на чужой земле? Поймут ли они, что значит для других слово «афганцы»? Будут ли трепетно с уважением относиться к вернувшимся домой: Андрею Хрусталеву, Сергею Белякову, Сергею Фролову, Юрию Вилошкину? История рассудит...

А сегодня так важно, что на улице имени Юрия Гусарова живут хорошие добрые люди: супруги-педагоги Бостояковы, семья В. В. Ложеницына, пенсионер Н. И. Степанов, Н. К. Галашева, бывший учитель и, наконец, на этой улице живет мой сын Олег Гусаров — надежда и опора в моей жизни. И дай им Бог мира, веры и любви.

Светлая память всем нашим российским сыновьям. С уважением, *Елена Ивановна Гусарова*.

Эй, вы звезды и небо ночное, передайте
привет от меня
В те края, где живет дорогая,
милая мама моя.
Ты не бойся, вернусь я на Родину,
только честно свой срок отслужу,
Только выполню клятву, мной данную —
ту, что дед мой и прадед давал

Юра Гусаров.

В прошедшем 1988 году президент Наджибулла сделал заявление о том, что после возвращения советских войск на родину в Афганистане не усилится военное противоборство. Однако, это заявление не отражало ход последующих событий. Дело в том, что политическая терапия хотя и нужна (это безусловно!), но далеко не всецельна. В нашей прессе утверждали, что Наджибулла проводил самую гибкую политику. Так ли это?.. После переоценки событий, то есть какое-то время спустя, можно ут-

верждать обратное. А в ту пору?.. Вряд ли наши «аналитики» всесторонне учитывали роль ислама, племенные проблемы, традиции и др.

Итак, 1988 год позади. До вывода 40-й Армии оставались считанные недели. До мартовского (1990) мятежа — год и два месяца. До падения режима Наджибуллы (апрель 1992 года) — три года и три месяца!

События развивались не по сценарию из Москвы.

1989

15 февраля последнее подразделение 40-й Армии и с ним командующий армией генерал-полковник Б. В. Громов покинуло Афганистан, а гражданская война продолжалась. При этом моджахеды перехватили инициативу. Заверения президента Наджибуллы на митинге в Кабуле, что афганская армия в состоянии защитить свое отечество, не оправдали себя.

Вывод частей 40-й Армии в январе-феврале продолжался строго по плану. При этом коммуникации от Кабула через перевал Саланг надежно охранялись от возможных нападений со стороны моджахедов, особенно отрядов Ахмат Шах Масуда.

Последний бой на Южном Саланге произошел в январе, буквально за две недели до окончательного вывода наших войск из Афганистана. Этот бой был жестоким. Наши воины предпринимали усилия, чтобы не пострадали от душманов мирные жители, которые были в этом районе. Толпы мирных жителей провожали с открытыми сердцами наших военнослужащих... И все же бой начался! Не без потерь!

К этому времени были свернуты гарнизоны, многие заставы и блоки, вытянулись колонны, увлекаемые общим потоком на север, домой. Военные городки были переданы афганской стороне.

Именно в эти дни подразделения советских войск совершили переход по магистрали Кабул—Хайратон от Чаугани на север и к утру 10 февраля полностью сосредоточились в районе города Пули-Хумри.

До Термеза не так уж далеко... А в Термезе наши люди встречали возвращающихся воинов.

С 19 февраля, то есть через четверо суток после того, как последнее подразделение советских солдат прибыло в Термез, указом президента РА объявлено чрезвычайное положение в стране. В марте этого же года были бои у стен Джелалабада. Один из генералов афганской армии Абдул Хак Улюми признал, что за все годы войны не было столь кровопролитных и ожесточенных боев, как битва за Джелалабад.

18 апреля президент Наджибулла в интервью газете «Известия» заявил следующее: «Пакистан фактически растоптал женевские соглашения, превратив вмешательство в прямую агрессию против афганского народа. Нам предстоит трудные, очень трудные дни. Никаких иллюзий мы не питаем. Противник собирает силы под Кабулом.

Держит в блокаде Хост. Подтягивает свои формирования к Герату, Кандагару. Против нас фактически воюет регулярная армия с участием иностранных боевых единиц».

В конце ноября президент Наджибулла констатировал, что беды нарастают, и афганское руководство потеряло уверенность в себе.

Таким образом, через девять месяцев после вывода 40-й Армии из Афганистана руководство РА, собственно говоря, признало свое поражение.

Вот как оценивал обстановку в начале 1989 года американский корреспондент Си-Би-Эс Барри Питерсон: «Я видел собственными глазами, что Советы выходят из Афганистана, причем достаточно быстро, насколько это возможно. Я увидел, что люди, которые там остаются, довольны выводом и не хотят повторного возвращения ваших солдат. Обстановка в столице напряженная, но терпимая. Правительство в основном контролирует ситуацию.

Что касается перспектив развития обстановки в стране, то могу сказать следующее: мне кажется, что на протяжении всей истории Афганистана племена, населяющие его, постоянно воевали между собой. Думаю, такая война повторится и на этот раз». (Интервью дано «Комсомольской правде» 10 февраля.)

Советская сторона выполнила женевские соглашения. 40-я Армия к 15 февраля 1989 года с достоинством покинула территорию Афганистана. Все события после ухода советских воинов подтвердили то, что статус-кво сохраняется в этой многострадальной стране только благодаря присутствию 40-й Армии. Наши воины дружелюбно относились к афганскому народу. Мы с болью в сердце переживаем и сейчас страдания афганцев. Не вина наших доблестных воинов, что политики из бывшего Советского Союза и ДРА (РА) просчитались так, что дальше некуда.

...Солдаты уходили из Афганистана среди цветов, улыбок, отдавая последние почести павшим. Праздничный Хайратонский мост. Цветы, оркестр, кино и телевидение. Усталый генерал Громов на мосту...

Из Кабула на самолете убыл генерал армии В. И. Вареников.

И все же последними с афганской земли ушли пограничники, обеспечивавшие выход последнего солдата — все пять групп прикрытия тихо переправились через Аму-Дарью в стороне от моста Дружбы.

Домой!

Иван Михайлович Коробейников — генерал-лейтенант, начальник одного из управлений пограничных войск КГБ СССР, рассказывает:

«...По просьбе афганского руководства был введен небольшой контингент пограничных войск КГБ СССР в северные провинции Афганистана для охраны нашей границы. Участвовали... сводные боевые отряды Среднеазиатского и Восточного пограничных округов. Собирали в них, как правило, добровольцев... Места дислокации в Афганистане выбирались с учетом активности действий моджахедов, так, чтобы мешать им выходить к советской границе. Сначала это были Памирское и Пянджское направления, затем постепенно была образована зона ответственности пограничных войск, включавшая в себя часть территории всех северных провинций Афганистана на глубину где-то до ста километров.

Мы внешне, военные, были не отличны от 40-й Армии. Солдаты и офицеры ходили в такой же форме, погоны перешивали на общевойсковые. Единственная особенность — все службы тыла и обеспечение боевых действий, а также вся пограничная авиация находились на советской тер-

ритории, в местах расположения пограничных отрядов.

Мы воевали на территории сопредельного государства и охраняли ту же границу обычным способом. Фактически Среднеазиатский пограничный округ нес двойную, если не тройную нагрузку. В отрядах численность личного состава в 3-4 раза превысила ту, что была «до войны». Мы делали все, чтобы не допустить диверсий на нашей границе. По просьбе афганских властей участвовали и в боевых действиях. Совместно с афганцами и частями 40-й Армии за все время провели ряд больших десантно-войсковых операций в нашей зоне ответственности, и в основном по разгрому крупных бандформирований вблизи границы.

И если оценка всей афганской войны — дело истории и политиков, то, думаю, она не должна касаться солдат. За свой черный труд они заслужили самых высоких слов благодарности...».

Потери личного состава СССР в 1989 году в Афганистане составили 53 человека, из Ленинградской области за последние 46 дней этой войны — 2.

АФГАНСКАЯ БОЛЬ

1. **Щеняев Александр Петрович** — старший лейтенант, погиб 19 января.
 2. **Матаков Олег Борисович** — лейтенант, умер 15 февраля.
-

ЩЕНЯЕВ
АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

10.1.63—19.1.89

Родился в Орске Оренбургской области. Русский. Образование среднее специальное. Военнослужащий. Женат. В Афганистане — старший лейтенант, бортовой техник вертолета МИ-8 (в/ч 9809).

Мать: Щеняева Любовь Андреевна.

С 1969 года семья Щеняевых переехала жить в г. Ургенч Хорезмской области Узбекской ССР. С 1970 по 1980 годы Саша — учащийся средней школы им. Шайдакова в г. Ургенч.

С 1980 по 1983 годы — курсант Выборгского авиационно-технического училища гражданской авиации имени С. Ф. Жаворонкова.

С февраля 1983 года по ноябрь 1984 года работал в подразделении Гражданской авиации в Гомельском объединенном авиаотряде — техником МИ-8.

С ноября 1984 года по июнь 1987 года Александр Петрович служил в поселке Сокол Магаданской области — в/ч 9828.

С 1987 года старший лейтенант А. П. Щеняев — борттехник МИ-8 спецотряда разведки в/ч 9809 в Душанбе.

19 января 1989 года погиб, выполняя боевое задание. Награжден орденом Красного Знамени (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», знаком «Отличник пограничных войск».

Похоронен на городском кладбище поселка Черкасово Выборгского района по месту жительства семьи.

3 февраля 1989 года в газете «Выборгский коммунист» под рубрикой «Мы — интернационалисты» были напечатаны печальные строки: «25 января 1989 года с воинскими почестями был похоронен Александр Петрович Щеняев. Почтить память старшего лейтенанта А. П. Щеняева, выпускника Выборгского авиационного технического училища гражданской авиации имени С. Ф. Жаворонкова собрались на траурном митинге его сослуживцы, воины-пограничники, представители горвоенкомата, курсанты ВАТУГА...».

На памятниках погибшим воинам-интернационалистам в воинских частях Магадана, Душанбе, Выборга, в пос. Прибылово среди других имен есть имя Щеняева Александра Петровича.

Десятого января 1990 года коллектив учителей и учащихся Ургенчской школы отме-

тил день рождения своего выпускника, которому отныне всегда будет двадцать шесть лет. Год назад в небе над афганским городом Ханабадом он навсегда ушел в бессмертие. На фасаде школы — памятная доска, извещающая о том, что в ней учился старший лейтенант Александр Петрович Щеняев.

В тот же день в десять часов по московскому времени состоялось торжественное построение личного состава Выборгского авиационно-технического училища, которое было посвящено сорок четвертой годовщине освобождения города от фашистских захватчиков. И там объявили, что в числе других курсант училища Александр Щеняев навечно заносится в список своей роты.

А еще севернее, в Петрозаводске, день рождения Александра Петровича отметил его побратим, летчик Ильгиз Шарипов, ос-

тавшийся в живых член погибшего экипажа.

Каждый год 10 января не забывает помянуть своего боевого товарища Герой Советского Союза Валерий Попков. Именно за тот бой над Ханабатом он удостоен высшей награды Родины. Это он в 1989 году документально подтвердил подвиг вертолетного экипажа.

Память об Александре жива. Она в мемориальной доске родной школы, сердце матери Любови Андреевны, в дочке Настеньке, которая часто приходит к мраморной плите, на которой портрет красивого молодого человека в офицерских погонах, ее отца. Жива память у всех, кто знал, любил и уважал Александра Петровича Щеняева.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАПЕ САШЕ

Родина-мать зовет!
И срочный вызов: в вертолет!
Сегодня папы дома нет
И мама ждет с войны ответ.
Писала осенью письмо —
Ответа нет, да где ж оно?
Уже зима пришла давно.
Ответа нет, дошло ль письмо?
Мне кажется, что все — кино.
А папы нет уже давно.
А мама верит и все ждет
Когда вернется вертолет...

*Настя Щеняева,
11 лет. 1995 год.*

Из писем Марины Владимировны:

«...С Сашей я познакомилась на Новый 82-й год в 82 квартире — так мы условно называли факт нашей первой встречи. Выше среднего роста, кареглазый, с упрямым волевым подбородком, балагур, постоянно находящийся в центре внимания любой компании и одновременно добрый, заботливый, с очень развитым чувством чести и товарищества, Александр покорила меня с первых встреч. Свадьба состоялась 24 апреля 1982 года. Свадьба... Нашему счастью сопутствовала даже погода. Именно в эти три свадебных дня погода стояла солнечная, на удивление теплая-теплая.

Пришло на торжество много молодежи, особенно курсантов из его роты: шутили,

Семейное фото: Александр Петрович, Марина Владимировна, Настенька Щеняевы. Выборг.

что, мол, самый ярый женоненавистник, первым женился.

Свадьба... До сих пор душа задыхается от волнения, когда слышу перезвон маленьких колокольчиков — как у нас на украшенной машине, везущей жениха и невесту.

Первые полгода жили в Выборге в квартире с моими родителями. Везде вместе — в гостях, на танцах, в кино...

Александр Петрович и Марина Владимировна ждали распределения после окончания училища. Обрадовались, что едут в Белоруссию — в Гомельский объединенный авиаотряд. Неустроенный быт, чужие углы, отсутствие отопления и воды не принесли ссор и размолвок. Их маленькую семью коммунальные неудобства, наоборот, сделали прочнее; укрепили желание быть вместе. А для будущего ребенка сразу придумали имя: если сын, то Андрей, как Сашин дедушка, если дочь, то Анастасия, потому что можно ласково называть «Настенька».

«...И она родилась в апреле. Когда Настя подросла, он брал ее на руки, высоко поднимал под потолок и «ж-ж-ж-ж» полетели

вдвоем: включать реверс, выпускать шасси и закрылки.

Летать, только летать. Наземная работа авиационного техника его не устраивала. После полутора лет анкет, проверок, повторных просьб об ответе в ноябре 1984 года пришел долгожданный приказ о призыве на военную службу с местом назначения — Магаданская область, поселок Сокол.

Радость беспредельная! Ну и что, что младший лейтенант — не генерал, зато можно летать!

Комната в общежитии, соседи — все в погонах, но мы быстро прижились на новом месте, освоились. Запомнился один эпизод, когда замполит и командир части пришли проверить условия быта и узнать о нуждах вновь прибывших офицеров. Постучали в двери, зашли, оба в форме, и спрашивают, как, мол, живете, какие проблемы, просьбы? Саша сразу посерьезнел и говорит: «Все отлично, проблем нет, сами в состоянии решить и уладить любой вопрос». Заулыбались командиры и спрашивают: «А деньги-то у вас есть?». С деньгами глухо, но сказать об этом, значит, пожаловаться, что для мужа непреодолимый порог. И я призналась: переезд в Магадан подорвал наше финансовое положение. Как меня Саша корил за язык! Но аванс нам выписали досрочно.

Саша очень легко сходилась с людьми, но друзей было немного. Любил компании, лучше с пирогами и тортом, за чашкой чая — такой сластена. Я, говорит, как «кутенок на мамкину титьку», иду на запах печеного...

Уже в Магадане Александра зачислили в экипаж, который направлялся для выполнения боевых вылетов в Афганистан. Как он туда рвался! Ведь рядом товарищи, имевшие боевой опыт и не раз побывавшие «там», на афганской войне».

Из письма Р. Урманова, друга А. П. Щеняева:

«В декабре 1984 года я встретил на территории в/части молодого человека в форме летчика гражданской авиации. Подошел к нему. Познакомились. Он быстро влился в наш армейский коллектив. Ему доверили вертолет МИ-8, на котором он начал летать и охранять северо-восточную границу.

В это время наша часть уже оказывала интернациональную помощь Афганистану.

Вскоре от командования поступил приказ об отправке экипажа в Афганистан в краткосрочную командировку. По возвращении с «юга», так мы в обиходе называли тот полет, Александр написал рапорт о переводе его в боевую часть — на юг. Его стремление поехать на войну нас удивило, мы и так там находились по 6—7 месяцев в году, к тому же у него молодая и очень красивая супруга, прекрасная маленькая дочь Настенька...».

Когда Марина Владимировна с дочерью жила у родителей, Александр Петрович прислал письмо из Магадана:

«Мои дорогие Марина, Настасья, мама и Елена, здравствуйте!

Писем, Марина, от тебя давно нет, может сессия идет, времени нет, в общем, неизвестно. Вчера прилетал командующий авиацией, проверял несение службы караулом, без замечаний оставил в документации у меня автограф, пожелал так же нести службу. В начале июля меня внесли в состав экипажа на «юг», поедем в первых числах июня. В общем, не расстраивайся, бывает хуже...

По возможности, хоть раз в неделю, пиши матери, ждет с нетерпением. Матери моей про «юг» не пиши, я не буду писать, если только в крайнем случае. Ведь опять собирали по 50 рублей за ребят, их там сняли в горах. Вот такие дела. Давление и самочувствие нормальное. Нет-нет, кошмары ночью навешают. Но все в норме. А погода, как назло, дрянь. Ну вот и все, мои дорогие. Большой всем привет. Крепко вас целую. Александр...».

Особо хочется сказать об отношении Александра Петровича к маме Марины Владимировны. Он всегда говорил о ней ласково, с уважением, называя «матушка».

Любовь Андреевна Щеняева несколько лет уже на пенсии. По воле судьбы живет по-прежнему в Узбекистане, в г. Ургенче. Никогда Александр Петрович не забывал написать ей, просил не беспокоиться о нем, уверяя, что все нормально. С большой благодарностью относился к ней, понимая, как трудно пришлось маме в жизни, вырастив-

шей в одиночку двоих детей. А сейчас она помогает живущей рядом с ней дочери Наташе растить троих внуков. Оберегая маму, Александр долго не сообщал ей об особенностях своей службы, хотя все равно материнское сердце догадывалось. Знала характер сына: он не окажется в стороне от афганской войны.

Специфика службы в авиации погранвойск такова, что, имея базу на территории СССР, все боевые вылеты — на Афганистан. И долго факт участия погранвойск в боевых действиях запрещалось рассекречивать. Вот и летали советские ребята в «командировку».

Первая такая «командировка» А. П. Щеняева длилась больше двух месяцев. И он дома не говорил, куда летит. Лишь увидев случайно в его «дипломате» новенький загранпаспорт с фотографией в штатском костюме, Марина Владимировна поняла — куда.

Документ:

«Город Магадан 11 июля 1986 года:

Командировочное удостоверение № 145 в/ч 9828.

Выдано лейтенанту Щеняеву Александру Петровичу, командированному в в/часть 2178 г. Мары.

Срок командировки — 300 дней для выполнения спецзадания».

В 1987 году старшего лейтенанта А. П. Щеняева зачислили в вертолетный отряд воздушной разведки. Постоянные «афганские» командировки начались после переезда в Душанбе в 1987 году.

Из письма Марины Владимировны:

«...Я, конечно, сознавала, какая нелегкая профессия у мужа, особенно, когда Саша чуть ли не каждый день летал на боевые задания через границу в Афганистан, находясь в постоянной опасности, которой подвергается военный летчик...

Писем в этот период жизни (в Душанбе) мы друг другу не писали, так как каждый отъезд мужа подразумевал пребывание не в одном месте, а в разных. Менялись экипажи через месяц-полтора и после недельного пребывания на базе в Душанбе, наши мужья улетали ближе к границе.

О впечатлениях от полетов слышали очень редко: когда собирались семьями,

члены экипажа за хорошим ужином с бутылкой водки начинали вспоминать один из вылетов. И нам, женам, обычно не полагалось слушать подробности. Только догадки да курьезные случаи кое-как могли обрисовать положение на войне.

Однажды после командировки Саша вернулся домой в новенькой «варшавке» — форме, которая, как он когда-то объяснял, не горит и имеет много карманов. «А где твоя?» — спросила я. Оказывается, она настолько пропиталась кровью раненых бойцов, которых они перевозили на нашу стору, что ее пришлось сжечь.

Кончилась романтика, иссякла жажда повоювать, пострелять, изменился Александр. Стал молчаливее, суровее. Пропало желание ходить в гости, на развлечения, все чаще говорил: «Давай дома побудем...».

Вот с дочкой у них дружба так дружба. Прилетит муж домой — и сразу за Настенькой в детский садик. Я с работы за ней зайду, а ее нет уже. И дома нет. Начинаю метаться, а тут они вдвоем — счастливые, гордые покупками и подарками — домой являются. То привез дочери из командировки «конструктор», и сам три вечера с азартом складывал из разноцветных деталей машинки. А еще Саша увлекался сборкой самолетиков. Только времени на это не всегда хватало. Иногда дочка, перебирая папины вещи (уже после его гибели), возьмет две оставшиеся несобранными коробочки с деталями и вздохнет: «Это папино».

10 января 1989 года Саше исполнилось 26 лет. Светлый праздник в нашей семье, настроение приподнятое. Конец войны близок: наконец-то закроется трагическая страница в истории нашей страны. Это будет. А пока...

В последнюю командировку Саша лететь не рвался, все же конец войны уже назначен на 15 февраля. Рано утром 17 января, как обычно, муж, взяв сумку с вещами, готовился уйти, но что-то ему мешало. Несколькими минутами метался по квартире, искал, но не нашел нужную ему вещь — какую, я так и не узнаю никогда.

На мой вопрос — «Что ты ищешь», ответил: «Вернусь, сам найду». Уже в дверях, сдвинув по привычке фуражку с летными птичками на самые глаза, сказал: «Ну все,

Бортовой техник вертолета МИ-8 старший лейтенант А. Щеняев, 1989 год.

я пошел». Мой ответ: «Счастливо, буду ждать» — оказался последним. И в эту минуту мне стало страшно, я не находила себе места, — только бы ни бездна неизвестности.

Вечером, в день Сашиного отъезда, пошла поделиться тревожными мыслями к соседке, жене командира другого вертолета МИ-8, который тоже находился в эти дни в боевой командировке. «Не бойся, скоро войне конец, всех встретим живыми», — успокоила она меня, но предчувствие говорило: что-то не так в этот раз. Получилось же, что именно Нина, соседка, зная о гибели Сашиного экипажа, первая зашла ко мне 19 января. Она ничего не сказала, я только поглядела на нее и, увидев ее глаза, поняла: случилось самое худшее. Но я не хотела, чтобы она вслух произнесла горькую весть, стала сама говорить, рассказывать ей о каком-то фильме, боясь, вдруг Нина скажет, подтвердит вслух, будто от этого могло что-либо измениться.

Поэтому, когда через два дня после Сашиного отъезда раздался звонок в дверь, которого я уже подсознательно ожидала, и вошли командир части, замполит, командир эскадрильи со снятыми фуражками, я уже знала, что они скажут...

Все понимаю, но не верю еще, нет... нет! Они говорили — я их не слышала. Слез не

было, внутри закаменело. Может, они ожидали воя, истерики, но их не последовало. Осознав принесенную ими весть, не поверила, потому что не могла поверить.

Тень «Черного тюльпана» с афганского фронта напомнила о себе, легла тяжелым камнем на сердца тех, кто надеялся и ждал...

19 января Саша погиб.

Прощание в полку с пятью членами экипажа, сбитого под Ханабадом, перелет в Ленинград рядом с цинковыми, без окошек, коробами, одновременно случившееся в Душанбе землетрясение — вымотали всех. Даже у Сашиной мамы не хватило слез, когда гроб опустили в яму на Выборгской земле.

События этих страшных дней помню только по фотографиям. И не верю, не хочу верить.

А Настя растет, как две капли похожая на отца. Растет и часто вспоминает папу. Мы его любим и помним, так будет всегда.

Вот и все. *Вдова Щеняева Марина*. Март. 1993 год».

Из письма мамы Александра Петровича:

«Я, Любовь Андреевна Щеняева, мать погибшего в Афганистане Александра Щеняева. Мой сын похоронен в Выборге. Моя материнская любовь за моего ребенка — со мной. Но страшно то, что мои ноги не ходят на могилку Сашеньки, живу я так далеко от Выборга — в г. Ургенч Хорезмской области.

Но я благодарна Надежде Ильиничне Ковалевой, маме моей невестки Марины, за то, что могилка Сашеньки ухожена ее руками».

В семейном архиве вдовы Марины Владимировны Щеняевой хранится листовка «Побратимы», выпущенная 21 января 1989 года. Сам капитан Попков смог прочитать ее спустя лишь полгода.

Фронтальная листовка. За нашу Советскую Родину!*

ПОБРАТИМЫ

(Их породило небо Афганистана)

«Шли парой. Как всегда. Один «борт» пилотировал капитан И. Шарипов. Его экипаж: летчик-штурман старший лейтенант

* Документ войны (авт.).

И. Бариев, борттехник старший лейтенант А. Щеняев, старший воздушный оператор старший лейтенант В. Долгарев, старшие прапорщики И. Залетдинов и С. Клименков. На втором находились капитан В. Попков, летчик-штурман капитан А. Рыжов, борттехник капитан Р. Гильметдинов, бортстрелок-радист прапорщик А. Дудник, старший воздушный оператор майор С. Шустиков, прапорщики Э. Курбанов и С. Макаренко.

Шли парой над низкой облачностью, закрывавшей Землю. Но вот в облаках образовалось «окно». Выскочили. Сейчас трудно сказать, в какой момент это произошло, но с вертолета Попкова увидели, как шариповский «борт» окутался вспышкой взрыва. Позже станет известно, что вертолет сбит «Стингером», а тогда все только увидели, как объятая пламенем машина, заваливаясь на правый борт, резко пошла вниз...

Шарипов с залитым кровью лицом (посекло осколками стекла) пытался вырвать

вертолет из смертельного пике, но искалеченная машина не слушалась, в грузовом отсеке горел огонь, пилотская кабина была пуста. Командир еще не знал, что весь экипаж погиб, что выбросившийся с парашютом Щеняев слишком рано раскрыл купол и, зацепившись, попал под лопасти несущего винта... Поняв, что ничего уже сделать нельзя, Шарипов вниз головой вывалился из вертолета. Бывший десантник, он пошел на затылочный прыжок. Во-первых, чтобы не догнал падающий вертолет, во-вторых, медленно спускающийся парашютист — слишком хорошая мишень. В том, что внизу территория, занятая «непримиримыми», у Шарипова сомнений не было. Он раскрыл купол в метрах ста от земли и через несколько секунд вновь погасил его, чтобы увеличить вертикальную скорость. Увидел бегущих к нему и стреляющих на ходу моджахедов. Было их человек до восьмидесяти, бежать им оставалось метров 300—400. Приземлившись, Шарипов освободился от парашюта, вынул пис-

Открытие в Выборге 11 декабря 1993 года памятника воинам, погибшим в Афганистане.

толет, запасную обойму и приготовился принять неравный бой. И в это время услышал, как проревел над головой вертолет Валерия Попкова...

Попков мгновенно и точно оценил обстановку. Он видел прыжок Шарипова, его приземление, бегущую к нему толпу «непримиримых». За плечами капитана Попкова уже около двух тысяч боевых вылетов, опыт подсказывал единственное правильное решение: атаковать, а потом, воспользовавшись замешательством банды, подобрать Шарипова. Вертолет лег на боевой курс. И вскоре огненно-дымные стрелы НУРСов понеслись навстречу моджахедам. Потом «борт» пошел на посадку.

И в следующий момент капитан Ильгиз Шарипов увидел, как в гуще приближающихся басмачей вспыхнула от взрывов земля: залп Попкова накрыл цель. А затем его вертолет быстро устремился к упавшей неподалеку горячей машине Шарипова. Коснулся земли, отошла в сторону дверца, трое спрыгнули вниз... Шарипов побежал, слыша свист пуль, видя, как автоматным огнем прикрывает его Рафаил Гильметдинов, как несутся к пылающему вертолету Сергей Шустиков и Эрадж Курбанов. Огонь со стороны «непримиримых» все усиливался, они уже опомнились и поливали свинцом Шарипова, вертолет Попкова, всех, кого видели возле сбитой ими машины. Но, несмотря на это, Шарипов добежал, вернулись Шустиков с Курбановым, поняв, что помогать некому, запрыгнул в «борт» Гильметдинов, сжимая в руках автомат с опустевшим магазином. Вертолет взлетел, и вслед ему неслись очереди озлобленных моджахедов. Но пули не задели никого, и это похоже на чудо.

Потом на базовом аэродроме техническая комиссия насчитала в вертолете Попкова двадцать одну пробоину. Одна пуля застряла в аппаратуре пилотской

кабины, как раз напротив головы капитана Попкова. Значит, и впрямь смелого пуля боится.

А в смелости капитана Попкова, спасшего в этой экстремальной ситуации жизнь боевому товарищу, в эскадрильи никто не сомневался. Парадный китель летчика украшают ордена Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Такими летчиками, как он, здесь гордятся. А в общем тут надо гордиться каждым. Все они побратимы. Их породнило небо Афганистана».

Корреспонденту «Красной Звезды» В. Попков рассказал: «Идя в паре с вертолетом старшего лейтенанта Щеняева, мы попали под залпы ракетных установок душманов. Пляской смерти можно назвать выражи борта наших товарищей. Пытаясь их спасти, мы пулеметным огнем стали давить ракетные установки. Неожиданность нападения заставила ракетчиков на какие-то мгновения замолчать. И это позволило Ильгизу Шарипову решиться на то, на что решаться было нельзя. Он прыгнул через охватившее вертолет пламя. Подлетая к рухнувшему борту, мы не теряли надежды застать живыми всех четверых. К сожалению, и Саша Щеняев, и Ильфат Бариев и Виктор Долгарев погибли.

Да, они погибли. И кто знает, что они думали в свои последние секунды. Может быть о том, что погибают не зря, а чтобы жил четвертый.

Поражает мужеством выдержка наших людей на войне. Бортовой техник, воздушный стрелок ст. лейтенант А. П. Щеняев за три года выполнил 1167 вылетов и спецзаданий. В 1988 году на его счету из 977 полетов 687 — боевых вылетов. Говорят, летчики не умирают, не погибают, они улетают навсегда — в бессмертие».

Документ

Комитет Государственной безопасности СССР
Главное управление пограничных войск

12 июля 1990 г. Москва

Экз. № 1
Ковалевой Н. И.*
188900 г. Выборг, Леншоссе

Уважаемая Надежда Ильинична!

Ваше письмо, адресованное в Верховный Совет СССР, рассмотрено в Главном управлении пограничных войск КГБ СССР.

19 января 1989 г. при выполнении полета над территорией РА в районе Ханабада вертолет капитана И. К. Шарипова, где в составе экипажа находился Саша Щеняев, был подбит из зенитно-ракетного комплекса «Стингер», загорелся и начал разваливаться в воздухе. В создавшейся ситуации И. К. Шарипов подал команду — покинуть неуправляемую машину. По каким-то причинам парашют Саши раскрылся вблизи вертолета и куполом зацепился за балку специальной подвески. Оказавшись в беспомощном состоянии и будучи фактически привязанным стропами парашюта к разваливавшемуся вертолету, Саша был убит еще в воздухе лопастями несущего винта.

Из всего экипажа одному И. К. Шарипову удалось благополучно отделаться от вертолета и раскрыть парашют вблизи земли.

Момент загорания и разрушения вертолета И. К. Шарипова в воздухе, повисший купол парашюта на ферме подвески, отделение от вертолета и раскрытие парашюта И. К. Шарипова наблюдал экипаж В. Ф. Попкова, выполнявший вместе с ним совместное задание.

Прикрываясь огнем бортового орудия, В. Ф. Попков** посадил свой вертолет вблизи горящих обломков, подобрал И. К. Шарипова, оставив Сашиного товарища Рафаила Гильметдинова и с ним двух членов экипажа для осмотра сбитого вертолета и взлетел для прикрытия их с воздуха.

За время, пока Попков В. Ф. прикрывал огнем своих товарищей и заходил на посадку для взятия их на борт под обстрелом мятежников, Р. Гильметдинов имел возможность убедиться, что среди горящих обломков вертолета нет живых людей.

Получив более 20 пробоин на своем вертолете, В. Ф. Попков забрал группу Р. Гильметдинова и благополучно произвел посадку на площадке ближайшего гарнизона советских войск.

Через трое суток афганские власти с почестями передали останки пяти членов экипажа. В опознании участвовали люди, хорошо знавшие их по совместной службе, среди которых был Рафаил Гильметдинов, Александр Рыжов и начальник авиации Среднеазиатского пограничного округа генерал-майор авиации А. Н. Евдокимов.

Еще раз примите наши соболезнования в постигшем Вас горе.

Начальник авиации пограничных войск КГБ СССР *Н. А. Рохлов*

* Ковалева Н. И. — мама Марины Владимировны, оказавшая неоценимую помощь в сборе материалов для Книги Памяти и продолжающая вести большую работу по сплочению семей воинов-афганцев г. Выборга.

** 21 апреля 1989 г. капитану В. Ф. Попкову присвоено звание Героя Советского Союза.

МАТАКОВ ОЛЕГ БОРИСОВИЧ

25.XII.64—15.II.89

РОДИЛСЯ в Бокситогорске. Русский. Образование высшее. Член ВЛКСМ. Женат. В Афганистане — старший лейтенант, командир роты спецназначения (в/ч 43151).

Родители: М а такавы Борис Александрович, Лидия Алексеевна.

С 1972 по 1982 годы учился в средней школе № 5 в Тихвине.

С 1982 по 1986 годы — курсант Рязанского высшего воздушно-десантного командного дважды Краснознаменного училища им. Ленинского комсомола.

С 1986 по 1987 годы — служба в Феодосии в должности командира взвода десантных войск.

С мая 1987 по февраль 1989 года служил в Афганистане (г. Газни).

6 февраля 1989 года тяжело ранен.

15 февраля умер в госпитале (г. Термез).

Награжден знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», орденом Красной Звезды (посмертно), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа», юбилейными медалями «70 лет Вооруженных Сил СССР», Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, именными часами, медалью «10 лет Саурской революции».

Похоронен в г. Бокситогорске Ленинградской области.

15 февраля каждый год ребята из средней школы № 5 г. Тихвина приезжают на кладбище в Бокситогорск, чтобы почтить память выпускника их школы О. Б. Матакова.

На восьми страницах школьной тетради в клеточку Ирина Васильевна Матакова подробно рассказала об Олеге Борисовиче, о его родителях, друзьях, о жизни мужа под мирным небом и на войне.

О школьных годах Олега:

«Все время у Олега было занято: то танцевал (в 1979 году ездил в Дрезден с танцевальным кружком. Там немецкие ребята на одной из фотографий сделали такую надпись: «Танцуй всегда, танцуй везде, хорошему парню на память»), то он пел, то занимался спортом. Участвовал в школьных олимпиадах по химии, математике, физике — и почти всегда выходил победителем. Знаменосец школы. Член совета дру-

жины, командир отряда «Дзержинец», представитель штаба знаний, участник смотров художественной самодеятельности. Для него не существовало слов «не хочу» или «не могу». А еще Олежка умел крепко и верно дружить. Учился прекрасно и в школе, и в училище...»

Вера Носенко, одноклассница, вспоминает:

«На всю жизнь запомнила, как Олег, знаменосец школы, преклонив колена, целовал Знамя пионерской дружины. Он проделал это так серьезно, с таким истинно священным отношением к Знамени, что у меня сердце сжалось и ком к горлу подкатывался. Это чувствовала не только я. В зале стало так тихо-тихо...»

Е, Савченко, одноклассница, рассказывает:

«10 класс. 8 марта. Огонек. Мы сели за парты. Зажгли свечи. Олег и говорит: «Давайте сядем так, чтобы смотреть друг другу в глаза. О любви нельзя говорить по-другому. Заспорили, есть ли сейчас любовь у наших родителей или это привычка. А Олег улыбнулся так тепло: «У моих — любовь. Мама никогда спать не ляжет, пока папа не придет...».

Из письма И. Майоровой (ныне Осинкина, выпуск 1984 года):

«Я не одноклассница Олега Матакова, но мы учились в одной школе: одни учителя, школьные вечера, комсомол. Олег не был мальчиком, в которого влюблялись девчонки из младших классов — за ним по пятам ходили мальчишки. Что-то доброе и хорошее таилось в этом парне. Он мог заразить всех своей мечтой десантника — те переживали, поступит ли он в военное училище. И когда Олег стал курсантом, мальчишки восприняли это как праздник. Может это и смешно в наше дурацкое время, но он был просто настоящим одноклассником, настоящим другом, настоящим учеником и комсомольцем. 10 мая 1994 года».

В сентябре 1985 года в училище был выпущен агитплакат с фотографией «Лучший редактор Боевого листка курсант Матаков Олег Борисович». О его успехах убедительно рассказывает служебная карточка. Восемнадцать поощрений свидетельствуют о добросовестной службе, о желании курсанта Матакова стать умелым офицером.

Годы учебы в училище, службы в Феодосии пролетели незаметно.

Из разговора с мамой Олега Борисовича:

«Приехал сын из Таджикистана под Новый год. Привез фрукты, дыни, обзвонил молодежь, сагитировал всех придти под елку на площади. Пришли, встреча необыкновенная, разрезанная на 16 частей дыня, а кругом — снег и друзья. «Так здорово, мама. Снег кругом, мои друзья, елка и дыня на снегу», — рассказывал Олег.

Прошло 4 месяца после этой встречи и Олег уехал в Афганистан, куда он попал

без предварительной подготовки в учебном подразделении...»

По письмам, рассказам при встрече родные старшего лейтенанта О. Б. Матакова определяли маршруты передвижения группы специального назначения, в которой находился Олег Борисович: в район озера Хайрокот, в селение Кулалыгу (здесь взяли один из самых крупных караванов: 500 человек охраны против 17 человек спецназа). В этом бою погиб от ранения однокурсник Олега по училищу Алеша Трофимов. 240 километров до медчасти его несли Олег и друзья.

В отпуске Олег Матаков находился почти два месяца — с конца февраля до конца апреля 1988 года.

1 апреля состоялась свадьба Олега и Ирины.

«Я была такой счастливой», — писала Ирина Васильевна.

Олег и Ирина Матаковы 1 апреля 1988 года. Тихвин.

После ЗАГСa молодожены отправились в Государственный Дом-музей имени Н. А. Римского-Корсакова. Как писала газета, «такого бракосочетания как у Олега и Ирины Матаковых, наверное, еще не знали в Тихвине». Встретили их торжественной музыкой. Гостей повели по залам музея, а затем все слушали звон колоколов Успенского собора. Сотрудники музея подарили молодым постоянное приглашение на все мероприятия. Вот оно:

«Уважаемые молодожены!

Матаковы Олег и Ирина.

От всей души поздравляем вас с законным браком. Желаем, чтобы жизнь ваша совместная была со знаком качества!

Приглашаем вас на все проводимые музеем мероприятия.

Директор дома-музея

А. Римского-Корсакова *А. Степанова».*

«Слушая перезвон колоколов, Олег весь ушел в себя, — пишет Ирина Васильевна. — Год войны для него не прошел бесследно. Кого он вспомнил? Какой день прошел перед его глазами? — Не знаю. Может, пожалел, что его друзья ТАМ, а не с нами, может...

О жизни Олежки на войне красноречиво говорят фотографии, письма, открытки, которые мы получали от него с мая 1987 года».

Ирина Васильевна прислала два письма мужа с афганской войны:

«Здравствуй, самый близкий и любимый мой человек, милая моя Иринка! Как мне тебя не хватает, милая моя! Иногда посмотрю на карту мира—какое огромное расстояние между нами. А получаю письмо самого любимого человека на свете (твое, Иришка) и как будто не существует ни этих долгих километров, ни Афгана — только ты и я. И сразу задумываешься над всем очевидным-невероятным, и получается, что близких людей больше всего сближает разлука.

И чем больше она, тем сильнее и сильнее тянет меня к тебе, и я не могу и не хочу сопротивляться этому.

Вот такие лепешки.

**Командир роты спецназначения О. Матаков
(во втором ряду — второй справа).**

А у нас новости! Пришло письмо от Сергея Шиховца (который первый раз открыл мне дорогу в твой дом, показал, какие прекрасные девушки живут в городе Рязани). Так он, оказывается, в прошлом году в августе месяце женился, а в мае у него родился сын, он назвал его Алексеем (в честь Леша Трофимова).* Вот такие дела... Несравненная Ирина Васильевна, замечательная моя жена, любимая моя Иришка! На этом заканчиваю это свое короткое письмо, но обо всем сразу не расскажешь, надо что-то и на следующее оставить, чтобы почаще писать. Стараюсь писать о чем-то новом, но в каждом письме и через 20, и через 40 лет я все равно буду повторять: «Ты — самый прекрасный, ласковый, любимый и близкий человек! Я тебя очень люблю и сильно по тебе скучаю! Целую и обнимаю (много-много раз)!!! Твой муж, *Олег. 28.7.88».*

«... Ира! Я очень дорожу твоей любовью, потому что больше всех на свете люблю

только тебя, тебя одну. В трудную минуту вспоминаю тебя (твою улыбку, глаза, походку) и становится легче на душе и сил откуда-то прибавляется! Я очень, очень люблю тебя! До свидания в следующем письме, а лучше бы до скорой встречи на родной земле! Твой муж, *Олег*. 1.12.88».

«В начале вывода Советских войск из РА в 1988 году Олег отклонил предложение командования перебазироваться на новое место службы в Союз», — рассказывает муж двоюродной сестры О. Б. Матаковой прапорщик Юрий Дмитриевич Костин, тоже служивший в Афганистане. — Понимаю, не мог Олег поступить иначе: позади у него два года службы в Афганистане. Уехать для него — значило поставить под опасность еще неопытных парней. И он решил остаться там до полного вывода наших войск.

Афганистан — хорошая школа для каждого воина. А потом... Там все наши ребята жили не так, как здесь. По высшим законам совести и чести. Наверное, потому, что добровольцами шли в Афганистан, где служить труднее и опаснее всего, такие ребята, как Олег».

На страницах газеты «Трудовая слава» от 3 марта 1989 года напечатана статья «Сквозь боль утрат», помещено 7 траурных фотографий и слова журналистки Л. Виноградовой: «Кто погибает в последние дни войны? — Тот, кто прикрывает менее опытных и тех, кто слабее духом. А эту роль берут на себя добровольно...».

Из рассказа майора запаса В. И. Сысоева, передавшего в Книгу из семейного архива не один десяток фотографий (г. Лодейное Поле):

«При выводе советских войск из Афганистана многие солдаты, офицеры, которые должны были увольняться из рядов Советской Армии, добровольно оставались на войне на несколько месяцев, чтобы не подвергать опасности молодых необстрелянных бойцов. Ветераны-афганцы лучше других знали, что от мин, снарядов, пуль, гранат противника, а порою даже от неосторожного обращения с оружием гибли неопытные. Это говорит о мужестве, героизме со-

В районе Газни (предположительно), 1989 год.
О. Матаков — первый слева.

ветских солдат. Ценой жизни в ходе афганской войны они спасали своих боевых товарищей из нового пополнения. Примером мужества служит и поступок Олега Борисовича Матакова, который отказался вернуться в Союз, прослужив в Афганистане почти два года».

6 февраля 1989 года, прикрывая отход колонны с территории Афганистана, в поселке Чаугаш получил тяжелое ранение в голову старший лейтенант О. Б. Матаков. Вертолетом доставлен в Термезский госпиталь, где он, не приходя в сознание, умер 15 февраля 1989 года — в последний день войны в Афганистане.

Помнят и чтят память Олега Борисовича в г. Тихвине.

Из воспоминаний тех, кто его хорошо знал:

И. М. Горская, классный руководитель:

«Выпуск 1984 года у нас в школе не зовут иначе, как выпуск, где Олег Матаков и Вася Ненцев учились. Это два мальчика, лучше которых у нас в школе не было. Два друга. Оба — офицеры. Какое горе, что Олега нет. Я знала, что он в Афганистане. Боялась за него, а он меня успокаивал.

Весной прошлого года я видела Олега последний раз: он пришел на мой урок в 8-б. Открыла дверь на его стук и словно ножом по сердцу полоснули. Прижала Олега к себе, плачу: «Береги себя, Олечка!». Так и попрощались. Закрыла дверь, а Рома Рыстаков (он за первой партией сидел, все видел) спрашивает: «Вы всех так провожа-

ете?». «Не всех, — говорю, — этот в сердце у меня живет».

Говорят, время стирает боль утрат. Прошло уже несколько лет после смерти Олега Матакова, а все также сжимается сердце от горя, и все также подкатывается к горлу ком при воспоминании о нем.

Помню 24 февраля 1989 года, день прощания с Олегом. Я, классный руководитель, хотела о многом рассказать, но не смогла — душили слезы. В тот день в актовом зале собралось почти все наше школьное братство выпуска 1982 года: учителя, учащиеся, родители...

На мои слова во время похорон «старайтесь быть похожими на Олега» Юра Скипидарников и Валера Никифоров сказали: «Нам до него тянуться и тянуться». А ведь Валера сам прошел дорогами афганской войны».

О смерти Олега Борисовича сообщили жене и родителям только через неделю.

Втроем — Лидия Алексеевна, Борис Александрович и Ирина Васильевна срочно выехали в Термезский госпиталь. Там повстречались с лечащим врачом, хотели знать, почему же их не вызвали сразу?

Вот что им ответил врач:

«Думал, что администрация госпиталя сообщила в воинскую часть, где служил Матаков Олег Борисович. Сейчас она находится в Мурманске. Ее туда перебазировали из Афганистана».

И снова родные отправились в путь, но уже на север. А здесь никто и не смог помочь. Причина проста: оказывается, только потому, что бывший командир ушел на повышение...

«Причину молчания, — говорит Лидия Алексеевна, мама, — объяснили так: некогда, забыли, некому сообщить, что ст. лейтенант О. Б. Матаков в госпитале. По признанию прапорщика (его имени она не могла вспомнить), с Олегом он пошел бы на любое задание».

Остались все-таки те, кто помнил об Олеге, любил его. Остались письма, фотографии, открытки, документы, подтверждающие, что он для многих был другом, настоящим человеком.

Старший лейтенант О. Матаков, 1989 год.

Письмо, полученное Ириной Васильевной после смерти мужа:

«Здравствуйте, уважаемая Ирина!

Вам пишет сослуживец Олега Феим Шарафутдинов. Недавно мне стало известно, что с Олегом случилось несчастье. Мне приходилось с Олегом служить в Афганистане в течение полутора лет. За это время я с ним подружился. Вместе ходили на войну, служили в одной роте.

5 ноября 1988 года в один день с Олегом получили ордена. В тот день Олег остался в части, а я поехал на войну, вечером он уже был в госпитале. После этого Олега не видел. 4 месяца лежал в госпитале. Выписался, в свою часть уже не попал по состоянию здоровья. Насчет Олега узнал чисто случайно. Сначала этому не поверил. Трудно поверить в это известие. Для меня потеря Олега — большая утрата. Примите мои соболезнования. Олег для меня — пример честности и простоты.

С уважением к вам Шарафутдинов Феим Зар. 25.11.89 г.».

Из письма Ирины Васильевны Матаковой:

«...Об Олеге можно рассказывать много. Это светлый, замечательный человек. Но его нет. Тире между двумя датами на мемориальной плите стали печальными не

только для меня одной и его родителей. Эти две даты в сознании тех, кого постоянно мучает один и тот же вопрос: «Кому и зачем понадобилась та, никому не нужная война в Афганистане».

Как я живу? У меня 20 июня 1991 года родилась дочь в г. Бокситогорске, и назвала я ее первыми буквами Его имени — ОЛЕ-ся. Фамилию я оставила мужа — Матакова, это все, что я могу себе оставить, конечно же, кроме любви и памяти.

И еще: родители Олежки стали моими родителями. И теперь у них есть внучка. И первые слова Олеси — «бабушка», «дедушка» — предназначаются б. Лиде и д. Боре. И еще я очень горжусь тем, что они считают меня своей дочерью, и я могу хоть немного сделать их счастливыми.

P.S. Я отлично понимаю, невозможно весь тот материал, что я отправляю вам, поместить в Книгу, но... Олег — одна из последних жертв войны в Афганистане. Умер в день, когда войну объявили законченной. Вот и решила — пусть открытки, которые его боевые друзья дарили мужу на войне,

и фотографии останутся светлой памятью о прекрасном добром человеке на земле — Олеге Борисовиче Матакове.

Я не знаю ни фамилий, ни имен его боевых друзей, возможно, узнав себя и своих боевых друзей, они вспомнят и моего мужа.

7 мая 1945 года под Кенингсбергом погиб рядовой Александр Матвеевич Матаков, дедушка Олега (похоронен на Братском кладбище в Калининградской области).

15 февраля 1989 года не стало внука Александра Матвеевича Матакова Олега Борисовича Матакова.

Двое представителей династии Матаковых оказались в числе последних жертв двух войн — Великой Отечественной и «Афганской».

«...Вы шагнули в войну,
Как в свою судьбу, где было все:
Юность и мужание,
Святость и низость,
Обыденность и порыв,
Смерть и бессмертие, и конечно, любовь,
Верность Родине и самим себе»...

КОГДА «ШУРАВИ» УШЛИ...

...Наши парни на родной земле, вместе с родителями, родными и близкими — в тисках переживаний.

О выводе войск сказано и рассказано немало, сняты кадры кинохроники, гораздо меньше сказано и показано о том времени, когда все советские войска ушли, когда после выполнения советской стороной своих обязательств по Афганистану к Советскому Союзу со стороны международной общестственности никаких претензий не осталось. Конечно, были телерепортажи Александра Шкирандо об Афганистане после вывода советских войск, но они все реже и реже выходили в эфир: понятно — зачем лишний раз отвлекать людей от решения задач недостроенной перестройки, когда Афганистан, собственно, свою роль в перестройке уже сыграл...

В последующие годы 1990—1992 моджахеды, шаг за шагом, одерживали победу.

Из всех событий самые главные:

Мартовский путч 1990 г. Министр обороны Шах Наваз Танай возглавил силы, которые попытались сместить президента Наджибуллу. Но путч провалился. Об этом путче генерал-лейтенант В. Черемных высказал свою точку зрения: «Со временем обстоятельства этого путча прояснятся. А пока даже из скупых сообщений видно, что истоки неудавшегося переворота надо искать во внутрипартийной борьбе, в борьбе за власть».

27—28 июня 1990 года состоялся 2-й съезд НДПА. Изменилось название партии — «Партия Отечества». Возникает вопрос: почему Второй съезд партии состоялся после Первого через четверть века?..

В апреле 1991 года отряды оппозиции захватили Хост. Заметим, в истории Афганистана этот округ часто был пробным камнем в тех или иных кардинальных изменениях.

18 марта 1992 года Наджибулла предложил передать власть переходному правительству и 16 апреля оставил свой пост.

27—28 апреля Переходный совет моджахедов прибыл в Кабул. Однако гражданская война не была завершена, она продолжается и по сей день.

Итак, время неумолимо идет вперед. Ушли в вечность те, о ком мы постарались рассказать в нашей Книге Памяти. Как сложилась судьба наших солдат, которые выжили в этой войне? Да, на земле Ленинградской живут воины-афганцы с обостренными чувствами в душе, на их долю выпало немало испытаний, а вместе с ними эта участь постигла родных и близких. Это они, ветераны афганской войны, ощущают на себе холод неприятия, слыша кое-где: «Мы вас туда не посылали». И тогда они, прошедшие Афганистан, почувствовали в этом чье-то вероломство. Возникает вопрос:

неужели те, кто посылал на войну, отвернулись от них?.. Такое равнодушное отношение недалеких людей, по-своему оценивающих события в Афганистане, сделало свое дело: некоторые из воинов-афганцев — гордые, самолюбивые, ушли «в себя», отделились от общества, а кое-кто из них ушел в иной мир по собственной воле.

Война создала много проблем для воинов-афганцев. И неслучайно они и их родные говорят: «**Мы все отмечены войной!**».

Из письма В. И. Нечипоренко, жительницы г. Кингисеппа:

«Мой сын Сергей Васильевич Нечипоренко, 1961 года рождения, прослужил в ДРА с января 1980 г. по ноябрь 1981 г. Прошло 14 лет, как он вернулся домой с афганской войны. За все эти годы никто не поинтересовался, как живет моему сыну и тем, кто прошел Афганистан, а ведь война оставила в жизни наших детей неизгладимый след, горечь в душе... О пережитом ТАМ рассказывать не любит, говорит — уж слишком горькие воспоминания. Но как бы трудно не было нашим парням, они стараются жить и добиваются трудом благополучия в своей жизни...».

Из письма Г. В. Коровякиной (ст. Мга, Кировский район):

«Мой зять Ю. П. Лукашев — участник афганских событий. Несмотря на то, что он прошел суровую школу жизни на войне, Юрий остался добрым человеком, хорошим учителем, любящим мужем, замечательным отцом. Все знания и доброту своей души он отдает воспитанию подрастающего поколения в школе детей с ослабленным зрением. Обидно только, что до жизни «афганцев» под мирным небом нет никому дела сегодня...».

Из письма С. Е. Ткач (г. Кингисепп):

«Мой муж, Борис Сергеевич Ткач, служил в Афганистане с 1979 г. по май 1981 г. Десантно-штурмовая бригада (в/ч 79088), в которой он служил, была одной из первых, вошедших в ДРА, и находилась в Кундузе. За время службы Борис Сергеевич получил ранение и контузию. Четыре месяца пролежал в госпитале, в Ашхабаде... 15 фев-

раля, в День памяти, каждый год посещаем могилы павших воинов на афганской войне. Среди них — хороший друг моего мужа, с которым он прошел дорогами войны. Всего, что было, никогда не забудешь, и по ночам Борис Сергеевич до сих пор видит сны об Афгане...».

Из письма Е. И. Ершовой, жительницы д. Яшкино Киришского района:

«Мой сын А. Л. Ершов служил под Кабулом с 1981 по 1983 годы. Был ранен, но в военном билете не было отмечено ранение. Больной вернулся домой. Через два года попал в онкологический институт им. Петрова на Песочной наб. (г. Ленинграда). Скончался в отделении 17 января 1986 года. Заключение врачей: «Злокачественная опухоль...».

Советский госпиталь в Кундузе. На нижнем снимке — сотрудники госпиталя приемно-диагностического отделения: А. Вишнякова, Т. Ашланова, М. Слесарева, А. Сахандра. Апрель 1987 года.

Мы не вправе забывать и о тех, кто прошел огненными дорогами Афганистана и остался жив, как мой сын. Но многие наши мальчики вернулись домой калеками, инвалидами, больными. Мой Сашенька так и не дожил до 15 февраля 1989 года...».

Из рассказа С. Ф. Парфенова (г. Лодейное Поле):

«Наш сын **Александр Сергеевич Парфенов** служил в Афганистане с 22 сентября 1983 года по 16 мая 1984 года. В этот день он получил тяжелое ранение. С 16 мая 1984 года по 26 июня 1985 года сын находился на лечении в госпитале г. Севастополя. Получил инвалидность. Через 2 месяца его не стало. Трое сыновей остались без отца, а мы — без родного сына. Через 10 лет наш внук, сын Саши, — **Сергей Александрович**, получил осколочное ранение на чеченской войне... Все годы со дня смерти Александра мы живем в страхе за судьбу тепер уже внуков...».

В январе 1990 года умер полковник **Сергей Михайлович Репин**. Убыл в Афганистан в феврале 1987 года на должность советника в один из афганских полков г. Кандагара. 7 сентября 1987 года во время подрыва БТРа получил контузию, сотрясение головного мозга. За выполнение интернационального долга был награжден орденом Красной Звезды. Вернулся из Афганистана в августе 1988 года с тяжелым заболеванием. Был прооперирован в госпитале им. Бурденко в октябре 1988 года. Но болезнь не отступала, и Сергей Михайлович умер. Похоронен на Гатчинском кладбище. Остались без отца дочь Юлия и сын Евгений, осталась без сына мама Евгения Васильевна, без мужа — Ирина Геннадьевна.

Пишет С. Д. Дворникова (г. Гатчина):

«В возрасте 32 лет ушел из жизни в августе 1991 года старший прапорщик **С. В. Дворников**. От себя хочу сказать — пусть у наших детей будут папа и мама...».

16 декабря 1990 года в возрасте 45 лет умер полковник **Виктор Петрович Андреев**. В Афганистане — старший советник командующего царандоя. Служил с 16 февраля

Афганскими тропами.

Памятник автомобилистам в районе материально-технической базы Пули-Хумри.

1987 по 22 января 1989 года в провинции Фарьяб.

Из письма вдовы Р. М. Андреевой:

«Мой муж прослужил в Афганистане два года. Был контужен. И вот его нет. Война никого не щадит. У меня I группа инвалидности. А жить надо. Очень рада, что еще кто-то интересуется «афганцами». Сегодня говорят каждый день о Чечне...».

17 марта 1994 года не стало в возрасте 29 лет **Валерия Георгиевича Евсеева**, проходившего службу рядовым в ДРА на узле связи в Ургуне (провинция Пактика) и в охране советников по 21 декабря 1985 года. Последнее место службы — органы внутренних дел Санкт-Петербурга. Похоронен на кладбище д. Мельница Гатчинского района.

Такие памятники можно было видеть у афганских дорог...

В конце июня 1994 года трагически погиб на работе водитель грузового АТП г. Кириши **Владимир Николаевич Болезнев**. В Афганистане служил с декабря 1979 по декабрь 1981 года.

Из письма зловки В. Н. Болезнева:

«...Не сломила война **Владимира Николаевича** ни морально, ни физически, не ожесточила. Это был самый добрый человек на земле. До конца жизни оставался хорошим семьянином. Сейчас два его сына остались без отца».

29 июня 1994 года в Лодейном Поле трагически погиб капитан штурман вертолета **Петр Григорьевич Кучаев**. В ДРА служил с декабря 1979 года по сентябрь 1980 года. Сегодня остался без отца сын Ярослав (1988 г. р.).

Ушел из жизни младший сержант **Юрий Александрович Осипов**, 1965 года рождения. Умер в д. Имоченицы Лодейнопольского района. Службу в Афганистане проходил с 23 апреля 1984 года по 3 ноября 1985 года. Был награжден медалью «За боевые заслуги».

18 августа 1994 года умер майор **Валерий Федорович Егоров**,* в прошлом командир танкового батальона, в ДРА служил с 1979 по 1980 годы. 10 мая 1980-го при выполнении боевого задания получил пулевое ранение левой голени. 28 лет прослужил в Вооруженных Силах страны. Последнее место службы Валерия Федоровича — 2 отделение Подпорожского военного комиссариата Ленинградской области.

Да, очень тяжело рассказывать о судьбах воинов-афганцев, писать о молодых, которым жить бы да жить.

П. А. Васильев, бывший солдат, а ныне редактор Радио «Лодья» в своем письме констатирует:

«В Ленинградской области каждый год навсегда уходят от нас воины-афганцы. Умирают и еще совсем молодые родители погибших и умерших. Умирают от одиночества, горя, отчаяния, оставаясь наедине со своими проблемами, болезнями, с незаживающими ранами не только на теле, но и в душе, — в изнурительной борьбе за выживание. Наш долг — помогать афган-

* Сын В. Ф. Егорова, Виталий Валерьевич, в 1994 г. поступил в Высшее военно-морское училище, чтобы продолжить семейную традицию и посвятить свою жизнь служению Родине.

цам и их семьям. Было бы неплохо, чтобы воины Великой Отечественной войны и Афганской были вместе.

Я помню, как в нашем городе (Лодейное Поле) гордились нашими молодыми ветеранами, когда им вручали награды Родины в день 45-летия победы на Свири за мужество при выполнении интернационального долга в Афганистане. Среди них были знакомые и незнакомые мне «афганцы»: А. А. Качалов, Н. А. Королев, А. С. Ястребецкий, С. Н. Маркушев, А. Ю. Самокатов, С. В. Скиданенко...».

Далее П. А. Васильев делится своими впечатлениями после знакомства с рукописью Книги Памяти:

«Познакомившись с рукописью Книги Памяти, с сотнями ее страниц, хранящих воспоминания, я почувствовал, что лично знаком с ее героями. Основная ценность Книги в многогранном отображении войны в Афганистане. Благодаря отрывкам бесхитростных солдатских писем, благодаря трогательным, с привкусом горечи, рассказам отцов и матерей совершенно по-иному воспринимаются официальные сводки отдельных эпизодов войны, выработанная командованием трактовка, публикации того времени и тогдашние выступления по поводу интернационального долга высокопоставленных деятелей государства...».

Из письма жителя г. Лодейное Поле И. В. Савинова:

«С 10 февраля 1985 года служил механиком-водителем в провинции Кандагар — 70 мотострелковая бригада. Много повидали мы на войне, многое испытали за два года, проведенные на афганской земле — жаркий воздух, раскаленный песок, последний глоток воды в фляжке. Тяжело терять боевых друзей. О службе своей, трудной и незабываемой, рассказываю ребятам, которым еще предстоит пройти школу мужества — теперь уже на чеченской войне...».

Говоря о судьбах воинов-афганцев, мы просто-таки обязаны остановиться на истории жизни сержанта Игоря Викторовича Голубцова. На примере участия, постигшей его, хотелось бы рассказать о страданиях, которые выпали на долю на-

ших славных ребят, их родных и близких. *Галина Степановна написала о сыне материнскую повесть-исповедь, которую надо бы опубликовать целиком, не сокращая, не пересказывая, надо бы... Но это дело будущего, а пока мы изложим эту историю вкратце.*

В семье Игорь был единственным ребенком. Рослый (183 см), крепкий, здоровенький... В армию призывался досрочно, по собственному желанию. Учился на механика-водителя в школе сержантов мотопехоты. Письма домой слал толковые, окрашенные изумлением от чудес южной природы, невероятной для мальчишек-северян. Трудности принимал как должное, писал так: «Да, мама, **армия—это штука воспитывающая**».

В конце апреля 1983 года стал Игорь сержантом. До последнего момента в учебном подразделении, в котором находился Игорек, не сообщалось, кого куда повезут.

И вдруг родители узнали, что их сын в Афганистане. Это при гробовом молчании наших средств массовой информации о войне, под гул зловещих упорных слухов.

Что чувствовали родные, получая письма от сына, знают только они. Но настрой Игоревых писем из Афганистана оставался прежним, что и в учебном заведении: разве что чаще теперь вспоминал родные места, да ясней проступали интонации старшинства по отношению к своим домашним, старание сберечь их покой. Таковы афганские письма большинства наших мальчишков-солдат своим 40—50-летним невоевавшим родителям.

«23.5.83. ...Мама, зачем так траурно пишешь... Настоящая служба! Надо же кому-то и здесь быть. В общем, такие вот дела».

«24.8.83. ...В общем, все нормально, служу, потихоньку команду, потихоньку мной командуют, короче, дни текут, как мед из банки, медленно, тягуче, иногда до бесконечности, иногда как обрываются — хоп! И нету...»

17 декабря 1984 года мама получила письмо, отправленное из Ташкента, конверт подписан чужой рукой, листок весь исписан чуть ли не из угла в угол, слово на слове:

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Лена! Пишу вам коллективное письмо, молчал я по вполне уважительной причине. 26-го в два часа дня как бухнуло, слегка помутилось сознание... Приезжайте хоть кто-нибудь один».

«19-го вечером, — пишет мама, — мы все втроем были уже у Игоря в госпитале. Нас проводили в палату. Сына невозможно было узнать, такой худой лежит, желтый... И только здесь мы поняли, что значит «пока есть возможность» в его письме, другими словами — «пока я жив...».

Я приехала от Игоря с тем, чтобы оформиться на работе и ехать к нему. В Днепропетровске живут две мои сестрички, одна из них Рая оформляет отпуск и улетает к Игорю, ухаживать за ним...

В феврале 1984 года доктор И. В. Цыганков провел успешно четвертую операцию. В марте сына переводят в военный госпиталь Ленинграда. Раиса сопровождает Игоря...

Теперь возле Игоря неотлучно была мама, в госпитале ей выделили комнату на двоих с такой же мамой-сиделкой. *Сколько их было в ту пору по нашей стране, таких горестных мам и отцов, сколько жизни отняли у них те конверты, надписанные чужой рукой — не знает никто.*

25 мая 1984 года И. В. Голубцова выписывают из госпиталя. Как непригодного к службе его сняли с воинского учета. ВТЭК установила инвалидность II группы.

«На глазах сын менялся, все было хорошо, не считая свищей на швах живота. Через 4 месяца отец оформил его на работу в отдел механиков. Через два года сына перевели на III группу. Игорь поправлялся. Мы радовались. Работа ему очень нравилась. Вскоре он женился на Леночке Душичевой (они нашли друг друга в беспечное время незадолго до ухода Игоря в армию). Лена стала в нашей семье необходимым родным человеком...

Ко всеобщей радости в 1987 году в семье молодых родилась дочка Анечка.

6 октября 1989 года родился сын Сережа. Долгожданная весть застаёт Игоря в больнице с хронической почечной недостаточностью... Теперь он лежит в больнице регулярно и подолгу. С мая 1991 года он инвалид I группы.

Состояние здоровья резко ухудшалось. Куда только мы не обращались за помощью, нас обнадеживали... Осталась пачка **бесполезных** официальных ответов... Сказали, что нужна валюта».

Галина Степановна «выходила» и валюту: четыре раза ездила в Москву, в Центр по пересадке органов, дважды свозила туда Игоря на обследование.

22 февраля 1993 года Игоря вертолетом транспортируют из Тихвина в областную больницу.

10 мая 1993 года Игоря перевели в реанимацию: никого родных к нему больше не допускали — только справки по телефону утром и вечером — так до самой его кончины, после 17 мая он был без сознания, умирал во сне. 1 июня 1993 года Игоря Викторовича не стало.

Из записок Галины Степановны:

«Дети часто вспоминают отца. В день своего рождения (4 г.) Сережа сказал: «Что я хочу больше всего, пусть ко мне на день рождения придет папа. Mamочка, ты попроси папу, пусть он чуть-чуть побудет у нас, я посижу у него на ручках немного и он уйдет».

Каково тут маме?!

Аня, конечно, понимает, только в первое время после похорон спросила: «Мама, что папа к нам теперь не придет никогда-никогда? Даже когда мы будем большими?». Анечке 7 лет. Она много рисует. Однажды подошла с альбомом за спиной: «Бабушка, отгадай, что я нарисовала? — Как обычно — домики, цветы, солнышко? — Нет. — Показывает: нарисовано много памятников в два ряда, папина могила раскрашена цветами, на постаменте — квадратик, в нем папа, а рядом три человека — большой (это мама), поменьше и маленький (это я, это Сережа) и все раскрашены черным. «Анечка, — говорю, — да не надо такие рисунки делать, да что ты, солнышко мое». — «А я хочу про папу...».

За день до смерти Игоря Голубцова на имя Галины Степановны пришли деньги для пересадки сыну почки, но было уже поздно. Галине Степановне сказали, что деньги переведены в фонд инвалидов Санкт-Петербурга, но так ли это — неизвестно.

Все десять лет хранила это ноябрьское письмо 1983 года вдова Е. Голубцова, а тогда еще невеста Леночка Душичева. Через десять лет, когда уже Игоря не стало на свете, родители прочитают эти строки:

«Здравствуй, солнышко мое милое!

Вот опять взялся за ручку, на этот раз письма не выйдет, так, записка — просто сейчас такое состояние, что надо кому-то написать. Прошу одно — письмо это ты не получала, хорошо? Завтра едем в пекло, был во многих местах, видел многое, но такого еще не приходилось, по рассказам ребят, которые оттуда пришли. Это где-то дней 20. Будем сидеть в этой крепости Паль-Мухаммед. Ну, в общем все. Боюсь сказать — прощай. Обнимаю, люблю. Письмо это не показывай, лады? Я люблю тебя, Ленка!».

Справка: Игорь Викторович Голубцов награжден орденом Красной Звезды, юбилейными медалями, Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту».

Боль и раны, нанесенные целому поколению, горечь утраты сыновей, мужей, отцов, до времени поседевшие и состарившиеся родители, одинокие вдовы, осиротевшие дети будут еще долго напоминать нам о последствиях ввода 40-й Армии в Афганистан.

В письмах Г. Ф. Захаровой (г. Кингисепп), Г. А. Панибят (г. Бокситогорск), В. М. Ильиной (г. Сланцы), Ю. А. Ветрова (г. Сланцы), Ю. Б. Емельянова (г. Сосновый Бор), В. В. Клявлиной (г. Тихвин), Б. Ф. Булгакова (г. Лодейное Поле), С. Н. Степанова (г. Лодейное Поле) — поток воспоминаний... Тяжелые воспоминания наши...

Рассуждения Валерия Панюкова, ему довелось служить в 1984-86 гг. в 201-й мотострелковой дивизии (провинция Кундуз):

«Существуют самые полярные мнения о войне в Афганистане, вернее, об участии в ней наших ребят. Кто-то рассуждает: мол,

защищали мы южные рубежи. Другие уверены, что кровь, пролитая нашими в «Афгане», напрасна — по ошибке. А один знакомый студент из Ирака, которому пришлось участвовать в братоубийственной войне с Ираном, утверждал, что Советский Союз, несомненно, помог Афганистану, но прежде всего в развитии экономики. Мы помогали строить дома и заводы, дороги и мосты.

Может, лет через 10—20 об «афганцах» забудут совсем. Может, все будет иначе. Но мы, те, кто воевал, забыть не сможем. Мы не хотим забывать, ведь погибли там, за речкой, наши ровесники, и далеко не самые худшие. Мы могли бы строить мосты и дороги для себя. Могли...».

О своем сыне мл. сержанте Д. А. Попове пишет из Выборга его мама:

«Здравствуйте! Пишет вам мама воина-«афганца» инвалида II группы, у которого нет ноги, изуродована правая рука. Ну, что о нем написать. Живет сложно. Пенсия с февраля 142 рубля, что даже скудно хватает на питание. А одеваться на что хочешь, а он ведь молодой парень — 27 лет. На работу не устроиться. Сейчас здоровые-то без работы, а инвалиды кому нужны. Вот так наша власть взяла здоровье и бросила. Говорят, стажа нет, потому и пенсия маленькая. А откуда же он успел заработать стаж? Идиотизм полный».

Из дер. Шамокша Лодейнопольского района о Н. А. Королеве пишет его жена — Анна Сергеевна:

«Полк находился в Герате, — пишет Анна Сергеевна, — но за время прохождения службы Николай в полку не находился. Служба проходила по точкам: сопровождали колонны, ходили в ущелья и на операции по кишлакам. Сначала был рядовым снайпером, наводчиком на БТРе. За бдительную, отличную службу присвоили звание младшего сержанта. А после операции в базовом ущелье душманов присвоили звание сержанта (командир стрелкового отделения). Был легко ранен. Болел желтухой и малярией. Видел, как ребята болели тифом.

Николай вспоминает Афганистан с болью и состраданием, когда в первые дни своего

пребывания на войне до конца не осознавал, не верил, что может быть такое — война, а он — участник военных событий. Что он только там не пережил! И какой след оставила война в характере Коли! А он добрый и отзывчивый. Когда на глазах погибали близкие тебе ребята, с которыми ел из одного котелка, и ты ничем не мог помочь — пропадал страх и рождалась ненависть, и, обо всем забывая, хотелось одного — отомстить. По приближении срока демобилизации очень хотелось домой и в то же время не хотелось, ведь здесь оставались лучшие из лучших друзья...

Очень жаль, что сейчас стали забывать тех ребят, которые выполняли свой интернациональный долг в Афганистане. Но хуже всего, когда генерал-лейтенант Лев Яковлевич Рохлин публично заявил, что «Афганская война была «прогулка» (АиФ, 1995, № 5). Неважно, сколько длится война: 9 лет, 5 лет или 4 месяца, самое страшное, что везде смерть. Не нужно сравнивать войны, где прогулка, а где нет. Нужно, чтобы войны больше не было. Нам нужен мир и наши живые отцы, мужья, братья».

В пору сказать доброе слово о дружбе, которая зародилась на афганской земле.

В своем письме Н. А. Иванова (г. Лодейное Поле) откровенно поведала:

«Друг познается в беде. 27 марта увезли меня на «скорой помощи» в госпиталь. Проллежала в реанимации несколько дней. Врачи были рядом, пока мне не стало легче. Ребята-солдатики приносили цветы (где они их только находили), читали книги, стихи. Я и говорить-то не могла. Все убирают, выносят, полы намывают и улыбаются, а им всего по 18—19 лет, меня впервые видят. Вот вам и пример истинной дружбы на войне.

Весной мы уже знали, что нашу часть скоро расформируют. На душе было и радостно, и грустно. Грустно? Война все равно шла. Никак не могу забыть, как была на аэродроме. Голубое-голубое небо, солнце палит, кругом горы со снежными вершинами и самолет, который делает три прощальных круга над аэродромом и улетает в Союз. Только когда он улетел, дом стал в Союзе, а не здесь. Все мысли были о доме.

В Лодейное Поле вернулась в июне 1988 года. Мне трудно говорить об Афганистане, там шла война и мы теряли наших товарищей. Кто-то должен за все это ответить».

Из письма М. А. Васильева, ст. прапорщика. В Афганистане служил с 13 октября 1985 года по 17 октября 1987, в г. Шинданд, в/ч 85615:

«...Война в Афганистане для нас, молодых, была самой трудной работой, что выпала на нашу долю. Мы, поколение 80-х, были отмечены войной, видели смерть, прошли закалку духа огнем, познали истину боевого братства. Там, на афганской войне, оно имело конкретный смысл, было значительным. Там мы все были вместе, а когда вернулись домой, то служба разбросала нас по разным частям, городам, весям, по странам СНГ. Мы, уставшие от ожесточенной войны, но не очерстневшие душой, сохранили в себе чувство справедливости, сопричастности человеческому горю.

15 февраля для нас стало Днем Памяти. Это тот день, когда мы, афганцы, собираемся вместе, чтобы помянуть светлой памятью невернувшихся домой с войны наших боевых товарищей.

И сегодня каждому из нас необходимо заглянуть в себя, вспомнить о своей личной ответственности не только за свою судьбу, но и за судьбу поколения 80-х...». *г. Лодейное Поле.*

По поручению коллектива технико-эксплуатационной части в/ч 10232 пишет капитан Виктор Сергеевич Русс, зам. начальника ТЭЧ:

«Казалось бы, жизнь должна быть счастливой у нас на родной земле под мирным небом, но это далеко не так — не закончилась и сегодня война для нас, «афганцев»: А. В. Дементьева, В. С. Громак, В. И. Гонга, В. А. Порфирьева, В. В. Ковалева, Г. В. Смирнова, В. И. Сысоева, В. А. Василенко, Е. С. Марандыч, А. А. Васильева, А. М. Токалова, Н. Д. Иванченко, Н. О. Крашенникова, Ю. А. Юрасова, С. М. Кретинина, И. Н. Нагалова. Мы не вправе жить спокойно, пока до конца не будет увековечена память о погибших наших боевых друзьях, а люди не будут знать

правды об афганских событиях 1979—1989 годов.

Афганскую войну уже заслонили другие события, другие войны, но люди, искалеченные в Афганистане, живут рядом с нами и нуждаются в нашей помощи, в нашем внимании. И сегодня нам, афганцам, как никогда нужно сплотиться, сберечь свое братство, дружбу, не оставляя друг друга в беде.

Хочется верить в победу здравого смысла в жизни, в дружбу и боевое братство между нами и здесь — на ленинградской земле под мирным небом. 5 февраля 1995 г.»

О. В. Абрамова, юрист (г. Лодейное Поле), пишет:

«В детстве у нас была такая игра: мы спрашивали друг у друга, какие бы три желания загадал каждый, если бы у него была волшебная палочка? Желания наши почти всегда совпадали: во-первых, что-нибудь себе, во-вторых, что-нибудь для мамы, в-третьих, чтобы не было войны. То, что войны не должно быть — мы знали точно. Откуда? Пропаганда — скажут сегодня. Да, пропаганда. И не только по радио, в газетах и кино. Не только в песнях красивых и грустных: «Враги сожгли родную хату...», «Хотят ли русские войны?», «Если бы парни всей земли...». Пропаганда из уст в уста, из глаз в глаза. Тогда Великая Отечественная не казалась еще таким далеким прошлым, каким она кажется сегодня. Рядом жили инвалиды, одинокие матери, вдовы, сироты. Каждой семье коснулось горе — наши матери могли нам многое рассказать. А сегодня (горький перевертыш!) — выросшим под мирным небом матерям многое могут рассказать (если захотят) дети, прошедшие ад войны.

Все мы родом из детства, и я постоянно возвращаюсь памятью в то светлое и чистое далеко с его бесконечно длинными летними днями, высоким небом, верой в лучшее, чтобы понять, в чем же состоит ошибка нашего поколения. Может быть в том, что были чересчур доверчивы? Или в том, что были чересчур послушны? А может, ленивы? Успокоенны? Нам читали сказки, в которых добро всегда побеждает зло, а мы не задумывались, какой ценой дается эта победа. Мы видели кровь и смерть только

на экранах — сначала кино, позднее — телевизоров. И просто убежденность в том, что войны не должно быть, нас не спасла. Оказалось, что зло активно, и требуется активное противостояние ему. Ежедневное. Ежеминутное.

Вспомните, кому из вас приходило в голову во время детских игр выяснять, кто среди вас русский, кто украинец, татарин, еврей, белорус? Мы делились на добрых и жадных, на честных и врушек, на смелых и трусов. Но никогда на русских и не русских. Отчего мы так подурнели, став взрослыми, что национальность соседа стала жизненно важным вопросом? Как мы сегодня можем жить за этими странными границами? Вопросы нериторические. Ответы на них есть. Плохо мы живем. И стали мы ни хуже, ни глупее, чем были в детстве. Ни от одного нормального человека за время происходящей в стране междуусобной смуты я еще не слышала слов одобрения этому безобразию.

Новый термин «ближнее зарубежье». Это когда русскую литературу в школах Киева преподают как «зарубежную», это когда не дают визу на въезд в Латвию матери, которая хочет навестить дочь, это когда непонятно куда бежать, если у армянки-жены мать русская, а у грузина-мужа родственники в Сухуми.

А еще эта война.

Достаточно только столкнуть маленький камешек с горы, чтобы селение у ее подножия было сметено лавиной. И мы за своей лениво-послушной доверчивостью проглядели, кто и когда этот камешек толкнул. И вот уже вся (оставшаяся) страна следит за событиями в Чечне. А сколько их было до нее! Первое — неизвестное, непонятное — Афганистан, Там воевали мои одноклассники-мальчики. Но в том времени была еще и своя романтика — «афганские» песни, А. Розенбаум, боевые награды на груди вчерашних школьников. И для тех, кого не коснулось горе потери друзей и близких, та война была не более, чем страшным рассказом. Мы продолжали жить как жили. Но поскольку в семьях подрастали мальчики — хотели верить, что скоро все кончится. Как теперь оказалось, все только начиналось. Возвращались наши одноклассники, выросли и уходили на вой-

ну их младшие братья. Кого и от кого они защищали? Кому нужна беспощадная и бессмысленная бойня? Эта расползающаяся, как раковая опухоль, война?

Я не знаю слова чудовищнее слова «война». Человек рождается для того, чтобы созидать себя. Путь от рождения до естественной смерти он должен пройти, накапливая духовные знания, опыт, оставляя после себя какой-то материальный след. Война сводит на нет смысл существования человека. Она насильственно вторгается в его жизнь, заставляет тратить силы на то, чтобы защищать себя и своих близких. Она разрушает жилища и храмы. Она растлевает души людей: учит убивать и ненавидеть. Она отнимает жизнь. Я боюсь войны. Я боюсь проводить на смерть моего сына. Еще больше я боюсь, что убивать других придется ему.

...1965 год. На сцене сельского клуба стоит моя мама, прошедшая войну, молодая и самая красивая. Мама читает стихи.

«У меня был сын.
Маленький сын.
Цвета спелого колоса
Были у мальчика волосы.
Он сидит на кровати — о чем-то хлопочет,
Ручки тянутся к солнцу —
Достать его хочет.
«Погоди, мой сынок», —
Пела мальчику я, —
«Подрастешь — вся вселенная будет твоя».
...И вдруг — ВОЙНА...».

Уже нет мамы. Нет Союза Советских Социалистических Республик...».

Из письма В. В. Алесиной (Гатчина):

«...Мы должны знать правду о той войне, которая совсем была не нужна нам. Обидно, что и сегодня почти все средства массовой информации продолжают «умалчивать Афганистан», и даже такой день, как 15 февраля, который вошел в историю нашей страны, как День памяти. Кому-то выгодно и сегодня, чтобы о войне и потерях в Афганистане люди молчали. И не следствием ли такого молчания стали последующие войны на афгано-таджикской границе, в Чечне, Молдове и других регионах бывшего Советского Союза.

Я хочу сказать своим согражданам: хватит лукавить, притворяться, будто не понимаем, что творится в России, что мы тут ни при чем. Нельзя разбрасываться богатством общества — нашими детьми. С кем мы останемся, когда лучшие из лучших уходят из жизни навсегда. Сегодня мы уже не знаем, где будут служить наши сыновья, дети России, чью выполнять волю, чьи защищать рубежи.

Историю не переделаешь, но если бы наши руководители умели извлекать уроки из собственной истории, то, возможно, война в Афганистане оказалась бы последней.

Что станет с нашей страной через 20—30 лет? Больные дети? Престарелые, одинокие, убитые горем родители, вдовы, дети без отцов? Родина — без сынов Отечества?..

Неужели так ничему не научил нас Афганистан?

19 июня 1996 г.».

О. М. Мошникова, учительница математики, стаж работы 40 лет (г. Лодейное Поле):

«Закончилась афганская война, 3338 дней и ночей мужества и потрясений, человеческого горя остались позади. Война в корне изменила судьбу целого поколения. Исчез целый пласт добрых, честных, целеустремленных людей для нашего общества. Это большая потеря для будущего России.

Эти мальчики, мужи Отечества, разбирались во многом лучше своих сверстников в вопросах дружбы, боевого братства, любви, долга, ценностях жизни. Мы, учителя, преклоняем головы перед павшими на афганской войне и отдаем дань уважения отцам и матерям, чьи сыновья выполнили честно свой солдатский долг и до последней капли крови».

И приходят на память проникновенные слова поэта-ленинградца А. Чепурова:

«Давайте поклоняться доброте...»
На кладбище военном, на плите,
Я прочитал и в жизнь унес когда-то
И лучевой строкой в моем труде
Вдруг стала эта заповедь солдата:
«Давайте поклоняться доброте...»
Давайте с думой жить о доброте:

Вся в голубой и звездной красоте,
Земля добра. Она дарит нас хлебом,
Живой водой и деревом в цвету.
Под этим вечно беспокойным небом
Давайте воевать за доброту».

Одним из руководителей группы советников ЦК ВЛКСМ при Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА) в 1981—83 гг. был В. Сидоров. Он поделился своими воспоминаниями для нашей Книги Памяти. Некоторые его суждения мы посчитали возможным воспроизвести.

«Конечно, сегодня многое видится по-другому, пришла иная трактовка событий, но даже соглашаясь с оценкой интервенции как «грязной и позорной войны», мы против того, чтобы переносить такие же резкие оценки на деятельность гражданских специалистов, работу советников, поведение офицеров и солдат, не запятнавших свою совесть даже в тех условиях.

С самого начала афганской эпопеи вся мощь официальной советской пропаганды была направлена на то, чтобы представить Саурскую революцию как младшую сестру Великой Октябрьской социалистической. Мощно культивировалась идея об интернациональном долге Советского Союза, о вынужденности ввода войск, об американских планах подчинить Афганистан своему влиянию и расставить «першинги» на Гиндукуше. Напомню, что все это происходило в апогей холодной войны, находило отклик в умах и сердцах большинства советских людей.

Что бы ни писали сейчас «умные задним числом», тогда энтузиазм советского общества в отношении Афганистана был чрезвычайно велик и окрашен в яркие романтические тона. Военкоматы были завалены заявлениями желающих поехать добровольцами продолжать традиции Испании и Халхин-Гола, внешнеэкономические ведомства, торговые представительства отбирали специалистов для работы в ДРА в условиях жесткой конкуренции, эстрадные певцы считали для себя честью выехать на гастроли и искренне говорили со сцены о своем преклонении перед мужеством и благородством посланцев нашей страны. Все это было...

Под таким романтическим ореолом начиналась и работа комсомольской миссии — группы советников ЦК ВЛКСМ при Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА)...

Афганская война была жестокой, особенно в первые годы. Душманы расправлялись с захваченными советскими солдатами с изуверским садизмом: выкалывали глаза, отрезали уши и носы, половые органы, вырезали сердца... Их зверство рождало у наших солдат ответную реакцию, жажду отмщения за товарища... Но с какого-то периода эта взаимная ненависть пошла как бы на убыль. Все большее число полевых командиров (в последнюю очередь — фанатики-фундаменталисты Хекматъяра Гульбуддина) стали предпочитать брать солдат и офицеров в плен, сохранять их как заложников или «товар» для обмена. Открывались с каждым годом все новые перспективы для переговоров, поисков перемирия, «национального примирения». Основная нагрузка в этой работе, естественно, лежала на посольстве, представительствах КГБ и МВД СССР, партсоветниках, но кое-что делали и мы.

Вспоминая сейчас те годы, я с большим основанием могу утверждать, что вспышки восстаний, ожесточенных выступлений афганских кишлаков, племен, целых провинций в большинстве случаев были спровоцированы нашей собственной глупостью, неумением понять специфику афганского общества, неготовностью в чужом монастыре жить по его уставу.

Но последней и непростительно грубой ошибкой, на мой взгляд, было решение козыревского МИДа о «заклании» Наджиба. Дело даже не в том, что многие годы он был нашим верным соратником — что же, политика порой заставляет быть циничным... Прекратив оказывать правительству Наджиба экономическое и военное содействие (замечу, на взаимовыгодной основе), не заручившись сходными обязательствами от противной стороны (Пакистана, Саудовской Аравии), мы не Наджиба бросили на произвол судьбы. Мы Афганистан ввергли в стихию междоусобных столкновений, ставшую следствием фактического распада государственности. Все мерится итогом, а он печален: за годы после Наджиба в Аф-

ганистане погибло больше людей, чем за весь период советской интервенции. Помните о поколении, выросшем с автоматом в руках? Они не пошли на поля и к станкам, не сели на студенческую скамью — пропитание и проживание обеспечивается тем же способом, что и в годы войны. И вот уже Афганистан, выдоенный и обобранный до конца, становится узок, взоры устремлены на богатый север, в Таджикистан...».

Много крови пролито на афганской земле. Афганский писатель-просветитель, эссеист-публицист, поэт и государственный деятель Махмуд Тарзи (1868—1935) в одном из своих стихотворений с болью в сердце пишет о страданиях Земли, хотя он, разумеется, не знал о том, что ожидало многострадальный афганский народ и пришедших ему на помощь «шурави».

«...Земля грязна, черна,
Но мы ж ее и сделали такую!
Ее мы только топчем,
и плюем
куда придется
и когда придется,
хотя должны сажать на ней цветы,
должны благодарить ее за то,
что на своей она нас держит шее...
Земля грязна, черна,
как все, кто трудится
и сотворяет блага!
Ты это знаешь... Ну, а это — знаешь:
как пахнет эта добрая земля?
Когда-нибудь ты в руки брал щепоть?
*Ты в руки брал щепоть
земли афганской?».*

Махмуд Тарзи.

Да, много-много крови, и она проливается и по сей день в непрекращающейся гражданской войне.

Газетное сообщение 8 апреля 1996 года:

«В результате последнего ракетного обстрела Кабула погибли 15 человек и несколько ранено. По заявлению правительства радию, ответственность за обстрел несет группировка «Талибан». Представитель Министерства обороны заявил, что войска, верные президенту страны

Раббани, отбили наступление талибов в нескольких километрах к югу от столицы».*

Стало быть, нет мира в Гиндукуше!

Когда «шурави» ушли... Свое мнение спустя семь лет после вывода 40-й Армии из Афганистана высказывает военный переводчик Г. Н. Клюкин. Он служил в Афганистане в разные времена, еще при М. Давуде, и хорошо знает историю этого региона:

«15 февраля 1989 года из Афганистана «шурави» ушли. Перестали лязгать гусеницами советские танки, перестали грохотать советские пушки, перестали ходить по городам и по горам, по дорогам и постам люди в полевой военной форме со знаками различия Советской Армии. Из всего Афганистана ушли, даже и из его столицы — города-героя Кабула, развалинами еще не полностью, но уже во многом напоминавшего города-герои времен Великой Отечественной. До этих развалин Кабул еще доживет, они появятся позже, когда после полного ухода советских войск все, воевавшие против войск советских, все, привыкшие за 10 лет только к одному образу жизни — жизни на войне, и не умевшие жить иначе, эту войну не прекратили, и война покатила дальше своей накатанной дорогой с еще большей яростью и большей кровавой жесточечностью, чем прежде.

— Русские пришли с войной, может быть, это и так, а сейчас, когда их нет, чего вы, правоверные, воюете? — так и хотелось мне спросить, когда уже в марте 1989 года под Джелалабадом военная обстановка обострилась до такой степени, что, казалось, вот еще чуть-чуть, и этот город, и вся провинция выйдут из-под контроля центрального правительства, когда такие военные обострения будь то на дороге через Саланг или на других магистралях, будь то в других провинциях страны стали попросту нормой жизни, явлением рутинным и не вызывающим удивление. Вопрос мой оставался риторическим, ведь война продолжалась. Остановить войну никакими вопросами нельзя, ведь война — это не воп-

* В ночь на 27 сентября 1996 г. талибы захватили Кабул. Бывший президент Афганистана Наджибулла казнен без суда и следствия (*авт.*).

рос, она — уже ответ на заданные, но нерешенные вопросы.

Итак, КОГДА «ШУРАВИ» УШЛИ, ВОЙНА НЕ ПРЕКРАТИЛАСЬ. Она и не могла прекратиться, ведь не одни же советские войска ее начали. И ссылки на Апрельскую революцию, когда-то порушившую вековое спокойствие страны, тоже не всегда полностью отражают истину, ведь Гульбuddin Хекматъяр, Ахмад Шах Масуд, да и другие фигуры рангом ниже, ставшие известными полевыми командирами в годы советского военного присутствия, начинали свою карьеру возмутителей всеобщего спокойствия задолго до Апреля 1978 года и выступали против любой центральной власти от короля до Мухаммеда Дауда, от Нур Мухаммеда Тараки до Наджибуллы, а война дала равные возможности почти каждому полковому командиру стать известным и сильным.

Продолжая войну, истощив для ее ведения немалые ресурсы, каждый из командиров в отдельности так и не достиг своей цели по большому счету, ведь у каждого из них эта цель, если отменить пропагандистскую шелуху, была чисто личной и только ему одному казавшейся единственно разумной и правильной. Не добившись своего, каждый из командиров, ранее состоявших в оппозиции режиму официального Кабула, стал искать новые возможности и ресурсы для продолжения войны. Где их искать и откуда брать — каждый решал для себя этот вопрос по-своему, но и общий ответ здесь обозначился достаточно ясно — на стороне, вопрос в другом — на какой стороне? Как правило, на чужой стороне, т. е. на чужих территориях. Отсюда и расширение районов боевых действий на север — в сторону Таджикистана, Узбекистана, в свое время носивших название советские.

НЕЗАВЕРШИВШАЯСЯ В АФГАНИСТАНЕ ВОЙНА СТАЛА РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ НА СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ЗЕМЛИ, втягивая в свою орбиту бывшие территории бывшего Советского Союза, становясь не гражданской войной уже, а войной между сопредельными государствами. Судить о том, хорошо это или плохо, можно только в соотносении боевых действий с намерениями сторон, но и без этого война ostается войной, и всякая война едва ли ког-

да-то приближала всеобщее благоденствие любой из сторон, в ней участвующей...

Распространяясь по лику земли, афганская война не прекратилась на территории Афганистана. С приходом к власти в стране нового правительства Раббани война не остановилась, спокойствия в стране не прибавилось. Также продолжают обстрелы городов, также исключительно с позиций силы решают свои вопросы командиры противоборствующих сторон в этой войне. А самое главное — мир в стране гор и легенд, Афганистане, также далек от воцарения, как и в день полного вывода советских войск из страны. Голод, холод, разруха, болезни, лишения — все это стало уделом многострадального народа. И только ли советский солдат в том виноват?

Оставшись один на один со своей войной, народ в этой стране со временем найдет пути для ее прекращения, только сколько еще дней, месяцев и лет продолжаться афганскому аду?

Война на территории Афганистана из «необъявленной» стала превращаться в войну расползающуюся, войну, переливающуюся через некогда дружественные границы. И не только через границы сопредельные, но и расположенные неблизко друг от друга.

Наемники из числа афганских повстанцев-моджахедов стали появляться и в зоне вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе, их немало и в Чечне, а сколько их на таджикско-афганской границе...

Для многих наших ребят война, казалось бы, закончилась. Но это только — «казалось бы», ведь у молодых, здоровых и полных жизненных сил парней жизнь в причудливых зигзагах перестройки сложилась весьма поразному и совсем неодинаково: кого-то жизнь толкнула на вольные хлеба рэкета, «бизнеса», челноков и перекупщиков, других, змий или того хуже — наколола игла, и только немногие смогли полностью адаптироваться в новой жизни к новым условиям быстроменяющейся ситуации...

Труднее всего пришлось тем ребятам, которые вернулись с той нигде и никому не объявленной войны ранеными, контужеными, и, по сути дела, оставшимися один на один со своей физической и душевной бедой. Конечно, есть, были и будут у многих

жены, матери, отцы, поддерживавшие и поддерживающие ребят в горькую минуту боли и не дающие им упасть. Но каждому ли такое счастье улыбнулось? У каждой ли жены хватило сил перенести вместе со своим мужем такую боль, разделить ее и не сломаться? А сколько матерей, взявши на себя сыновью беду, так и будут наравне с больным сыном страдать от этой войны?

И как немало среди «афганцев» тех, с кем судьба обошлась еще более жестоко, и для такого жестокого обхождения судьба избрала таких, кто продолжал верить, что война — их главное жизненное призвание и предназначение, что кроме жизни на войне, другой жизни нет и не бывает. Таких судьба разбросала по горячим точкам СССР, а потом уже — СНГ. Вот они порой и сходятся вновь по разные линии фронта в горячих точках снова, бывшие моджахеды Афганистана и наши «афганцы». Сколько этих точек есть и, не приведи Господь, будет.

Долго еще будет саднить души людские боль, пришедшая с афганской войны, не скоро пройдет она, может быть, останется навечно, пока живы те, кому эта боль досталась. Как угодно назови эту боль, афганским ли синдромом, фантомной ли болью утраты, но она будет — память дана людям не только на радость, но и на горе.

Живыми, вечно молодыми и любимыми останутся в памяти своих матерей и отцов, братьев и сестер, жен и детей погибшие, те, кто из Афганистана вернулся в «Черном тюльпане» горьким «грузом 200» в землю родную навеки залечь... На родной земле нашли свой вечный покой ребята, цвет и украшение нации, верившие, что на чужой земле они сражаются за счастье своей Родины. Верившие Родине как матери, они отнюдь не были простодушными, доверчивыми или наивными, они были настоящими Солдатами, и не вина Солдата, что таковой оказалась его судьба. Память объединяет сегодня всех, о ком эта Книга Памяти написана — о погибших, и для кого написана — для живых.

Рукописи, а стало быть и книги, из них появившиеся, не горят, остаются навеки, значит вечной остается и Память, запечатленная в Книге «Не дай, Отчизна, умолчать...».

И спустя те же семь лет, то есть 15 февраля 1996 года, генерал-лейтенант в отставке В. П. Черемных делится с нами размышлениями О ДОЛГЕ И ЧЕСТИ ВОИНСКОЙ:

«На мою долю выпала нелегкая, но праведная судьба — быть защитником своего Отечества. В 1943—45 годах, проходя службу в пехоте, я испытал все, что только могло быть на самой-самой передовой, и прошел путь от Северного Кавказа до Праги. Трижды был ранен. После Отечественной войны приходилось принимать участие в конфликтах, связанных с применением оружия, а в 1980 году получил назначение Первым заместителем-начальником штаба Главного военного советника и одновременно советником начальника Генерального штаба афганских вооруженных сил. Кроме того, с осени 1980 года, когда Оперативная группа Министерства обороны СССР убыла из Кабула в Москву, на меня возложили ряд обязанностей, которые выполнял С. Ф. Ахромеев, в ту пору — генерал армии. В Афганистане мне довелось быть в гуще событий страны два с половиной года.

Думаю, с чистой совестью могу судить о доблести и достоинствах нашего Солдата. Стойкие в нравственном отношении, неприхотливые и выносливые, исконно наделенные смекалкой, преданные своим командирам (заметим, кстати, нестоящие командиры на передовой не задерживались), постоянно готовые пойти на выручку своим товарищам — именно такими представляются мне наши советские солдаты. И в этом просматриваются традиции преемственности. Понятие о долге и чести воинской передавалось от поколения к поколению во славу нашего государства.

В организме армии роль сердца выполняет офицерский корпус. Усилиями лучших представителей нашего офицерского корпуса была создана богатая традициями школа воинского воспитания. Характерными ее особенностями были патриотизм, гуманность, высокое чувство долга, сознательное отношение к ратному труду и другие нравственные качества, без которых не мыслится настоящий, самоотверженный защитник Отечества.

В Афганистане советские солдаты, сержанты и офицеры честно выполняли свой долг; не их вина, что политические лидеры того периода допустили крупные просчеты. В ходе боевых действий наши воины вели себя храбро, достойно и по-человечески. Отряды моджахедов избегали прямых столкновений. Полевые командиры понимали, что против «шурави» устоять невозможно. Были достойные сожаления факты со стороны наших солдат, но крайне редко, а вот шум вокруг этого кому-то выгодно было поднимать. К сожалению, в нынешнее время среди определенной части интеллигенции просматривается пренебрежение к армии, кое-где наши молодые граждане воспитываются в полном невежестве к познанию ее сути.

Образно выражаясь, армия — это дуб, защищающий Родину от бурь, корни дуба

живут соками от народа, и в свою очередь дуб оберегает его. Пока 40-я Армия находилась в Афганистане, правительство Бабрака Кармаля—Наджибуллы контролировало провинциальные и ряд уездных центров, а после февраля 1989 года это правительство рухнуло через три года.

Прошло семь лет после вывода 40-й Армии, а Гражданская война в Афганистане продолжается. Простые люди этой многострадальной земли не забудут самоотверженность наших советских солдат во имя блага афганского народа, ибо они мудрее, чем политические лидеры.

Наши солдаты — это совесть своего народа. Я преклонялся и буду преклоняться до конца своих дней перед Российскими Солдатами».

**Память жива.
И чувства наши — в Книге Памяти,
от страницы к странице...**

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

АМИН ХАФИЗУЛЛА - афганский государственный и политический деятель. В ряды НДПА вступил в 1966 году, член ЦК НДПА - с 1977 года. С марта 1979 года — премьер-министр ДРА, с 16 сентября этого же года — генеральный секретарь ЦК НДПА. Погиб 27 декабря 1979 года при штурме подразделениями КГБ СССР дворца «Топайи—Таджбек».

АХРОМЕЕВ С. Ф. — маршал Советского Союза. Будучи Первым зам. начальника Генштаба ВС СССР, находился в 1979—1982 гг. в составе Оперативной группы МО СССР в Афганистане. В 1984-1988 гг. - начальник Генштаба ВС СССР, в последующие годы — советник Президента СССР.

АХМАД ШАХ МАСУД, таджик, член «Исламского общества Афганистана». Окончил 12 классов лицея «Омаршахид» (быв. «Надирия») в Кабуле, два курса Инженерного факультета Кабульского университета (1974). С 1979 года возглавил основную группировку моджахедов в ущелье Панджшер. С 1992 г. — министр обороны в правительстве Б. Раббани.

БАБРАК КАРМАЛЬ — афганский государственный и политический деятель. Один из основателей НДПА, лидер фракции «Парчам». После т. н. «Апрельской революции» — зам. председателя Ревсовета ДРА, с августа 1978 года — посол ДРА в ЧССР, затем находился в эмиграции, опасаясь расправы со стороны Амина. После ввода 40 Армии в Афганистан — до 1986 г. генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Ревсовета ДРА и до 1981 года премьер-министр республики. В 1986 году был освобожден от занимаемых должностей и находился в Советском Союзе. В июне 1991 года возвратился в Афганистан.

ВАРЕННИКОВ В. И. генерал армии. Будучи Первым зам. начальника Генштаба ВС СССР, одновременно выполнял обязанности руководителя представительства Минобороны СССР в Афганистане с 1985 г. и до 15 февраля 1989 г. Последним из военачальников покинул г. Кабул.

ГОРЕЛОВ Л. Н., генерал-лейтенант. В 1979—1979 гг. был Главным военным советником в ДРА.

ГРОМОВ Б. В., генерал-полковник. Окончил ЛВОКУ (1965), Военную академию им. Фрунзе (1972), Военную академию Генштаба (1984). Службу в Афганистане проходил в должностях начальника штаба 108 мед, командира 5 мсд, представителя Генштаба в ДРА, командующего 40 Армией.

ГУЛЬБУДДИН ХЕКМАТЬЯР - основатель «Исламской партии Афганистана», пуштун. Окончил лицей «Ширхан» (г. Кундуз), учился на инженерном факультете Кабульского университета. В 1975 году предпринял неудачную попытку поднять вооруженное восстание против правительства М. Дауда. Эмигрировал в Пакистан, где на базе экстремистской фракции «Братья-мусульмане» создал «Исламскую партию Афганистана». Находится в оппозиции к правительству Раббани, хотя обе стороны предпринимают усилия прийти к примирению.

ЕРМАКОВ В. Ф., генерал-полковник. В 1982-1983 гг. — командующий 40 Армией, в последующие годы — командующий войсками Ленинградского военного округа, зам. министра обороны СССР. После событий августа 1991 года уволен из кадров Вооруженных сил.

КАБИР (КАРВАНИ) МУХАММЕД - афганский военачальник, в 1980 г. — командир 2 армейского корпуса (г. Кандагар), с 1981 года был заместителем министра обороны — начальником Главной инспекции, представитель фракции «Хальк».

КАДЫР АБДУЛ, выходец из семьи скотовода-кочевника. Окончил Кабульское военное училище, Киевское военное инженерное училище, после чего проходил переподготовку в г. Фрунзе. Перед переворотом 1973 г. служил в Шиндане в должности зам. командира авиационного полка. В сентябре 1977 г. назначен начальником штаба ВВС и ПВО. Активный участник т. н. «Апрельской революции». В августе 1978 года арестован по обвинению в заговоре против Тараки—Амина. Освобожден из тюрьмы 28 декабря 1979 года и назначен зав. отделом обороны и юстиции ЦК НДПА. С 1982 года — министр обороны ДРА. В последующем — посол ДРА в Польше.

КЕШТМАНД, СУЛТАН АЛИ, выходец из бедной семьи, по национальности — хазареец. В 1960 г. окончил экономический факультет Кабульского университета. Один из основателей НДПА, на учредительном съезде партии в 1965 году избран членом ЦК НДПА. После раскола партии в 1967 году входил в состав фракции «Парчам». После победы т. н. «Апрельской революции» назначен министром планирования. В августе 1978 года арестован по обвинению в антиправительственном заговоре. Освобожден из тюрьмы 28 декабря 1978 года, избран членом политбюро ЦК НДПА, зам. председателя Президиума Ревсовета и назначен зам. премьер-министра и министром планирования правительства ДРА. В последующем — премьер-министр правительства ДРА (1981—1988). После вывода 40 Армии из Афганистана Кештманд возглавлял Исполнительный комитет Совета министров.

МАГОМЕТОВ С. К., генерал-полковник. С ноября 1979 года до августа 1980 года — Главный военный советник в ДРА.

МАЙОРОВ А. М. генерал армии. Будучи Первым зам. Главнокомандующего Сухопутными войсками, одновременно с августа 1980 года до ноября 1981 года — Главный военный советник в ДРА.

МАРГЕЛОВ В. Ф. генерал армии. В 1954-1959 и 1962—1979 гг. командовал Воздушно-десантными войсками.

НАДЖИБ, пуштун, его отец был племенным вождем. В связи с избранием Президентом ДРА - с ноября 1987 г. - НАДЖИБУЛЛА. Окончил медицинский факультет Кабульского университета, несколько лет работал врачом. Член НДПА с момента ее основания, принадлежал к фракции «Парчам». После свержения Амина

назначен начальником службы государственной информации, введен в состав ЦК НДПА и Ревсовета ДРА. С мая 1986г. — генеральный секретарь ЦК НДПА, в октябре 1987 г. избран председателем Ревсовета ДРА, в ноябре этого же года — Президентом республики. В апреле 1992 года оставил свой пост. Казнен без суда и следствия 27.09.96 г.

ОГАРКОВ Н. В., маршал Советского Союза. С 1974 г. — начальник Генерального штаба ВС СССР, с 1984 по 1990 г. - Главком Ставки западного направления.

ПАВЛОВСКИЙ И. Г., генерал армии. С 1967—1979 гг. — Главнокомандующий Сухопутными войсками — зам. министра обороны СССР.

ПАНКРАТОВ В. М., генерал-лейтенант. В 1980—1981 гг. начальник штаба 40-й Армии.

ПЕТРОВ В. И., маршал Советского Союза. В 1980—1984 гг. Главнокомандующий Сухопутными войсками — зам. министра обороны СССР.

ПОНОМАРЕВ Б. Н. — советский партийный деятель. Дважды (1978 и 1979 гг.) неофициально посещал Афганистан.

ПУЗАНОВ А. М. в 1972-1979 гг. - чрезвычайный и полномочный посол СССР в Афганистане.

РАББАНИ БУРХАНУДДИН - профессор теологии. Руководитель «Исламского общества Афганистана», по национальности — таджик. Окончил Кабульский теологический лицей, теологический факультет Кабульского университета. Каирский университет Аль-Азхар. В 1973 г. Раббани разошелся во взглядах с Гульбуддином Хекматъяром по вопросу вооруженного выступления против режима и, опасаясь ареста, в 1975 году выехал в Пакистан, где и приступил к созданию «Исламского общества Афганистана». В настоящее время — Президент Афганистана.

РАТЕБЗАД АНАХИТА — афганский государственный и партийный деятель. Окончила медицинский факультет Кабульского университета. Участвовала в основании НДПА (1965), после ее раскола примкнула к фракции «Парчам». После т. н. «Апрельской революции» — министр по социальным вопросам. С мая 1978 г. — посол ДРА в Югославии, затем в эмиграции. С 1980 года член политбюро ЦК НДПА и Ревсовета ДРА, пользовалась полным доверием Бабрака Кармаля.

РАФИ МУХАММЕД — афганский государственный и военный деятель, сторонник фракции

«Парчам». Окончил лицей и военное училище в Кабуле, продолжил образование в Чехословакии. В 1981—1982 гг. учился в Военной академии Генштаба ВС СССР. Активно участвовал в перевороте 1973 г. и т. н. «Апрельской революции» 1978 г. После Апрельской революции — министр общественных работ. В августе 1978 года обвинен в антиправительственном заговоре и осужден на 12 лет тюремного заключения. 28 декабря 1979 года освобожден из тюрьмы и назначен министром обороны ДРА, затем зам. премьер-министра (1983—1986), снова министр обороны (1986-1988).

РЯБЧЕНКО И. Ф., генерал-лейтенант запаса. В Афганистане с декабря 1979 по август 1981 года — командир 103 воздушно-десантной дивизии.

САЛМАНОВ Г. И. (1922), генерал армии (1979), в Афганистане непродолжительное время был Главным военным советником.

СОКОЛОВ С. Л., маршал Советского Союза. Будучи Первым зам. министра обороны СССР, возглавлял в Афганистане Оперативную группу Министерства обороны СССР в 1979—1982 гг. В последующем — министр обороны СССР (1984—1987).

СТЕФАНОВСКИЙ Г. А., генерал-полковник. В годы афганской войны — член Военного совета — начальник политуправления Туркестанского

военного округа, в состав которого входила 40 Армия.

ТАРАКИ НУР МУХАММЕД - афганский государственный и политический деятель. Выходец из пуштунского племени таракы. Основатель Народно-демократической партии Афганистана (1965). После т. н. «Апрельской революции» председатель Ревсовета ДРА и премьер-министр. В октябре 1979 года зверски убит сторонниками Амина.

ТАРУН САИД, главный адъютант, начальник канцелярии главы государства, ближайший друг Х. Амина. Погиб при перестрелке в Дворцовом комплексе Кабула (сентябрь 1979 г.) при невыясненных обстоятельствах.

ТКАЧ М. И. — генерал-лейтенант. В Афганистане — Первый заместитель командующего 40 Армией и командующий этой армией (1979—1982).

ТУХАРИНОВ Ю. В. — генерал-лейтенант, командующий 40 Армией (1979—1981).

ЯКУБ МУХАММЕД, полковник. После т. н. «Апрельской революции» командир полка республиканской гвардии (с мая 1978 г.), затем — начальник Генштаба ВС ДРА. Сторонник Х. Амина. Убит 27 декабря 1979 года в своем кабинете представителем крыла «Парчам».

ЛИТЕРАТУРА

Афганистан болит в моей душе... Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. Литературная запись П. Ткаченко. М., Молодая гвардия, 1990.

Афганская война: как это было. М., Планета, 1991.

Афганские звезды. Песни. М., Патриот, 1991.

Боровик А. Афганистан: еще раз про войну. М., Международные отношения, 1990.

Бочаров Г. Горячие секунды жизни. М., Молодая гвардия, 1980.

Варенников В. И. Судьба и совесть. М., 1993.

Верстаков В. и др. Группа специального назначения. Сб. авторских песен воинов-афганцев. 1991.

Выполняя интернациональный долг. М., Политиздат, 1986.

Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., Прогресс, Культура, 1994.

Душа полна тобой. Хабаровск, Кн. изд-во, 1974.

Дынин И. М. После Афганистана. «Афганцы» в письмах, документах, свидетельствах очевидцев. М., Профиздат, 1990.

Звезда над городом Кабулом. М., Молодая гвардия, 1990.

Из пламени Афганистана. Сб. стихов. М., Сов. Россия, 1990.

Конаровский М. Страна гор и легенд. М., Наука, 1979.

Никто не создан для войны. М., Молодая гвардия, 1990.

Рассказы, очерки, стихи. М., Сов. писатель, 1991.

Сборник песен неизвестных авторов. М., 1991.

Стефановский Г. А. Пламя афганской войны. М., Воениздат, 1993.

Устинов Г. Смена эпох. М., Известия, 1988.

Филиппов А. Трудный путь в будущее. М., Наука, 1989.

Хуберт Кушник. Афганистан глазами очевидца. М., Прогресс, 1982.

Черемных В. П. Афганистан глазами мушавера. Л., 1990.

Черемных В. П. Кто блефовал? Сцены из афганской трагедии. Санкт-Петербург, 1994.

Черемных В. П. Не по сценарию Москвы. Афганистан. Первые годы трагедии. Санкт-Петербург, Клинт, 1995.

Черемных В. П. Спецрейс из Кабула. Повесть. Санкт-Петербург, 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	6
Рабочая группа Книги Памяти благодарит.	8
Пролог трагедии. 1978—1979.	11
1980.	20
Альметов Ринат Фидаилович.	33
Романов Николай Александрович.	35
Малахов Александр Николаевич.	38
Смирнов Сергей Викторович.	41
Шмагнов Сергей Викторович.	43
Заводин Владимир Юрьевич.	47
Корсунский Александр Викторович.	55
Агеев Николай Леонидович.	57
Мокеев Виктор Петрович.	60
Чечетенко Александр Павлович.	63
Евсина Нина Ивановна.	67
1981.	72
Романов Юрий Александрович.	80
Мокрецов Виктор Анатольевич.	83
Денисов Юрий Александрович.	87
Иванов Николай Викторович.	90
1982	92
Угаров Николай Александрович.	95
Шустов Михаил Иванович.	97
Алексеев Василий Александрович.	99
Юропов Олег Николаевич.	102
Грудинкин Юрий Васильевич.	105
Трусов Александр Евгеньевич.	108
Понин Виктор Михайлович.	110
Иванов Анатолий Михайлович.	116
Налимов Петр Петрович.	118
Лушников Геннадий Анатольевич.	120
Евсеев Юрий Викторович.	122
Муратов Василий Егорович.	126
Макаров Сергей Владиленович.	127

1983.	134
Агафонов Валерий Викторович	136
Гальвас Петр Гугович	141
Петелин Владимир Анатольевич	144
Крылов Виктор Николаевич	147
Васильев Андрей Дмитриевич	149
Колпаков Валерий Прокопьевич	151
Никитин Владимир Борисович	153
Ероменок Николай Иванович	155
Землянский Павел Максимович	157
Лотиев Владимир Георгиевич	161
Александров Леонид Леонидович	168
Горяев Андрей Валентинович	172
Баландин Александр Иванович	174
Зуевский Сергей Иванович	178
1984.	180
Чипчев Вячеслав Владимирович	182
Козлов Николай Петрович	186
Владимиров Виктор Алексеевич	189
Комов Олег Викторович	193
Рыбкин Петр Сергеевич	197
Садовников Владимир Валентинович	201
Сабуров Сергей Борисович	204
Саранцев Сергей Николаевич	207
Королев Николай Васильевич	209
Лайус Валерий Владимирович	211
Филиппов Николай Валентинович	213
Перескоков Андрей Владимирович	215
Афонин Владимир Анатольевич	218
Николаев Анатолий Викторович	221
Колпачков Николай Александрович	223
Орлов Андрей Викторович	225
Громов Сергей Геннадьевич	226
Прохоров Сергей Павлович	228
Калинин Андрей Геннадьевич	235
1985.	245
Локотьянов Сергей Валентинович	247
Громов Сергей Васильевич	250
Григорьев Герман Геннадьевич	254
Яблоков Эдуард Юрьевич	259
Меркушев Александр Владимирович	263
Ремизов Александр Африканович	267
Антонович Николай Иванович	270
Косяк Николай Владимирович	274
Капустина Нина Владимировна	276
Богатыревич Олег Арсентьевич	280

1986.	283
Дуев Николай Николаевич.	286
Севальнев Олег Витальевич.	288
Эйнорис Виктор Брониславович.	291
Богданов Сергей Вадимович.	295
Волков Алексей Борисович.	300
Яструбенко Николай Николаевич.	302
Талеронок Александр Иванович.	311
Ганжуров Игорь Алексеевич.	316
Мрачко Олег Юрьевич.	319
1987.	323
Снарский Константин Иванович.	328
Борышнев Роман Александрович.	332
Косенко Анатолий Васильевич.	337
Мельников Сергей Иванович.	340
Беккерат Анатолий Александрович.	343.
Кучеров Владимир Алексеевич.	346
Митрофанов Леонид Владимирович.	348
1988.	351
Мотынга Игорь Анатольевич.	355
Дорофеев Алексей Васильевич.	362
Гусаров Юрий Леонидович.	367
1989.	373
Щеняев Александр Петрович.	375
Матаков Олег Борисович.	383
Когда «шурави» ушли.	389
Указатель имен.	404
Литература.	407

БУДЕТ ПАМЯТНИК В ПАРКЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

Для увековечения памяти воинов-интернационалистов, погибших в Афганистане, будет воздвигнут Памятник. Этот памятник сооружается по инициативе родных и близких при содействии «Объединения семей воинов, погибших в Республике Афганистан, г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области».

Автор проекта — скульптор Н. А. Гордлевский при участии архитектора Н. А. Тарасовой. Главный конструктор — Б. И. Булыгин.

Памятник будет установлен в парке Интернационалистов (район пересечения пр. Славы и ул. Бухарестской), где ныне — Закладной камень.

Сооружение памятника погибшим воинам — наш долг перед ними.

«Объединение семей воинов, погибших в Республике Афганистан, г. С.-Петербурга и Ленинградской области» зарегистрировано Управлением юстиции г. С.-Петербурга 28 апреля 1993 г. за № 1429 как общественное объединение.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

***Рабочая группа Книги Памяти
приносит свои извинения
родным и близким погибших и умерших
за не всегда полные сведения о воинах-афганцах
и за возможные неточности.
Дополнения, уточнения и замечания
просим направлять по следующим адресам:***

***187710 г. Лодейное Поле, Ленинградская область,
ул. Пограничная, д. 13, корп. 1, кв. 33***

***Автору-составителю Книги Памяти
КАЛАШНИКОВОЙ НАДЕЖДЕ МАТВЕЕВНЕ.***

***187740 г. Подпорожье, Ленинградская область,
ул. Валерии Гнаровской, д. 16, кв. 3, клуб «Память
ПРОХОРОВОЙ НИНЕ ИВАНОВНЕ.***

**НЕ ДАЙ,
ОТЧИЗНА,
УМОЛЧАТЬ...**

КНИГА ПАМЯТИ

**АФГАНИСТАН
1979—1989**

**Технический редактор Г. В. ПРЕСНОВА
Начальник компьютерного центра Т. И. МЕДВЕДЕВА
Компьютерное оформление Р. А. БЫСТРОВОЙ
Корректоры: Г. П. БЫСТРОВА, Л. В. МЕЗЕНЦЕВА,
Н. Б. СТАРОСТИНА**

Лицензия Мининформпечати РФ ЛР № 040511 от 29.07.92.

Сдано в набор 07.08.96. Подписано к печати 23.12.96.
Гарнитура журн.-рубленая и литературная.
Формат 84х108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 36,4. Тираж 10 000 (2-й завод — 5000) экз.
Заказ № 478.

Издательско-полиграфический комплекс «Вести»
193311, С.-Петербург, ул. Смольного, д. 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ордена Трудового Красного Знамени ПП «Техническая книга»
Комитета Российской Федерации по печати,
198052, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

Н 42 **Не дай, Отчизна, умолчать...** Книга Памяти. Афгани-
стан. 1979—1989. Автор-составитель К. М. Калашникова.
С.-Пб., ИПК «Вести», 1997—410 с., илл.

ISBN 5-86153-043-2